

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Стручкова Яна Васильевна

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ
ЯКУТСКИХ ОРЕНИМОВ
(В СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ)**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Невская Ирина Анатольевна

Новосибирск – 2025

Оглавление

Введение	5
ГЛАВА 1. МЕСТО ОРОНИМА В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС	28
1.1 Оронимика как раздел топонимики	29
1.1.1 Топонимика как наука о географических названиях	29
1.1.2 Понятие оронима.....	42
1.2 Апеллятивы, указывающие на тип и разновидность орографических объектов.....	54
1.2.1 Место орографических апеллятивов в составе оронимов	54
1.2.2 Физико-географические особенности Якутии как экстралингвистическая основа оронимики	63
1.3 История изучения тюркских и якутских оронимов.....	72
1.3.1 История изучения тюркских оронимов.....	72
1.3.2 Состояние изученности якутских оронимов	82
1.3.3 Типологии тюркских оронимов	89
Выводы по Главе 1.....	106
ГЛАВА 2. ЯКУТСКИЕ ОРОГРАФИЧЕСКИЕ АПЕЛЛЯТИВЫ В СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ.....	109
2.1 Сравнительно-сопоставительный анализ орографических апеллятивов, участвующих в образовании якутских оронимов	109
2.1.1 Апеллятивы общетюркского происхождения	112
2.1.2 Апеллятивы – заимствования из монгольских языков	180
2.1.3 Апеллятивы – заимствования из тунгусо-маньчжурских языков.....	222
2.1.4 Апеллятивы – заимствования из юкагирского языка	232
2.1.5 Апеллятивы – заимствования из русского языка	233
2.1.6 Апеллятивы без выявленных соответствий	235
2.2 Сравнительно-сопоставительный анализ якутских и алтайских орографических апеллятивов.....	239
Выводы по Главе 2.....	251

ГЛАВА 3. ТИПОЛОГИЯ ЯКУТСКИХ ОРОНИМОВ	258
3.1 Структурно-словообразовательные типы якутских оронимов в сравнительно-сопоставительной перспективе	259
3.1.1 Однокомпонентные оронимы	261
3.1.1.1 Однокомпонентные оронимы без топоформантов	262
3.1.1.2 Однокомпонентные оронимы с топоформантами	269
3.1.2 Многокомпонентные оронимы	284
3.1.2.1 Двух- и трехкомпонентные терминированные оронимы	284
3.1.2.2 Двух- и трехкомпонентные нетерминированные оронимы	304
3.1.3 Сравнительная характеристика структурно-словообразовательных типов якутских и алтайских оронимов	312
Выводы по разделу 3.1	318
3.2 Лексико-семантические типы якутских оронимов в сравнительно- сопоставительной перспективе	324
3.2.1 Названия, отражающие физико-географические особенности орографических объектов и окружающей их среды	326
3.2.1.1 Оронимы с гидрографической лексикой	328
3.2.1.2 Оронимы с тельмографической лексикой	334
3.2.1.3 Оронимы с фитонимической лексикой	337
3.2.1.4 Оронимы с зоонимической лексикой	347
3.2.1.5 Оронимы с качественными характеристиками	355
3.2.1.6 Оронимы с числовыми характеристиками	370
3.2.2 Названия, связанные с материально-хозяйственной и духовной деятельностью человека	371
3.2.2.1 Оронимы со скотоводческой лексикой	373
3.2.2.2 Оронимы с оленеводческой лексикой	382
3.2.2.3 Оронимы с охотничьей лексикой	385
3.2.2.4 Оронимы с рыболовной лексикой	390
3.2.2.5 Оронимы с названиями мест стоянок	393
3.2.2.6 Оронимы с названиями построек и сооружений	396

3.2.2.7	Оронимы с бытовой лексикой.....	401
3.2.2.8	Оронимы с сакральной лексикой.....	404
3.2.2.9	Оронимы, содержащие антропонимы.....	410
3.2.3	Сравнительный анализ лексико-семантических типов якутских и алтайских оронимов.....	413
	Выводы по разделу 3.2.....	420
	Заключение.....	423
	Список литературы.....	435
	Список словарей.....	461
	Список интернет-ресурсов.....	470
	Список основных источников на якутском языке.....	471
	Список сокращений и условных обозначений.....	472
	Приложения.....	476
	Приложение 1. Словарь якутских орографических апеллятивов.....	476
	Приложение 2. Анатомическая и бытовая лексика в якутской оронимии	508
	Приложение 3. Лексико-семантические группы малопродуктивных оронимических проприальных компонентов	516
	Приложение 4. Словарь якутских оронимов, использованных как иллюстративный материал в тексте диссертации.....	533
	Приложение 5. Список информантов.....	555

Введение

Актуальность исследования. В отечественном языкознании на протяжении последних десятилетий наблюдается устойчивый интерес к региональным топонимическим исследованиям. Региональные топонимиконы представляют собой неотъемлемую часть топонимического пространства Российской Федерации и обладают уникальностью и неповторимостью. Данная работа посвящена изучению якутских оронимов Республики Саха (Якутия), что входит в круг исследований по региональной топонимике.

Якутия является самым большим регионом Российской Федерации. Согласно данным Государственного каталога географических названий (далее – ГКГН), на территории республики выявлено наибольшее количество географических названий объектов по сравнению с другими регионами. По состоянию на конец 2022 г. в реестре ГКГН зарегистрировано 66 226 записей¹. По мнению многих исследователей, учитывая обширность территории и большое количество географических названий, топонимия Республики Саха занимает важное место в топонимии России [Дамбуев 2025: 40].

В рамках топонимики выделяются различные аспекты научного исследования, направленные на решение конкретных задач на основе анализа определенного топонимического материала. Исследователи выделяют три основных направления, которые в той или иной степени доминируют в специальных исследованиях по разным аспектам лингвистической науки [Корнева, Меньяйлова 2012]. В современной лингвистической науке можно выделить три направления топонимических исследований. Первое из них, общетеоретическое, закладывает фундамент дисциплины, определяя топоним как ключевую лексическую единицу и изучая универсальные законы его образования и функционирования [Никонов 2011; Хвесько 2019]. Развитием этого подхода стало

¹Для сравнения: в Красноярском крае, который занимает второе место в России по территории, зафиксировано 44 340 топонимов. В то же время в таких густонаселенных субъектах, как Москва и Московская область, число зарегистрированных географических названий составляет лишь 8406.

Ссылка: <https://cgkipd.ru/upload/iblock/7cc/o50oh9ohpw5qhoi3yubswe0y3cimy979.pdf>

сопоставительное изучение топонимических систем различных ареалов, целью которого является выявление как типологического сходства, так и национально-культурного своеобразия каждой из них [Самтакова 2013; Хамуркопаран 2017]. Второе направление, ономаσιологическое, смещает фокус на внутреннюю структуру имени. В его рамках проводится детальный анализ конкретных ареалов, где на первый план выходит выявление исконных и заимствованных топоформантов, моделирование словообразовательных типов и установление генетических пластов топонимикона [Жамсаранова, Шулунова 2003; Иванова 2005]. Третье направление, семасиологическое, напротив, ориентировано на внешние связи топонима. Исследования в этом русле нацелены на реконструкцию внутренней формы имени, выявление семантических связей между различными видами географических имен и описание принципов организации топонимикона как системы [Закиров 1991; Березович 1992]. В совокупности эти направления позволяют осуществить системное описание топонимии конкретного региона, рассматривая ее не как простой перечень названий, а как структурированную и исторически сложившуюся подсистему языка, отражающую культурные и исторические особенности его носителей.

Одна из актуальных задач топонимики, науки, изучающей географические названия, является изучение топонимов по типам обозначаемого объекта [Суперанская 1964; Мурзаев 1974; Молчанова 1982; Цветкова 2012а]. В зависимости от типа географического объекта выделяют разные типы топонимов: оронимы – собственные названия объектов рельефа земной поверхности (гор, хребтов, равнин, низменностей и т. д.), гидронимы – собственные названия водных объектов (рек, ручьев, озер, прудов и т. д.), ойконимы – собственные названия населённых пунктов (городов, сёл, посёлков, деревень и т. д.), дримонимы – собственные названия лесных участков (лесов, рощ, парков и их частей), урбанонимы – собственные названия внутригородских топографических объектов (площадей, улиц, шоссе, зданий и т. д.) и др. Несмотря на значительное количество работ, посвященных топонимии в целом, оронимическая система как целостный

объект, обладающий собственной структурной и семантической организацией остается недостаточно изученной.

Методологической основой для системного изучения оронимии в настоящем исследовании служит комплексный подход, базирующийся на четком разграничении понятий «ороним» (собственное имя объекта рельефа земной поверхности) и «орографический апеллятив» (нарицательное слово, обозначающее тип орографического объекта своим лексическим значением). Под оронимической лексикой понимается совокупность собственно оронимов и орографических апеллятивов, формирующих единую оронимическую систему, где орографические апеллятивы служат основой для образования оронимов. В связи с этим, оронимическая система исследуется как целостная подсистема топонимической системы, что предполагает анализ двух взаимосвязанных пластов: пласта орографических апеллятивов, образующих ее структурно-семантическое ядро, и пласта собственно оронимов, формирующихся на основе этого ядра по определенным словообразовательным и мотивационным моделям. Такой комплексный подход направлен на изучение всей оронимической лексики, что позволяет провести не только формально-структурный, но и мотивационно-семантический анализ географических названий, выявив их связь с мировоззрением и практической деятельностью народа.

При значительном количестве работ, посвященных топонимии в целом, якутская топонимическая система в ее полном объеме, и особенно ее оронимическая система, остаются одними из наименее изученных пластов лексики. В якутском языкознании представлены разные подходы к изучению топонимов: историко-этимологический [Иванов 2001; Zamorshchikova etc. 2022 и др.], структурно-семантический [Гриценко 1968; Монастырёв 1993; Меркель 2019 и др.], функциональный [Иванов 2014; Лебедева, Хохолова 2018; Самсонова 2023], культурологический [Николаев 2018; Лавренова, Филиппова 2019; Никаева 2022] и т. п. Несмотря на достигнутые успехи в изучении топонимии Якутии, нельзя не обратить внимание на то, что многие проблемы и вопросы якутской топонимики требуют дальнейшего развития и углубленного анализа. Очевидно, что

значительная часть территории Якутии остается топонимически не изученной. Для проведения сравнительно-сопоставительных, историко-лингвистических и типологических исследований необходимы топонимические исследования в разных районах Якутии. Детального рассмотрения требуют закономерности функционирования различных классов топонимической системы, таких как ойконимии, дримонимии, оронимии, урбанимии, хоронимии и др. Именно в области оронимики сохраняется наибольшее количество нерешенных вопросов. Ключевые вопросы, связанные со структурно-семантической типологией якутских оронимов, принципами их номинации и выявлением продуктивных моделей, остаются либо неисследованными, либо изученными крайне фрагментарно.

Следовательно, актуальность настоящего исследования определяется как тем, что многие аспекты якутских оронимов остаются малоизученными, так и тем, что в данной работе оронимия рассматривается не как совокупность разрозненных фактов, а как системно организованный подраздел лексического фонда, обладающий собственной терминологией, устойчивым набором орографических апеллятивов, своими структурно-словообразовательными моделями и семантическими закономерностями образования оронимов. Системное изучение якутской оронимии является необходимым условием для создания целостной картины якутской топонимической системы в целом.

Проведение данного исследования диктуется и общелингвистическими задачами. Одной из ключевых задач современной якутской лексикологии является детальное изучение недостаточно исследованных тематических и лексико-семантических групп, а также терминологии, отражающей различные аспекты жизни народа саха. В этой связи географические названия, и в особенности оронимы представляют исключительную ценность, поскольку консервируют в своем составе архаичную лексику и особенности разных периодов развития языка. Орографические термины, являясь наиболее древними и многочисленными, формируют основу топонимической системы ареала и сохраняют уникальные архаичные черты.

Важнейшим аспектом актуальности настоящей работы является ее сравнительно-сопоставительная направленность. В качестве объекта для сопоставления выбрана алтайская оронимия, что обусловлено следующими причинами.

1. Несмотря на значительную географическую удаленность и историческое развитие в условиях относительной изоляции, якутский язык сохраняет общетюркскую основу. Алтайский язык представляет одну из архаичных ветвей тюркской семьи, исторически сформировавшуюся в центре тюркского мира, в регионах интенсивных межэтнических контактов. Сопоставление этих двух языковых ареалов позволяет с высокой степенью достоверности выявить общетюркские архетипические черты (устойчивые элементы, сохранившиеся в обоих ареалах), якутские инновации (черты, развившиеся в условиях изоляции) и заимствования (элементы, проникшие в якутский язык из других языковых семей).

2. Алтай представляет собой классический горный регион, а Якутия – равнинное пространство Крайнего Севера. Это основное различие экстралингвистических факторов номинации создает уникальную исследовательскую модель для выявления влияния природной среды на формирование оронимической системы. Сравнение позволяет установить, какие мотивационные признаки универсальны для тюркской оронимики, а какие обусловлены спецификой ландшафта, а также выявить процессы адаптации общетюркской лексики к новым географическим условиям, показывая, как универсальные тюркские модели наполняются специфическим содержанием в якутской оронимии.

3. Оронимия Алтая является одной из наиболее полно и системно описанных в тюркологии, главным образом благодаря фундаментальным трудам О. Т. Молчановой [1968, 1979, 1982, 2018]. Наличие качественно описанного и научно интерпретированного материала по алтайской оронимии является ключевым практическим условием для проведения релевантного сравнения. Это позволяет опираться на проверенные данные и проводить анализ по сходной методике, обеспечивая сопоставимость результатов.

4. Согласно данным сравнительно-сопоставительных исследований, по количеству выявленных лексических параллелей из всех тюркских языков наиболее близкими к якутскому являются киргизский и алтайский языки [Левин 2013]. Данный количественный показатель объективно подтверждает, что выбор алтайской оронимии в качестве сравнительной базы является не произвольным, а наиболее релевантным с точки зрения лексической общности, что обеспечивает высокую степень достоверности получаемых результатов при сравнительно-сопоставительном анализе оронимических систем.

Выбор алтайской оронимии в качестве основы для сопоставления является результатом всестороннего исследования лингвистических, исторических, географических и практических факторов. Данный подход обеспечивает научную обоснованность, достоверность и репрезентативность проведенного сравнительно-сопоставительного исследования.

Следовательно, применение сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического подходов дает возможность выявить как специфические черты якутской оронимической системы, так и ее общие типологические характеристики с родственной алтайской оронимией. Благодаря этому, предлагаемое исследование служит фундаментом для дальнейших типологических, сравнительно-исторических и грамматических исследований в якутском языкознании [ЯРТемС 2023: 15].

Оронимы, являясь частью топонимической системы, представляют собой уникальные лингвокультурные знаки, что делает их важным компонентом языковой картины мира. Комплексный анализ оронимов позволяет получить ценные сведения об исторических, культурных, мифологических аспектах, а также о хозяйственном укладе и взаимодействии этноса с окружающей средой. Эти данные представляют значительный интерес для ряда смежных научных дисциплин, включая этнографию, историю и культурологию.

Актуальность исследования заключается и в необходимости безотлагательной фиксации, систематизации, изучения и сохранения в информационном поле лингвистов оронимической лексики якутского языка, так

как она находится под угрозой исчезновения в силу ряда причин социолингвистического и социоэкономического характера: демографические изменения, миграционные процессы и урбанизация населения приводят к разрушению традиционной культуры и исчезновению многих терминов топонимической системы и, как следствие, утрачивается возможность изучения их языковой специфики и языковой системы в целом. В условиях культурно-экологического стресса многие языки коренных народов, даже не экстремально малой численности, испытывают в различной степени реальную угрозу редуцирования сфер их функционирования. Помимо этого, как отмечают экологи, глобальное изменение климата влияет на состояние вечной мерзлоты в Республике Саха (Якутия): появляются впадины в почве, исчезают озера, деформируются дороги. Выпадают из хозяйственного использования территории – выходят из употребления и забываются географические названия, утрачиваются топонимические системы. Актуальность исследования также обусловлена антропогенным фактором, связанным с риском необратимой утраты топонимического материала. Носители традиционных знаний – представители старшего поколения, в чьей памяти сохранились аутентичные названия топонимических объектов, – являются основным источником этой информации. Усиливающаяся промышленная освоенность территории (добывающая отрасль, инфраструктурное строительство) также оказывает влияние на ландшафт, приводя не только к его физической трансформации, но и к исчезновению, переименованию или семантической трансформации географических объектов. В этой связи тщательная полевая фиксация, документация и последующая научная интерпретация якутского топонимикона приобретают характер неотложной задачи. Ее решение необходимо для сохранения бесценного пласта языковой и культурной памяти народа саха, а также для формирования корпуса достоверных данных для будущих лингвистических, исторических и культурологических исследований.

В этой связи неоценимы материалы, собранные предыдущими поколениями топонимистов Якутии. Еще до сих пор не был полностью систематизирован и введен в научный оборот объемный и ценный топонимический материал,

собранный основателем якутской ономастики М. С. Ивановым-Багдарыын Сүлбэ. В течение более 50 лет Багдарыын Сүлбэ осуществлял исследовательскую деятельность, охватывавшую практически все наслега улусов Якутии. В результате этой работы было собрано свыше 500 тыс. географических названий и более 50 тыс. якутских имен от более 2 тысяч информаторов. Итогом данной научной деятельности стала уникальная картотека по ономастике Якутии, которая является единственной в своем роде на территории Сибири и Дальнего Востока. Якутские исследователи акцентируют внимание на необходимости интеграции в научный оборот обширного массива этих данных. Они отмечают: «настало время подумать о том, как ввести в научный оборот богатейший материал, своевременно собранный и сохраненный Багдарыын Сүлбэ при жизни старшего поколения» [Монастырёв, Румянцева 2018: 101].

Объектом исследования является оронимическая лексика якутского языка, представленная корпусом орографических апеллятивов и собственно оронимов, функционирующих на территории Республики Саха (Якутия). **Предметом** исследования выступают структурные и семантические особенности якутских оронимов, а также состав, происхождение и семантика якутских орографических апеллятивов, выявленные в ходе сравнительно-сопоставительного анализа.

Цель исследования – комплексное структурно-семантическое описание оронимической лексики якутского языка, включающее: 1) анализ состава, семантики и этимологии орографических апеллятивов, 2) типологизацию собственно оронимов по структурным и семантическим признакам, и выявление специфики якутской оронимии в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. определить теоретико-методологические основы исследования: уточнить лингвистический статус оронима и место оронимии в топонимической системе, систематизировать существующие подходы к изучению тюркской оронимии;

2. выявить, систематизировать и описать систему орографических апеллятивов, формирующих якутскую оронимическую систему, определить особенности их употребления и роль в якутской оронимии;

3. провести сравнительно-сопоставительный анализ орографических апеллятивов для выявления их этимологии и установления пластов: общетюркского, заимствованного (монгольского, тунгусо-маньчжурского, русского);

4. выявить и охарактеризовать основные структурно-словообразовательные типы якутских оронимов;

5. определить и систематизировать основные лексико-семантические группы якутских оронимов, отражающую физико-географические особенности объектов и культурно-хозяйственную деятельность народа;

6. провести сравнительный анализ структурных и семантических моделей якутских оронимов с моделями алтайских оронимов для выявления общих черт и ареальной специфики.

Положения, выносимые на защиту

1. Якутская оронимическая лексика является системно организованным подразделом лексического фонда якутского языка, обладающим устойчивым набором орографических апеллятивов, а также особыми структурно-словообразовательными моделями и семантическими закономерностями образования собственно оронимов.

2. Система орографических апеллятивов в якутской оронимии, несмотря на ее тюркское происхождение (45,7 % от общего корпуса), подверглась значительному влиянию монгольского пласта (35 %), что свидетельствует о исторических контактах между якутским и монгольскими языками. Данное соотношение подтверждает генетическую принадлежность якутского языка к тюркской языковой семье, а также указывает на характер его лексического строя, формировавшегося на периферии тюркского ареала под длительным воздействием монгольских языков.

3. Установлено, что абсолютно уникальным пластом якутской оронимической системы являются апеллятивы, служащие для обозначения термокарстовых форм рельефа, не имеющие прямых лексических параллелей в родственных и неродственных языках. Высокая продуктивность апеллятивов и способность к образованию оронимов указывает на завершение процесса терминологизации и глубокую концептуализацию явлений криолитозоны в языковой картине мира якутов.

4. Метафорическая номинация рельефа в якутской оронимической системе представляет собой трехуровневую иерархическую систему, образованную антропоморфным, зооморфным и бытовым пластами, находящимися в отношениях функционального взаимодополнения. Установлено, что антропоморфная модель формирует ядро системы и грамматический каркас пространственных отношений, зооморфная модель детализирует и специализирует номинацию, а бытовая модель, занимая периферийное положение, обеспечивает культурно-обусловленную и образную специфику.

5. Якутская и алтайская оронимия представляют собой лингвистическое отражение адаптации этнических групп к различным природным условиям. Частотный анализ оронимов выявляет два различных ядра: в якутской системе преобладают названия орографических объектов, обозначающих равнинный и термокарстовый рельеф, тогда как в алтайской доминируют названия орографических объектов, связанных с горным ландшафтом. Эта разница в частотных характеристиках подтверждает, что природная среда является ключевым фактором, оказывающим влияние на структуру и основу оронимической системы.

6. Якутская и алтайская оронимия демонстрируют типологически значимые и универсальные пути образования оронимов, включающие оронимизацию апеллятивов (переход нарицательных имен в оронимы), трансонимизацию (переход антропонимов в оронимы), транстопонимизацию (переход гидронимов в оронимы) и трансоронимизацию (переход внутри классов оронимов). Сходство данных процессов обусловлено общностью исторически

доминирующих видов хозяйственной деятельности (скотоводство и охотничий промысел), а также объективной генетической связью форм рельефа с водными объектами. Данные процессы являются общими для обеих систем и формируют основу их оронимических структур, что подчеркивает единство принципов номинации в тюркской языковой традиции, несмотря на различия в географических условиях и путях исторического развития.

7. Сравнительно-сопоставительный анализ структурных типов якутских и алтайских оронимов выявляет общетюркские модели (однокомпонентные, двухкомпонентные, трехкомпонентные). Однако ключевым отличием является характер синтаксической связи между компонентами оронимов: если в алтайской оронимии преобладают маркированные изафетные конструкции (так называемый изафет II и III типов), то в якутской системе доминирующее положение занимает изафет I и II типов, а также сложные изафетные конструкции, отражающие ее уникальное место в тюркском языкознании.

8. В якутском языке нет морфологических показателей, служащих только для образования оронимов (или, шире, топонимов). Тем не менее, ряд аффиксов, образующих относительные прилагательные и выражающих временное, пространственное, принадлежностное или иное отношение к референту их мотивирующей основы, а также форманты, выражающие эмоциональную или иную оценку референта мотивирующей основы, весьма частотны в оронимах и могут считаться функциональными аналогами топоформантов языков, в которых эта категория присутствует. К числу таких формантов относятся: *-лаах* (...) – аффикс обладания, *-һым* (...) – аффикс, обозначающий отношение к профессии или занятию, *-лар* (...) – показатель множественности, *-каан* (...), *-чаан* (...), *-дай~-тай* (...), *-ыйа* – уменьшительно-ласкательные и оценочные форманты, *-ндьаа* (...) – увеличительно-почтительный формант и *-аайы* (...) – сравнительный формант.

9. Сравнительно-сопоставительный анализ лексико-семантических типов якутских и алтайских оронимов показывает наличие общетюркской номинативной основы, проявляющейся в сходном наборе мотивационных признаков, таких как флора, фауна и хозяйственная деятельность. Однако специфика якутской оронимии

заключается в лексическом наполнении этих типов, отражающем адаптацию культуры народа саха к суровым условиям Севера. Это проявляется в формировании пласта оронимов, включающих термины, связанные со скотоводством, оленеводством, охотой и рыболовством.

Научная новизна исследования заключается в следующем.

1. Впервые якутская оронимия рассматривалась как сложная система, формирующаяся под воздействием множества факторов, в лексико-семантическом, структурно-словообразовательном и сравнительно-сопоставительном аспектах, что обеспечило целостность описания объекта исследования.

2. Впервые осуществлено комплексное системное исследование якутской оронимической лексики как двухуровневой структуры, объединяющей пласт орографических апеллятивов и собственно оронимов, что позволило преодолеть фрагментарность предшествующих подходов.

3. Впервые выявлен и систематизирован корпус якутских орографических апеллятивов (177 единиц), указывающих на вид и разновидность орографического объекта, с установлением их генетической принадлежности (общетюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, палеоазиатские, русские). Предлагается подход к классификации орографических апеллятивов, основанный на четырех критериях: 1) по их происхождению, выявляемому в результате сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического анализа апеллятивов родственных и неродственных языков; 2) по отношению к термокарстовому происхождению; 3) по отношению орографических объектов и их номинаций к базисному уровню, в простейшем случае совпадающему с уровнем моря; 4) по путям развития их орографической семантики. Определена роль орографических апеллятивов в процессе образования оронимов.

4. Впервые выявлена и смоделирована трехуровневая структура системы метафорической номинации рельефа в якутском языке, основанная на иерархическом взаимодействии трех ключевых пластов: антропоморфного (части тела человека), зооморфного (части тела животных) и бытового (предметы материальной культуры). В рамках данной системы выявлены доминантные

признаки, детерминирующие метафорический перенос: локативный, топологический и функциональный.

5. Установлены системные закономерности формирования якутской оронимии, выявлены общие и специфические черты на уровне орографических апеллятивов, структурно-словообразовательных и лексико-семантических моделей в сопоставлении с алтайской оронимической системой.

6. В работе уточняется терминологический аппарат топонимических исследований; актуализируются объем и значение терминов «ороним», «орографический апеллятив», «оронимический проприальный компонент», «терминированные и нетерминированные оронимы».

7. В научный оборот вводится и интерпретируется новый, ранее не изученный оронимический материал Республики Саха (Якутия) значительного объема.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных исследователей:

в области общей ономастики: В. Н. Топоров [1962], В. Д. Бондалетов [1983], А. К. Матвеев [2006], Э. В. Мурзаев [1974], В. А. Никонов [1974], Н. В. Подольская [1988], А. В. Суперанская [1969, 2007, 2012], Н. И. Толстой [1997], В. И. Супрун [2000], А. А. Бурыкин [2013а], и др.;

в области топонимики: Ю. А. Карпенко [1964], В. А. Никонов [1965, 2011], Э. В. Мурзаев [1974], И. А. Воробьева [1973, 1977], В. А. Жучкевич [1980], А. К. Матвеев [1972, 1986], Н. В. Подольская [1983], Н. К. Фролов [1985], Е. Л. Березович [1998, 1999, 2002], Е. М. Поспелов [2002], А. В. Суперанская [1984], Т. В. Хвесько [2019] и др.;

в области тюркской топонимики: Г. Е. Корнилов [1967], Г. И. Донидзе [1971], О. Т. Молчанова [1982, 2018], А. А. Камалов [1994], Э. В. Мурзаев [1995], Ф. Г. Гарипова [1998], А. С. Иванова [2005], Ф. Г. Хисамитдинова [2005], Б. К. Ондар [2008], К. Б. Самтакова [2013], О. Р. Хисамов [2022] и др.;

в области якутской топонимики: К. Ф. Гриценко [1968], Ф. К. Комаров [1969], В. Д. Монастырёв [1993, 2002], Багдарын Сүлбэ [2004], Н. М. Иванов (Багдарыын Нь. Сүлбэ уола) [2001, 2018] и др.;

в области региональной оронимики: И. А. Воробьева [1974], Е. В. Цветкова [2009б], Т. В. Чернышева [1981, 1988], Н. А. Кичикова [2011], Т. Д. Слинкина [2011] и др.;

в области тюркской оронимики: О. Т. Молчанова [1968], Е. М. Поспелов [1969], Г. И. Донидзе [1969], Н. А. Баскаков [1969], А. А. Камалов [1977], В. А. Никонов [1978], Е. А. Керимбаев [1988], Р. Д. Сунчугашев [1999], Н. А. Ласынова [2016] и др.;

в области сравнительно-исторической лексики и грамматики тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков: Н. А. Баскаков [1981, 2010], А. М. Щербак [1994, 1997, 2005], Дж. Клоусон [1972], Г. Дёрфер [1963], В. И. Рассадин [1980, 2019], Н. Н. Широбокова [1980, 2001, 2005], «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001], А. Е. Аникин [2007], А. В. Дыбо [2007, 2017], Е. И. Убрятова [1960, 1985, 2011] и др.;

в области якутского языкознания: Ст. Калужинский [1961, 1978], Н. К. Антонов [1966, 1971, 2019], Г. В. Попов [1986], И. Н. Новгородов [2009], А. Е. Шамаева [2012], Г. Г. Левин [2013], С. А. Иванов [2014, 2017, 2021], А. А. Кузьмина [2021], Н. В. Малышева [2024] и др.

Фактическим материалом послужили, во-первых, около 3 тысяч единиц, собранные методом сплошной выборки из различных источников: «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского [1959], «Словарь русской транскрипции терминов и слов, встречающихся в географических названиях Якутской АССР» Ф. К. Комарова [1964], «Словарь названий орографических объектов СССР» [1976], «Топонимический словарь Северо-Востока СССР» В. В. Леонтьева и К. А. Новиковой [1989], «Словарь топонимной лексики Республики Саха» Багдарыын Сүлбэ [2019]; научно-популярные труды М. С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ по топонимике Якутии: «Мэнэ ааттар» [1979], «Дойду сурахтаах, алаас ааттаах» [1982], «Сири сиксигинэн» [1985], «Ис иһигэр киирдэххэ» [1988], «Аал

уоту оттунан» [1992], «Ыал – ийэтинэн» [1994], «Үс, сэттэ, тоҕус». [1998б], «Улуустар ааттара» [2001], «Саха сир түннүгэ, көмүс илии» [2002], «Топонимика Якутии: краткий научно-популярный очерк» [2004], «Сири-халлааны кыйа анааран» [2008], «Оройтон саҕалаан» [2013] и др. Значительным источником оронимов послужили также диссертационные исследования К. Ф. Гриценко [1968] и В. Д. Монастырёва [1993]. Во-вторых, в качестве эмпирической базы исследования были использованы полевые материалы, собранные в период с 2021 года в центральных и заречных районах Республики Саха (Якутия). В нашей оронимической картотеке насчитывается около 1 тысячи единиц. Общий объем использованных в исследовании оронимов составляет 4000 единиц. В отдельных случаях для уточнения названий орографических объектов использовались материалы картотеки, составленной М. С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ.

Методологический подход к анализу материала заключается в следующем.

1. В первом разделе третьей главы «Структурно-словообразовательные типы якутских оронимов в сравнительно-сопоставительной перспективе» был проведен сплошной анализ всех 4000 оронимов, поскольку каждый ороним обладает той или иной структурой (однокомпонентной, двухкомпонентной и т. д.) и образован по определенной словообразовательной модели. Данный анализ обязателен для каждой единицы.

2. Во втором разделе третьей главы «Лексико-семантические типы якутских оронимов в сравнительно-сопоставительной перспективе» предметом изучения стала мотивирующая основа оронима (проприальная часть, несущая основной смысл). Для проведения этого анализа был отобран массив оронимов, исключая те случаи, где провести семантический анализ невозможно или он нерелевантен. В выборку не вошли (1000 оронимов):

- однокомпонентные оронимы, образованные от орографических апеллятивов. Данные единицы были детально рассмотрены в Главе 2;
- оронимы, образованные путем трансоронимизации, где название одного орографического объекта перенесено на другой;

- оронимы, мотивировка которых окончательно стерта и не поддается надежной этимологизации на современном уровне знаний;
- оронимы, в основе которых лежат непрозрачные антропонимы или топонимы (имена собственные, значение которых неясно).

Следовательно, для углубленного лексико-семантического анализа была сформирована выборка из 3000 оронимов, мотивационная основа которых поддается четкой семантической интерпретации и классификации.

Общий объем зафиксированных орографических апеллятивов, участвующих в образовании якутских оронимов, составляет 177 единиц. Для сравнительного анализа орографических апеллятивов привлечены данные из следующих лексикографических, диалектологических, сравнительно-исторических, топонимических источников и научных трудов якутского, тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков: «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского [1959], «Диалектологический словарь якутского языка» [1976], «Диалектологический словарь языка саха» [1995], «Якутско-русский словарь» [1972], «Толковый словарь якутского языка» [2004–2006], «Большой толковый словарь якутского языка» [2007–2018], «Словарь топонимной лексики Республики Саха: местные географические термины и понятия» [2019], «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» [2001], «Древнетюркский словарь» [1969], «Этимологический словарь тюркских языков» [1974, 1978, 1980, 1989, 1997, 2003, 2013], «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» [1975, 1977], «Этимологический словарь монгольских языков» [2015, 2016, 2018], «An Etymological Dictionary of Altaic Languages» [2003], «Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen» М. Ряшенена [1969], «Топонимический словарь Горного Алтая» О. Т. Молчановой [1979], «Словарь народных географических терминов» Э. М. Мурзаева [1984], «Топонимический словарь Тувы» Б. К. Ондар [2004], «Энциклопедия названий мест Горного Алтая» О. Т. Молчановой [2018] и др. В качестве источников использованы этимологические сведения, представленные в трудах известных лингвистов-этимологов, таких как Ст. Калужинский [1961], Н. К. Антонов [1971, 2019], В. И. Рассадин [1980, 2019], Г. В.

Попов [1986, 2003], А. М. Щербак [2005], Б. И. Татаринцев [2000, 2002, 2004, 2008, 2018], Н. Н. Широбокова [2005], А. В. Дыбо [2007], И. Н. Новгородов [2009], С. А. Иванов [2014, 2017, 2021] и др.

Ядро исследования составляет материал якутской оронимии. Для проведения сравнительно-сопоставительного анализа была привлечена алтайская оронимия. Эмпирическую базу сравнения сформировала выборка из 1500 алтайских оронимов, которая была систематизирована на основе работ О. Т. Молчановой [1968, 1979, 1982, 2018], К. Б. Самтаковой [2013], а также данных многотомного топонимического словаря «Топонимика Республики Алтай» [2022–2023].

Методы исследования. Цели и задачи данной работы требуют всестороннего исследования оронимического материала, что предполагает применение различных методов и приемов исследования. Наряду с общенаучными методами (наблюдение, анализ, сравнение, синтез, обобщение, индукция, дедукция, классификация, количественные подсчеты и т. д.), были использованы и собственно лингвистические методы. Основным методом, применяемым при анализе оронимических единиц, является описательный, предполагающий сбор, обработку, систематизацию и каталогизацию собранного материала. Применение описательного метода позволяет установить конкретные факты и явления через оронимы, а также накопить большое количество эмпирического материала, что способствует языковой классификации оронимов. Классификация оронимического материала осуществляется по различным принципам: исходному языку, структуре, типу именуемых объектов, характеру лексических основ и т. д. Описательный метод предусматривает использование отдельных приемов, помогающих более детальной интерпретации материала: 1) структурно-словообразовательный анализ определяет продуктивность определенных типов и моделей; 2) прием формантного анализа предполагает выявление формантов, повторяющихся в структурах оронимов; 3) ономаσιологический анализ предполагает исследование мотивационных моделей номинации; 4) элементы сравнительно-исторического (этимологического) анализа в работе использовались с целью выявления этимологического значения и специфики оронимических компонентов якутских

оронимов. Сравнительно-сопоставительный анализ в работе применялся с целью выявления общих и специфических черт в семантике апеллятивов в родственных и неродственных языках и в диалектных составляющих якутского языка. На уровне системной организации оронимов (словообразовательных моделей и семантических групп) применялся сравнительный анализ, направленный на выявление общих типологических закономерностей, присущих якутский и алтайский оронимии.

В качестве вспомогательных методов также применялись ареальный метод, связанный с изучением диалектных особенностей и географией различных апеллятивов, а также статистический метод, применяемый при определении количества и процентного соотношения различных структурно-словообразовательных и лексико-семантических типов оронимических единиц. Для сбора орографических апеллятивов, помимо метода полевого сбора материала, использовался метод выявления терминов из оронимов, который наиболее активно применяется с целью обнаружения устаревших оронимических единиц. При описании криогенных процессов, образующих такие мерзлотные ландшафты, как аласы, былары, булгунняхи, используется географический метод. При анализе связи оронимов с географической средой применялся лингвогеографический метод. При составлении «Словаря якутских оронимов, использованных в качестве иллюстративного материала в тексте диссертации» и «Словаря якутских орографических апеллятивов» мы воспользовались методом лексикографического описания языковых единиц.

Теоретическая значимость исследования заключается в его обширном вкладе в развитие теоретической ономастики и тюркологии. Настоящая работа способствует уточнению и расширению понятийного аппарата общей теории топонимики путем разработки целостной концепции оронима как сложного многокомпонентного образования, формирующегося под воздействием лингвистических и экстралингвистических факторов и отражающего национально-культурное своеобразие языковой картины мира народа саха. Методологическая ценность исследования проявляется в апробации интегративного подхода,

объединяющего сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, структурно-словообразовательный и семантический анализы, что создает прецедент для изучения ономастических систем других тюркских языков. Полученные результаты вносят вклад в развитие лексикологии якутского языка, сравнительно-сопоставительного, исторического языкознания, этимологии и лингвокультурологии, обеспечивая новый материал для реконструкции элементов общетюркского лексического фонда и стратификации заимствований.

Практическая значимость исследования заключается в возможности его использования по нескольким ключевым направлениям. В лексикографическом аспекте систематизированный материал служит основой для создания «Словаря якутских оронимов» и «Словаря якутско-монгольских лексических параллелей», а также электронного корпуса географических названий Якутии. В образовательной сфере результаты работы могут быть интегрированы в учебный процесс при преподавании дисциплин «Тюркология», «Лексикология», «Ономастика», «Топонимика», а также при разработке учебных пособий и специализированных курсов по региональной ономастике. Для научно-исследовательской деятельности материалы диссертации представляют ценность для проведения дальнейших сравнительно-типологических исследований в области алтаистики и подготовки обобщающих трудов по ономастике Сибири. Практическое применение результатов охватывает их использование в деятельности топонимических комиссий по стандартизации географических наименований, в экспертной работе при оценке культурно-исторической значимости оронимов, а также в контексте сохранения культурного наследия и развития туристической индустрии региона.

Таким образом, данное исследование вносит значительный вклад как в развитие теоретической лингвистики, так и в решение практических задач, связанных с документированием, сохранением и актуализацией ономастического наследия.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности. Настоящее диссертационное исследование соответствует направлению исследования по

паспорту специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки):

- п. 15. Контрастивная лингвистика и лингвистическая типология. Методы сопоставительного и типологического изучения языков. Типологические классификации;
- п. 17. Описание языков на сравнительно-историческом фоне;
- п. 29. Ономастика. Лингвистические и экстралингвистические проблемы топонимики.

Апробация работы. Настоящее диссертационное исследование является продолжением научно-квалификационной работы (диссертации), защищенной в 2022 г. на тему «Структурно-семантическая типология якутских оронимов (в сравнительно-сопоставительном аспекте)». Работа выполнялась в Секторе языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук в рамках образовательной программы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре по направлению 45.06.01 – «Языкознание и литературоведение».

Ключевые теоретические положения и результаты исследования были представлены в ходе выступлений на научных конференциях и форумах.

1. XXVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», секция «Востоковедение и африканистика», подсекция «Лингвистика – языки стран Ближнего и Среднего Востока, Кавказа и Центральной Азии, Африки и Южной Азии» (г. Москва, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2021 г.); тема доклада – «Лексико-семантическая классификация якутских оронимов, характеризующих особенности живой и неживой природы объектов».

2. VIII (XXII) Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения», секция «Сопоставительная лексикология и межкультурная коммуникация» (г. Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021 г.); тема доклада – «Эвенские географические термины в оронимии Якутии».

3. Молодежная модель Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО в рамках Международного форума к 50-летию Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия (г. Казань, Университет управления «ТИСБИ», 2022 г.); тема доклада – «Памятник наскального искусства Суруктаах Хайа».

4. Международная научная конференция «Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор развития Казанской лингвистической школы», секция «Актуальные проблемы лексикологии и фразеологии» (г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2022 г.); тема доклада – «Соматическая лексика в орографической терминологии якутского языка».

5. Международная выставка-форум «Россия», секция «Наука и университеты» (г. Москва, ВДНХ, 2024 г.); тема лекции – «Виртуальный тур по памятнику наскального искусства Суруктаах Хайа».

6. Международная научная конференция «Тенишевские чтения–17: Тюркология. Монголистика. Алтаистика», секция «Лексикология и лексикография тюркских языков» (г. Москва, Институт языкознания РАН, 2024 г.); тема доклада – «Лексико-семантические особенности наименований гор в якутском языке (в сравнении с другими тюркскими языками)».

7. Региональная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы языков коренных народов Якутии», секция «Особенности лексической семантики в языках коренных народов Якутии» (г. Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2025 г.); тема доклада – «Сир аннынаабы муус ириитигэр сыһыаннаах сахалыы географическай терминнэр атын түүр уонна монгол тылларагар ханыылара» («Лексические параллели якутских географических терминов, служащих для обозначения термокарстовых форм рельефа, в тюркских и монгольских языках»).

8. Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лексической и грамматической семантики», секция «Практика создания словарей: опыт и инновации» (г. Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2025 г.); тема доклада – «Якутские оронимы в Словаре топонимной лексики РС(Я)».

В рамках подготовки диссертационного исследования автор принял участие в научных школах:

- в Летней научной школе «Методология социолингвистических исследований», организованной Международной научно-исследовательской лабораторией «Лингвистическая экология Арктики» (г. Якутск, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, 5–7 июля 2021 г.);

- в I Международной летней лингвистической школе «Этнокультурно-языковое пространство трансграничья: история и современность» (г. Улан-Удэ, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, 1–5 июля 2025 г.).

По теме диссертации опубликовано 4 статьи общим объемом 2,67 п. л., три из них в журналах, рекомендованных ВАК для публикации результатов кандидатских и докторских диссертаций, в том числе две статьи в изданиях, входящих в базы данных Web of Science (WoS) и Scopus.

Статьи, опубликованные в журналах, рекомендованных ВАК, индексируемых в международных и российских наукометрических базах данных, относящиеся к научному направлению 5.9.8 – «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»:

1. Стручкова Я. В. Орографические апеллятивы возвышенного рельефа в якутской оронимии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Томск. 2023. № 1 (39). С. 29–42 (РИНЦ, WoS ESCI).

2. Стручкова Я. В. Якутские соматизмы, обозначающие элементы возвышенного рельефа (в сравнении с другими тюркскими языками) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Якутск. 2023. Т. 20. № 2. С. 87–98 (РИНЦ).

3. Стручкова Я. В. Анатомическая лексика в якутской оронимии // Сибирский филологический журнал. Новосибирск. 2024. № 1. С. 177–191 (РИНЦ, Scopus, WoS ESCI, WoS RSCI).

В других изданиях:

4. Стручкова Я. В. Лексико-семантическая классификация якутских оронимов, характеризующих особенности живой и неживой природы объектов //

Ломоносов-2021: материалы Международного молодежного научного форума: электронный ресурс. М.: ООО «МАКС Пресс». 2021 (РИНЦ).

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация включает введение, три главы, заключение, список литературы и словарей, насчитывающий 457 наименований, а также список сокращений и условных обозначений. В работе представлено 16 таблиц, 9 диаграмм и 19 рисунков. Приложения содержат словарь якутских орографических апеллятивов, тезаурус анатомической и бытовой лексики в якутской оронимии, классификацию малопродуктивных проприальных компонентов, корпус оронимов и список информантов.

ГЛАВА 1. МЕСТО ОРОНИМА В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС

Данная глава посвящена систематизации теоретических положений, которые формируют методологическую базу исследования. В первом разделе обосновывается принадлежность топонимики к лингвистике, определяются ее ключевые объекты и исследовательские методы в системе гуманитарных наук. Раскрываются системообразующие факторы топонимии: единство моделей номинации, обусловленность внеязыковыми реалиями, общие функции и структурно-грамматические характеристики. Устанавливается место и роль оронимики в структуре ономастического знания, уточняется терминологический аппарат. Описываются процессы образования оронимов: оронимизация (переход апеллятива в ороним), трансонимизация (межкатегориальный перенос), транстопонимизация (внутритопонимический перенос), трансоронимизация (перенос внутри класса оронимов). Определяются и описываются основные компоненты сложных оронимов: оронимический проприальный компонент (раскрывается его индивидуализирующая функция) и апеллятивный компонент – орографический апеллятив (описывается его классифицирующая роль). Проводится дифференциация терминированных и нетерминированных моделей, определяются критерии их разграничения.

Во втором разделе определяется место орографических апеллятивов в составе оронимов, обосновываются принципы их классификации. Методология строится на синтезе четырех аспектов: 1) генетического (выявление происхождения апеллятивов через сопоставление с лексикой родственных и неродственных языков); 2) геоморфологического (установление связи значения апеллятива с термокарстовыми процессами, характерными для региона); 3) орографического (классификация объектов по их отношению к базисному уровню, в простейшем случае совпадающему с уровнем моря); 4) семасиологического (анализ путей развития значений и моделей метафорического переноса, приведших к формированию орографической семантики). Устанавливается взаимосвязь между

природными особенностями Якутии (криогенный рельеф, субарктический климат) и спецификой орографической номинации.

В третьем разделе проводится историографический обзор исследований в области тюркской и якутской оронимии. Систематизируются и анализируются достижения отечественной науки в изучении оронимов, выявляются основные тенденции, методологические подходы и пробелы в существующих исследованиях. Глава служит теоретической основой для собственного исследования, определяя его место в сложившейся научной традиции и обосновывая новизну работы.

1.1 Оронимика как раздел топонимики

1.1.1 Топонимика как наука о географических названиях

Интерес к именам собственным и их смысловому содержанию возник еще в античности. Мыслители-философы, такие как Демокрит, Платон, Аристотель проявляли интерес к значению имен и пытались раскрыть сущность имени собственного [Аристотель 1978].

Изучение собственных имен – их генезиса, семантики, а также взаимосвязи с историко-культурным контекстом, системой верований и природной средой – составляет исследовательское поле для целого ряда гуманитарных и естественных наук, включая историю, географию, этнографию, психологию и философию. Как справедливо отмечает В. И. Супрун, такой междисциплинарный интерес служит прямым доказательством высокой социокультурной ценности ономастической системы [Супрун 2000: 2].

Что касается историографии вопроса, то в работе «Русская ономастика» В. Д. Бондалетов выделяет три ключевых этапа становления европейской ономастики. Начальный, донаучный период, длившийся вплоть до XIX века, характеризовался отсутствием строгой методологии; поиск происхождения топонимов и антропонимов основывался на так называемых «любительских этимологиях», авторами которых выступали, в частности, В. К. Тредиаковский, В. Н. Татищев и Д. И. Иловайский. Следующий этап, ознаменовавший становление ономастики как

научной дисциплины (XIX – начало XX в.), тем не менее, ещё не считается полноценно ономастическим. Его главным достижением стал переход к анализу ономастической лексики (главным образом, топонимической) с опорой на её историческую и географическую привязку, а также с привлечением методов сравнительно-исторического языкознания для изучения фонетических закономерностей. Представителями этого периода стали языковеды, историки и географы (А. Х. Востоков, Н. И. Надеждин, Н. П. Барсов, М. Я. Морошкин, И. Добровский, Я. Колар, Ф. Палецкий, Ф. Миклошич, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, М. Фасмер, Я. Розвадовский, П. Скок, С. Младенов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Л. С. Берг, С. К. Кузнецов, П. Л. Маштаков и др.). Наконец, современный научный (собственно ономастический) этап, начало которого датируется 1920-ми годами, продолжается по сей день [Бондалетов 1983: 36–37].

Ономастика как отдельная дисциплина сформировалась сравнительно недавно, что, вероятно, и объясняет многообразие подходов к определению этого раздела языкознания. В лингвистике термин «ономастика» (восходящий к греческим словам *ónoma* – ‘имя’ и *onomastikós* – ‘относящийся к наименованию’) обозначает специальный раздел, занимающийся комплексным исследованием собственных имен всех типов (онимии²). Ключевым принципом классификации в ономастике является тип именуемого объекта, в соответствии с которым выделяются антропонимика, топонимика, зоонимика, космонимика и прочие составные части этой научной дисциплины [Суперанская 2012]. О. С. Ахманова рассматривает ономастику «как раздел языкознания, который изучает личные имена (имена, отчества, фамилии, прозвища людей и животных)» [Ахманова 2004: 288]. В «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской ономастика толкуется «как раздел языкознания, изучающий любые собственные имена» [Подольская 1988: 96]. Т. В. Жеребило рассматривает ономастику «как

² В другой традиции онимия именуется проприальной лексикой: от латинского *nomina propria* – имена собственные; в отечественной традиции уступает термину греческого происхождения, но встречается в лингвистических работах [Шмелева 2013: 148].

самостоятельную область знаний, изучающую имена собственные... Выделяются две основные отрасли: антропонимика, которая занимается изучением личных имён, фамилий, отчеств и прозвищ людей, и топонимика, которая изучает географические названия (названия стран, городов, сёл, рек, озёр, морей, гор, равнин и т. д.)» [Жеребило 2016: 291]. Приведенные дефиниции позволяют утверждать, что ономастика по своей природе является гетерогенной наукой. Ключевая особенность ее структуры – высокая степень дробности, вызванная многоаспектностью и вариативностью ономастического пространства.

В современной научной парадигме ономастика однозначно трактуется как составная часть языкознания. Критериями ее отнесения к лингвистической сфере «служит не только доминирование лингвистических методов анализа, но и тот факт, что ядро ее терминосистемы имеет сугубо лингвистическую природу» [Подольская 1988: 10].

Современные исследования в области ономастики проводятся в различных аспектах, включая новые, обусловленные антропоцентрической парадигмой лингвистических знаний (прагматический, социолингвистический, лингвокультурологический, этнолингвистический и т. д.). Как отмечает В. И. Супрун, «на фоне стремительного развития общей ономастиологии русская ономастика как самостоятельная лингвистическая дисциплина остается в основном в рамках традиционно описательной лингвистики...» [Супрун 2000: 3].

Хотя ономастика имеет давние исследовательские традиции, множество аспектов этой науки по-прежнему требуют дальнейшего изучения и проработки. В частности, взгляды на проблему соотношения имен собственных и имен нарицательных неоднократно менялись.

В системе лексики любого языка проводится базовое противопоставление между именами нарицательными и именами собственными (онимами). Следовательно, оним представляет собой класс слов, находящийся в оппозиции к имени нарицательному. Имя нарицательное, или апеллятив, – это имя, обозначающее название целого класса предметов и явлений, которые обладают рядом общих признаков и называют предметы или явления по их принадлежности

к этому классу [Суперанская 2012: 18]. Его ключевыми характеристиками являются соотнесенность с понятием (основная коннотация), возможность наличия дополнительных коннотаций, а также указание на неопределенный и неограниченный объект [Там же: 113].

В противоположность этому, оним не связан с классом, а отсылает к индивидуальному, конкретному и определенному объекту (или группе объектов, но каждый из которых воспринимается индивидуально). Хотя имя собственное и лишено прямой связи с понятием, оно также может обладать дополнительными коннотациями. Примечательно, что если одна из таких коннотаций становится доминирующей, оним может трансформироваться в апеллятив [Там же: 113].

Семантическая специфика собственных имен заключается в их функциональной направленности. А. А. Уфимцева отмечает, что их «основная функция – обозначение, которое позволяет идентифицировать и различать предметы и лица, без указания на их качественные или содержательные характеристики» [Уфимцева 1977: 42]. Следовательно, центральное различие между двумя классами имен, по заключению Л. А. Климковой, коренится в области семантики и касается самого наличия, а также характера, объема и структуры их лексического значения [Климкова 2007: 59].

Обобщая приведенные точки зрения, можно принять лаконичное и емкое определение Н. В. Васильевой, которое точно указывает на род (*genus proprium*), операцию (*называние* – номинация) и дифференциальный признак (*differentia specifica*): собственное имя – это единица, называющая «индивидуальные предметы, выделяющиеся из состава однородных» [Васильева 2005: 12–13].

Проблема семантики имен собственных является в лингвистике дискуссионной, и единая точка зрения на характер семантики имен собственных отсутствует. В настоящее время существует два подхода к пониманию лексического значения имени собственного.

Ряд крупных лингвистов, в числе которых А. А. Реформатский, Н. И. Толстой, Л. А. Булаховский, Н. Д. Арутюнова и О. С. Ахманова, отвергает идею о прямой связи понятия и имени собственного, рассматривая эту связь как

опосредованную. В рамках данной парадигмы предлагается отказаться от термина «семантика» применительно к ониму и сосредоточиться на анализе информации, которую он в себе несет. Как подчеркивает Н. И. Толстой, принципиально важно разграничивать эти категории: «имя собственное несет некую, неодинаковую для всех информацию (содержание), которую не следует смешивать со значением (семантикой)» [Толстой 1970: 200]. Согласно исследователю, «имя собственное-топоним есть кодовый знак конкретного географического объекта, а «содержание» его есть сумма знаний о свойствах этого объекта (но не сумма семантических признаков), по-разному воспринимающихся различными лицами. О семантике имени собственного можно говорить лишь в той мере, в какой топоним связан (этимологически и т. п.) с именем нарицательным» [Там же: 200–201].

О. Есперсен, Е. Курилович, А. А. Потебня, Ф. И. Буслаев, М. В. Щерба, С. Д. Кацнельсон и др. полагают, что онимы обладают семантической структурой, однако более ограниченной, чем апеллятивы. «С лингвистической точки зрения совершенно невозможно провести четкую демаркационную линию между именами собственными и именами нарицательными ... поскольку различие между ними количественное, а не качественное» [Есперсен 1958: 76].

Как отмечает А. В. Суперанская, семантика имени собственного является сложным образованием, вбирающим в себя не только лингвистические, но и экстралингвистические данные. Исследователь указывает, что «в семантике имени собственного сконцентрированы и речевые (адресные), и экстралингвистические энциклопедические (исторические, географические) сведения, и психологические, эмоциональные, аффективные моменты», что принципиально отличает ее от семантики апеллятива» [Суперанская 2012: 322–323].

В современной лингвистике не достигнуто единства взглядов относительно семантической природы имени собственного. Ряд ученых, таких как В. Д. Бондалетов, высказывается в пользу факультативной понятийности онимов в противовес обязательной понятийности апеллятивов [Бондалетов 1983: 27], в то время как другие, включая В. И. Болотова, отмечают вероятностный характер их

понятийной соотнесенности в языке, которая может актуализироваться через денотат в тексте [Болотов 1993: 44].

Проанализировав существующие подходы, мы присоединяемся к позиции, признающей наличие у онимов лексического значения. Данную точку зрения убедительно аргументирует В. И. Супрун, утверждая, что «в языке нет и не может быть лексических единиц, не имеющих значения», а следовательно, «их семантика и функции должны рассматриваться в рамках теории лексического значения» [Супрун 2000: 12].

Ономастическое пространство чрезвычайно разнообразно и включает обширный пласт лексики, представленный как исконными, так и заимствованными единицами [Суперанская и др. 2007: 7]. Классификация имен собственных осуществляется по типу именуемого объекта, что позволяет выделить следующие основные классы:

- антропонимы – имена людей (Александр → Саша, Шура);
- топонимы – названия географических объектов (Москва, Эльбрус);
- астрономы – имена небесных тел (Марс, Юпитер);
- зоонимы – клички животных (пёс Дружок);
- теонимы – имена богов (Зевс, Афина);
- фитонимы – собственные имена растений (дуб Любомудр) [Подольская 1988: 116–118].

Среди них наиболее многочисленную группу составляют топонимы. Их изучением занимается топонимика – раздел ономастики, исследующий происхождение, значение, структуру, ареал распространения и историческую динамику географических названий [БЭС 1998: 515]. Ведущая роль топонимики в ономастических исследованиях объясняется, по мнению учёных, как её высокой степенью разработанности, так и исключительной информационной ценностью, заключающей в себе сведения о прошлом страны [Суперанская и др. 2007: 27].

Топонимика возникла как прикладная наука, необходимая историкам и географам, и не выходила за рамки «вспомогательной исторической дисциплины», пока ею занимались представители этих специальностей [Поспелов 1997: 93].

Решающую роль в становлении топонимики как науки сыграли лингвисты. Именно их усилиями был определен собственный объект изучения, заложен теоретический базис и сформулирован категориальный аппарат дисциплины, включающий ее цели, задачи и методы.

Согласно позиции Э. М. Мурзаева, центральная роль в исследовании географических названий принадлежит лингвистике, поскольку топонимы, будучи элементами лексической системы языка, составляют объект изучения прежде всего языкознания, что позволяет определять топонимику как сугубо лингвистическую дисциплину [Мурзаев 1974: 8]. При этом ученый выступает за применение комплексной методологии, интегрирующей лингвистический, исторический и географический аспекты, что, по его мнению, обеспечивает достижение наиболее достоверных результатов [Там же: 8].

Значительный вклад в становление топонимики как самостоятельной отрасли лингвистики внесли фундаментальные труды таких учёных, как В. Н. Топоров [1962], В. А. Никонов [1965, 1974, 2011], А. К. Матвеев [1986, 2006], Ю. А. Карпенко [1964], А. В. Суперанская [1984] и Н. В. Подольская [1988].

Определяя содержание термина «топонимика», А. В. Суперанская однозначно относит ее к сфере лингвистики, указывая, что «эта дисциплина занимается изучением географических объектов, выяснением их происхождения, исторического развития и этимологии исходных слов-основ» [Суперанская 1985: 3]. Лингвистическая природа топонимических исследований также получает обоснование в коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований» [2007].

В. А. Никонов, характеризуя топонимику как раздел языкознания, выделяет ряд ключевых свойств топонима, таких как: «изменчивость во времени в соответствии с законами определённого языка, неразрывная связь с историей языка, а также словообразовательные и морфологические особенности названия, которые играют важную роль в интерпретации значения топонима» [Никонов 2011: 36]. Сходную позицию обосновывает и Т. В. Шмелёва: «Названия мест для географии и истории – только инструмент описания и объяснения, тогда как для топонимики

представляют интерес они сами: их состав и типология, происхождение и мотивированность, связь с историей и культурой именуемого места, взаимодействие с апеллятивной лексикой и другими видами онимов» [Шмелёва 2013: 61–62].

Аналогичную точку зрения высказывают и зарубежные ученые. Исследователи отмечают, что центральное положение описательного и исторического анализов как двух основополагающих аспектов анализа топонимов обусловлено тем, что названия являются языковыми знаками, и их интерпретация традиционно основывалась на описательном, конструктивном (содержащем как формальные, так и функциональные компоненты) и диахроническом анализе [Tóth 2020: 4]³

Понятие топонимической системы является одним из основополагающих в топонимике. В отечественной ономастике понятие топонимической системы можно считать сформированным, хотя существуют некоторые разногласия относительно включения в нее отдельных признаков и компонентов. Обратимся к определению Э. М. Мурзаева, который определяет топонимическую систему как «совокупность специфических особенностей или признаков, закономерно повторяющихся в процессе формирования топонимии и в их современной стабильности» [Мурзаев 1974: 24]. Н. В. Подольская определяет ее «как совокупность топонимов конкретного этноса, функционирующую на определенной территории в конкретный исторический период» [Подольская 1988: 146]. Более детализированную характеристику предлагает Е. Л. Березович, выделяя такие параметры системы, как:

- экстралингвистическая обусловленность ее границ;
- территориальная и хозяйственная общность номинируемых объектов;
- внутренняя дифференциация и иерархичность элементов (наличие ядра и периферии);

³ Оригинальный текст: «The central position of descriptive and his torical analyses, as the two fundamental aspects of toponym analysis, is due to the fact that names are linguistic signs themselves, and traditionally in the in terpretation of these the descriptive, constructive (containing both formal and functional components) and diachronic analyses have played a crucial role.» [Tóth 2020: 4]

- специфика номинативной разработки географических представлений;
- обусловленность позиции номинатора и тенденция к взаимосвязи наименований [Березович 1992: 6].

Авторы монографии «Теория и методика ономастических исследований» расширяет это понятие, включая в него признак общности психологии и восприятия мира языковым коллективом, что находит отражение в преобладании на определенной территории устойчивых топонимических моделей и частотных основ [Суперанская и др. 2007: 50–51]. При этом подчеркивается, что система может интегрировать разноязычные элементы, формируясь из всех названий, бытующих на данной территории, вне зависимости от их языкового происхождения [Там же: 51].

Сходной точки зрения придерживается И. А. Воробьева, рассматривающая топонимическую систему как территориально и исторически организованную совокупность названий, обеспечивающих дифференциацию и идентификацию географических объектов и закономерно включающую в себя разноязычные пласты [Воробьева 1977: 34–35].

Особую ценность для нашего исследования представляет подход Т. В. Хвесько, которая интерпретирует топонимическую систему как отражение истории государства, его языка, диалектов и населения. По ее мнению, формирование региональной системы осуществляется этносом (или группой этносов), объединенным общим административным полем, географическим ландшафтом и исторически сложившимся лексическим фондом топонимов [Хвесько 2019: 19].

Системные свойства регионального топонимикона проявляются в ряде ключевых характеристик, к которым исследователи относят: обусловленность экстралингвистическими факторами, внутреннюю организацию, функциональное единство, вариативность названий, наличие специфических словообразовательных формантов и структурно-грамматических типов, а также способность к репрезентации в художественном дискурсе [Мезенко и др. 2022].

Одним из аспектов системности выступает иерархическая классификация топонимов по масштабу обозначаемых объектов. Традиционно выделяются макро-, микро- и собственно топонимы. Особый статус занимает категория мезатопонимов, занимающих, по определению В. Д. Бондалетова, промежуточное положение между макро- и микротопонимами [Бондалетов 1983: 164].

Учитывая многообразие существующих дефиниций, в рамках данного исследования ограничимся следующими широко распространенными определениями, на которых мы более подробно остановимся ниже.

1. Собственно топонимы представляют собой индивидуальные названия природных и антропогенных объектов, лишенные прямой связи со свойствами обозначаемого и, как правило, непонятные за пределами локального контекста [Суперанская 1967: 38].

А. В. Суперанская, выделяя общие номинативные черты этих категорий, акцентирует и их различия, которые заключаются в:

- размере и сущности объектов;
- их роли в человеческой деятельности;
- характере мотивировки;
- степени понятийности;
- особенностях функционирования в языковом коллективе [Там же: 37–38].

И. А. Воробьева развивает этот подход, предлагая дифференцировать типы топонимов прежде всего по параметрам их функционирования в социуме, а не по физическим характеристикам объектов [Воробьева 1972: 7–13].

2. Макротопонимы обозначают крупные географические объекты (горные системы, моря, государства), обладающие широкой известностью. Для них характерны многокомпонентность, включение специальных терминов, интернациональность и понятийность [Суперанская 1967: 38; Бондалетов 1983: 163].

3. Микротопонимы — это названия небольших объектов, известные ограниченному кругу лиц (ручьи, покосы). Они отличаются лексической

понятийностью, мотивированностью и высокой динамичностью [Суперанская 1967: 38; Бондалетов 1983: 163–164].

Зарубежная традиция часто сужает понятие микротопонимов до названий земельных угодий [Smilauer 1963: 8, 53] или включает в него агроним, гидроним и оронимы, не связанные с населенными пунктами [Škofic 2017: 143]⁴.

Следовательно, дифференциация топонимов основывается на комплексе критериев: величина объекта, ареал употребления, социальное функционирование и особенности самой номинации.

Дискуссионным остается статус оронимов. В. А. Никонов и А. И. Ященко относят названия небольших форм рельефа к микротопонимии [Никонов 2011: 46; Ященко 1977: 8]. Т. В. Толбина вводит уточняющий термин «микрооронимы» для холмов, оврагов, балок [Толбина 2003], хотя их неоднородность очевидна.

Альтернативный подход предлагает Э. М. Мурзаев, считающий критерием микротопонимичности локальную известность объекта [Мурзаев 1977: 47]. Однако, А. В. Суперанская замечает, что данный критерий не является абсолютным, поскольку некоторые малые объекты (напр., скалы Демерджи) приобретают мировую известность [Суперанская и др. 1997: 58].

Многие исследователи (Н. В. Подольская, Е. М. Поспелов, Ю. А. Карпенко и др.) подчеркивают, что состав микротопонимии вариативен и зависит от географических, демографических и хозяйственных особенностей региона [Поспелов 1967: 23]. Это подтверждается тем, что размер объекта не всегда является определяющим фактором. Такие объекты как луг, поле, лог и болото, часто по своим размерам превосходят такие объекты, как озеро, протока и равнина.

В современной лингвистике многие теоретические положения, касающиеся микротопонимики, продолжают оставаться дискуссионными. Так, Н. В.

⁴ Оригинальный текст: «A microtoponym in the narrow sense (also known as a cadastral toponym, field name, etc.) is a non-settlement-related toponym in the narrow (toponymic) and wider (geonymic) senses, denoting parts of the land used for cultivating crops of fodder, fields, orchards, vineyards, meadows, pastures, and forests (agronyms); water areas (hydronyms); small slopes and mountains (oronyms); paths; and orientation points (overlook, signs, wayside crosses, mountain cabins, etc.)» [Škofic 2017: 143].

Подольская предложила классифицировать микротопонимику как раздел топонимики наряду с гидронимикой, оронимикой, комонимикой [Подольская 1967: 39]. Однако, по нашему мнению, микротопонимия занимает в топонимической системе особое положение и не может быть поставлена в один ряд с другими ее ветвями, поскольку это нарушает логику классификации. Ключевое отличие заключается в том, что гидронимы, оронимы, дромонимы и др. выделяются по семантическому признаку (характеру именуемого объекта), в то время как микротопонимы определяются по количественно-территориальному признаку (небольшой размер и локальная известность объекта). Следовательно, один и тот же объект может быть одновременно отнесен к двум классификационным группам: например, небольшой ручей является одновременно и микротопонимом (по масштабу), и гидронимом (по характеру объекта) [Мурзаев 1974: 23; Фролов 1982: 27].

Среди исследователей также существует мнение о нецелесообразности использования вообще термина «микротопоним», поскольку он обозначает недостаточно четко определенное понятие и содержит внутреннее противоречие (например, см. [Фролов 1982]). Совершенно правильно пишут по этому поводу в работе «Теория и методика ономастических исследований», «если топоним – слово, то микротопоним, очевидно, микрослово, что неточно. Если объект – ручей или лужа, то это все равно гидроним (микрогидроним?), тогда необходимо либо уточнить границу гидронима и микрогидронима, либо вообще дать точную дефиницию термину «микротопоним» (что в свое время сделано не было)» [Суперанская и др. 2007: 222]. Следовательно, термин «микротопоним» не несет конкретной информации о характере объекта и требует сложной системы дополнительных уточнений.

Учитывая отсутствие единого мнения в вопросе разграничения макро-, микро- и собственно топонимов, а также руководствуясь принципом целостности анализа, в настоящей работе оронимы рассматриваются как единая категория без внутреннего деления по количественно-территориальному признаку. Такой унифицированный подход, на наш взгляд, позволяет избежать терминологической

путаницы и сосредоточиться на комплексном изучении оронимов независимо от размеров обозначаемого объекта.

Классификация топонимов основывается на типе обозначаемого географического объекта. А. В. Суперанская и ее соавторы предлагают делить их на две крупные категории: 1) наименования природных объектов и 2) наименования объектов антропогенного происхождения или преобразованных человеком [Суперанская и др., 2007]. Данная систематизация обусловила внутреннее членение топонимики как научной дисциплины на следующие специализированные разделы:

1. имена природных объектов:
 - гидронимика (водные объекты), включающая потамониимику (реки, ручьи), лимнонимику (озёра, водохранилища), пелагонимику (моря) и гелониимику (болота);
 - спелеониимику (пещеры);
 - оронимику (формы рельефа);
 - дримониимику (лесные массивы и их части);
 - хорониимику (названия крупных территорий и административных образований);
2. имена объектов антропогенного происхождения:
 - ойкониимику (поселения), подразделяющаяся на комониимику (сёла) и полисономиимику (города);
 - урбанониимику (внутригородские объекты);
 - дромониимику (пути сообщения) [Подольская 1988].

По этой классификации оронимы относятся к названиям природных объектов.

Ключевая роль топонимов заключается в функции пространственной адресации. Будучи привязанными к конкретным объектам, они служат уникальными идентификаторами, позволяющими выделить и индивидуализировать определенный объект в ряду других.

Таким образом, географические названия, являясь важным объектом междисциплинарных исследований, прочно заняли свое место в системе научного знания. Значительный научный и практический интерес к топонимике обусловлен той ключевой ролью, которую топонимы играют в организации человеческой деятельности: выступая ориентирами в пространстве, они способствуют освоению и структурированию окружающего мира, что и определяет их непреходящую ценность для общества и отдельного человека.

1.1.2 Понятие оронима

Оронимика, представляющая собой раздел топонимики, специализируется на исследовании оронимов. Как справедливо указывает Е. М. Поспелов, данная дисциплина подчиняется общим закономерностям и принципам, характерным для топонимики в целом [Поспелов 1969: 4]. Важно разграничивать понятия «оронимика» (наука) и «оронимия» (совокупность оронимов, объединенных по определенному признаку – территориальному, языковому или хронологическому) [Подольская 1988: 105]: оронимия Якутии, якутская оронимия, оронимия XIX века.

Оронимия каждого конкретного региона характеризуется не только локальной ограниченностью и сложностью происхождения, но и выполняет функцию особого пласта лексики, который используется для номинации географических реалий данной территории.

В трудах ведущих топонимистов, таких как А. В. Суперанская [1964], Е. М. Поспелов [1969], Г. П. Смолицкая [1972], В. Д. Бондалетов [1983], Э. М. Мурзаев [1974], А. К. Матвеев [1990], В. В. Алпатов [2009], особое внимание уделялось изучению оронимов.

Не менее актуальным вопросом современной оронимики является разнообразие ономастических терминов. Так, в топонимической науке нет единообразия в понимании термина «ороним». В некоторых работах оронимами считают только названия гор и хребтов. Другие исследователи рассматривают данный термин как обобщающее понятие, включающее в себя различные виды

орографических объектов, и предлагают подробную классификацию оронимов в зависимости от типа именуемого объекта. Так, Э. М. Мурзаев определяет ороним как собственное географическое название гор, холмов, гряд, бугров, межгорных котловин, ущелий и других орографических объектов [Мурзаев 1974: 24].

В «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольская дает следующее определение: «Ороним – вид топонима. Собственное имя любого элемента рельефа земной поверхности (положительного и отрицательного), т. е. любого орографического объекта» [Подольская 1988: 99–100]. Е. М. Поспелов под оронимами понимает «названия положительных и отрицательных форм рельефа независимо от их размеров и гипсометрического уровня (названия вершин и долин высокогорья, небольших холмов и оврагов равнинной местности)» [Поспелов 1969: 4]. По определению А. М. Мезенко «ороним – название любого объекта рельефа земной поверхности – как выпуклого (гора, горный хребет, холм), так и вогнутого (долина, овраг, впадина, ущелье, котлован)» [Мезенко и др. 2022: 96].

Ряд исследователей классифицируют оронимы на основе трех типов, которые определяются в зависимости от вертикального и горизонтального расчленения земной поверхности. В рамках вертикального членения выделяют названия положительных форм рельефа, таких как горы, скалы, камни, сопки, холмы и возвышенности, а также названия отрицательных форм рельефа – понижений, логов, впадин, долин, ущелий и оврагов и др. При горизонтальном членении земной поверхности различают степи и луга [Суперанская и др. 1995: 67]. Также исследователи выделяют вид оронима – спелеоним – собственное имя любого природного подземного образования (пещеры, грота, пропасти и др.) [Суперанская 2012: 186].

Вслед за представителями «широкого» подхода, мы определяем оронимы как класс онимов, обозначающих любые формы и элементы рельефа земной поверхности.

Еще одной дискуссионной проблемой в области оронимии остается разграничение оронимов и гидронимов. Как неоднократно отмечалось в специальной литературе, наименования форм рельефа тесно связаны с

гидронимией. Формирование и развитие форм отрицательного рельефа, таких как овраги и балки, обусловлено гидрологическими процессами [Масальский 1897]. Эта генетическая связь приводит к тесному взаимодействию орографических и гидрографических объектов в природной среде.

Вследствие сходства функций и характеристик орографических и гидрографических объектов, во многих случаях возникает проблема определения статуса географического объекта. Возникает закономерный вопрос: следует ли классифицировать объект как реку овражного типа или как балку, в которой благодаря родникам образовался постоянный водоток? А. Е. Суперанская обращает внимание на эту особенность: «... в засушливые годы многие небольшие реки пересыхают, а в дождливые периоды сток с гор осуществляется практически по всем оврагам. Отсюда обозначения типа: мокрая балка, сухая балка, ливневая балка» [Суперанская 1985: 23]. Важно подчеркнуть, что гидрография как научная дисциплина занимается исключительно изучением водных объектов (океанов, морей, прибрежных зон, озер и рек), в то время как орография исследует формы рельефа – положительные, равнинные и отрицательные – безотносительно к тому, заполнены они водой или нет.

Данная проблема особенно актуальна для оронимии Якутии, где широкое распространение многолетнемерзлых пород и специфический гидрологический режим создают множество переходных форм, затрудняющих однозначное отнесение объекта к орографическим или гидрографическим. Следовательно, при анализе подобных пограничных случаев в оронимии Якутии мы будем применять комплексный подход, учитывающий как лингвистические, так и физико-географические критерии, что позволит избежать жесткой и зачастую условной категоризации.

Ключевая функция оронимов, как и всех топонимов, состоит в индивидуализации, идентификации и выделении именуемого объекта среди других. Оронимы служат важными пространственными ориентирами, обеспечивая точное и быстрое определение местоположения.

А. В. Суперанская выделяет специальную дейктическую (указательную) функцию, подчеркивая, что указание на объект имманентно присуще любому топониму в силу характера связи между именем и обозначаемым объектом [Суперанская 2012: 274].

В. А. Никонов предлагает иную классификацию основных функций топонима:

1. номинативная (адресная) — функция именования и адресации;
2. дескриптивная (описательная) — функция описания характеристик объекта;
3. идеологическая — функция отражения культурно-идеологических установок [Никонов 2011: 62].

Кроме того, как отмечают исследователи, топонимы выполняют идентификационную функцию даже без наличия специального знания контекста, что невозможно для любого другого языкового знака [Hoffman, Tóth 2018: 290]⁵.

Помимо указанных функций, оронимы, по справедливому замечанию Н. А. Ласыновой, выполняют важную культурно-историческую и социальную роль. Подобно другим топонимам, они аккумулируют в себе информацию об общественно-политических процессах, повседневном быте, культурных представлениях, традициях, обычаях и мировоззренческих установках этноса, выступая тем самым ценным источником для изучения его истории и менталитета [Ласынова 2009: 110]. Аналогичная точка зрения высказывается и зарубежными учеными. Культурное значение является ключевым компонентом смысловой структуры топонимов, поскольку собственные имена тесно связаны с культурой, в гораздо большей степени, чем другие языковые элементы [Hoffman, Tóth 2018: 290]⁶.

⁵ Оригинальный текст: «Toponyms may assume an identifying role even without any special knowledge of the context (which is not possible in the case of other identifying language tools), although in certain cases the clarifying role of the context might also be necessary» [Hoffman, Tóth 2018: 290].

⁶ Оригинальный текст: «Cultural meaning can be considered a crucial component of the meaning structure of toponyms as proper names are characterised by their strong connection to culture, and much more so than any other language elements» [Hoffman, Tóth 2018: 290].

Несмотря общетопонимические свойства, оронимы характеризуются рядом специфических черт, отличающих их от других географических названий. Е. М. Поспелов к таким особенностям относит:

- тесную связь с гидронимами, обусловленную генетически;
- четкую иерархическую организацию: для положительных форм рельефа (горная страна → хребты → отдельные вершины → их элементы) и для отрицательных форм по гидрографическому принципу (главная долина → ответвления различных порядков);
- сравнительно низкую частотность использования антропонимов и этнонимов в качестве основ;
- семантическую мотивацию, основанную на внешних признаках объекта: размере, форме, количестве вершин, цвете, наличии растительности, снега / льда или культовом значении [Поспелов 1969: 6–7].

Т. Ф. Федотова, противопоставляя оронимы ойконимам, акцентирует их большую древность и высокую устойчивость к изменениям, что объясняется стабильностью самих физико-географических объектов, в отличие от подверженных историческим трансформациям поселений [Федотова 2008б: 48].

В современной науке акцент смещается на изучение лингвокультурного и этнокультурного потенциала оронимов. Так, Ю. В. Исламова предлагает рассматривать их функционирование в двух аспектах: первичном (пространственно-ориентирующем) и вторичном (культурно-информационном), где название не только идентифицирует объект, но и кодирует информацию о географии, истории и мировоззрении этноса [Исламова 2013: 46].

Особое место оронимов в топонимической системе подчеркивает Е. В. Цветкова, интерпретируя их как этнокультурные феномены, которые аккумулируют исторический опыт народа и отражают глубинные связи между языком и национальной идентичностью. Именно оронимы, будучи важнейшими компонентами языковой картины мира, способны давать «косвенную характеристику этноса» [Цветкова 2009: 209].

В отличие от других топонимов, оронимы демонстрируют исключительно высокий потенциал к метафоризации. Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что этот процесс «во многом обусловлен картиной мира носителей языка, т. е. народной символикой и ходячими представлениями» [Арутюнова 1979: 140]. Именно в оронимии, а не в гидронимии или ойконимии, метафорические модели проявляются наиболее ярко и разнообразно [Федотова 2008б: 48; Алпатов 2009: 45]. Это подтверждается исследованием М. Э. Рут, показавшим, что причудливые формы рельефа (скалы, горы) чаще всего становятся объектами образной номинации [Рут 1994]. Следовательно, оронимы выступают мощными репрезентантами коллективного сознания, фиксируя не только физические параметры пространства, но и ментальные проекции этноса, его мифопоэтические взгляды и антропоцентрические модели освоения мира.

Проведенный анализ позволяет не просто рассматривать оронимы в рамках топонимической системы, но и выделить их в особую категорию, обладающую беспрецедентным лингвокультурным потенциалом.

Оронимическая лексика как система складывается из двух тесно взаимосвязанных пластов:

- пласт орографических апеллятивов (нарицательные слова, обозначающие тип орографических объектов своим лексическим значением): *гора, хребет, сопка, долина* и т. д. Эти единицы являются источником для образования оронимов и выполняют роль классификатора, явно указывая на категорию именуемого объекта;
- пласт собственно оронимов (собственные имена объекта рельефа земной поверхности): г. *Белуха*, хр. *Черского*. Именно они являются основным объектом ономастического исследования.

В рамках данного раздела принципиально важным представляется рассмотрение ключевых процессов образования оронимов – оронимизации, трансонимизации, транстопонимизации и трансоронимизации. Это обусловлено тем, что именно эти процессы раскрывают генезис и семантическую мотивацию изучаемых названий, позволяя проследить, как именно апеллятивная лексика

трансформируется в оронимическую и как происходит миграция имен между разными ономастическими пространствами.

Данный процесс, при котором апеллятивы или апеллятивные словосочетания переходят в разряд онимов известен как онимизация апеллятива [Подольская 1988: 91]. Применительно к нашей теме, частным случаем этого процесса является оронимизация – переход апеллятивной лексики в разряд оронимов (собственных названий форм и элементов рельефа земной поверхности). Онимизация и, в частности, оронимизация апеллятива – это древнейший способ создания собственных имен. Порывая с классом апеллятивов, такие имена в дальнейшем подвергаются своим собственным онимическим перестройкам [Суперанская и др. 2007: 42].

Ключевым элементом процесса оронимизации выступает производящая (мотивирующая) основа – апеллятивная лексическая единица (слово или основа), служащая исходным материалом для создания оронима. Производящая основа определяет первичную семантику имени, раскрывая мотивацию номинации и сохраняя связь с внеязыковой действительностью. В результате оронимизации в разряд оронимов чаще всего переходят апеллятивы, обозначающие:

- орографические апеллятивы (гора, хребет, сопка), которые становятся идентификаторами конкретных объектов: апеллятив *хайа* ‘гора’ → производящая основа для оронима *Хайа*, компонент *Хайа* выполняет уже не нарицательную, а идентифицирующую функцию, став собственным названием конкретной горы;
- названия животных, растений, предметов, которые начинают ассоциироваться с формой или иной характеристикой объекта: апеллятив *боруу* ‘хвощ’ → производящая основа для оронима *Боруулаах*, т. е. местность, богатая хвощом;
- признаки объекта (высокая, крутая, плоская, белая), которые закрепляются за конкретной горой или возвышенностью: апеллятив *кыһыл* ‘красный’ → производящая основа для оронима *Кыһыл*, т. е. гора красного цвета.

В результате этого процесса апеллятив утрачивает свою нарицательную функцию и становится идентификатором орографического объекта.

Один из самых распространенных способов образования онимов является трансонимизация уже существующего имени собственного. В результате этого процесса уже существующее имя собственное переходит из одного разряда в другой [Мезенко и др. 2022: 13]. Н. В. Подольская [1983] предлагает детальную классификацию этого процесса, выделяя три основных уровня:

1. трансонимизация: переход онима из любого другого класса в разряд топонимов (наиболее частотный случай – переход антропонима в топоним);
2. транстопонимизация: переход топонима из одного класса в другой (например, ойконим → ороним, гидроним → ороним);
3. внутриклассовая трансформация: переход внутри одного класса топонимов, например:
 - трансгидронимизация (в классе гидронимов);
 - трансойконимизация (в классе ойконимов);
 - трансоронимизация (в классе оронимов);
 - трансурбанонимизация (в классе урбанонимов).

Данная типология Н. В. Подольской демонстрирует сложность процессов миграции имен собственных и будет взята за основу в нашем исследовании в качестве основного методологического инструмента. Мы предполагаем, что для оронимов Якутии, наряду с оронимизацией имен нарицательных, будет характерно доминирование трансонимизации по модели антропоним → ороним, транстопонимизации по моделям гидроним → ороним, ойконим → ороним и трансоронимизации по модели ороним → ороним, что может быть связано с исторически ведущей ролью скотоводства и охотничьего промысла в регионе. С этими процессами связано присвоение элементов рельефа именам первопоселенцев, владельцев пастбищ или известных охотников (антропоним → ороним). В свою очередь, прагматическая необходимость ориентации на обширных пространствах способствовала переносу гидронимов на оронимы. Кроме того, это может объясняться особенностями природной среды Якутии. В условиях мощного развития многолетней мерзлоты и криогенных процессов рельефообразования многие формы рельефа (аласы, булгунняхи) генетически тесно связаны с

гидрообъектами, что могло обусловить частоту переноса названий по модели гидроним → ороним. Отдельного внимания заслуживает модель ороним → ороним (трансоронимизация), при которой название одного объекта рельефа переносится на другой, географически или генетически связанный с ним объект. Это отражает иерархическое восприятие пространства: например, названия крупных объектов (аласов, долин) становятся основой для номинации более мелких объектов внутри них (полян, полей). Кроме того, более молодые и динамичные формы рельефа (булгунняхы) могут наследовать имя более устойчивых и значительных объектов (аласов), что подчеркивает их генетическую и ландшафтную связь. Наша задача – проверить эту гипотезу и выявить специфику данного процесса в рамках конкретного оронимического ареала.

Важно подчеркнуть, что процессы оронимизации, трансонимизации, транстопонимизации, трансоронимизации относятся к оронимам любой структуры. Если для однокомпонентных оронимов оронимизация означает переход отдельного слова из апеллятивной лексики в разряд собственных, то для многокомпонентных этот процесс часто представляет собой оронимизацию целого словосочетания.

Орографические данные нашего исследования свидетельствуют, что в тюркской оронимии орографические апеллятивы играют весьма значительную роль, выступая как самостоятельно, так и в качестве компонентов сложных наименований.

В структурном отношении географические названия, состоящие из нескольких компонентов, классифицируются на две основные группы в зависимости от наличия или отсутствия в их составе орографического апеллятива, указывающего на тип объекта: а именно терминированные и эллиптические. К терминированным относятся сложные названия, одним из компонентов которых является эксплицитно выраженный географический апеллятив (т. е. термин). Эллиптические названия характеризуются отсутствием такого термина, который, однако, подразумевается.

А. К. Матвеев отмечает, «следует различать... эллипсис в топонимах, возникших на почве функционирующего языка, и эллипсис в топонимах с

субстратной основой» [Матвеев 1989: 7]. С лингвистической точки зрения, эллипсис представляет собой пропуск подразумеваемой языковой единицы, приводящий к структурной «неполноте» конструкции, смысл которой восстанавливается из контекста или исторической традиции [ЛЭС 1990: 592]. В ономастической литературе подобные формы также известны как усеченные или нетерминированные названия.

В научной литературе феномен опущения географического апеллятива в топонимах традиционно рассматривается через призму эллипсиса. Так, Б. А. Серебренников отмечает, что для русской топонимии, в силу ее грамматических особенностей (наличие родовых окончаний), эллиптические формы являются органичными и распространенными [Серебренников 1959: 39]. Иную точку зрения представляет Г. Е. Корнилов, рассматривающий эллиптирование как особый топонимический тип, характерный для агглютинативных языков, что нашло отражение в работах по якутской топонимии [Корнилов 1967; Гриценко 1968; Монастырёв 1993].

В контексте данного исследования принципиально важным является отход от спорного понятия «эллипсис» в пользу более объективных и структурно определенных критериев. В отличие от русского языка, якутский оронимия, лишенная родовых окончаний, не предоставляет внутренних грамматических маркеров для категоризации объекта. Ключевая проблема, однако, заключается в сложности разграничения истинного эллипсиса, что подчеркивает О. Т. Молчанова: по ее словам, проблема в том, «насколько эллиптирование охватывает процесс унификации именника и как на практике разграничить эллиптические и псевдоэллиптические формы» [Молчанова 1982: 103].

В данной работе мы применяем дихотомию «терминированные / нетерминированные оронимы». Такой отказ от термина «эллипсис» в пользу «терминированные / нетерминированные оронимы» позволяет не только избежать методологической путаницы, но и выявить ключевые закономерности якутской оронимической системы. Этот подход дает четкий инструментарий для анализа и

позволяет по-новому взглянуть на генезис и функционирование оронимов в Якутии.

Важно подчеркнуть, классификация оронимов на терминированные и нетерминированные применяется исключительно к многокомпонентным названиям. Для однокомпонентных оронимов ключевым является не структурный, а генетический критерий – способ их образования (оронимизация, трансонимизация, транстопонимизация, трансоронимизация), который и объясняет их происхождение и связь с апеллятивной лексикой.

Структуру многокомпонентного оронима образуют два ключевых элемента: 1) апеллятивный компонент – орографический апеллятив (*хайа* ‘гора’), выполняющий классифицирующую функцию указания на тип объекта, и 2) оронимический проприальный (назывной) компонент (*боруулаах* ‘хвощовый’ от *боруу* ‘хвощ’ + афф. облад. *-лаах*), несущий индивидуализирующую функцию и уникализированный данный объект среди других того же класса. Следовательно, ороним *Боруулаах Хайа* ‘хвощовая гора’ представляет собой бинарную синтагму, образованную единством оронимического апеллятивного и проприального компонентов.

Проведенный анализ позволяет определить ороним как собственное название элемента рельефа земной поверхности, представляющее собой сложный лингвокультурный феномен. Его уникальность в системе топонимов обусловлена совокупностью специфических характеристик.

Во-первых, оронимы демонстрируют исключительно высокий потенциал к метафоризации. Причудливые формы рельефа (скалы, горы) часто становятся объектами образной номинации (например, «Спящий лев», «Чертов палец»), отражая народную картину мира и мифопоэтические представления.

Во-вторых, им свойственна высшая степень хронологической устойчивости и древности. Физико-географические объекты меняются медленнее, чем поселения, поэтому оронимы консервируют в себе древнейшие пласты языка и являются надежными хранителями исторической памяти.

В-третьих, оронимы выполняют функцию пространственно-ментального ориентира. Они не просто обозначают объект, но и кодируют информацию о нем: его свойства (форма, цвет, размер), историю освоения и ценностное отношение к нему человека. Следовательно, они синтезируют в себе географические, исторические, психологические и этнографические коды, выступая мостом между физическим ландшафтом и ментальным миром народа.

Именно эта триада свойств – метафоричность, устойчивость и ментальная ориентирующая функция – определяет исключительный статус оронимов как наиболее архаичного и культурно-насыщенного пласта топонимии, что подтверждает необходимость их комплексного изучения с использованием лингвистических методов исследования

Резюмируя все вышесказанное, можно дать следующие определения ключевым понятиям, составляющим теоретический фундамент нашего исследования:

оронимическая лексика – совокупность собственно оронимов и орографических апеллятивов, формирующих единую оронимическую систему, где орографические апеллятивы служат основой для образования оронимов;

ороним – собственное название элемента рельефа земной поверхности;

оронимизация – переход нарицательных имен в оронимы;

трансонимизация – переход антропонимов в оронимы;

транстопонимизация – переход гидронимов, ойконимов в оронимы;

трансоронимизация – переход внутри классов оронимов;

апеллятивный компонент (орографический апеллятив) – это нарицательное слово (орографический термин), обозначающее тип элемента или формы рельефа (напр., *хайа* ‘гора’). В структуре оронима он выполняет роль классификатора, явно указывая на категорию именуемого объекта;

оронимический проприальный компонент – это лексическая единица (часто признаковая или характеризующая), которая в структуре оронима выполняет индивидуализирующую функцию, выделяя именуемый объект от других объектов того же класса;

терминированные оронимы – это многокомпонентные названия, в структуре которых эксплицитно присутствует орографический апеллятив, выполняющий функцию явного маркера типа объекта (напр., *Боруулаах Хайа* ‘Гора Хвощовая’);

нетерминированные оронимы – это многокомпонентные названия, не содержащие в своей структуре орографического апеллятива. При этом оронимический проприальный компонент (индивидуализатор) может напрямую восходить к апеллятивной лексике, описывающей признак объекта.

Таким образом, предложенная система понятий позволяет комплексно анализировать якутскую оронимию на уровне ее актуальной структуры, что открывает новые перспективы для выявления ее лингвистических особенностей.

1.2 Апеллятивы, указывающие на тип и разновидность орографических объектов

1.2.1 Место орографических апеллятивов в составе оронимов

Орографические апеллятивы – нарицательные слова, указывающие на тип и разновидность называемого объекта – представляют наибольший интерес среди лексики, используемой в составе оронимов. Они являются обязательным структурным и семантическим компонентом оронима, выполняющим ключевую идентифицирующую функцию. Так, «белым, белой» (як. *үрүн*) может быть гора *Үрүн Хайа*, озеро *Үрүн Күөл*, речка *Үрүн Үрэх*, скала *Үрүн Таас* и т. д. Ясно, что без апеллятивных слов *хайа* ‘гора’, *үрэх* ‘речка’, *күөл* ‘озеро’, *таас* ‘скала’ и т. п. было бы непонятно, о каком объекте ведется речь.

Ключевая роль орографических апеллятивов в формировании оронимических систем была отмечена в трудах Е. М. Поспелова, В. А. Никонова, А. С. Суперанской, Э. М. Мурзаева, К. Г. Конкашпаева, А. К. Матвеева, О. Т. Молчановой и др. Совершенно правильно пишет по этому поводу Е. М. Поспелов: «...полное выявление, систематизация и анализ орографической терминологии должно быть первым этапом изучения оронимии» [Поспелов 1969: 4]. Актуальность их изучения обусловлена также тем, что многие термины

сохранились исключительно в составе оронимов, что, с одной стороны, затрудняет их анализ, а с другой – способствует консервации архаической лексики [Горшкова, Хабургаев 1997: 22].

В специальной литературе нарицательные слова, или апеллятивы, которые обозначают географические реалии и выступают в качестве определителей типа географического объекта при проприальной (собственно назывной) части географических названий, получили самые различные обозначения. Так, для обозначения географических реалий исследователями используются термины «индикаторы», «детерминативы», «географические термины», «номенклатурные термины», «географические апеллятивы», «топонимические апеллятивы», «топонимические определители» и пр.

В словаре Н. В. Подольской «географический термин (детерминатив) – слово, обозначающее определенную географическую реалию» [Подольская 1988: 44]. Б. А. Серебренников называл их индикаторами, или ключевыми словами, а характерные для топонимов формальные части слов топоформантами [Серебренников 1959: 37–39]. В рамках данного подхода О. Т. Молчанова в ряде своих работ определяла указанный разряд слов как географические термины [Молчанова 1968], географические апеллятивы [ТСГА 1979], географические номены [Молчанова 1982], топографические родовые элементы [Молчанова 2018].

Согласно концепции Э. М. Мурзаева, подобная лексика определяется как «местные народные географические термины». Ключевой признак «местности» здесь указывает на то, что ареал их бытования определяется не границами языков или диалектов, а конкретными географическими территориями. Атрибут «народные», в свою очередь, подчеркивает их естественное, ненаучное происхождение и отсутствие жесткой терминологической фиксации. По определению Э. М. Мурзаева, «народные термины – неисчерпаемый источник пополнения научной терминологии, что легко подтверждается частыми примерами. Достаточно вспомнить такие геоморфологические и ландшафтные нарицательные названия, как гряда, сопка, грива, полонина, голец, яйла, тайга, тундра. Последние два ныне стали международными» [Мурзаев 1984: 3].

В научной среде существует критика применения понятия «термин» по отношению к данной лексике. Обосновывается это тем, что с позиций терминоведения термин – это слово или словосочетание, служащее точным обозначением строго определенного понятия в рамках специализированной сферы знания (науки, техники, искусства и т.д.) [Лопатин, Лопатина 1997].

А. В. Суперанская, в частности, подвергает сомнению правомерность использования формулировки «местные (народные) географические термины». Исследователь предлагает альтернативное обозначение – «топонимические апеллятивы», аргументируя это тем, что в структуре топонимов любой территории сочетаются элементы разных языков и эпох. Среди них, по ее мнению, выделяются ключевые слова-индикаторы (топонимические апеллятивы), которые и выполняют этнодифференцирующую функцию, и именно их часто ошибочно называют местными географическими терминами [Суперанская и др. 2007: 41–42].

Аналогично, в исследованиях по изучению оронимов также существуют разные подходы к наименованию слов, указывающих на тип и разновидность орографического объекта. В частности, исследователи тюркских оронимов О. Т. Молчанова [1968], Г. И. Донидзе [1969], Н. А. Баскаков [1969], В. А. Никонов [1978], А. А. Камалов [1997], Е. А. Керимбаев [1988], В. И. Исрафилов [1989], Р. Д. Сунчугашев [1999], В. Д. Монастырёв [2002], Н. А. Ласынова [2016], Г. Х. Бухарова [2016], З. С. Камалетдинова [2019], О. Т. Бегимов [2023] и др. в своих работах использовали понятия «географический термин», «номенклатурный термин», «оронимический термин», «орографический термин», «орографический номен», «оронимический индикатор», «оронимообразующий термин» и др.

Понятие «географический термин» в его нарицательном значении тождественно термину «апеллятив». Важнейшей характеристикой собственно термина является строгая определенность обозначаемого им понятия. К ключевым свойствам терминов традиционно относят: 1) системность; 2) наличие четкой дефиниции; 3) тенденцию к однозначности (моносемичности); 4) отсутствие экспрессивной окраски; 5) стилистическую нейтральность [ЛЭС 202: 508].

Однако так называемые «географические термины», используемые в топонимике, обладают принципиально иными свойствами. В отличие от строгих научных терминов, они, как правило, не связаны с единым и четко определенным понятием и часто выходят за пределы локального употребления. Как демонстрируют материалы словаря В. и Э. Мурзаевых [1959], один и тот же лексический элемент даже в пределах небольшой территории может не иметь строго лимитированного значения и способен кардинально менять его при распространении на другие регионы [Суперанская и др. 2007: 41–42].

В связи с этим, на наш взгляд, термин «орографический апеллятив», пожалуй, даже лучше отвечает специфике рассматриваемых явлений. В отличие от собственно терминов в строгом смысле этого слова, апеллятивы включают большое количество лексем, нередко употребляющихся метафорически, отражающих различные семантические сдвиги, допускающие многозначность и выборочность лексических основ и признаков [Агеева 1985: 37].

В научной литературе разработан ряд подходов к классификации орографических апеллятивов, что обусловлено разнообразием исследовательских задач.

Э. М. Мурзаев, исходя из функций и распространенности апеллятивов, выделяет две группы: родовые термины, обобщающие географические термины (река, болото, озеро и т. д.); и видовые термины, характеризующие более ограниченные элементы природной среды, указывающие на узкоспециальные черты объекта (затон, рукав и т. д.) [Мурзаев 1974: 100].

В. А. Жучкевич классифицирует географические апеллятивы на две категории: 1) обобщающие (общеизвестные); 2) детализирующие. Детализирующие термины, как правило, не переводимы, поскольку не имеют соответствий в других языках и характеризуют особенности природы, присущие лишь той стране, где этот термин употребляется [Жучкевич 1980: 37].

Классификацию орографической номенклатуры Алтая Т. В. Чернышева строит по аналогии взаимосвязей диалектной лексики и литературного языка. В зависимости от этого критерия, апеллятивы подразделяются на узуальные, т. е.

общеупотребительные, не отличающиеся на исследуемой территории каким-то новым значением, и диалектные апеллятивы и номены, ограниченные каким-то регионом, «статут» которых равен «статуту диалектной лексики». Диалектные номены, в свою очередь, делятся еще на две группы: «переселенческие», приобретающие на определенной территории значение отличное от литературного; и локальные, известные ограниченному кругу людей [Чернышева 1981: 46].

В оронимике классификационная схема в основном построена на интерпретации апеллятивов с точки зрения обозначения ими орографических объектов. Классификация орографических апеллятивов по характеру обозначаемых объектов представлена в работах О. Т. Молчановой [1968], И. А. Воробьева [1974], Е. А. Керимбаева [1988], В. И. Исрафилова [1989], Р. Д. Сунчугашева [1999], В. Д. Монастырёва [2002], Н. А. Ласыновой [2004] и др.

О. Т. Молчанова [1968] орографическую терминологию алтайской оронимии делит на две группы. В группе «географические термины, служащие для обозначения положительных форм рельефа» выделены подгруппы «перевалы», «горные хребты», «стоящие горы, холмы, возвышения», «части горы». Вторую группу составляют географические термины, служащие для обозначения отрицательных форм рельефа.

И. А. Воробьева в зависимости от характера географических реалий, подразделяет орографические апеллятивы Западной Сибири на три группы: 1) термины для называния возвышенных мест; 2) термины для называния понижений рельефа; 3) термины для называния островов, полуостровов, мысов и т. д. [Воробьева 1974: 36].

Р. Д. Сунчугашев орографические апеллятивы подразделяет на три группы на основе их отношения к уровню моря: «1) оротермины (т. е. орографические термины), которые обозначают объекты, имеющие «плюсовую» отметку, т. е. возвышающиеся над равнинным уровнем; 2) оротермины, которые обозначают объекты, расположенные на «нулевой» отметке, т. е. на равнине; 3) оротермины, которые обозначают объекты, имеющие «отрицательную» отметку, т. е.

всевозможные типы понижений по отношению к уровню равнины» [Сунчугашев 1999: 23].

Данной классификации, но более последовательно, при исследовании башкирских оронимов придерживается Н. А. Ласынова [2004]. Автор предлагает следующие группы орографических апеллятивов: 1) термины, обозначающие положительные формы рельефа; 2) термины, обозначающие отрицательные формы рельефа; 3) термины, обозначающие «нулевые» формы рельефа.

По данным А. А. Камалова, в башкирском языке для характеристики положительных форм рельефа применяется около 70 терминов. По видам обозначаемых объектов эти термины исследователем классифицируются следующим образом: «1) термины, обозначающие горную систему, отдельные разновидности гор, возвышенностей, холмов и обрывов; 2) термины, обозначающие вершинные части горы; 3) термины, обозначающие склоны, подножия, мысы, ущелья, теснины, покатости и другие физические свойства орографического объекта; 4) термины, обозначающие острова и берега» [Камалов 1977: 87].

В якутской топонимии В. Д. Монастырёв, рассматривая орографическую терминологию правобережных районов Центральной Якутии, предлагает тематическую классификацию. Автор выделяет 4 группы апеллятивов на основе близости их лексической семантики: а) *булгунньах, быраан, дабаан, кырдал, сыыр, томтор, хадаар, хайа*; б) *алаас, сыһыы, алыы, таала, толоон, ходуһа, хонуу*; в) *анхай, аппа, иин, көнүс, үнкүр, хаспах, хайаҕас, эмнэ*; г) *кытыл, хомо, хотоол, хочо* [Монастырёв 1993: 110]

В статье «Географическая номенклатурная лексика в топонимии северо-запада Республики Саха» Нь. Багдарыын [2018] орографические апеллятивы по семантике подразделяет на следующие подгруппы: 1) термины, обозначающие открытую, ровную местность; 2) каменистую местность; 3) гору, горную местность; 4) возвышенность, бугорки; 5) склон, покатое место; 6) остров; 7) труднопроходимое место; 8) лощину, овраг.

Б. К. Ондар проводит сравнительный анализ апеллятивов в контексте их сопоставления с другими тюркскими и монгольскими языками: 1) апеллятивы, характерные для тувинского языка и его диалектов; 2) апеллятивы, характерные для тувинского и тюркских языков Южной Сибири; 3) апеллятивы тюркско-монгольские [Ондар 2008: 50–51].

Отмеченные классификационные схемы существенно отличаются друг от друга в зависимости от интерпретации апеллятивного материала, которая зависит от задач, стоящих перед исследователем.

Учитывая ограниченные возможности существующих схем и специфику якутского материала, в данном исследовании предлагается классификация, основанная на четырех взаимодополняющих критериях:

1. генетический критерий: выявление происхождения апеллятива через поиск параллелей в родственных и неродственных языках. На его основе выделяются:

- апеллятивы общетюркского происхождения;
- заимствования из монгольских, тунгусо-маньчжурских, юкагирского и русского языков;

- лексика без установленных внешних параллелей;

2. геоморфологический критерий, предполагающий учет связи с термокарстовыми процессами:

- общие, передающиеся апеллятивами, не обозначающими орографические объекты, связанные с термокарстовым происхождением;

- специфические для районов вечной мерзлоты, служащие для обозначения форм рельефа термокарстового происхождения;

3. орографический критерий: отношение объекта к некоему условному базисному уровню, в простейшем случае совпадающему с уровнем моря:

- апеллятивы, служащие для обозначения возвышенных форм рельефа;
- апеллятивы, служащие для обозначения равнинных форм рельефа;
- апеллятивы, служащие для обозначения отрицательных форм рельефа;

4. семасиологический критерий: путь развития орографической семантики:

- орографическая семантика является их первичной лексической семантикой;
- орографическая семантика развилась в результате метафорического переноса;
- орографическая семантика возникла на основе признака и закрепилась в языке через субстантивацию прилагательного.

Необходимо отметить, что второй критерий противопоставляет группу специфических апеллятивов, используемых для обозначения форм рельефа, образованных в результате термокарстовых процессов, всем остальным апеллятивам, которые являются общими для всех местностей, не связанных с действием термокарстовых процессов. Такой подход был обусловлен тем, что термокарстовые формы рельефа занимают обширные территории Якутии.

Третий критерий широко используется практически во всех оронимических исследованиях, так как соответствующие апеллятивы имеют общелингвистический характер. Термокарстовые формы рельефа невозможно отнести к какому-либо подтипу, выделяемому на основании третьего критерия, так как это трехмерные объекты, которые могут сочетать фрагменты всех трех уровней поверхности относительно условного базисного уровня.

Четвертый критерий также связан с происхождением апеллятивов, как и первый критерий. Он противопоставляет апеллятивы с основным орографическим лексическим значениям тем апеллятивам, для которых орографическое значение является переносным. Следует подчеркнуть, что в якутской оронимии функционирует большое количество метафорических орографических терминов, которые возникли в результате восприятия орографических объектов через призму образного мышления. Метафора – это перенос наименования с одного предмета на другой на основе сходства, расположения и других признаков. В якутской орографической терминологии метафоризации подвергаются слова, обозначающие

части тела и органы человека и животных, а также слова, связанные с хозяйственной деятельностью человека.

Отдельный пласт образуют прилагательные, характеризующие свойства ландшафта. Их включение в корпус анализируемых апеллятивов методологически обосновано, так как в оронимической системе якутского языка они часто подвергаются субстантивации, превращаясь в устойчивые термины для обозначения конкретного типа орографического объекта. Данный процесс наглядно иллюстрируют следующие примеры:

— исходное прилагательное *туруук* ‘крутой, отвесный’ субстантивировалось, приобретя терминологическое значение ‘крутая скала, утес’. В орониме *Куччугуй Туруук* (от *куччугуй* ‘маленький’ + *туруук* ‘утес’) оно функционирует уже не как признак, а как ядро номинации, точно указывающее на тип объекта;

— исходное прилагательное *нэлэгэр* ‘без возвышенностей, плоский, ровный’) в оронимической системе полностью субстантивировалось, приобретя семантику ‘широко открытая, просторная равнинная местность; долина’. В орониме *Кыйа Нэлэгэрэ* оно не только является ядром названия, но и принимает аффикс принадлежности 3 л. ед. ч. -э, что грамматически подтверждает его переход в разряд имен существительных.

Следовательно, признак, выраженный прилагательным, является не исходной точкой, а основой для формирования нового субстантивированного орографического апеллятива. Данные единицы были включены в анализ именно на том основании, что они утратили чисто атрибутивную функцию и стали полноправными номинациями для классов объектов рельефа, выполняя ту же роль, что и русские субстантивы *крутизна*, *равнина* или *низина*, образованные от прилагательных

В отличие от орографических апеллятивов, имеющих прямые лексические соответствия в тюркских языках и классифицируемых как общетюркские, выделяются монгольские, тунгусо-маньчжурские, юкагирские и русские

заимствования, небольшая часть апеллятивов характеризуется невыясненным этимологическим происхождением и отсутствием параллелей в других языках.

Предложенная система критериев позволяет провести всесторонний анализ якутского орографического апеллятивного фонда, выявив его генетическую стратификацию, семантическое своеобразие и связь с уникальными географическими условиями региона.

1.2.2 Физико-географические особенности Якутии как экстралингвистическая основа оронимики

Многие исследователи рассматривают топонимику как междисциплинарную науку, возникшую на стыке трех наук – лингвистики, географии и истории. Это относится и к оронимии. На формирование географических названий напрямую влияет конкретная географическая среда, следовательно, территориальная характеристика оронимов также имеет значение при анализе оронимии конкретного региона. Данное свойство отражения физико-географических реалий в языке придает оронимам «наибольшую устойчивость и сохранность, меньшую подверженность изменениям в условиях языковых контактов» [Полякова 2004: 96–106].

Кроме того, оронимы позволяют реконструировать природные особенности прошлых эпох. Другими словами, географические названия являются своеобразными «свидетелями» физико-географических особенностей того или иного региона в разные исторические времена. В этом контексте актуализируется мнение исследователей о том, что тюркоязычные и монголоязычные предки якутов до своего появления на современной территории проживания традиционно обитали в степных широких открытых зонах, пригодных для ведения скотоводческой деятельности [Данилова, Попова 2021: 73].

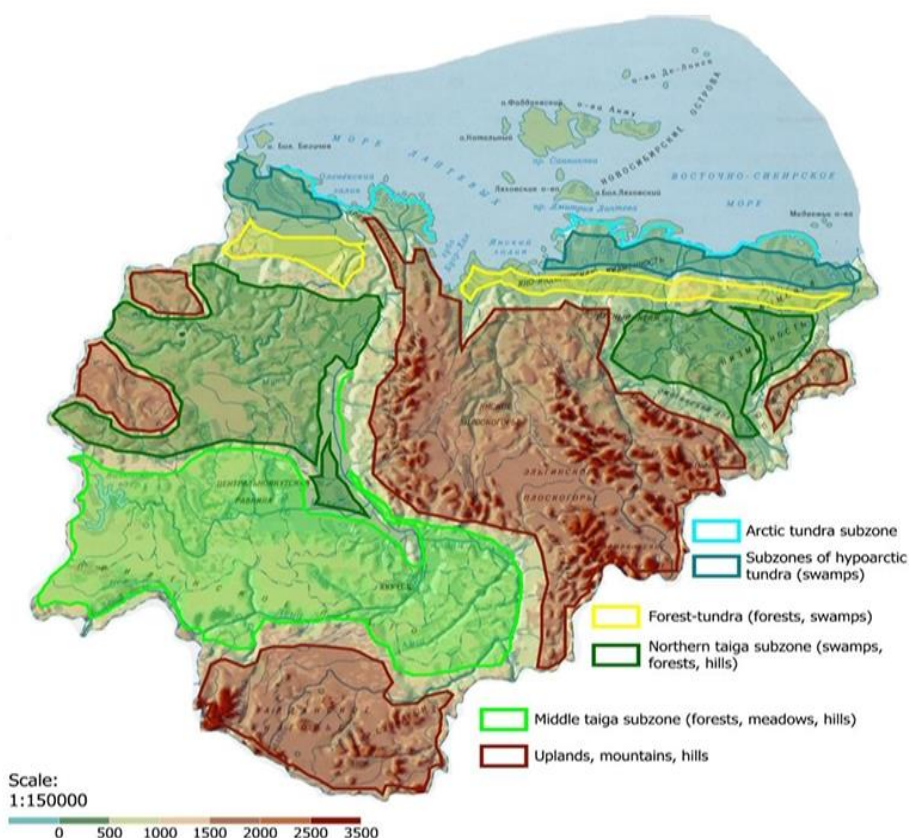
Именно потому мы считаем, что анализ оронимов непременно должен начинаться с анализа физико-географических особенностей исследуемого региона. Как лингвистика может помочь географии в раскрытии ландшафтной истории

местности, так и географические сведения помогают лингвистам в расшифровке тех или иных названий [Хисамов 2022: 184].

Благодаря значительному протяжению территория Якутии отличается большим разнообразием рельефа и наличием перемежающихся ландшафтов тундры, тайги и степи. По строению земной поверхности около 60 % площади Якутии занимают горы и плоскогорья (см. рис. 1).

Рисунок 1

Географическое и культурное пространство Республики Саха (Якутия)⁷

Горные хребты тянутся по северо-восточной и южной частям, достигают высоты 3 тыс. м. и более, высоты возвышенных равнин и плато Западной Якутии – 1 тыс. м. Территорию Якутию принято делить на три основных

⁷ Рисунок заимствован из докторской диссертации Н. В. Малышевой «Происхождение лексики живой природы: ономазиология и этимология (якутский язык и его диалекты)», 2024. С. 146.

геоморфологических региона: Байкало-Охотский горный пояс, Среднесибирское плоскогорье, а также горные системы и равнины северо-востока. Абсолютный максимум высот наблюдается в горах Черского (гора Победа, 3147 м). В то же время обширные пространства центральных районов и южного побережья Северного Ледовитого океана представляют собой низменности и разнорельефные равнины, суммарно занимающие до 42 % от всей площади региона [История Якутии 2020: 9].

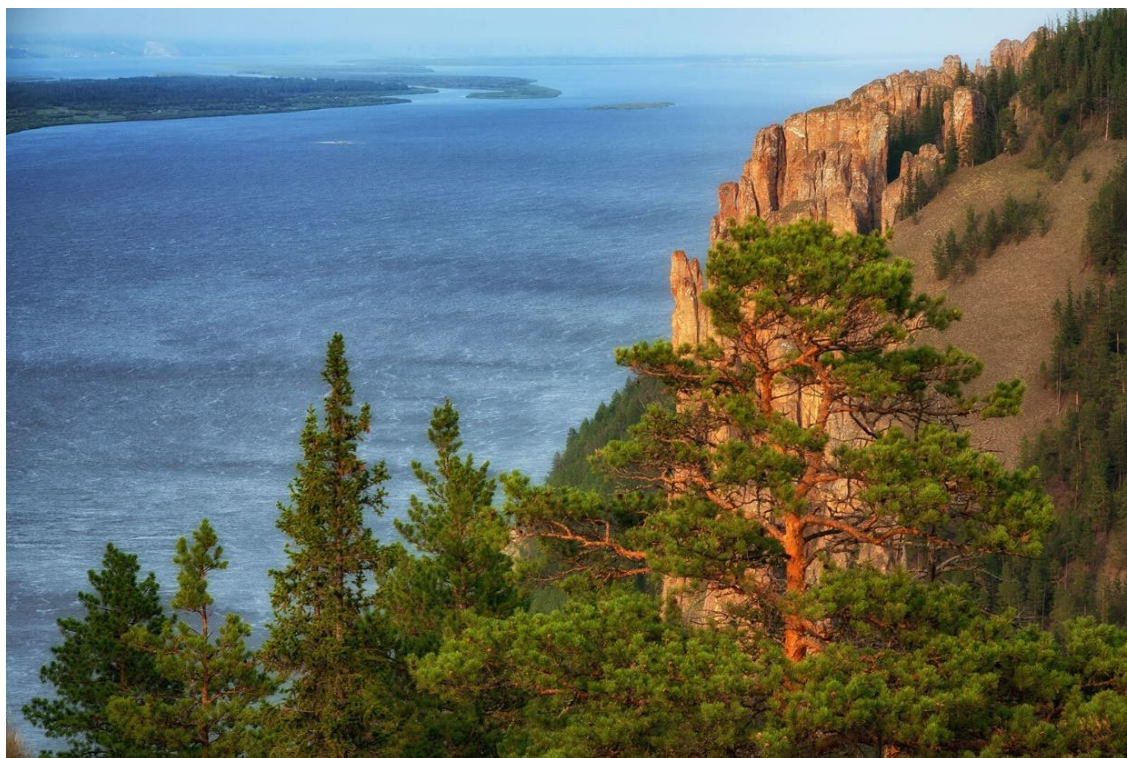
Горные территории Республики представлены следующими крупными орографическими областями.

1. Среднесибирское плоскогорье – расположено на западе, охватывает левобережье Лены до долины реки Анабар и районы к северу от Вилюя.
2. Верхоянская горная страна – занимает восточные районы Якутии.
3. Хребет Сетте-Дабан – протянулся к востоку от реки Алдан вплоть до побережья Охотского моря.
4. Приленское плато – расположено в центре республики, простираясь с запада на восток.
5. Алданское нагорье – занимает пространство между Приленским плато и Становым хребтом.
6. Становой хребет – проходит вдоль южной границы, отделяя Якутию от Амурской области.

Основные горные системы сосредоточены в северо-восточных, восточных и южных частях региона [Андреев 2016].

Выдающимся примером радикальных геоморфологических особенностей рельефа являются Ленские Столбы (см. рис. 2). Они находятся в южной части Якутии, в верхнем течении реки Лены. Вертикальные скалы сложены коренными породами нижнекембрийских известняков, возраст которых около 530 миллионов лет.

Ленские Столбы⁸

По мнению ученых Института мерзлотоведения СО РАН, начало формирования самих столбов началось около 400 тысяч лет тому назад. В этот период в результате вертикальных движений Сибирской платформы возникли разломы, а реки, прокладывая себе путь к морю и врезаясь в коренные породы, стали образовывать глубокие долины. Карстовые процессы, водная и ветровая эрозия постепенно привели к тому, что вдоль русла Лены возникли столь причудливые геологические образования. Высота скал в районе Ленских столбов составляет более 200 метров и они тянутся на 40 километров⁹. В горных районах Якутии встречаются уникальные формы рельефа – кигиляхи или кисиляхи, столбообразные скалы неправильной формы, которые располагаются на вершинах или склонах гор (см. рис. 3).

⁸ Фото Сергея Карпухина.

Ссылка: <https://karpukhins.livejournal.com/316836.html?ysclid=m6vw37tt81675061814>

⁹Ссылка: <https://travelask.ru/blog/posts/11934-lenskie-stolby-kak-obrazovalis-udivitelnye-skaly-v-yakutii>

Каменные люди

Каменные останцы – кигеляхи образованы в результате криогенного выветривания. Одни из них напоминают фигуры людей, другие зверей, третьи – стены разрушенных замков, четвертые – гигантские глыбы. В географической литературе термин *кигилях* используется в искаженной форме вместо слова *киһилээх*, которое происходит от якутского слова *киһи* ‘человек’. Русское название кигиляхов – *кекуры*.

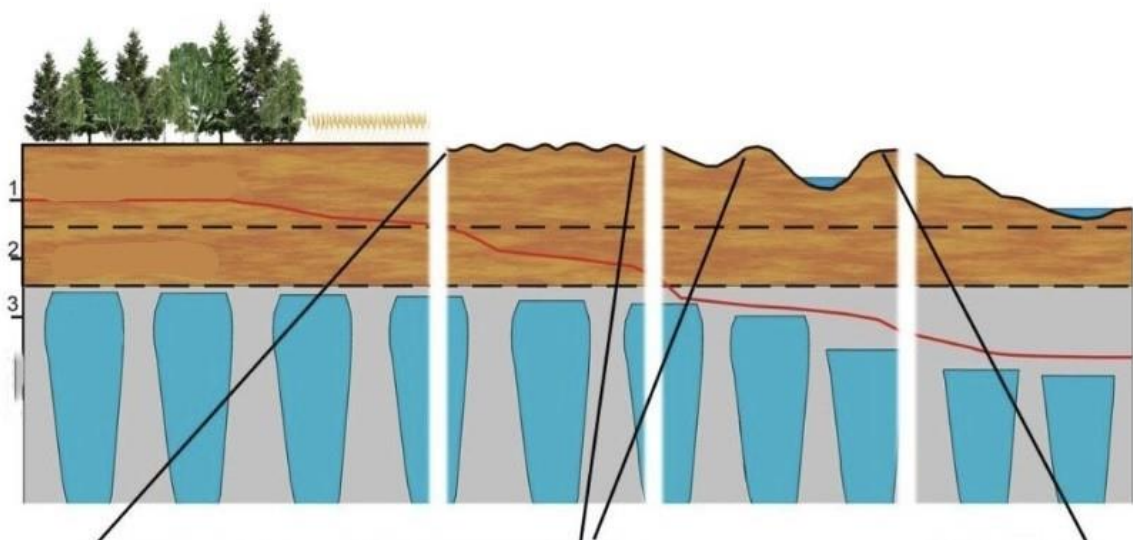
Вечная мерзлота является основополагающим элементом природной среды Республики Саха (Якутия). В сочетании с экстремально континентальным климатом она оказывает существенное влияние на все компоненты ландшафтной структуры, включая формы рельефа, характер растительности и животного мира. Эти ландшафтные особенности имеют прямое воздействие на жизнедеятельность человека, формируя его мировоззрение и оказывая влияние на культурные особенности и социально-экономический уклад населения региона.

Вся территория Якутии, за исключением юго-западной части, расположена в зоне сплошной вечной мерзлоты [Мерзлотные ландшафты 1989]. Процесс таяния подземных льдов, сопровождающийся образованием просадочных и провальных форм рельефа, называется термокарстом, дальнейшее развитие которого приводит к формированию аласов [Алас 2015: 18]. К числу характерных мерзлотных форм рельефа, образованных криогенными процессами, относятся аласы, байджерахи, булгунняхи (пайпы), полигонально-валиковые и каменные полигональные комплексы, солифлюкционные делли, тарыны и т. д. [Там же: 56].

В современной науке классификация аласного рельефа базируется на разработках Н. А. Граве, которые впоследствии были усовершенствованы П. А. Соловьевым [Босиков 1991: 13–27]. Согласно их концепции, различные морфологические типы аласов образуют единый генетический ряд, отражающий последовательные фазы их эволюции (см. рис. 4.)

Рисунок 4

Формирование аласного рельефа

1. Поверхность земли покрыта лесом. Территория занята лесной растительностью. Многолетнемерзлые породы, включающие подземные льды,

залегают на глубине 1,8–2,2 метра. Почвенно-растительный покров защищает подземный лед от вытаивания.

2. Нарушение естественного равновесия экосистемы (вследствие пожаров, вырубок и антропогенного воздействия) инициирует протаивание верхних горизонтов подземных льдов. Земля проваливается и образуется зачаточный *былар* (як. *быллаар*) – слабо пониженные участки, деформированные отдельными просадочными воронками и ложбинами. Встречается разновидность былара, отличающаяся большей глубиной расчленения и формой клумб со столообразной вершиной (см. рис. 5).

Рисунок 5

Былары – полигольно-просадочные комплексы¹⁰

¹⁰ Фото Нины Слепцовой.

3. На следующем этапе формируются неглубокие слабовыраженные понижения, для которых характерна бугристо-полигональная поверхность, известные как *ие* (як. *иэйэ*).

4. По мере развития термокарстового процесса *ие* эволюционирует в более зрелую форму – *дюёдя* (як. *дүөдэ*). Для данной стадии типично появление постоянного или сезонного озера в центре котловины. Борта котловины становятся хорошо выраженными, а продолжающееся протаивание подземного льда проявляется в формировании интенсивного бугристо-западинного микрорельефа на ее дне и склонах (см. рис. 6).

Рисунок 6

Дюёдя – котловина с резко выраженными бортами, бугристой поверхностью дна и бортов¹¹

¹¹ Фото Нины Слепцовой.

5. *Дюёдя* постепенно переходит в *тымпы* (як. *тыымпы*), он бывает почти всегда полон водой. На стадии *тымпы* процесс термокарста заканчивается, подземный лед полностью вытаявает, рельеф дна термокарстового озера выравнивается озерными отложениями. Это первая стадия развития *аласа* (як. *алаас*).

6. Полноводный *тымпы* в силу дефицита влаги начинает иссушаться, остается озеро только на днище чашеобразной термокарстовой котловины. Эта стадия развития называется элементарным и сложным аласом.

7. Зрелый алас – промерзание подаласного талика влечет образование подземного льда и вспучивание дна аласа. В зрелом аласе часто формируется *булгуннях* (як. *булгунньах*) – многолетний бугор пучения с ледяным ядром.

8. Краевой алас – незамкнутый алас, сливающийся дном с послеаласной или эрозионно-аккумулятивной равниной, вследствие разрушения разделявшего межаласья.

9. *Хону* (як. *хонуу*) – послеаласная котловина, вследствие теплового переуглубления, сохранившаяся после полного вытаявания подземного льда. Имеет вид плоской западины с аласным дном, повторяя в плане форму аласа.

10. Реликтовая послеаласная котловина, сохранившаяся в рельефе после полной деградации криолитозоны. Морфологически отличается от *хону* уничтожением форм пучения и термотеррас на дне котловины [Соловьев 1959: 12–15].

Аласы – карстовые долины, образовавшиеся в результате таяния ледников в тайге и имеющие озеро в центре, стали основой для формирования уникального ландшафта и культуры якутского этноса. К терминологии аласного рельефа относятся якутские термины: *быллаар*, *изйэ*, *дүөдэ*, *тыымпы*, *алаас*, *булгунньах*, *бадьараах*, *хонуу*. Из них четыре термина – *алас*, *байджарах*, *булгуннях*, *дюедэ* – вошли в международную географическую терминологию как характерные особенности аласного ландшафта Республики Саха (Якутия).

На территории Якутии ареал распространения аласов в основном приурочен к Вилуйской, Лено-Вилуйской и Лено-Амгинской ландшафтными провинциям.

Специалисты в области мерзлотоведения реконструируют многоэтапный процесс их формирования. Наиболее ярко аласный тип рельефа выражен в Чурапчинском и Мегино-Кангаласском районах, тогда как для Таттинского и Амгинского районов более типичен долинно-аласный комплекс. В Таттинском районе аласовидные понижения соединены между собой байджарахами (як. *бадьараах*) [Монастырёв 2002: 202].

В современных условиях значимым фактором дестабилизации криогенных ландшафтов выступает наблюдаемое потепление климата. Визуальным индикатором этих изменений служит прогрессирующее увеличение количества водных объектов, в особенности молодых термокарстовых озёр, что приводит к активной трансформации визуального облика территории Якутии. Интенсификация процессов образования полигонально-просадочных комплексов (*быларов*) и очагов термокарста на открытых пространствах межаласий – на заброшенных сельхозугодьях и в пределах населённых пунктов – оказывает непосредственное негативное воздействие на социально-экономическую инфраструктуру локальных сообществ [Мерзлотные ландшафты 1989: 89].

Таким образом, ландшафты Якутии отличаются комплексным сочетанием уникальных форм рельефа, от средневысотных горных систем и хребтов до обширных межгорных долин, котловин и низменностей с пестрым почвенно-растительным покровом. Такое природное разнообразие стало одной из главных причин появления в языке её населения огромного количества орографических терминов. Именно это природное многообразие обусловило возникновение в якутском языке чрезвычайно развитой и подробной номенклатуры названий форм земной поверхности.

1.3 История изучения тюркских и якутских оронимов

1.3.1 История изучения тюркских оронимов

Начиная со второй половины XX в. по настоящее время проводятся исследования, посвященные изучению оронимов разных регионов. Примером

является изданный в то время специальный научный сборник [Оронимика 1969], в который вошли исследования по оронимии Юго-Восточного Таджикистана, Дальнего Востока, Якутии, Крыма, Ирана, а также по орографической терминологии тюркских, славянских, финно-угорских языков. В сборнике наиболее полно представлено изучение географических терминов, как представленных в литературном языке, так и диалектных, участвующих в образовании оронимов. Также поднимается проблема связи оронимов с названиями иных географических объектов, в частности с гидронимами.

Исследования тюркских оронимов представлены работами Н. А. Баскакова, В. А. Никонова, Г. И. Донидзе, Э. М. Мурзаева, А. В. Суперанской, О. Т. Молчановой, Г. Е. Корнилова, А. А. Камалова, Р. Д. Сунчугашева, Н. А. Ласыновой, а также в диссертационных исследованиях В. И. Исрафилова, Е. А. Керимбаева.

Диссертационная работа Е. А. Керимбаева «Лексико-семантическая типология оронимии Казахстана» [1988] посвящена комплексному историко-лингвистическому исследованию названий орографических объектов Казахстана. В работе раскрываются причины и некоторые закономерности возникновения, становления и формирования казахской народной орографической терминологии и оронимии Казахстана, а также проводится сопоставительно-сравнительное исследование орографических терминов в плане семантики.

Казахские оронимы монгольского происхождения рассматриваются в работе «Еще раз о монгольском языковом пласте в казахских топонимах» [2024]. В исследовании раскрывается значение монгольских названий в казахском языке, проводится их мотивационный, словообразовательный и этимологический разбор. Авторы верифицируют старые и предлагают новые гипотезы о происхождении названий орографических объектов. Для нашего исследования очень важен авторский вывод о стратификации оронимов по времени и источнику заимствования. Каждый случай разбирается с точки зрения основных возможностей заимствования топонимических единиц: была ли данная лексическая единица заимствована как ороним или же она появилась в казахском

языке как апеллятив, а затем вошла в состав оронима уже как собственно казахская лексическая единица. Нельзя не согласиться с тем, что «для уточнения этимологии топонимов полезно не пренебрегать общими принципами сравнительно-исторического языкознания, в частности учитывать фонетические соответствия между родственными языками, относительные датировки фонетических переходов и возможности фонетической адаптации заимствований в соответствии с устройством фонологических систем языка-источника и принимающего языка» [Дыбо и др. 2024: 62].

Впервые провела монографическое исследование названий орографических объектов юго-восточной части Башкортостана в аспектах синхронии и диахронии и сыграла активную роль в формировании оронимики Н. А. Ласынова. Ее кандидатская диссертация «Оронимия Юго-Восточного Башкортостана: лингвистический анализ» была защищена в 2004 г., а позднее была опубликована монография по этой теме (2009). Н. А. Ласынова при анализе оронимов применила описательный, сравнительно-исторический и сопоставительные методы, элементы морфемного, словообразовательного, этимологического анализа. Этимологический анализ позволил определить языковую принадлежность оронимов исследуемого региона: иранский, древнетюркский, монгольский, финно-угорский, славянский (русский) пласты. Исследование оронимии позволило выявить разнообразные пласты лексического фонда языка, отражающие его исторические связи с другими языковыми системами. Многочисленные статьи Н. А. Ласыновой [2012, 2016, 2022] проложили путь к изучению башкирской оронимии. Этими проблемами занимались также В. Ш. Псянчин (1973), А. А. Камалов (1994, 1997, 2001), Р. З. Шакуров (1986, 1993), Ф. Г. Хисамитдинова (1991), М. Г. Усманова (1994), Г. Х. Бухарова (1998) и др. Таким образом, современная башкирская оронимика в целом хорошо задокументирована и описана.

Важными для исследования тюркских оронимов являются фундаментальные труды О. Т. Молчановой. В результате анализа алтайских оронимов и гидронимов [1968] найдены данные, свидетельствующие о связях алтайских тюрков с другими

народностями на территории Горного Алтая. Путем сопоставления с топонимикой Тувы выявлен тувинский ареал, охватывающий частично Усть-Канский, Онгудайский, Улаганский районы и указывающий места проживания тувинцев в Горном Алтае в период Древнехакасского государства IX-XII веков. В «Топонимическом словаре Горного-Алтая» [1979] рассмотрено свыше 100 географических номенов. В своем исследовании, основанном на обширном корпусе топонимических данных, О. Т. Молчанова анализирует семантическую трансформацию географических названий в ходе их исторического бытования. Автор выявляет типологическое сходство и генетические связи между топонимическими системами тюркских, монгольских и русского языков на территории Южной Сибири и сопредельных регионов.

Позже О. Т. Молчанова издает капитальный труд «Энциклопедия названий мест Горного Алтая» в 2-х томах [2018]. Для лучшего понимания всей сложной системы названий мест Республики Алтай в Энциклопедии О. Т. Молчановой составлен Тезаурус основных родовых элементов и слов, встречающихся в топографической номенклатуре алтайского языка и его диалектов, во взаимосвязи и локализации со сравнительными отсылками в другие (в основном тюркские) языки и диалекты. Тезаурус содержит свыше ста лексических единиц. В своих фундаментальных работах – монографии «Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая» [1982] и исследовании «Grammar of Turkic Place-Names in the Mountain Altai» [1998] – О. Т. Молчанова осуществляет комплексный анализ тюркской топонимии, применяя сравнительно-исторический и типологический методы. В рамках данного анализа автор не только идентифицирует устойчивые топонимические модели, рассматривая их как систему языковых знаков, но и описывает генезис этих моделей через призму их семиотической функции.

В диссертационном исследовании «Оронимия Хакасии» [1999] Р. Г. Сунчугашев проводит сравнительный анализ хакасских оронимов в контексте других тюркских и монгольских языков. В рамках исследования автором определены принципы мотивации и лингвистические механизмы, лежащие в основе номинации объектов рельефа. Значимым результатом работы стала классификация оронимов по

семантическим типам, описание специализированной терминосистемы, а также разработка новых этимологических решений для ряда названий и терминов. Р. Г. Сунчугашевым выявлена достаточно обширная система – 60-единиц – географических терминов, участвующих в создании орографических названий хакасского языка. Ряд оротерминов в хакасском языкознании описывается в диссертации впервые: *хыйрах* ‘искривленная гора’, *курим* ‘горная гряда без скал’, *хыранг* ‘предгорный холм’ и др. [Сунчугашев 1999: 7]. Также Р. Г. Сунчугашев является автором «Словаря оронимов Хакасии» [2001] и монографии «Топонимия Хакасии» [2009].

Важным вкладом в область сравнительно-типологических исследований топонимии выступает монография К. Б. Самтаковой «Топонимы юго-восточных приграничных районов Республики Алтай в сопоставлении с монгольскими топонимами» [2013], основанная на более ранней диссертационной работе автора (2008). В фокусе данного труда находится анализ топосистем Улаганского и Кош-Агачского районов, отличающихся особой спецификой, обусловленной длительным историческим взаимодействием и сосуществованием разноязычных народов в приграничной зоне. Центральными достижениями исследования стали реконструкция лингвоэтнической истории региона и его внешних контактов, а также анализ механизмов формирования, заимствования и адаптации иноязычных топоэлементов. Проведенный лингвоэтимологический анализ не только географических названий, но и апеллятивной лексики в их составе позволил автору выявить диалектные особенности языков местных этносов в сопоставлении с монгольской топонимией.

В связи с тем, что оронимы наиболее тесно связаны с гидронимами, для нас большую ценность представляют работы по гидронимике тюркских языков в сравнительно-сопоставительном аспекте – Г. И. Донидзе, А. А. Фомин, Г. Е. Корнилов, О. Т. Молчанова, А. А. Камалов, Ф. Г. Гарипова, Н. А. Аскеров, Б. К. Ондар, А. С. Иванова, Р. Я. Халитов и др.

Б. К. Ондар [1993] представила первое комплексное историко-лингвистическое исследование названий водных объектов в тувинском

языкознании. Исследователь выявила значительное количество гидрографических терминов, которые были подвергнуты сопоставительно-сравнительному анализу. При этом были определены способы гидронимообразования, выявлены структурные типы гидронимов. Кроме того, в работе впервые раскрывается этимология ряда древних гидронимов, неясных с точки зрения современного тувинского языка. Автор многочисленных трудов по топонимии этого региона позже издает «Топонимический словарь Тувы» (2004 и 2 изд. – 2007), который содержит 3200 топонимических единиц со всех районов республики. В монографическом исследовании «Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий» [2008] рассматриваются источники тувинской топонимики, начиная с древнетюркских, китайско-монгольских, русских и др. Определены основные апеллятивы, употребляющиеся в тувинской топонимии, проведены структурно-словообразовательный анализ тувинских топонимов и их лексико-семантическая классификация. Отдельное место в работе отведено стратиграфии топонимов, где автором выделены пять слоев: тюркский, монгольский, русский, кетский, самодийский.

Значительный вклад в развитие тюркской гидронимики внесла диссертационная работа А. С. Ивановой «Типология чувашских гидронимов» [2005]. В данном исследовании осуществлен комплексный анализ корпуса чувашских названий водных объектов: описана терминологическая система, проанализированы принципы номинации, лежащие в основе образования гидронимов как чувашского, так и иного происхождения. Важными результатами работы стали выявление лексико-семантических и структурно-словообразовательных моделей гидронимов, а также разработка ряда новых этимологических решений.

Значимым событием в изучении тюрко-татарской лексики стала диссертационная работа О. Р. Хисамова [2022], в которой впервые проводится ее ареальный анализ гидрографических терминов на материале топонимии Западной Сибири. Исследователь не только картографирует ареалы бытования

гидрографических терминов и образованных от них топонимов, но и обосновывает методологический принцип. Согласно его выводам, любое ареальное исследование топонимической системы должно брать за основу анализ географических терминов и производных от них названий. Важность такого подхода подчеркивается тем, что именно в топонимах сохраняются архаичные языковые черты. Комплексное применение методов ареальной лингвистики, сравнительно-исторического и этимологического анализа позволило автору реконструировать ранние фонетические и грамматические особенности татарского языка.

Известны топонимические словари тюркских языков, в которых дано описание оронимов – «Словарь казахских географических названий» Г. К. Конкашпаева [1963], «Топонимический словарь Горного Алтая» О. Т. Молчановой [1979], «Краткий словарь географических терминов и других слов, наиболее употребительных в топонимии Киргизии» К. Конкобаева [1980], «Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края» В. Я. Бутанаева [1995], «Словарь топонимов Республики Башкортостан» [2002], «Топонимический словарь Тувы» Б. К. Ондар [2007] и др.

Особого внимания в данном контексте заслуживает масштабная деятельность Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. В рамках реализации проекта «Топонимика Республики Алтай» специалистами института были подготовлены и опубликованы десять сетевых электронных изданий, посвященных топонимике всех районов республики (Шебалинского, Онгудайского, Чемальского и др.). Проведенное комплексное исследование, основанное на синтезе лингвистических, исторических, этнографических и фольклорных источников, а также полевых и архивных данных, позволило не только уточнить существующие этимологии, но и создать целостную картину топонимической системы. Важной особенностью методологии проекта является многоаспектный подход к описанию каждого топонима: помимо собственно лингвистического анализа, приводится географическая привязка объекта, историческая справка о населенном пункте, а также привлекаются данные

из научной литературы и фольклорные тексты (легенды, предания), связанные с происхождением названия.

В связи с тем, что изучение оронимов напрямую связано с изучением топонимики в целом, необходимо обратить должное внимание также на исследования, посвященные топонимической системе отдельных территорий, изучаемых разными российскими научными школами России. Формирование и развитие научных школ в отечественной ономастике (Одесской – Ю. А. Карпенко, Волгоградской – И. Г. Долгачёва, Уральской – А. К. Матвеева, Томской – А. П. Дульзона, Байкальской – А. Г. Митрошкиной, а также Казанской, Карельской и др.) позволило собрать и систематизировать колоссальный массив регионального ономастического материала. Ключевым достижением этой работы стало создание специализированных электронных баз данных топонимов («Топонимия Карелии» и др.), которые служат основой для масштабного анализа, включая межрегиональные сравнительные исследования.

Глубоко научному и планомерному изучению оронимы Сибири подверглись в трудах А. П. Дульзона, посвященных вопросам топонимической науки вообще и топонимики Сибири в частности. Многочисленные исследования А. П. Дульзона посвящены методологическому аспекту выявления и исследования субстратных географических названий: «Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики» (1950), «Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения» (1959), «Былое расселение кетов, по данным топонимики» (1962), «Топонимия Западной Сибири как один из источников ее древней истории» (1964), «Опыт этнической привязки топонимов субстратного происхождения» (1969) и др. Возглавляемая профессором А. П. Дульзоном Томская лингвистическая школа стала источником ряда ключевых исследований, существенно расширивших научные представления о топонимике.

Значительное количество оронимов Урала было собрано А. К. Матвеевым. Основанная им Уральская ономастическая школа является ведущим отечественным центром исследований в области теоретической, исторической и

региональной ономастики. Методология А. К. Матвеева в области субстратной топонимии сфокусирована на выявлении и последующем изучении соответствующих названий. Особое значение в его исследованиях уделяется роли географических терминов в микротопонимии субстратного характера, а также применению принципа семантической мотивированности как ключевого инструмента для их этимологизации. Вместе с учениками и коллегами он искал финно-угорское (чудское) и мерянское языковое наследие на Русском Севере, мансийские заимствования – на Северном Урале. А. К. Матвеев в своих трудах по топонимии Урала не раз рассказывал о системах оронимов, которые отражают природно-географические условия, хозяйственно-практическую деятельность, а также религиозно-мифологические представления народов. Одним из главных результатов научной работы А. К. Матвеева является книга «Вершина Каменного пояса: названия гор Урала» [1990]. Ученый раскрывает комплексную природу топонимов, утверждая, что они представляют собой синкретичное единство зрительного образа, словесного выражения и религиозно-мифологического осмысления, возникающее в процессе своеобразной перекодировки. Ярким примером такой многогранности, как указывает А. К. Матвеев, выступает мансийская оронимия, создающая целый «каменный мир, страну окаменевших людей и животных», тесно связанную с мифологией и бытом манси, где высочайшие вершины почитаются как «хозяева Урала» [Матвеев 2006: 128].

Исторически территория Прибайкалья и Забайкалья представляет собой пример внутрирегионального контактирования языков различных этносов. В состав топонимов любой территории входят элементы различных языков и эпох. Как установлено исследователями, субстратная топонимия, содержащая детерминанты, восходит к разнообразным языковым источникам. К ним относятся языки алтайской семьи (тюркские, тунгусо-маньчжурские, монгольские), палеоазиатские (кетский, юкагирский) и самодийские [Жамсаранова 2002]. Исследование тюркских топонимов, соответственно и оронимов, в топонимической системе данного региона представлено работами следующих учёных – М. Н. Мельхеев, В. Ф. Балабанов, Л. В. Шулунова, П. Б. Балданжапов,

С. А. Гурулев, Р. Г. Жамсаранова, Ю. Ф. Манжуева, Е. В. Сундуева и др. Одним из эффективных приемов этимологизации субстратных топонимов является их сопоставление с заимствованными апеллятивами, т. к. в период возникновения первых собственных имен основой для их формирования могли быть только имена «нарицательные» [Федотова 2008а: 19].

Опираясь на обширный полевой материал, М. Н. Мельхеев в работе «Местные географические термины Восточной Сибири» [1958] исследует историю, происхождение и семантику топонимов Бурятии, Иркутской и Читинской областей. Впоследствии в трудах 1969 года ученый фокусируется на этимологии монголоязычных географических названий данного региона. Исследование тюркских топонимов региона с точки зрения структуры, наличия апеллятивов и соответствия их обозначаемым реалиям позволили заключить, что в прошлом монгольские и тюркские племена тесно контактировали, свидетельством тому служит существование общих географических терминов: *арал* ‘остров’; *булак* и *булаг* ‘родник, ключ, источник’; *тала* и *дала* ‘степь’; *капсагай* и *хабсагай* ‘ущелье’; *худах* и *худаг* ‘колодец’; *котон* и *хотон* ‘хлев, загон’; *мукур* и *мухар* ‘тупик, залив’; *салаа* и *халаа* ‘развилка’ и т. д. [Мельхеев 1969: 39].

Монография Р. Г. Жамсарановой и Л. В. Шулуновой «Топонимия Восточного Забайкалья» [2003] представляет собой первое комплексное исследование региональной топонимической системы, выполненное в синхронно-диахроническом ключе. Применение типологического анализа географических названий позволило авторам не только определить специфику топонимии Восточного Забайкалья, но и выявить системные закономерности ее формирования. В работе выделяются стратиграфические пласты топонимической системы Восточного Забайкалья: палеоазиатский субстрат, тюркоязычный, угро-самодийский, тунгусоязычный, монголоязычный и славяноязычный пласты. Предложенная стратиграфия может быть соотнесена с историей заселения края и находит свое подтверждение на топонимической карте региона, где топонимы, имеющие разную языковую принадлежность, образуют ареалы своего распространения [Жамсаранова, Шулунова 2003: 87].

Территориальное соседство тюрков Сибири и монголов, их экономические и культурные связи, а также очень тесные бытовые отношения неизбежно создавали благоприятные условия для языковых контактов. Результаты исследований топонимической лексики в синхронном и диахронном аспектах имеют важное значение для установления былых лингвоэтнических контактов.

Таким образом, систематизация и описание топонимической лексики продолжают оставаться в числе важнейших и наиболее актуальных задач топонимики. Современный этап развития науки диктует необходимость комплексного подхода к исследованию региональной ононимии, который заключается в интеграции традиционного системно-структурного метода со сравнительно-историческим, сопоставительным и типологическим. Подобный синтез методик открывает значительные перспективы для дальнейших изысканий в области региональной ономастики.

1.3.2 Состояние изученности якутских оронимов

История системного исследования географических названий Республики Саха (Якутия) тесно связана с развитием ономастических исследований в России в целом. Первые научные подходы к анализу якутских топонимов были предприняты Е. Д. Стреловым. Его работа «Важнейшие задачи истории Якутии» опубликована в 1925 году в «Сборнике трудов исследовательского общества “Saqa keskile”». Анализируя фонетические, грамматические и семантические особенности 150 якутских топонимов, автор отмечает следующее: «...всякое географическое название есть результат отношения человека к природе; иногда географический объект производит сильное впечатление на человека и получает название, сорвавшегося с языка под первым впечатлением; иногда это название является результатом продолжительного соображения и размышления. В первом случае географическое название как зеркало отражает предмет; во втором случае оно является привязанным к этому предмету чисто внешним образом» [Стрелов 1925:

43].

Оронимика как особый раздел якутской топонимики получила значительное развитие со второй половины XX века. Пионерской работой в области якутской оронимики стало исследование Ф. К. Комарова, опубликованное в 1969 году. Именно в этой статье была впервые научно обоснована значимость изучения региональной оронимической системы, а также представлены первоначальные наблюдения над структурно-семантическими особенностями якутских названий гор [Комаров 1969].

Якутские оронимы частично изучены вместе с другими типами топонимов в диссертационных исследованиях К. Ф. Гриценко [1967], В. Д. Монастырёва [1993], в монографии Н. М. Иванова [2001] ономаσιологическом, ареальном, лингвогенетическом аспектах.

В кандидатской диссертации К. Ф. Гриценко «Названия рек и озер» [1967] проведен всесторонний анализ более 3000 гидронимов Якутии с точки зрения их морфологии, словообразования, структуры и семантики. В результате исследования определены ареалы распространения якутских гидронимов и выявлены иноязычные топонимические пласты. Анализ якутских гидронимов позволил выделить их из общего массива географических названий Якутии и изучить иноязычные топонимы на данной территории. Выявлены основные словообразовательные и семантические типы тунгусских и чукотских гидронимов, установлены их ареалы распространения, а также зафиксированы русские названия и гидронимы неизвестного происхождения. К. Ф. Гриценко впервые применила метод картографирования для анализа диалектных особенностей в географических названиях, что значительно обогатило методологическую базу топонимических исследований в регионе.

Подробным и ценным источником по топонимике Якутии является работа исследователя В. Д. Монастырёва «Структура и семантика топонимов (на материале топонимии правобережных районов Центральной Якутии)» [1993]. В данной работе впервые проведен систематический лингвистический анализ более трех тысяч топонимов, относящихся к правобережным районам Центральной

Якутии, а именно Мегино-Кангаласскому, Амгинскому, Таттинскому и Чурапчинскому, расположенным в пределах Лено-Амгинского междуречья. В результате исследования были выявлены структурные и семантические особенности якутских топонимов.

Топонимы-монголизмы в сравнительно-историческом аспекте рассматриваются в монографии Н. М. Иванова «Монголизмы в топонимии Якутии» [2001]. Автором проанализировано около трех тысяч топонимов-монголизмов, зафиксированных на территории Якутии. В результате исследования выявлено, что топонимы-монголизмы в количественном отношении преобладают в центральных улусах Якутии. В частности, в Намском и Усть-Алданском улусах зафиксировано более тридцати топонимов монгольского происхождения, которые не встречаются в других административных единицах региона. В четырех вилюйских улусах зарегистрировано около пятидесяти таких топонимов, также не зафиксированных в других улусах. В северо-восточных улусах топонимы монгольского происхождения распространены значительно реже. На основании проведенного анализа Н. М. Иванов выдвигает гипотезу о том, что освоение северо-восточных территорий Якутии произошло позднее, чем вилюйских окраин. Монголоязычные племена, по его мнению, заселили территорию Якутии, начиная с центральных улусов [Иванов 2001: 171].

Большую прикладную ценность представляет труд Ф. К. Комарова «Словарь русской транскрипции терминов и слов, встречающихся в географических названиях Якутской АССР» [1964]. В словаре, составленном географом, представлено более 700 терминов и слов и более 400 производных слов, для каждого из которых приведены несколько возможных значений. Данное издание является первым систематическим изложением картографического материала в указанной области и представляет определенный интерес. Словарь содержит ценные и подробные сведения о семантике нарицательных географических терминов, что делает его полезным инструментом для специалистов в области картографии, географии и смежных дисциплин.

В последние годы якутские географические названия освещаются в статьях В. В. Филипповой [2015], Е. В. Меркель [2019], Л. С. Заморщиковой [2022], Я. В. Стручковой [2023] и др. Так, в статье «Toponymic Landscape of Central Yakutia: Etymological Analysis of Geographical Names» Л. С. Заморщиковой [2022] на примере топонимов Хангаласского района предпринята попытка реконструкции освоения территории Центральной Якутии в разное время разными этническими племенами. Результаты исследования показали, что в топонимическом формировании данного района участвовали монгольские, тюркские и тунгусо-маньчжурские племена [Заморщикова и др. 2022: 369].

Во всех упомянутых выше исследованиях авторы активно опираются на труды выдающегося якутского ученого, основоположника якутской ономастики М. С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ. Значительный вклад М. С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ в развитие ономастики выражается в создании масштабного научного наследия. Ему принадлежит авторство тринадцати монографий, посвященных топонимике, двух работ по антропонимике, а также многочисленных статей и заметок ономастического характера. Уникальным результатом его изысканий стала обширная картотека, включающая приблизительно 400 тысяч топонимов и 50 тысяч антропонимов [Багдарыын Сүлбэ 2004: 187].

Одним из значимых результатов научной деятельности М. С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ стал «Словарь топонимной лексики Республики Саха: местные географические термины и понятия» [2019]. В представленном словаре содержится свыше 1800 терминов, охватывающих широкий спектр географических понятий: от особенностей рельефа суши, гидрологических объектов и климатических феноменов до характеристик растительности и ландшафтного разнообразия, включая классификацию населенных пунктов. Особую ценность работе придает включение лексики, связанной с материальной и духовной культурой, религиозными воззрениями, а также традиционными формами хозяйствования коренных народов Якутии.

В топонимах и географических терминах отражаются грамматические особенности говоров якутского языка. Якутские топонимы с точки зрения

фонетического, морфологического, лексическо-семантического аспектов были рассмотрены в трудах исследователей-диалектологов – Н. Д. Дьячковского, П. С. Афанасьева, П. П. Барашкова, М. С. Воронкина, С. А. Иванов и др. Исследователи приходят к общему выводу о том, что ономастическое исследование отдельных территорий диалектных зон могли бы расширить сведения об истории, лексическом составе языка и освоивших эти территории этнических группах, и их этнолингвистических контактах.

В рамках нашего исследования сравнительная, этимологическая характеристика орографических терминов, которые участвуют в формировании якутской оронимии, занимает центральное место. Якутская орографическая лексика в сравнительно-сопоставительном, сравнительно-историческом аспектах частично отражена в исследованиях якутских ученых Н. К. Антонова [1971], С. А. Иванова [2017], Я. Е. Старостиной [2019], А. А. Кузьминой [2021], Н. И. Даниловой и Н. И. Поповой [2021] и др., что служит важным источником для решения проблем сравнительно-исторического и типологического языкознания.

Фундаментальный вклад в исследование географической лексики якутского языка, являющейся ключом к проблемам сравнительно-исторического и типологического языкознания, внес Н. К. Антонов. В своей работе «Материалы по исторической лексике якутского языка» [1971] ученый подвергает тщательному анализу словообразовательные и этимологические аспекты ландшафтной терминологии. Академик А. П. Окладников высоко оценил этот труд, назвав его значимым достижением для якутского языкознания и тюркологии, а также для изучения истории якутского этноса [Антонов 1971: 7]. Выводы Н. К. Антонова проливают свет на природную среду обитания предков якутов до их прихода на Среднюю Лену. По замечанию А. П. Окладникова, благодаря этому исследованию «перед нами встает в результате живая, конкретная картина этой таинственной страны... в таком же виде, какой ее рисуют в своих богатырских поэмах певцы-олонхосуты, как широкие лесостепные пространства» [Антонов 1971: 7].

Интересной с точки зрения изучения ландшафтной лексики представляется работа якутского исследователя А. А. Кузьминой «Типы корневых основ имен

существительных якутского языка: формирование одно- и двусложных основ» [2021]. А. А. Кузьмина на основе лексико-семантического анализа лексики ландшафта приходит к выводу, что «древние предки якутов жили вдоль водных объектов, большей частью вдоль рек, в местностях с горами, холмами, лесной растительностью и долинами» [Кузьмина 2021: 44].

Вопросы изучения орографической лексики якутского языка нашли отражение в ряде специальных научных публикаций. Ярким примером служит работа Н. И. Даниловой и Н. И. Поповой [2021], где осуществляется сравнительно-исторический анализ терминов с семантикой «открытое место, поле, равнина, долина». Проведенный анализ позволил авторам заключить, что данный лексический пласт имеет смешанное происхождение, включая исконно тюркские, монгольские и общие тюрко-монгольские корни. Данный факт интерпретируется как лингвистическое свидетельство проживания предков якутов в степных регионах, благоприятных для скотоводства, до их миграции на современные территории [Данилова, Попова 2021: 73]. Как подчеркивают исследователи, «этнические группы, прибывавшие на территорию Якутии в разное время разными волнами, оставляли свои следы и в виде разноязычных обозначений сходных географических объектов. Со временем те или иные названия закреплялись за определенными видами ландшафта, приобретая свои отличительные семантические признаки» [Там же: 73]. Данное исследование представляет интерес в разработке проблемы этнической истории народа саха-якутов.

Интересной представляется статья Я. Е. Старостиной «Семантические особенности лексики горного ландшафта якутского языка» [2019], в которой автор приходит к выводу: «апеллятивные единицы, входящие в понятийную сферу “горный ландшафт”, показывают, что предки якутов имели тесный контакт с монгольскими племенами и, возможно, проживали на территории с горным районом, но при этом северные типы горных ландшафтов были освоены позже» [Старостина 2019: 114].

Исследования С. А. Иванова оказали существенное влияние на развитие исторической диалектологии. В работе «Лексические особенности говоров

якутского языка» [2017] ученый исследует лексико-семантическую организацию синонимичных диалектных соответствий, обозначающих формы земного рельефа. Содержательную основу исследования составил список диалектных слов якутского языка, включающий в том числе и орографические термины. Например, *кунтика сир* (уд.) вм. *күнтүкэ сир* ‘сухое возвышенное место, холмик’, *кэнэрдээх дайды* (верх.) ‘луг, покрытый высокими кочками’, *саһыл хонуу* (усть.-алд.) ‘ровное поле с дернистой почвой, покрытое густой травой’, *туорай куонсун* (арх., чур.) ‘мыс, расположенный напротив косогора’, *хадаар һир* (сунт.) ‘яма, углубление на открытой местности’, *оһох ийэтэ* (сунт.) ‘углубление, топочное место камелька’ и др. [Иванов, 2017].

Ценным источником для изучения монгольского влияния на якутский язык является монография А. Е. Шамаевой [2012], в которой выявлено и сопоставлено 1400 диалектных монгольско-якутских параллелей. Автор проводит всесторонний анализ, освещая фонетические, лексико-семантические и функциональные аспекты в сравнении с данными письменно-монгольского и живых монгольских языков. Важным результатом работы стала тематическая классификация всей выявленной лексики на три крупных пласта: термины, обозначающие элементы ландшафта, орудия труда и понятия, связанные с рыболовством [Шамаева 2012: 4]. Интерес представляет анализ 63 ландшафтных терминов, обладающих монгольскими аналогами. А. Е. Шамаева выявила, что терминология гидрографии в диалектных словах-монголизмах якутского языка является производной от глаголов, прилагательных и существительных монгольских языков, не имеющих отношения к гидрографии. Наибольшее количество монгольских параллелей встречается в Верхнеколымском и Среднеколымском районах северо-восточной диалектной зоны. В названиях реалий местного ландшафта выделяются слова со значением «гора, склон горы, скат», семантика которых при заимствовании из монгольского языка (языков) якутским практически не изменилась [Там же: 21].

Несмотря на наличие обширного корпуса топонимических исследований, некоторые вопросы остаются недостаточно изученными. В частности, комплексный анализ якутской оронимии как целостной системы до сих пор не был

проведен. Устранение этого пробела является актуальной научной задачей, решение которой внесет вклад не только в лингвистику (расширив представления о языке и культуре саха), но и в историческую географию, позволив получить новые данные о ландшафтах и природных условиях региона.

1.3.3 Типологии тюркских оронимов

В топонимических исследованиях неоднократно поднимался вопрос о типологии оронимов. Эта проблема сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Она остается одной из наиболее актуальных на современном этапе исследований. Выявлением принципов построения оронимических систем и их типологией занимается оронимика.

Вопрос создания любой классификации является сложной задачей, поскольку она зависит от аспектов, направлений, принципов, целей и задач исследования. Как отмечает Е. А. Сизова, «классификация служит ориентиром, целью, авторской платформой при интерпретации ономастических явлений, поскольку направлена на поиск оптимальной схемы описания фактического материала. Топонимы, при всем своем многообразии и неоднородности, крайне интересны с точки зрения создания единой всеобъемлющей классификации» [Сизова 2011: 1]. Вопрос о единой классификации географических названий некоторыми считается недостижимой [Беленькая 1969: 90; Мурзаев 1982: 20]. В этой связи В. А. Жучкевич отмечает, что «такое мнение основывается только лишь на современном состоянии топонимики» [Жучкевич 1980: 90]. Исследователь считает, что при попытке создания единой классификации необходимо ответить на следующие три главных вопроса, которые касаются географии, морфологии, этимологии и семантики географических названий.

1. Что (называется), какие объекты (реки, горы, города, поля, села, урочища, колодцы и т. д.)?
2. Каким образом (называется), на каком языке (русском, финском, китайском и т. д.) и какими средствами языка?

3. Почему (называется), в чем смысл названий? [Там же: 90].

Многообразие подходов к классификации географических названий в топонимических исследованиях обусловлено сложностью самого объекта изучения. А. В. Суперанская, учитывая лингвистические и экстралингвистические особенности онимов, систематизировала основные типы таких классификаций [Суперанская 2012: 159]. К ним относятся классификации:

1. по связи с типом именуемого объекта;
2. по происхождению (естественные/искусственные);
3. по масштабу объекта («микро» – «макро»);
4. структурная;
5. хронологическая;
6. по мотивировке и этимологии (включая дихотомии апеллятивные / эпонимические и первичные / «перенесенные»);
7. по объёму закреплённого понятия;
8. в аспекте дихотомии «язык – речь»;
9. стилистическая и эстетическая [Суперанская 2012: 159].

Следует подчеркнуть, что мы не ставим перед собой задачу рассмотреть все существующие классификации географических имен, так как это увело бы нас от основной цели исследования. В первую очередь мы сосредоточимся на тех классификациях, которые имеют непосредственное отношение к нашей работе.

В отношении оронимов можно выделить два подхода к их классификации: лингвистический и экстралингвистический.

Лингвистический подход основывается на анализе структурно-языковых аспектов оронимов. В рамках данного подхода применяется комплекс методов лингвистического анализа. Ономаσιологический метод позволяет выявить базовые принципы, признаки и модели номинации объектов рельефа, а также определить продуктивность словообразовательных элементов. Семасиологический метод нацелен на экспликацию значения онима и установление его внутренней формы. Для достижения максимальной полноты анализа также используются

этимологический, лексико-семантический, морфологический и словообразовательный методы.

Внешние факторы, влияющие на становление и развитие оронимики, обосновывают *экстралингвистический подход*, акцентирующий внимание на тесной связи оронимии с историей, культурой, географией. В настоящей работе используются лингвистический и экстралингвистический подходы, что позволяет осуществить комплексное описание оронимов.

Лингвистический подход к классификации оронимов определенной территории основывается на их классификации по лексико-семантическому и структурно-словообразовательному типам.

Лингвистические методы классификаций географических названий вызывают интерес у многих ученых. В данной области существуют различные точки зрения ученых относительно принципов классификации. Большинство исследователей считает, что семантический анализ топонимов составляет основу топонимической классификации. Другие полагают, что доминирующим методом при создании топонимической классификации является типологический подход. В частности, Е. М. Черняховская, акцентируя внимание на изучении словообразовательной структуры топонимов, утверждает, что анализ топонимов должен проводиться с применением соответствующих классификационных схем: а) по лексико-семантической структуре; б) по типу лексической или морфолого-словообразовательной топонимической деривации [Черняховская 1970: 55–65].

Традиционно выделяются две основные принципы классификации географических названий:

1. классификации на основе лексико-семантического принципа;
2. классификации по структурно-словообразовательному принципу.

Лексико-семантический подход (или метод) является одним из важных приемов в изучении оронимов, поскольку семантический анализ: «1) дает основание правильного толкования этимологий названий; 2) объясняет закономерности появления географических названий; 3) дает возможность исследования древних или архаических слов, редко встречающихся или совсем не

использующихся в настоящее время, сохранившихся лишь в топонимической лексике, помогает восстановить смысл таких слов; 4) определяет характер и степень развития культуры, жизнедеятельности народа в период возникновения этих названий» [Гарипова 1995: 22–23].

В топонимических исследованиях существует несколько направлений и методических приемов семантических классификаций географических названий.

А. М. Селищев в труде «Из старой и новой топонимии» (1939) впервые предпринял попытку лексико-семантической классификации топонимов. Основываясь на семантике и словообразовательной структуре имен, ученый предложил одну из первых систематизаций, выделив следующие семантические группы:

1. антропонимического происхождения (от личных имен и прозвищ);
2. образованные от названий рода деятельности;
3. отражающие социальный или имущественный статус;
4. связанные с административным устройством и властью;
5. указывающие на этническую принадлежность населения;
6. описывающие ландшафт и планировку населённых пунктов;
7. с абстрактной семантикой;
8. связанные с культовыми объектами [Селищев 1968: 45–96].

А. М. Селищев заложил основы системного подхода к изучению имен собственных. Предложенная им классификация стала фундаментом для многих последующих исследований, в которых выделение семантических групп до сих пор осуществляется на сходных принципах, главным из которых является установление мотивирующего апеллятива.

В противовес этому подходу, представители другого научного направления акцентируют внимание на дихотомии «аппеллатив – имя собственное» в лексике языка. Они анализируют вклад каждой из этих категорий в процесс формирования региональной топонимической системы. В классификациях, построенных по такому принципу, географические названия подразделяются на две группы: названия, образованные от апеллятивов и названия, образованные от собственных

имен. Представителями этого подхода являются Ф. Миклошич, М. Ф. Станиславский, К. К. Целуйко, Л. Л. Гумецкая, О. С. Стрижак и др. Анализ топонимического материала в соответствии с их образованием от нарицательных или собственных имен позволяет более полно описать географические названия, охватывая все типы объектов.

Ряд лингвистов, среди которых И. А. Воробьева, Н. Б. Ковалева, А. А. Фомин и Е. Л. Березович, предлагают классифицировать географические названия, исходя из лежащих в их основе номинативных принципов. Как отмечается в работе [Цветкова 2009а: 141], все многообразие мотивирующих признаков поддается систематизации и может быть сведено к трем базовым типам: номинация по свойствам объекта, его связи с человеком и его отношениям с другими объектами.

Вопросы семантической классификации тюркских оронимов были рассмотрены в трудах таких исследователей, как Н. А. Баскаков, В. А. Никанов, О. Т. Молчанова, Е. И. Керимбаев, В. И. Исрафилов, А. А. Бонюхов, Р. Д. Сунчугашев, Л. А. Ласынова и др.

Согласно методологии, предложенной О. Т. Молчановой, семантический анализ оронимов предполагает решение двух ключевых задач: во-первых, установление исходного значения апеллятива, который стал основой для названия, и, во-вторых, выявление соответствия между этим значением и реальными характеристиками именуемого географического объекта [Молчанова 1968, 1971]. На основании общего признака, положенного в основу номинации, исследователь топонимии Горного Алтая выделяет следующие типы названий:

1. оронимы, отражающие непосредственную связь географических объектов с практической деятельностью человека;
2. оронимы, отражающие опосредованную связь географических объектов с практической деятельностью человека [Молчанова 1968].

В рамках представленной классификации оронимы делятся на подгруппы. Первая объединяет названия, отражающие связь объекта с человеческой деятельностью. В их основе могут лежать как реальные признаки реалии, так и ассоциации с предметами быта или действиями. Эта группа включает оронимы,

информирующие о скотоводстве, кочевничестве, земледелии, общественном быте, ориентировании на местности, охоте и лесных промыслах алтайцев. Вторая группа состоит из названий, непосредственно описывающих признаки самого объекта: его цвет, размер, форму, местоположение или количество [Молчанова 1968: 16].

А. И. Рудных в статье «Семантические модели в гидронимике» [1972] отмечает некоторую противоречивость в классификации, предложенной О. Т. Молчановой. По его мнению, разделение оронимов на группы по принципу «непосредственной» или «опосредованной» связи с деятельностью человека является искусственным. А. И. Рудных утверждает, такие названия, как «Белая скала» (описывающая признак) и «Пять лиственниц» (связанная с наблюдением), возникли одинаково – путем выделения наиболее существенного признака объекта в момент номинации. Он также оспаривает мнение о том, что только объекты, связанные с деятельностью человека в традиционном понимании (например, стоянки, захоронения, источники), могут служить ориентирами. Ученый отмечает, что исторически такие объекты, как стоянки, захоронения и источники, являлись ключевыми элементами в процессе освоения территории. Ученый приходит к выводу, что подобные наименования формируются в рамках единого процесса практического освоения окружающего мира и не всегда могут быть адекватно классифицированы в рамках предложенной дихотомии [Рудных 1972: 39–41].

Анализ существующих классификаций оронимов демонстрирует разнообразие методологических подходов к их систематизации. Одним из первых опытов стала работа Н. А. Баскакова, который на материале Горного Алтая выделил семь основных семантических групп, включающих названия от антропонимов и этнонимов, зоонимов, фитонимов, а также признаки цвета, качества, связь с гидронимами и случайные ассоциации [Баскаков 1974: 23]. В отличие от него, Е. А. Керимбаев предложил более обобщенную дихотомию, разделив казахские оронимы на две крупные категории: отражающие физико-географические свойства объектов и связанные с социально-хозяйственной деятельностью человека [Керимбаев 1988: 110]. Иной, ономаσιологический критерий положил в основу своей классификации В. И. Исрафилов, группируя

азербайджаноязычные оронимы Грузии по соотнесенности с разрядами онимов (этнонимы, антропонимы, ойконимы и т. д.) [Исрафилов 1989: 18].

Наиболее детализированный семантический анализ предложил Р. Д. Сунчугашев на материале оронимии Хакасии. Его классификация отличается большей дробностью и включает такие группы, как указание на величину и форму, цвет и звук, числовые показатели, местоположение, флору и фауну, полезные ископаемые, а также антропонимическую и хозяйственную лексику [Сунчугашев 1999: 35]. Данный подход был дальнейшем развит Л. А. Ласыновой, которая, синтезировав опыт предшественников, создала развернутую классификацию башкирских оронимов, распределив их более чем по двадцати тематическим группам. Принципиально важным является ее разделение всего массива оронимов на два крупных тематических класса: 1) отражающие природные особенности объекта и 2) характеризующие хозяйственную деятельность и мировосприятие человека [Ласынова 2004].

Проведенный обзор выявляет основную тенденцию в развитии методов классификации – движение от формальных перечней к сложным, многоаспектным системам, стремящимся учесть как лингвистическую, так и культурно-историческую мотивацию названия. В целом на данный момент нет их универсальной классификации. Различные семантические классификации имеют как общие черты, так и различия, что объясняется разнообразием оронимического материала.

В данной исследовании мы опираемся на указанные семантические подходы, объединяя их аспекты с учетом специфики якутских оронимов, их места в общей топонимической системе. Оронимы, являясь особыми именами собственными, требуют особого подхода к рассмотрению их специфики, в том числе в таких спорных вопросах, как вопрос об их семантике. Семантика оронима является сложным образованием и складывается, во-первых, из семантики апеллятивного (орографического) компонента (указание на тип именуемого объекта: *гора*, *река* и т. п.), а во-вторых, из семантики проприального компонента, который, в свою очередь, часто мотивирован определенным признаком (*Белая* – по цвету снега или

горной породы, *Острая* – по форме). Следовательно, раскрытие значения оронима предполагает не только поиск исходного апеллятива, но и выявление мотивирующего признака, легшего в основу названия. Анализ семантики якутских оронимов проводится на традиционной основе посредством распределения их по тематическим группам. Вторым критерием классификации оронимического материала является принцип номинации (мотивировочных признаков), в соответствии с которыми выделяются три категории оронимов: оронимы, характеризующие связь объекта с окружающими географическими объектами; оронимы, отражающие номинацию орографического объекта по его свойствам и качествам; оронимы, представляющие номинацию объекта по связи с человеком и его деятельностью.

Структурно-словообразовательный принцип является важным аспектом в любом топонимическом исследовании. По мнению А. В. Суперанской, «изучение топонимических структурных типов представляет интерес не только для топонимики, но и для лингвистики в целом, поскольку каждое географическое название образуется по законам того языка, которому оно принадлежит» [Суперанская 1964: 61]. Кроме того, структура топонима – первая сфера исследования, на которую обращают внимание топонимисты, поскольку структурное членение топонима позволяет анализировать этимологию, значение и функционирование топонимов [Просвирнина 1999].

Теоретические вопросы структуры и словообразования географических имен той или иной территории, того или иного языка становились объектом изучения многих ученых (С. Роспонда, А. В. Суперанской, В. А. Никонова, Н. В. Топорова, В. А. Жучкевич, Н. В. Подольской, Е. М. Черняховской, О. Н. Трубачева, Г. В. Корнилова, А. К. Матвеева и др.).

Исследование, проведенное Е. М. Черняховской, выявило разнообразие подходов к классификации топонимов по структуре и наличие определенных разногласий среди исследователей. Существует мнение, что классификация должна быть либо словообразовательной, либо только семантической, чтобы оставаться внутренне последовательной [Черняховская 1970: 59]. Профессор В. Шмилауэр в

книге «Введение в топонимастику» подробно рассматривает словообразование топонимических единиц, привлекая для исследования широкий топонимический материал и используя разнообразные источники на различных языках. Его подход можно сформулировать следующим образом: 1) словообразовательный анализ названия должен быть дополнен анализом значений, то есть классификация должна быть структурно-семантической; 2) необходимо учитывать, что словообразование собственных имён отличается от словообразования имён нарицательных [Суперанская 1964: 96]. В современной ономастике структурный анализ топонимов опирается на два ключевых критерия: количественный (число компонентов в топонимической конструкции) и деривационный (способ словообразования). Согласно устоявшемуся методологическому подходу, первичным этапом такого анализа является квантитативная классификация, на основе которой затем проводится более детальное исследование морфологических и синтаксических свойств наименования [Черняховская 1970: 59].

Оронимы, как единицы языка, создаются на базе конкретного языка с использованием его морфологических, фонетических и синтаксических характеристик. В связи с этим представляется целесообразным введение понятий топоосновы и топоформанта, представляющих неотъемлемую часть формировавшегося в течение многих столетий регионального топонимикона [Литовкина 2019: 475]. По определению А. В. Суперанской, топооснова это «смысловой компонент географического названия. Они обязательно дополняются до целых слов, оформляются с помощью вспомогательных элементов, которые принято называть формантами» [Суперанская 1985: 101–102]. В свою очередь, аффикс, используемый для образования топонимов, называют топонимическим формантом или топоформантом. Н. В. Подольская рассматривает топоформант как «вид ономастического (онимического) форманта (см.). Пр.: *Дмитр-ов, За-реч-ье, Смолен-ск, Моск-овск...*; топоним может и не иметь форманта, например, *Устюг, Шуя, Киров...*; иногда повторяющаяся часто вторая основа топонима превращается в формант: *-град, -горск, -гощ*» [Подольская 1988: 150]. «Ономастический

(онимический) формант – аффиксальный элемент, указывающий на принадлежность слова к онимии» [Там же: 103].

В настоящее время не существует специальных исследований, посвященных анализу особых топонимических формантов в тюркских географических названиях. Исследователи отмечают, что в сравнении со славянской топонимией, тюркская топонимическая система характеризуется относительно небольшим количеством топонимических формантов, используемых для образования значительного числа топонимов см. [Корнилов 1967: 122; Молчанова 1982: 125]. В целом, структура тюркских топонимов в основном состоит из тех же формантов, что и обычные словообразующие форманты в агглютинативных языках. Тем самым, для тюркских языков нехарактерны форманты, использующиеся только для образования топонимов.

Проводя структурно-словообразовательный анализ, важно четко разграничивать содержание ключевых терминов: «структура топонима», «топонимический тип» и «топонимическая модель». Вместе с тем, как отмечает А. В. Суперанская, понятия «тип» и «модель» в ономастической литературе зачастую используются как взаимозаменяемые, что свидетельствует об их семантической близости [Суперанская 1969: 51–54]. Под структурным типом топонимов понимается совокупность географических названий, объединенных по структуре и способу образования [Подольская 1988: 145]. Для словообразовательного аспекта вводится понятие топонимической модели как формулы образования однотипных наименований с указанием словообразовательных средств и категориальной характеристикой производящей основы. Один и тот же структурный тип может быть образован по разным моделям [Там же: 150]. В настоящей диссертации мы исходим из концептуального положения Н. В. Подольской о принципиальном различии структурного типа и словообразовательной модели. Данный подход является наиболее релевантным для анализа собранного нами материала, так как он дает возможность систематизировать оронимы не только по формальным признакам (количество компонентов), но и по глубинным словообразовательным механизмам. Это, в свою

очередь, позволяет выявить наиболее продуктивные модели номинации именно для оронимов якутского языка.

Несмотря на то, что описание якутской оронимии носит региональный характер, в процессе выявления топонимических свойств допустимо применение классификаций, предложенных исследователями тюркских языков иных ареалов. Вопросы структуры и деривации тюркских географических названий рассматриваются в трудах и диссертационных исследованиях известных ономатологов, таких как Г. Е. Корнилов, Г. И. Донидзе, Дж. Г. Киекбаев, Г. Ф. Саттаров, К. Ф. Гриценко, О. Т. Молчанова, С. М. Молла-заде, Н. В. Попова и др. Мы представим здесь лишь те аспекты, которые связаны с предметом нашего исследования.

Теоретические вопросы структурно-словообразовательной классификации тюркских топонимов разработаны в исследованиях Г. Е. Корнилова и Г. И. Донидзе.

В статье «О типах топонимов в агглютинативных языках» Г. Е. Корнилов рассматривает способы образования топонимов в тюркских языках, уделяя внимание структуре имён, наличию апеллятивов и их соответствию обозначаемым объектам [Корнилов 1967: 123]. В рамках этого подхода в агглютинативных языках автор выделяет три основных типа топонимов:

1. топонимы, представляющие собой географические термины с нулевым грамматическим оформлением (т. е. непроеизводные топонимы);
2. топонимы, представляющие собой атрибутивную синтагму, в которой определяемой частью является географический термин;
3. эллиптированные названия.

Наиболее распространенным и продуктивным типом в тюркских топонимах является второй тип, который, по мнению Г. Е. Корнилова, обусловлен «более высокой степенью индивидуализации, достигаемой за счёт наличия дополнительных дифференцирующих определений, грамматически оформляющих соотношение имени с конкретным объектом» [Там же: 123].

Г. И. Донидзе выделяет «однословные топонимы» и «многословные топонимы» как наиболее распространенные в тюркской топонимике. Однословные

топонимы, в свою очередь, им подразделяются на безаффиксальные и аффиксальные. В качестве безаффиксальных названий могут выступать существительные, реже имена прилагательные, наречия и другие части речи. Многословные топонимы характеризуются наличием компонентов, связанных примыканием, изафетом, управлением и согласованием. Топонимы, образованные с помощью примыкания, представляют собой определительные словосочетания. Названия, образованные с помощью изафетной связи, представляют собой определительные словосочетания, между компонентами которых устанавливается принадлежностные отношения. Топонимы, образованные с помощью способа управления, представляют собой глагольно-объектные словосочетания. Географические имена, образованные «с помощью согласования (последние встречаются только в 3-ем лице), представляют собой целые предложения, подлежащее которых выражается именами существительными в основном падеже, а сказуемое – глагольными формами» [Донидзе 1971: 124].

В основе многих последующих исследований лежат структурно-словообразовательные классификации тюркских топонимов, предложенные Г. Е. Корниловым и Г. И. Донидзе.

М. Т. Муминов, внося некоторые изменения в классификацию Г. Е. Корнилова, в татарской микротопонимии выделяет следующие типы географических названий на основе участия географических терминов (т. е. апеллятивов) в составе топонимов: 1) географические термины в самостоятельном топонимическом употреблении; 2) топонимы, состоящие из географического термина и предшествующего атрибутива; 3) эллиптические названия, где термин утрачен или утрачивается; 4) атрибутивные названия (псевдоэллиптические). Кроме того, М. Т. Муминов группирует топонимы по количеству основ, в их составе, на: а) однословные; б) двусловные; в) трехсловные. По участию атрибута и определяемой имени (в его терминологии «атрибутива и субъекта», причем под субъектом им понимается любой определяемый член, в том числе географический термин) в составе топонимов исследователь выделяет: а) топонимы, состоящие только из субъекта; б) топонимы, представляющие атрибутив + субъект; в)

топонимы, состоящие из одного атрибута. С морфологической точки зрения М. Т. Муминов выделяет топонимы, в которых а) атрибут выражен существительным в именительном падеже, субъект также выражен именем существительным, б) конструкция прилагательное + существительное; в) топонимы, состоящие из прилагательных (т. е. определяемое имя является субстантивированным прилагательным) [Муминов 1970: 80].

По мнению О. Т. Молчановой, концепция М. Т. Муминова представляется интересной, и, что важнее всего, в ней выдерживается лингвистическая основа, хотя не все топонимисты придерживаются классификации по участию термина (апеллятива – слова, обозначающего географический объект и выступающего в качестве определителей в географических названиях), считая этот критерий семантической, а не морфологической или синтаксической основой [Молчанова 1982: 100].

По своей структуре казахские топонимы, согласно О. А. Султаньяеву [1969], имеют два самостоятельных структурных типа: именные и глагольные. В каждом типе им выделяются топонимы сложные, простые (одноставные) и эллиптические топонимы. Именные конструкции топонимов подразделяются автором на: а) сочетание собственного имени и детерминатива; б) сочетание прилагательного с существительным; в) сочетание числительного с существительным. Глагольные конструкции также имеют несколько структурных типов: а) названия-предложения; б) названия, в которых присутствует субъект, выраженный именем существительным в именительном падеже, и само действие, выраженное причастием на *-кан~-кән*; в) названия, вторым компонентом которых выступают глаголы в форме на *-ар*; г) топонимы, состоящие из двух глагольных форм; д) названия, образованные определительными словосочетаниями, первый компонент которых является причастием; е) одночленные названия на причастие *-кан~-кән* [Султаньяев 1969].

А. А. Бонюхов также придерживается морфолого-синтаксического подхода в диссертации, посвященной шорской топонимии. Он делит все топонимы по структуре на простые одноставные (однословные), производные и сложные

названия. Простые топонимы А. А. Бонюхов группирует на названия, соответствующие географическим терминам (т. е. апеллятивам), и топонимы, представляющие другие шорские лексические основы. Производные топонимы по основам исследователь делит на топонимы-существительные и топонимы-прилагательные. Для сложных топонимов А. А. Бонюхов использует термин «атрибутивная синтагма». В работе автор рассматривает синтаксические связи между компонентами атрибутивной синтагмы, а также структуру каждого компонента синтагмы [Бонюхов 1972].

Аналогичный подход к выделению типов топонимов был применен Ф. Г. Гариповой в исследовании по гидронимии Татарстана, Б. Х. Мусукаевым по топонимии Балкарии, Р. З. Шакуровым по топонимии Башкирии, Я. Худжамбердиевым по топонимии Узбекистана и др.

О. Т. Молчанова и С. М. Молла-заде предлагают иной подход к структурно-словообразовательному анализу топонимов.

О. Т. Молчанова [1982] при анализе тюркских топонимов Горного Алтая выделяет два основных способа топообразования: неаффиксальный и аффиксальный. Неаффиксальные названия, в свою очередь, делятся на лексико-семантический и лексико-синтаксический типы. Лексико-семантический способ включает топонимизацию как основных, так и переносных значений именных и глагольных форм. Под топонимизацией понимается не только переход имени нарицательного в топоним и его дальнейшее становление и развитие в этом разряде слов, но и приобретение лексемами характеристик, соответствующих их новому статусу [Молчанова 1982: 110]. Образование тюркских топонимов по лексико-синтаксическому типу происходит за счет топонимизации различных синтаксических конструкций. По участию термина (т. е. апеллятива) в географических названиях выделяются названия с географическими номенами и названия, не имеющие географических номенов. Особое внимание О. Т. Молчанова уделяет переносным и повторяющимся топонимам, считая, что образование названий способом переноса и повторения является одним из ведущих способом топообразования географических наименований Горного Алтая.

Вопросы структуры и словообразования якутских географических названий мы находим в трудах и диссертационных исследованиях К. Ф. Гриценко, М. С. Иванова-Багдарына Сүлбэ, В. Д. Монастырёва, Е. В. Меркель, Л. А. Яковлевой, В. В. Лебедевой, И. С. Хохоловой и др.

К. Ф. Гриценко классифицирует названия рек и озёр Якутии на простые производные, полные и усечённые. К простым производным исследователь относит однословные названия, представляющие основу существительного в единственном числе без словообразовательных аффиксов. Полные наименования представляют словосочетания, построенные по типу «определение + определяемое». Усечённые названия не содержат географического термина, указывающего на род называемого объекта; [Гриценко 1968: 40]. Данные, полученные им в результате исследования, позволили установить, что основным структурным типом якутских гидронимов являются определительные словосочетания, построенные на примыкании [Там же: 299].

При исследовании структуры якутских топонимов Центральной Якутии В. Д. Монастырёв пользуется схемой, предложенной О. Т. Молчановой, и за основу классификации берет морфолого-синтаксический анализ топонимов. По участию географического термина в составе топонима автор выделяет терминированные и эллиптированные названия. Терминированные названия делятся им на 2 типа: первый – это географические номены в топонимическом употреблении (топонимизация апеллятива), а второй – топонимы, состоящие из двух или более компонентов, где структурным стержнем (ключевым словом) является географический номен (т. е. апеллятив) [Монастырёв 1993: 15].

Как отмечают исследователи, структурные типы географических названий необходимо рассматривать в соответствии с географическими объектами, которым они принадлежат. Это обусловлено тем, что для разных географических объектов характерны различные структурные типы названий [Цветкова 2012а: 107]. Географическим названиям определенных классов топонимов, таким как оронимы, гидронимы, свойственны свои структурные особенности. Однако, как отмечает А. В. Суперанская, «это, конечно, не значит, что какие-нибудь структурные типы не

могут быть принадлежностью двух или нескольких типов географических названий, но это значит, что определенные структурные типы “привязаны” к определенным географическим объектам» [Суперанская 1964: 70]. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть вопросы структуры и словообразования оронимов тюркских языков.

Н. А. Баскаков в статье «Принцип избирательности наименования гор у алтайцев Горного Алтая» в однословных названиях гор, выраженных производной основой, к наиболее продуктивным аффиксам относит: *-луу~-луу*, *-дуу~-дуу*, *-туу~-туу*; *-лык~-лик*; *-ар~-ер*. В сложных названиях исследователь выделяет следующие структурные модели: «а) сочетания-приложения; б) сочетания, основанные на примыкании; в) сочетания, основанные на объектной связи; г) сочетания имени с аффиксами словообразования, выражающими атрибутивную форму» [Баскаков 1969: 41–42].

В «Заметках по оронимии Киргизии» В. А. Никонов выделяет некоторые общие черты в структуре тюркских оронимов. В частности, он указывает на следующие особенности: 1) большинство оронимов состоит из двух компонентов; 2) наличие географических номенов, многократно повторяющихся в именах, в значительном количестве единиц. Исследователь считает ошибочным отнесение к трехосновным таких оронимов, как *Чонг-Таш-Сай*, *Кичи-Таш-Сай* и т. п. Несмотря на их написание, они состоят из двух компонентов и образованы не по схеме *Кичи + Таш + Сай*, а по схеме *Кичи + (Таш + Сай)*. В таких случаях один из видимых компонентов относится не к каждому из двух остальных, а к ним обоим как к единому целому. По мнению ученого, «это не три основы одного уровня, а две, из которых одна, в свою очередь, двуосновна» [Никонов 1978: 91].

В основу классификации башкирских оронимов, разработанной Н. А. Ласыновой, Л. Р. Сулеймановой и Ф. М. Сулеймановой, положен структурно-словообразовательный критерий, в соответствии с которым все названия разделяются на однокомпонентные и двухкомпонентные. Однокомпонентные образования возникают в результате аффиксации или сложения основ и представляют собой усечённые формы, где определяющий географический термин

опущен. Двухкомпонентные оронимы, являющиеся продуктом сложения основ или лексикализации словосочетаний, состоят из определяющего признака и сохранившегося географического термина [Ласынова и др. 2016: 109].

В настоящем диссертационном исследовании мы опираемся на принципы структурно-словообразовательной классификации, изложенные в работах предшественников, и развиваем их в приложении к более сложным объектам. За методологическую основу было принято исходное разделение всего корпуса оронимов на два класса – однокомпонентные и двухкомпонентные образования, которое успешно апробировано на нашем материале.

Для более точного описания специфики собранной оронимии данная типология была расширена за счет включения следующих категорий:

1. многокомпонентные оронимы (трех- и, реже, четырехкомпонентные): анализ структур данного типа позволяет выявить сложные номинативные стратегии и модели;
2. многокомпонентные оронимы, не содержащие в своей структуре орографических терминов: выделение данной группы представляется важным для понимания процессов косвенной номинации.

В рамках усовершенствованного подхода сохраняется и детализируется анализ способов словообразования для каждого типа оронимов:

1. для однокомпонентных оронимов, следуя за указанными авторами, рассматривается аффиксация имен нарицательных топоформантами и последующая оронимизация;
2. для двухкомпонентных и многокомпонентных оронимов ключевыми механизмами признаются оронимизация словосочетаний и синтаксическая цельнооформленность этих словосочетаний, в основном построенных по моделям атрибутивных синтагм.

Таким образом, развитая нами концепция служит более гибким и адекватным инструментом для системного описания и глубокого анализа структурного и деривационного многообразия оронимов, отражая всю сложность изучаемой ономастической системы.

Выводы по Главе 1.

Проведенный теоретический анализ позволяет сформулировать следующие выводы, составляющие методическую основу данного исследования.

1. Топонимика, обладая междисциплинарным характером, представляет собой в первую очередь лингвистическую дисциплину, интегрированную в систему гуманитарных знаний. Ее принадлежность к языкознанию обусловлена тремя ключевыми факторами:

- топоним является элементом лексической системы языка;
- топонимы подчиняются общим законам развития языка;
- основным объектом ее исследования выступают лингвистические единицы.

2. Ключевым аспектом топонимики является ее системный характер, который находит отражение в ряде значимых факторов: единство построения топонимов определенной местности, обусловленность внеязыковыми факторами, общность выполняемой функции, наличие вариантов названия, а также специфических словообразовательных и структурно-грамматических моделей.

3. В рамках топонимики особое место занимает оронимика – раздел, изучающий наименования элементов рельефа. Анализ существующих трактовок понятия «ороним» выявил терминологическую неоднородность, что обусловило необходимость его стандартизации для обозначения названий любых форм и элементов рельефа земной поверхности.

4. Ключевым структурным и семантическим элементом оронима является орографический апеллятив – нарицательное слово, указывающее на тип объекта рельефа (*хайа* ‘гора’). Его наличие или отсутствие формирует дихотомию «терминированных / нетерминированных оронимов», актуальную для многокомпонентных названий.

5. Предложен подход к классификации орографических апеллятивов, основанный на четырех критериях:

- по их происхождению, сравнительно-сопоставительными и историческими методами на основе апеллятивов родственных и неродственных языков;

- по отношению к термокарстовому происхождению;

- по отношению орографических объектов и их номинаций к базисному уровню, в простейшем случае совпадающему с уровнем моря;

- по путям развития их орографической семантики.

6. Оронимическая лексика понимается как система, объединяющая собственно оронимы и орографические апеллятивы, находящиеся в постоянном взаимодействии. Орографические апеллятивы служат основой для образования оронимов, выполняя при этом ключевую классификационную и идентифицирующую функцию.

7. Структурно-функциональный анализ выявляет два ключевых компонента сложного оронима:

- оронимический проприальный компонент (*боруулаах*), выполняющий индивидуализирующую функцию;

- апеллятивный компонент – орографический апеллятив (*хайа*), выполняющий классифицирующую функцию.

8. Генезис оронимов раскрывается через универсальные механизмы ономастического словообразования: оронимизацию (переход апеллятива в ороним), трансонимизацию (межкатегориальный перенос) и транстопонимизацию (внутритопонимический перенос), трансоронимизацию (перенос внутри класса оронимов). Данные процессы едины для оронимов любой структуры.

9. Разграничение понятий «оронимический компонент / производящая основа» позволяет преодолеть ограниченность чисто структурного подхода: первый термин описывает функцию в структуре готового имени, второй – раскрывает этимологию и мотивацию номинации.

10. Детальная характеристика оронимической системы предполагает обязательный учет физико-географического контекста региона. Природное разнообразие Якутии (субарктический климат, криогенные формы рельефа,

сложная гидрографическая сеть) послужило ключевым фактором формирования в якутском языке развитой системы орографических терминов, которые, в свою очередь, составили номинативную основу для подавляющего большинства оронимов.

11. Анализ степени изученности показывает, что якутская оронимия исследована фрагментарно и требует дальнейшей разработки в области типологии, этимологии, выявления национально-культурного компонента и системного описания в сравнительно-историческом и сравнительно-сопоставительном аспектах.

12. Применение комплексной методики, синтезирующей структурно-словообразовательный и лексико-семантический анализ, позволяет раскрыть якутскую оронимию как целостную систему, закономерно отражающую многовековое взаимодействие языкового сознания, географической среды и культурных традиций народа саха.

Таким образом, теоретическая модель исследования обеспечивает системное описание оронимов через единство их формы (структура), содержания (семантика) и генезиса (способы образования).

ГЛАВА 2. ЯКУТСКИЕ ОРОГРАФИЧЕСКИЕ АПЕЛЛЯТИВЫ В СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В данной главе проводится комплексный анализ 177 орографических апеллятивов, участвующих в образовании якутских оронимов. В первом разделе представлен сравнительно-сопоставительный и исторический анализ всего корпуса якутских орографических апеллятивов, организованный в соответствии с выявленными генетическими пластами. Внутри каждого пласта апеллятивы систематизируются на основе следующих критериев: 1) отношение обозначаемых орографических объектов к базисному уровню (в простейшем случае – уровню моря); 2) связь с термокарстовым происхождением форм рельефа; 3) пути развития орографической семантики номинаций.

Во втором разделе проводится сопоставление якутских орографических апеллятивов с алтайскими, что позволяет выявить общие типологические черты, обусловленные генетическим родством, и специфические различия, вызванные влиянием внешних факторов: особенностей географической среды, контактов с языками и последующих заимствований.

2.1 Сравнительно-сопоставительный анализ орографических апеллятивов, участвующих в образовании якутских оронимов

В якутской оронимии зафиксировано 177 орографических апеллятивов, участвующих в образовании оронимов. Статистический анализ общего массива в 4000 оронимических единиц показывает, что 2063 наименования (51,6 %) содержат в своей структуре орографические апеллятивы, что подтверждает их системообразующую функцию в якутской оронимии. В рамках настоящего исследования орографические апеллятивы в оронимии систематизируются по четырем ключевым критериям, позволяющим раскрыть их специфику с разных

сторон: 1) генетическому, 2) геоморфологическому; 3) орографическому; 4) семасиологическому (см. подробнее 1.2.1).

По генетическому критерию якутские орографические апеллятивы распределяются по нескольким этимологическим пластам: общетюркскому, монгольским, тунгусо-маньчжурским, русским и юкагирским заимствованиям; выделяется группа апеллятивов без установленных соответствий (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение якутских орографических апеллятивов по языковому происхождению

№	Происхождение апеллятивов	Количество	Доля, %
1.	Апеллятивы общетюркского происхождения	81	45,7 %
2.	Заимствования из монгольских языков	62	35 %
3.	Заимствования из тунгусо-маньчжурских языков	17	9,6 %
4.	Русские заимствования	5	2,8 %
5.	Заимствование из юкагирского языка	1	0,5 %
6.	Апеллятивы без выявленных соответствий	11	6,2 %

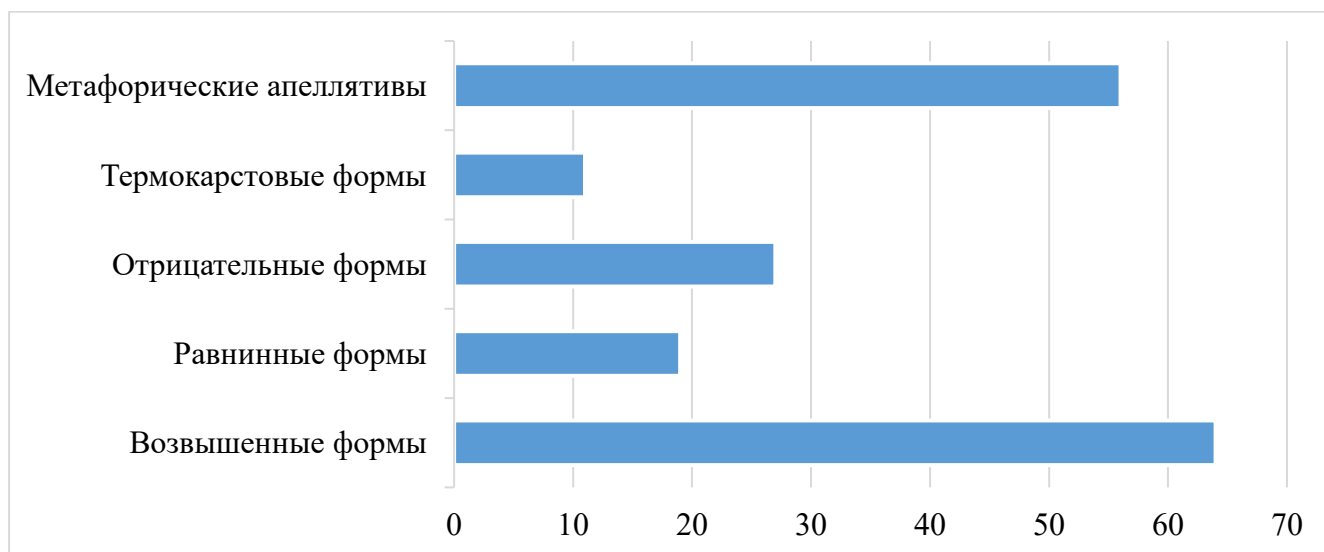
Последние три критерия классификации (геоморфологический, орографический, семасиологический) основаны на признаке, лежащем в основе номинации. При этом признак выявлялся как через анализ внутренней формы лексемы, так и через русскоязычные дефиниции в словарях. Поскольку многие термины полисемантичны и содержат указание на несколько признаков, их отнесение к той или иной группе допускает определенную долю условности.

Так, по характеру обозначаемых форм рельефа орографические апеллятивы классифицируются на пять групп (см. Диаграмму 1): 1) апеллятивы возвышенных форм рельефа (64 апеллятива – 36,2 %); 2) апеллятивы равнинных форм рельефа

(19 апеллятивов – 10,7 %); 3) апеллятивы отрицательных форм рельефа (27 апеллятивов – 15,2 %); 4) апеллятивы термокарстовых форм рельефа (11 апеллятивов – 6,2 %); 5) метафорические апеллятивы, служащие для обозначения различных форм рельефа (56 апеллятивов – 31,6 %).

Диаграмма 1

Распределение орографических апеллятивов по семантическим группам

Важно отметить, что, хотя в различных диалектах якутского языка один и тот же апеллятив может приобретать разные значения в зависимости от конкретной семантической системы, в данном исследовании мы стремились выделить инвариант значения. Нельзя не согласиться с Н. И. Толстым, который писал: «чем большее число различных значений-рефлексов известно, тем с большей достоверностью и подробностью возможно восстановление процесса семантической эволюции от начального до конечного ее состояния, тем более убедительна реконструкция семантики термина-этимона» [Толстой 2006: 242]. В ходе анализа оценивалась иерархия и относительная значимость различных семантических признаков в значениях апеллятивов.

2.1.1 Апеллятивы общетюркского происхождения

В результате проведенного сравнительно-сопоставительного анализа орографических апеллятивов, образующих якутские оронимы, выявлено 81 наименование тюркского происхождения. Пласт лексики систематизирован по семантическому принципу и распределен по следующим подгруппам: 1) апеллятивы возвышенных форм рельефа; 2) апеллятивы равнинных форм рельефа; 3) апеллятивы отрицательных форм рельефа; 4) апеллятивы термокарстовых форм рельефа; 5) метафорические апеллятивы, обозначающие различные формы рельефа.

2.1.1.1 Апеллятивы, служащие для обозначения возвышенных форм рельефа

Данная подгруппа объединяет апеллятивы, служащие для номинации положительных форм рельефа. Они распределяются в соответствии с признаком, лежащим в основе номинации орографического термина: 1) наименования возвышенностей разных типов в зависимости от их высоты; 2) наименования возвышенностей по форме; 3) наименования возвышенностей по характеру почвы; 4) наименования возвышенностей по наличию / отсутствию растительности; 5) наименования возвышенностей по месту расположения; 6) наименования частей возвышенности.

2.1.1.1.1 Наименования возвышенностей разных типов в зависимости от их высоты

Сыыр. В якутском языке апеллятив *сыыр* служит для обозначения горки, холма, возвышенности [БТСЯЯ XI: 524; СТЛ 2019: 223]. Как свидетельствуют данные словаря Э. К. Пекарского, семантика слова шире и включает значения: 'гора, горка, холм, бугор, пригорок, релка; берег, крутой (высокий) берег, крутобережье, крутизна, крутой обвал, обрыв; дорога (подъем, въезд, взезд) на гору; покатость, отлогость' [СЯЯ III: 2475]. В составе орографической терминологии лексема *сыыр* образует парные сочетания, уточняющие характер

объекта: *кыһыл сыыр* ‘песчаная гора’, *хара сыыр* ‘крутой обрывистый берег, яр, обрыв’, *сыыр хайа* ‘скалистый берег’.

Нашими предшественниками слово *сыыр* этимологизировано как исконно тюркское: др.-тюрк. *йар* ‘яр, овраг’ [Антонов 1971; Монастырёв 1993; Кузьмина 2021]. Данный термин широко распространен в тюркских языках с семантикой ‘обрыв, крутой берег’: азерб. *јарган* ‘обрыв, овраг, балка, лог, лощина’, башк. *яр* ‘берег’, караим. *йар* ‘ущелье’, к.-калп. *жар* ‘яр, обрыв, крутой берег’, кирг. *жар* ‘яр, обрыв, крутой берег’, ног. *яр* ‘крутой берег’, тат. *яр* ‘берег; яр; береговой’, тур. *уар* ‘обрыв, пропасть’, хак. *чар* ‘берег, яр’, шор. *чар* ‘крутой берег реки; яр’.

Примечательно, что в оронимии различных тюркских народов семантика термина может варьироваться. Так, О. Т. Молчанова отмечает его употребление в качестве родового элемента со значением ‘берег, крутой яр, обрыв’ в топонимах Горного Алтая [Молчанова 2018: 64]. По данным Г. К. Конкашпаева, в казахском языке элемент *жар* может означать ‘овраг или сухое русло с крутыми берегами’ и часто входит в состав оронимов [Конкашпаев 1951: 16]. В хакасской оронимии фиксируется значение ‘невысокая удлинённая плоская возвышенность’ [Сунчугашев 1999: 68].

В оронимии Якутии апеллятив *сыыр* отличается высокой продуктивностью. Он функционирует как самостоятельно (с аффиксом *-лаах*), так и в качестве компонента сложных оронимов: мыс *Буор Сыыр*, г. *Кыһыл Сыыр*, горка *Түргэн Сыыр*, горка *Хайаҕастаах Сыыр*, горка *Сыыр Анна*, горка *Сыыр Кэннэ*, а. *Сыырдаах*, *Сыырдаах Анна*, падь *Сыырдаах Үрэх* и др.

Хайа. Для номинации значительных возвышенностей, поднимающихся над окружающей местностью, в якутском языке используется апеллятив слово *хайа* ‘гора’ [БТСЯЯ XIII: 186]. Согласно словарю Э. К. Пекарского, его значения включают ‘гора, горы, цепь или хребет гор; высокая гора, утес, скала, каменные горы’ [СЯЯ III: 3242].

Специфика орографического объекта часто уточняется с помощью слов-композигов, образующих разветвлённую терминосистему. Нами зафиксировано свыше 80 терминов:

- по составу пород: *адаар хайа* ‘скалистые горы’, *буор хайа* ‘земляная гора’, *муус хайа* ‘ледяная гора’;
- по морфологии: *күкүр хайа* ‘высокая отвесная гора’, *ойдом хайа* ‘останец’, *суулар хайа* ‘крутая гора’;
- по растительному покрову: *мас хайа* ‘гора, покрытая лесом’, *сыгыннах хайа* ‘голые скалы’;
- по расположению: *кыйа хайа* ‘береговая гора’, *сывдыыс хайа* ‘низкая гора, протянувшаяся вдоль реки’.

Диалектными эквивалентными *хайа* считают слова *сис* (алл.) ‘гора’, *суорба* (эвф., верх.-кол.) ‘гора’, *таас* (алл., бул., верх., вил., кол.) ‘скалы, каменные горы’, *хадаар* (сакк.) ‘скала, утес’ Указанные слова обозначают почти одно и то же, и поэтому могут вступать между собой в синонимические отношения [Иванов 2017: 186]. Высокие, труднодоступные горы и утесы представлены парными терминами *хадаар хайа* ‘острозубчатая гора’ и *хадаба хайа* ‘скала’. Скалистые останцы горных пород, представляющих собой причудливые формы, обозначаются *туруук таас хайалар* ‘стоячие горы’ и *киһилээх хайалар* ‘горы с человеческими фигурами’ [Ландшафт 2023: 37].

В ареально-лингвистическом плане, лексема *хайа* имеет широкие алтайские соответствия см. [Дмитриева 1984: 165–166; EDAL 2003: 629–630; СИГТЯ 2006: 383–384; ЭСТЯ V: 198–199; Молчанова 2018: 74–75]. Древнетюркское слово *qaja* ‘скала’ [ДТС 1969: 406] зафиксировано в словаре Махмуда Кашгарского 1072–1076 гг.: «*қайā* – скала, каменные горы» [МК 2005: 868]. Эти значения сохраняются в современных тюркских языках: азерб. *gaja*, алт. *кайа* ‘скала, утёс’, башк. *кая* ‘скала, утёс: *кая тау* – отвесная высокая гора, *кая таи* – каменный утёс, каз. *қыя* ‘возвышенность с крутыми каменистыми склонами; скала’, ‘косогор, обрыв, скала, утёс; возвышенность с крутыми каменистыми склонами’, караим. *кайа* ~ *қайа* ‘скала, утёс’, ног. *кая* ‘1) скала, гора, утёс; 2) высокий крутой берег реки’, тат. *кыя* ‘скала; скалистый’, тув. *хая*, тур. *кауа* ‘скала’, туркм. *гая* ‘скала, утёс’, узб. *қоя* ‘скала, утёс’, хак. *хайа*, шор. *қайа* ‘скала, утёс’ [Молчанова 2018: 74].

Вопрос о происхождении термина остается дискуссионным в лингвистической литературе. Существуют гипотезы как о заимствовании из монгольских (ср.: монг. *хад*, бур. *хада* ‘скала, утес’ [БАМРС IV: 1220; БурРС II: 375]) в тюркские языки, так и об обратном направлении заимствования [ЭСТЯ V: 199]. Авторы EDAL сопоставляют прамонг. **kada* ‘скала’ с пратунг. *kada(r)* и пратюрк. **K(i)oja*, отмечая, что монгольская форма вряд ли является тюркизмом [EDAL 2003: 629–630]. М. Рясänen считал тюркские формы заимствованными из монгольского [Räsänen 1969: 221]. В СИГТЯ слово *кайа* относится к алтайским языкам: «В пользу позднего распространения слова по тюркской почве говорит унификация интервокального гласного *-j-* вместо ожидаемой системы соответствий *-d- ~ -t- ~ -δ- ~ z ~ -j- ~ -r-*» [СИГТЯ 2001: 96–97]. Дж. Клоусон пишет: «*Кауа*: – скала, более точно, ‘острая, стоящая прямо скала, скалистый утёс’. Раннее монгольское слово *kada* имеет точно такое же значение. Это предполагает, что первоначально было **kadā*, вероятно, производное существительное от **kad-* в значении ‘наклонившийся предмет’» [Clauson 1972: 674]. По мнению Е. В. Сундуевой, монгольский термин восходит к образному корню **qad ~ yad* ‘нечто вертикальное, торчащее’: п.-монг. *yadasu*, монг. *гадас*, бур. *гадаһан* ‘кол, колышек; свая’; п.-монг. *yadaryan*-а, монг. *гадаргана* ‘кучерская прямая шляпа’; п.-монг. *qadayasun*, монг. *хадаас*, бур. *хадааһан* ‘гвоздь’ [Сундуева 2010: 54].

Апеллятив *хайа* является высокопродуктивным в якутской оронимии, участвуя в образовании более 250 названий. Структурно это преимущественно двухкомпонентные оронимы, где в качестве определения выступают существительные, прилагательные: г. *Күкүр Хайа*, г. *Хантабай Хайа*, г. *Тарабай Хайа*, г. *Хоспох Хайа*, г. *Түөс Хайа*, г. *Тангалайдаах Хайа*, ск. *Оппуохалаах Хайа*, г. *Болбукта Хайата*, г. *Сиибиктэ Хайата*, г. *Хайалаах*, г. *Хатыннаах Хайалара*, г. *Уһук Быллаар Хайата*, г. *Отто Хочо Хайата* и т.д.

2.1.1.1.2 Наименования возвышенностей по форме

Туруук. Термин *туруук* обозначает ‘очень крутую, отвесную скалу или утёс’ [БТСЯЯ XI: 178]. Данный апеллятив представляет собой субстантивированное прилагательное *туруук* со значением ‘очень крутой, отвесный’ [Там же: 178].

Согласно СТЛ, лексема *туруук* ~ *турук* ‘выдавшийся, выступивший камень скалы’ образована от глагольной основы *тур-* ‘стоять; вставать; пребывать, находиться на каком-л. состоянии’ [СТЛ 2019: 250]. Ср. др.-тюрк. *tur-* ‘вставать, подниматься; стоять; находиться, быть, иметься, пребывать; жить, обитать; останавливаться’ [ДТС 1969: 586], *turuу* ‘жилище, стоянка, местопребывание; пастбище; убежище, прибежище; логовище (в горах)’ [Там же: 588].

Возможную общеалтайскую параллель демонстрирует реконструированная основа **t'ōr[e]* со значениями ‘столб, опора, башня’: пратунг. **turu* ‘шест, мачта; шаманский шест, место жертвоприношения’, пратюрк. **tōr* ‘почетное место в юрте’ [EDAL 2003: 1461]. Это позволяет предположить семантическое развитие по линии ‘стройный объект, опора’ → ‘отвесная скала’, где в основе номинации лежит метафорический перенос по признаку вертикальности и устойчивости.

В якутской оронимии апеллятив *туруук* (а также его фонетический вариант *турук*) представлен ограниченным числом наименований. Он функционирует как в качестве однокомпонентного оронима (ск. *Турук*, г., ск. *Туруук*), так и в составе двухкомпонентных названий, где выступает в роли апеллятивного компонента: ск. *Көндөй Туруук*, *Куччугуй Туруук* и др. Зафиксирован также случай его употребления в атрибутивной функции: г. *Туруук Хайа*.

Кирбэй. Апеллятив *кирбэй* в якутском языке имеет значения ‘1) горный хребет, возвышенность, перевал; 2) водораздел’ [БТСЯЯ IV: 133, 135].

Этимология слова является тюркской и восходит к др.-тюрк. *qir* ‘возвышенность; холмистая степь’ [ДТС 1969: 145].

В составе оронимов Якутии лексема *кирбэй* (а также ее вариант *кирбий*) зафиксирована лишь в двух случаях: возв. *Даахса Кирбэй* и горы *Хара Сыыр Кирбийэ*, что свидетельствует о ее низкой продуктивности в регионе.

2.1.1.1.3 Наименования возвышенностей по характеру почвы:

Таас. В якутском языке апеллятив *таас* обладает широкой семантикой, включающей значения ‘камень’, ‘(каменная) гора’, ‘утес’, ‘скала’ [СЯЯ I: 2590; БТСЯЯ X: 88]. На его основе сформирован ряд устойчивых орографических терминов-словосочетаний: *очуос таас* ‘утёс (отдельно стоящий)’, *суорба таас*

‘крутая, отвесная скала, утёс’, *тарабай таас* ‘гольцы, гора без всякой растительность, скала, сопка’, *туруук таас* ‘крутая, отвесная скала’ [БТСЯЯ Х: 98].

В говорах семантика слова *таас* демонстрирует вариативность, обусловленную локальными ландшафтными условиями: а) (алл., бул., верх., вил., кол.) ‘скалы, каменистые горы’ [ДСЯЯ 1976: 231]; б) (сунт.) ‘самая высокая, окраинная с сухим твердым грунтом и бедной растительностью часть аласа, луга, поля’ [СТЛ 2019: 229]. По гипотезе С. А. Иванова, специализация значения ‘каменистые горы, скалы’ произошла в результате сокращения словосочетания *таас хайа* (‘каменная гора’) и последующего метафорического переноса [Иванов 2017: 185].

Этимология апеллятива является общетюркской: др.-тюрк. *taš* ‘камень’ [ДТС 1969: 229]. Широкие параллели прослеживаются в современных тюркских языках: азерб. *даш*; башк. *таш* ‘камень; гора, сопка, возвышенность, сложенные из твердых пород с их обнажениями’, кирг. *таш*, ног. *тас*, тат. *таш*, тув. *даш*, туркм. *дааш*, тур. *taş* ‘камень; скала; что-то сделанное из камня; твёрдый как камень’, узб. *тош*, хак. *тас*, уйг. *таш*, шор. *таш* ‘камень’ [Молчанова 2018: 120]. В сравнительно-историческом плане тюрк. *таш* противопоставляется монг. *čilayu(n)*, при этом Г. Дёрфер реконструирует праформу **tāša*, где конечный *-a* коррелирует с монг. *-a* [ЭСТЯ III: 168].

Апеллятив *таас* отличается высокой продуктивностью в якутской оронимии. Он функционирует как в роли определяемого, так и в роли определения в составе двухкомпонентных оронимов: г. *Илин Таас*, хр. *Күн Таас*, хр. *Күөх Таас*, ск. *Халтан Таас*, ск. *Ыҥыыр Таас*, г. *Эбир Таас*, ск. *Симизбийэ Тааһа*, ск. *Тиис Тааһа*, ск. *Чокуурдаах Тааһа*, ск. *Өбүгэ Сүрэх Тааһа* и др. Реже встречается в качестве однокомпонентного наименования (г. *Таас*). Значительный пласт образуют оронимы с прилагательным *таастаах* ‘имеющий камни, сопки’: ск. *Күрбэ Таастаах*, ск. *Күрбэ Таастаах Быһыта*.

Суорба. Лексема *суорба* зафиксирована в значениях: ‘утес; каменная гора; отвесная скала’ [СТЛ 2019: 215], (эвф., верх.-кол.) ‘гора’ [ДСЯЯ 1976: 215], (прил.) ‘без какой-л. почвы, растительности на склоне; сплошной, цельный, утёсистый’

[БТСЯЯ IX: 148–149]. В орографии она синонимизируется со словами *таас* и *хайа*, часто выступая в составе терминологических сочетаний: *суорба таас* ‘крутая, отвесная скала, утёс’, *суорба хайа* ‘отвесная скалистая гора’.

Словообразовательно *суорба* восходит к глаголу *суор-* ‘тесать, обтесывать’, соотносимому с тюрк. *йоон-* ‘строгать, тесать’ и монг. *зор-* ‘строгать, скоблить, срезать, снимать кожу» [ЭСТЯ IV: 222] при помощи результативного аффикса *-ба*, образующего отглагольное существительное [Иванов 2017: 185]. Как отмечает Л. Г. Невская, «представления, мотивирующие внутреннюю форму географического термина, оказываются неизоллированными и соотносятся с аналогичными представлениями, отраженными в текстах высших уровней. В частности, представление о возвышенности / низинности в связи с различными видами разрушительной деятельности параллельно отражено в сюжетах мифологических преданий о соответствующих способах сотворения гор и долин. Связь представлений ‘гора’ и различные виды разрушительных действий (колоть, расщеплять, валить и т. п.) можно констатировать как универсальные индоевропейские семантические закономерности» [Невская 1977: 197–198]. Так, семантически близкий глагол *тесать* в русском языке послужил основой для рус. *утёс*.

В оронимии Якутии апеллятив *суорба* со значением ‘гора’ представлен единичным примером: ск. *Суонуйа Суорбата*.

2.1.1.1.4 Наименования возвышенностей по наличию / отсутствию растительности

Таскыл. Апеллятив *таскыл* в якутском языке означает ‘голец, каменная сопка’ [СЯЯ I: 2596]. В БТСЯЯ и СТЛ слово отсутствует. Согласно дефиниции Э. М. Мурзаева, это «гольцовые вершины гор, поднимающиеся выше пределов лесного пояса. Многие из них и летом покрыты снегом. Для *таскыла* характерным является наличие обширных глыбово-каменных россыпей, одевающих как склоны этих вершин, так и нагорные террасы» [Мурзаев, Мурзаева 1959: 223].

Данный термин широко распространен в южносибирских тюркских языках с близкой семантикой: алт. *таскыл* ‘очень крутые куполообразные вершины

высоких гор' [ТСГА 1979: 95], тув. *таскыл* 'горный хребет; голец (гора, не покрытая лесом)' [ТувРС 1968: 391], хак. *тасхыл* '1) высокая безлесная гора; 2) цепь высоких гор в тайге, вершины которых обычно покрыты альпийской растительностью' [ХакРС 2006: 602], шор. *таскыл* '1) сопка; 2) хребет (гора без леса) [ШорРС 1993: 52].

Р. Д. Сунчугашев подчеркивает, что признаки хакасских *тасхылов* (отсутствие растительности, каменистость, наличие снежников) полностью соответствуют характеристике, данной Э. М. Мурзаевым [Сунчугашев 1999: 26].

В качестве возможной производящей основы для тюрк. *таскыл* рассматривается др.-тюрк. *taz* 'парша, плешь: *taz jer* – лишенная растительности, солончаковая местность' [ДТС 1969: 543].

В якутской оронимии апеллятив *таскыл* является непродуктивным и зафиксирован лишь в одном наименовании – г. *Таскыл*.

2.1.1.1.5 Наименования возвышенностей по месту расположения

Билии. Апеллятив *билии* в якутском языке обозначает '1) узкую полосу леса или возвышенность, находящаяся между двумя водоемами, полянами; 2) перешеек, полосу суши, разделяющую близлежащие озера' [ТСЯЯ II: 305]. В гидрографической терминологии фиксируется также значение 'протока между озерами' [СТЛ 2019: 65]. Слово образовано от соматизма *биил* 'талия' (см. 2.1.1.5.1.1 *биил*).

В оронимии также представлен фонетический вариант – *билиис*. Апеллятив участвует в образовании ряда наименований: падь *Мас Билии*, перешеек *Кумах Билии*, мыс *Билии Тумса*, а. *Билиилээх* и т. д.

Булун. Лексема *булун* (вариант *булун*) служит для номинации обособленной, отдельно стоящей части возвышенности, пригорка, мыса или долины [СЯЯ I: 40]. Семантика слова включает также значение 'речной, озерный залив' [СТЛ 2019: 71].

Этимология термина является общетюркской. Широкие параллели демонстрируют семантику 'угол', 'залив', 'укрытое место': алт. *булун* 'грань, угол; залив реки', башк. *болон* 'угол', кирг. *булун* 'угол', тат. *булун* 'долина, лощина, пойма, низменность', тув. *булун* 'угол; уголок, укромное место; местность в

излучине реки' и т. д. В древнетюркском языке зафиксировано *buluŋ* 'угол; страна света, направление; край', встречающееся в орхоно-енисейских надписях 731 г. н. э. [ДТС 1969: 124]. Реконструируемая пратюркская основа *bul-* имеет значения '1) угол; 2) направление, сторона света [EDAL 2003: 942]. Как отмечает Э. М. Мурзаев, «булун(г) ~ пулун 'угол' в тюркской топонимии указывает на конкретные географические реалии: 'излучина реки, мыс, сторона'» [Мурзаев 1996: 109].

В якутской оронимии функционирует в составе названий аласов, долин и мысов: а., дол. *Булун*, а. *Булун Алаас*, дол. *Булун*, а. *Кыра Булун*, а. *Хоту Булун*, мыс *Булункаан*, *Булункаан Тумса*.

Дьяар. Апеллятив *дьяар* функционирует в якутской оронимии со значением 'крутой берег, обрыв реки, озера, яр' [ТСЯЯ III: 263].

Лексема имеет широкие тюркские параллели с семантикой 'обрыв', 'крутой берег': азерб. *jarğan* 'обрыв, овраг, балка, лог, лощина', башк. *яр* 'берег', каз. *жар* 'обрыв, круча, обрывистый берег', караим. *йар* 'ущелье', к.-калп. *жар* 'яр, обрыв, крутой берег': *жар тас* – утес, *тик жар* – отвесная скала, кирг. *жар* 'яр, обрыв, крутой берег': *жар таш* – утёс, ног. *яр* 'крутой берег, тат. *яр* 'берег, яр; береговой': *текэ яр* – круча, обрыв, тув. *эрик* '1) берег; 2) край', тур. *уар* 'обрыв, пропасть', туркм. *жар* '1) овраг; 2) русло', узб. *жар* '1) овраг, ров; 2) крутой берег, обрыв, пропасть', уйг. *йар* 'утёс, скала; крутой берег; обрыв, откос; овраг', хак. *чар* 'берег, яр', шор. *чар* '1) крутой берег реки; 2) яр' [Молчанова 2018: 64]. М. Рясänen возводит тюрк. *jar* 'крутой берег; яр; обрыв' к глаголу *jar-* 'раскалывать, разделять' [Räsänen 1969: 188]. Термин имеет соответствия в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках: п.-монг. *erig*, монг. *эрэг*, бур. *эрье* 'берег; обрыв; яр'; эвенк. *эран* 'осыпь (каменистая)', эв. *ја́ри* 'берег (подмытый рекой); обвал' [Дмитриева 1984: 141]. Ряд исследователей считает русское слово *яр* заимствованием из тюркских языков.

В якутской оронимии апеллятив *дьяар* входит в состав ряда простых и сложных названий: яр *Көппөх Дьяар*, яр *Мун Дьяар*, возв. *Үрдүк Дьяар*, яр *Ойобос Дьяара*, яр *Сыһыы Дьяара*. Как видно из примеров, *дьяар* может выступать в роли

определяемого как в основной, так и в притяжательной форме. С аффиксом *-лаах* он образует прилагательное *дьаардаах* ‘имеющий крутой берег, обрыв, яр’, которое функционирует как определение (а. *Дьяардаах Алаас*) или субстантивируется (а., поле *Дьяардаах*).

Кыйа. Термин *кыйа* обозначает ‘косогор, тянущийся вдоль берега реки, речки’ или ‘непрерывную цепь возвышенности по окраине географического объекта’ [СТЛ 2019: 138]. В орографической терминологии он входит в парное сочетание *кыйа хайа* ‘береговая гора’.

Общетюркские параллели демонстрируют широкий диапазон значений с базовой семантикой ‘берег, косогор, край; косой’ [Молчанова 2018: 101]: алт. *кыйу* (*кыйык*) ‘берег, граница, край, предел; косой, искривлённый, наклонённый’, кирг. *кыя* ‘косогор’, тув. *кыйыг* ‘боковая сторона, окрестность’, узб. *қия* ‘склон, откос; спуск, косогор; пологий; отлогий; косой; наклонённый, хак. *хайыг* ‘косогор, откос’; шор. *кыйы* (*кыйыг*) ‘край, боковая часть’. В древнетюркском языке засвидетельствованы *qïyïq* ‘косой, кривой’, *qïdiy* ‘1) край, граница, иč *qïdiy* ‘граница’; 2) берег’ [ДТС 1969: 246].

В оронимии Якутии апеллятив *кыйа* зафиксирован в одном наименовании: а. *Кыйа Нэлэгэрэ*.

Кырдай. Дialectный апеллятив *кырдай* обозначает ‘высокие незатопляемые возвышения на островах и сенокосных угодьях’ [СТЛ 2019: 142]. В оронимии представлен в трех наименованиях. Он участвует при образовании наименований рёлок: *Үрдүк Кырдай*, *Симик Кырдайа*, *Түүтэх Кырдайа*. Ср. *кырдал* (см. ниже *кырдал*).

Кырдал. Апеллятив *кырдал* обозначает ‘ровную возвышенную сухую полосу на поле, на сенокосном угодье с небольшим травостоем’ [СЯЯ II: 1414; БТСЯЯ IV: 324; СТЛ 2019: 142]. В орографической терминологии он образует парные сочетания: *сатыы кырдал* ‘холм’, *кырдал сир* ‘продолговатое травяное место’, *үрдүк кырдал сир* ‘не низменное место’.

Этимология слова является дискуссионной. Н. К. Антонов отрицает связь с монг. *хер* [Антонов 1971: 15]. Согласно БТСЯЯ, якутское *кырдал* сопоставляется с

тюркским *кыр* ‘гребень горы; холмистая степ; грань’ [БТСЯЯ IV: 324]. Данный корень широко представлен в тюркской топонимии с семантикой ‘поле, степь, плато; увал, возвышенность, гора, гребень горы; берег, высокий берег; край, грань’ [Мурзаев 1996: 111]. Древнетюркское *qır* ‘возвышенность; холмистая степь’ зафиксировано в памятниках XI века [ДТС 1969: 145].

В оронимии тюркских языках апеллятив сохраняет высокую продуктивность и семантическую широту. Р. Д. Сунчугашев отмечает, что слово *хыр* ‘край, грань; крыша; гора, горный хребет, возвышенность, холм’ относится к числу самых распространенных топоформантов хакасского языка [Сунчугашев 2013: 114]. Апеллятив *кыр* в топонимии Горного Алтая встречается на всей его территории и обозначает гору (причем в отношении горы *кыр* является синонимом *туу*), возвышенность, холмистую степь [ТСГА 1979: 114]. Анализируя алтайский термин *кыр*, Н. А. Баскаков пишет: «В отличие от номенклатурного названия *туу* название *кыр* служит уже для обозначения не отдельной горы, а целого хребта гор. В этом значении данное название используется и в других тюркских языках, параллельно обозначая и другие понятия: грань, ребро, бок» [Баскаков 1969: 67]. В кыргызском языке слово *кыр* имеет следующие значения: ‘1) горный хребет, гребень горы; 2) холмистая степь; возвышенность; 3) грань; 4) свес крыши; 5) ребро; грань; 6) верх, поверхность’ [КиргРС I: 493].

В якутской оронимии апеллятив *кырдал* отличается активным употреблением как в живой речи, так и в составе оронимов: поле *Уһун Кырдал*, возв. *Ойоос Кырдала*, холм *Маалаҕай Илин Кырдала* и др.

Кэriskэ. Апеллятив *кэriskэ* означает ‘горы, расположенные подряд’ [СТЛ 2019: 150] представляет собой субстантивированное прилагательное *кэriskэ* ‘расположенный в ряд, рядами; тянущийся непрерывной грядой’ [БТСЯЯ V: 537]. В анабарском говоре зафиксировано значение ‘берег, прибрежная гора’ [ДСЯЯ 1976: 146].

В качестве диалектного варианта, вероятно, выступает *кэрикэ*, отмеченное в анабарском говоре в значении ‘горная цепь по берегу моря, прибрежная гора’ [Воронкин 1984: 134] и в есейском говоре как ‘ровная горная цепь’ [ДСЯЯ 1976:

146]. Как отмечают исследователи, в анабарском говоре *кэрикэ* обозначает побережье моря, изобилующее хребтами и речками [Багдарыын 2018: 82].

Этимология термина является тюркской: ср. др.-тюрк. *keriſ* ‘холка, верхушка горы’ [ДТС 1969: 301].

В оронимии Якутии апеллятив представлен в двух наименованиях: г. *Кэriskэ*, горы *Хос Кэрикэ*.

Өнкөөт. Термин *өнкөөт* обозначает ‘крутые высокие горы вдоль реки или речки; кряж [БТСЯЯ VII: 438; СТЛ 2019: 194]. Слово происходит от образного глагола *өнкөй-* ‘наклоняться, накреняться, будучи очень высоким (о дереве); наклонять голову и верхнюю часть спины’ [БТСЯЯ VII: 375].

Прямая семантическая параллель глагольной основе обнаруживается в киргизском языке: *өнкөй-* ‘наклоняться вперед; нависать (о скалах)’ [КиргРС II: 97], что подтверждает мотивацию номинации через признак нависания, крутизны.

В оронимии Якутии апеллятив *өнкөөт* зафиксирован в единственном сложном орониме – г. *Уөлэн Өнкөөт Хайа*.

Сис. Лексема *сис* в якутском языке обладает широкой семантикой, включающей значения: 1) горная цепь, горный хребет, гора, высокое место, перевал (в вершинах речек) [СЯЯ II: 2248]; 2) лес на возвышенности, лес в гористой местности [ЯРС 1972: 327]; 2) возвышенное место между двумя водоёмами, широкий лесной массив, растущий на таком месте [БТСЯЯ VIII: 452]. По данным С. А. Иванова, лексема *сис* функционирует как диалектный эквивалент слова *хайа* [Иванов 2017: 185], что подтверждается материалами аллаиховского говора [ДСЯЯ 1969: 209]. В якутской терминологии на основе *сис* образованы атрибутивные словосочетания: *сис кумах* ‘песчаная коса’, *сис хайа* ‘горный хребет’.

Этимология апеллятива восходит к общетюркской основе. Ср. др.-тюрк. *jīſ* ‘нагорье с долинами, удобными для поселений’, зафиксированное в памятнике «Irg Bitig» («Гадательная книга») орхоно-енисейской письменности [ДТС 1969: 268]: *Џуҕај јіӥ* – название местности, *Kögmän jīſi* – Когменская чернь, *Ötükän jīſ* – Отюкенская чернь [Молчанова 2018: 72]. Как отмечает Дж. Клоусон, древнетюркское *уӥ* означает ‘лес на горе, горный лес, верхние части горы,

покрытые лесом, но также с безлесными травянистыми долинами' и часто появлялось в географических названиях, например, *Altu:n uş*» [Clauson 1972: 976]. Данное слово широко представлено в тюркских языках с исходной семантикой 'горы, покрытые лесом, чернь' [ЭСТЯ IV: 44]: алт. *јыш* 'густой лес, чернь', башк. *йыш* 'частый, густой, плотный', к-калп. *жыс* 'густой (например, о лесе); сплошной', кирг. *жыш* 'густой, сплошной, сплошь', *жыс* 'густой (например, о лесе)', сплошной, сплошь', тат. *еш* 'частый, густой, плотный', тув. *ыяш* 'дерево, деревянный; лес, лесной', хак. *чыс* 'густой лес', шор. *чыш* 'густой лес' [Молчанова 2018: 72].

Наблюдаемый семантический переход 'гора, заросшая лесом' → 'лес, тайга' является универсальным и характерен для многих языковых семей. Ср.: эвенк. *урэ* 'гора, сопка; горная тайга, лес'. Аналогичное явление отмечается в славянских языках: в восточно- и западнославянских *гора* означает 'значительную возвышенность', тогда как в южнославянских и словацком преимущественно 'лес' [Черных 1999: 203].

Слово продуктивно участвует в образовании оронимов, выступая как апеллятивный компонент: г. *Хара Сис*, *Улахан Сис*, горы *Орто Сис*, хр. *Туора Сис*, хр. *Тукулаан Сихэ*.

Тумул. Апеллятив *тумул* в якутском языке полисемантичен: 'выступ в водоём, равнину, мыс (обычно горный)' [БТСЯЯ XI: 105], 'предгорье, выступ нагорья, гора; сопка (горная вершина); высокий холм; лесной бугор, пригорок' [СЯЯ III: 2810], 'мыс, выступ нагорья, горы; выступающий географический объект' [СТЛ 2019: 247]. Общим для всех значений является сема 'выступающий объект'.

Как диалектный термин локального характера, *тумул* может обозначать 'густой лес', а в составе словосочетаний – *таас тумус* 'скала', *тумул тыа хайа* 'сплошная возвышенность, поросшая лесом'.

Словообразовательно апеллятив *тумул* восходит к соматизму *тумус* 'нос; клюв' (см. 2.1.1.5.1.3 *тумус*). Однако, составители БТСЯЯ сравнивают данное слово с тюрк. *томалыш* 'округлый выступ' [БТСЯЯ XI: 105]. От *тумул* образован термин *тумулаттар* 'холмистая местность, возвышенность' [Там же: 105].

В традиционном мировоззрении саха *тумул* занимал особое место как точка, отчетливо просматриваемая сверху, излюбленная духами и шаманами. Мысы озер и рек (*тумулы*) считались местом отдыха духов-хозяев местности и узловыми точками на «воздушных дорогах», по которым перемещались духи [СТЛ 2019: 247]. С этим связано расположение якутских могильников на тумулах.

Тумул отличается высокой продуктивностью в оронимии Якутии, участвуя в образовании свыше 80 наименований: а., мыс *Тумул*, г. *Таас Тумул*, мыс *Ытык Тумул*, мыс *Тохтобул Тумула*, мыс *Хоой Тумула*, мыс *Уһук Айаан Тумула*, мыс *Уон Бастаах Тумула* и др.

Тумуһах. Апеллятив *тумуһах* ‘небольшой лесной мыс в гористой местности’ [БТСЯЯ XI: 111; СТЛ 2019: 247]. образован от апеллятива *тумус* ‘нос; клюв; мыс’ (см. 2.1.1.5.1.3 *тумус*).

В оронимии Якутии зафиксировано свыше 30 наименований с данным апеллятивом: мыс *Тумуһах*, *Хаар Тумуһах*, *Арбай Тумуһаба*, г. *Тумуһахтаах* и т. д. В фонетическом варианте *тумаһах* представлен в орониме *Кустуур Тумаһах*.

2.1.1.1.6 Наименования частей возвышенности

Аартык. Апеллятив *аартык* (фонетический вариант *ааттык*) обозначает горный перевал в якутском языке. Согласно словарю Э. К. Пекарского, его семантика шире и включает значения: ‘теснина, горное ущелье, горный проход, горная падь, по которой идет дорога; переправа, дорога, идущая ущельем или по склону горы, взвоз, высокий подъем’ [СЯЯ I: 152]. В момском говоре зафиксировано значение ‘нагорье’ [СТЛ 2019: 44].

Этимология термина является общетюркской. Древнетюркское *art* имело значения: ‘1) спина; 2) задняя сторона чего-либо; 3) нагорье, гора; горный перевал’: *art başı* – вершина горы, *art jış* – подъем и спуск; вершина и склон (низина) в горах [ДТС 1969: 44]. Широкие параллели представлены в современных тюркских языках: алт. *арт* ‘зад; задняя часть перевала, хребта’, башк. *арт* ‘зад, задняя сторона; тыл; (диал.) спина: *артылыш* – перевал’, караим. *арт* ‘спина; тыл, задняя сторона’, кирг. *арт* ‘зад, задняя часть, задняя сторона, *арт* ~ *артуу* – горный перевал’, тат. *арт* ‘1) задняя сторона (туловища человека), 2) задняя часть (сторона)

чего-либо', тув. *арт* 'перевал; *артыл* – низкий горный перевал; седловина', тур. *арт* 'зад, задняя часть, позади, с тылу; пространство позади; последствие, конец', хак. *арт* 'перевал' [Молчанова 2018: 50–51]. Ср.: монг. *ар* 'задняя (или теневая) сторона; северная сторона горы', бур. *ара* 'задняя (или теневая) сторона; северная сторона (горы); зад, спина; север', калм. *ар* 'задняя (тыловая) сторона; северная сторона; зад; тыл; север' [Там же: 51].

Вопрос о происхождении термина остается дискуссионным. Выделяются несколько основных гипотез:

Э. В. Севортян связывает этимологию с существительным *арт* ~ *а:рт* 'спина', интерпретируя 'перевал' как результат метафорического переноса по сходству формы [ЭСТЯ I: 179]. В свою очередь, Дж. Клоусон видит исходное значение в 'затылок, задняя часть шеи', откуда развились значения 'горный проход или низкая точка между двумя более высокими точками горного хребта (подобно затылку – это углубление между двумя возвышенностями)' и 'задняя часть чего-либо' [Clauson 1972: 200].

Ряд исследователей (гипотеза, отмеченная К. Брокельманом и поддержанная Э. В. Севортяном) возводит *арт* к основе **ар-* 'проходить (по местности)' с помощью словообразовательного аффикса *-(ы)т* со значением места [ЭСТЯ I: 179].

Б. И. Татаринцев полагает, что *арт* родственно *ара* 'промежуток' от **ар* 'проходить по местности'. Исходная разъединительная семантика объясняет, почему термин обозначает как положительные (нагорье, хребет), так и отрицательные (ущелье, проход) формы рельефа [Татаринцев I: 140].

Н. Порре, отвергая версию о заимствовании из монгольского, считает тюркскую форму *арт* древней [Рорре 1974: 127].

В якутской оронимии апеллятив *аартык* ~ *ааттык* отличается высокой продуктивностью. Он функционирует как самостоятельно (нагорье *Аартык*), так и в составе сложных оронимов: пер. *Намыһах Аартык*, *Өбүгэ Аартыга*, пер. *Буос Ыт Аартыга*, г. *Тойон Уйалаах Аартыга* и др.

Быардыйа. Орографический термин *быардыйа* образован от соматизма *быар* 'печень' (см. 2.1.1.5.1.2 *быар*) и зафиксирован в значениях: 'уступ (горы)'

[ТСЯЯ II: 668], ‘поляна небольших размеров на горке, возвышенности’ [СТЛ 2019: 77]. Мотивацией номинации, вероятно, послужило сходство формы уступа или поляны с очертаниями печени.

На исследуемой территории зафиксирован один ороним – пол. *Налаах Быардыйата* и др.

Куула. Апеллятив *куула* функционирует в якутском языке как термин ориентации, обозначая: 1) южную тенистую, малоосвещаемую солнцем сторону местности (напр., аласа); южную сторону [БТСЯЯ IV: 575]; 2) северный склон; склон, обращенный на север, у реки – на запад; 3) ту сторону леса, горы, реки, которая освещается вечерним солнцем [СТЛ 2019: 130; СЯЯ I: 1211]. Антонимом ему служит слово *халдьаайы* (см. 2.1.2.1.5 *халдьаайы*).

По гипотезе Г. В. Попова, *куула* восходит к древнетюркскому хуз ‘часть горы, не освещаемая солнцем’: ср. хуз *таб* ‘гора, не освещаемая солнцем’ [Попов 1986: 130].

В якутской оронимии апеллятив *куула* входит в состав сложных названий: а. *Куула Алаас*, *Куула Эбэ*, г. *Куула Хайа*, а. *Куула Өтөхтөөх*.

Кыйам. Ороним *Кыйам* образован от апеллятива *кыйам*, который в современном якутском литературном языке употребляется в значении ‘склон по краю берега реки, речки’ [БТСЯЯ IV: 195].

Этимологически и семантически данный термин связан с рассмотренным выше апеллятивом *кыйа* (см. 2.1.1.1.5 *кыйа*). Многочисленные параллели в тюркских языках см. в соответствующем разделе.

Хабах. Апеллятив *хабах* ‘уступ горы’ употребляется как самостоятельно, так и в составе сложных оронимов: кряж *Хабах*, а. *Хабахтаах*, падь *Хабах Силээнэ*.

Вопрос об этимологии термина является дискуссионным. Составители СТЛ предполагают его возникновение в результате метафоризации соматизма *хабах* ‘мочевой пузырь’ → ‘уступ горы’ [СТЛ 2019: 278]. Однако данная версия представляется маловероятной.

В якутском языке термин фиксируется преимущественно в составе словосочетаний: *хайа хабаба* ‘уступ горы’ [СЯЯ III: 3214], в усть-алданском

диалекте – *хонуу хабаба* ‘самая чистая, ровная часть поля’ [ДСЯЯ 1976: 290]. Вероятнее, *хабах* представляет собой орографический термин который утратил свое первичное соматическое значение, что подтверждается топонимическими соответствиями в других тюркских языках: башк. *qabaq* ‘веко; обрыв у реки’, к.-калп. *qabaq* ‘веко; расселина’, кирг. *qabaq* ‘веко; рытвина; косогор, яр, берег’, каз. *qabaq* ‘подлобье; веко; край берега’, тат. *qabaq* ‘веко; (диал.) *taw qabaуу* ‘склон горы’, тув. *хаваа* ‘лоб; пригорок’ [СИГТЯ 2001: 199, 511]. Как отмечают исследователи, ландшафтные значения в кыпчакских языках могут восходить как к ‘веку’, так и к ‘брови’ [Там же: 200]. Древнетюрское *qabaq* ~ *qaraq* означает ‘1) покрывка, крышка; 2) (анат.) веко; 3) девственность, целомудрие, невинность’ [ДТС 1969: 420], что поддерживает семантику ‘покрывающего’, ‘крайнего объекта’.

В тюркской оронимии дарнный корень широко продуктивен: хак. *хамах* ‘лоб, лобный’ – лобовая (ближе к вершине) часть горы, не покрытая лесом – участвует в образовании следующих оронимов: г. *Улуг хамах* ‘большой лоб (горы)’, г. *Тас хамах* ‘каменный лоб’ [Сунчугашев 1999: 69]. В алтайской оронимии алт. *кабак* ‘бровь, веко, лоб’ функционирует в значении ‘вытянутая в длину возвышенность с колючими склонами и ровной вершинной поверхностью, которая по своей вытянутости в длину лишь немного уступает основанию’ [ТСГА 1979: 45].

Следовательно, метафорический перенос ‘веко / лоб’ → ‘выступ, уступ’ является общетюркским. В якутском языке результат этого переноса – орографический термин – сохранился, в то время как первоначальное соматическое значение оказалось утраченным.

Чыпчаал. Апеллятив *чыпчаал* функционирует в якутском языке в значении ‘верхушка, макушка дерева, вершина горы или какой-либо возвышенности’ [БТСЯЯ XIV: 267]. В географической терминологии его семантика шире и может обозначать крайний элемент как орографического, так и гидрографического объекта: *үрэх чыпчаал баһа* – самый конец речки [СТЛ 2019: 310].

Этимологически исследователи возводят слово к древнетюркской основе: *с̄ір*, *с̄іріq* ‘прут, тонкая, гибкая ветвь’, *с̄іріq* ‘прут’ [ДТС 1969: 147, 150, 156].

Мотивация номинации, вероятно, связана с ассоциацией тонкого, устремленного вверх объекта.

В оронимии Якутии апеллятив является непродуктивным и зафиксирован в единственном наименовании – релка *Чыпчаал*.

Энийэ. Апеллятив *энийэ* обозначает ‘покатость, скат, склон возвышенной местности’ [БТСЯЯ XV: 245].

Э. К. Пекарский отождествляет *энийэ* со словом *эниэ*, которое также имеет орографическое значение ‘наклонная поверхность, покатость, склон горы, холма’ [БТСЯЯ XV: 238].

Этимология термина считается тюркской: ср. др.-тюрк. *eniš* ‘спуск’ [ДТС 1969: 174], что семантически вполне обоснованно.

В оронимии Якутии апеллятив *энийэ* представлен единичным примером – а. *Энийэ*.

2.1.1.2 Апеллятивы, служащие для обозначения равнинных форм рельефа

Алыы. Апеллятив *алыы* в якутском языке служит для обозначения непригодного для хозяйственного использования поля, поросшего тальником, березняком или ерником [СТЛ 2019: 49]. Данная лексема характеризуется значительной диалектной вариативностью, отражающей локальные ландшафтные условия. В северо-восточной диалектной зоне (кол., инд., ойм., сакк., усть.-ян.) *алыы* означает ‘поляна, долина посреди леса, заросшая кустарником, травой’ [Коркина 1992: 65]. В усть-янском говоре она также используется в значении ‘поляна, иногда с водоемом, покрытая травой и мхом’, в нижнеколымском обозначает ‘болотистое место’, а в верхоянском говоре – ‘ровное поле’ [ДСЯЯ 1976: 44]. Как справедливо отмечают исследователи, наблюдаемые семантические различия обусловлены спецификой местного ландшафта [Данилова, Попова 2021: 69].

Этимология апеллятива является общетюркской. На основании сходства фонетического облика и семантики якутское *алыы* возводится к общетюркскому *ала*, *алан*, *аланг* со значениями ‘плоский, ровный; ровная, островоткрытая и

обширная местность’, ‘поле, долина, равнина’ [ДТС 1969: 33; ЭСТЯ I: 135; Мурзаев 1984: 44–45]. Е. И. Коркина сопоставляет якутское *алыы* с тувинским *alrur* ‘широкий, просторный’ и шорским *alyr* ‘обширный, пространный’ [Коркина 1992: 65].

Апеллятив *алыы* отличается высокой продуктивностью в якутской оронимии. Зафиксировано свыше 30 оронимов, образованных с его участием. Он функционирует как в качестве самостоятельного названия (поле *Алыы*), так и в составе сложных наименований, где может выступать в роли определяемого: поле *Алыы*, поле *Дуулаба Алыы*, луг *Оттуур Алыы*, булг. *Киэн Алыы Булгунньаба*, пол. *Ат Алыыта*, *Ампаардаах Алыыта* и др.

Алынах. Апеллятив *алынах* функционирует в якутской оронимии со значением ‘небольшая лесная поляна’. Диалектные материалы демонстрируют семантическую вариативность термина, обусловленную локальными особенностями ландшафта и хозяйственной деятельности: 1) (верх.) ‘участок под валежником в лесу’; 2) (коб.) ‘березовая роща в лесу’; 3) (нюрб., сунт.) ‘лесное озерко’ [ДСЯЯ 1976: 44].

Общетюркская этимология апеллятива подтверждается широкими параллелями. Ср. тюрк. *алан* ‘ровная, открытая и обширная местность; прогалина, поляна; лужайка (в лесу); лесная поляна’ [ЭСТЯ I: 49]. Данный корень представлен во многих тюркских языках, часто с семантикой открытого, ровного пространства среди леса или гор.

Наличие значений ‘поляна’, ‘роща’ и ‘озерко’ в разных говорах якутского языка указывает на общую концептуальную основу номинации – ‘незамкнутое, открытое пространство в лесу’. Эта пространственная семантика полностью соответствует общетюркскому значению. Вариант ‘лесное озерко’ может быть вторичным, возникшим в результате метонимического переноса по смежности (поляна → расположенное на ней озерко → озерко).

Апеллятив *алынах* выступает в качестве как самостоятельного оронима (а. *Алынах*), так и компонента сложных наименований: кочк. *Арбаа Алынах*, пол. *Дардабар Алынаба*, пол. *Бөтүрүүхэ Алынахтааба*.

Куоһаҕас. Аппеллятив *куоһаҕас* обозначает ровную поляну посреди леса, не имеющую крутых склонов и по своим размерам уступающую аласу (см. 2.1.1.4 *алаас*) [БТСЯЯ IV: 505]. В географической терминологии также зафиксированы значения ‘ложбина, низменная долина; вымоина’ с фонетическими вариантами *куоһах* ~ *куоһаах* ~ *куоһаҕас* [СТЛ 2019: 126]. При этом термин *куоһах* самостоятелен и специализируется на значении ‘длинное углубление, ложбина’ [БТСЯЯ IV: 505], что свидетельствует о семантической дивергенции исходной основы.

Этимология термина является тюркской. Наиболее вероятной представляется связь с др.-тюрк. *qoγuǰ* ‘желоб для воды’ [ДТС 1969: 453]. Можно также предположить, что якутский *куоһаҕас* образован от глагольной основы *куоһаа-* ‘1) делать желоб, углубление; 2) снизу подкапывать шире’, которая, в свою очередь, имеет соответствие с др.-тюрк. *qoγša-* ‘шлифовать, сглаживать’ [ДТС 1969: 452]. Таким образом, исходная семантика ‘сглаженное, выровненное углубление’ закономерно развилась в значения ‘ложбина’ и ‘ровная поляна’.

В оронимии Якутии аппеллятив *куоһаҕас* является малопродуктивным и зафиксирован в ограниченном числе наименований: а. *Куоһаҕас Алаас*, пол. *Ойуур Куоһаҕаһа*.

Кытыл. Аппеллятив *кытыл* обладает широкой семантикой, функционируя как в орографической, так и в гидрографической терминосистеме. Лексикографические источники фиксируют значения: 1) берег, побережье; 2) береговая долина, заливной луг; 3) (перен.) край, кромка, окраина чего-л. [БТСЯЯ V: 403; СТЛ 2019: 145]. В оронимии он функционирует в значении ‘долина’.

Словообразовательно термин образован от основы *кытыы* ‘берег, побережье; мелководье у берега’ с помощью аффикса *-л*, что типично для обозначения пространственных объектов. Этимология является общетюркской: ср. др.-тюрк. *qitiγ* ‘край, граница; берег’ [ДТС 1969: 440].

В отличие от предыдущего аппеллятива, *кытыл* отличается продуктивностью в оронимии. На его основе образовано 18 оронимов, где он выступает как самостоятельно, так и в форме с аффиксом принадлежности или прилагательного с

-лаах в сложных оронимах: луг *Кытыл*, дол. *Боруу Кытыл*, *Осхордоох Кытыла*, а. *Кытыллаах* и др.

Сыһыы. Апеллятив *сыһыы* в якутском языке обозначает ‘широкую равнину, луг, поляну, долину’ [БТСЯЯ IX: 495; СТЛ 2019: 222].

Этимология термина является общетюркской. Он восходит к древнетюркскому *jazy* ‘степь, равнина’ [ДТС 1969: 251], образованному от глагола *jaz-* ‘расстилать, стелить’ с помощью словообразовательного суффикса *-у* [ЭСТЯ III: 73]. Появление в якутском языке интервокального *-h-* на месте общетюркского *-з-* (*jazy* → *сыһыы*) объясняется влиянием консонантной системы эвенкийского языка [Дьячковский 1977: 23].

Апеллятив широко представлен в тюркских языках с семантикой ‘пространная равнина, степь’ [ЭСТЯ III: 73]. Фонетические варианты и значения демонстрируют значительное единство: азерб. *язы* (диал.) ‘равнина, долина, поле, степь’, башк. *язы* ‘плоский; широкий; поляна’, каз. *жазык* ‘равнина, ровная местность’, к.-калп. *жазык* ‘равнина; долина; плато; распростёртый, раскинувшийся’, к.-балк. *джассы* ‘широкий, плоский: *джассы таш* – плоский камень’, кирг. *жазы* ~ *жазык* ‘ровный, плоский; равнина, простор’, тат. *ясы* ‘плоский, сплюснутый, приплюснутый’, тув. *jazy* ‘лесная поляна (обычно на берегах рек или озёр)’ [Татаринцев 1977: 18], туркм. *язы* (устар.) ‘степь; простор; степной’, узб. *йазы* ‘равнина, степь, пустыня’, хак. *чазы* ‘поле; степь’, шор. *чазы* ‘поле’, тоф. *чазы* ‘большая поляна; луг, покос, сенокосные угодья’ [Самтакова 2013: 41].

В топонимии Горного Алтая *язы* функционирует как в роли прилагательного ‘гладкий, ровный, широкий, степной’, так и в качестве апеллятивного компонента в значениях ‘поле, степь, ровная и широкая местность’ [Молчанова 2018: 62].

Как отмечает К. Конкобаев, данный корень имеет глубокую историю, будучи засвидетельствованным в формах *Йазы*, *Йасы*, *Йаси* в работах средневековых авторов (Ибн ал-Асира, Низам ад-Дина Шами, Абд ар-раззака Самарканди) как название местностей в Киргизии. Если в современных тюркских языках значения смещаются к ‘обширный, просторный, плоский’, то в древнетюркском языке

исходным было значение ‘равнина, степь’ [Конкобаев 1980: 33]. Следовательно, семантика якутского апеллятива *сыһыы* ‘широкая равнина, луг, долина’, в отличие от многих современных тюркских языков, где данное слово развило значения ‘обширный, просторный, плоский’ и чаще функционирует как прилагательное, сохраняет архаичное, исходное именное значение ‘равнина, степь’, зафиксированное в древнетюркских памятниках.

Апеллятив *сыһыы* отличается высокой продуктивностью в оронимии; на исследуемой территории зафиксирован 61 ороним с его участием. В структурном отношении *сыһыы* функционирует как в качестве самостоятельного наименования (а., луг, поле *Сыһыы*), так и в составе сложных оронимов, где может выступать в основной форме или с аффиксом принадлежности *-та*: луг *Төгүрүк Сыһыы*, поле *Бэрдигэс Сыһыыта*, *Ойуун Сыһыыта* и др. Географически апеллятив получил наибольшее распространение в Центральной Якутии, в частности на Лено-Амгинском междуречье, где объекты, им именуемые, традиционно служат основными сенокосными и пастбищными угодьями.

Таала. Апеллятив *таала* в якутском языке и его говорах обладает сложной и развитой семантической структурой. Исторически *таала* употреблялось в значении ‘чистое поле, ровная площадь, равнина или возвышение, удобное для отдыха’ [СЯЯ III: 2533; Иванов 2017: 183]. В современном литературном языке его значения сместились в сторону ‘высокий гористый берег, гористая местность, возвышенность’ [ЯРС 1972: 371], а также ‘долина, поле’ [Мурзаев 1984: 556] и ‘равнина с твёрдой сухой поверхностью’ [БТСЯЯ X: 77].

В говорах семантический диапазон данной лексемы значительно шире: 1) (абый., алл., бул., кол., олен., усть-ян.) ‘крутой, осыпающийся берег, обрыв’; 2) (верх.-кол.) ‘солончак’ [ДСЯЯ 1976: 231]; 3) (анаб., жиг., инд., кол., олен.) ‘горка’; 4) (инд.) ‘высокий лес’ [ДСЯС 1995: 179]. Возникновение последних двух значений, предположительно, связано с влиянием тунгусских диалектов [Иванов 2017: 183].

Этимология термина является тюркской. В древнетюркском языке *tala* имеет значение ‘степь’, а его первое упоминание зафиксировано в «Легенде об Огуз-

кагане» XIII в. [ДТС 1969: 528]. В современных тюркских языках представлен широкий спектр значений: азерб. *тала* ‘поляна’, алт. *тала* ‘сторона, пространство; часть света, грань; угол’. башк. *дала* ‘степь’, каз. *дала* ‘степь’, к.-калп. *дала* ‘степь, поле; открытое место’, к.-балк. *тала* ‘поляна’, кирг. *талаа* ‘степь; поле; долина’, ног. *дала* ‘поле, открытое место’, тат. *дала* ‘1) степь, равнина; 2) (диал.) поле’, тув. *тала* ‘сторона, бок’, узб. *дала*, уйг. *тала* ‘1) степь; поле, 2) двор; улица’, хак. *талаа* ‘бок, сторона, часть и т. д. со значением открытая ровная местность’ [Молчанова 2018: 119].

Аналогичные форма и значение представлены в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках: п.-монг. *tala* ‘поле, степь, равнина’, монг. *тал* ~ *tal-a* ‘равнина, ровное место, пространство, степь’, *тал газар* ‘степь, равнина’, *цагаан тал* ‘открытая степь’, *ар тал* ‘боковая сторона, тыл’, *хойт тал* ‘северная сторона’ [Lessing 1960: 771], бур. *тала* ‘1) поле, степь, равнина, открытое пространство; 2) сторона, место’, *таляан* ‘лужайка; поляна, ровное открытое место (среди леса, гор)’ [БурРС II: 224, 225], калм. *тала* ‘открытое пространство, поле; равнина’, *тала хазр* ‘равнина’ [КалмРС 1977: 473]; эвенк. *тала* ‘солонец (узкая долина с солёными источниками)’ *таллама* ‘гладкое место’, нег. *талан* ‘источник, водоём’ [ССТМЯ II: 156].

Согласно EDAL, в данной основе прослеживается монгольско-тунгусская изоглосса: реконструируется пратунгусская основа со значениями ‘далеко от берега, в открытом море; залив; гладкая поверхность моря; стихать (о ветре)’ и прамонгольская – в значениях ‘степь, открытое место; мирный, спокойный’ [EDAL 2003: 1396].

Широкое распространение слов *таала*, *тала*, *tala* в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языках дает исследователям основание относить их к древнему пласту лексики, восходящему к эпохе алтайской языковой общности [Романова и др. 1975: 4; СИГТЯ 2001: 99; Иванов 2017: 183]. Г. Рамстедт выводит анализируемый корень за рамки алтайских языков, связывая его с индоевропейскими: ср. с санскр. *talah* или *talam* ‘пустыня, степь’ [Ramstedt 1935: 375].

На исследуемой территории зафиксировано 19 оронимов с данным апеллятивом: возв., г. падь *Таала*, обрыв *Булуус Таала*, мыс *Муус Таала*, г. *Муостаах Таала*, г. *Ат Таалата*, холм *Сүүл Таалата*, поле *Сыгынах Таалата* и др.

Чөл. Апеллятив *чөл* в оронимии обозначает ‘просторное, бескрайное поле, простор’ [СТЛ 2019: 307]. В БТСЯЯ для данного слова представлены следующие значения: 1) цельный, нетронутый (напр., о снеге); 2) здоровый (о человеке); 3) чистый, правильный (напр., о мышлении) [БТСЯЯ XIV: 208].

Согласно БТСЯЯ, лексема *чөл* в якутском языке соответствует тюркским лексемам *чөл*, *шөл* ‘пустыня, степь’ [Там же: 208]. В древнетюркском языке слово *čöl* использовалось для обозначения степи [ДТС 1969: 307]. Эта лексема также встречается в современных тюркских языках: азерб. *чөл* ‘степь, ненаселенная безводная местность’, алт. *чөл* ‘степь, равнина’, тув. *шөл* ‘поле, пашня’ [Самтакова 2013: 62], кирг. *чөл* ‘пустыня; степь, равнина’ [КиргРС II: 372].

А. М. Щербак предполагает, что слово *чөл* является лексическим тюркизмом в монгольских языках, вероятно, заимствованным из иранских языков [Щербак 2005: 45]. Ср.: стп.-монг. *čöl*, халх., калм. *цөл*, бур. *сүл* ‘пустыня, пустынный’ [ЭСМЯ I: 155].

В якутской оронимии апеллятив участвует в образовании двух оронимов: поле *Маахара Чөлө*, *Чөл Бураан*.

Хонуу. В современном якутском языке слово *хонуу* означает ‘поле, поляна, луг’ [БТСЯЯ XIII: 576–577]. Его диалектный вариант – *ханыы*. В якутском языке *хонуу* часто употребляется в составе устойчивых словосочетаний: *киллэм хонуу* ‘ровное, открытое, широкое поле’, *көнө хонуу* ‘не имеющий впадин и возвышений, ровное, гладкое поле’, *күөх хонуу* ‘зеленый луг’, *саһыл хонуу* ‘ровное поле с хорошей почвой, поросшее густой нерослой травой’.

Этимология слова *хонуу* ~ *ханыы* остается дискуссионной. Э. К. Пекарский считает, что слово *хонуу* отглагольным существительным со значением ‘ночевка, место ночевки’, производным от глагола *хон-* ‘проводить ночь, ночевать, переночевать, остановиться на ночёвку’ [БТСЯЯ XIII: 677]. При этом саму глагольную основу *хон-* он соотносит с тюрко-монгольской основой *хон-*, *хону-* со

значением ‘остановиться и переночевать’ [СЯЯ III: 3478]. С. А. Иванов в качестве исходной основы для якутского *хонуу* рассматривает тюркское *qonaу* со значением ‘место отдыха, остановки’ [Иванов 2017: 184]. В древнетюркском языке засвидетельствовано *qonu* ‘место пребывания, жительства; жилище’ [ДТС 1969: 483]. Ст. Калужинский сопоставляет якутское *хонуу* с древнетюркским *qonu*, которое, в свою очередь, могло произойти от *qon-* со значением ‘опускаться, садиться, оседать, поселяться’. Данная глагольная основа соотносится с якутским *хон-* ‘ночевать’ и монгольским *qono-* ‘провести ночь’ [Калужинский 1978: 73].

Указанные параллели позволили С. А. Иванову утверждать, что значение ‘поле, пастбище’ у слова *хонуу* в современном якутском языке является результатом метафорического переноса от исходного значения ‘место отдыха, ночевки’ [Иванов 2017: 184]. Исследователи полагают, что «в символическом универсуме якутского слова *хонуу* заключена одна из сторон повседневного быта южных предков, для которых идеальным местом для ночевки во время кочевий являлась местность в водоемом» [Ландшафт 2023: 19].

Апеллятив *хонуу* активно участвует в образовании орографических названий: а., поле *Хонуу*, луг *Күөх Хонуу*, падь *Онхой Хонуу*, поле *Хоннох Хонуу*, г. *Хонуу Хайата*, поле *Хонуу Талаалаах* и т. д.

2.1.1.3 Апеллятивы, служащие для обозначения отрицательных форм рельефа

Дьыраа. Семантика слова *дьыраа* в якутском языке шире и вариативна, оно обозначает небольшую короткую ложбину, впадающую в ручей [ТСЯЯ II: 501], разветвление речек; исток речки; продолговатую ложбинку; овраг; промоину, вымоину [СТЛ 2019: 105], а в ряде говоров (абый., бул., верх.-кол., верх., тат.) имеет значение ‘горный ручей, ручеек’ [ДСЯЯ 1976: 102].

Этимологически апеллятив восходит к общетюркскому корню, что подтверждается параллелями: алт. *йыра* ‘ров’, башк. *йыра* ‘рытвина’, каз. *жыра* ‘балка, лог, ложбина’, кирг. *жыра* ‘промоина, вымоина; небольшое ущелье’ [Молчанова 2018: 71].

Апеллятив *дьыраа* в разных фонетических вариантах наблюдается в тюркских языках: алт. *йыра* ‘ров’, башк. *йыра* ‘рытвина’, каз. *жыра* ‘балка, лог, ложбина, лощина, овраг, вымоина, промоина’, кирг. *жыра* ‘промоина, вымоина (больших размеров); подмытый водой обрыв; небольшое ущелье’ [Молчанова 2018: 71].

Несмотря на широкую представленность в лексикографии, на исследуемой территории апеллятив фиксируется лишь в одном случае: а. *Дьыраалаах*.

Иин. Лексикографические источники определяют *иин* как ‘яма (вырытое в земле углубление)’ [Бетлингк 1990: 468; СЯЯ I: 938; ЯРС 1972: 142; ТСЯЯ III: 572]. В топонимии его значение расширяется до ‘яма, ров; нора, логово зверя; могила’ [СТЛ 2019: 107].

Этимология термина является тюркской. Его древнейшие истоки прослеживаются в др.-тюрк. *in, jin* ‘нора, берлога’ [ДТС 1969: 209; ЭСТЯ II: 351]. Реконструируется общеалтайская основа *ǰǰna* ‘яма, овраг’: пратунг. **uini* ‘речка, ручей’, прамонг. **(h)oni* ‘ущелье, теснина’, пратюрк. **ǰn* ‘берлога, яма’ [EDAL 2003: 620]:

Слово *иин* в качестве географического термина в тюркских языках объясняется также как *ин* ‘овраг, яма (алт., кирг., хак.); овраг, ров, пещера, могила (як.)’ [Мурзаев 1984: 196].

В составе якутских оронимов *иин* встречается не часто: а. *Иин, Ииннээх* и др.

Кыһам. Апеллятив *кыһам* имеет значение ‘ущелье, теснина; узкое место; прижим’. В аллаиховском и вилюйском говорах этим апеллятивом обозначают ‘узкий берег, узкую прибрежную полосу (моря, реки, озера)’ [ДСЯЯ 1976: 139]. Он также встречается в булунском говоре в значении ‘высокий берег (реки, моря)’ [СТЛ 2019: 144]. Фонетический вариант – *кычам* ‘крутой берег, омываемый водами реки’ [БТСЯЯ V: 407].

Этимологическая связь прослеживается с тюркскими словами со значением ‘узкий, тесный’: алт. *кысам, кызам* ‘тесный, узкий’ [ТСГА 1979: 251], *кызам* ‘теснина’ [АлтРС 2018: 429], тат. *кысан* ‘узкий, тесный, сжатый’ [ТатРС I: 706].

Оронимы с данным апеллятивом зафиксированы в Верхоянском, Булунском, Оленекском и Усть-Янском районах: г. *Кыһам, Кыһам Хайа, Кыһам Хайата*.

Үнкүр. Апеллятив *үнкүр* включен исследователями в группу терминов отрицательного рельефа [Монастырёв 1993: 110] и фиксируется в значениях ‘место с крутыми берегами’, ‘пещера’ [Там же: 116] и ‘обрыв’ [СТЛ 2019: 271]. В БТСЯЯ также приводятся значения: 1) (прил.) отвесный и высокий; 2) маленькое озеро, озерцо [БТСЯЯ XII: 455].

Исследователи указывают на тюркское происхождения данного слова: др.-тюрк. *üñür* ‘пещера, грот; полость’ [ДТС 1969: 626], тув. *үңгүр* ‘нора’ [ТувРС 1968: 450].

С термином образованы оронимы: а., г. *Үнкүр*, а. *Улахан Үнкүр, Хайдыбыт Үнкүрэ*.

Чонкучах. Апеллятив *чонкучах* имеет значения ‘котловина, углубление, впадина’. Сочетание *чонкучах алаас* имеет значение ‘находящаяся в глухом лесу котловина’ [ТСЯЯ I: 391–392]. Для сравнения, в киргизском языке есть слово *чунхурчах*, которое также означает ‘углубление’ [БТСЯЯ XIV: 178].

Апеллятив *чонкучах* участвует в образовании наименований аласов, таких как *Чонкучах* и *Хотугу Чонкучах*.

Чөҥнөө. Апеллятив *чөҥнөө*, не зафиксированный в основных словарях, отмечается в полевых исследованиях: в булунском говоре – ‘глубокий овраг’, в оленекском – ‘прижим с обеих сторон, впадина’ [Багдарыын 2018: 89].

Багдарыын Нь. Сүлбэ уола объединяет его в словообразовательное гнездо с корневой основой *чөҥ-*, представленной в словах *чөҥкө* ‘овражистая глубь воды; небольшой, но глубокий водоем’, *чөҥөлөк, чөҥөлөх* ‘маленькое, но глубокое озерко’, *чөҥөрө* ‘маленькое, но глубокое озерко; глубокий’ [Там же: 90]. Данная основа находит параллель в алтайских диалектах: алт. *шун* ~ *чөҥ* ‘глубокий’ [ТСГА 1979: 304], что позволяет говорить об общетюркских истоках термина.

В якутской оронимии с данным апеллятивом зафиксированы следующие оронимы: *Чөҥнөө, Чөҥнөөлөөх, Куобах Чөҥнөөтө*.

Хаспах. Апеллятив *хаспах* имеет значения ‘ров, яма; рытвина, промоина; ухаб’ [СЯЯ I: 3386; БТСЯЯ XIII: 421; СТЛ 2019: 288], а в сочетании *хайа хаспаба* – ‘пещера’.

Происхождение слова является дискуссионным. Существуют две основные этимологические версии.

Исследователи сравнивают якутское *хаспах* с тувинским *каскак* ‘крутой склон, поросший кустарником’ и алтайским *каскак йер* ‘круча’ [БТСЯЯ XIII: 421]. В алтайском языке находим *каскак* ‘крутой, высокий’, ‘обрыв, крутой откос; крутой, высокий’ [ТСГА 1979: 214]. В тофаларском языке имеется *каъскак* ‘крутой, скалистый склон, поросший кустарником или мелким лесом’ [Татаринцев IV: 120]. Б. И. Татаринцев, анализируя тувинское *каскак*, пишет: «*Каскак* и *каскал* связаны с глагольной основой *кас-* ‘стягивать, суживать; делать рубец; загигать края’ [ЭСТЯ V: 329], но образованы не от данной основы непосредственно, а от формы типа **кас-ка*, где формант *-ка-* – интенсив, а сама форма могла иметь семантику **‘резко ограничивать(ся), заканчивать(ся) круто, обрывом’*» [Татаринцев IV: 120]. Однако данная версия имеет фонетические расхождения с якутской формой и семантические различия.

Версия Н. К. Антонова представляется более убедительной: якутское *хаспах* является производным от глагола *хас-* ‘копать, рыть, выгребать’ при помощи аффикса *-пах*, обозначающего результат действия [Антонов 1967: 65]. Эта гипотеза хорошо объясняет семантику ‘выкопанная яма’ и находит надежную поддержку в др.-тюрк. *qaz-* ‘рыть, копать, выкапывать’ [ДТС 1969: 439].

В якутской оронимии зафиксированы следующие названия с апеллятивом *хаспах*: ров *Хаспах*, пещ. *Бадаа Хаспаба*, *Тэнкэ Хаспаба*, а. *Хаспахтаах*, и др.

2.1.1.4 Апеллятивы, служащие для обозначения термокарстовых форм рельефа

Алаас. Ключевым апеллятивом для обозначения термокарстовых форм рельефа в якутском языке является лексема *алаас*. Как свидетельствуют данные лексикографии, в якутском языке она имеет значение ‘алас, чистое поле или луг, окруженное лесом; чистая поляна среди леса, поле или луг, окруженные лесом

(обычно с озерком посередине)’ [ТСЯЯ I: 391]. Важно подчеркнуть, что в современной научной парадигме намечается дифференциация понятий: алас как сугубо географический объект и алаас как социокультурный феномен, место проживания и хозяйственной деятельности [Дьячковский, Попова 2014; Ландшафт 2023; Тюнтешева и др. 2024].

С географической точки зрения алас представляет собой плоскодонную котловину диаметром от десятков метров до нескольких километров, образующуюся в результате протаивания подземных льдов в районах распространения многолетней мерзлоты [Ландшафты 2016: 59]. Для ландшафта Центральной Якутии (Лено-Амгинская, Лено-Вилуйская и Вилуйская провинции) аласы являются типичным элементом рельефа [Мерзлотно-ландшафтная карта 1991], что и обусловило закрепление соответствующего термина в языке.

Этимология лексемы *алаас* является дискуссионной и восходит к общетюркским корням. Существует несколько гипотез ее происхождения:

- по мнению Ст. Калужинского, якутское *алаас* происходит от сочетания **ala + *-aç* или **ali + *-aç*, где аффикс **-aç* является историческим диминутивом [Попов 2003: 66]. Ср.: др.-тюрк. *ala* ‘местность с летними пастбищами’, *Ала* – местность с летними пастбищами вблизи Ферганской долины [ДТС 1969: 33];
- Э. В. Севортян возводит его к основе *alaa-* с последующим присоединением аффикса *-з** [ЭСТЯ I: 136];
- ряд исследователей связывают его с древнетюркским *ala* ‘пестрый, пегий’, семантика которого метафорически переносилась на понятие родной земли, обжитого пространства [Ландшафт 2023: 21];
- С. А. Иванов проводит параллели с тюркским *alan* ‘ровная открытая и обширная местность’ [Иванов 2017: 181].

Широкие межтюркские параллели подтверждают общее происхождение слова: алт. *јалан* ‘поле, луг’, башк. *ялан* ‘поле, открытая местность’, кирг. *жалаң* ‘голый; открытое голое место, тат. *ялан* ‘поле, степь, луг; открытая равнина, открытая голая местность’, хак. *чалаң* ‘голое, лишённое растительности место’, шор. *чалаң* ‘степь, поле’ и др. Особый интерес представляет апеллятив,

отмеченный в тувинской топонимии, *алаак* в значении ‘лесная поляна в пойме реки’, демонстрирующий фонетическую и семантическую близость [Ондар 2008: 51]. Данные сравнительно-исторического языкознания, в частности реконструкция общеалтайской основы **p'âlà* ‘поле’ (пратунг. **pāla-n*: ‘поляна, ровное место’, пратюрк. **ala-n* ~ **ala-η*, праяп. **pàrà* ‘равнина’, указывают на глубокую древность исследуемой лексемы [EDAL 2003: 1120]. Несмотря на то, что алас представляет собой специфический географический ландшафт, характерный исключительно для территории Якутии, этимологический анализ указывает на его тюркское происхождение.

Высокая словообразовательная активность лексемы *алаас* демонстрирует ее значимость в картине мира носителей языка. Он выступает основой для многочисленных композитов, детализирующих тип ландшафта по форме, расположению и характеристикам: *бүөр алаас* (от *бүөр* ‘почки’ + *алаас* ‘алас’) ‘небольшая круглая поляна, примыкающая к большой’, *бүтэй алаас* (от *бүтэй* ‘укромный’ + *алаас* ‘алас’) ‘алас, поляна, находящаяся в захолустье; алас в глухом лесу’, *чоңолох алаас* (от *чоңолох* ‘маленькая глубокая деревянная чаша’ + *алаас* ‘алас’) ‘маленькая, совершенно круглая поляна, окаймленная крутыми возвышениями; круглая, довольно глубокая котловина’ и др. Парное слово *алаас-сыһыы* ‘окаймленное лесом широкое, круглое поле’ подчеркивает интеграцию данного понятия в лексическую систему языка.

Алаасная экосистема, объединяющая луга, озера и прилегающие леса, стала основой формирования полуоседлого образа жизни якутов, обусловив возникновение системы летних (*сайылык*) и зимних (*кыстык*) поселений [Савицкая 2017: 206]. Алаасы служили не только хозяйственной базой (скотоводство, сенокос, охота, собирательство), но и средоточием родовой идентичности. Это отразилось в гипотезах об их возможном искусственном происхождении [Ушницкий 2011: 132].

Ключевая роль алааса в жизнеустройстве напрямую повлияла на его продуктивность в оронимии. В ходе исследования нами зафиксировано 255 орографических объектов с данным апеллятивом. В структуре оронимов *алаас*

функционирует как самостоятельно (а. *Алаас*), так и в сложных названиях: *Балаҕаннаах Алаас*, *Дьаакып Алааһа*, *Илин Торбос Алааһа*.

Характерной чертой оронимов с апеллятивов *алаас* является высокая частотность антропонимных компонентов, указывающих на принадлежность земли роду или семье: *Дьаакып Алааһа*, *Маарыйа Алааһа*, *Бокпуоктар Алаастара*, что демонстрирует о глубоко личностном, сакральном отношении к алаасу как к «*төрөөбүт-үөскээбит төрүт сир*» – исконной земле рождения и происхождения, образу, передающемуся из поколения в поколение (см. рис. 7) [Ландшафт 2023: 24].

Рисунок 7

Алаас в Чурапчинском районе

Алааһыйа. Апеллятив *алааһыйа* представляет собой аффиксальное производное от основы *алаас* (см. выше *алаас*) с помощью суффикса *-ыйа*, который в якутском языке выражает уменьшительно-ласкательное значение. Несмотря на свою продуктивность в системе языка, в оронимии данный апеллятив представлен ограниченно – зафиксирован лишь один ороним: а. *Алааһыйа*.

Аппа. В якутском языке апеллятив *аппа* отличается широким спектром семантики: ‘углубление, рытвина (на поле); падь; лог, лощина, долина; овраг; яма’ [СЯЯ I: 123; ТСЯЯ I: 504]. Э. К. Пекарский также фиксирует варианты *анка* ~ *анха* ~ *ахна* [СЯЯ I: 123], которые, по мнению Г. В. Попова, являются результатом диссимилиативных процессов [Попов 2003: 81].

Этимология слова является предметом научной дискуссии. Н. К. Антонов приводит значение ‘овраг; падь’ [Антонов 1971: 15] и соотносит его с татарским *унхын* ‘пропасть, провал’ [Радлов I: 252]. Также В. Д. Монастырёв проводит параллели с татарским *ункын*, киргизским *онкун* и алтайским *онкын* ‘пропасть, бездна’ [Монастырёв 1993: 113].

Наиболее обоснованной представляется гипотеза Г. В. Попова, который возводит *аппа* к глаголу **ат-** ‘разевать, открывать; отходить; отрывать’ + аффикс **-на* (восходящий к др.-тюрк. аффиксу отглагольных имен **-ма** [ДТС 1969: 657]). Следовательно, этимология *атпа* > *аппа* означает ‘раскрытый, разинутый, отошедший’ > ‘расщелина, рытвина, овраг; лог, лощина, долина’ [Попов 2003: 81]. Ср.: др.-тюрк. *ат-** ‘отделяться’ [ДТС 1969: 134].

В оронимии *аппа* и *анка* выступают апеллятивными компонентами сложных названий: дол. лог, *Аппа*, овр. *Атах Аппа*, овр. *Сүүрэр Анка*, овр. *Сыҥаһа Аппата*, овр. *Хаайыылаах Аппата*, г. *Борокуус Анкатын Хайалара* и др.

Дулба. Апеллятив *дулба* обозначает ‘бугорок на низменном или болотистом месте, поросший травой или мхом; кочка’ [ТСЯЯ III: 184]. Его семантика конкретизируется в композитах: *ат дулба* (от *ат* ‘конь’ + *дулба* ‘кочка’) ‘высокий труднопроходимый кочкарник’ [Там же: 184], *буһуудал дулба* ‘(устар.) засохшая кочка, на которой не растет трава’ [ТСЯЯ II: 588].

Слово находит параллели в тюркских языках Сибири: Э. К. Пекарский сравнивает якутское *дулба* с алтайским диалектным *тула* ‘болотная кочка’ [СЯЯ I: 748]. Ср. также: хак. *тылаа* ‘кочка’, *тыло* ‘1) кочка; 2) перен. голова’ [ХакРС 2006: 700, 701], тув. *тулаа* ‘болото, топь’; шор. *тла* ‘кочка; пласт; дерн’ [ТСГА 1979: 181–182, 317].

В оронимии Якутии *дулба* демонстрирует высокую продуктивность – нами выявлено 36 оронимов, например: кочк. *Дулба Атах*, кочк. *Обонньор Дулбата*, кочк. *Дьэппириэнкэ Дулбалааба*, кочк. *Кыраһаанантар Дулбалара* и т. д.

Иэйэ. Апеллятив *иэйэ* обладает как орографическим ‘влажная поляна в тайге с кочками и кустарниками’ [ТСЯЯ III: 822], так и гидрографическим значением ‘маленькое болотистое озерко в тайге, окруженное кочками и кустарником’ [СЯЯ I: 892].

В диалектах зафиксированы дополнительные значения: (абый.) ‘склон, скат горы; ложбина между горами, овраг, служащие истоком речки’, (верх.-кол.) ‘закрытый от солнца низкое и сырое место’ [ДСЯЯ 1976: 110].

Интересно слово в этимологическом плане. Э. К. Пекарский сравнивает *иэйэ* с лексемой *иэрэ*, которая в ТСЯЯ приведено в значении ‘примыкающая к реке или озеру, ложбина, впадина, высыхающая после половодья’ [СЯЯ I: 892; ТСЯЯ III: 831]. Чередование *р~й* является закономерным для якутской фонетики, где сонант *р* подвержен ассимилятивно-диссимилятивным изменениям. Как отмечает С. А. Иванов, переход *р > й* регулярно наблюдается в говорах северо-западной диалектной зоны, а единичные случаи зафиксированы в центральных улусах и в саккырском, индигирском и колымском диалектах [Иванов 2014: 176]. Исследователи также соотносят якутское *иэрэ* с тюркским *айры* ‘река’ [ТСЯЯ III: 831]. Ср. также с эв. *ирьл* ‘проталина’ [ССТМЯ I: 329].

На основе апеллятива *иэйэ* образованы оронимы *Иэйэ*, *Киэн Иэйэ*, *Уһун Иэйэ*.

Уолба. Апеллятив *уолба* обозначает ‘низменность или сенокосное угодье, образовавшиеся на месте высохшего или спущенного озера’ [БТСЯЯ XII: 195], а также ‘заливной влажный луг; небольшая влажная низменность’ [СТЛ 2019: 265].

Слово *уолба* образовано от глагола *уол-* ‘убывать; усыхать, высыхать, осушаться; испаряться’ (соответствующего др.-тюрк. *sol-* ‘уменьшаться, убывать; исчезать’ [ДТС 1969: 508]) с помощью аффикса *-ба*.

В оронимии апеллятив представлен широко в фонетических вариантах *уолба* ~ *уолбас* ~ *уолбах* и участвует в образовании свыше 20 оронимов: луг *Уолба*, *Уолбас*,

Уолбах, поле *Куччугуй Уолба*, луг *Угут Уолба*, вп. *Саһыл Уолбата*, *Тобус Булгунньахтаах Уолбата* и др.

2.1.1.5 Метафорические апеллятивы, служащие для обозначения различных форм рельефа

2.1.1.5.1 Анатомическая лексика

Названия частей тела человека и животных путем метафорического переноса часто распространяются в топонимической терминологии многих языков. Метафоричны не только топонимы, но и многие географические термины [Мурзаев 1974: 127]. Рассмотрение материала предваряется следующими общими замечаниями.

Соматизмы в оронимии могут приобретать различные значения и выполнять разные функции. В целом анатомическая лексика в якутской оронимии может быть представлена следующим образом.

1. Лексика, употребляемая в своем первичном значении: а. *Атыыр Баһа* (букв. голова жеребца), а. *Атыыр Быара* (букв. печень жеребца), а. *Обус Буута* (букв. задняя нога быка), а. *Ынах Кутуруктаах* (букв. [алас] с хвостом коровы) и др. Часть оронимов, возможно, также обязаны своим появлением на свет какому-то случаю: а. *Атах Тостубут* (букв. [алас, где] нога сломалась), а. *Атах Испит* (букв. [алас, где] нога опухла) и др.

2. Лексика, употребляемая в качестве служебных имен: соматизмы в якутской оронимии широко представлены в качестве служебных имен. Они употребляются преимущественно в составе изафета, в котором, утрачивая свое самостоятельное значение, зависят от семантики предшествующего существительного. Именно в притяжательной форме они выполняют свою основную функцию – функцию служебного имени. Приведем ряд примеров (все примеры с метафорическим значением ниже из [ГСЯЛЯ 1982: 409]):

– *атах* ‘нога’ → *атаба* ‘конец и удаленная часть географического объекта’: а. *Боруулаах Атаба* (букв. нога [местности] *Боруулаах*), а. *Төнүргэстээх Атаба* (букв. нога [местности] *Төнүргэстээх*), а. *Хоболоох Атаба* (букв. нога [местности] *Хоболоох*) и др.;

– *бас* ‘голова’ → *баһа* ‘верх, верхняя часть, верхняя сторона географического объекта’, ‘передняя, головная, начальная сторона’, ‘восточная сторона’, ‘конец и удаленная часть географического объекта’: мыс *Ойоос Баһа* (букв. голова острова), г. *Улахан Эһэлээх Баһа* (букв. голова [реки] *Улахан Эһэлээх*), г. *Ыллыктаах Баһа* (букв. голова [реки] *Ыллыктаах*) и др.;

– *кэтэх* ‘затылок’ → *кэтэбэ* ‘зад, задняя часть, задняя сторона географического объекта’: а. *Сайылык Кэтэбэ* (букв. затылок летника), дол. *Тоһоҕос Кэтэбэ* (букв. затылок остатка);

– *ойоҕос* ‘ребро’ → *ойоҕоһо* ‘бок, боковая часть, боковая сторона географического объекта’): а. *Таатта Ойоҕоһо* (букв. ребро [местности] *Таатта*);

– *уорба* ‘спина, спинной хребет’ → *уорбата* ‘верх, верхняя часть, верхняя сторона, верхняя поверхность географического объекта’: а. *Чабылбаннаах Уорбата* (букв. хребет [местности] *Чабылбаннаах*).

К служебным именам не относятся те соматизмы, которые, являясь названиями частей предмета и обозначая в изафете пространственные понятия, не подвергаются грамматикализации в форме трех пространственных падежей. Например, соматизм *сирэй* ‘лицо’, кроме основного значения, в изафете может обозначать лицевую часть, поверхность предмета: *кыстык сирэйэ* ‘лицо (поверхность) наковальни’, *биһилэх сирэйэ* ‘щиток на кольце’, *остуол сирэйэ* ‘столешница’, *кинигэ сирэйэ* ‘страница книги’, *биэрэк сирэйэ* ‘поверхность ската берега’, *хайа сирэйэ* ‘передняя сторона ската горы’. В этих значениях соматизм *сирэй* не приобретает служебного значения и в пространственных падежах: *Сыыр сирэйнэн сүүрэкэлиир* ‘Он бежит по скату склона’; *Итинник таас хайа сирэйигэр суруйан кэбиһиэм этэ* ‘Вот так я записал бы на передней стороне скалы’ [ГСЯЛЯ 1982: 408].

В этих примерах формы *сирэйнэн*, *сирэйигэр*, хотя они близки по значению к служебным именам, не подвергаются грамматикализации, т.е. их семантика недостаточна абстрактна и релятивна для того, чтобы она сливалась с грамматическим значением аффиксов падежей. Значит, соматизмы этого типа, например, *хайа быара* (букв. печень горы) ‘середина склона горы’, *сыыр хаһа*

‘бровка обрыва, речного берега’, *хайа арбаһа* ‘хребет горы’, не выходят за рамки переносного употребления слов, обычной метафоры. Часть таких соматизмов вплотную примыкает к служебным именам, представляя собою промежуточное звено между ними и обычными существительными. Их довольно много. Например, к одним служебным именам, обозначающим верх, верхнюю сторону предмета, примыкает более 20 соматизмов (*көбүс* ‘спина’, *иэн* ‘поверхность нижней части спины’, *ньуур* ‘облик’, *сирэй* ‘лицо’, *саал* ‘хребтовый жир лошади’, *хаас* ‘бровь’, *чабырбай* ‘надбровье’, *түөс* ‘грудь’, *мындаа* ‘высокий хребет коня’, *урсун* ‘поверхность’, *чэчэгэй* ‘висок’ и др.). По характеру своего употребления они аналогичны служебным именам, но в основном не подвергаются грамматикализации в форме пространственных падежей. Таким образом, группу служебных имен составляют только те соматизмы, значение которых переходит от лексической абстракции к грамматической [Там же: 409].

3. Лексика, употребляемая в качестве метафоры или эпитета в составе оронима (как правило, в составе первой, описательной части сложного оронима – атрибута).

В сложных названиях анатомическая лексика нередко функционирует в качестве определяющего – первой описательной части оронима. При этом первая часть оронима часто представляет собой метафору или эпитет, указывающие, в частности, на форму орографического объекта или на иные его характеристики. Такие названия многочисленны в якутской оронимии: г. *Бүдүргэй Хайа* (букв. грудинка + гора), г. *Көбүл Хайа* (букв. грива + гора), а. *Куртах Алаас* (букв. желудок + алас), а. *Күөн Алаас* (букв. грудь + алас), г. *Кэңирии Таас* (букв. переносица + скала), а. *Кэтэх Алаас* (букв. затылок + алас), г. *Мурун Хайа* (букв. нос + гора), г. *Сүрэх Таас* (букв. сердце + гора), кряж *Сүрэх Дьаангы* (букв. сердце + скала), г. *Тумус Хайа* (букв. клюв + гора), поле *Хоннох Хонуу* (букв. подмышка + поле), г. *Чэчэгэй Мыраан* (букв. висок + мыс), г. *Эмиий Таас* (букв. грудь + скала) и др.

Отметим, что, по-видимому, не во всех случаях анатомическая лексика в первой части оронима употребляется метафорично. Так, например, компонент *кэтэх* ‘затылок’ в орониме а. *Кэтэх Алаас* может указывать, например, на

окраинное, глубинное местоположение аласа. Возможно неметафорическими (т. е. не указывающими на форму объекта) являются и приведенные выше оронимы а. *Күөн Алаас* и поле *Хоннох Хонуу*. В первом из них мотивация *күөн* может быть сходной с той, что была указана выше со значением ‘передний, находящийся впереди других’. Во втором компонент *хоннох* может обозначать ‘тихое, укромное место’.

4. Лексика, употребляемая в качестве орографических апеллятивов (в т. ч. в функции второй части (определяемого) в составе сложного оронима).

В качестве орографического апеллятива в составе оронимов выступают 45 соматизмов (см. Приложение 2, Таблицу 1). Их можно разделить на три тематические группы. Первая группа включает наименования внешних частей тела человека и животных. Вторая группа – наименования внутренних органов человека и животных. В якутском языке некоторые соматизмы, являются общими для человека и животных, в то время как другие используются только для обозначения частей тела животных. Анализ анатомической лексики показывает, что орографические объекты имеют следующие зооморфные части: холка, хребет, грива, рога, хвост и т. д. Поэтому третью группу составляют наименования частей тела и органов животных (см. [Стручкова 2024]).

2.1.1.5.1.1 Наименования внешних частей тела человека и животных, употребляемых в оронимии

Арбас. Якутский соматизм *арбас* имеет следующие значения: ‘1) холка, хребет, передняя часть спины зверя, скотины; спинка рыбы; 2) спина человека’ [ТСЯЯ I: 549].

В географической терминологии *арбас* метафорически переносит признаки ‘выпуклости’ и ‘вытянутости’ на элементы рельефа, приобретая значения ‘хребет горной цепи, возвышенности’, ‘гребень, кряж’ [ТСЯЯ I: 549; СТЛ 2019: 56]. Он выступает основой для композитов, детализирующих тип ландшафта: *хайа арбаһа* ‘горный хребет’ и *арбас хайа* ‘горная цепь, хребет’ [ТСЯЯ I: 550].

Термин *арбаа* восходит к общетюркскому *arqa* ‘спина, задняя сторона’ [ЭСТЯ I: 174], что подтверждается его широким распространением в тюркских

языках с аналогичной семантикой (башк., каз., ног., тат. *арка* ‘спина; горный хребет’, хак. *арга* ‘спина; удлинённая возвышенность’) [Молчанова 2018: 49; Мурзаев 1984: 55]. Ср. также с др.-тюрк. *арга* ‘спина; хребет’ [ДТС 1969: 53]. Как отмечает А. В. Дыбо, семантика развивалась по схеме ‘спина человека’ → ‘спина (вообще)’ → ‘спина животного’ → ‘хребет’ [Дыбо 1996: 185].

Данный перенос является классическим примером зооморфной метафоры, где форма холки животного (верхового коня или промыслового зверя) проецируется на форму горного хребта. Важнейшим для якутской картины мира является семантическая связь с словом *арбаа* ‘спина; запад’ [Иванов 2021: 13]. Эта связь указывает на формирование ориентированной пространственной модели, в которой стороны света осмысляются через части тела (*арбаа* ‘запад’ как ‘спина’ мира), а рельеф – через тело животного.

В якутской оронимии апеллятив *арбас* составляет названия самостоятельно и входит в состав сложных оронимов: хр. *Арбас Таастаах*, а. *Арбастаах*, *Арбастаах Атаба*, хр. *Онгхочой Арбастааба*.

Атах. Соматизм *атах* ‘нога’ в якутской географической терминологии подвергся значительной семантической деривации, выражая широкий спектр понятий:

- признак формы: ‘удлиненная, выдающаяся часть какого-либо географического объекта’ (напр., аласа, острова и т. д.) [СТЛ 2019: 59];
- признак положения: ‘конец, удаленная часть какого-либо географического объекта’ [Там же: 59];
- признак локализации: ‘водное пространство, вдавшееся в сушу’, ‘суживающаяся часть равнины, поляны’ [ТСЯЯ I: 638];
- оценочная характеристика: ‘последний, худший по качеству объект в сравнении с другими’ [СТЛ 2019: 59].

Данная метафорическая модель является общетюркской. В различных фонетических вариантах *адак* ~ *азак* ~ *айак* ~ *аяг* ‘нога’ этот апеллятив широко представлен в топонимии тюркских языков со значениями ‘подножие горы’, ‘низовье реки’, ‘устье’. Его древность подтверждается материалами

Древнетюркского словаря: *adaq* ‘нога (человека и животного); нижняя часть, основание; подножие; устье (реки)’ [ДТС 1969: 8]. Как отмечает В. И. Рассадин, данная лексема была заимствована в монгольские языки, где *адаг* сохранил не только пространственные ‘конец’, ‘устье’, но и оценочные значения ‘последний, худший по качеству’ [Рассадин 2019: 307].

Необходимо отметить, что значение ‘худший, последний’ у якутского соматизма *атах* сформировалось не автохтонно, а было усвоено по образцу монгольских языков. Данный факт свидетельствует не просто о лексическом влиянии, а о заимствовании глубинной концептуальной метафоры («нижняя часть тела → низший по качеству / статусу»), что указывает на функционирование лексемы в рамках общей с монгольскими языками соматической метафорической модели.

В якутской оронимии апеллятив *атах* отличается высокой продуктивностью и повсеместно распространен в Якутии, преимущественно в названиях аласов, лугов и полян: дол. *Атах*, а. *Арбаа Атах*, а. *Арбаа Атах Алаас*, а. *Атах Алааһа*, *Атах Балабана* и др.

Бас. Апеллятив *бас* ‘голова человека или животного’ является одним из ключевых соматических терминов в тюркской, в том числе якутской, оронимии. В географических названиях он функционирует в следующих переносных значениях:

- пространственная локализация: ‘вершина, верхняя часть географического объекта (горы, сопки)’;
- локализация истока: ‘место, где что-либо берет начало’ (исток реки, ручья); ‘верховье’;
- позиционная характеристика: ‘главная, начальная, выдающаяся часть’; ‘передняя, восточная сторона’, ‘большой, основной объект по сравнению с другими’ [СЯЯ I: 388; ТСЯЯ II: 228; СТЛ 2019: 64].

Данный апеллятив является общетюркским и демонстрирует удивительную семантическую устойчивость между тюркскими языками: азерб. *баш* ‘голова; вершина, верхушка, макушка: *дагын башы* – вершина горы; верховье, исток (реки, ручья)’, алт. *баш* ‘голова; вершина; верхушка; вершина горы: *кыр бажы* – вершина

горы’, башк. *баш* ‘голова, вершина: *тау башы* – вершина горы’, тат. *баш* ‘голова, вершина: *тау башы* – вершина горы’, тув. *баш* ‘голова, вершина: *даг бажы* – вершина горы’, шор. *наш* ‘голова; вершина (реки)’, хак. *нас* ‘голова, верхушка, вершина: *таг пазы* – вершина горы’ [Молчанова 2018: 53]. Ср. также с др.-тюрк. *baş* ‘голова; вершина; верховье; начало’ [ДТС 1969: 86].

В научной литературе существует дискуссия о первичности этих значений. С одной стороны, такие исследователи как Дж. Клоусон утверждают, что метафорическое употребление *baş* для обозначения географических объектов засвидетельствовано с древнейших времен: *ıduk baş* – святая вершина, *Ötüken uş başı:nta* – на вершине горного леса Ötüken [Clauson 1972: 375]. С другой стороны, Б. И. Татаринцев выдвигает гипотезу о возможном происхождении слова от глагольной основы со значением ‘подниматься, возвышаться’ (**na-* ~ *ба*), где аффикс *-*ш* мог образовывать отглагольные имена со значением местоположения ‘верхний’ или формы ‘выступающий’ [Татаринцев I: 201]. Таким образом, он ставит под сомнение безусловную первичность значения ‘голова’ для географической семантики.

Независимо от решения этимологического спора, в современной якутской и общетюркской языковой картине мира соматизм *бас* реализует универсальную антропоцентрическую метафорическую модель «тело → ландшафт», концептуализируясь как:

- начало тела → исток реки (акцент на линейности и источнике);
- верхняя часть тела → вершина горы (акцент на вертикали и доминировании);
- главный, управляющий орган → главный, основной объект (акцент на значимости).

Применительно к башкирскому языку отмечается, что голова проецирует свои атрибуты (главенство, начало, верхнее положение) на пространство, формируя комплексную систему пространственных координат и оценок [Хисамитдинова и др. 2018: 161]. В якутской традиции эта модель также тесно

связана с ориентацией в пространстве, где *бас* часто маркирует восточную, начальную сторону.

На территории Якутии апеллятив *бас* выступает в номинативном и переносном значениях: а. *Арбаа Бас*, а. *Кус Баһа*, а. *Хатарчыма Баһа*, а. *Ынах Баһа*, а. *Обус Баһын Үлдьүтэ*, а. *Бастаах*, а. *Ат Бастаах*, *Ынах Бастаах*, дол. *Ат Бастаах Хотото* и др.

Баттах. В отличие от первичных соматизмов, апеллятив *баттах* ‘волосы’ обладает особой семантикой, указывающей не на форму или положение, а на характер поверхности орографического объекта. В географической терминологии он зафиксирован в значении ‘небольшая возвышенная местность, покрытая растительностью’ [Монастырёв 1993: 189; СТЛ 2019: 65]. Данный перенос основан на зрительном сходстве растительного покрова на возвышенности с волосяным покровом.

Учитывая фонетические и семантические особенности, а также диалектные данные, представляется обоснованной этимология, предложенная Г. В. Поповым. Исследователь рассматривает слово *баттах* как сложение основ *бас* ‘голова’ + *тук* (> якут. *туу* ‘волосы, шерсть’), что буквально означает ‘волосы / шерсть головы’ [Попов 2003: 130]. Данная гипотеза подтверждается наличием у слова *баттах* значения ‘кожа с шерстью / перьями с головы животного’ (ср.: *обус баттаба* ‘головная шкура быка с шерстью’, *эһэ баттаба* ‘кожа с шерстью с головы медведя’, *кус баттаба* ‘кожа с перьями с утиной головки’) [ДАЯЯ II: 63].

На исследуемой территории зафиксированы следующие названия: а. *Баттах*, а. *Баттах Алаас*, мыс *Баттах Тумса*, падь *Баттах Үрэбэ*.

Биил. Соматизм *биил* ‘талия человека’ метафорически используется для номинации орографических объектов, имеющих вогнутую, пережимающую форму. В якутской оронимии он служит для обозначения седловины горы или широкого плоского перевала [ТСЯЯ II: 288]. Метафора *биил* → ‘седловина’ основана на визуальном сходстве: сужение в средней части горного хребта ассоциируется с перехватом человеческого тела в области талии. Это пример сложной и детализированной проекции тела на ландшафт.

Данная метафорическая модель является общеалтайской. В тюркских языках термин (др.-тюрк. *bēl*, тур., азерб. *bel*, каз., кирг. *бел*, хак. *пил*) широко распространен со значениями ‘талия; пояс; седловина; горный перевал; середина; хребет’ [ЭСТЯ II: 135; Молчанова 2018: 54]. Семантика варьируется по регионам: в Южном Казахстане и Средней Азии *бел* означает ‘широкий плоский перевал’, в Центральном и Восточном Казахстане – ‘невысокая полого-удлиненная возвышенность’ [Конкашпаев 1951: 10]. В хакасской оронимии *пил* – один из частотных терминов для обозначения перевала и седловины: г. *Пил* ‘перевал’, *Асчан Пил* ‘перевальная седловина’, *Чабыс пил* ‘низкая седловина’, *Улуг пил* ‘большой перевал’ [Сунчугашев 1999: 66].

Параллели обнаруживаются и в монгольских языках: п.-монг. *bel*, монг. *бэл*, бур. *бэл*, калм. *бел*, ойр. *бел* ‘талия, спина’ также приобрели значения ‘склон, подножие, отлогость горы’ [Данзанова 2012: 89]. Вопрос о происхождении и первичных заимствованиях между тюркскими и монгольскими языками остается дискуссионным. Г. Рамстедт объединил тюрк. *bel*, *bäl* в один ряд с монг. *bel* ‘бедро; середина (человеческого тела и горы); платок или пояс, которым опоясывают корпус’, против чего возражает Г. Дёрфер, который восстанавливает праформу лексемы в виде **bēl* [ЭСТЯ II: 135].

В якутских названиях данный апеллятив *биил* чаще всего функционирует с топоформантом *-лаах* и может составить ороним самостоятельно или быть частью сложного образования, например, а. *Бииллээх*, г. *Арбаа Бииллээх*, г. *Бииллээх Үрдүгэ* и др.

Буут. Апеллятив *буут* функционирует в значении ‘выдающаяся часть; развилина, раздвоение какого-либо географического объекта’ [СТЛ 2019: 75].

Данная лексема тюркского происхождения. Соответствия терминологического характера выявлены в тюркских языках Сибири. Как отмечает О. Т. Молчанова: «на Алтае *бут* имеет, помимо основного, знакомого многим тюркским языкам значения – нога, еще и переносное, как и в тувинском языке, – отрог горного хребта (г. *Янтык-Бут*, лог *Кайыр-Бут*.))» [Молчанова 2018: 59]. Это

демонстрирует общетюркскую модель осмысления ответвления хребта как конечности.

В якутской оронимии апеллятив зафиксирован в одном наименовании – а. *Бууттаах*.

Кулгаах. Соматизм *кулгаах* ‘ухо’ метафорически переносит признак ‘боковой, выдающейся, четко выделяющейся части’ на элементы рельефа: ‘боковая, выдающаяся часть местности; выдающаяся вершина’ [СТЛ 2018: 123]. В якутской оронимии он может выступать как самостоятельный ороним (а. *Кулгаах*) или в составе конструкций (а. *Кулгааба Суох* ‘[место] без уха, т. е. без выделяющейся части’).

Лексема является исконно тюркской. Ее фонетические варианты *кулак* ~ *хулах* ~ *кулах*... широко распространены в тюркских языках с семантикой ‘балка, ущелье; выдающийся выступ; залив’ [Мурзаев 1984: 310; Молчанова 2018: 99]. Наиболее показательные примеры обнаруживаются в хакасской оронимии, где метафора основана на прямом визуальном сходстве: г. *Хос Хулах* (от *хос* ‘пара’ + *хулах* ‘ухо’, т. е. две вершины), г. *Ўс Хулах* (от *ўс* ‘три’ + ‘ухо’, т. е. три выступа) [Сунчугашев 1999: 68].

Моой. Апеллятив *моой* ‘шея’ служит для номинации объектов, обладающих признаками ‘узости’, ‘вытянутости’ и ‘соединения’: ‘перешеек; перехват; суживающаяся часть географического объекта; длинный узкий объект’ [СТЛ 2019: 160; БТСЯЯ VI: 287]. В одном из диалектов зафиксировано также значение ‘небольшой спуск’ [ДСЯЯ 1976: 161], что расширяет семантический спектр.

Данная метафора также является общетюркской. Слово в разных вариантах *бойун* ~ *мойын* ~ *моюн* встречаются в тюркских языках со значениями ‘коса, перешеек; горный перевал; узкая полоса воды; изгиб горы; отмель, узкое место реки’ [Самтакова 2013: 69]. В ДТС *bojın* ‘шея’ [ДТС 1969: 161]. Древнетюркский язык также фиксирует производное *bojnaq* ‘седловина, горный перевал’ [Там же: 110], что подтверждает древность данного переноса.

От якутского апеллятива *моой* образованы следующие оронимы: мыс, поле *Моонньоох*, г. *Мой Күөл Хайата*, г. *Моой Салаатын Босхото* и др.

Мурун. Апеллятив *мурун* ‘нос, клюв’ является одним из наиболее продуктивных в якутской оронимии. Посредством метафорического переноса, основанного на визуальном сходстве, он приобрел устойчивое орографическое значение ‘мыс; выступ (на местности); угол горы’ [СТЛ 2019: 165].

Данная метафора является универсальной для тюркских языков. Древнетюркское *burun* означает одновременно ‘нос’ и ‘мыс, выступ’ [ДТС 1969: 126]. Фонетические варианты *бурун* ~ *мурын* ~ *бурын* с тем же значением широко представлены в тюркской топонимии

В оронимии Якутии отмечены следующие названия г. *Мурун*, мыс *Мурун* *Йааны*, *Мурун Таас*, *Мурун Тыымпыа*, ск. *Мурун Хайа*, мыс *Нуучча Мунна*, *Сырай Мунна*, *Кыстыыр Атах Мунна* и др.

Сирэй. В отличие от *мурун*, обозначающего выступ, апеллятив *сирэй* ‘лицо’ маркирует поверхность и ориентацию. Он функционирует в значениях ‘видимая наклонная поверхность, склон высокой местности, горы’ и ‘лицевая, передняя сторона географического объекта’ [БТСЯЯ VIII: 441; СТЛ 2019: 208]. Это указывает на важность наблюдательной перспективы в якутской пространственной модели: ‘лицо’ горы – это сторона, обращенная к человеку.

Лексема является общетюркской. В тюркских языках *чырай* ~ *чирай* ‘лицо, физиономия, лик’ в географической терминологии имеет значение ‘передняя сторона географического объекта’. В якутском языке мягкорядный вариант *сирэй* отмечен в говорах центральной диалектной зоны [ДАЯЯ I: 15].

Географическое значение слова *сирэй* хорошо известно и активно употребляется местными жителями Якутии. На исследуемой территории зафиксированы оронимы: падь *Сирэй*, г. *Сырай*, *Үрүҥ Сырай*, г. *Үс Сирэй*, релка *Сыа Сирэй*, г. *Сырай Хайа*, мыс *Сырай Мунна*, холм *Сирэйдээх Мыраан*, а. *Сэттэ Сирэйдээх* и др.

Сото. Апеллятив *сото* ‘голень’ представляет собой более специализированную метафору. В оронимии он используется для обозначения ‘отдельной части географического объекта от одного поворота до другого’ [СТЛ

2019: 213]. Это значение, вероятно, восходит к восприятию голени как прямого, удлиненного сегмента ноги.

Лексема тюркского происхождения, однако в тюркских языках значения распадаются на две группы: а) ‘часть ноги’ – ‘голень’; б) ‘верхняя часть спины’ [СИГТЯ 2001: 283]. Ближайшая оронимическая параллель обнаруживается в казахском языке, где *жота* ‘хребет, гребень’ обозначает ‘продолговатую возвышенность’ (ср.: *Жотажол* ‘дорога по гребню горы’) [Койчубаев 1974: 104].

Якутский апеллятив *сото* входит в состав следующих наименований: косогор *Сото Халдьаайыта*, луг *Сото Хорбут*, поле *Сото Харбыт*.

Тиис. Апеллятив *тиис* ‘зуб’ представляет собой классический пример метафорического переноса по признаку формы и остроты. Он употребляется в значениях ‘выступающая острая скала; острая вершина горы; каменный столб – фигура выветривания’ [СТЛ 2019: 235].

Лексема *тиис* является общетюркской. Метафорические переносы зафиксированы в следующих языках: турк., тур. *диш* ‘зубцы горного хребта’ [СИГТЯ 2001: 228].

Апеллятив *тиис* употребляется самостоятельно в основной форме и в составе сложных названий: ск. *Тиис*, ск. *Тиис Тааһа*, г. *Тиистээх*, булг. *Тиистээх Булгунньаба* и др.

Тобук. Апеллятив *тобук* ‘сустав, голень, колено’ в оронимии приобрел специализированное значение ‘части географического объекта от одного сгиба или поворота до другого’, а также ‘мыса, выступающего вперед объекта’ [СТЛ 2019: 237]. Данная метафора основана на восприятии сустава как элемента, артикулирующего и сегментирующего конечность, что проецируется на членение ландшафта.

Слово тюркского происхождения. В древнетюркском языке *tobïq* ‘лодыжка’ [ДТС 1969: 569]. Примечательно, что в отличие от других апеллятивов, топонимические соответствия в других тюркских языках на данный момент не выявлены, что может указывать на инновационный характер данного метафорического переноса именно в якутском языке.

В якутской оронимии апеллятив зафиксирован в составе одного сложного оронима – мыс *Тобуктаах Тумуһаба*.

Төбө. Апеллятив *төбө* ‘голова, макушка’ является одним из основных для обозначения верхних частей объекта. В географической терминологии он развил значения: 1) вершина, макушка, верхняя поверхность географического объекта; 2) конец, оконечность объекта; 3) исток, верховье реки [СЯЯ III: 2758; СТЛ 2019: 242].

Лексема является общетюркской и встречается во всех тюркских языках в значениях ‘вершина горы’, ‘бугор, холм’ [Молчанова 2018: 121]. Ср. также с др.-тюрк. *töpü* ‘темя, макушка; вершина’ [ДТС 1969: 580]. Существует научная дискуссия о первичности значений. Составители СИГТЯ возводят оба значения (‘тело’ ~ ‘ландшафт’) к общетюркскому уровню [СИГТЯ 2001: 201], в то время как Дж. Клоусон считает первичным значение ‘вершина, макушка’ применительно к естественным предметам и голове человека с дальнейшим развитием семантики слова и образованием значений ‘холм, возвышенность’ [Clauson 1972: 436].

В якутских оронимах он, как правило, выступает в роли определяемого, формируя ориентированные комплексы: а. *Арбаа Төбө*, а. *Илин Төбө*, *Үрүҥ Төбө*.

Түөс. Апеллятив *түөс* ‘грудь’ представляет собой особый случай метафоризации, где исходный образ определяет специфику географического значения. Он употребляется в значениях: 1) верх, верхняя сторона объекта; 2) передняя сторона местности; 3) склон горы; 4) часть горы выше подошвы [СТЛ 2019: 254]. В отличие от *төбө* ‘острая вершина’, *түөс* обозначает более пологий, выпуклый верх или склон, что мотивировано формой груди.

Лексема является общетюркской и демонстрирует интересную семантическую вариативность в современных языках: от ‘низины’ (алт.) до ‘склона, подъема’ (кирг., тув., хак.) [Молчанова 2018: 123]. Эта вариативность подчеркивает сложность и многогранность исходного телесного образа. По поводу данного слова Дж. Клоусон замечает: «*Tö:ş (d-)* ‘грудь’ и более специфично ‘верхняя часть груди’. Сохранилось в большинстве групп современных языков с небольшими фонетическими изменениями, <...> с расширенным значением ‘наковальня’ в некоторых современных языках» [Clauson 1972: 558].

В якутской оронимии апеллятив *түөс* функционирует в следующих названиях: г. *Түөс Хайа*, кочк. *Түөс Дулбата*, мыс *Түөс Тумса*.

Хаас. Апеллятив *хаас* ‘бровь’ функционирует в оронимии со значением ‘верхний край, кромка чего-либо (например, горки)’ [БТСЯЯ XIII: 248]. Данная метафора основана на визуальном сходстве линии излома склона с дугой брови.

Термин широко представлен в тюркских языках: тюрк. *каш* ~ *қаш* ~ *хаиш*... ‘бровь’ служит для обозначения холма, края, берега, вершины горы, бровки горы, опушки леса, выступающего края, косогора, ската горы, возвышенности [СИГТЯ 2001: 211–212], др.-тюрк. *qaş* ‘край, берег, бровка’ [ДТС 1969: 431]. Модель является универсальной. Ср.: рус. *бровка* ‘бровка террасы, линия излома горного склона’ [Мурзаев 1974: 127]; п.-монг. *kömtüske*, монг. *хөмсөг* ‘бровь; выступ, обрыв, обрывистая сторона горы’ [БАМРС IV: 137].

Якутский апеллятив *хаас* участвует в образовании следующих оронимов – релка *Үрэх Хааһа*, *Ыарбалаах Хааһа*.

Хоннох. Якутский соматический термин *хоннох* ‘подмышка, пазуха’ в географической терминологии известен в значении ‘обособленная часть орографического объекта’: *хайа хоннобо* – тихое, безветренное место в горе, *хоннох иһэ* – лощина между холмов.

Исследователи объясняют *хоннох* как основу общетюркского происхождения [БТСЯЯ XIII: 571]. Слово в разных фонетических вариантах *колтук* ~ *қолтуқ* ~ *голтуқ*... встречается в тюркских языках: в тур., гаг., турк., кум., уйг. языках приобрел значение ‘внутренний угол’, в гаг., тат., башк., ног, кум. к.-калп., уйг., узб. – ‘залив’ [СИГТЯ 2001: 243].

Апеллятив *хоннох* зафиксирован в составе одного оронима – поле *Хоннох Хонуу*.

Хоой. Анализ материала словарей якутского языка показывает, что лексема *хоой*, обозначающая ‘пазуху’, в географических источниках интерпретируется как ‘защищенное от ветра место возвышенности, долины; укромное место’, ‘место, окруженное горами’ [БТСЯЯ XIII: 586]. *Хоой* как *хоннох* (см. выше) восходит к образу сгиба, складки, укрывающей и защищающей пространство.

Аналогичная семантическая структура, связанная с обозначением орографических объектов, прослеживается в тюркских языках Сибири. Например, в алтайском языке лексема *койын* означает ‘пазуха, залив, подошва горы’. В хакасском и шорском языках слово *хойан* и *қойын* также используются для обозначения ‘пазухи’ и ‘залива’ соответственно [СИГТЯ 2001: 244]. В древнетюркском языке *qoj* ‘пазуха; грудь, лоно; дно долины’ [ДТС 1969: 453].

Апеллятив *хоой* зафиксирован в орониме *Хоой Тумула*.

Эмий. В отличие от *түөс* ‘грудь; склон’, апеллятив *эмий* обозначает ‘холм, бугор, булгуннях’ [СТЛ 2019: 320]. Данная метафора основана на визуальном сходстве округлой, куполообразной возвышенности с женской грудью. Перенос является одним из самых наглядных примеров антропоморфизации ландшафта.

Лексема восходит к пратюрк. основе *em-ig, em-çek* ‘грудь’ [СИГТЯ 2001: 273] и широко представлена в тюркской оронимии. Наиболее яркие параллели обнаруживаются в хакасском – *имчек* ‘женская грудь’ для обозначения отдельных возвышенностей: *Имчек хайа* [Сунчугашев 1999: 72] и киргизском – *эмчек* ‘возвышенность, заметный холм’ [Мурзаев 1996: 61] языках.

Якутский апеллятив входит в небольшую группу наименований как в основной форме, так и в притяжательной: г., ск. *Эмий*, г. *Эмий Таас*, булг. *Эмиий Булгунньаба*, булг. *Танара Эмиийэ*.

2.1.1.5.1.2 Наименования внутренних органов человека и животных, употребляемых в оронимии

Айах. Якутский соматизм *айах* ‘рот, полость рта’ в орографической терминологии подвергся значительной семантической деривации, приобретая устойчивые метафорические значения: ‘ущелье; проход в горах’ [Монастырёв 1993: 133], ‘отверстие, дыра, вход, проход’ [СТЛ 2019: 46], ‘вход перевала в ущелье и выход его из ущелья; подъем (начало) дороги, перевала на гору и спуск с горы; начало пути’ [ТСЯЯ I: 175]. В гидрографии – ‘устье; место впадения речки, реки в реку, озеро, море’ [СТЛ 2019: 46]. Данный перенос основан на функционально-топологическом сходстве: рот как отверстие, служащее для входа / выхода, уподобляется природному проходу или истоку.

В верхоянском говоре зафиксировано узкое значение в форме изафета *сирэм айаба* – ‘углубление, образовавшееся в результате почвенного пожара’ [ДСЯЯ 1976: 206].

Исследователи сравнивают якутское *айах* с тюрк. *айак*, монг. *аяга* со значением ‘кубок’ [ТСЯЯ I: 329]. Слово широко распространено в современных тюркских языках в форме *айак* со значениями ‘чаша, чашка, чарка, пиала; рюмка, бокал; стакан; миска’ [ЭСТЯ I: 105]. В древнетюркском языке *ajaq* ‘чаша, чашка’ [ДТС 1969: 27]. Ср: стп.-монг. *ауауа*, халх., бур. *аяга*, калм. *aah* ‘чаша, чашка, кружка’; бур. *аяга* ‘тарелка, миска’ [ЭСМЯ I: 60]. Э. В. Севортян, основываясь на наличии назализованного *-й-* в якутском и тофаларском языках (чего нет в монгольском), аргументирует тюркское происхождение слова *айах* [ЭСТЯ I: 106]. Возможно, источником образования метафорических значений слова *айах* в якутском языке являются тюрк. *агыз* ~ *ауыз* ~ *аас* ~ *оос*... ‘рот’, которые функционируют в географической терминологии: азерб. *агыз*, алт. *оос*, башк. *ауыз*, каз. *ауыз*, тат. *авыз*, тув. *аас*, тур. *agiz*, хак. *аас*, шор. *аас* ‘рот; устье; вход; отверстие’ [Молчанова 2018: 107]. Это указывает на общетюркскую модель метафорического переноса.

В якутской оронимии фонетический вариант *аньах* также участвует в образовании оронимов. На исследуемой территории выявлены следующие оронимы: а. *Улахан Айах*, а. *Халбан Айах*, а. *Бадарааннаах Айах*, горный проход *Чөнкөйдөөх Аньаба*.

Бүөр. Апеллятив *бүөр* ‘почка’ в якутской оронимии демонстрирует сложную семантическую структуру, выходящую за рамки простой метафоры сходства формы. Он функционирует в следующих значениях:

- ‘алас, расположенный недалеко от реки’ [СТЛ 2019: 76]. Данное значение мотивировано, прежде всего, топологическим сходством округлых очертаний аласа и почки;
- ‘меньший из двух близлежащих географических объектов’ [Там же: 77]. Данное значение основано на функционально-анатомической аналогии: почки, как парный орган, часто асимметричны;

– ‘боковая часть, сторона географического объекта’ [Там же: 77]. Данное значение является ключевым и восходит к общетюркской и монгольской семантике слова, обозначающей не столько орган, сколько ‘бок’. Значение ‘боковая часть’ является доминирующим и наиболее типологически устойчивым.

Этимология слова сложна и является предметом дискуссии. Якутское *бүөр* возводится к пратюркской форме *bögür ~ bögrek* [EDAL 2003: 1102]. Ср.: др.-тюрк. *bayır* ‘почка’ [ДТС 1969: 116]. Однако его широкая представленность в монгольских языках (п.-монг. *böger-e*, монг. *бөөр* ‘почки; бок’) позволяет ряду исследователей (напр., Дж. Клоусону) рассматривать его как раннее заимствование из монгольского в тюркские языки [ЭСТЯ II: 207].

Независимо от направления заимствования, географическая семантика слова является общеалтайской. Практически во всех языках-преемниках оно развило значения, связанные с боковым расположением и небольшим возвышением:

- тюркские языки: тур. *бөйүүр*, тур. диал. *бөгүр* ‘склон горы’, туркм. *бөгүр* ‘сторона, бок, угол чего-либо’ [ЭСТЯ II: 207];
- монгольские языки: п.-монг. *böger-e*, монг. *бөөр* ‘почки; бок’ [Догсурэн 1985: 50], п.-монг. *bögereg*, монг. *бөөрөг* ‘уступ террасы’ [БАМРС I: 275], калм. *бөөрг* ‘холмик, пригорок’ [ЭСМЯ I: 103]. Термин заимствован в киргизский в виде *быйрык* ‘впадина на склоне горы’ [Сулайманова 2003: 68], что интересно, обозначает не выпуклость, а вогнутость, но также в боковой части.

В якутской оронимии апеллятив *бүөр* представлен в названиях: а. *Бүөр, Сунсуй Бүөрэ, Эбэ Бүөрэ*.

Быар. Соматизм *быар* ‘печень’ в якутской орографической терминологии реализует комплекс значений, центральным из которых является ‘середина, средняя часть склона, пригорка, бугра, горы’ [ТСЯЯ II: 665]. Данное значение мотивировано локативным признаком: печень воспринимается как орган, расположенный в центре, середине тела (брюшной полости). Второе зафиксированное значение – ‘выступающая часть, выступ географического объекта’ [СТЛ 2019: 77] – основано уже на топологическом сходстве выпуклой

формы печени с выступом в рельефе. Данная полисемия указывает на многогранность исходного телесного образа.

Лексема является общетюркской. В древнетюркском языке *bayır* имеет значение ‘печень; живот, брюхо’ [ДТС 1969: 78]. Разнообразные фонетические варианты *буур ~ баар ~ баыр*... широко представлены в тюркских языках.

Семантика якутского апеллиатива находит прямые параллели в других тюркских языках, где он также функционирует как орографический термин, однако с интересными семантическими нюансами:

- ногойский, казахский, киргизский, узбекский: ‘склон горы’ [СИГТЯ 2001: 278]. Данное значение акцентирует не центральное положение, а боковую, наклонную поверхность;

- алтайский язык: ‘внутренняя, срединная часть горы’, ‘важная, главная часть любого географического объекта’ [Самтакова 2013: 67]. Данная семантика практически идентична якутской и подчеркивает важностный и локативный (внутренний, центральный) признак.

Сопоставление семантики в разных языках позволяет выявить два основных признака, лежащих в основе метафорического переноса:

- локативный признак (‘середина’): печень как орган, расположенный в центре тела → середина, внутренняя часть географического объекта (доминирует в якутском и алтайском);

- топологический признак (‘выпуклость’, ‘массивность’): печень как массивный, плотный, выпуклый орган → выступ, склон, значительная часть объекта (доминирует в ногойском, каз., кирг., узб. и присутствует в якутском как вторичное значение).

На исследуемой территории якутский апеллиатив *быар* представлен в следующих названиях: а. *Быар*, а. *Хоту Быар Танастааба*, а. *Собуруу Быар Танастааба*. Примечательно, что оронимы могут образовывать оппозиции *хоту* ‘северный’ – *собуруу* ‘южный’, что подтверждает функционирование *быар* как полноценного термина для обозначения конкретного, членимого объекта в пространстве.

Куртах. Якутский соматизм *куртах* ‘желудок’ в системе орографической номинации обладает узкоспециализированным и ярко выраженным семантическим значением: ‘часть аласа или озера в виде укромного придатка, окруженного лесом или холмами’ [БТСЯЯ IV: 530; СТЛ 2019: 128]. Данный перенос основан на синтезе нескольких признаков:

- топологический признак: желудок как полый, мешкообразный орган → замкнутая, котловинная форма орографического объекта;
- локативно-функциональный признак: желудок как внутренний, «укромный», защищенный орган, перерабатывающий пищу → изолированная, защищенная со всех сторон (лесом, холмами) часть ландшафта, часто служащая укрытием.

Лексема имеет общетюркское происхождение [СИГТЯ 2001: 277]. Ср. др.-тюрк. *qurtyaq* ~ *qorsaq* ‘брюхо, живот’ [ДТС 1969: 467]. Однако, отмечено, что в качестве орографического апеллятива с указанным значением она, по имеющимся данным, не имеет прямых параллелей в других тюркских языках.

Отсутствие прямых топонимических соответствий делает якутский апеллятив *куртах* уникальным явлением. Его формирование могло быть обусловлено спецификой якутского ландшафта – обилием изолированных аласов и котловин, – которые потребовали особой номинации. Выбор именно слова «желудок» для обозначения такого объекта может указывать на его восприятие не просто как впадины, а как утробного, защищающего пространства. Это пример того, как общетюркская лексика получает уникальное терминологическое развитие в условиях специфической географической и культурной среды Якутии.

В якутской оронимии апеллятив представлен в двух фонетических вариантах – *куртах* и *куттах*. На исследуемой территории зафиксированы следующие единицы: а. *Куттах*, мыс *Куртах*, а. *Куртах Алаас*, г. *Куттах Хайата*, пер. *Куттах Аартыга*. Соматический компонент *куртах* имеет общетюркское происхождение [СИГТЯ 2001: 277]. В других тюркских языках топонимические соответствия не выявлены.

Мэйии. Соматизм *мэйии* ‘головной мозг; голова’ в якутской оронимии демонстрирует ярко выраженную семантическую эволюцию, связанную с концептом ‘верхней, конечной точки’. Он функционирует в следующих значениях:

- ‘вершина, верхушка географического объекта’ (напр., *сыһыы илин мэйиитэ* ‘восточная верхушка поля’) [СЯЯ II: 1543];
- ‘верховье реки, речки’ (северные, северо-восточные говоры) [ДСЯЯ 1976: 168];
- ‘конец местности; верховье’ (кобьяйский, сунтарский говоры) [СТЛ 2019: 166].

Данный перенос основан на локативном признаке: мозг как орган, находящийся в самой верхней и главной части тела (голове), метафорически проецируется на верхнюю, конечную часть географического объекта.

Лексема является исконно тюркской и восходит к пратюркской форме **beŋi*, **beŋi* [СИГТЯ 2001: 195], что подтверждается др.-тюрк. *tiŋi*, *teŋi* ‘головной мозг’ [ДТС 1969: 340].

Сопоставление выявляет кардинальное расхождение в семантике якутского апеллиатива и его единственного известного топонимического соответствия в казахском языке: *мий* ‘мозг’ → ‘топкое место с жидковатой глиной беловато-серого цвета, напоминающей по виду мозг’ [Мурзаев 1996: 370; Конкашпаев 1951: 65]

На исследуемой территории апеллиатив *мэйии* встречается в следующих оронимах: г. *Муус Мэйиитэ*, *Сакынньа Мэйиитэ*, поле *Сыһыы Мэйиитэ*.

Ойобос. Соматизм *ойобос* ‘ребро; боковая часть туши; бок’ в якутской орографической терминологии функционирует со строго специализированным и устойчивым значением ‘боковая сторона, склон географического объекта’. Данное значение иллюстрируется устойчивыми словосочетаниями, например, *хайа икки ойобоһо* ‘два склона (букв. бока) горы’ [БТСЯЯ VII: 235].

Лексема восходит к пратюркской форме **ejegü* ‘ребро; бок’ [СИГТЯ 2001: 275]. Ее древность и изначальная связь с географической семантикой подтверждается данными словаря Махмуда Кашгарского (XI в.), где *ejägü* объясняется как ‘бок, склон горы’, а сочетание *ejägü ier* – как ‘место на склоне

горы, терраса' [ДТС 1969: 145]. Как отмечают исследователи, в большинстве современных тюркских языков это исконное слово было вытеснено монгольским заимствованием *kapyrǵa* [СИГТЯ 2001: 275], что делает его сохранение в якутском особенно ценным.

Сохранение древнетюркского апеллятива *ойоѳос* в активной орографической терминологии якутского языка представляет значительный интерес. EDAL устанавливает для данной основы тюрко-тунгусскую изоглоссу (пратюрк. **ejekü* 'бок, верхнее ребро' ~ пратунг. **piKen* 'грудная кость') [EDAL 2003: 1141]. Следовательно, якутский апеллятив *ойоѳос* является архаичным элементом якутской оронимической системы, восходящим к общеалтайскому лексическому фонду. Его значение 'боковая сторона, склон' является прямым продолжением древнетюркской семантики, утраченной в большинстве других тюркских языков.

Несмотря на невысокую частотность в составе оронимов (зафиксировано всего пять единиц), апеллятив хорошо известен и активно употребляется в живой речи как географический термин. В оронимии апеллятив реализуется в основной форме (а., хр. *Ойоѳос*) и с аффиксом принадлежности (а. *Таатта Ойоѳоһо*). Эта модель является наиболее показательной и частотной. Функционирование *ойоѳос* в качестве продуктивного географического термина, в том числе в грамматикализованной форме изафета, свидетельствует о глубокой интеграции этого древнего соматизма в якутскую языковую картину мира и его ключевой роли в структурировании пространства по боковой оси.

Сүрэх. Соматизм *сүрэх* 'сердце' является одним из наиболее продуктивных и семантически богатых метафорических апеллятивов в якутской оронимии. Он функционирует в двух основных значениях:

— 'мыс округлой формы; мыс, выступающий между двумя сходящимися реками' [СТЛ 2019: 218]. Данное значение основано на функционально-топологическом сходстве: сердце как центральный, выдающийся орган → мыс как часть суши, выдающаяся в водное пространство и часто находящаяся в точке схождения двух рек;

– ‘гора, стоящая обособленно, отдаленная от основной массы’ [Там же: 218]. Это значение мотивировано символическим признаком (сердце как нечто отдельное, центральное, уникальное).

Лексема восходит к пратюркской форме **jürék* ‘сердце’ [СИГТЯ 2001: 276]. В древнетюркском языке *jüräk, žüräk* ‘сердце’ [ДТС 1969: 286, 643].

Метафора «сердце → элемент рельефа» обнаруживает общность между тюркскими языками Сибири, киргизским и монгольскими языками [Стручкова 2023: 936]. Однако при сравнении выявляются как общие черты, так и специфика семантического развития в якутском языке (см. табл. 2).

Таблица 2

Семантика апеллятива «сердце» в тюркских и монгольских языках

Язык	Апеллятив	Орографическое значение	Акцент
Якутский	<i>сүрэх</i>	‘мыс; изолированная гора’	Форма, положение, функция
Алтайский	<i>jүрек</i>	‘небольшой холм’	Форма, размер
Тувинский	<i>чурек</i>	‘небольшой лесистый холм’	Форма, размер, покрытие
Киргизский	<i>жүрөкчө</i>	‘небольшая возвышенность’	Форма, размер (уменьш. форма)
Монгольский	<i>зүрх</i>	‘гора с овальной, заостренной вершиной’	Форма
Бурятский	<i>зурхэн</i>	‘гора с овальной, заостренной вершиной’	Форма

Как показано в Таблице 2, признак формы (овальная, заостренная форма) является универсальным для всех языков. Признак размера (‘небольшой’, ‘холм’) доминирует в алтайском, тувинском и киргизском языках. Якутская специфика заключается в развитии функционально-топологического значения (‘мыс’),

отсутствующего у других народов, и акценте на изолированности объекта ('стоящая обособленно'), что сближает ее с монгольской традицией, но придает более абстрактный, символический характер.

В якутской оронимии апеллятив отличается высокой активностью и представлен в разнообразных структурных моделях: как в основной форме (а. *Сүрэх*), так и в составе сложных названий (а. *Сүрэх Алаас*, кряж *Сүрэх Дьаангы*, г. *Сүрэх Таас*), а также с аффиксом обладания -лээх (г. *Сүрэхтээх*).

Тамах. Соматизм *тамах* 'вход из полости рта в глотку, зев; полость зева' в якутской географической терминологии функционирует в значениях, связанных с концептом 'входа, начала, места соединения': 1) устье реки, речки; губа; 2) начало чего-л. (напр., аласа) или межа между ними [БТСЯЯ Х: 192–193]. Данный перенос основан на функционально-топологическом сходстве: зев как входное отверстие, соединяющее полость рта с пищеводом → устье как место входа реки в другую реку / море или начало / граница сухопутного объекта.

Лексема имеет общетюрское происхождение [Там же: 193]. Слово в разных фонетических вариантах *тамах* ~ *тамак* ~ *дамак* в значении 'горло, глотка' встречается в тюркских языках. Однако наиболее прямое и важное для сравнения свидетельство содержится в древнетюркском языке: форма *tamya* зафиксирована со значениями '1) рукав, приток реки; небольшая речка, ручей; 2) залив' [ДТС 1969: 530].

Несмотря на ограниченное количество зафиксированных оронимов (а. *Буом Тамах*, а. *Ыарҕалаах Тамах*), сам факт их наличия, а также четкая семантическая специализация термина в лексикографических источниках свидетельствуют об устойчивости данной метафоры в якутской языковой картине мира.

2.1.1.5.1.3 Наименования частей тела и органов животных, употребляемых в оронимии

Кутурук. Соматизм *кутурук* 'хвост' в якутской оронимии реализует комплекс значений, основанных на пространственных и топологических характеристиках исходного понятия:

– ‘конечная, хвостовая, задняя часть географического объекта’ [СТЛ 2019: 130]. Данное значение является доминирующим и основано на локативном признаке (хвост как задняя, концевая часть тела);

– ‘длинный, узкий географический объект’ (напр., отрог, мыс). Это значение мотивировано признаком формы (удлиненная, узкая форма хвоста) [Там же: 130];

– ‘отрог горы, горки’ [ТСЯЯ III: 566], что сочетает оба признака: положение (ответвление) и форму.

Лексема является исконно тюркской и восходит к пратюркской форме **kudruk* ‘хвост’ [EDAL 2003: 814], что подтверждается др.-тюрк. *kudruk*, *кидурук* ‘хвост; задняя часть, зад’ [ДТС 1969: 463].

Проведенный анализ выявляет интересную ареальную специфику. Несмотря на общетюркское происхождение лексемы, ее орографическое употребление в качестве апеллиатива, по имеющимся данным, является уникальным для якутского языка и не имеет прямых параллелей в других тюркских языках. Обнаруживается яркая типологическая параллель при полном лексическом несовпадении. В монгольских языках (п.-монг. *segül*, монг. *сүүл*, бур. *һуул*, калм. *сүүл*) слово ‘хвост’ также развило орографическое значение, но со специфической семантикой ‘северный склон’ (ср.: оронимы *Наран сүүл* ‘солнечный северный склон’, *Элсэн сүүл* ‘песчаный северный склон’ [Равдан 2008: 58]). В монгольских языках метафора приобрела культурно-обусловленный символический характер. Северный склон, как правило, более холодный и тенистый, ассоциируется с «хвостовой», задней, неблагоприятной стороной, в то время как южный – с «головной», солнечной.

Наличие типологической параллели в монгольских языках при полном отсутствии лексических соответствий подчеркивает, что данная метафора является естественным и продуктивным способом концептуализации пространства в регионе, однако каждый язык реализовал ее по-своему: якутский – через прямое топологическое сходство, монгольский – через сложную культурно-ландшафтную символику.

В якутской оронимии апеллятив функционирует в качестве полноценного термина для номинации частей рельефа: а. *Кутурук Алааһа*, мыс *Кутурук Быраан*, а., лог *Кутуруктаах*, *Үс Кутуруктаах* и др.

Муос. Соматизм *муос* ‘рог’ в якутской оронимии демонстрирует ярко выраженную семантику, основанную на визуальном сходстве. В Словаре топонимной лексики он представлен значениями: ‘отрог’, ‘мыс’, ‘утес’, ‘остроконечная вершина горы’, ‘остроконечная выдающаяся часть географического объекта’ [СТЛ 2019: 164]. Данный перенос мотивирован характерной формой рога – удлиненного, острого, выступающего объекта.

Разнообразие значений апеллятива (‘отрог’, ‘мыс’, ‘вершина’, ‘утес’) указывает на то, что при номинации учитывается комплекс признаков:

- признак формы: ‘остроконечный’, ‘выдающийся’;
- признак положения: ‘крайний’, ‘периферийный’ (для мыса), ‘верхний’ (для вершины), ‘боковой’ (для отрога);
- признак материала: ‘каменистый’, ‘скальный’ (для утеса).

Следовательно, конкретное значение *муос* в каждом орониме определяется доминированием одного из этих признаков, что свидетельствует о его семантической гибкости и развитой полисемии.

Лексема восходит к пратюркской форме **bujjur* ‘рог’ [EDAL 2003: 948], что подтверждает ее исконно тюркское происхождение. Несмотря на общетюркскую этимологию, использование данной лексемы в качестве орографического термина засвидетельствовано только в якутском языке и не находит прямых соответствий в других тюркских идиомах.

Апеллятив отличается высокой продуктивностью и участвует в образовании следующих оронимов: мыс *Муос*, гмыс *Муостаах*, г. *Муостаах Таала*, мыс *Муостаах Тумула*, *Муостар Тумустара* и др.

Саал. Якутский соматизм *саал* ‘жировое отложение на загривке лошади; загривок’ в орографической терминологии приобрел значения, связанные с концептом ‘наиболее возвышенной и ровной части’: ‘наиболее возвышенная и ровная часть поля’, ‘вершина холма, горы’, ‘гребень, самая возвышенная, верхняя

часть горы, булгуннях, релки' [СТЛ 2019: 197; БТСЯЯ VIII: 71]. Образность метафоры подчеркивается устойчивым выражением *дьогдьюор саала* – самый центр чего-либо, возвышающийся над чем-либо (обычно о возвышенности) [ТСЯЯ III: 385].

Лексема восходит к общетюркскому корню: ср. др.-тюрк. *jal* 'грива, загривок' [ДТС 1969: 227]. Современные соответствия широко представлены в современных тюркских языках: каз. *жал*, шор. *чал*, тув. *чал* 'грива; загривок; жировой слой', кирг. *жал*, чаг. *йал* 'шея; грива; жир' [ЭСТЯ IX: 252; БТСЯЯ VIII: 71].

Ключевой интерес представляет географическая семантика данного апеллятива, которая демонстрирует общую модель метафоризации в тюркских и монгольских языках.

В азербайджанском, казахском (ср.: азерб. *йал*, каз. *жал* 'горы, перевал' [СИГТЯ 2001: 146]) и, особенно показательно, в хакасском языке данное слово функционирует как полноценный орографический термин. В хакасской оронимии *чал* означает 'гребень удлинённых по горизонтали гор' (г. *Хайалыг чал* 'скалистая грива', г. *Ортыгы чал* 'средний гребень', г. *Тогыр чал* 'поперечный гребень') [Сунчугашев 1999: 73]. Это указывает на развитие значения по топологическому признаку (сходство удлинённой гривы и горного гребня).

Обнаруживается прямая лексическая параллель с иной лексемой, но идентичная семантика. Монг. *шил*, бур. *шэлэ*, калм. *шил*, ойр. *шил* 'затылок, загривок' развили значения 'гребень горного хребта', 'плоская возвышенность', 'плоскогорье', 'пригорок', 'альпийское пастбище', 'горный луг, горное пастбище' [БАМРС IV: 353; БурРС II: 635; КалмРС 1977: 672; Тодаева 2001: 454]. Это подтверждает универсальность самой модели метафорического переноса.

Возникновение орографических значений у слова *саал* основано на синтезе нескольких признаков:

- признак положения: загривок расположен в верхней части шеи;
- признак формы: жировое отложение на загривке имеет удлинённую, выпуклую, округлую форму;

– вторичный признак: плотность, жирность сала могла ассоциироваться с плодородием возвышенной части пастбища.

Несмотря на семантическую четкость, апеллятив зафиксирован в ограниченном количестве названий, что может свидетельствовать о его узкой терминологической специализации или архаичности: г. *Саал Хайа*, мыс *Уйалаах Саала*.

Тумус. Соматизм *тумус* ‘клюв, нос’ является одним из наиболее продуктивных и семантически прозрачных метафорических апеллятивов в якутской оронимии. Он последовательно используется в значениях: ‘мыс; горный, лесной, островной мысок; лесистый выступ’ [СЯЯ III: 2811; СТЛ 2019: 247], ‘край мыса, выступ; выступающий мысом’ [БТСЯЯ XI: 108]. Данный перенос является классическим примером метафоры, основанной на визуальном сходстве: клюв как выступающая, заостренная часть тела → мыс как выступающая, удлиненная часть суши.

Лексема имеет общетюркское происхождение: ср. с др.-тюрк. *tumšiq* ~ *tumšiq* ‘клюв’ [ДТС 1969: 585].

Метафора «клюв / нос → мыс» является универсальной для всего тюркского мира. Проведенный анализ выявляет практически полное семантическое и функциональное тождество якутского апеллятива с его аналогиями в других тюркских языках: алт. *тумчук* ‘нос, клюв; выступ горы, маленькое возвышение’, каз. *тумсыкъ* ‘клюв, морда; крутой удлиённый выступ возвышенности, мыс’, кирг. *тумишук* ‘клюв, морда; мыс, спускающийся вниз, продолговатый выступ предгорья’, тув. *думчук* ‘нос; клюв; хобот; уступ (горы)’, уйг. *тумишук* ‘морда, рыло; клюв; мыс’; хак. *тумзух* ‘нос, клюв, хобот; мыс’; шор. *тунчуқ* ‘клюв птицы; губа; мыс’ [Молчанова 2018: 123]. Повсеместное распространение данной метафоры подтверждает ее устойчивость. Она основана на одном из самых наглядных и простых для восприятия признаков – ‘выступающей форме’.

Апеллятив *тумус* отличается исключительно высокой активностью в якутской оронимии (зафиксировано свыше 50 названий), что свидетельствует о его полной интеграции в оронимическую систему. Он участвует в образовании

следующих оронимов: г. *Тумус*, г. *Дьэллигэстээх Тумса*, мыс *Мэнгэ Тумса*, мыс *Баттах Тумса*, мыс *Кылаабыһа Тумса*, мыс *Оболоох Тумса*, пол. *Сыһыы Тумса*, г. *Тумустаах*, мыс *Муостар Тумустара* и др. Высокая продуктивность *тумус* в якутской оронимии может быть также косвенно связана с обилием рек и, следовательно, мысов в ландшафте Якутии.

Уорба. Соматизм *уорба* ‘спина, спинной хребет; шкура вдоль хребта скотины’ в якутской орографической терминологии реализует комплекс значений, объединенных семантикой ‘верхней, протяженной поверхности’:

– ‘верхняя сторона, верхняя поверхность географического объекта’ [Монастырёв 1993: 194; СТЛ 2019: 266]. Это значение является прямым и наиболее частотным;

– ‘далекий горизонт широких, открытых мест, поверхность больших глубоких водоемов’ [БТСЯЯ XII: 215–216]. Данное значение представляет собой семантическое развитие, где идея протяженной поверхности абстрагируется до визуального восприятия линии горизонта или водной глади.

Перенос основан на синтезе нескольких признаков:

- локативный признак: спина расположена на верхней стороне тела;
- топологический признак: спинной хребет представляет собой протяженную, линейную, выпуклую форму;
- вторичный признак: ценность шкуры вдоль хребта (*уорба*) могла способствовать переносу значения на важные, главные элементы ландшафта.

Лексема общетюркского происхождения: ср. с др.-тюрк. *oƣurqa* ‘спинной позвонок’ [ДТС 1969: 365]. Ее фонетические варианты *орха* ~ *оорга* ~ *оорба*... с значениями ‘позвонок; спина; гребень (горы)’ представлены в других тюркских языках [БТСЯЯ XII: 216], что подтверждает древность и общетюркский характер исходной метафоры.

Апеллятив демонстрирует устойчивую продуктивность преимущественно в номинации аласов, что указывает на его связь с ключевыми элементами якутского ландшафта. Он функционирует самостоятельно (а. *Уорба*) и в составе сложных названий (а *Уорбалаах*, *Алаас Уорбалаах*, *Балабан Уорбалаах*) и др.

2.1.1.5.2 Бытовая лексика

Важным источником формирования оронимической лексики в якутском языке выступает бытовая лексика, подвергшаяся семантической трансформации по механизму метафорического переноса. Наименования предметов утвари и элементов жилища, обладающие четко очерченными формами и функциями, закономерно проецируются на элементы рельефа, демонстрирующие топологическое или функциональное сходство.

Баџарах. Устаревшее слово *баџарах*, обозначавшее ‘низкий горшок с широким верхом (обычно для молока)’ [ТСЯЯ II: 109], в современной якутской оронимии функционирует в переносном значении ‘круглая довольно обширная низменность, поле, луг округлой формы’ [Там же: 109; СТЛ 2019: 61]. Данный метафорический перенос основан на визуальном сходстве: круглая, чашеобразная форма сосуда уподобляется котловинной форме понижения в рельефе.

Происхождение слова является сложным и служит предметом научной дискуссии, выявляющей разные возможные пути метафоризации.

Багдарыын Сүлбэ соотносит як. *баџарах* с монг. *бага* и бур. *бага* со значением ‘малый, небольшой’ [СТЛ 2019: 61]. В этом случае семантика ‘небольшая низменность’ могла возникнуть напрямую от признака размера, минуя стадию ‘сосуд’.

Исследователи [Данилова, Попова 2021] вслед за Г. В. Поповым возводят якутское слово к пратюркской основе **bakir* ‘медь; налет, патина’ [EDAL 2003: 349]. В этом случае семантика развивалась по универсальной для тюркских языков модели ‘материал → предмет из этого материала’. Ср.: тюрк. *бакыреч* ‘медь, медный котел, ковш’ [ЭСТЯ II: 46, 277]. Цепочка метафоризации здесь длиннее: ‘медь’ → ‘медный сосуд’ → ‘сосуд вообще’ → ‘форма сосуда’ → ‘низменность’.

Независимо от решения этимологического спора, сам факт метафоризации ‘сосуд’ → ‘низменность’ является глубоко значимым. Он отражает бытовой и хозяйственный опыт носителей языка: чашеобразная форма хозяйственного сосуда стала эталоном для описания формы естественной котловины в ландшафте. Это

яркий пример опредмечивания пространства через призму повседневной материальной культуры.

Апеллятив зафиксирован в пяти оронимах, где выступает как в качестве самостоятельного названия, так и в составе сложных образований: а., дол., булг. *Баҕарах*, г. *Баҕарах Хайа*, а. *Илин Толоон Баҕараҕа*.

Кытах. Якутское слово *кытах*, обозначающее ‘большую деревянную чашу’ [БТСЯЯ V: 394], в оронимической системе функционирует в метафорическом значении ‘низменное место округлой формы, заполняемое талой водой и высыхающее к осени’ [СТЛ 2019: 144]. Данный перенос является классическим примером метафоры, основанной на визуальном и функциональном сходстве: чаша как сосуд, вмещающий жидкость → природная котловина, вмещающая и удерживающая талые воды. Носители языка точно подметили и закрепили в названии сезонный гидрологический режим конкретной формы рельефа – заполнение талыми водами и последующее высыхание. Это не просто ‘низменность’, а низменность с конкретными характеристиками.

Исследователи сравнивают якутское *кытах* с древнетюркским *хатынг*, которое зафиксировано в значении ‘сосуд, кувшин’ [ДТС 1969: 453]. Если данная этимологическая связь верна, то это указывает на глубокую древность самой лексемы и метафорической модели ‘сосуд → котловина’ в традиции номинации.

Апеллятив демонстрирует высокую продуктивность и активность в образовании оронимов. Он функционирует самостоятельно (а. *Кытах*, а. *Кытахтаах*), а также в составе сложных оронимов (а. *Удаҕан Кытаҕа*, *Дьонкуудай Кытахтааҕа*).

Сыһаһа. Слово *сыһаһа*, обозначающее в бытовой лексике ‘возвышенную закраину нар, сделанную из массивных бревен’ [БТСЯЯ IX: 444], в оронимической системе приобрело терминологическое значение ‘возвышенная закраина, уступ в виде ступенек на склоне горы или берега’ [Там же: 445; СТЛ 2019: 221]. Метафора основана не на простом внешнем сходстве, а на сходстве функции и конструкции: закраина нары как конструктивный элемент, обрамляющий и ограничивающий

лежанку → уступ как природный элемент, обрамляющий и ограничивающий склон или алас.

Особый интерес представляет специализированный термин *сынаһа алаас* – ‘алас длинной продолговатой формы, имеющий с двух сторон возвышенности (в отличие от обычных, круглых)’ [ТСЯЯ I: 391–392]. Это значение указывает на высокую степень терминологизации слова.

Происхождение слова является сложным. Согласно гипотезе, выдвинутой Г. В. Поповым, якутское *сынаһа* имеет исконно тюркское происхождение и восходит к пратюркской основе **jān* ‘сторона, бок’ [EDAL 2003: 477] (ср. др.-тюрк. *йан* ‘сторона, бок; бедро’ [ДТС 1969: 231]). Реконструируемая цепочка фонетического развития выглядит следующим образом: тюрк. *йан* ‘сторона’ + аффикс *-һа* → *йанаһа* > *санаһа* > *саһаһа* > *сынаһа* [Попов 1986: 122].

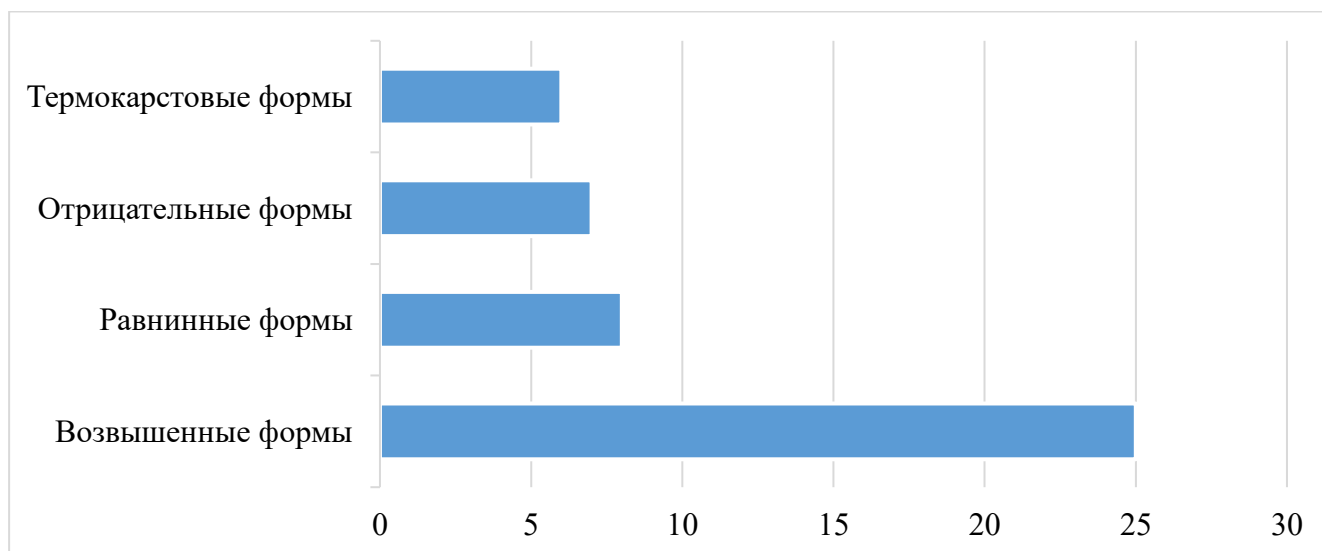
Апеллятив демонстрирует устойчивую продуктивность исключительно в номинации аласов, что подчеркивает его тесную связь с ключевым элементом якутского ландшафта. Он функционирует самостоятельно (а. *Сынаһа*, *Сынаһалаах*) и в составе сложных оронимов (а. *Сынаһа Алаас*, *Сынаһа Аппата*, *Сынаһалаах Алаас*) и др.

Вывод по параграфу 2.1.1

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ позволяет сделать следующие выводы о пласте тюркских по происхождению орографических апеллятивов в якутской оронимической системе.

В ходе исследования выявлен 81 апеллятив тюркского происхождения, участвующий в образовании якутских оронимов. Данный пласт лексики является количественно доминирующим и составляет семантическое ядро якутской оронимии. Для наглядности распределение по группам представлено на Диаграмме 2.

**Распределение апеллятивов общетюркского происхождения
по семантическим группам**

Как видно из Диаграммы 2, абсолютное большинство терминов служит для номинации собственно возвышенностей и их элементов, что отражает приоритетность данной категории в освоении пространства.

Исследуемые апеллятивы в составе оронимов демонстрируют сложную и развитую семантическую структуру. Их значения охватывают широкий спектр понятий: от обширных степей и долин (*сыһыы*, *чөл*) до небольших лесных полян и лужаек (*алынах*, *куоһаҕас*), а также включают элементы, связанные с гидрографией (*кытыл* ‘берег’, *таала* ‘обрыв’). Значительная вариативность значений в говорах якутского языка (напр. *алыы* – от ‘поляны’ до ‘болотистого места’, *таала* – от ‘степи’ до ‘обрыва’ и ‘солончака’) напрямую обусловлена локальными ландшафтными особенностями разных регионов Якутии, что подтверждает тесную связь языка и природной среды.

Апеллятивы демонстрируют крайне неравномерную продуктивность. Можно выделить три четкие группы:

- высокопродуктивные апеллятивы: небольшая группа апеллятивов образует абсолютное большинство оронимов. К ним относятся: *алаас*, *хайа* (>250 оронимов), *таас* (>140 оронимов), *тумул* (>80 оронимов), *сыһыы* (> 60 оронимов).

Эти единицы являются основными орографическими апеллятивами и выступают в роли определяемого компонента в составе сложных названий;

- апеллятивы средней продуктивности: ряд апеллятивов представлен в нескольких или десятках названий (*алыы, кырдал, сис, дьаар, тумуһах, хонуу*);
- непродуктивные / единичные апеллятивы: значительная часть апеллятивов зафиксирована в одном-двух оронимах (*быардыйа, чыпчаал, энгийэ, кирбэй, таскыл, кэрискэ, өнкөөт*). Их наличие свидетельствует о богатстве и диалектной вариативности терминосистемы, но их роль в образовании оронимов минимальна.

Важнейшим фактором продуктивности апеллятива в составе оронимов является его хозяйственная значимость. Такие понятия, как *алаас, сыһыы* – главные сенокосные угодья – были важными для жизнедеятельности народа, что и закрепило их в большом количестве названий. Этимология ряда терминов (*хонуу* от *хон-* ‘ночевать’) указывает на глубокую культурно-историческую связь, отражающую особенности кочевого быта предков якутов.

Для тюркских апеллятивов характерно образование сложных терминов, уточняющих признак объекта:

- по свойствам: *кыһыл сыыр* ‘песчаная гора’, *хара сыыр* ‘обрывистый берег’;
- по составу: *таас хайа* ‘каменная скала’, *мас хайа* ‘лесистая гора’;
- по форме: *күкүр хайа* ‘отвесная гора’, *суулар хайа* ‘крутая гора’, *бүөр алаас* ‘небольшая круглая поляна, примыкающая к большой’.

Это показывает глубокую интеграцию данных лексем в живую терминологическую систему языка.

Большинство апеллятивов восходит к общетюркскому фонду (или даже алтайскому лексическому фонду) и имеет надежные параллели в древнетюркских памятниках (*qaja, taš, yar, qir, art, qonaγ, jazy*) и практически во всех современных тюркских языках. Некоторые из них (напр., *таала*) также имеют параллели в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, что указывает на их исключительную древность и возможное происхождение из эпохи алтайской

общности. Это свидетельствует о сохранении в якутской оронимической системе древнейшего пласта орографической терминологии. Для части апеллятивов (напр., *хайа*) остается дискуссионным вопрос о заимствовании из монгольских языков или общем алтайском наследии, однако их прочная интеграция в тюркскую систему не вызывает сомнений.

Апеллятивы, развившие специфически якутские значения или образованные на якутской почве уже после обособления языка, представляют собой особый пласт лексики, сформированный под влиянием природных условий и внутренних законов развития языка. Их можно разделить на несколько групп.

1. Семантическая специализация общетюркских корней:

сис: общетюрк. *jîş* ‘горы, покрытые лесом; чернь’ → в якутском *сис* семантически сместилось в сторону ‘горная цепь, возвышенность, лес на возвышенности’, утратив прямой смысл ‘лесистость’ как основной признак.

2. Словообразование на якутской почве от общетюркских основ:

кырдал: образовано от общетюрк. *kîr* ‘гора, степь, возвышенность’, обозначая ‘ровную возвышенную сухую полосу на поле, сенокосном уголье’.

3. Номинация реалий криолитозоны:

алаас: апеллятив, обозначающий ‘пологосклонную и плоскодонную ложбину овальной формы’ – яркий пример формирования специфической лексики для форм рельефа, отсутствующих на юге. Его появление напрямую связано с условиями вечной мерзлоты.

Ряд терминов (*алаас*, *тумул*) не только называет объект, но и несет важную культурную нагрузку, связанную с религиозно-мифологическими представлениями саха о сакральной географии и духах-хозяевах местности.

Анализ метафорических апеллятивов тюркского происхождения в якутской оронимии позволяет сделать следующие выводы:

Ядро метафорической номинации рельефа в якутском языке составляет лексика, восходящая к общетюркскому фонду. Такие апеллятивы, как *бас* ‘голова’ → ‘вершина’, *атах* ‘нога’ → ‘конец, низ’, *мурун* ‘нос’ → ‘мыс’, *сүрэх* ‘сердце’ →

‘одинокая гора’, демонстрируют семантическую устойчивость, подтверждая глубокую генетическую связь якутской оронимии с другими тюркскими языками.

При сохранении общетюркской основы якутский язык продемонстрировал самостоятельное и семантическое развитие многих апеллятивов:

- развитие оценочных значений (*атах* ‘нога’ → ‘худший, периферийный участок’, что, по всей видимости, является результатом влияния монгольских языков);
- семантическая дивергенция (*мэйии* ‘мозг’ → ‘вершина’ в як. и ‘топкое место’ в каз.);
- внутренние метафорические инновации, не имеющие аналогов в других тюркских языках: апеллятивы (*куртах* ‘желудок’ → ‘укромный придаток аласа’, *кутурук* ‘хвост’ → ‘длинный отрог’) демонстрируют, что якутский язык не только сохранял и переосмыслял общее наследие, но и самостоятельно создавал новые метафорические модели на основе детального наблюдения за местным ландшафтом и хозяйственной деятельностью.

Выявлены универсальные процессы, лежащие в основе метафорических переносов:

- локативный признак (положение органа в теле → положение в пространстве);
- топологический признак (форма органа / предмета → форма элемента рельефа);
- функциональный признак (функция органа / предмета → функция в ландшафте).

Пласт бытовой лексики (*кытах* ‘чаша’ → ‘котловина’, *баҕарах* ‘сосуд’ → ‘низменность’) имеет меньшую продуктивность, но большую культурную специфичность.

Таким образом, выявленный пласт тюркских апеллятивов представляет собой архаичный, структурно и семантически организованный пласт лексики, являющийся основой якутской оронимической системы. Его состав, продуктивность и структурные особенности ярко свидетельствуют о глубоких

исторических связях якутского языка с другими тюркскими языками и об общих моделях описания рельефа.

2.1.2 Апеллятивы – заимствования из монгольских языков

По итогам сравнительно-сопоставительного анализа в якутской оронимии выявлено 62 орфографических апеллиатива монгольского происхождения. Классификация апеллиативов по обозначаемым формам рельефа включает пять групп: 1) возвышенные формы; 2) равнинные формы; 3) отрицательные формы; 4) термокарстовые формы; 5) метафорические апеллиативы.

2.1.2.1 Апеллиативы, служащие для обозначения возвышенных форм рельефа

Классификация апеллиативов осуществляется аналогично процессу классификации апеллиативов тюркского происхождения по следующим параметрам: 1) наименования возвышенностей разных типов в зависимости от их высоты; 2) наименования возвышенностей по форме; 3) наименования возвышенностей по наличию / отсутствию растительности; 4) наименования возвышенностей по месту расположения; 5) наименования частей возвышенности.

2.1.2.1.1 Наименования возвышенностей разных типов в зависимости от их высоты

Барыа. Апеллиатив *барыа* (в огубленном варианте – *боруо*), зафиксированный в говорах (абый., жиг., коб., нам., ханг.) со значением ‘возвышенность, возвышенное место, видимое издалика’ [СТЛ 2019: 68] представлен в оронимии Якутии единичным примером – ороним мыс *Барыа*.

Большинство исследователей сходятся во мнении о монгольском происхождении данного слова [Иванов 2001: 25]. Эта гипотеза находит убедительные фонетические и семантические параллели: бур. *боори* ‘возвышенность, возвышенное место; подножие горы’ [БурРС I: 141], монг. *bori* ‘склон; скат; спуск горы’ [Казакевич 1934: 16]. Ключевым аргументом в пользу монгольского источника служит регулярное фонетическое соответствие: переход

монгольского краткого гласного в якутский дифтонг, что демонстрирует общую тенденцию в освоении монголизмов.

При этом обнаруживаются и параллели в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *бор* ‘горка, покрытая стлаником’, *борй* ‘каменная сопка; возвышенность, покрытая горелым лесом’, орок. *бōри* ‘возвышенность’ [ССТМЯ I: 95]. В данном случае лексема могла быть заимствована в тунгусо-маньчжурские языки из монгольских или наоборот. Однако доминирующей и наиболее аргументированной остается версия о монгольском заимствовании в якутский язык, учитывая как фонетические законы, так и ареал распространения слова в якутских говорах.

Бэһэл. Апеллятив *бэһэл*, восходящий к прилагательному *бэһэл* ‘низкорослый, отставший в росте’, функционирует в якутской оронимии для обозначения невысоких гор [СТЛ 2019: 84]. Его происхождение связано с лексемой *бэһэрик* ‘низкорослый, малорослый о лесе, деревьях’, что, по мнению Ст. Калужинского, указывает на возможную первоначальную семантику признака растительности, перенесенного затем на характеристику рельефа [Калужинский 1978: 84].

Этимологически данное слово возводится к монгольским языкам, где обнаруживаются прямые параллели: стп.-монг. *besereg* и халх. *бэсрэг* в значении ‘небольшой, удобный’ [ЭСМЯ I: 86].

В якутской оронимии апеллятив *бэһэл* используется исключительно в своей основной форме, выступая либо в роли определяемого (г. *Кыра Бэһэл*, *Орто Бэһэл*, *Улахан Бэһэл*), либо в функции определяющего прилагательного (г. *Бэһэл Хайа*).

Добуун. Апеллятив *добуун*, известный в якутском языке со значением ‘сухая возвышенность, местность’, в современных словарях помечен как устаревший [ТСЯЯ III: 136]. Однако в оронимической системе он сохранился, приобретая более специализированное значение ‘возвышенное, редко заливаемое место; пригорок; увал’ [СТЛ 2019: 89]. В якутской оронимии он зафиксирован лишь в одном сложном орониме – холм *Хонкуйа Добууна*.

Якутский апеллятив напрямую сопоставим с бур. *добуу(н)*, *добуун* ‘возвышенное место, холм, бугор; курган’ [БурРС I: 284]. Более широкий анализ

орографической лексики монгольских языков выявляет обширное гнездо дериватов, восходящих к корням **dob ~ tob ~ dab* ‘нечто выпуклое’, объединенные общей семемой ‘холм’: п.-монг. *dobu, tobu* ‘бугор, холмик’ [Kowalewski 1849: 1818], монг. *дов* ‘бугор, холмик; взгорье; кочка’ [БАМРС II: 44], п.-монг. *tobung*, монг. *товон* ‘бугорок’ [БАМРС III: 210], п.-монг. *dobučay*, монг. *довцог* ‘возвышенное место; бугор, холмик, пригорок; курган’ [БАМРС II: 45], бур. *добо* ‘холм, бугор; курган’, *добосог* ‘холмик, бугорок’ [БурРС I: 284], калм. *довун* ‘холмик, бугорок, возвышенное место; кочка’ [КалмРС 1977: 202], в Словаре языке ойратов Синьцзяна: *дов, довуун* ‘холмик, пригорок; возвышенное место’, *довоц* ‘холмик, бугорок; кочки’ [Тодаева 2001: 126–127].

Оргул. Апеллятив *оргул* в литературном якутском языке имеет значение ‘небольшое возвышение, не затопленное водой (во время весеннего разлива)’ [БТСЯЯ VII: 319]. Однако диалектные данные демонстрируют существенное семантическое разнообразие и конкретизацию этого понятия: 1) (алл.) ‘возвышенность; возвышенное место’; 2) (есей.) ‘высокий, покрытый лиственничным лесом, остров посередине озера’ [ДСЯЯ 1976: 188]; 3) (инд.) ‘невысокий курган’; 4) (мег.-канг.) ‘бугорок у озера’ [ДСЯС 1995: 145].

Особый интерес представляет продуктивность данной основы в диалектах, где от нее образованы слова, расширяющие семантическое поле ‘возвышенности’: *оргулаат сир* (сунт.) ‘возвышенность’ [ДСЯС 1995: 145] и *оргунньах* (мом.) ‘возвышенность, возвышенное место’ [Там: 188].

Слово *оргул* монгольского происхождения: ср. с монг. *оргил* ‘вершина, пик’ [БАМРС III: 671]. Примечательно, что при заимствовании произошла спецификация значения: от общего понятия ‘вершина’ к более частному ‘возвышенность, незатопляемое возвышение’, что отражает адаптацию термина к местным географическим реалиям.

В оронимии апеллятив *оргул* функционирует как в своей основной форме (возв. *Оргул*), так и в форме прилагательного с аффиксом обладания *-лаах* (поле *Оргуллаах*).

Лооглоор. Апеллятив *лооглоор* зафиксирован в значении ‘холм, холмик, бугор’ [СТЛ 2019: 154] и представлен в оронимии единственным оронимом – г. *Лооглоор*. В разговорной речи встречается фонетический вариант *логлоор* со сходной семантикой ‘выпуклость земли, маленький бугорок’ [БТСЯЯ VI: 112].

Данные слова восходят к образному глаголу *логлой-*, описывающему способ возвышения объекта: ‘выделяться своей довольно массивной при достаточной высоте фигурой; возвышаться холмообразно’. Прямая параллель прослеживается в монгольском языке: ср. с монг. *логлойх-* ‘быть толстеньким, пухленьким’ [БТСЯЯ VI: 112], что подтверждает общую семантику округлой, выпуклой формы, легшую в основу номинации.

Томтор. Апеллятив *томтор* в якутском языке имеет значение ‘пригорок, возвышенность, холм’ [БТСЯЯ X: 445]. Э. К. Пекарский и Багдарыын Сүлбэ уточняют его значение как ‘возвышенность на поле’ [СЯЯ III: 2723; СТЛ 2019: 240], что указывает на локализацию объекта.

От данного термина образован дериват *томтороот* со значением ‘гряда холмов, кряж’ [СТЛ 2019: 445], демонстрирующий развитие семантики от единичного объекта к совокупности.

Происхождение апеллятива связано с глаголом *томтой-* ‘быть казаться выпуклым, округлым, возвышаться’ [БТСЯЯ X: 444; ЯРСС 2023: 176]. Наиболее убедительной представляется версия о монгольском происхождении слова: ср. с стп.-монг. *tombuyi-*, халх. *томбой-* ‘становиться выпуклым, выпячиваться’ [ЭСМЯ III: 171], калм. *томба-* ‘становиться выпуклым (выступающим над поверхностью); выпячиваться’, бур. *томбой-* ‘быть овальным (или трубочкой)’ [Рассадин 2019: 316]. Данный глагол был заимствован в тюркские языки: казахское *томпай-* ‘возвышаться, становиться выпуклым’ считается монголизмом [Рассадин 2019: 316], а в киргизском существует *томтой-* ‘пухнуть, вздуться’ [КиргРС II: 248], что свидетельствует о широком ареале распространения данной лексемы.

В якутской оронимии апеллятив *томтор* участвует в образовании 11 оронимов, таких как а., возв. *Томтор*, холм *Кытыы Томтор*, возв. *Халарыктаах Томтор*, *Харыйалаах Томторо* и др.

Чохчо. Аппеллятив *чохчо* в Словаре топонимной лексики зафиксирован в трех значениях: 1) куча, груда; 2) место, торчащее бугром; 3) булгуннях [СТЛ 2019: 306]. Он участвует в образовании ряда оронимов, таких как бугор *Чохчо*, г. *Чохчоку*, ск. *Чохчоку*, бугор *Чохчур*, холм *Чохчур*.

Происхождение слова является монгольским [Kaluzynski 1961: 134]. Прямые параллели обнаруживаются в стп.-монг. *ᠵоуᠰа*, халх. цогц, бур. согсо, калм. цокц со значением 'куча, груда' [ЭСМЯ I: 149]. Семантика возвышенности, выраженная в якутском аппеллятиве, находит продолжение в современном монгольском прилагательном *цогцгор* 'круто поднимающийся (о горе)' [БАМРС IV: 257], что подтверждает общность орографической семантики у данного слова.

Чочума. Аппеллятив *чочума* функционирует в орографии со значением 'небольшое возвышение, неровность на поверхности земли; бугорок' [СТЛ 2019: 306]. Он представлен в оронимах г. *Чочума*, *Чочума Хайата*.

Предполагается, что якутское *чочума* происходит от образного глагола *чочой*- 'возвышаться, выситься над чем-л., торчать' посредством аффикса *-ма*, который по мнению С. А. Иванова, является отглагольным аффиксом имен прилагательных в бурятском языке [Иванов 2001: 22]. Данный вывод подтверждается монгольскими параллелями: ср. с стп.-монг. *ᠵоуᠰиуи*-, халх. *цогцой*-, бур. *согсой*-, калм. *цокчи*- 'торчать; приподниматься' [ЭСМЯ I: 149].

Лексические параллели также прослеживаются в тюркских языках: каз. *шошай*- 'торчать, стоять торчком' [Кайдаров 1968: 304], кирг. *чочой*- 'торчать, быть торчащим' [КиргРС II: 370]. Подобный мотив номинации, основанный на признаке «торчащий», объединяет данный термин с синонимичным якутским аппеллятивом *чочур* 'сопка, бугорок'.

Хайырбас. Аппеллятив *хайырбас* в литературном языке имеет значение 'возвышенное место с мелким камнем' [СТЛ 2019: 282]. Диалектные данные конкретизируют его семантику: 1) (олен.) 'бугор'; 2) (бул.) 'сухое каменистое место в тундре' [ДСЯС 1995: 214], что объединяет понятия возвышенности и специфического каменистого грунта.

Этимология слова уверенно указывает на его монгольское происхождение. Прямой параллелью выступает стп.-монг. *qayiray*, халх. *хайрга* со значением ‘гравий’ [ЭСМЯ III: 43]. Это показывает, что в основе якутской номинации лежит признак характера почвы (галечно-гравийный), который стал определяющим для названия самой возвышенности.

Апеллятив демонстрирует высокую продуктивность в оронимии, участвуя в образовании ряда оронимов, таких как дол. *Хайырбас*, г. *Хайырбас Хайа*, г. *Хайырбас Хайата*, хр. *Хайырбастаах*, г. *Хайырбастаах Хайата* и др.

2.1.2.1.2 Наименования возвышенностей по форме

Чочур. Апеллятив *чочур* обозначает остроконечную сопку [БТСЯЯ XIV: 205].

Словообразовательный анализ позволяет утверждать, что апеллятив *чочур* образован от глагола *чочой-* ‘возвышаться, выситься над чем-л., торчать (о чем-л. длинном и тонком)’ при помощи аффикса имен прилагательных *-р* [ГСЯЛЯ 1982: 166]. Наиболее вероятно, что изначально это слово функционировало как прилагательное со значением ‘остроконечный’, которое впоследствии, в результате процесса субстантивации, приобрело орографическое значение ‘1) остроконечная сопка, гора; 2) сопка, бугорок’. Ср.: стп.-монг. *ᠵᠣᠷᠴᠢᠣᠢ*-, халх. *цогцой-*, бур. *согсой-*, калм. *цокчи-* ‘торчать; приподниматься’ [ЭСМЯ I: 149].

Данная гипотеза находит убедительное подтверждение в материалах оронимии. В качестве самостоятельного названия апеллятив встречается относительно редко (бугор, г., сопка *Чочур*), однако демонстрирует высокую продуктивность в составе составных наименований, где он выступает в атрибутивной функции, определяя другой объект: бугор *Чочур Буор*, г. *Чочур Мураан*, *Чочур Мыраан*, г. *Чочур Хайа*.

Хонгорой. Апеллятив *хонгорой* (и его фонетический вариант *хонурай*) служит для обозначения ‘высокой релки’ или ‘голой вершины возвышенности, высокого берега, горы’ [СТЛ 2019: 293]. Его семантика лишенности растительности отражена в устойчивом фольклорном выражении *хонгорой дуорсун тумул* ‘голый высокий мыс; лесной выступ, лишенный растительности’. Авторы БТСЯЯ

справедливо сопоставляют его с монгольским и бурятским *хонгор-үргэн* ‘эпитет земли’ [БТСЯЯ XIII: 582], что указывает на глубокую общность понятий.

В оронимической системе данный апеллятив представлен ограниченно, участвуя в образовании лишь одного сложного оронима – мыс *Буор Хонурай*.

2.1.2.1.3 Наименования возвышенностей по наличию / отсутствию растительности

Килиэр. Апеллятив *килиэр* в анабарском говоре якутского языка обозначает ‘голую, без растительного покрова скалу, гору’ [СТЛ 2019: 114]. Его оронимическая репрезентация ограничена одним оронимом – г. *Килиэр*, что, по свидетельствам информантов, точно отражает его семантику: это каменная гора, лишенная растительности.

Происхождение слова является дискуссионной и предлагается две основные гипотезы его образования. Согласно точке зрения Нь. Багдарыын, исходной основой является *килиэ* ‘местность с блестящей, отполированной поверхностью; сплошная масса (камня, горы)’. От него при помощи малопродуктивного аффикса *-р*, образующего прилагательные (семантически близкие к образованиям с аффиксом *-гар* и соответствующим аффиксам в современном бурятском языке), и было образовано слово *килиэр* [Багдарыын 2018: 88].

Вместе с тем, анализ монгольских параллелей позволяет предположить, что исходной могла быть глагольная основа *килэй-* ‘блестеть (о гладкой и прозрачной поверхности)’ [БТСЯЯ IV: 107]. Ср.: стп.-монг. *gilayi-*, халх. *гялай-*, бур. *гилай-* ‘блестеть, сверкать’ [ЭСМЯ II: 44]. В этом случае семантика апеллятива развивалась по пути ‘блестящая (от полированной ветром и солнцем каменной поверхности)’ → ‘голая скала’.

Таким образом, обе гипотезы сходятся в том, что исходным признаком номинации послужил визуальный признак – блеск обнаженной каменной поверхности, лишенной почвенного и растительного покрова.

2.1.2.1.4 Наименования возвышенностей по месту расположения

Быраан. Апеллятив *быраан* в якутском языке обозначает ‘горы, холмы вдоль берега или долины реки; коренной берег, высокая терраса (обычно у рек, текущих

по плоскогорью)» [ТСЯЯ II: 719]. Его фонетические варианты *мыраан* и *мураан* зафиксированы со значениями ‘холм, гора; горный кряж; хребет’ [СТЛ 2019: 79]. Примечательно, что в абыйском и верхнеколымском говорах *мураан* приобретает противоположную семантику – ‘обширное чистое поле; долина’ [ДСЯЯ 1976: 166], что, однако, сохраняет связь с концепцией протяженного пространства.

Этимология слова является сложной и дискуссионной. Авторы СТЛ соотносят его с монгольскими лексемами [СТЛ 2019: 79]: стп.-монг. *mören*, монг. *мөрөн*, бур. *мүрэн*, калм. *мөрн* ‘большая, широкая река’ [ЭСМЯ II: 177]. В тюркских языках прямые параллели отсутствуют.

Альтернативную версию, основанную на варьировании начальных губных согласных (*б-* ~ *м-*), предлагает С. А. Иванов, сопоставляя якутские формы с эвенк. *бира* ‘река’, сол. *бірахан* ‘гора’, маньчж. *боран* ‘утес’ [Иванов 1993: 192; ССТМЯ I: 84].

Данное фонетическое варьирование (*быраан* ~ *мыраан* ~ *мураан*) является системной чертой якутского языка. Как отмечают исследователи, противопоставление *м-* и *б-* как фонологических единиц сформировалось относительно недавно [Широбокова 2005: 116]. Вариативность особенно характерна для заимствованной лексики [Слепцов 1964: 107] и может восходить к древней недифференцированности этих фонем в якутском языке [Иванов 1993: 193]. Одной из причин перехода *б* > *м* является лексико-фонетическая контаминация, например, исконного *бутук* ‘сук’ с тунг.-маньчж. *мутукча* ~ *мучукта* ‘хвоя лиственницы’, что привело к появлению варианта *мутук* [Дьячковский 1977: 84].

Апеллятив и его варианты распространены по всей территории Якутии и демонстрируют высокую продуктивность в оронимии. С ними образованы оронимы, обозначающие как возвышенные формы рельефа (кряж, холм *Мыраан*, г. *Мураан*, г. *Чочур Мураан*), так и объекты равнинного характера (поле *Хантабай Быраан*), что отражает выявленную семантическую широту и диалектную вариативность данного термина.

Тобой. Аппеллятив *тобой* функционирует в якутской оронимии со значением ‘мыс’ и подтверждается рядом оронимов: мыс *Салгы Тойбойо*, *Сыылба Тойбойо*, *Арыылаах Тойбойо*, *Күрүөлээх Тойбойо*, *Өндөрөөскү Уолун Тойбойо*.

Диалектные данные раскрывают более широкий семантический спектр этой лексемы: 1) извилина, излучина, изгиб; 2) отдельное поселение, участок [ДСЯЯ 1976: 240]. В ленском и сунтарском говорах зафиксирован фонетический вариант *тобо* с основным значением ‘извилина, излучина, изгиб’ [Там же: 240].

Этимология аппеллятива уверенно возводится к монгольским языкам. Он образован от монгольского анатомического термина: стп.-монг. *toqoi*, халх., бур. *тохой*, калм. *тоха* в значениях ‘локоть, локтевой сустав; локоть (мера длины); излучина, лука (реки)’ [ЭСМЯ III: 173]. Особый интерес представляет значение, зафиксированное у О. М. Ковалевского для п.-монг. *toqui* ‘локоть; залив, рукав’: *usun-u toqai*, *toqai usun* ‘рукав реки, подле ней текущий’ [Kowalewski 1894: 1797–1798]. Важно отметить, что в монгольских языках развитие семантики происходило преимущественно в гидрографической, а не орографической сфере. В якутском языке значение слова претерпело расширение и специализацию: ‘изгиб, излучина’ → ‘полуостров’ → ‘мыс’.

Данный семантический сдвиг подтверждается данными других тюркских языков, где данный монголизм, по определению Н. Поппе [Porre 1974: 129], развил сходные значения, часто связанные с растительностью поймы: алт. *токой* ‘1) полуостров, выдающийся полукругом берег реки; 2) (диал.) лес’, башк. *тугай* ‘1) кустарник по берегам рек; 2) (диал.) лук, пойма; 3) излучина, изгиб реки, ручья; залив’ [Камалов 1997: 180], кирг. *токой* ‘1) лес; тугай, заросли кустарника’, тат. *тугай* ‘1) излучина реки; 2) луг, пойма’, хак. *тогой* ‘1) роща; 2) лес на низменности, в извилине реки; 3) луга по речным долинам’ [Молчанова 2018: 121].

Чобур. Аппеллятив *чобур* демонстрирует исключительно широкую семантику в якутской оронимии, обозначая разнообразные возвышенные формы рельефа: от ‘одинокое стоящей горы’ и ‘остроконечной вершины’ до ‘горной гряды’, ‘кургана’, ‘сопки’ и ‘холма’ [СТЛ 2019: 304]. Диалектные данные конкретизируют его значение в составе атрибутивного словосочетания *чобур хайа* ‘горный мыс, утес’

[ДСЯЯ 1976: 298]. Высокая продуктивность термина подтверждается его наличием в 18 оронимах, таких как г. *Чобур*, *Чобур Таас*, *Балабаннаах Чобура*, *Кутурук Мас Чобура* и др.

Происхождения слова является дискуссионной и предлагает два основных направления. Авторы СТЛ предлагают сопоставление с тюркскими параллелями: алт. *чоку* ‘1) макушка головы человека или животного; 2) острая вершина, гора или гора с острой вершиной’, кирг. *чоку* ‘1) теменная кость; 2) голова (человека), макушка; 3) шихан, мар (горный рельеф), вершина, макушка: *тоонун чокусу* – вершина горы’, каз. *шокъы* ‘одинокая коническая возвышенность; острый холм, бугор, сопка, пик; остроконечная вершина горы’ [СТЛ 2019: 304; ТСГА 1979: 105]. Данная версия основана на общности семантики ‘верхняя часть’ (как анатомическая, так и орографическая).

Альтернативную версию представляют данные монгольских языков, где зафиксированы п.-монг. *čokiy-a*, монг. *цохио* ‘утёс, скала’ [БАМРС IV: 265]. Данные термины, в свою очередь, восходят к соматизмам: стп.-монг. *čoqi*, халх. *цох*, бур. *сохо* ‘лоб’; калм. *цох*, халх., бур. ‘виски, висок; теменные бугры’ [ЭСМЯ I: 151].

Ключевым аргументом в пользу монгольского происхождения является фонетический облик якутского слова. Сохранение средневековой монгольской шипящей аффрикаты *č- (в якутском *ч-) характерно для одного из древних пластов монголизмов, который В. И. Рассадин датирует XIII–XIV вв. [Рассадин 1980: 84].

Таким образом, наиболее вероятно, что якутский *чобур* представляет собой раннее монгольское заимствование, возникшее в результате метафорического переноса термина из соматической сферы (‘лоб’, ‘макушка’) в орографическую (‘возвышенность’, ‘вершина’) на основе сходства формы и положения. Примечательно, что в якутском языке исходное анатомическое значение слова было полностью утрачено, и оно сохранилось исключительно как специализированный орографический термин.

2.1.2.1.5 Наименования частей возвышенности

Дабаан. Апеллятив *дабаан* в якутском языке функционирует как полисемантный орографический термин, обозначающий ‘горный перевал’, ‘путь на гору’, ‘пригорок’, ‘склон горы’, ‘падь’, ‘возвышенность’ и ‘подъем в гору’ [СЯЯ I: 658; СТЛ 2019: 86; ТСЯЯ III: 70]. Его высокая продуктивность в оронимии Якутии подтверждается обширным списком оронимов, включающим такие объекты, как г., падь, пер. *Дабаан*, пер. *Арбаа Дабаан*, хр. *Сэттэ Дабаан*, ущ. *Дабаан Ханчаана* и др.

Географический термин *дабаан* обладает широчайшим ареалом распространения – от Дальнего Востока до Кавказа и Ирана [Мурзаев 2001: 108]. Он широко представлен в монгольских (монг. *даваа(н)*, бур. *дабаан* ‘горный перевал, препятствие’) и тунгусо-маньчжурских языках (эвенк. *даван*, ороч. *дава*, маньчж. *дабаган* ‘горный перевал’) [БАМРС I: 8; БурРС I: 247; ССТМЯ I: 185]. В Бурятии он является основой для многочисленных названий хребтов (*Аргалиин-Дабан*, *Хамар-Дабан* и др.) [Дыжитова 2019: 130].

Вопрос о происхождении термина в тюркских языках (уйг. *дабан*, узб. *dawan*, кирг. *даба:n*) остается дискуссионным. Существуют две основные точки зрения:

- гипотеза монгольского заимствования. Данную позицию поддерживают М. Рясянен и В. И. Рассадин, возводя тюркские формы к монгольскому глаголу *daba-* ‘переходить через что-либо’ [Räsänen 1969: 129; Рассадин 1980: 106];

- гипотеза тюркского происхождения. Альтернативную точку зрения представляет Э. В. Севортян, который, признавая распространенность мнения о заимствовании, указывает на наличие в уйгурском языке глагола *даба-* ‘переваливать через гору’, из которого прямо выводится существительное *дабан*, *даван* [ЭСТЯ III: 112].

Авторы Этимологического словаря алтайских языков сближают лишь прамонгольское *daba-* ‘переваливать (через гору)’, пратунусское *dāb-* ‘переправляться (через реку)’, праяпонское *dátá* ‘гора’, не включая в это сопоставление тюркские формы [EDAL 2003: 464].

Таким образом, при очевидной общеалтайской распространенности термина, его точное происхождение остается не до конца проясненным. Наиболее аргументированной представляется гипотеза о его монгольском происхождении и последующем распространении в тюркские и тунгусо-маньчжурские языки, что объясняет его широчайший ареал и вариативность.

Ньургун. Апеллятив *ньургун* в абыйском говоре якутского языка имеет значение ‘релка, гривка возвышенного места, мыса’ [ДСЯЯ 1976: 180]. Его оронимическая репрезентация ограничена и зафиксирована в Момском и Оймяконском районах (г. *Ньургун Таас*).

Исследователи этимологизируют данное слово как монголизм [Иванов 2001: 120; Шамаева 2012: 34]. Прямые параллели обнаруживаются в монгольских языках: стп.-монг. *niruun*, халх. *нуруу*, бур. *нюрбан*, калм. *нурһн* со значением ‘спина; хребет’ [ЭСМЯ II: 201]. Семантика бурятского варианта *нюрбан* ‘хребет; верхняя часть чего-либо; поверхность; возвышенное место’ [Рассадин 1982: 120] практически идентична якутской, что подтверждает общность происхождения и метафорический перенос по сходству формы и положения.

В монгольских языках, особенно в топонимии Монголии, данный термин используется для номинации высоких горных хребтов: *Алтайн нуруу* ‘Алтайский хребет’, *Хангайн нуруу* ‘Хангайский хребет’, *Хэнтий нуруу* ‘Хэнтийский хребет’, *Ноён нуруу* ‘главный хребет’ и пр. [Данзанова 2012: 122].

Хадьаа. Апеллятив *хадьаа* обозначает ‘боковую сторону географического объекта’. В СТЛ его значение уточняется как ‘горы, возвышенные места, тянущиеся по окраинам географического объекта’ [СТЛ 2019: 280]. В оронимии он представлен одним оронимом – а. *Хадьаа*.

Этимология слова, по мнению Н. М. Иванова, является монгольской [Иванов 2001: 125]. Он возводит его к стп.-монг. *qajū*, халх., бур. *хажуу*, калм. *хажу*, даг. *хаджу* со значением ‘бок, сторона’ [ЭСМЯ III: 22]. Важно отметить, что в современном монгольском языке семантика этой лексемы развилась в орографическом ключе: монг. *хэжуу* означает не только ‘боковая сторона’, но и ‘пропасть, обрыв, бездна; наклонная поверхность, покатость’ [БАМРС IV: 207].

Это демонстрирует типичный путь терминологизации: от общего указания на расположение ‘бок’ к обозначению конкретной формы рельефа, характерной для этого расположения ‘обрыв’, ‘покатость’.

Халдьяайы. Семантика апеллиатива *халдьяайы* в словарях раскрывается следующим образом: 1) солнечная сторона поля, склон аласа, обращенный к югу [БТСЯЯ XIII: 232]; 2) косогор, пригорок, холм ; 3) (абый.) лог, ручей, углубление [СТЛ 2019: 283]. Этот спектр значений объединяет общий признак – особенность склона или формы рельефа, связанную с солнечной экспозицией или характером поверхности.

Происхождение апеллиатива является монгольским: стп.-монг. *qalčayai*, халх. *халигай*, бур. *халсагай*, калм. *халцха* с общей семантикой ‘короткий, редкий, скудный (о растительности); оголенный, лишенный растительности’ [ЭСМЯ III: 24]. Следовательно, исходным признаком номинации послужил не сам рельеф, а состояние растительного покрова на склоне, характерное для южной, солнечной экспозиции.

Апеллиатив представлен в следующих оронимах – косогор *Хат Халдьяайы*, *Диринг Халдьяайыта*, *Сото Халдьяайыта* и др. В оронимии наблюдается значительная вариативность его фонетической формы: *халдьяа* ~ *халдьяы* ~ *халдьяйа* (ср.: булг. *Халдьяа Булгуннах*, а. *Халдьяа Хоболоох*, мыс *Халдьяйа Бырахсар*, а. *Халдьяы Кураанах Алаас*).

2.1.2.2 Апеллиативы, служащие для обозначения равнинных форм рельефа

Налыы. Апеллиатив *налыы* в якутском языке обозначает ‘низменное место, заливаемое водой’ [БТСЯЯ V: 539]. Более узкие значения, зафиксированные в словарях, включают ‘мелководное, заросшее травой пространство на побережье озера’ [СЯЯ II: 1670] и ‘сенокосное угодье’ [СТЛ 2019: 168]. В топонимии он представлен одним оронимом – луг *Сээки Налыыта*. Этимология слова, как предполагают исследователи, является монгольской. Оно может быть либо производным от якутской глагольной основы *налай*- ‘тянуться, простираться’, либо прямым заимствованием монгольского прилагательного *налуу* ‘отлогий, покатый;

наклон, скат', подвергшимся гармонизации гласных [Данилова, Попова 2021: 70]. Ср. монг. *налуу* '1) отлогий, покатый, пологий; наклонный, косой; 2) наклон, скат; [БАМРС III: 271]. Данная версия находит подтверждение и в бурятском языке, где существует субстантивированное прилагательное *налюур* 'склон, покатость; спуск' (от *налюур* 'покатый, отлогий') [БурРС I: 590]. Это свидетельствует об общей тенденции использования данного корня для номинации объектов с пологим, вытянутым рельефом, которая в якутском языке специализировалась для обозначения заболоченных низменностей.

Нэлэгэр. Апеллятив *нэлэгэр* в якутском языке функционирует как прилагательное со значением 'без возвышенностей, плоский, ровный, широкий' [БТСЯЯ VI: 509]. В оронимической системе он субстантивируется и употребляется самостоятельно, приобретая семантику 'широко открытая, просторная равнинная местность; долина' [СТЛ 2019: 173]. Его продуктивность подтверждается рядом оронимов: а., г. луг, поле *Нэлэгэр*, г. *Таас Нэлэгэр*, а. *Кыйа Нэлэгэрэ* и др.

Важной особенностью данного термина является его положительная коннотация. Исследователи отмечают, что *нэлэгэр* репрезентирует «изобильное, открытое, широкое, счастливое» пространство и используется для номинации самых благодатных территорий – долин и аласов [Ландшафт 2023: 15]. Это «богатое, самое лучшее, роскошное место, ...пуп земли, где длинная благодать никогда не изменяется» [Серошевский 1993: 15]. Данное мифопоэтическое восприятие пространства находит прямые параллели в культуре монгольских народов. Ср. монг. *налгар* 'открытый, просторный': *налгар газар* 'открытая, просторная местность; освещенное солнцем, теплое место', *нэлгэр тал* 'обширная степь' [Содномпилова 2009: 74–75], а также стп.-монг. *neleger*, халх. *нэлгэр* 'широкий, обширный, просторный' [ЭСМЯ II: 193]. Это указывает на глубокое культурно-семантическое единство в восприятии открытого равнинного ландшафта в якутской и монгольской традициях.

Толоон. Апеллятив *толоон* в якутском языке имеет значение 'долина, широкое поле, луг' [СЯЯ III: 2716; БТСЯЯ X: 434]. Зафиксированы его диалектные варианты: *талаан* 'поле' [СЯЯ III: 2535] и *долоон* (олекм.) [СТЛ 2019: 90]. Данная

вариативность *толоон* ~ *талаан* позволила С. А. Иванову выдвинуть гипотезу о существовании в прошлом якутской лексемы *таала* со значением ‘степь’ [Иванов 2017: 183].

Этимология слова убедительно связывает его с монгольскими языками. Исследователи [Данилова, Попова 2021: 71] сближают якутские формы с монг. *дөлөөн* ‘высокий и ровный скат, спуск, отлогий скат’ [БАМРС I: 61]. Наличие в якутских говорах варианта *долоон*, а также закономерность чередования *ө* ~ *о* и *т* ~ *д* в языке, позволяет допустить, что исходной формой было монгольское *дөлөөн*. При заимствовании в якутский язык произошёл семантический сдвиг: ‘высокий и ровный скат’ → ‘ровная поверхность на высоком месте’ → ‘долина, поле, луг’ [Данилова, Попова 2021: 66].

Апеллятив демонстрирует исключительно высокую продуктивность в якутской оронимии, участвуя в образовании свыше 70 оронимов. Среди них: а., дол. *Толоон*, дол. *Унучах Толоон*, поле *Эбэ Толооно*, дол. *Күнкүрдээх Хос Толооно* и др.

Ходуһа Апеллятив *ходуһа* в якутском языке имеет значение ‘покос, сенокосное угодье, покосный луг’ [БТСЯЯ XIII: 501]. В оронимии он представлен в названиях, таких как а. *Ходуһа*, дол. *Ходуһа Толоон*, а. *Ходуһалаах* и др.

Этимология слова определена В. И. Рассадиным как монгольская. Исследователь указывает на прямое соответствие с бурятским *хадаса* в том же значении ‘покос, покосный луг’ [Рассадин 1980: 69; БурРС II: 376]. Данное сопоставление свидетельствует о заимствовании якутским языком конкретного хозяйственно-географического термина, связанного с кочевым и скотоводческим укладом жизни.

Элэһин. Апеллятив *элэһин* (и его фонетический вариант *өлөһүн*) в якутском языке обладает развитой семантикой, связанной с песчаным ландшафтом. Он обозначает: 1) ‘долину’ [ДСЯЯ 1976: 318]; 2) ‘песчаные берега реки’ [БТСЯЯ XV: 198–199]. В орографической терминологии он используется в парном сочетании *элэһин хайа* ‘песчаная гора’, а также самостоятельно со значением ‘песчаная, без

растительного покрова гора, горка с сыпучим, развеваемым песком' [СТЛ 2019: 320].

Этимология слова уверенно возводится к монгольским языкам [Иванов 2001: 85]. Прямые параллели прослеживаются в стп.-монг. *elesün*, халх. *элс(эн)*, калм. *элсн*, бур. *элһэн* со значением 'песок' [ЭСМЯ I: 212]. Таким образом, якутский термин представляет собой заимствование, сохранившее исходную семантику, но развившее более узкое значение для обозначения специфических форм рельефа, сложенных песком.

В оронимии апеллятив участвует в образовании следующих оронимов: а., г., дол. *Элэһин*, дол. *Элэһин Хочото*, г. *Өлөһүн Хайата*.

2.1.2.3 Апеллятивы, служащие для обозначения отрицательных форм рельефа

Буом. Апеллятив *буом* в якутском языке является полисемантным термином, объединяющим значения, связанные с труднопроходимостью и естественными преградами: 'препятствие, преграда; трудный переход; тесное место, ущелье; узкое место реки с перекатом' [СЯЯ I: 559; ТСЯЯ II: 537; СТЛ 2019: 72].

Данный термин обладает широким ареалом распространения в географической терминологии Северной и Центральной Азии. Э. М. Мурзаев определяет его как тюркский апеллятив со значением 'высокая отвесная скала в узком месте речной долины; утесистый мыс, затрудняющий путь; ущелье, извилистая узкая тропа по крутому склону' [Мурзаев 1996: 108]. Данное понятие прочно вошло в лексику русского старожильского населения Сибири (ср. рус. *бом* 'крутая скала, вдающаяся в реку; вершина горы') [Богданов 1981: 46] и детально описано для Горного Алтая, где *боом* обозначает узкое место между горой и рекой, скалистый обрыв, дорогу по крутой скале [Молчанова 2018: 56].

Параллели встречаются и в других тюркских языках: азерб. *богум*, тур. *boğum* 'узел; сустав', тув. *боом* 'обрыв горного хребта над рекой', уйг. *ном* 'глыба', хак. *поот* 'теснина; узкое место в горах' [Там же: 56].

Вопрос о происхождении термина является сложным. Отсутствие слова в древнетюркских памятниках и западно-тюркских языках позволило

Э. М. Мурзаеву выдвинуть гипотезу о его монгольском происхождении от *бом* ~ *боом* ‘крутой и высокий мыс, выдающаяся скала’ [Мурзаев 1996: 108].

Б. И. Татаринцев, соглашаясь с монгольским источником для современных тюркских форм, углубляет анализ, возводя монгольское слово к глагольной основе *боу᠔-* ~ *боо-* ‘преграждать, загораживать дорогу’ с помощью аффикса *-м(a)*. При этом он отмечает, что сама эта глагольная основа, в свою очередь, может быть тюркского происхождения [Татаринцев I: 248].

Данный термин является общеалтайским, что подтверждается его рефлексамии между алтайскими языками: п.-монг. *boɣum* ‘мыс (высокий, крутой); ущелье, *boɣumta* ‘застава, преграда, препятствие’, монг. *бом* ‘крутой и высокий мыс, выдающаяся в сторону скала на берегу реки’ [Казакевич 1934: 16], бур. *боомо* ‘такой, что можно завязать (или связать): *боомо газар* ‘труднопроходимое место’, калм. *боом* ‘такой, что можно завязать; труднопроходимый; узкий проход: *боом hazr* ‘труднопроходимое место’; эвенк. *бѳм* ‘1) ущелье, узкая долина; 2) помеха, препятствие’ [РЭвенкС 1958: 60].

Следовательно, апеллятив *буом* представляет собой сложный этимологический случай, иллюстрирующий глубокие языковые контакты в регионе. Наиболее вероятно, что он восходит к общеалтайской основе со значением ‘связывать, преграждать’, которая в монгольских языках оформилась в конкретный орографический термин, впоследствии заимствованный тюркскими языками Сибири.

В якутской оронимии апеллятив демонстрирует высокую продуктивность и активность в образовании оронимов. Он функционирует самостоятельно (ущ. *Буом*), а также в составе сложных оронимов (хр. *Улахан Буом*, г. *Буом Хайа*).

Дьаба. Апеллятив *дьаба* функционирует в якутском языке как термин для обозначения отрицательных форм рельефа: ‘расщелина, ущелье, овраг’ [СТЛ 2019: 95]. Его литературное значение – ‘продольная расщелина, трещина; след старых поверхностных повреждений (на дереве)’ [ТСЯЯ III: 273–274]. В булунском говоре зафиксирован семантический сдвиг: ‘протока реки, речки’ [ДСЯЯ 1976: 93], что демонстрирует развитие значения по цепи: ‘трещина’ → ‘овраг’ → ‘протока’.

Этимология слова является монгольской [Kaluzynski 1961: 87; Иванов 2001: 28]. Прямые параллели прослеживаются в стп.-монг. *ᠰᠠᠪᠠ*, халх., калм. *цав* со значением ‘щель, трещина’ [ЭСМЯ I: 127].

В оронимии апеллятив представлен ограниченно, будучи зафиксированным в составе одного оронима – кочк. *Дьаба*.

Дьорон. Апеллятив *дьорон* (и его фонетический вариант *дьороон*) характеризуется сложной семантической структурой, варьирующейся между говорами якутского языка. Его основное орографическое значение – ‘неглубокий длинный лог’ [СТЛ 2019: 99], что подтверждается рядом оронимов: логи *Байтанныыр Дьороно*, *Бэрдьигэс Дьороно*, *Тиэхээн Дьороно*, *Тумуһах Дьороно*.

Диалектные данные показывают более широкий спектр значений, связанных с вытянутыми, часто пересыхающими объектами: 1) (бул.) ‘узкое длинное озеро’; 2) (верх.) ‘узкое протяженное поле (луг) посреди леса’; 3) (вил. р-ны) ‘пересыхающая речка; ложбина’; 4) (ср.-кол.) ‘озерко; размытая водой низменность, заболоченная, неровная низина’ [ДСЯЯ 1976: 98; СТЛ 2019: 99–100].

Этимологию слова предлагает Н. М. Иванов, возводя его к монгольскому глаголу *jor-* ‘строгать, обстругивать; резать’ (ср.: стп.-монг. *ᠵᠣᠭᠠ-*, халх., калм. *зор-*, бур. *зоро-* [ЭСМЯ II: 85]) при помощи отглагольного аффикса *-оон* [Иванов 2001: 28]. Таким образом, исходная семантика предполагает метафорический перенос: ‘процесс строгания, срезания’ → ‘объект, как бы вырезанный, прорезанный в земле’ (лог, ложбина, протока).

Көндөй. Апеллятив *көндөй* в якутском языке функционирует как полисемантный термин, демонстрирующий переход из общелексического пласта в специализированный орографический. В качестве прилагательного он означает ‘пустой, полый изнутри; порожний’ [БТСЯЯ IV: 286]. В оронимической системе он субстантивируется и приобретает значения ‘узкая глубокая долина, овраг, ущелье, котловина между горами; выемка, впадина; речная долина’ [СТЛ 2019: 119], что отражает метафорический перенос по признаку «пустоты, вогнутости».

Этимология слова уверенно возводится к монгольским языкам. Э. К. Пекарский, Л. З. Будагов и М. Рясянен, как отмечает Э. В. Севортян, считали

его заимствованием из монгольского [ЭСТЯ V: 107]. Фонетическим аргументом в пользу этого служит более архаичная для монгольских языков форма с заднеязычным *ŋ* (*көŋдөй*), в то время как закономерным является переход *ŋ* > *н*- перед переднеязычным -*д*-.

Прямые параллели обнаруживаются в стп.-монг. *köndei* ‘полый, пустой; пустое пространство’), монг. *хөндий* ‘полый; полость, пустота; долина’; *хендийлиж* (геол.) ‘карст’, калм. *көндә* ‘пустой, полый; полость’ [Тодаева 1981: 119; Самтакова 2013: 57].

Соответствия в других тюркских языках Сибири – алт. *көндөй* ‘полый, пустой; небольшое углубление в горах, яма’ [АлтРС 2018: 186; Самтакова 2013: 56], хак. *көндей* ‘пустой, полый; дуплистый’, *көндей чир* ‘полое место, пещера’, *көндей хайа* ‘скала с гротом’ [ХакРС 2006: 201] – являются, по всей видимости, результатом параллельного или вторичного заимствования из монгольского источника, что подтверждается данными ЭСТЯ.

Апеллятив демонстрирует высокую продуктивность в топонимии Якутии, участвуя в образовании ряда оронимов: а., г., гребень *Көндөй*, ск. *Көндөй Туруук*, поле *Көндөйдөөх*, г. *Көндөйкөөн Хайата* и др.

Куолабай. Апеллятив *куолабай* в якутском языке обозначает ‘узкий длинный проход, ущелье, теснина’ [БТСЯ IV: 488]. Его оронимическая репрезентация ограничена одним оронимом – а. *Куолабай*.

Н. М. Иванов рассматривает данный термин как производное от соматизма *куолай* ‘пищевод’ [Иванов 2001: 39]. Примечательно, что исходное анатомическое название также функционирует в орографической терминологии в том же значении ‘узкое длинное ущелье, горный проход’ [СТЛ 2019: 125], что подтверждает гипотезу о метафорическом переносе по сходству формы.

Данная модель номинации находит прямые параллели в монгольских языках: халх., бур. *хоолой*, калм. *хол*, *хоол* ‘горло, глотка; горлышко; узкий проход; приток, пролив’ [ЭСМЯ III: 47]. Это иллюстрирует об общем для якутского и монгольского языков способе концептуализации подобных форм рельефа через анатомическую метафору.

Кэдээл. Апеллятив *кэдээл* (и его фонетический вариант *кэдээн*) функционирует в якутской оронимии со значением ‘ложбина, впадина’ [СТЛ 2019: 146]. Его литературное значение – ‘низменное место, низина’ [БТСЯЯ V: 457].

Слово является отглагольным образованием и восходит к глаголу *кэдэй-* ‘прогибаться, выгибаться’. Данная этимология находит параллели в монгольских языках: п.-монг. *gedeyi-* ‘выгибаться назад’ [Тодаева 1981: 137]. Следовательно, мотивом номинации послужил сам процесс формирования рельефа или его характерная вогнутая форма.

Апеллятив участвует в образовании простых и сложных оронимов: а. *Кэдээл*, г. *Кэдээн Хайалара*.

Осхор. Апеллятив *осхор* в якутском языке обозначает ‘углубления, рывины, ямы на земле’ [БТСЯЯ VII: 354]. Он употребляется самостоятельно (овр. *Осхор*) и в составе сложного оронима (дол. *Осхордоох Кытыла*).

Г. В. Попов предполагает (?) возможное родство якутского *осхор* с бур. *одхор* ‘изъян, дефект’ [Попов 1986: 117]. Фонетическое расхождение *д > с* объясняется общебурятским фонетическим законом, по которому общемонгольская фонема *-с-* в конце слога переходит в смычный *-д-* (ср. бур. *улад > улус* ‘народ’, *адхаха > асхаху* ‘проливать’). Следовательно, якутская форма *осхор* сохранила более архаичный монгольский фонетический облик. При заимствовании произошел семантический сдвиг: от абстрактного понятия ‘дефект, изъян’ к конкретному географическому термину ‘неровность рельефа, яма’.

Силээн. Апеллятив *силээн* в якутском языке характеризуется сложной семантикой, связанной с пониженными, заболоченными формами рельефа. В литературном языке он обозначает ‘сырую, заросшую тальником впадину, тянущуюся от леса к реке’ [БТСЯЯ VIII: 397]. Дialeктные значения конкретизируют его как (ойм.) ‘глухой ручей в лесистых горах’ и (усть-ян.) ‘мшистое болото, топь на месте недавно высохшего озера’ [ДСЯЯ 1976: 207].

Этимология слова является дискуссионной и предлагает два возможных источника. Исследователи сравнивают якутский апеллятив с эвенкийским *шилки*

‘узкая долина, падь’ [БТСЯЯ VIII: 397], что семантически близко якутским значениям.

Согласно альтернативной точке зрения, источник заимствования следует искать в монгольских языках. Ключевым аргументом здесь является внутренняя форма монгольских слов. Данный термин образован от соматизма: стп.-монг. *sili*, халх., калм. *шил*, бур. *шэлэ* имеют первичное значение ‘затылок, загривок’ [ЭСМЯ III: 113]. От этой анатомической основы через метафорический перенос по сходству формы и положения произошло развитие орографических значений: стп.-монг. *šili* ‘плоская возвышенность; низкая и плоская гора, пригорок; холм’ [Дыжитова 2019: 151], монг. *шил* ‘гребень горного хребта’, ‘плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок; высокое нагорье; верхняя часть хребта горного массива; перешеек, увал; альпийское пастбище, сырт’ [БАМРС IV: 188], бур. *шэлэ* ‘плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок, холм; (геогр.) хребет’ [БурРС II: 635]. Примечательно, что исходная монгольская семантика, восходящая к соматизму, связана с возвышенностями ‘гребень’, ‘хребет’, в то время как в якутском языке слово приобрело значение впадины или заболоченной низины. Этот семантический сдвиг ‘возвышенность’ → ‘понижение’ является уникальным и требует отдельного изучения.

Апеллятив зафиксирован в составе ряда якутских оронимов: падь *Илин Силээн*, *Орто Силээн*, *Бадараан Силээнэ*, *Хабах Силээнэ*.

Хайаҕас. Апеллятив *хайаҕас* функционирует в якутской оронимии как термин для обозначения отрицательных форм рельефа: ‘ущелье, яма, пещера, горный распад, узкое пространство между двумя объектами’ [СТЛ 2019: 281; СЯЯ I: 3245]. В лексикографических источниках якутского языка также представлены значения ‘дыра, щель, отверстие’ [Бетлингк 1990: 527; ЯРС 1972: 474; БТСЯЯ XIII: 192], четко указывают на семантический признак «сквозного или глубокого отверстия», легший в основу орографической номинации. В орографической терминологии словосочетание *хайа хайаҕаһа* имеет значение ‘горный распад’ [СЯЯ I: 3245].

Слово является отглагольным именем действия, образованным от глагола *хайын*- ‘образовать трещину, глубокую щель, потрескаться, растрескаться’ [БТСЯЯ XIII: 204] при помощи продуктивного аффикса *-бас*, который образует имена со значением результата действия [Монастырёв 1993: 116]. Следовательно, внутренняя форма слова прозрачна: *хайабас* буквально означает ‘нечто образовавшееся в результате растрескивания, расщелину’.

Наличие бурятской параллели *хабал*- ‘раскалывать’ [БТСЯЯ XIII: 205] позволяет предположить общий для якутского и бурятского языков источник данной глагольной основы, однако для точного установления этимологии требуются дальнейшие исследования.

Апеллятив демонстрирует продуктивность в образовании оронимов, выступая как в качестве самостоятельного названия (г. *Хайабас*), так и в составе сложных оронимов (а. *Сир Хайабаһа*, горка *Сыыр Хайабаһа*, *Хайабаһастаах Сыыра*).

Хапчаан. Апеллятив *хапчаан* функционирует в якутской оронимии со значением ‘ущелье’ [БТСЯЯ XIII: 331]. Его продуктивность подтверждается рядом оронимов: г. *Хапчаан*, ущ. *Буор Хапчаан*, пещ. *Хапчаан Уоран*, ущ. *Дабаан Хапчаана*.

Этимология слова, как установил Н. М. Иванов, является монгольской [Иванов 2001: 20]. Прямые параллели обнаруживаются в п.-монг. *qabčal*, монг. *хавцал* ‘ущелье; теснину, горный проход, глубокое ущелье у подножия горы, балку’ [БАМРС IV: 8], бур. *хабсал* ‘1) скала; 2) теснина’ [БурРС II: 372], калм. *хавчг* ‘теснина’ [КалмРС 1977: 563].

Данная лексема широко представлена и в тюркских языках Сибири: алт. *капчал* ‘ущелье; отвесная скала, утёс’, тув. *каипал* ‘ущелье’, хак. *хапчал* ‘ущелье, теснина’, а также в киргизском: кирг. *капчал* ‘скалистое ущелье’ [Молчанова 2018: 77]. Широта ареала и фонетическая близость форм свидетельствуют о раннем заимствовании данного монголизма в тюркские языки Южной Сибири.

Хапчабай. Апеллятив *хапчабай* служит для обозначения ‘узкого ущелья, расщелины’ и демонстрирует высокую продуктивность в образовании оронимов: ск. *Хапчабай*, *Хатыннаах Хапчабай*, г. *Хапчабай Хайа*, г. *Кыталык Хапчабайа* и др.

Этимология слова является монгольской: ср.-монг. *qabciqaya* [Haenisch 1939: 56], п.-монг. *qabčayai*, *qabčiyai* ‘нависший каменный утёс, крутая скала; узкий проход’ [Kowalewski 1849: 762], монг. *хавцгай* ‘утёс, отвесная скала, крутая скала; узкое ущелье, падь’ [БАМРС IV: 8], бур. *хабсагай* ‘1) скала, утёс; каменистые гольцы; 2) (зап.) предгорье; 3) (зап. редк.) ущелье’ [БурРС II: 526]. Ср. кирг. *капчыгай* ‘горное ущелье, горный проход, узкая и длинная горная долина’ [КиргРС I: 344].

Примечательно, что в древнетюркском языке существует близкое по звучанию, но семантически отличная форма: др.-тюрк. *qaršaq* ‘место слияния реки с притоком’ [ДТС 1969: 420]. Это может указывать на общий древний источник или на сложные процессы взаимовлияния, однако доминирующей остается версия о монгольском происхождении якутского термина.

Хонкуйа. Апеллятив *хонкуйа* в диалектной лексике якутского языка имеет значение ‘узкий неглубокий овраг; ложбина’ [БТСЯЯ XIII: 579].

Этимологию слова предлагает Н. М. Иванов, связывая его с монгольским корнем *хон* со значением ‘углубление; ложбина; скат’ [Иванов 2001: 28]. Данная гипотеза находит подтверждение в широко распространенных монгольских параллелях: халх., бур. *хонхор*, калм. *хоңхр* ‘углубление, впадина; низменность; топкое болотистое место’ [ЭСМЯ III: 53].

В якутской оронимии апеллятив *хонкуйа* участвует в образовании следующих оронимов: а., луг *Хонкуйа*, холм *Хонкуйа Добууна*, падь *Хонкуйалаах* и др.

Хотоол. Апеллятив *хотоол* (и его вариант *хотол*) функционирует в якутской оронимии со значениями ‘низменное место, низина, низменность’ и ‘углубление, впадина, ложбина’ [БТСЯЯ XIII: 622; СТЛ 2019: 297]. Он участвует в образовании следующих оронимов: впадина *Хотоол*, *Уоттаах Хотоол*, ложбина *Унуоргу Хотоол*, *Симик Хотоло*, *Хопсой Хотоло* и др.

По мнению Н. М. Иванова, слово является отглагольным образованием и восходит к глаголу *хотой-* ‘тяжести прогибаться, оседать, провисать’, который считается монголизмом [Иванов 2001: 130]. Прямые параллели обнаруживаются в

стп.-монг. *gotuyi-*, халх., бур. *хотой-*, калм. *хота-* в значении ‘гнуться, прогибаться, искривляться’ [ЭСМЯ III: 61]. Таким образом, мотивом номинации послужил сам процесс образования впадины (прогибания поверхности), а результат этого процесса дал название самой форме рельефа.

Элгээн. Апеллятив *элгээн* обладает сложной семантикой, объединяющей орографические и гидрографические значения. Он обозначает: 1) небольшое глубокое озеро с высокими обрывистыми берегами, образовавшееся в результате глубоких трещин [БТСЯЯ XV: 180]; 2) плоское углубление на поле [СЯЯ I: 246]; 3) (амг., чур.) плоскую впадину на земле [СТЛ 2019: 319]. Его активность в оронимии подтверждается многочисленными оронимами: а. *Арбаа Элгээн*, *Ойбон Элгээн*, падь *Арыылаах Элгээн*, ск. *Элгээн Хайата* и др.

Этимология слова является дискуссионной. Составители БТСЯЯ сравнивают его с тув. *эл* ‘обрыв’ [БТСЯЯ XV: 181]. Однако более убедительной представляется монгольская версия. По нашему мнению, якутский апеллятив восходит к ср.-монг. *helegen* [Рорре 1927: 1021], стп.-монг. *elige*, монг. *элэг* ‘печень; южная сторона горы’ [БАМРС IV: 407], бур. *эльгэн* ‘солнечная сторона чего-л.; солнцепёк; южный склон горы’) [БурРС II: 661].

Примечательно, что бурятская лексема *эльгэн* обладает практически идентичной структурой с якутской *элгээн*. Исходная соматическая метафора ‘печень’ → ‘солнечный склон’ в якутском языке развилась в сторону значения ‘впадина’.

2.1.2.4 Апеллятивы, служащие для обозначения термокарстовых форм рельефа

Анхай. Апеллятив *анхай* означает ‘яма, углубление, трещина на поверхности земли’ [ТСЯЯ I: 499]. Как специализированный орографический термин он объясняется как ‘морозобойная трещина в условиях вечной мерзлоты’ [Антонов 1971: 26; Монастырёв 1993: 115]. В вилюйских и сунтарских говорах его значение конкретизируется как ‘впадины между крупными кочками’ [ДСЯЯ 1976: 48].

Этимология слова является монгольской. Исследователи считают его монголизмом, образованным при помощи аффикса *-хай* от основы *ан-* [Антонов

1971: 26; Иванов 2001: 156; СТЛ 2019: 53]. Прямые параллели имеются в стп.-монг. *ang*, монг. *ан*, калм. *ац* ‘трещина, расщелина, щель’ [БАМРС I: 106; КалмРС 1977: 45], а также в монг. *анхархай* ‘щель, трещина, расщелина’ [Антонов 1971: 26].

Апеллятив *анхай* в оронимии и участвует в образовании 16 оронимов, таких как а. *Анхай*, г. *Кириэстээх Анхайа*, г. *Обус Анхайа*, г. *Анхайдаах Хайата* и др.

Боллох. Апеллятив *боллох* в якутском языке функционирует как орографический термин со значениями ‘бугорочек, бугорок земли’ и ‘бугор, глыба земли’ [ТСЯЯ II: 377; СЯЯ II: 492]. Его оронимическая репрезентация в литературной форме ограничена одним оронимом – а. *Арыылаах Боллохтоох*.

Этимология слова является монгольской. Оно восходит к стп.-монг. *bolduy* ‘бугорок, сопка’ [Kowalewski 1849: 1199], что отразилось в современных монг. *болдог* ‘бугор, холмик; кочковатая местность’ [БАМРС I: 257], бур. *болдог* ‘кочка, холмик, бугор’ [БурРС I: 136] и калм. *болдг* ‘холм, бугор; небольшой курган’ [КалмРС 1977: 106].

Ключевым моментом является фонетическая адаптация слова при заимствовании в якутский язык. Сочетание согласных *-лд-*, нехарактерное для якутской фонетики, было закономерно упрощено до *-лл-*: *болдог* > *боллох*. Данное фонетическое явление является регулярным и наблюдается в заимствованиях из разных языков на поздних этапах развития якутского языка: ср. эвенк. *олдон* > якут. *оллон* ‘рыба’, рус. *солдат* > якут. *саллаат*.

Исходная монгольская форма *болдох* сохранилась в ряде говоров якутского языка, демонстрируя при этом семантическое варьирование: 1) (жиг.) ‘кочка’ [ДСЯС 1995: 51]; 2) (нюрб.) ‘скопление большого количества мха’; 3) (олен.) ‘большой камень, каменная глыба’ [Иванов 2001: 23] и топонимах: *Болдохтоох*, *Оччугуй Болдохтоох*, *Улахан Болдохтоох*, *Болдохтоох Ороһуоха* [Там же: 23].

Булгунньах. Апеллятив *булгунньах* является одним из ключевых терминов для номинации специфических форм термокарстового рельефа в якутском языке. Его общелексические значения включают ‘вершина горы; холм, большой бугор, сопка’ [СЯЯ I: 544], ‘возвышенность небольшой окружности нередко с крутыми

склонами' [ТСЯЯ II: 494], 'курган, холм средней величины, одиноко стоящий на открытой местности' [СТЛ 2019: 143].

Как узкоспециальный географический термин, *булгуннях* получил точное определение: это бугор вспучивания с ледяным ядром (гидролакколит) в области вечной мерзлоты [Мурзаев 1984: 134]. М. Н. Мельхеев уточняет, что термин обозначает куполообразные бугры наледного происхождения высотой от 1 до 40 метров, одиноко стоящие на равнинной поверхности тундры или лесотундры (см. рис. 8) [Мельхеев 1958: 56].

Вопрос о происхождении слова является дискуссионным и предлагает несколько гипотез:

– Н. К. Антонов предполагает тюркское происхождение, сравнивая его с саг., койб. *пел* 'холм', осм. *бэлэк, бэлик* 'холм, бугор', каз., кирг. *бэлэс* 'холм' [Антонов 1971: 16];

– Н. М. Иванов предлагает иную версию, возводя *булгуннях* к бур. *булхай-* 'отпяливаться, выпяливаться, выпучиваться' при помощи омертвело́го якутского аффикса *-нях* (по модели *бөлкөй > бөлкөннөх*) [Иванов 2001: 24]. Данная гипотеза находит поддержку в более широком контексте.

В монгольских языках от общемонгольского корня *бул-* (*бел-* ~ *бол-*) с значением 'что-то выдающееся, выступающее' [Мурзаев 1984: 108] образован целый пласт орографической лексики: п.-монг. *булдуруу*, монг. *булдруу* 'бугор, холмик, кочка, сопки, курганы'; п.-монг. *булчим*, монг. *булчим* 'насыпь из песка; скат горы; мыс; крутая гора'; п.-монг. *болдог* 'бугорок, сопка', монг. *болдог* 'бугор, холмик; кочковатая, неровная местность' [Стручкова 2023а: 32]. Учитывая продуктивность корня *бул-* в монгольской орографической терминологии, его наличие в якутском языке, наиболее аргументированной представляется монгольская версия происхождения апеллятива *булгуннях*.

Однако, данный термин, хотя и имеет возможное монгольское происхождение, сформировал свою уникальную и точную семантику именно в якутском языке в результате детального описания и номинации термокарстовых форм рельефа. Его высокая продуктивность в якутской оронимии (89 оронимов) и

подтверждают его глубокую интеграцию и статус именно якутского ландшафтного термина, а не простого заимствования: а., г. *Булгунньах*, булг. *Эдэр Булгунньах*, булг. *Тулаайах Булгунньах*, булг. *Дүлэй Булгунньаба*, булг. *Арамаанаттар Булгунньахтара* и др.

Рисунок 8

Булгунньах в Чурапчинском районе

Быллаар Апеллятив *быллаар* (и его фонетический вариант *буллаар*) функционирует в якутском языке как специализированный термин для обозначения микрорельефа, характерного для северных склонов аласов. Его основное значение – ‘местность, покрытая небольшими буграми’ (см. рис. 9) [СТЛ 2019: 78]. Диалектные данные раскрывают дополнительные смысловые оттенки: 1) (верх.) ‘высокое, бугристое место’; 2) (тат. в форме *быыллаар*) ‘неровное, кочковатое место в лугу, в долине’ [ДСЯЯ 1976: 77, 79]. В толковых словарях значение уточняется как ‘маленький бугорок, неровность земли, рывина; возвышенное ровное сухое место сенокосного угодья’ [ТСЯЯ II: 707]. Вариант с гласным *у* (*буллаар*) сохранился в северо-восточных районах [Иванов 2001: 35].

От апеллятива *быллаар* образован дериват *быллараат* ‘неровности, ухабы дороги’ [ТСЯЯ II: 708], что демонстрирует продуктивность данной основы и расширение ее семантики на антропогенные объекты.

Этимологию слова предлагает Ст. Калужинский, связывая якутские основы *буллаар* ~ *быллаар* с монгольским выражением *buldur saldar* со значением ‘неровно, бугристо’ [Калужинский 1978: 76]. Данное сопоставление указывает на монгольский источник заимствования и точно отражает семантику якутского термина, описывающего бугристую, неровную поверхность.

В оронимии апеллятив представлен ограниченно, участвуя в образовании нескольких оронимов: поле *Быллаар*, пол. *Буллаар Сыһыыта*, г. *Уһун Быллаар Хайата*.

Рисунок 9

Быллаар в Амгинском районе

Онхой. Апеллятив *онхой* ‘широкие, глубокие выбоины, углубление; ложбина, овраг’ [СЯЯ II: 1859; БТСЯЯ VII: 310; СТЛ 2019: 186] представляет собой отдельную лексему, огубленный вариант, этимологически не совпадающий с *анхай*.

Н. К. Антонов соотносит его с другой монгольской основой – *онхол* ‘неровная, с углублениями, кочковатая местность’ [Антонов 1971: 26]. Эта версия находит убедительное подтверждение в монгольских параллелях: стп.-монг. *ongqul tongqul* [Kowalewski 1849: 352] и монг. *онхол тонхол* ‘неровный, кочковатый’ [БАМРС II: 482].

В говорах якутского языка семантика *онхой* демонстрирует вторичное расширение: (сунт.) ‘молодой лес на гари; чаща’, (вил.) ‘чаща молодых лиственниц; удаленная озерная местность’ [СТЛ 2019: 186]. Эти значения, вероятно, возникли по метонимии: кочковатая, неровная термокарстовая местность часто зарастает характерной низкорослой растительностью.

Апеллятив *онхой* также продуктивен в оронимии, участвуя в образовании следующих оронимов: падь, хр. *Онхой*, а. *Онхотой*, падь *Онхой Хонуу*, дол. *Илинги Онхой* и др.

2.1.2.5 Метафорические апеллятивы, служащие для обозначения различных форм рельефа

2.1.2.5.1 Анатомическая лексика

2.1.2.5.1.1 Наименования внешних частей тела человека и животных, употребляемых в оронимии

Быттык. Соматизм *быттык* (вариант *бытта*) ‘пах’ в якутской орографической терминологии функционирует со значением ‘окраина, уголок обширной местности; залив озера, реки’ [ТСЯЯ II: 788]. Данный перенос основан на локально-топологическом признаке: пах как сгиб, скрытое, защищенное место на теле → укромный, защищенный уголок в ландшафте.

Важно отметить, что данный термин высоко употребителен в фольклоре и художественной литературе, где он обозначает не просто участок местности, а тихое, укромное, уютное, замкнутое место с богатой природой, наделенное символикой спасения, укрытия от жизненных невзгод и непогоды. Это указывает

на глубокую интеграцию слова в языковую картину мира и его положительную коннотацию.

Апеллятив восходит к монгольскому источнику: ср. монг., бур. диал. *burtan* ‘сало в нижней части брюшной полости (животных)’ [Калужинский 1978: 76]. Развитие значения в якутском языке ‘пах’ → ‘укромный уголок’ представляет собой автохтонное семантическое развитие, возможно, мотивированное указанным выше символическим значением.

Апеллятив представлен в ограниченном количестве названий, что может свидетельствовать о его узкой семантической специализации: а. *Быттык Алааһа*, а. *Бытталаах*, падь *Бытталаах Үрэх*.

Дьабадьы. Соматизм *дьабадьы* ‘угол рта’ в якутской орографической терминологии приобрел значение ‘две противоположные стороны географического объекта’, а также ‘географический объект, служащий разделом’ (напр., подходящая к берегу полоска леса) [ТСЯЯ III: 274; СТЛ 2019: 95; СЯЯ I: 256]. Перенос основан на топологическом и функциональном признаке: углы рта как крайние, противоположные точки, ограничивающие рот → раздел, граница, противоположные стороны в ландшафте. В якутской оронимии зафиксирован один ороним – а. *Дьабадьы*.

Лексема является прямым заимствованием из монгольских языков: стп.-монг. *jabaji*, халх. *завьж*, бур. *жабжа*, калм. *зэвж* ‘уголки рта’ [ЭСМЯ II: 52; Рассадин 1980: 67]. В отличие от *быттык*, данный апеллятив был заимствован уже в качестве готового орографического термина: в монгольской топонимии *jabaji* ~ *завьж* имеет значение ‘край горной пади, долины’ [Данзанова 2012: 85]. Следовательно, якутский язык воспринял не только слово, но и готовую модель метафорического переноса.

Ньюур. Соматизм *ньюур* ‘лицо человека; лик, облик’ в якутской орографии функционирует со значением ‘гладкая, ровная поверхность чего-либо’ (например, поляны) [БТСЯЯ VII: 146]. Данный метафорический перенос основан на визуально-субстантивном признаке: лицо как гладкая, открытая видимая

поверхность → гладкая, открытая поверхность участка земли. В якутской оронимии зафиксирован один ороним – г. *Тыаллаах Ньуура*.

Апеллятив является монгольским заимствованием [Рассадин 1980: 68]: стп.-монг. *niuir*, халх. *нуур*, бур. *нюур*, калм. *нур* ‘лицо, облик’ [ЭСМЯ II: 198]. Орографическая метафора также имеет прямые параллели в монгольских языках: монг. *нуур* ‘лицо’ употребляется в значении ‘поверхность, склон’ (ср.: *нарийн нууруул* – ‘гора с узким лицом / склоном’) [Данзанова 2012: 97]. В бурятском языке семантика развилась далее: *нюруу* означает ‘поверхность; гребень’ [БурРС II: 631], что демонстрирует общую модель метафоризации.

Самах. Соматизм *самах* ‘часть тела, образуемая внутренней стороной бедер и тазовыми костями’ в географической терминологии развил значения: 1) мыс, вершина треугольника, образуемого двумя соединяющимися реками; 2) (устар.) промежуток на месте слияния или раздвоения чего-либо [СТЛ 2019: 266; БТСЯ VIII: 204]. Перенос основан на топологическом признаке: сходство формы расставленных бедер (пространство между ними) с участком суши между двумя водными потоками (реками).

Лексема имеет монгольские параллели: ср. бур. *сами* ‘пах’ [БурРС II: 143]. Однако орографическое значение, по имеющимся данным, является якутской семантической инновацией, не зафиксированной в языке-источнике.

В якутской оронимии *самах* зарегистрирован в составе двух оронимов – а. *Самах*, *Сэттэ Самахтаах*.

Тонголох. Апеллятив *тонголох* (вариант *тонгонох*) ‘локоть’ в оронимии используется в значении ‘мыс’ [СТЛ 2019: 241]. Данная метафора является классической и основана на визуальном сходстве: выступающий локоть → выступающая в водоем часть суши.

Лексема имеет прямые лексические соответствия в бурятском языке: *тохоног* ‘1) локоть, локтевой сустав; 2) часть рукава женской одежды’ [БурРС II: 251]. Однако, что наиболее важно, орографическое значение ‘мыс’ в монгольских языках не зафиксировано. Это позволяет считать данный метафорический перенос семантическим развитием в якутском языке.

В якутской оронимии апеллятив демонстрирует относительно высокую продуктивность и разнообразие словообразовательных моделей: а. *Тонгонох*, поле *Тонгонох Алыы*, г. *Тонголох Хайа*, мыс *Сага Тонголох Тумса*, дол. *Тонголохтоох*, г. *Ойуун Тонгонобо*, а. *Тиргэлээх Тонголобо*.

Чанчык. Соматизм *чанчык* ‘висок, волосы на висках’ в якутской орографической терминологии функционирует со значением ‘бок, боковая часть, боковая сторона географического объекта’ [СТЛ 2019: 301]. Основой для данного переноса послужил локально-топологический признак: висок как боковая часть головы → боковая часть любого объекта. Важно отметить, что в данном случае механизмом номинации выступает не метафора (основанная на сходстве), а метонимия (перенос по смежности, в рамках целого – ‘голова’ – и его части – ‘висок’). В якутской оронимии апеллятив зафиксирован в одном орониме – а. *Чанчык Алааһа*.

Апеллятив является монгольским заимствованием. Его орографическое значение напрямую восходит к монгольской орографической лексике. Как отмечает Ч. Догсурэн, в монгольской терминологии *санчиг* ‘висок’ может обозначать ‘верхнюю (юго-западную и юго-восточную) часть горы’ [Догсурэн 1985: 50]. Более того, в сочетании *ойн санчиг* ‘висок леса’ лексема приобретает значение ‘опушка леса’ [БАМРС IV: 92; Казакевич 1934: 21], что соответствует якутской семантике ‘боковая сторона’.

Следовательно, наблюдается цепочка семантического развития: ‘анатомическая часть тела’ (‘висок’) → ‘боковая часть объекта’ (в монг. *ойн санчиг* ‘опушка леса’, ‘боковая часть горы’) → ‘боковая часть географического объекта’ (в як. *чанчык*).

2.1.2.5.1.2 Наименования внутренних органов человека и животных, употребляемых в оронимии

Таналай. Соматизм *таналай* ‘нёбо’ в якутской орографии приобрел значение ‘ступенчатый вид горы’ [БТСЯЯ X: 201]. Данный метафорический перенос основан на топологическом признаке: свод нёба, имеющий сложный

изогнуто-вогнутый рельеф, уподобляется ступенчатому, расчлененному склону горы. Аппеллятив зафиксирован в одном орониме: г. *Тангалайдаах Хайа*.

Аппеллятив является монгольским заимствованием. По фонетическому облику якутская форма *тангалай* тяготеет к бурятскому *тангалай* ‘нёбо’. Важным является то, что в монгольских языках данный соматизм широко и продуктивно используется как орографический термин: п.-монг. *tangnai*, *tanglai*, монг. *тагнай*, *танлай* со значениями ‘твердое нёбо, изгиб; косогор, пригорок’. Устойчивое сочетание *тагнай огтло-* означает ‘идти через гребни гор, пересекать гребни гор’ [БАМРС III: 176, 190]. Следовательно, наблюдается прямая семантическая параллель: в монгольских языках значение развилось по пути ‘нёбо’ → ‘изгиб’ → ‘косогор, гребень горы’.

Хабарба. Соматизм *хабарба* ‘дыхательное горло, трахея; передняя часть шейного отдела’ в якутской оронимии функционирует со значениями, связанными с понятием ‘ограниченного пространства’ и ‘удлиненности’: ‘узкий проход’, ‘узкий, продолговатых очертаний географический объект’, ‘суживающееся место, шейка географического объекта’ [СТЛ 2019: 278]. Данный перенос основан на топологическом и функциональном признаке: трахея как узкая, удлиненная трубка → узкий, удлиненный проход в ландшафте.

Этимология слова представляет собой сложный случай, указывающий на возможный семантический сдвиг в якутском языке. По фонетической форме якутское *хабарба* соотносится с общетюркскими формами *кабырга* ~ *ковурга* ~ *хабырга*... ‘ребро’, которые, в свою очередь, считаются заимствованиями из монгольских языков (ср.: п.-монг. *qabiry-a*, монг. *хавирга*[н] ‘ребро’) [СИГТЯ 2001: 275]. Однако в якутском языке значение слова сместилось с ‘ребра’ на ‘трахею, горло’. Это семантическое развитие, не зафиксированное в других тюркских или монгольских языках.

В других тюркских и монгольских языках слово со значением ‘ребро’ развило орографические значения, связанные с ‘выступом’, ‘склоном’, ‘отрогом’ (ср.: хак. *таг хабыргазы* ‘склон горы; косогор’ [Чертыкова 2023: 175], монг. *хавирга хяр* ‘гребень отрога’), что основано на топологическом сходстве ребра и

горного отрога. В якутском языке заимствованная лексема, приобретя значение ‘трахея’, породила иную метафорическую модель: ‘удлиненный узкий проход’, основанную на ином топологическом и функциональном сходстве.

В якутской оронимии демонстрирует устойчивую продуктивность и участвует в образовании следующих оронимов: а. *Хабарҕалаах*, а. *Хабарҕа Күрүө*, ущелье *Хабааран Хабарҕата*, поле *Улахан Сыһыы Хабарҕата* и др.

Чөмчөкө. Якутский соматизм *чөмчөкө* ‘голова; череп; верхняя челюсть’) в современном языке развил устойчивое метафорическое значение ‘верхушка, вершина чего-либо, возвышенность’ [БТСЯЯ XIV: 213; СТЛ 2019: 307]. Данный перенос основан на локативном признаке: голова как самая верхняя часть тела → вершина как самая верхняя часть горы или холма. На исследуемой территории зафиксирован один ороним – холм *Чөмчөкө*.

Прямых лексических соответствий в значении ‘череп’ или ‘вершина’ в других тюркских и монгольских языках обнаружить не удалось. Однако этимологический анализ позволяет выдвинуть обоснованную гипотезу о монгольском происхождении корня.

Семантическое и фонетическое сходство обнаруживается с монгольскими лексемами, восходящими к корню *čömtč-* ~ *čümč-* со значением ‘возвышаться, торчать, быть остроконечным’: п.-монг. *čömtčeger*, монг. *цөмцөгөр* ‘возвышающийся, торчащий’ [Kowalewski 1849: 1541] (ср. як. *чөмчөгөр* ‘остроконечный, конусообразный’ [Егинова 2014: 229]), п.-монг. *čümčisü*, монг. *цүмчис* ‘горка с остроконечной вершиной’ [Казакевич 1934: 18; БАМРС IV: 281]; калм. *цөмцүр* ‘высота, возвышенность’ [КалмРС 1977: 636]; п.-монг. *čümčasu*, монг. *цүмцас* ‘выступ’ [БАМРС IV: 275], калм. *цүмг* ‘холмик’ [КалмРС 1977: 640].

Вероятно, якутское *чөмчөкө* представляет собой образование от монгольской корневой основы *čömtč-*. Якутский язык развил из этой основы, означающей ‘возвышение’, ‘острие’, конкретное соматическое значение (‘череп’), которое, в свою очередь, по универсальной метафорической модели (‘голова’ → ‘вершина’) стало использоваться в орографии.

2.1.2.5.1.3 Наименования частей тела и органов животных, употребляемых в оронимии

Бүдүргэй. Зооморфный термин *бүдүргэй* ~ *бөдүргэй* ‘грудинка животного’ в якутской орографической терминологии функционирует со значением ‘голый высокий мыс (образуемый, напр., излучиной реки)’ [СЯЯ I: 518; ТСЯЯ II: 442]. Данный перенос является классическим примером метафоры, основанной на визуальном сходстве: выпуклая форма грудинки животного → выпуклая форма мыса, вдающегося в водное пространство.

Апеллятив является монгольским заимствованием: стп.-монг. *büdürkei*, халх. *бүдэрхий* (анат.) ‘рукоятка грудины’ [ЭСМЯ I: 122]. Орографическое значение, по всей видимости, является якутской семантической инновацией, развившейся на местной почве после заимствования исходного анатомического термина.

В якутской оронимии апеллятив представлен в названиях: мыс *Бөдүргэй*, поле *Бүдүргэй*, г. *Бүдүргэй Хайа*.

Кутуйа. Термин *кутуйа* ‘сычуг – второй желудок жвачных животных’ в географической терминологии функционирует в значениях ‘морской или речной залив’ и ‘выдавленная часть поляны’ [БТСЯЯ IV: 562; СТЛ 2019: 130]. Данный перенос основан на топологическом и функциональном признаке: сычуг как вместилище сложной формы → залив или впадина как вместилище воды или углубление в рельефе.

EDAL устанавливает для данной основы монгольско-тунгусскую изоглоссу: пратунгусская основа **gudige* со значением ‘желудок’ и прамонгольская в значении **gede-siin* ‘живот, внутренности’ [EDAL 2003: 552]. Рефлексы представлены в монгольских (ср. бур. *хото*, калм. *хот* в значении ‘желудок’ [ЭСМЯ III: 60]) и тунгусо-маньчжурских языках (ср.: эвенк. *кото* ‘зоб’, *котодо* ‘желудок’, маньчж. *қодо* ‘желудок’ [ССТМЯ I: 418]). Слово также присутствует в тюркских языках Сибири: тув. *кodu* ‘желудок’. хак. *хоты* ‘сычуг’ [БТСЯЯ IV: 562]. Орографическое значение не выявлено в других языках.

В якутской оронимии *кутуйа* зафиксирован в составе двух оронимов – а. *Үс Кутуйалаах*, *Мончуурун Кутуйалааба*.

Хаансаар. Устаревший термин *хаансаар* ‘ноздри у животного’ и его современный вариант *хонсоор* ‘большой горбатый (о носе)’ в якутской оронимической системе функционируют со значением ‘возвышенность среди сенокосного поля вроде холма’, а также служат для обозначения ‘горбатого или выпуклого орографического объекта’ [БТСЯЯ XIII: 583, 121; СТЛ 2019: 293]. Данный перенос основан на синтезе топологического (выпуклая форма ноздрей или горбатого носа) и локального (ноздри как выступающие части морды) признаков.

Апеллятив является монгольским заимствованием, что подтверждается данными В. И. Рассадина [Рассадин 1980: 67] и наличием прямых фонетических и семантических соответствий: стп.-монг. *qongsiyar*, халх., бур. *хоншоор*, калм. *хоңшар* со значением ‘рыло; клюв’ [ЭСМЯ III: 54]. Термин также функционирует в значении ‘выступ’ [Там же: 54].

Якутский апеллятив зафиксирован в следующих названиях: мыс *Хонсоор*, г. *Хаансаар*, *Собуруу Хаансаар*.

Хонуруу. Зооморфный термин *хонуруу* ‘переносица, передняя часть морды животного’ в якутской орографической терминологии развил комплекс значений, связанных с концептом линейной возвышенности: 1) удлиненная возвышенность в виде неширокого хребта; 2) водораздел; 3) выпуклость земной поверхности; 4) гребень; кряж [СТЛ 2019: 294]. Данный перенос основан на топологическом признаке: переносица как выпуклый, удлиненный элемент на морде животного → удлиненная возвышенность в рельефе.

В оронимии Якутии, по нашим данным, *хонуруу* с приведенными выше значениями представлено в наименованиях: г. *Хонуруу*, *Хоноруу*, горы *Хонуруу*, г. *Хонуруу Хайа*, мыс *Хонуруу Тумуһаба*, г. *Хонуруу Хайата* и др.

Лексические соответствия имеются в тюркских языках Сибири: телеут. *кангырык* ‘переносье’, *конгыр* ‘переносица’, хак. *харых*, шор. *канжыр* ‘переносица’. В специальных исследованиях *хонуруу* рассматривается как исконно тюркское слово и возводится к праформе **хангруб*, *канур(уб)* [Иванов 1980: 28]. М. Рясянен

вслед за Г. Рамstedтом и Н. Поппе считает телеутские, якутские и другие тюркские данные монголизмами [Дмитриева 1984: 85].

Хакасское *харых* ‘переносица’ функционирует как орографический апеллятив со значениями: ‘мыс’, ‘седловина между двух гор, пониженное место соединения гор’: *Хайалыг харых* ‘скалистый мыс’, *Узун харых* ‘скалистая седловина (соединение гор)’, *Хулаат харыгы* ‘седловина саврасого коня’ [Сунчугашев 1999: 70].

Апеллятив демонстрирует высокую продуктивность и активность в образовании оронимов, выступая как в качестве самостоятельного названия, так и в роли определяющего компонента: г. *Хонуруу*, г. *Хоноруу*, горы *Хонуруу*, г. *Хонуруу Хайа* и др.

2.1.2.5.2 Бытовая лексика

Долбуур. Апеллятив *долбуур* ‘горизонтальная полка’ в орографии приобрел значение ‘горизонтальное, ровное место на склоне горы; выступ’ [ТСЯЯ III: 152]. В основе данного переноса лежит метафора, основанная на визуальном сходстве формы: выступ в рельефе ассоциируется с полкой, «прикрепленной» к склону. На исследуемой территории данный термин зафиксирован в одном орониме: горы *Долбуурдаах*.

Этимология слова указывает на монгольское происхождение: монг. *долбуур* ‘широкая большая полка’ [Рассадин 1980: 69], что, однако, не нашло прямого отражения в топонимии сопредельных монгольских народов.

Сабарай. Апеллятив *сабарай*, исходно обозначавший ‘берестяную плоскую посуду большой ёмкости’ [БТСЯЯ VIII: 115] в географическом смысле он развил значение ‘широкая, округлая по форме местность; сенокосное угодье’ [СТЛ 2019: 198], что демонстрирует переход от признака «вместилища» (для мяса, кумыса) к признаку «пространства, вмещающего» угодье или пастбище. На исследуемой территории выявлены следующие оронимы с апеллятивом *сабарай*: а., луг, поле *Сабарай*, мыс *Сабарай Тумуһа*.

Этимологический анализ выявляет сложный межъязыковой характер слова. Возможным исходным является тюркское *саба* ‘кожаный мешок, бурдюк’,

‘берестяная посуда’, распространенное в кыпчакских (кирг., тат., каз., ног.) и сибирских тюркских (алт., тув.) языках [ЭСТЯ VII: 126]. Параллельно существует монгольский пласт: халх., калм. *сав*, бур. *хаба*, *саба*, мнгр. *сава* ‘посуда, сосуд’ [ЭСМЯ III: 81]. Большинство исследователей склоняется к монгольскому источнику заимствования [ЭСТЯ VII: 126; Щербак 2005: 42]. В Этимологическом словаре тувинского языка *сава* рассмотрено как заимствование из халхасского языка [Татаринцев V: 33–35].

Важно, что в монгольских языках данная лексема также прошла путь семантического переноса в географическую сферу, разлив значения ‘(перен.) мир, местность’ и ‘нейтральная местность’ [ЭСМЯ III: 81]. В тувинском языке слово *сава* имеет также географическое значение ‘русло’ [ТСТЯ II: 601].

Чарапчы. Апеллятив *чарапчы* иллюстрирует перенос на основе функционального сходства. Исходно обозначая ‘навес, козырек’ или ‘полку над камельком’ [СЯЯ III: 3577; БТСЯЯ XIV: 116], в оронимии он приобрел орографическое значение: ‘закраина, карниз на склоне горы’ или, что особенно значимо, ‘небольшая гора Г-образной формы, защищающая скот от ветра и пурги’ [СТЛ 2019: 302]. Здесь ключевым становится не столько форма, сколько функция защиты и укрытия, перенесенная с архитектурного объекта на природный. Нами зафиксирован один ороним с апеллятивом *чарапчы*: г. *Чарапчы Хайа*.

Якутское *чарапчы* В. И. Рассадина относит к монголизмом: стп.-монг. *sarabči*, халх. *саравч*, бур. *һарабша* ‘сарай, навес’, калм. *сарвч* ‘абажур; козырёк’ [ЭСМЯ III: 90]. Бурятский термин «*сарабша* – небольшая Г-образная, если смотреть сверху, гора. ... Местные жители считают, что гора *сарабша* загораживает от ветра – в пургу и метель здесь всегда бывает тихо и тепло, что имеет большое значение для скотоводов» [СТЛ 2019: 302].

Чонхой. Апеллятив *чонхой* ‘маленькая глубокая деревянная чаша’ в оронимической системе слово метафорически переосмысливается для номинации ‘небольшого, защищённого со всех сторон углубления в рельефе’ [СТЛ 2019: 305]. Данный перенос, основанный на визуально-пространственном сходстве (замкнутость, глубина), демонстрирует общую модель осмысления рельефа как

подобия посуды / вместилища. На исследуемой территории модель реализована в двух оронимах: а. *Чонхой, Быычахай Чонхойо*. Ср.: стп.-монг. *ᠴᠣᠩᠬᠠᠢ*-, халх. *цонхий*- ‘становиться худым, измождённым’ [ЭСМЯ I: 151].

Чопчу. Наиболее показательным примером метафорического переноса по признаку выпуклости выступает апеллятив *чопчу*. Данная лексема в Словаре якутского языка Э. К. Пекарского зафиксирована в значении ‘пуговица; сосок’ [СЯЯ III: 3646]. В современном якутском литературном языке *чопчу* имеет значение ‘сосок (у женщин, самок млекопитающих)’ [БТСЯЯ XIV: 184].

Этимологический анализ не только подтверждает монгольское происхождение слова (стп.-монг. *tobči*, халх., калм. *товч*, бур. *тобио* ‘пуговица; сосок; пуля’ [ЭСМЯ III: 207]), но и раскрывает глубину когнитивной модели. Реконструируемая прамонгольская основа **tob-* несла в себе семантику ‘выпуклости’ во всем многообразии ее проявлений: ‘холм; комок; пуговица; шишка; каблук’ [EDAL 2003: 1460]. Следовательно, современные значения в якутском и монгольских языках являются не результатом случайного переноса, а закономерными наследуемыми дериватами от общей протоформы. Это указывает на исключительную древность и устойчивость метафоры «выпуклый предмет → элемент рельефа».

Апеллятив *чопчу* ‘бугор, холм, сопка’ в якутской оронимии отмечается в следующих названиях: бугор, сопка *Чопчу*, мыс *Туора Чопчу Тумул*, а. *Чопчулаах, Бүөтүр Чопчулааба*.

Энээр. Якутское *энээр* ‘передняя или нижняя пола одежды’ [БТСЯЯ XV: 256] используется для обозначения ‘склона, подножия, края’ географического объекта, что зафиксировано в оронимах: а. *Энэр Алааһа, Сэттэ Энэрдээх*.

Данный перенос, основанный на аналогии расположения (нижняя, краевая часть), является межъязыковым. Он надежно засвидетельствован в монгольских языках: халх., бур. *энгэр* ‘лацканы, борта’; калм. *энгр*, бур. (зап.) *энгин* ‘берег’; калм. *энг* ‘нижний край горы, подножие’; халх. *энгэр* ‘южный склон горы’ [ЭСМЯ I: 216]. Модель активно реализуется в топонимии Монголии (напр., *Цагаан толгойн энгэр* ‘южный склон белого холма’) [Данзанова 2012: 95].

Важно отметить, что идентичная модель продуктивна и в тюркских языках: алт. *эдек* ‘1) пола одежды, подол; 2) *сыннын эдегинде* – подошва хребта’, башк. *итэк* ‘1) подол; 2) подошва горы (*тау итэге*)’, тат. *итэк* ‘1) подол, пола, фалда, часть платья ниже талии; 2) колени; 3) подножие горы’, тув. *эдек* ‘1) подол, пола; 2) подножие горы’ [Молчанова 2018: 130].

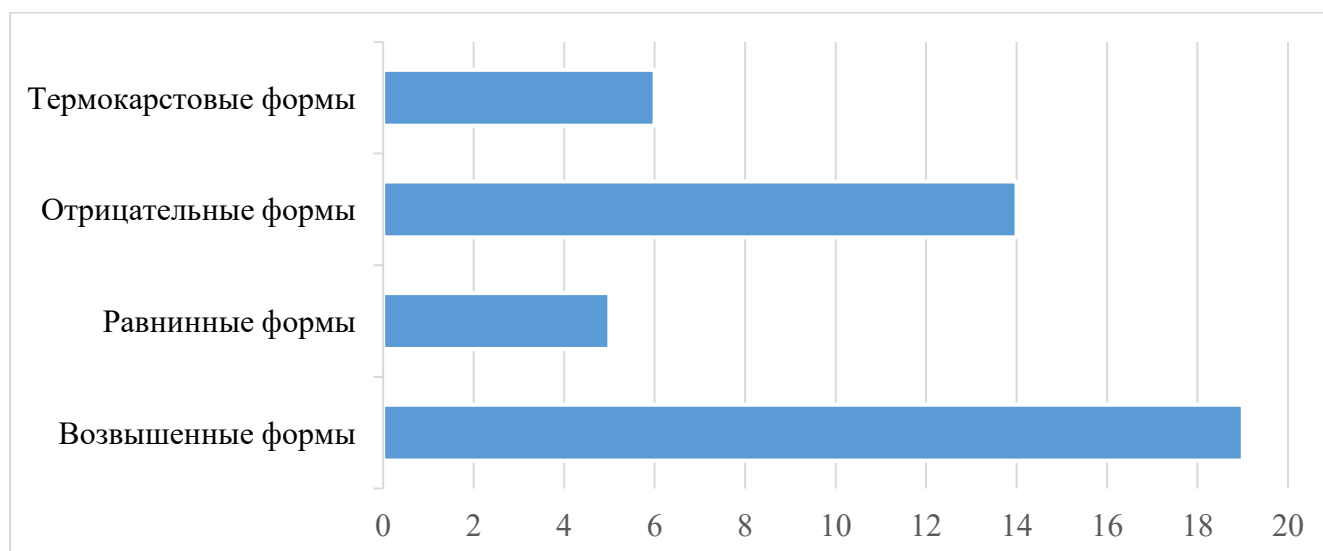
Вывод по параграфу 2.1.2

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ позволяет сделать следующие выводы о пласте монгольских по происхождению орографических апеллятивов в якутской оронимической системе.

В ходе исследования выявлено 62 апеллятива монгольского происхождения. Несмотря на то, что данный пласт количественно уступает тюркскому, он составляет важнейший структурный и семантический компонент якутской оронимии, отражающий интенсивные и длительные историко-культурные контакты предков якутов с монголоязычными народами. Для наглядности распределение по группам представлено на Диаграмме 3.

Диаграмма 3

Распределение апеллятивов – заимствований из монгольских языков по семантическим группам

Для монгольских апеллятивов характерна неравномерная продуктивность, аналогичная тюркскому пласту:

- высокопродуктивные: небольшая группа терминов образует большинство оронимов. К ним относятся: *булгуннях* (>80 оронимов), *толоон* (> 60 оронимов);
- среднепродуктивные: представлены в нескольких или десятках названий (*быраан, дабаан, тобой*);
- непродуктивные / единичные: значительная часть апеллятивов зафиксирована в одном-двух оронимах (*килиэр, налыы, чохчо*).

Заемствованные апеллятивы подверглись полной адаптации к системе якутского языка. Многие термины претерпели фонетические изменения и семантические сдвиги, адаптируясь к новым географическим реалиям. Например, монг. *оргил* ‘вершина, пик’ > як. *оргул* ‘незатопляемое возвышение’, монг. *цогц* ‘куча’ > як. *чохчо* ‘бугор, булгуннях’, монг. *шэлэ* ‘гребень, возвышенность’ > як. *силээн* ‘впадина, ложбина’.

Анализ позволяет отметить возможную хронологическую стратификацию заимствований, однако она носит дискуссионный характер и основана на фонетических критериях, интерпретация которых может быть различной:

- ранний пласт: к нему принято относить заимствования, сохранившие архаичные фонетические черты, отсутствующие в современном бурятском языке, например, аффрикату *č*- (як. *ч*-), как в апеллятиве *чочур* ‘остроконечная сопка’ (стп.-монг. *čоүčiуi*-). Согласно одной из точек зрения, эти заимствования могли попасть в якутский язык до завершения процессов деаффрикатизации в бурятском [Рассадин 2019: 327];

- поздний пласт («бурятиязмы»): к этому слою ряд исследователей (С. Калужинский, В. И. Рассадина [Рассадин 2019: 327]) относят лексику, в которой монгольские аффрикаты и сибиллянты адаптировались в якутском как /s/, а не как /č/ или /š/, например, *силээн* ‘впадина’ (стп.-монг. *šili*, бур. *шэлэ*). Данный способ адаптации сближается с адаптацией русских заимствований (*ц, с, з, ш, ж* >

с), что позволяет предположить их проникновение через бурятский язык после завершения в нем деаффрикатизации [Малышева 2024: 355];

– общеалтайская лексика: для части апеллятивов (напр., *буом* ‘теснина’, *дабаан* ‘перевал’) вопрос о непосредственном источнике заимствования (тюркский или монгольский) остается открытым. Широкая распространенность в тюркских и монгольских языках может указывать на их общее алтайское наследие, что затрудняет датировку и определение направления заимствования.

Важно отметить, что стратификация, основанная на отражении аффрикат, является предметом научной дискуссии. Альтернативная точка зрения (Н. Поппе, Н. Н. Широбокова [Широбокова 2001: 93]) рассматривает слова с переходом $\check{s} > s$ не как поздние бурятизмы, а как ранние монголизмы, подвергшиеся действию древнего якутского фонетического закона.

Анализ метафорических апеллятивов выявил пласт лексики, свидетельствующий о интенсивных и глубоких языковых контактах. Заимствование не ограничилось отдельными словами, а включило готовые модели метафорического осмысления пространства. Такие апеллятивы, как *тангалай* ‘нёбо’ → ‘ступенчатый склон’), *чанчык* ‘висок’ → ‘боковая часть’, *хаансаар* ‘ноздри’ → ‘выступ’, демонстрируют, что якутский язык воспринял из монгольских языков целые когнитивные схемы номинации рельефа через призму тела.

Монгольские апеллятивы были интегрированы в якутскую систему двумя основными способами:

– прямое заимствование готовой модели: заимствование лексемы вместе с ее уже сложившимся орографическим значением, например, *чанчык* ‘висок’ → ‘бок склона’ (монг.) → ‘боковая часть’ (як.);

– заимствование с последующей семантической адаптацией: заимствованная лексема *хабарҕа* ‘ребро’ (монг.) претерпела в якутском языке семантический сдвиг *хабарҕа* ‘трахея’ (як.) и на этой новой основе породила метафору *хабарҕа* ‘узкий проход’).

Установлены универсальные когнитивные механизмы, лежащие в основе метафорических переносов, аналогичные тюркскому пласту: локативный признак, топологический признак и функциональный признак.

Таким образом, пласт монгольских заимствований представляет собой не случайный набор лексем, а структурно и семантически организованный компонент якутской оронимии. Его наличие и характер свидетельствуют о глубоких контактах предков якутов с монголоязычным миром, в результате которых якутский язык не только заимствовал готовые номинации, но и творчески переработал их, создав уникальную и точную систему описания сложного ландшафта Якутии.

2.1.3 Апеллятивы – заимствования из тунгусо-маньчжурских языков

В ходе сравнительно-сопоставительного анализа орографических апеллятивов в якутской оронимии выявлено 17 заимствований из тунгусо-маньчжурских языков (в первую очередь, эвенкийский и эвенский). Все выявленные апеллятивы классифицируются на три основные группы: 1) апеллятивы возвышенных форм рельефа; 2) апеллятивы равнинных форм рельефа; 3) апеллятивы отрицательных форм рельефа.

2.1.3.1 Апеллятивы, служащие для обозначения возвышенных форм рельефа

Классификация апеллятивов осуществляется аналогично процессу классификации апеллятивов тюркского и монгольского происхождения по следующим подгруппам: 1) наименования возвышенностей разных типов в зависимости от их высоты; 2) наименования возвышенностей по форме; 2) наименования возвышенностей по характеру почвы; 3) наименования возвышенностей по наличию / отсутствию растительности; 4) наименования возвышенностей по месту расположения.

2.1.3.1.1 Наименования возвышенностей разных типов в зависимости от их высоты

Кунтукэ. Аппеллятив *кунтукэ* зафиксирован в есейском и оленекском говорах якутского языка в значении ‘сухое возвышенное место, холмик’ [ДСЯЯ 1976: 131]. В СТЛ ему также соответствуют значения ‘неровное место, кочки в тундре; поляна на горе, на возвышенности; чистая поляна на берегу реки’ [СТЛ 2019: 133].

Данная лексема восходит к эвенкийскому *кунгтыкээ* со значением ‘сухое место, холмик, бугор’ [ДСЯС 1995: 92; ЭвенкРС 1958: 220].

В оронимии с данным аппеллятивом засвидетельствован один ороним: г. *Кунтукэ*.

Лонтохо. Аппеллятив *лонтохо* в оленекском говоре имеет следующие значения: 1) возвышенность, гора; 2) горный хребет; 3) высокое место, возвышенность на поле; 4) возвышенные места, сопки [Романова и др. 1975: 171]. Близкое значение ‘высокая возвышенность’ отмечается в булунском говоре [Там же: 171], а в анабарском говоре встречается фонетический вариант *лонтохо* в значении ‘высокий холмик в тундре’ [ДСЯЯ 1976: 151].

Происхождение слова связывается с эвенкийским *лондоко* ‘высота (самая высокая точка горного плато); гора, сопка’ [ССТМЯ I: 517]. Стоит отметить этимологию, предложенную Нь. Багдарыином, который возводит *лонтохо* к основе *лонто-* ~ *лондор* [lonɖor] ‘скала’ с архаическим общеалтайским аффиксом множественного числа *-р*, продуктивным в тунгусо-маньчжурских языках [Багдарыин 2018: 83].

Данный аппеллятив употребляется как самостоятельно, так и в составе сложных оронимов: г., сопка *Лонтохо*, возв. *Хаастаах Лонтохо*, возв. *Туустаах Лонтохо*, сопка *Дьаакап Лонтохото*, г. *Уһуктаах Лонтохото*.

Чурбука. Аппеллятив *чурбука*, засвидетельствованное в говорах якутского языка в значениях ‘1) горы, вершины; 2) бугор, холм; 3) возвышенность на горном хребте’, является заимствованием из эвенкийского *чурбукэ* ‘куча; бугор, холм; сугроб’ [ССТМЯ II: 303].

В оронимии аппеллятив представлен в фонетических вариантах *чурбука* ~ *чурбукэ* и встречается в следующих названиях: г. *Чурбука*, г. *Атырыкаан Чурбуката*, г. *Чурбукэ Хайата*.

2.1.3.1.2 Наименования возвышенностей по форме

Дьолон. Апеллятив *дьолон* ~ *дьолоон*, выступающий в значении ‘отвесный камень, скала, служащая убежищем для горного барана (чубуку)’ [СТЛ 2019: 98], послужил основой для образования оронимов *Барыллыалаах Дьолонго* и *Дьолоон*.

Данная лексема имеет тунгусо-маньчжурское происхождение, что отмечается исследователями [Багдарыын, Попов 2018: 107] и находит прямое подтверждение в языках-источниках: ср. эвенк. *жоло*, эв. *жол* ‘камень’ [ССТМЯ I: 263].

Кыла. Апеллятив *кыла*, известная в алданском и олекминском говорах в значении ‘отвесная голая скала; выступ скалы, служащий укрытием для горных баранов или изюбрей’ [СТЛ 2019: 138], представлена в оронимии в составе названия скала *Дьүүктэ Кылата*.

Этимология слова убедительно возводится к эвенкийскому языку: ср. эвенк. *кёла*, *кила* ‘плоскогорье; широкая долина; скала (на водоразделе)’ [ССТМЯ I: 387], что также отмечено в [СТЛ 2019: 138].

2.1.3.1.3 Наименования возвышенностей по характеру почвы

Хадаар. Якутское слово *хадаар* означает ‘каменистое, выдающееся вершиною возвышение, скала, утёс’ [БТСЯЯ XIII: 178]. В составе сочетания *хадаар сир* оно передает значение ‘неровная поверхность с расщелинами и впадинами’ [Там же: 178].

Этимология апеллятива восходит к тунгусо-маньчжурским языкам: ср. эвенк. *кадаар*, эв. *кадаар* ‘скала, утес’ [ССТМЯ I: 360]. Следует отметить, что хотя сами тунгусо-маньчжурские параллели (тунг.-манчж. *kadäga*, *kadār* ‘скала’) часто рассматриваются как заимствования из монгольского языка, якутские формы (*xadaya*, *xada:r*) традиционно и обоснованно квалифицируются как тунгусизмы [СИГТЯ 2001: 96].

В оронимии данный апеллятив представлен следующими примерами: г. *Хадаар*, г. *Хадаарындьа*, а. *Хадаардаах Билии*.

2.1.3.1.4 Наименования возвышенностей по наличию / отсутствию растительности

Босхо. В лексике жиганского говора для обозначения вершин скалистых гор и гольцев зафиксирован апеллятив *босхо* [ДСЯС 1995: 59].

Наиболее вероятным представляется его заимствование из эвенкийского языка, где лексема *босого* имеет значение ‘северный склон’ [Там же: 59]. Несмотря на некоторое расхождение в семантике (признак ‘отсутствие растительности’ и ‘экспозиция склона’), связь представляется убедительной, так как северные склоны в условиях Якутии часто являются более холодными и менее залесенными.

Данный апеллятив является продуктивной и встречается в составе ряда оронимов, таких как: г. *Босхо*, хр. *Босхочоон*, г. *Абалакаан Босхото*, булг. *Хатыыс Босхото* и т.д.

Дьяаны. Апеллятив *дьяаны* зафиксирован в лексикографических и топонимических источниках в значениях: ‘каменная скала; безлесная гора, голец’ [СЯЯ I: 706], ‘скала, лишенная растительности; голая поверхность каменной гряды’ [ТСЯЯ II: 263], ‘голец, голый утес, высокая каменистая гора с обнаженной вершиной; скалистые горы; каменная гряда’ [СТЛ 2019: 94]. В сочетании *таас дьяаны* значение конкретизируется как ‘нагромождение каменных скал без растительности, гольцы’ [БТСЯЯ X: 95]. Стоит отметить, что в говорах якутского языка семантика слова сужается до: а) ‘тундра’; б) ‘возвышенность в тундре’ [ДСЯЯ 1976: 92].

Этимология слова убедительно возводится к тунгусо-маньчжурским языкам. Прямые параллели обнаруживаются в эвенк. *јаң* ‘сопка-голец (с нетальником на вершине), безлесная гора’, нег. *јаң* ‘сопка-голец’, орок. *јаң* ‘гора; горный хребет’, нан. *јаңи* ‘гора (с нетальником на вершине)’ [ССТМЯ I: 341].

Тунгусо-маньчжурские формы сопоставляются с прамонгольской основой *janggir* ‘лысый, оголенный, лишенный растительности (о горах)’ [ССТМЯ I: 341] и более поздними монг. *yang*, *ян* ‘голый; голая гора, голец’ [БАМРС IV: 464]. Однако, как отмечает Э. Равдан, в современном монгольском языке данный термин архаичен и практически вышел из употребления, сохранившись лишь в ограниченном круге оронимов (напр., *Дуут ян*, *Жинст ян*, *Шитэн ян*) [Равдан 2008: 33], что может свидетельствовать о его заимствованном характере.

В оронимии исследуемого региона апеллятив *дьаангы* является высокопродуктивным. Он функционирует как в качестве самостоятельного оронима (хр. *Дьяангы*), так и выступает в роли апеллятивного компонента в составе сложных названий, что подтверждается многочисленными примерами: кряж *Сүрэх Дьяангы*, *Сүүл Дьяангы*, голец *Ыҥыыр Дьяангы*, горы *Чуобурдаах Дьяангы*, *Былчын Дьяангыта*, г. *Кубалыыр Дьяангыта*, г. *Халын Муус Дьяангыта* и др.

Кугда. Апеллятив *кугда*, обозначающий ‘холмистую местность, лишенную растительности’, зафиксирован в есейском и оленекском говорах якутского языка [СТЛ 2019: 122].

Наиболее вероятным является ее заимствование из эвенкийского языка [ДСЯЯ 1976: 120], что подтверждается наличием прямых фонетических и семантических параллелей: ср. эвенк. *кугда*, *гугда* ‘высокий, высоко’, а также *гугдан* ‘высота, сопка’ [ССТМЯ I: 166].

В оронимии данный апеллятив встречается как в качестве самостоятельного названия (поле *Кугда*), так и в составе сложных оронимов: *Сайылык Кугда*, дол. *Кугда Хотото*.

Кыртас. Якутское слово *кыртас* имеет значения: ‘1) гора или возвышенное место с сухостоем после лесного пожара; 2) высокие обрывистые берега рек’ [БТСЯЯ V: 334], а также ‘гора, скала, лишенная растительного покрова’ [СТЛ 2019: 142].

Внутренняя форма слова, по всей видимости, связана с прилагательным *кыртас* ‘чистый-пречистый, ослепительно чистый (без единого пятнышка)’ [БТСЯЯ V: 334], что мотивируется семантикой обнаженности, оголенности природного объекта. Эвенкийская параллель *гилтас* ‘блеск’ [ССТМЯ I: 151] может указывать на общий семантический источник – признак ‘чистоты, яркости, отсутствия покрова’.

С фонетическим вариантом *кыттас* апеллятив засвидетельствован в двух оронимах исследуемого региона: г. *Кыртас* и г. *Кыттас Хайата*.

Һынны. Для обозначения горного хребта, покрытого лесом, в говоре используется апеллятив *һынны* [СТЛ 2019: 227]. Ареал функционирования данного

апеллятива ограничен территорией Оймяконского района, где он зафиксирован в одном орониме хр. *Һынныкындьа*.

Происхождение слова связывается с эвенским языком: ср. эв. *хингни* ‘гора’ [РЭВС 1952: 117], что позволяет считать его эвенским заимствованием.

2.1.3.1.5 Наименования возвышенностей по месту расположения

Эмпэрэ. В современном якутском языке лексемы *эмпэрэ* ~ *эмпэ* известны в значении ‘крутой, обрывистый берег; крутой спуск, обрыв’ [БТСЯЯ XV: 213], а в топонимической лексике также выделяется значение ‘обрыв, крутой яр’ [СТЛ 2019: 321].

Этимология данного апеллятива является дискуссионной и отражает сложность языковых контактов.

Ряд исследователей (Э. К. Пекарский, Н. К. Антонов) возводят якутскую форму к монгольскому глаголу *эмбэрэх*- ‘разваливаться, разрушаться, отрываться’ [СЯЯ III: 259; Антонов 1971: 26; Иванов 2001: 27; БАРМС IV: 1693]. Данная гипотеза находит поддержку в современных бурятском (*эмдэрхэ*- ‘разрушаться, ломаться, разваливаться’ [БурРС II: 730]) и других монгольских языках (ср.: халх., калм. *эвд*-, бур. *эбдэ*-, *эмдэ*- ‘ломать, разбивать’; халх. *эмбэр*- ‘разламываться, разрушаться’ [ЭСМЯ I: 213]). Важным аргументом в пользу этой версии является и морфологическая структура: элемент *-ра* в якутском *эмпэрэ* трактуется как малопродуктивный, но широко распространенный в монгольских языках аффикс [Иванов 2001: 27; Бертагаев 1980: 127]. Кроме того, в EDAL устанавливается монгольско-тунгусская изоглосса для праформ *ebde*- ‘ломать, разрушать’ и *iari*- ‘ломать, портить’ соответственно. [EDAL 2003: 601]

Другая группа ученых рассматривает данное слово как заимствование из тунгусо-маньчжурских языков, приводя в качестве параллелей эвенк. *эмкэр*, *эмпэр*, *эмкурэ*, *эткэр* ‘высокий крутой берег’ [Романова и др. 1995: 166; Новгородов 2009: 158] и эв. *эмкэр* ‘берег реки; небольшое возвышение’ [Кейметинов 2000: 29]. Согласно интерпретации В. А. Кейметинова, эвенский термин образован от основы глагола *эм*- ‘подняться’ посредством аффикса *-кэр* ~ *-кар* и буквально означает ‘то

(место), на которое можно моментально подняться или с которого можно моментально спуститься' [Кейметинов 2000: 28–29].

Хотя монгольская версия происхождения (от *эмбэрэх*- 'разрушаться') существует и не может быть полностью отвергнута, вес доказательств склоняется в пользу тунгусо-маньчжурского источника для якутского *эмпэрэ*. Прямые соответствия, прозрачная словообразовательная структура в тунгусо-маньчжурских языках и точное семантическое совпадение делают эту этимологию более предпочтительной и обоснованной.

В якутской оронимии данный апеллятив представлен относительно скромно: падь *Эмпэ*, Куччугуй *Эмпэ*, Улахан *Эмпэ*.

2.1.3.2 Апеллятивы, служащие для обозначения равнинных форм рельефа

Бэрэ. Оронимы а. *Бэрэ*, падь *Бэрэ* *Үрэбэ* образованы от апеллятива *бэрэ* в значении 'поляна, прилегающая к озеру' [СТЛ 2019: 83]. Следует отметить, что в гидрографии данный термин также функционирует со значением 'озерцо, прилегающее к другому большому озеру (обычно не имеющее собственного названия)' [ТСЯЯ II: 882–883].

Этимология якутского *бэрэ* возводится к тунгусо-маньчжурским языкам, что подтверждается наличием прямых фонетических и семантических параллелей: ср. эвенк. *бира* 'река', эв. *би́ра* 'река', нег. *би́ја* 'речка, ключ', ульч. *би́ра* 'протока; ручей; залив' [ССТМЯ I: 84]. Представляется, что семантический переход 'река, протока' > 'озерцо, приозёрная поляна' является вполне закономерным в контексте географической терминологии.

Киллэм. В якутском языке апеллятив *киллэм* обозначает 'безлесное, открытое, ровное поле' [БТСЯЯ IV: 101–102] и 'открытая, чистая местность' [СТЛ 2019: 114].

Авторы Словаря топонимной лексики предлагают этимологию, связывающую его с тунгусо-маньчжурскими глаголами: эвенк. *гилдэ*- 'развернуть, разложить, раздвинуть', эв. *гилдэ*- 'расправлять, растягивать, вытягивать (шкуру, одежду, обувь); разглаживать' [ССТМЯ I: 150]. Можно предположить, что

семантика глаголов, связанная с идеей расширения пространства, легла в основу номинации открытого ландшафта.

На исследуемой территории с данным апеллятивом зафиксированы оронимы: поле *Киллэм*, луг *Киллэм Сыһыыта*.

Хочо. Якутское слово *хочо* обозначает ‘удлинённую впадину вдоль речного русла, долину’ [БТСЯЯ XIII: 634] и, в диалектных вариантах, ‘излучину, изгиб (реки, озера)’ [СТЛ 2019: 298].

Подавляющее большинство исследователей рассматривают данную лексему как заимствование из тунгусо-маньчжурских языков. Фонетическое соответствие между як. *хочо* и тунг.-маньч. *кочо* ~ *қочо* ~ *хочу* признается закономерным (чередования $k \sim q \sim x$ и $o \sim y$) [Данилова, Попова 2021: 72]. В частности, проводится прямая параллель с эвенк. *кочо* ‘излучина, извилина (реки); русло (извилистое); мыс; остров’ [ССТМЯ I: 419; СТЛ 2019: 298], а также с эв. *коч*, *кочали* ‘излучина, путь извилистый’, нег. *кочо* ‘излучина, мыс’, ульч. *Хочу* ‘изогнутый, кривой’ [ССТМЯ I: 419].

Данная этимология получает более широкий алтайский контекст в работе О. Т. Молчановой, сопоставляющей алт. *кожого* ‘приток реки и русло весенней реки’ с тунгусо-маньчжурскими языками [Молчанова 2018: 91]. В Этимологическом словаре алтайских языков приводится общеалтайская основа *кõše* со значением ‘кромка, выступ’: пратунгусская ‘излучина реки, мыс, угол’, прамонгольская ‘выступ, клюв’. В пратюркском ‘1) боковые части груди; 2) козырек’, в праяпонском ‘берег, край’, в пракорейском ‘выступ, край крыши’ [EDAL 2003: 726–727].

В якутской оронимии *хочо* является высокопродуктивной основой, которая употребляется как самостоятельно (дол. *Хочо*), так и в составе сложных оронимов. дол. *Хочо*, *Арбаа Хочо*, *Түгэх Хочо*, *Турангнаах Хочо*, *Дьабара Хочото*, *Кугда Хочото*, *Сырдык Хочото*, г. *Отто Хочо Хайата* и др.

2.1.3.3 Апеллятивы, служащие для обозначения отрицательных форм рельефа

Һаку. Лексема *һаку*, функционирующая в олекминском говоре якутского языка в значении ‘узкое, тесное место’ [СТЛ 2019: 226], является заимствованием из эвенкийского языка. Ее прямым источником послужило эвенк. *һаку* со значением ‘закрытый (со всех сторон); ограда’ [ССТМЯ II: 311]. Семантика исходного слова ‘замкнутое пространство’ полностью соответствует значению заимствования и мотивирует его орографическое применение.

В оронимии данный апеллятив представлен двумя примерами: ущ. *Һаку* и поле *Һакукаан Айаана*.

Энкэ. В якутском языке апеллятив *энкэ* обозначает ‘подводную или наводную рытвину, яму, глубокую трещину, промытую водой вдоль берегов реки, в которых застаивается вода’ [СЯЯ I: 270; ЯРС 1972: 542; БТСЯЯ XV: 250]. Данный апеллятив встречается в оронимии с топоформантами, в таких оронимах как а. *Энкэдэй, Энкээдэй, Энкэтэй*.

Что касается этимологии, общепринятой является точка зрения о его тунгусо-маньчжурском происхождении [СТЛ 2019: 322]. В качестве вероятного источника рассматриваются тунгусские параллели: эвенк. и эв. *һэнкэ, энкэ* ‘полынья, проталина’ [ССТМЯ II: 367]. Несмотря на некоторое расхождение в семантике (‘углубление в земле’ и ‘открытие во льду’), общей семой является идея ‘проема, провала’ в какой-либо поверхности.

Параллельно существует гипотеза о возможной связи с монгольскими языками, указывающая на лексико-семантическое сходство с бур. *энгин*, калм. *энгэ* ‘берег, побережье’ [СТЛ 2019: 322]. Однако данное сопоставление является менее очевидным с семантической точки зрения, поскольку значение монгольских слов смещено в сторону обозначения линии, а не отрицательной формы рельефа.

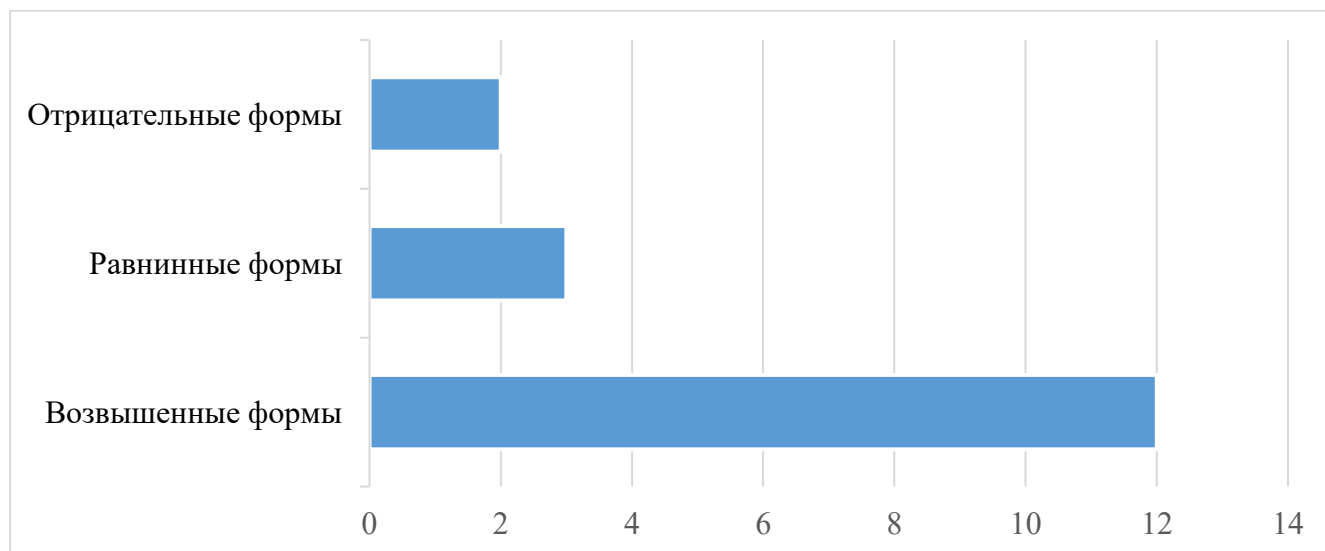
Вывод по параграфу 2.1.3

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ позволяет сделать следующие выводы о пласте тунгусо-маньчжурских по происхождению орографических апеллятивов в якутской оронимической системе:

Всего выявлено и систематизировано 17 лексических параллелей, которые демонстрируют высокую степень интеграции заимствованных апеллятивов в оронимическую систему Якутии. Они были структурированы по трем основным семантическим группам: обозначающие возвышенные, равнинные и отрицательные формы рельефа, представленные на Диаграмме 4.

Диаграмма 4

Распределение апеллятивов тунгусо-маньчжурского происхождения по семантическим группам

Для тунгусо-маньчжурских апеллятивов в якутской оронимии также характерна неравномерная продуктивность, аналогичная наблюдаемой в тюркском и монгольском пластах:

– высокопродуктивные апеллятивы составляют небольшую группу терминов, которые формируют основной массив оронимов. К ним относятся *босхо* (> 10 оронимов), *бэрэ* (> 10 оронимов), *дьааны* (> 10 оронимов) и *хочо* (> 20 оронимов);

- апеллятивы средней продуктивности находят отражение в нескольких оронимах. В эту группу относятся *лонтохо*, *чурбука*, *хадаар*, *эмпэ*, *энкэ*;
- непродуктивные или единичные апеллятивы составляют значительную часть выявленных заимствований. Большинство из них зафиксировано лишь в одном-двух оронимах. К ним относятся *дьолон*, *киллэм*, *кугда*, *кунтукэ*, *кыла*, *кыртас*, *хаку*, *һынгны*.

Этимологический анализ подтвердил, в первую очередь, эвенкийское и эвенское происхождение рассмотренных апеллятивов. При этом в ряде случаев (напр., *эмпэ* ~ *эмпэрэ*) наблюдается сложное взаимодействие тунгусо-маньчжурского и монгольского пластов, что требует дальнейшего углубленного изучения.

2.1.4 Апеллятивы – заимствования из юкагирского языка

В якутской оронимии зафиксирована единичная, но показательная лексическая параллель с юкагирским языком, связанная с апеллятивом, обозначающим отрицательную форму рельефа.

Якутское слово *өнньүөс* имеет значение ‘неглубокий длинный лог в долине реки, по которому весной может протекать подтаявший снег’ [БТСЯЯ VII: 434], а также ‘неглубокий длинный лог на поле’ [СТЛ 2019: 192]. В оронимии данный апеллятив представлен, в частности, следующими названиями: а. *Өнньүөс*, *Өнньүөс Алааһа*.

Этимология слова вызывает интерес. В качестве вероятного источника заимствования [Там же: 192] рассматривается юкагирское *өнниэ* со значением ‘речка’ [Курилов 1977: 114]. Несмотря на наблюдаемое фонетическое сходство, семантический переход ‘речка’ > ‘лог, промытый талыми водами’ представляется вполне закономерным в контексте географической терминологии, где признаки водного объекта и созданной им формы рельефа часто смешиваются.

Таким образом, несмотря на единичность случая, само наличие заимствования *өнньүөс* является важным свидетельством исторических контактов

между якутами и юкагирами и вклада юкагирского субстрата в формирование ландшафта Якутии.

2.1.5 Апеллятивы – заимствования из русского языка

В ходе исследования в якутской оронимии выявлено 5 апеллятивов, заимствованных из русского языка. По семантическому признаку они распределяются на три группы: апеллятивы, обозначающие возвышенные, равнинные и отрицательные формы рельефа.

2.1.5.1 Апеллятивы, служащие для обозначения возвышенных форм рельефа

Очуос. Апеллятив *очуос* в современном якутском литературном языке употребляется в значении ‘отдельно стоящий утес’ [БТСЯЯ VII: 375]. Данное слово представляет собой адаптированную фонетическую форму русского *утес*. Помимо указанного значения, в [СТЛ 2019: 192] приводятся значение ‘бугристая гора’ и примеры оронимов, в которые он входит в качестве компонента: утес *Манчаары Очуоһа*, г. *Охлопков Очуоһа*.

Суопка. В ряде говоров якутского языка (аллаиховском, анабарском, оленекском) для обозначения холма, бугра, булгуннях используется заимствованное русское слово *сопка*, выступающее в фонетических вариантах *суопка*, *һуопка* [СТЛ 2019: 215]. В аллаиховском говоре нами зафиксирован вариант *суокка*. С данным апеллятивом образованы следующие оронимы: холм *Суопка*, *Салга Суопката*, г. *Пиэдэрик Һуопката*, гряда *Суокка*.

Чыыстай. Апеллятив *чыыстай* в качестве орографического термина имеет значения: ‘1) голая, каменистая возвышенность; 2) чистое место на вершине горы; 3) высокогорный альпийский луг’ [СТЛ 2019: 311], а также ‘безлесная горная равнина’ [БТСЯЯ XIV: 282]. Этимология слова прозрачно восходит к русскому прилагательному *чистый*, что подтверждается его употреблением в фольклорных текстах в составе устойчивого выражения *чыыстай буола (буолак)* – ‘чистое поле,

железное или каменное (место сражения богатырей)’ [СЯЯ III: 1959]. Апеллятив входит в состав ряда оронимов: а., пер. *Улахан Чыыстай*, г. *Чыыстай Кундуку*.

2.1.5.2 Апеллятивы, служащие для обозначения равнинных форм рельефа

Лаайда. Апеллятив *лаайда* в говорах якутского языка имеет значения: ‘расположенная у берега реки или моря равнина, песчаная равнина, которая затопляется водой; морской берег’ [ДСЯЯ 1976: 148], а в аллайховском говоре также ‘высохшее озеро; поляна, сухой луг’ [ДСЯС 1995: 113]. Данное слово является адаптированной формой русского диалектного *лайда* ‘прибрежная илистая мель, обнаженная отливом’ [Иванов 2017: 182]. На исследуемой территории апеллятив представлен лишь одним оронимом: поле *Иитийэх Лаайдата*.

2.1.5.3 Апеллятивы, служащие для обозначения отрицательных форм рельефа

Дьяама. Апеллятив *дьяама* обозначает ‘вырытое или образовавшееся в земле углубление, яма’ [ТСЯЯ III: 262] и представляет собой адаптированную фонетическую форму русского слова *яма*. В оронимии участвует в образовании пяти названий: яма *Дабан Дьяама*, г. *Дьяамалаах*, мыс *Дьяамалар Тумсулара* и др.

Вывод по параграфу 2.1.5

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии в якутской оронимии пласта лексики, представленного русскими заимствованиями-апеллятивами, которые полностью адаптировались к фонетической и грамматической системе якутского языка и органично вписались в его оронимическую систему.

Всего выявлено 5 апеллятивов, которые охватывают все основные типы рельефа: возвышенный (*очуос*, *суопка*, *чыыстай*), равнинный (*лаайда*) и отрицательный (*дьяама*).

Наиболее продуктивным является апеллятив *дьяама*, участвующий в образовании 5 оронимов. Апеллятивы *очуос* и *суопка* являются

среднепродуктивными. Единичные случаи употребления демонстрируют *лаайда* (1 ороним) и *чыыстай* (2 оронима).

Примечателен семантический диапазон заимствований: от прямого калькирования значений (*очуос* ‘утес’, *дьаама* ‘яма’) до интересных семантических трансформаций. Так, слово *чыыстай* (от рус. *чистый*) развило специализированное значение ‘безлесная, каменистая возвышенность’, а *лаайда* (от рус. диал. *лайда* ‘мель’) расширило значение до ‘затопляемая равнина; высохшее озеро’.

Таким образом, русские заимствования, хотя и не многочисленны, образовали в якутской оронимии семантически важный пласт. Их наличие является лингвистическим свидетельством исторических контактов и взаимовлияния якутской и русской культур, в результате которого якутский язык обогатился новой терминологией для детального описания ландшафта.

2.1.6 Апеллятивы без выявленных соответствий

В ходе исследования выявлен пласт из 11 орографических апеллятивов, этимология которых на настоящий момент остается невыясненной. Для данных лексем нам не удалось установить достоверные языковые параллели в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, русском или других языках. Эти слова, возможно, представляют собой потенциально древний субстратный пласт или же образования, внутренняя форма которых затемнена, что делает их особенно интересными для дальнейшего этимологического анализа.

2.1.6.1 Апеллятивы, служащие для обозначения возвышенных форм рельефа

Күрбэ. Апеллятив *күрбэ* в оймяконском говоре обозначает ‘береговую гору’ [ДСЯЯ 1976: 132], тогда как в литературном языке в сочетании *күрбэ таас* ‘большой, массивный гладкий камень’ [БТСЯЯ V: 83]. Представляется, что первичным является орографическое значение. С данным апеллятивом связаны оронимы: ск. *Күрбэ*, падь *Күрбэлээх*.

Олох. В момском говоре слово *олох* имеет значение ‘гольцы’ [ДСЯЯ 1976: 186]. Продуктивность апеллятива подтверждается рядом оронимов: ск. *Даллах Олох*, г., горы *Олохтоох*, г. *Олохтой*, ск. *Кириэстээх Олобо*.

Оһур. Небольшой булгуннях в анабарском и оленекском говорах обозначается словом *оһур* [СТЛ 2019: 191]. Продуктивность апеллятива подтверждается рядом оронимов: г. *Морсуукун Оһура*.

Молдьобой. Апеллятив *молдьобой* ~ *моолдьобой* обозначает ‘отдельную крайнюю выпуклость у склона какой-либо возвышенности; холм, пригорок’ [БТСЯЯ VI: 316]. Внутренняя форма слова, вероятно, связана с глаголом *молдьой* ‘иметь небольшое выпуклое лицо с округлым подбородком’ [БТСЯЯ VI: 281], что указывает на метафорический способ номинации по сходству формы. Представлен оронимами: г. *Молдьобой*, г. *Моолдьобой*.

Хордобой. Апеллятив *хордобой* ~ *хордобос* имеет широкий семантический спектр: ‘небольшой сухой вытянутый пригорок; лесистая грива; релка; протяженная возвышенность’ [БТСЯЯ XIII: 598; СТЛ 2019: 295]. Апеллятив участвует в образовании следующих оронимов: релка *Хордобой*, пригорок *Бэрбээкэй Хордобойо*, релка *Өтөх Хордобойо*.

2.1.6.2 Апеллятивы, служащие для обозначения равнинных форм рельефа

Симик. В кобейском говоре апеллятив *симик* означает ‘лесная поляна’ [ДСЯЯ 1976: 207]. Встречается в составе следующих оронимов: релка *Симик Кырдайа*, ложбина *Симик Хотоло*.

Түөлбэ. Апеллятив *түөлбэ* обладает сложной семантикой, функционируя как орографический ‘большое круглое поле, луг; луг на месте обмелевшего озера; участок земли’ и гидрографический ‘небольшое круглое озерко; обособленная часть озера’ термин [Монастырёв 1993: 194; СТЛ 2019: 253; БТСЯЯ XI: 264]. В оронимии выступает как самостоятельно (дол. *Түөлбэ*), так и в составе сложных названий (дол. *Киэн Түөлбэ*, *Остуолбалаах Түөлбэ*).

2.1.6.3 Апеллятивы, служащие для обозначения отрицательных форм рельефа

Көнүс. Апеллятив *көнүс* ~ *кэнгис* обозначает ‘глубокую впадину, ров’, а в гидрографии – ‘речку с обрывистыми берегами, протекающую по глубоким оврагам’ [Монастырёв 1993: 116; БТСЯЯ IV: 302].

В. Д. Монастырёв предполагает возможную связь с глаголами *көнү бар-*, *көнүрүй-* ‘отваливаться, обрушиваться’ и образование от гипотетического глагола *көнүй-* [Монастырёв 1993: 116]. С апеллятивом связаны оронимы: а. *Кэнгис*, *Көнүстээх*, *Көнүччэхтээх*.

Ыңырыа. Апеллятив *ыңырыа* обозначает ‘впадину, ложбину; яму’ [СТЛ 2019: 314]. Этимология не ясна. Участвует в образовании оронимов: г., мыс *Ыңырыа Тумуһаба*, а. *Ыңырыалаах*, *Күндэ Ыңырыалааба*.

2.1.6.4. Метафорические апеллятивы, служащие для обозначения различных форм рельефа

Кыстык. Изначальное значение слова *кыстык* ‘наковальня’ [СЯЯ II: 1436]. В качестве орографического термина оно приобрело метафорическое значение ‘гора, пологая с одной стороны и круто спускающаяся с противоположной’ [СЯЯ II: 1436], что мотивируется явным сходством профиля такой горы с формой традиционной наковальни, имеющей конические уступы (рог и пирамиду) с противоположных сторон [БТСЯЯ V: 357].

Багдарыын Ньургун Сүлбэ уола уточняет, что апеллятив обозначает сопку, холм или булгуннях с характерным асимметричным склоном. Интересно, что аналогичный метафорический перенос (‘наковальня’ → ‘плоская скала’) зафиксирован и в монгольском языке (ср. монг. *дөш* ‘наковальня’ → ‘плоская скала’ в орониме *Ламтын дөш*) [Равдан 2008: 45], что свидетельствует об универсальности данного способа осмысления ландшафта.

Апеллятив *кыстык* лег в основу оронимов: *Кыстык*, *Кыстык Хайа*.

Кэрдиис. Первичные значения лексемы *кэрдиис* ‘зарубка, насечка, засечка на чем-либо’, ‘морщина’ [БТСЯЯ V: 527]. В орографической терминологии оно используется для обозначения ‘ступенек, ступенчатого вида, уступа горы’ [БТСЯЯ V: 527], что также является ярким примером метафорического переноса, основанного на визуальном сходстве рельефа горного склона с рядом зарубок или

морщин. Это значение иллюстрируется устойчивым выражением *киэн дойду кэрдиистээх* – ‘широкая страна с уступами (буграми)’ [СЯЯ I: 1049].

В оронимии апеллятив проявляет умеренную продуктивность, встречаясь в трех вариантах: в исходной форме (г. *Кэрдиис*) и с топоформантом *-лаах* ~ *-лээх* (г. *Кэрдиистэрдээх*, *Кыра Кэрдиистэрдээх*).

Вывод по параграфу 2.1.6

Выявление 11 апеллятивов, не имеющих прозрачных параллелей в контактирующих языках, указывает на наличие в якутской оронимии значительного пласта лексики, происхождение которого требует дальнейшего изучения. Это может свидетельствовать как о древнем автохтонном субстрате, так и о заимствованиях из языков, контакты с которыми на сегодняшний день не прослеживаются или слабо изучены.

Данные апеллятивы охватывают все основные типы рельефа: возвышенные формы (*күрбэ*, *олох*, *оһур*, *молдьобой*, *хордобой*), равнинные (*симик*, *түөлбэ*) и отрицательные формы (*көнүс*, *ыгырыа*).

Многие из этих апеллятивов являются высокопродуктивными апеллятивными компонентами. Например, апеллятив *түөлбэ* образует множество названий, а *олох* и *хордобой* представлены в ряде оронимов. Это свидетельствует об их глубокой интеграции в оронимическую систему и активном использовании носителями языка для именовании орографических объектов, несмотря на непрозрачность внутренней формы.

2.2 Сравнительно-сопоставительный анализ якутских и алтайских орографических апеллятивов

На основании анализа, представленного в параграфах 2.1.1–2.1.6, в данном разделе проводится сопоставление корпуса якутских орографических апеллятивов с орографическими апеллятивами алтайского языка.

Корпус орографических апеллятивов, рассмотренный в исследовании, включает 177 единиц в якутской оронимии и 91 – в алтайской. Указанный объем алтайских апеллятивов отражает выборку, репрезентативную для целей сравнительного анализа, в то время как якутский корпус является более полным и системным описанием, что обусловлено его положением в качестве основного объекта данного исследования. При этом около 50 % якутской лексики данного пласта демонстрирует прозрачную тюркскую этимологию и обнаруживает прямые соответствия в алтайском материале.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ якутских и алтайских орографических апеллятивов выявляет глубокое генетическое единство, уходящее корнями в общетюркскую и общеалтайскую эпоху, а также ярко выраженную специфику, сформированную под влиянием кардинально различных географических условий, хозяйственно-культурного уклада и последующих языковых контактов. Данный анализ является ключевым для понимания механизмов адаптации и трансформации лексико-семантической системы в условиях изоляции и освоения нового ландшафта.

Сопоставление проводилось на основе полевых материалов автора, данных топонимических картотек, а также лексикографических, диалектологических, топонимических источников по обоим языкам.

Всего выявлено 47 общих апеллятивов, участвующих в образовании оронимов в обоих языках. Их распределение по семантическим группам демонстрирует как общность, так и различия, обусловленные ландшафтом. В Таблице 3 представлены основные апеллятивы с указанием семантических

соответствий, которые структурированы по семантическим группам в соответствии с классификацией форм рельефа.

Общность якутской и алтайской орографической терминологии базируется на их общетюркском происхождении. Установлено, что базовый фонд терминов для обозначения ключевых орографических объектов является общим для якутского и алтайского языков и восходит к пратюркскому лексическому фонду. Анализ данных показывает, что основные термины, относящиеся к рельефу, демонстрируют строгие фонетические соответствия и семантическую преемственность.

Таблица 3

**Общетюркские орографические апеллятивы в якутской и алтайской
оронимии**

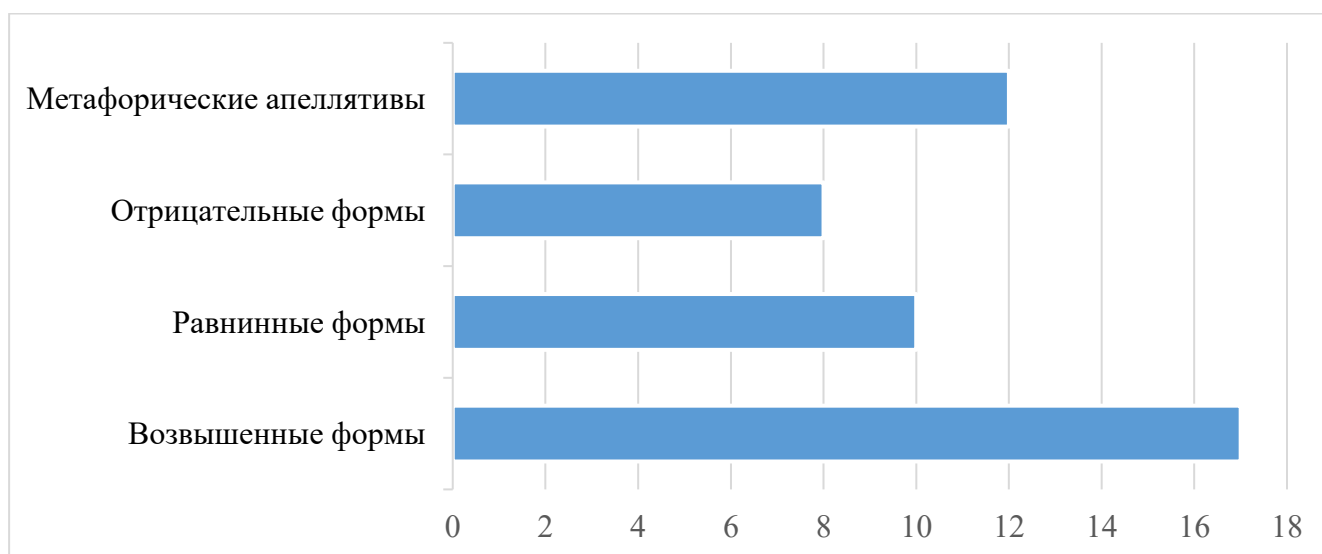
Якутский апеллятив	Значение	Алтайский апеллятив	Значение
Возвышенные формы рельефа			
<i>аартык ~ ааттык</i>	‘горный перевал’	<i>арт</i>	‘зад; задняя часть перевала, хребта; возвышенность, невысокий перевал’
<i>сис</i>	‘гора; лес на возвышенности; возвышенное место между двумя водоёмами’	<i>җыш</i>	‘густой лес, чернь; густая заросль, чаща, чащоба’
<i>хайа</i>	‘гора, утёс, скала’	<i>кайа</i>	‘скала, утёс’
Равнинные формы рельефа			
<i>сыһыы</i>	‘равнина, луг, поляна, долина’	<i>җазы</i>	‘поле, степь, ровная и широкая местность’

<i>таала</i> ¹²	‘равнина с твёрдой сухой поверхностью; крутой обрывистый берег озера, реки, склон горы’	<i>тала</i>	‘сторона, пространство; часть света, грань; угол’
<i>чөл</i>	‘бескрайнее поле, простор’	<i>чӧл</i>	‘степь, равнина’
Отрицательные формы рельефа			
<i>дьыраа</i>	‘маленькая короткая ложбина, впадающая в ручеек’	<i>йыра</i>	‘балка, ров, лог; кустарник; заросли’
<i>кыһам</i>	‘ущелье, теснина; узкое место; прижим’	<i>кызам</i>	‘теснина’

На Диаграмме 5 представлено распределение 47 общих для якутского и алтайского языков орографических апеллятивов по семантическим группам.

Диаграмма 5

Распределение общих якутско-алтайских орографических апеллятивов по семантическим группам

¹² См. различные семантические варианты апеллятива *таала* в 1.1.2.

Данные демонстрируют абсолютное доминирование лексики, связанной с возвышенными формами рельефа, что свидетельствует о сохранении древнего общеалтайского горно-ориентированного ядра терминологии. Вторая по величине группа – метафорические апеллитивы, подтверждающая общность моделей номинации. Лексика отрицательных и равнинных форм рельефа составляет менее значительную, но важную часть общего фонда.

Наиболее продуктивной и универсальной моделью в обоих анализируемых языках является антропоморфная метафора, заключающаяся в переносе наименований частей тела (соматизмов) на элементы рельефа. Данная модель отражает общность процессов и способов концептуализации географического пространства, характерных для тюркской языковой традиции в целом.

Количественный анализ показывает высокую активность данной модели: в якутской оронимии зафиксировано 45 соматизмов (см. Приложение 2, Таблицу 1), в то время как в алтайской оронимии выявлено 23 соматизма. Несмотря на разницу в абсолютных показателях, что может быть обусловлено объемом выборки и степенью изученности материала, принцип номинации является общим. Это подтверждает о глубокой архаичности и устойчивости антропоморфной модели освоения пространства в тюркских языках. Большая детализация номинации в якутском языке может объясняться особенностями равнинного рельефа, требующего тонкой дифференциации невысоких, но значимых элементов местности, в то время как для горного Алтая более релевантна номинация крупных форм.

При сопоставлении якутских и алтайских анатомических апеллитивов выявляется общее положение: практически все они получают в оронимии четко выраженное и устойчивое орографическое значение, формируя стройную систему пространственных ориентиров. Всего выявлено 12 устойчивых параллелей, что указывает на системный, а не случайный характер данного явления (см. табл. 4).

**Анатомическая лексика в качестве орографических апеллятивов
в якутской и алтайской оронимии**

Якутский апеллятив	Орографическое значение	Алтайский апеллятив	Орографическое значение
<i>арбас</i> ‘спина, хребет’	‘хребет возвышенности; холм’	<i>арка</i> ‘спина’	‘хребет, склон’ ¹³
<i>бас</i> ‘голова’	‘вершина, начальная, восточная сторона’	<i>баш</i> ‘голова’	‘вершина; верхушка; вершина горы’
<i>буут</i> ‘бедро; задняя нога животного’	‘выдающаяся часть горы’	<i>бут</i> ‘нога, нижние конечности’	‘отрог горного хребта’
<i>кулгаах</i> ‘ухо’	‘выдающаяся, четко выделяющаяся часть местности; выдающаяся вершина’	<i>кулак</i> ‘ухо’	‘балка, ущелье, что- то четко выдающееся в рельефе’
<i>моой</i> ‘шея’	‘перешеек, перехват; суживающая часть’, (диал.) ‘небольшой спуск’	<i>мойын</i> ‘шея’	‘перешеек; перевал типа седловины’
<i>сүрэх</i> ‘сердце’	‘мыс округлой формы; гора, стоящая обособленно’	<i>јүрек</i> ‘сердце’	‘небольшой холм’
<i>төбө</i> ‘голова’	‘вершина горы’	<i>төбө</i> ‘макушка головы, темя’	‘верхушка горы; небольшое возвышение; холм, пригорок’

¹³ Подробный анализ термина *арка* в алтайской топонимии см. [Молчанова 2018].

<i>түөс</i> ‘грудь, грудина’	‘верх, верхняя сторона; передняя сторона местности; склон горы’	<i>тöш</i> ‘грудь’	‘низина, низменное место’
<i>хаас</i> ‘бровь’	‘верхний край, кромка горки’	<i>каш</i> ‘бровь’	‘берег, окраина, рубеж, опушка леса’

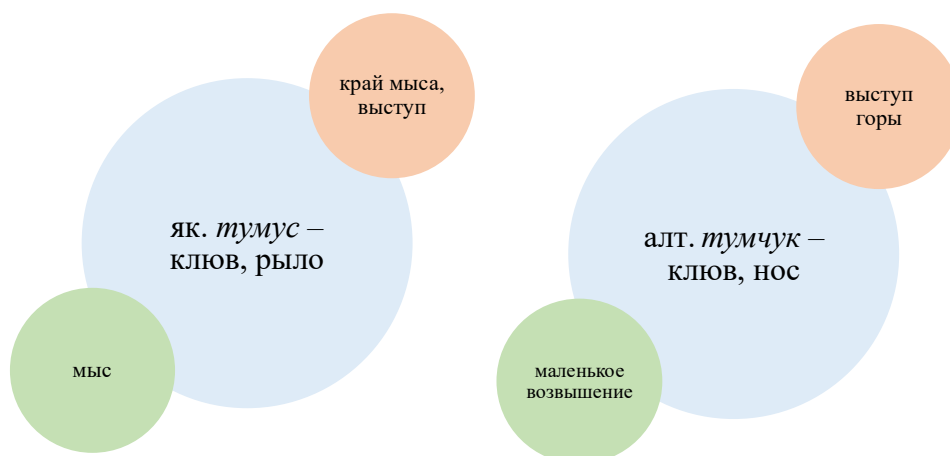
Соматические апеллятивы в их орографическом значении могут быть разделены на несколько семантических групп на основе принципа номинации.

1. Верхние и выступающие части тела → высокие и выдающиеся элементы рельефа

Данная группа является наиболее многочисленной и отражает вертикальную проекцию тела на ландшафт (см. рис. 10): як. *төбө* ‘голова’ → ‘вершина горы’, алт. *тöбө* ‘макушка головы, темя’ → ‘верхушка горы; небольшое возвышение; холм, пригорок’; як. *хаас* ‘бровь’ → ‘верхний край, кромка горки’, алт. *каш* ‘бровь’ → ‘выпуклость, возвышение, холм’ и др.

Рисунок 10

Семантическая структура як. *тумус* – алт. *тумчук* ‘клев’ в оронимии

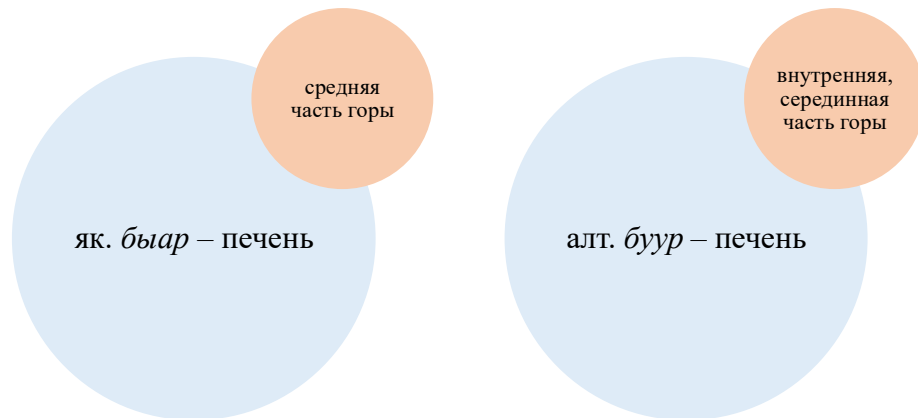

2. Части тела, обозначающие середину → срединные части рельефа

Данная группа отражает проекцию центра тела на центр орографического объекта (см. рис. 11): як. *быар* ‘печень’ → ‘средняя часть склона, пригорка, бугра, горы’, алт. *боор* ~ *буур* ~ *пуур* ‘печень’ → ‘внутренняя, срединная часть горы’; як. *түөс* ‘грудь, грудина’ → ‘верх, верхняя сторона; передняя сторона местности; склон горы’, алт. *тöш* ‘грудь’ → ‘низина, низменное место’ и др.

Рисунок 11

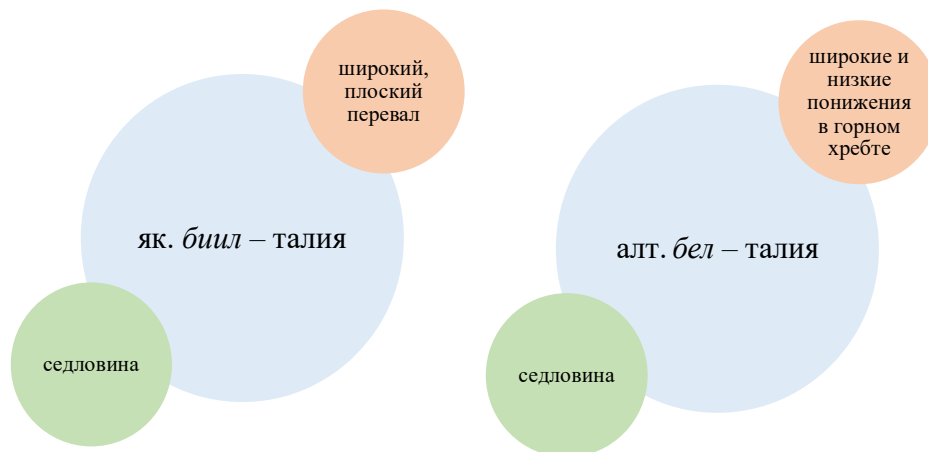
Семантическая структура як. *быар* – алт. *буур* ‘печень’ в оронимии

3. Части тела, обозначающие сужения и соединения → перешейки, седловины

Данная группа основана на метафорическом переносе по форме и функции (см. рис. 12): як. *биил* ‘талия’ → ‘седловина горы; широкий, плоский перевал’, алт. *бел* ‘поясница’ → ‘седловина; широкие и низкие понижения в горном хребте’; як. *моой* ‘шея’ → ‘перешеек, перехват; суживающая часть’, (диал.) ‘небольшой спуск’, алт. *мойын* ‘шея’ → ‘перешеек; перевал типа седловины’ и др.

Семантическая структура як. *биил* – алт. *бел* ‘талия’ в оронимии

Одной из ярких общих черт якутской и алтайской оронимии является активное использование субстантивированных прилагательных в качестве базовых апеллятивов для номинации форм рельефа по их ключевому признаку – признак высоты, размера и формы (см. табл. 5).

Таблица 5

Прилагательные в качестве орографических апеллятивов в якутской и алтайской оронимии

Оронимическая система	Прилагательное	Орографическое значение	Пример оронима
Якутская оронимия	<i>туруук</i> ‘очень крутой, отвесный’	‘крутая, отвесная скала, утёс’	ск. <i>Куччугуй Туруук</i>
	<i>нэлэгэр</i> ‘без возвышенностей, плоский, ровный, широкий’	‘равнинная местность’	а. <i>Кыйа Нэлэгэрэ</i>

Алтайская оронимия	<i>бийик</i> ‘высокий’	‘высотка, высокое место’	г. <i>Ак-Бийик</i>
	<i>жалбак</i> ‘широкий, плоский’	‘широкая, безлесная часть горы’	г. <i>Кујурлу-Жалбак</i>

Как показано в Таблице 5, субстантивированные прилагательные, выступая в роли определяемого компонента в составе сложных оронимов, подтверждают свой статус и функционирование в качестве орографических апеллятивов.

В якутской и алтайской оронимии устанавливаются региональные монголизмы – лексические единицы монгольского происхождения, которые присутствуют и функционируют в качестве орографических апеллятивов как в якутской, так и в алтайской оронимиях (см. табл. 6).

Таблица 6

Региональные монголизмы в якутской и алтайской оронимии

Якутские апеллятивы	Алтайские апеллятивы	Монгольские апеллятивы
<i>тобой</i> ‘мыс; изгиб, излучина’	<i>токой</i> ‘полуостров, берег реки, выдающийся полукругом; местность, закрытая рекой’	монг. <i>тохой</i> ‘локоть, локтевой сустав; излучина реки’
<i>чокур</i> ‘гора’	<i>чоку</i> ‘макушка головы человека или животного; острая вершина, гора или гора с острой вершиной’	стп.-монг. <i>џоqu</i> , халх. <i>цох</i> , бур. <i>сохо</i> ‘лоб’; калм. <i>цох</i> , халх., бур. ‘виски, висок; теменные бугры’
<i>хапчаан</i> ‘ущелье’	<i>капчал</i> ‘1) ущелье; 2) отвесная скала, утёс’	п.-монг. <i>qabčal</i> , монг. <i>хавцал</i> ‘ущелье; теснина, горный проход, глубокое ущелье у подножия горы, балка’, бур. <i>хабсал</i> ‘1) скала; 2) теснина’, калм. <i>хавчг</i> ‘теснина’

Сравнительный анализ выявляет не только общее ядро, но и кардинальные расхождения в якутской и алтайской оронимии. Эти различия являются прямым следствием адаптации языков к принципиально различным географическим ареалам и длительного автономного развития в условиях изоляции. Если алтайская оронимическая лексика отражает потребности жизни в горной стране, то якутская – результат адаптации к равнинным пространствам, густой тайге и экстремальным условиям вечной мерзлоты.

Изоляция привела к тому, что многие общетюркские корни в якутском языке развили значения, отражающие новую реальность. Так, алт. *кайа* сохранил исходное тюркское значение ‘скала, утес’. В якутском слово *хайа* стало универсальным термином для обозначения любой значительной возвышенности, не обязательно скальной. Это произошло в следствие того, что в условиях равнинного рельефа даже относительно невысокие поднятия воспринимаются как важные ориентиры.

Наиболее яркое различие заключается в наличии пластов лексики, непосредственно отражающих особенности окружающей среды (см. табл. 7). Алтайская оронимия детализирует формы высокогорного рельефа, что неудивительно для региона с развитым горным рельефом. Например, существует несколько специализированных терминов для различных типов перевалов, неразличимых в равнинном ландшафте: *ажу*, *ажыт* ‘горный перевал’, *арт* ‘задняя, тыльная часть перевала; возвышенность, невысокий перевал’, *боочы* ‘невысокий перевал’.

Якутская лексика сфокусирована на нюансах равнинного, озерно-аласного и мерзлотного рельефа, нерелевантных для горных регионов. Криогенная (мерзлотная) лексика возникла для обозначения специфических процессов и форм, связанных с вечной мерзлотой: *алаас* ‘обширная плоскодонная котловина термокарстового происхождения с луговой растительностью’, *булгунньах* ‘гидролакколит, бугор пучения’, *иэйэ* ‘влажная поляна в тайге с кочками и кустарниками вокруг’.

Ландшафтно-обусловленные специфические апеллятивы

Оронимическая система	Апеллятив	Значение	Пример оронима
Якутская оронимия	<i>алаас</i>	‘алас, чистое поле или луг, окруженное лесом’	а. <i>Балаҕаннаах Алаас</i>
	<i>булгунньах</i>	‘холм; бугор пучения’	булг. <i>Обус Булгунньах</i>
	<i>уолба</i>	‘низменность, образовавшиеся на месте высохшего или спущенного озера’	луг <i>Уолба</i>
Алтайская оронимия	<i>кажат</i>	‘высокий берег’	г. <i>Кара-Кажат</i>
	<i>межелик</i>	‘невысокая гора, бугор, холм’	г. <i>Алтыгы Межелик</i>
	<i>учар</i>	‘крутые, отдельно стоящие, отвесные возвышения’	г. <i>Учар</i>

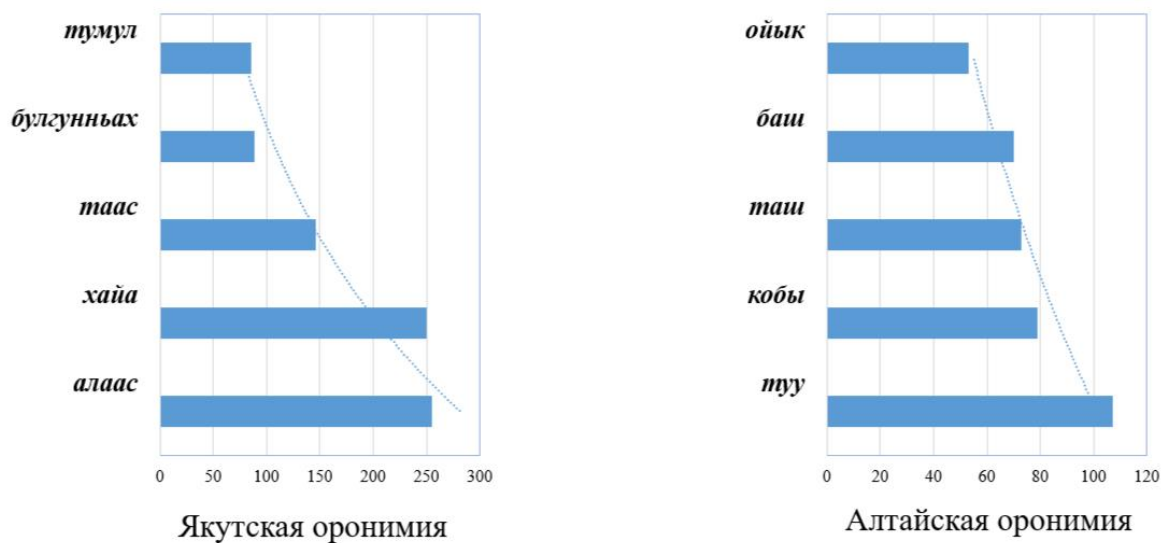
В якутской оронимии чаще встречается оронимы, образованные путем морфологического способа от соматизмов (*быардьа* ‘уступ’ от *быар* ‘печень’, *били* ‘узкая полоса леса или возвышенность’ от *бил* ‘находящаяся между двумя водоемами, полянами’) и глаголов (*өнкөөт* ‘крутые высокие горы вдоль реки’ от глаг. *өнкөй-* ‘наклоняться’, *уолба* ‘низменность или сенокосное угодье, образовавшиеся на месте высохшего или спущенного озера’ от *уол-* ‘высыхать’), что, возможно, говорит о более позднем и «прикладном» осмыслении рельефа.

В якутском сильнее пласт монгольских и тунгусо-маньчжурских заимствований, в алтайском – монгольских. Так, наличие многозначности у якутского слова *таала* (значения ‘поле’, ‘гористая местность; возвышенность’, ‘берег’, ‘солончак’ и т. д.) может указывать на субстратное тунгусо-маньчжурское влияние, так как в эвенкийском *тала* означает ‘солонец, узкая долина’.

Многие общие для якутского и алтайского языков орографические апеллятивы демонстрируют значительную разницу в частотности и продуктивности при образовании оронимов, что отражает ландшафтно-экологическую и хозяйственно-культурную специфику каждого региона. Один и тот же апеллятив может быть ядром оронимической системы в одном языке и периферийным элементом – в другом (см. Диаграмму 6). В образовании оронимов высокая частотность апеллятива прямо указывает на высокую значимость обозначаемой им формы рельефа в жизни и хозяйственной деятельности народа.

Диаграмма 6

Продуктивность апеллятивов в якутской и алтайской оронимии

По данным О. Т. Молчановой в алтайской системе в образовании оронимов наиболее продуктивны апеллятивы, связанные с горным рельефом: *туу* 'гора' (107 единиц), *таи* 'камень, гора, сопка, возвышенность' (73 единицы), *баи* 'вершина горы; начало' (70 единиц), а также обозначающие формы отрицательного (в данном случае межгорного) рельефа: *кобы* 'лог' (79 единиц), *ойык* 'впадина' (53 единицы) [Молчанова 1982: 238]. Напротив, в якутской оронимии, как показывает

проведенный анализ, ядро системы формируют апеллятивы, релевантные для равнинного, мерзлотного и речно-озёрного ландшафта: *алаас* ‘алас, поле, равнина’ (255 единиц), *хайа* ‘гора, скала’ (в значении доминирующего ориентира) (250 единиц), *таас* ‘скала, гора’ (146 единиц), *булгуннях* ‘булгуннях, холм’ (89 единиц), *тумул* ‘мыс’ (как форма речных и озёрных берегов) (86 единиц).

Таким образом, орографические апеллятивы в якутской и алтайской оронимии представляют собой комплексное явление, где общетюркская основа тесно переплетается с инновациями, вызванными адаптацией к конкретным природным условиям и культурно-хозяйственным практикам.

Выводы по Главе 2.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ позволяет сделать следующие выводы о структуре и происхождении пласта орографических апеллятивов в якутской оронимической системе.

1. Основным источником наполнения оронимии Якутии являются орографические апеллятивы, принятые в конкретных регионах и напрямую зависящие от местных природных условий. Они составляют основу оронимической системы Якутии, тесно связаны с географическими реалиями и находятся в прямой зависимости от них. В результате проведенного анализа выявлено 177 орографических апеллятивов, которые участвуют в образовании якутских оронимов. Из общего количества зафиксированных оронимов, составляющих 4000 единиц, 2063 наименования содержат орографические апеллятивы, что соответствует 51,6 % от общего числа.

2. В результате сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического анализа 177 якутских орографических апеллятивов, участвующих в образовании оронимов, установлено следующее:

— количественно и структурно доминирующим пластом являются апеллятивы тюркского происхождения (81 единица – 45,7 %), которые составляют семантическое ядро системы и демонстрируют глубокую генетическую связь с

общетюркским и алтайским лексическим фондом: як. *дьыраа* ‘ложбина, выпадающая ручеек’ (ср.: алт. *йыра* ‘балка, ров, лог; кустарник; заросли’, башк. *йыра* ‘рытвина’, кирг. *жыра* ‘промоина, вымоина’ и др.), як. *сыһыы* ‘равнина, луг, поляна, долина’ (ср.: башк. *язы* ‘плоский; широкий; поляна’, тув. *jazu* ‘лесная поляна (обычно на берегах рек или озёр)’, хак. *чазы* ‘поле; степь’ и др.), як. *таас* ‘камень, скала, каменистая гора’ (ср.: др.-тюрк. *taš* ‘камень’, азерб. *даш*, башк. *таш*, алт. *таш* ‘камень; гора, сопка, возвышенность’, тур. *taş* ‘камень; скала’ и др.) и т. д. В данной группе слов устанавливаются несколько якутских апеллятивов, происхождение которых необходимо констатировать как специфическое на фоне лексической системы других тюркских языков: як. *куула* ‘южная тенистая, малоосвещаемая солнцем сторона местности’ (ср. др.-тюрк. *хуз* ‘часть горы, не освещаемая солнцем’), як. *кырдал* ‘ровная возвышенная сухая полоса на поле’ (ср. др.-тюрк. *qır* ‘возвышенность; холмистая степь’, алт. *кыр* ‘гора, возвышенность, холмистая степь’, хак. *хыр* ‘гора, горный хребет, возвышенность, холм’ и др.) и т. д. Тюркский пласт не только сохранил архаичные общеалтайские корни, но и продемонстрировал самостоятельное семантическое развитие и внутренние метафорические инновации (напр., як. *куртах* ‘желудок’ → ‘укромный придаток аласа’);

– 62 апеллятива (35 %) демонстрирует параллели с бурятским и монгольскими языками, что позволяет предположить их монгольское происхождение в якутском языке: як. *добуун* ‘сухая возвышенность, местность’ (ср. бур. *добуу(н)*, *добуун* ‘возвышенное место, холм, бугор; курган’), як. *чохчо* ‘куча, груда; место, торчащее бугром’ (ср.: стп.-монг. *соруца*, халх. *цогц*, бур. *сого* ‘куча, груда’), як. *хадьаа* ‘боковая сторона географического объекта’ (ср.: стп.-монг. *qajıyи*, халх., бур. *хажуу* ‘бок, сторона’) и т. д. Монгольские заимствования подверглись полной фонетической и семантической адаптации. Их анализ выявил возможную хронологическую стратификацию (ранние монголизмы и поздние бурятизмы) и заимствование целых моделей номинации рельефа через призму тела (напр., як. *тангалай* ‘нёбо’ → ‘ступенчатый склон’);

– 17 апеллятивов (9,6 %) имеют соответствия в тунгусо-маньчжурских языках: як. *босхо* (диал.) ‘вершины скалистых гор, гольцы’ (ср. эвенк. *босого* ‘северный склон’), як. *кугда* (диал.) ‘холмистая местность, лишенная растительности’ (ср. эвенк. *гугда*, *кугда* ‘высокий, высоко’, *гугдан* ‘высота, сопка’), як. *кунтүкэ* (диал.) ‘сухое возвышенное место, холмик’ (ср. эвенк. *кунгтыкээ* ‘сухое место, холмик, бугор’) и т. д. Тунгусо-маньчжурский пласт подтверждает в первую очередь эвенкийское и эвенское влияние;

– 5 апеллятивов (2,8 %) представляют собой адаптированные русские лексемы: як. *дьаама* ‘яма, углубление’ (рус. *яма*), як. *очуос* ‘отдельно стоящий утес’ (рус. *утес*), як. *суопка* ‘холм, бугор, булгуннях’ (рус. *сопка*) и др.;

– 1 апеллятив (0,5 %) представляет собой заимствование из юкагирского языка – як. *өнньүөс* ‘неглубокий длинный лог в долине реки’ (ср. юк. *өнниэ* ‘речка’);

– 11 апеллятивов (6,2 %) не имеют установленных параллелей в других языках: як. *көнгүс* ‘глубокая впадина, ров’, як. *кэрдийис* ‘уступ горы’, як. *олох* ‘гольцы’ и т. д.

3. Семантический анализ выявил, что апеллятивы охватывают весь спектр понятий о рельефе – от крупных форм до мелких деталей ландшафта. Выделены четыре большие группы орографических апеллятивов, которые обозначают возвышенные – 64 апеллятива (36,2 %), равнинные – 19 апеллятивов (10,7 %), отрицательные – 27 апеллятивов (15,2 %), термокарстовые – 11 апеллятивов (6,2 %) формы рельефа, различающиеся по объему и структуре. Также отдельно выделяется группа метафорических апеллятивов – 56 (31,6 %). Это обусловлено экстралингвистическими факторами, включая специфику геоморфологической структуры территории Якутии и особенностями восприятия и оценки различных орографических объектов носителями языка.

4. Названия орографических объектов носят общезыковой или локальный характер: сфера функционирования и распространения исследуемых апеллятивов не всегда одинакова. Значительная часть апеллятивов характерна и для большинства говоров якутского языка, хотя претерпевали фонетические

изменения. Также в разных говорах якутского языка одни и те же виды орографических объектов часто обозначаются различными словами: як. *оргул* (алл.) ‘возвышенность; возвышенное место’, (есей.) ‘высокий, покрытый лиственничным лесом, остров посередине озера’, (инд.) ‘невысокий курган’, (мег.-канг.) ‘бугорок у озера’, як. *таала* (лит.) ‘равнина с твёрдой сухой поверхностью’, (абый., алл., бул., кол., олен., усть-ян.) ‘крутой, осыпающийся берег, обрыв’, (верх.-кол.) ‘солончак’, (анаб., жиг., инд., кол., олен.) ‘горка’, (инд.) ‘высокий лес’ и др. Богатая орографическая терминология в говорах якутского языка объясняется также разнообразием физико-географических особенностей обозначаемых объектов. В якутской оронимии выделились следующие диалектные апеллятивы: *килиэр* (анаб.) ‘голая, без растительного покрова скала, гора’, *кугда* (есей.) ‘холмистая местность, лишенная растительности’, *ньургун* (абый.) ‘релка, гривка возвышенного места, мыса’ и др.

5. С точки зрения структуры орографических апеллятивов и образуемых ими оронимов для системы характерно образование сложных терминов, уточняющих признак объекта по свойствам, составу и форме, что демонстрирует глубокую интеграцию апеллятивов в живую терминологическую систему.

6. В рассматриваемой сфере наблюдается тесная связь орографической терминологии с другими терминологическими сферами, в частности с гидрографической. Апеллятивы, служащие для обозначения углублений, впадин, демонстрируют семантическую трансформацию, направленную на гидрографическую номинацию: ‘трещина’ → ‘овраг’ → ‘протока’, ‘ложбина’ → ‘озеро’.

7. Словообразовательный анализ апеллятивов показал, что 89,2 % составляют непроизводные образования. С помощью аффиксов образованы лексемы (10,7 % от общего числа): *анпа* ‘овраг; яма, рытвина; лог, ложбина’, *уолба* ‘низменность’, *хайаҕас* ‘ущелий, ям, пещер’ и др. Основную часть данной группы составляют апеллятивы, образованные от образных глаголов: *логлоор* ‘бугорок’ от *логлой-* ‘выделяться своей довольно массивной при достаточной высоте фигурой (о человеке); возвышаться холмообразно’, *өнкөөт* ‘крутые, высокие горы вдоль реки

или речек’ от *өнкөй*- ‘наклоняться, накреньяться, будучи очень высоким (о дереве); наклонять голову и верхнюю часть спины’, *томтор* ‘пригорок, возвышенность, холм’ от *томтой*- ‘возвышаться, выдаваться, быть, становиться выпуклым, округлым и выпяченным’ и др. Преобладание образных глаголов в образовании терминов, обозначающих положительные формы рельефа, указывает о том, что зрительное восприятие, играющее важную роль в процессе вербализации визуальной информации, явилось основополагающим фактором номинации этих орографических объектов.

8. В результате процесса субстантивации прилагательных образовано 5,9 % апеллятивов: *кыртас* ‘гора, лишенная растительного покрова’ от *кыртас* ‘чистый-пречистый, ослепительно чистый’, *кэriskэ* ‘горы, расположенные подряд’ от *кэriskэ* ‘расположенный в ряд, рядами; тянущийся непрерывной грядой’, *нэлэгэр* ‘равнинная местность’ от *нэлэгэр* ‘без возвышенностей, углублений, плоский, ровный, широкий’ и др.

9. Якутская метафорическая оронимия базируется на двух взаимодействующих пластах: тюркский и монгольский пласты.

10. В якутской оронимии присутствуют апеллятивы, получившие орографическое значение в результате метафорического переноса из следующих понятийных сфер: 1) части тела и внутренние органы человека и животных – 45 (80,3 % от общего числа метафорических апеллятивов); 2) посуда – 4 (7,1 %); 3) строительство – 5 (8,9 %); 4) одежда – 2 (3,5 %). Доля апеллятивов, образованных путем метафорического переноса, составляет 31,8 % от общего числа всех орографических апеллятивов.

11. Установлены принципиально разные механизмы интеграции двух пластов:

- тюркское влияние носило характер генетического наследования и последующей автономной семантической эволюции (*мэйии* ‘мозг’ → ‘вершина’, *кутурук* ‘хвост’ → ‘отрог’);

- монгольское влияние осуществлялось через ареальные контакты и проявлялось как в прямом заимствовании готовых моделей (*хаансаар* ‘ноздри’ →

‘выступ’), так и в адаптации лексики с семантическим сдвигом (*хабарба* ‘ребро’ (монг.) → ‘трахея’ (як.) → ‘узкий проход’).

12. Несмотря на разное происхождение, оба пласта объединены общими процессами метафоризации, основанными на антропоцентрическом принципе: тело (человека и животного) является главным источником образов для осмысления и структурирования географического пространства. Доминируют локативный, топологический и функциональный признаки переноса.

13. Анализ номинации выявил обширный пласт апеллятивов, восходящих к анатомической лексике. В рамках данной модели можно выделить две группы:

– прозрачные внутриязыковые метафоры, где соматизм сохранился в языке и его значение легко определяется (*биил* ‘талия’ → *билии* ‘узкая полоска земли, перешеек, разделяющий два озера’, *быар* ‘печень’ → *быардыа* ‘уступ горы’, *куолай* ‘пищевод’ → *куолабай* ‘ущелье’, *тумус* ‘клюв’ → *тумуһах* ‘небольшой лесной мыс’);

– непрозрачные (этимологические) метафоры, внутренняя форма которых стерлась и восстанавливается лишь путем сравнительно-сопоставительного анализа с другими тюркскими и монгольскими языками (*тобой* ‘мыс; изгиб, излучина’, ср. монг. *тохой* ‘локоть, локтевой сустав; излучина реки’, *чокур* ‘одинокое стоящая гора’, ср. тюрк., монг. *чоку* ‘теменная часть, голова; гора, утес’, *хабах* ‘уступ горы’, ср. тюрк. *кабак* ‘бровь; склон горы’) и др.

14. Наиболее активными в составе якутских оронимов являются апеллятивы *алаас* ‘алас, поле, равнина’ (6,4 % от общего числа всех оронимов), *хайа* ‘гора, скала’ (6,3 %), *таас* ‘скала, гора’ (3,5 %), *булгунньах* ‘булгуннях, холм’ (2,2 %), *тумул* ‘мыс’ (2,1 %).

Сравнительно-сопоставительное исследование якутских и алтайских орографических апеллятивов позволяет сделать следующие выводы.

1. Основной пласт орографической терминологии в якутской и алтайской оронимии является общетюркским по происхождению. Это доказывается наличием многочисленных этимологических дублетов с регулярными

фонетическими соответствиями (як. *хайа* ~ алт. *кайа*, як. *таас* ~ алт. *таиш*, як. *сыһыы* ~ алт. *языы*, як. *дьыраа* ~ алт. *йыра*).

2. В обеих оронимических системах действуют универсальные модели номинации, главной из которых является антропоморфная метафора (соматизмы). Это говорит о сходных способах концептуализации географического пространства тюркскими народами.

3. Общетюркская основа оронимической системы в обоих языках претерпела значительные изменения вследствие иноязычных контактов. Были выявлены существенные различия в стратификации заимствованных лексических пластов: для якутской оронимии характерно влияние монгольского, тунгусо-маньчжурского и русского языков, тогда как алтайская система демонстрирует преимущественно монгольское и русское влияние при отсутствии заметного тунгусо-маньчжурского компонента.

4. Основные расхождения обусловлены физико-географическими факторами. Якутский язык, сформировавшийся в условиях равнин и термокарстового рельефа, развил уникальную терминологию для его описания (*алаас* 'алас; поле', *булгуннях* 'булгуннях; холм', *изйэ* 'влажная поляна'). Алтайский язык, будучи языком высокогорий, сохранил и развил детальную номенклатуру для горного рельефа (*межелик* 'невысокая гора, бугор, холм', *төстөк* 'холм', *боочы* 'перевал').

5. Специфическая лексика отражает хозяйственный уклад. Якутский *уолба* 'низменность или сенокосное угодье, образовавшиеся на месте высохшего или спущенного озера' отражает особенности полuosедлого скотоводства. Алтайские термины для пастбищ на склонах гор (*меес* 'безлесное отлогое место, горная покатость; южная сторона горы') отражают традиции отгонного животноводства.

ГЛАВА 3. ТИПОЛОГИЯ ЯКУТСКИХ ОРОНИМОВ

Данная глава посвящена исследованию якутской оронимической системы с точки зрения структурно-словообразовательного и лексико-семантического анализа. Данный подход позволяет выявить системные закономерности функционирования оронимов в данном регионе. Основным методом исследования является сравнительно-сопоставительный анализ, направленный на выявление как общих тюркских моделей, так и специфических особенностей якутской оронимической системы, в сравнении с алтайской.

В первом разделе проводится классификация оронимов по структурным типам и способам образования (путем оронимизации, трансонимизации, транстопонимизации, трансоронимизации). Исследование начинается с однокомпонентных оронимов, включая простые и содержащие топоформанты, затем переходит к более сложным многокомпонентным образованиям, которые классифицируются на терминированные и нетерминированные. Заключительная часть раздела включает сравнительный анализ структурных моделей якутских и алтайских оронимов, что позволяет подвести итоги выявленных закономерностей.

Второй раздел посвящен смысловым группам оронимов, выделенным на основе лексического значения их мотивирующих основ. Основное внимание уделяется названиям, отражающим физико-географические особенности объектов, включая гидрографическую, тельмографическую, фитонимическую и зоонимическую лексику, а также качественные и количественные характеристики. Также рассматриваются оронимические единицы, связанные с хозяйственной и духовной деятельностью человека, такие как скотоводство, оленеводство, охота, рыболовство, наименования сооружений, сакральная лексика и антропонимы. Раздел завершается сравнительным анализом лексико-семантических групп якутских и алтайских оронимов, что позволяет определить культурно-обусловленные особенности якутской оронимии.

3.1 Структурно-словообразовательные типы якутских оронимов в сравнительно-сопоставительной перспективе

Якутские оронимы образуются по определенным закономерностям. Это проявляется в различных аспектах: в семантике слов, используемых в качестве мотивирующих основ для образования оронимов; в морфологическом оформлении оронимов; в их принадлежности к определенным частям речи и т. д. Именно на основе всех обозначенных признаков строится наша классификация. В основе образования всех оронимов в качестве последнего шага лежат четыре процесса:

- оронимизация – переход нарицательной лексики (апеллятивов) в разряд собственных имен орографических объектов;
- трансонимизация – перенос антропонимов (личных имен) в оронимическую систему;
- транстопонимизация – переход топонимов других классов (гидронимов, ойконимов) в разряд оронимов;
- трансоронимизация – внутриклассовый перенос, при котором готовый ороним служит для номинации нового орографического объекта.

Именно сочетание анализа этих лексико-семантических словообразовательных процессов со структурно-словообразовательной классификацией мотивирующих основ составляет основу нашего подхода.

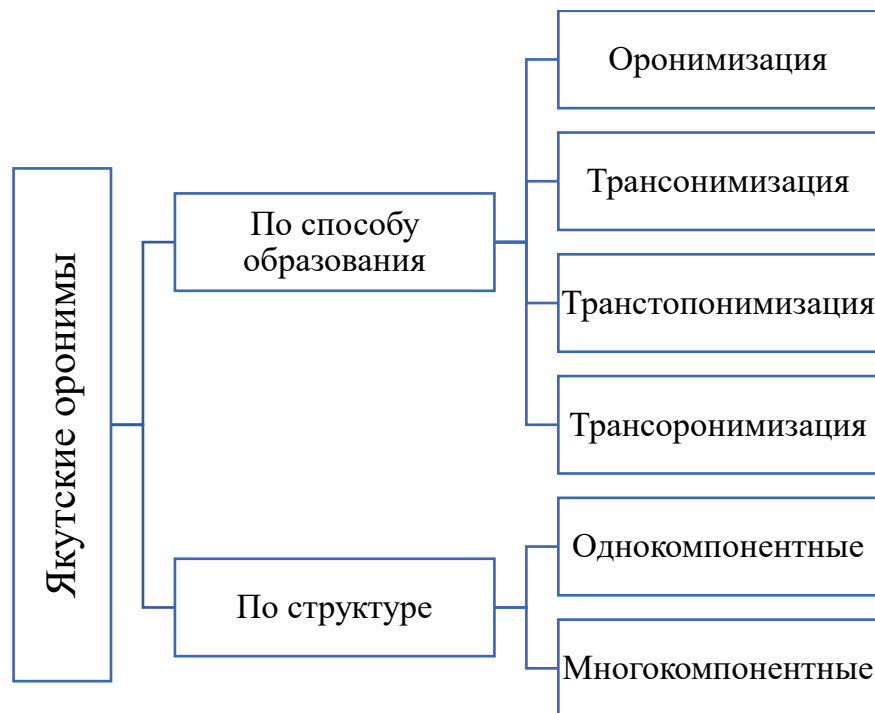
Последним этапом образования оронима всегда является лексико-семантический, т. е. лексикализация имени нарицательного как собственного, его оронимизация, трансонимизация, транстопонимизация, трансоронимизация¹⁴. Эти процессы являются сквозными и формируют оронимы всех структурных типов – как простые (однокомпонентные), так и сложные (многокомпонентные). Тем самым, можно ожидать, что основные структурные типы оронимов соответствуют структурным типам именных групп в якутском языке и в плане типологии тюркских и алтайских языков в целом. Соответственно, наш подход стремится, во-первых,

¹⁴ Исключения очень редки. Они возможны только при прямом заимствовании определенного оронима из другого языка.

выделить и описать действие процессов оронимизации, трансонимизации, транстопонимизации, трансоронимизации, а во-вторых, – выделить наиболее значимые для якутской оронимики структурные типы и описать мотивирующие основы, которые в них используются. Данная классификация, отражающая единство генезиса и структуры, отражена на Диаграмме 7.

Диаграмма 7

Система якутских оронимов: способ образования и структура

На основании анализа исследуемого материала все оронимы по способу образования могут быть разделены на возникшие путем оронимизации, трансонимизации, транстопонимизации, трансоронимизации. Из них, несомненно, ведущим является процесс оронимизации. Он носит практически глобальный характер, поэтому мы далее в основном сосредоточимся на структурном анализе мотивирующих оронимы основ. Поскольку в результате оронимизации разных типов мотивирующих основ возникают оронимы, наследующие эти же типы, мы будем для удобства изложения говорить далее о структурных типах самих оронимов.

По структурному признаку можно выделить два основных типа: 1) однокомпонентные (простые), т. е. состоящие из одной лексической основы, и 2) многокомпонентные (сложные), т. е. состоящие из двух или более основ: соответственно, они двухкомпонентные, трехкомпонентные и т. д.

3.1.1 Однокомпонентные оронимы

К однокомпонентным относятся оронимы, которые имеют только одну мотивирующую лексическую основу, которая может быть непроеизводной (т. е. непроеизводной на данном этапе исторического развития якутского языка, возможно, что путем этимологических и сравнительно-сопоставительных исследований в составе такой якутской основы можно выделить древние словообразовательные элементы; в случае заимствованной лексики мы можем исходить в большинстве случаев из ее непроеизводности в якутском языке независимо от сложности ее состава в языке – доноре) или производной основой имени существительного или прилагательного, или же восходить к именной форме глагола; в последнем случае основа оронима производная. Следовательно, однокомпонентные оронимы в зависимости от особенностей структуры подразделяются на непроеизводные и производные.

В состав производных мотивирующих основ входят словообразовательные аффиксы, часть из которых специфична для оронимов и имеет определенные топонимические значения. Такие аффиксы очень близки так называемым топоформантам иных языков, например, выделяемым в русском языке. Выделение таких аффиксов и описание оронимов, имеющих их в своем составе, является одной из задач данного раздела наряду с описанием основных структурных типов всех оронимов.

Учитывая систематическое использование таких аффиксов для образования оронимов и объединяя оба структурных параметра, мы в нашем исследовании выделили следующие типы оронимов:

1. однокомпонентные оронимы, не содержащие в своем составе словообразовательных аффиксов, которые можно характеризовать как топоформанты, т. е. однокомпонентные оронимы без топоформантов;

2. однокомпонентные оронимы, содержащие в своем составе словообразовательные аффиксы, которые можно характеризовать как топоформанты, т. е. однокомпонентные оронимы с топоформантами.

3.1.1.1 Однокомпонентные оронимы без топоформантов

В рамках структурной классификации процессы оронимизации, трансонимизации, транстопонимизации удобнее всего рассматривать на примере однокомпонентных оронимов, не содержащих топоформантов, поскольку именно в этой группе данные процессы представлены в наиболее чистом, неосложненном дополнительным словообразованием виде. Это позволяет выявить их базовые механизмы и модели. Анализ этих же процессов в других структурных типах (оронимах с топоформантами и многокомпонентных оронимах) будет представлен в соответствующих параграфах (3.1.1.2, 3.1.2.1, 3.1.2.2) и потребует учета более сложных словообразовательных и синтаксических связей.

В отличие от них, процесс трансоронимизации, напротив, наиболее четко выявляется в структуре многокомпонентных оронимов. Это связано с тем, что именно наличие орографического апеллятива в составе имени позволяет установить сам факт переноса готового оронима для номинации нового орографического объекта с указанием его типа. В однокомпонентных оронимах, лишенных таких показателей, выявление трансоронимизации значительно затруднено, так как отсутствуют явные маркеры, свидетельствующие о внутриклассовом переходе.

К данному классу оронимов относятся как оронимы с непроизводными мотивирующими основами, так и с производными. К непроизводным оронимам относятся географические названия, которые состоят только из одной основы и не содержат словообразовательных аффиксов. К производным относятся такие,

которые имеют производную мотивирующую основу, но не содержащую топоформанты.

Мотивирующие основы таких оронимов, как правило, обозначают крупные и широко известные орографические объекты, которые не требуют дополнительного указания на то, что они являются возвышенностями, равнинами или оврагами. Однокомпонентные оронимы образованы путем перехода в разряд оронимов нарицательных имен, в том числе орографических терминов, имен собственных (антропонимов, гидронимов), а также путем оронимизации с предварительной субстантивацией прилагательных и глагольных форм. Это позволило сгруппировать их в следующие подгруппы.

3.1.1.1 Оронимы, образованные путем оронимизации апеллятивной лексики, которые можно разделить на две подгруппы.

3.1.1.1.1 Оронимы, материально тождественные орографическим терминам и являющиеся названиями конкретного орографического объекта. Исследования показали, что образование таких оронимов обусловлено двумя причинами: а) на данной территории именуемый орографический объект присутствует в единственном экземпляре; б) при наличии нескольких однородных орографических объектов лишь один (именуемый) непосредственно связан с повседневной жизнью, бытом народа.

Орографические термины, закрепившиеся как оронимы и являющиеся названиями конкретного орографического объекта, можно классифицировать следующим образом:

- апеллятивы, служащие для обозначения возвышенных форм рельефа: пер. *Аартык* (от сущ. *аартык* 'горный перевал'), ск. *Дъаангы* (от сущ. *дъаангы* 'каменная скала'), ск. *Таас* (от сущ. *таас* 'скала') и др.;
- апеллятивы, служащие для обозначения равнинных форм рельефа: луг *Сыһыы* (от сущ. *сыһыы* 'луг'), поле *Хонуу* (от сущ. *хонуу* 'поле'), дол. *Хочо* (от сущ. *хочо* 'долина') и др.;

- апеллятивы, служащие для обозначения отрицательных форм рельефа: ущ. *Буом* (от сущ. *буом* ‘ущелье’), ущ. *Хапчаан* (от сущ. *хапчаан* ‘ущелье’), впадина *Хотоол* (от сущ. *хотоол* ‘впадина’) и др.;

- апеллятивы, служащие для обозначения термокарстовых форм рельефа: а. *Алаас* (от сущ. *алаас* ‘алас’), булг. *Булгуннях* (от сущ. *булгуннях* ‘холм’), поле *Иэйэ* (от сущ. *иэйэ* ‘влажная поляна’) и др.

3.1.1.1.2 Оронимы, образованные от основы нарицательного имени существительного, не обозначающего формы рельефа. Чаще всего названия орографических объектов появились в результате онимизации имен существительных, которые: а) выявляют географические особенности местности: дол. *Бадараан* ‘болото, топь’, г. *Даккы* ‘валежник’, г. *Тумара* ‘болотистое место в тайге, поросшее кустарником, марь’ и др.; б) отражают зоонимическую и фитонимическую лексику: а. *Биэ* ‘кобыла’, мыс *Боруу* ‘хвощ’, г. *Мохсобол* ‘сокол-сапсан’, г. *Лабыкта* ‘ягель’, г. *Тугут* ‘оленок до года’ и др.; в) связаны с типами поселений: а., возв., луг, поле *Сайылык* ‘летник’, а. *Отор* ‘временная летовка, где осенью после сенокоса пасется скот’ и др.; г) связаны с бытом и принадлежностями для охоты и промыслов (обычно метафорическими связями): а. *Атырдьах* ‘вилы’, а. *Налба* ‘верша’ и др.

Среди наименований орографических объектов, образованных переходом апеллятива в ороним, имеются метафорические названия, указывающие на особенности формы объекта. Апеллятивы, став оронимами, «утрачивают свои исконные значения и приобретают новые метафорические или метаномические как результат определенных ассоциаций, тотемных культов, обожествления природы» [Молчанова 1982: 112]. Приведем примеры образования некоторых оронимов данной группы:

- сопка *Аддырба* от *аддырба* ‘хищник’ → ‘сопка с вершинами, имеющими форму зубцов’ – перенос по форме;
- а. *Аһыы* от *аһыы* ‘клык’ → ‘алас с остроконечными, торчащими камнями’ – перенос по форме;

- г. *Ынгыыр* от *ынгыыр* ‘седло’ → ‘гора, по форме напоминающая седло’ – перенос по форме.

3.1.1.2 Оронимы, образованные от имен собственных путем трансонимизации.

Незначительная часть однокомпонентных оронимов образована путем трансонимизации – перехода онимов из других классов в оронимию. Поля, луга, возвышенности и другие орографические объекты получают свои названия от собственных имен (антропонимов и гидронимов) в зависимости от того, на чьей территории находятся и чьи владения они составляют.

3.1.1.2.1 Оронимы, образованные от антропонимов (трансонимизация): а. *Мэхээччэ* (от антропонима *Мэхээччэ*), а. *Ньукуучай* (от антропонима *Ньукуучай*), а. *Ньукулааскы* (от антропонима *Ньукулааскы*) и др.

3.1.1.2.2 Оронимы, образованные от гидронимов (транстопонимизация): оз. *Бэрэ* (от сущ. *бэрэ* ‘озерцо, прилегающее к другому большому озеру, обычно не имеющее своего названия’ → а. *Бэрэ*, руч. *Дьобо* (от сущ. *дьобо* ‘небольшой ручей в горной местности’) → утес *Дьобо*, оз. *Күөрэ* (от сущ. *күөрэ* ‘неглубокий водоем в глухом лесу’) → луг *Күөрэ* и др.

Представленный объект (см. рис. 13) иллюстрирует процесс транстопонимизации, при котором исходный гидроним оз. *Чычаас* (от прил. *чычаас* ‘неглубокий, мелкий’) послужил основой для номинации аласа, в котловине которого расположен данный объект. Перенос названия с водоема на окружающую его форму рельефа свидетельствует о том, что озеро являлось центральным, опорным элементом на данной локальной территории.

Алас Чычаас в Алагарском наслеге Чурапчинского района

3.1.1.3 Оронимы, образованные путем оронимизации с предварительной субстантивацией других частей речи.

В данной подгруппе рассматриваются оронимы, восходящие к прилагательным и глагольным формам. Процесс их образования является двухэтапным: сначала происходит субстантивация (переход в разряд нарицательных существительных), а затем собственно оронимизация (закрепление в качестве имени собственного).

3.1.1.3.1 Оронимы, образованные от субстантивированных прилагательных, выражают:

– цвет орографических объектов: хр. *Борон* (от прил. *борон* ‘серый’), г. *Маѳан* (от прил. *маѳан* ‘белый’), г. *Саалыр* (от прил. *саалыр* ‘светло-рыжий’), поле *Элэмэс* (от прил. *элэмэс* ‘пестрый’) и др;

– размер орографических объектов: а., г. *Аччыгый* (от прил. *аччыгый* ‘маленький’), а. *Киэн* (от прил. *киэн* ‘обширный’), а. *Улахан* (от прил. *улахан* ‘большой’), мыс *Үрдүк* (от прил. *үчүгэй* ‘высокий’) и др.;

– особенности формы орографических объектов: а., г. *Төгүрүк* (от прил. *төгүрүк* ‘круглый’), плоскогорье *Хаптабай* (от прил. *хаптабай* ‘плоский’), булг. *Эмис* (от прил. *эмис* ‘толстый’) и др.;

– эмоционально-оценочная характеристика: падь *Куһабан* (от прил. *куһабан* ‘плохой’), а. *Мөкү* (от прил. *мөкү* ‘плохой’), а., впадина *Үчүгэй* (от прил. *үчүгэй* ‘хороший’) и др.

3.1.1.3.2 Оронимы, образованные от субстантивированных глагольных форм (причастий). К односоставным оронимам от глагольных форм можно отнести глагольные образования на *-ар* (*-ыыр*) и *-быт* (*-мыт*, *-ныт*), выполняющих роль причастий настоящего и прошедшего времени, а также финитных глаголов 3 л. единственного числа настоящего и прошедшего времени, которые, пройдя процесс субстантивации, приобрели значение имени существительного и затем были онимизированы. Аффикс *-ар* (*-ыыр*) имеет следующие, обусловленные сингармонизмом, фонетические варианты: *-эр*, *-ор*, *-өр*, (*-иир*, *-уур*, *-үүр*). Фонетическими вариантами аффикса *-быт* (*-мыт*, *-ныт*) являются: *-быт*, *-бут*, *-бүт* (*-мит*, *-мут*, *-мүт*, *-нит*, *-нут*, *-нүт*) [ГСЯЛЯ 1982: 228–230].

– Оронимы, образованные от глагольных основ с аффиксом причастия настоящего времени: а. *Балыктыыр* (от глаг. *балыктаа-* ‘рыбачить, ловить рыбу’, т. е. алас с озером, где рыбачат), а. *Кустуур* (от глаг. *кустаа-* ‘охотиться на уток’, т. е. алас, где охотятся на уток), пер. *Хайытар* (от глаг. *хайын-* ‘раздваивать’) и др.;

– Оронимы, образованные от глагольных основ с аффиксом причастия прошедшего времени: а. *Өлбүт* (от глаг. *өл-* ‘умирать’), а. *Төрөөбүт* (от глаг. *төрөө-* ‘рождаться’), а. *Ыарыппыт* (от глаг. *ыарый-* ‘болеть’) и др.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что процессы оронимизации, трансонимизации, транстопонимизации являются ключевыми для формирования пласта простых однокомпонентных оронимов (см. табл. 8). Как будет продемонстрировано в следующих параграфах, эти же процессы

лежат в основе и более сложных структур – оронимов с топоформантами и многокомпонентных названий, – однако их реализация там осложнена действием дополнительных словообразовательных и синтаксических процессов.

Таблица 8

Классификация однокомпонентных оронимов

№	Тип производящей основы	Примеры оронимов	Процесс образования
1.	Апеллятивная лексика	поле <i>Хонуу</i> (от сущ. <i>хонуу</i> ‘поле’)	Оронимизация
		г. <i>Лабыкта</i> (от сущ. <i>лабыкта</i> ‘ягель’)	
2.	Антропонимы	а. <i>Мэхээччэ</i> (имя собственное)	Трансонимизация
3.	Гидронимы	а. <i>Чычаас</i> (название озера)	Транстопонимизация
4.	Субстантивированные прилагательные	г. <i>Саалыр</i> (от прил. <i>саалыр</i> ‘светло-рыжий’)	Субстантивация + оронимизация
5.	Субстантивированные глагольные формы	а. <i>Балыктыр</i> (от глаг. <i>балыктаа-</i> ‘рыбачить, ловить рыбу’)	Субстантивация + оронимизация

Основным источником для пополнения корпуса однокомпонентных оронимов выступает нарицательное слово, которое проходит процесс прямой оронимизации. В рамках этого пути выделяются две ключевые модели: 1) переход в разряд оронимов орографических терминов, материально тождественных своим апеллятивам, и 2) оронимизация существительных, не связанных с обозначением рельефа, которые метафорически или метонимически характеризуют объект через его признаки, флору, фауну или связь с человеческой деятельностью.

Важную, хотя и менее многочисленную, группу составляют оронимы, образованные путем трансонимизации, транстопонимизации — перехода в оронимию из других ономастических пространств, в первую очередь из антропонимии и гидронимии, что отражает тесную связь между различными пластами ономастикона.

Отдельного внимания заслуживает процесс опосредованной оронимизации через субстантивацию. Как показало исследование, переход в разряд оронимов прилагательных и глагольных форм (причастий) неизбежно связан с их предварительной субстантивацией. Субстантивированные прилагательные дают оронимам качественную характеристику (цвет, размер, форма, оценка), а субстантивированные причастия — признак по действию, фиксируя связь объекта с определенной деятельностью или событием в прошлом или настоящем.

3.1.1.2 Однокомпонентные оронимы с топоформантами

В отличие от оронимов, рассмотренных в предыдущем параграфе, образование которых происходило путем непосредственной оронимизации, трансонимизации или транстопонимизации, в данной группе оронимизации подвергаются уже производные слова, содержащие определенные словообразовательные аффиксы. Ряд аффиксов, которые образуют имена, наиболее активны в образовании мотивирующих основ топонимов и поэтому их функции близки к функциям топоформантов (топомаркеров) иных языков. Однако, ни один из таких якутских топоформантов не является специализированным на образовании только основ. Соответственно, говорить о самостоятельной категории топоформантов нет оснований, а называть наиболее продуктивные в образовании оронимов (шире, топонимов в целом) якутские аффиксы топоформантов можно только условно. Употребляя термин “топоформант”, мы упрощаем реальности якутского языка. Тем не менее, учитывая все вышесказанное, мы употребляем этот термин далее в целях экономичности описания и подразумеваем под ним аффикс,

достаточно активно используемый в составе мотивирующих основ топонимов, в нашем описании, соответственно, оронимов.

Особенностью топоформантов является то, что они устанавливают некое отношение к мотивирующей основе – поссесивное, пространственное, временное или иное, – образуя относительные прилагательные, или же имена отношений иного типа – уменьшительно-ласкательные, сравнительные, имена отношения к некой профессии и т. п. То, что они образуют имена отношения, способствует их использованию в оронимах, которые характеризуют свой референт каким-либо образом благодаря присутствию в своем составе имен с топоформантами.

Структурно-формантный анализ якутских оронимов позволяет выделить ряд участвующих в деривации наименований орографических объектов данной территории формантов. Помимо семантической характеристики данных формантов, для данного исследования наиболее интересным представляется анализ формантов по принципу их продуктивности / непродуктивности. К продуктивным относятся такие форманты, с помощью которых образовано большое количество оронимов; к непродуктивным – форманты, посредством которых образованы лишь единичные оронимы. Основываясь на указанный принцип деления формантов на продуктивные и непродуктивные, а также на основе полученных результатов, мы разделили все топонимические форманты на три группы: а) продуктивные (больше 15 оронимов); б) среднепродуктивные (больше 6 оронимов); в) малопродуктивные (1–5 оронима)

Продуктивные топонимические форманты

Формант -лаах

Наиболее продуктивным в образовании оронимов является аффикс *-лаах* (- *даах*, *-наах*, *-таах*). В якутском языке *-лаах* является «одним из полифункциональных аффиксов, выполняющих как словоизменительную, так и словообразовательную функции» [Дьячковский 2016: 86]. Он служит «для образования относительных прилагательных, внося значение обладания

предметом, свойством, качеством и может быть приставлен к самым различным именным и глагольным основам: к существительному, прилагательному, числительному, причастию» [ГСЯЛЯ 1982: 163]. Л. Н. Харитонов отметил, что основное значение формы *-лаах* «состоит в том, что она выражает обладание данным предметом, мыслимое как признак или свойство другого предмета» [Харитонов 1947: 134–135]. Согласно одной из предложенных этимологий аффикса *-лаах*, он по своему первичному значению восходит к аффиксу множественности *-laq~-lāk*, состоящему из двух показателей множественности *-*l + -*q* [СИГТЯ 1988: 18].

Согласно Н. К. Дмитриеву, формант *-лаах* представляет собой «одну из форм принадлежности (обладания), точнее – более древнюю ее форму» [Дмитриев 1948: 68]. Е. И. Убрятова выносила эту конструкцию за рамки категории прилагательного: «Имена на *-лаах*, которые в грамматиках по якутскому языку рассматриваются как имена прилагательные, но которые в действительности, за большим исключением слов, ставших прилагательными (*дьоллоох* ‘счастливый’, *күүстээх* ‘сильный’ и др.), не могут быть отнесены ни к одной из имеющихся в якутском языке частей речи и составляют особую группу слов, употребляются в качестве примыкающих определений...» [Убрятова 1950: 194].

По поводу аффикса *-лаах* в географических наименованиях А. П. Дульзон пишет: «Якутская топонимия четко отделяется от географических названий соседних народов и от всех других тюрков своими гидронимами на *-лаах*, чрезвычайно часто употребляемыми» [Дульзон 1971: 207]. В топонимии данный аффикс соответствует аффиксам обладания других тюркских языков: хак., тув., шор., тоф., *-лыг*, уйг. *-лы*, азерб., караим., гаг., к.-калп., тат. *-лы*, *-ли* и т. д. В тюркской топонимике данному аффиксу было уделено немалое внимание в работах К. Ф. Гриценко, О. А. Султаньяева, А. А. Камалова, Ф. Г. Гариповой, О. Т. Молчановой и др. Многие исследователи считают топонимы, имеющие его в своем составе, результатом эллиптирования конечного географического термина, другие допускают вероятность их самостоятельного моделирования в качестве имен собственных [Ондар 2008: 94].

Известно, что аффикс *-лаах* в якутском языке является многозначным. Не все значения этого аффикса участвуют в образовании географических названий. Ф. Н. Дьячковский пишет, «разное количество значений относительных прилагательных появляется в зависимости от сочетания с разными существительными, а также от семантики производящих существительных» [Дьячковский 2016: 88]. В наших материалах примеров оронимов с данным аффиксом значительное количество. В семантическом отношении большую часть якутских оронимов составляют названия, входящие в следующие группы:

- ландшафт: пол. *Арыылаах* (букв. имеющий остров, от *арыы* 'остров'), г. *Дьаамалаах* (букв. имеющий яму, от *дьаама* 'яма'), хр. *Күөллээх* (букв. имеющий озеро, от *күөл* 'озеро') и др.;
- флора: ск. *Болбукталаах* (букв. имеющий кедровый стланик, от *болбукта* 'кедровый стланик'), г. *Боруулаах* (букв. имеющий хвощ, хвощовый, от *боруу* 'хвощ'), г. *Сиһиктээх* (букв. имеющий ольху), а. *Хатыннаах* (букв. имеющий березы, от *хатын* 'береза') и др.;
- фауна: г. *Кубалаах* (букв. лебединый, от *куба* 'лебедь'), г. *Сордонноох* (букв. имеющий щуку), г. *Чубукулаах* (букв. со снежным бараном, от *чубуку* 'снежный баран') и др.;
- хозяйственные строения: поле *Балабааннаах* (букв. имеющий юрту, от *балабан* 'юрта'), а. *Бүтэйдээх* (букв. имеющий изгородь, от *бүтэй* 'изгородь'), луг *Обуруоттаах* (букв. имеющий огород, от *обуруот* 'огород'), а. *Хотонноох* (букв. имеющий хлев от *хотон* 'хлев') и др.

В оронимии обнаруживаются прилагательные, образованные преимущественно от имен существительных. В составе оронимов формант имеет значение «обладание чем-либо», «имеющий что-либо».

Таким образом, якутские оронимы с аффиксом *-лаах* указывают на изобилие или наличие растений, животных, свидетельствуют о наличии характерных признаков, свойств, выражающих понятие скопления, обилия, концентрации тех или иных предметов на местности.

Формант -лар

В якутском языке, как и в других тюркских языках, все имена существительные нарицательные употребляются как в единственном, так и во множественном числе. Формой множественного числа является аффикс *-лар* (*-тар*, *-дар*, *-нар*), включающий в своих вариантах все четыре широкие гласные (*а*, *э*, *о*, *ө*) и выступающий в шестнадцати фонетических вариантах [ГСЯЛЯ 1982: 125]. Аффикс *-лар* употребляется во всех древних и современных тюркских языках. Исключение составляет только чувашский язык, где значение множественности выражается при помощи аффикса *-сем~-сен*. Данный показатель множественного числа по ареалу распространения является практически общетюркским, по частоте встречаемости – весьма употребительным, по семантике – многозначным морфологическим средством.

Якутские оронимы с аффиксом *-лар* в основном образуются от имен существительных и субстантивированных прилагательных, реже – от других частей речи, способных подвергаться субстантивации:

- оронимы с аффиксом *-лар*, образованные от имен существительных: а. *Дулбалар* (от сущ. *дулба* ‘кочкарник’), булг. *Суонкалар* (от сущ. *суонка* ‘сопка’), г. *Таастар* (от сущ. *таас* ‘гора, камень’), луг *Тыһаҕастар* (от сущ. *тыһаҕас* ‘годовалый двухтравный бычок’), а. *Харыйалар* (от сущ. *харыйа* ‘ель’) и т. п.;
- оронимы с аффиксом *-лар*, образованные от субстантивированных качественных имен прилагательных: поле *Күөхтэр* (от прил. *күөх* ‘зеленый’), а. *Кыралар* (от прил. *кыра* ‘маленький’), возв. *Үрдүктэр* (от прил. *үрдүк* ‘высокий’), булг. *Төгүрүктэр* (от прил. *төгүрүк* ‘круглый’), ск. *Тулаайахтар* (от прил. *тулаайах* ‘отделённый от других, сиротливый, одинокий’, т.е. орографический объект, одиноко стоящий), возв. *Эриэннэр* (от прил. *эриэн* ‘пестрый’) и т. п.;
- оронимы с аффиксом *-лар*, образованные от субстантивированных относительных имен прилагательных: Также встречаются в небольшом количестве оронимы с полиморфемной структурой: а. *Дулбалаахтар* (от сущ. *дулба* ‘кочкарник’ + *-лаах* + *-лар*), поле *Күрүөлээхтэр* (от сущ. *күрүө* ‘изгородь’ + *-лээх* + *-лэр*), а. *Үөннээхтэр* (от сущ. *үөн* ‘насекомые’ + *-лээх* + *-лэр*), поле *Төнүргэстээхтэр*

(от сущ. *төнгүргэс* ‘пень’ + *-лээх* + *-лэр*), а. *Хамыйахтаахтар* (от сущ. *хамыйах* ‘большая ложка’ + *-лаах* + *-лар*), а. *Энэлээхтэр* (от сущ. *энэ* ‘медведь’ + *-лээх* + *-лэр*) и т. п.;

- оронимы с аффиксом *-лар*, образованные от субстантивированных именных форм глаголов: а. *Кыргыспыттар* (от глаг. *кыргыс-* ‘сражаться’ + *-быт* + *-лар*), а. *Хоммуттар* (от глаг. *хон-* ‘ночевать’ + *-бут* + *-лар*) и т.п.

В тюркской ономастике, как отмечает А. Н. Кононов, среди личных имен и географических названий встречается множественное число как единственная форма некоторых имен личных и топонимов. Например: тат. *Казаклар* ‘казахи’, туркм. *Уйгурлар* ‘уйгуры’, *Текелер* от родоплеменного названия *теке*, узб. *Араблар* ‘арабы’, *Беклер* ‘беки’ [Кононов 1956: 11]. Как утверждает В. И. Сергеев, в тюркских языках все имена собственные, обозначающие индивидуальные лица, могут выступать в форме множественного числа [Сергеев 1975: 67–68]. В якутских оронимах они обычно указывают на группу лиц, состоящую из членов одного семейства: а. *Буоччалар* (от прозвища *Буочча*), а. *Дьарааһынаптар* (от фамилии *Дьарааһынап*).

Таким образом, аффикс множественного числа *-лар* (*-тар*, *-дар*, *-нар*) в составе якутских оронимов сохраняет значение множественности.

Формант *-һыт*

Аффикс *-һыт* (*-сыт*, *-чит*, *-дьыт*, *-ньыт*) образует от первичных основ существительных «имя, обозначающее лицо или человека, для которого данный предмет (понятие) является объектом его занятия или профессии, либо означает его особую склонность, сноровку, пристрастие» [ГСЯЛЯ 1982: 111]. Можно утверждать, данный аффикс входит в состав оронимов как словообразовательный аффикс нарицательных производных основ апеллятивов, перешедших в разряд односоставных оронимов.

Аффикс *-һыт* считается сложным, состоящим из *-һы*, восходящего к древнему *-çi* и *-t* – тюркского показателя множественности [Кононов 1980: 85; Иванов 2017: 49]. В тюркских языках якутскому *-һыт* соответствует аффикс *-чы*, -

чи с фонетическими вариантами, образующий существительные, обозначающие лицо по характеру занятия, действий или привычек, социальной принадлежности, месту жительства [Тенишев 1976: 103]. Исследователи считают, что значение деятеля у этого аффикса не было первоначальным. Вероятнее всего, аффикс *-чы~-чи* был аффиксом прилагательных, обозначающих привычку, склонность к чему-либо: азерб. *инадчи* ‘упрямый’, шор. *урушчы* ‘драчливый’, *терчи* ‘потливый’ и т. п. [СИГТЯ 1986: 100]. Затем из сферы прилагательных этот аффикс был перенесен в сферу существительных, где он был в известной степени переосмыслен и был использован для названия профессии [Там же: 100]. В хакасском языке слово *имчи* означает ‘лечащий; лекарь’, впоследствии стало означать ‘врач’, *тогысчы* ‘работающий’, впоследствии ‘рабочий’ [ГХЯ 1975: 88]. В якутском языке имена на *-һыт* могут выступать в значении существительного и прилагательного: *тутууһут* ‘строитель’ – *тутууһут киһи* ‘способный строить человек’, *балыксыт* ‘рыбак’ – *балыксыт киһи* ‘удачливый рыбак’ и т.д. [Иванов 2017: 59].

Во многих других тюркских языках топонимы с аффиксом *-чы~..., -шы* являются распространенными, что отмечает и Х. Ф. Исхакова: «В топонимии суффикс *-чы...* широко распространен. Топонимы с этим суффиксом, главным образом, представляют собой названия населенных пунктов. Скорее всего, эти ойконимы образуются не непосредственно от названий предметов или орудий труда, а от названий деятелей, например: каз. пгт. *Балыкшы* ‘рыбачье’ от *балыкшы* ‘рыбак’ (от *балык* ‘рыба’), тат. с. *Тегерменче* ‘место, где проживает мельник’ от *тегерменчи* ‘мельник’ (от *тегермен* ‘мельница’); туркм. *Авчы* ‘место, где проживают охотники’ от *авчы* ‘охотник’ (от *ав* ‘охота’)... Таким образом, суффикс *-чы...,* встречающийся в топонимах, не является топонимическим» [Исхакова 2006: 38].

Семантика якутских оронимов с аффиксом *-һыт* достаточно разнообразна; это связано с лексической семантикой мотивирующих их основ, содержащих данный формант:

- при помощи аффикса *-һыт* образуются имена, выражающие особую склонность, мастерство, пристрастие, профессиональную способность, которые

лексикализировались как оронимы: а. *Атыыһыт* от *атыыһыт* ‘купец; торговец’ (от сущ. *атыы* ‘торговля’), а. *Кылыыһыт* от *кылыыһыт* ‘искусник прыгать на одной ноге’ (от сущ. *кылыы* ‘национальный вид спорта – прыжки на одной ноге’);

- с аффиксом *-һыт* образуются наименования, приписываемые отдельным лицам, чьи поведение, привычки и т. д. вызывают неодобрительное, пренебрежительное отношение, ставшие мотивирующей основой ряда оронимов: а. *Сымаһыт* от *сымаһыт* ‘пренебрежительное прозвище бедняка, который питается только заквашенной мелкой рыбой’ (от сущ. *сыма* ‘мелкая рыба (гольян озёрный), заквашенная в вырытых для этого ямах, выложенных лиственничной корой’), а. *Хааттыһыт* от *хааттыһыт* ‘картежник’ (от сущ. *хаатты* ‘игральная карта’);

- посредством аффикса *-һыт* образованы названия лиц, занимающихся народной медициной: а. *Отонһут* (от сущ. *отонһут* ‘якутский народный лекарь, лечащий людей лекарственными травами’). Данное слово восходит к др.-тюрк. *otačī* – от *ota-* ‘лечить’ < *ot* ‘лекарство’. Необходимо отметить, что «образование имени при помощи аффикса *-čī* от глаголов считается архаической чертой этого аффикса» [Севортян 1966: 83]; можно также отметить, что причастный аффикс *-чы* зафиксирован в древнетюркских текстах;

- посредством аффикса *-һыт* образованы наименования лиц, занимающихся собирательством: а. *Бэсчит* от *бэсчит* ‘тот, кто занимается сдиранием сосновой заболони’ (от сущ. *бэс* ‘сосновая заболонь’), а. *Отонньут* от *отонньут* ‘сборщик ягод’ (от сущ. *отон* ‘ягода, брусника’), а. *Туосчут* от *туосчут* ‘человек, который снимает, сдирает кору (бересту) с берёзы’ (от сущ. *туос* ‘береста’);

- с помощью аффикса *-һыт* образуются наименования лиц, постоянно занимающихся охотой и рыбалкой при помощи какого-то одного вида охотничьих и рыболовных снастей: а. *Сонордьут* от *сонордьут* ‘охотник-промысловик, добывающий зверя путем выслеживания по первому снегу; следопыт’ (от сущ. *сонор* ‘преследование зверя (особенно пушного) по первому осеннему снегу’), а. *Сохсоһут* от *сохсоһут* ‘охотник, ловящий зайца или других зверей при помощи

пасти' (от сущ. *сохсо* 'ловушка, пасть на зверя'), а. *Суолдьут* от *суолдьут* 'выслеживающий зверя по следам или опытный в распознавании пути, следопыт' (от сущ. *суол* 'дорога; след'), а. *Тиргэһит* от *тиргэһит* 'охотник силками, петлями на уток' (от сущ. *тиргэ* 'силки, петли из конского волоса на водоплавающую дичь');

- посредством аффикса *-һыт* образуются названия лиц, занимающихся исключительно одним видом охоты: а. *Андыһыт* от *андыһыт* 'охотник на турпана' (от сущ. *анды* 'турпан'), а. *Кыылдьыт* от *кыылдьыт* 'охотник на диких оленей, лосей' (от сущ. *кыыл* 'дикий северный олень; лось');

- при помощи аффикса *-һыт* образованы названия лиц, занимающихся одной из главных отраслей животноводства: пер. *Табаһыт* от *табаһыт* 'оленовод' (от сущ. *таба* 'олень'), а. *Сылгыһыт* от *сылгыһыт* 'табунщик' (от сущ. *сылгы* 'общее название лошадей, кобыл, жеребцов'), дол. *Ынахсыт* от *ынахсыт* 'коровница, пастух' (от сущ. *ынах* 'корова');

- посредством аффикса *-һыт* образуются якутские самобытные названия, присваиваемые всем, кто занимается одним из видов легкой атлетики: а. *Кылыыһыт* от *кылыыһыт* 'спортсмен, соревнующийся в прыжках на одной ноге; тот, кто хорошо прыгает на одной ноге (в национальном виде состязания)' (от сущ. *кылыы* 'вид якутской национальной спортивной игры – прыжки в длину на одной ноге на десять-двенадцать меток');

- при помощи аффикса *-һыт* образованы названия богинь, по верованиям древних якутов покровительствующих людям и домашним животным: а. *Айыыһыт* от *айыыһыт* 'общее название богинь, покровительствующих увеличению потомства' (от сущ. *айыы* 'доброе начало; доброе божество, добрый дух');

- присоединяясь к прилагательным и наречным основам, этот аффикс образуе имена, обозначающие привычку, склонность к чему-либо: а. *Ыраахсыт* от *ыраахсыт* 'далеко идущий' (от прил. *ыраах* 'дальний, далекий, отдаленный'), лог. *Эрдэһит* от *эрдэһит* 'рано встающий' (от нар. *эрдэ* 'рано') и др.

Среднепродуктивные топонимические форманты

Формант *-каан*

В тюркологии ласкательно-уменьшительный аффикс *-каан* считается общеалтайским аффиксом [Котвич 1962: 103; Иванов 2017: 66]. По мнению А. Н. Кононова, тюркский аффикс *-qan*, *-kän* состоит из двух уменьшительных аффиксов *-q~k + -n* [Кононов 1980: 96].

В якутском языке аффикс *-каан* (*-кээн*, *-коон*, *-көөн*) считается заимствованным из тунгусских языков – эвенкийского и эвенского [ГСЯЛЯ 1982: 112].], хотя можно отметить, что в древнетюркском имелся уменьшительно-ласкательный аффикс *-kInA* [OTWF 1991: 47]. Как отмечают исследователи, «уменьшительно-ласкательные, уничижительные аффиксы более широкое употребление имеют в северных говорах якутского языка (особенно в северо-западных)» [Воронкин 1999: 134]. По замечанию М. С. Воронкина: «Эти аффиксы настолько распространились и вошли в язык, что практически присоединяются к любой части речи, кроме глагола» [Там же: 134]. По материалам Е. И. Коркиной, «в индигирском говоре эвено-эвенкийские уменьшительные аффиксы *-чаан* и *-каан* чаще присоединяются к именам существительным и к именам прилагательным» [Коркина 1992: 139].

Что касается географических названий, при помощи аффикса *-каан* образованы следующие оронимы:

- от существительных: мыс *Булункаан* (от сущ. *булун* ‘часть, уголок поляны, долины (нередко с водоемом), вклинивающийся в лес, в гору’), г. *Тумускаан* (от сущ. *тумус* ‘край мыса, выступ’);
- от прилагательных: падь *Кыракаан* (от прил. *кыра* ‘маленький’), а. *Ороһукаан* (от прил. *ороһу* ‘родившийся поздно’).

Следует отметить, что оронимы с формантом *-каан* функционируют не только в северных районах, но и в центральных и западных районах.

Формант *-чаан*

Формант *-чаан* синонимичен аффиксу *-каан*, который также придает производным лексемам уменьшительно-ласкательный оттенок значения [ГСЯЛЯ 1982: 112]. Е. И. Убрятова по поводу аффиксов *-чаан*, *-каан* отмечает: «...при большом числе уменьшительно-ласкательных аффиксов поражает полное отсутствие увеличительных» [Убрятова 1950: 275]. Несмотря на кажущуюся сходность аффиксов *-каан* и *-чаан* по значению, исследователи отмечают, что «они в современном якутском языке используются как отдельные аффиксы» [Дьячковский 1993: 111; Николаев 2016: 33]. Существует мнение, что аффиксы *-каан* и *-чаан* «почти не выражают эмоциональной оценки уменьшительности, ласкательности или пренебрежительности, выполняют в основном словообразовательную функцию» [Иванов 2014: 18].

А. Н. Кононов считает аффикс *-чаан* исконно якутским и выводит его из архетипа **-чабан* [Кононов 1980: 96]. О. П. Суник вслед за Г. И. Рамstedтом считает, что аффикс *-чаан* тунгусским по происхождению, и образованным от тюркского аффикса уменьшительности *-ча*, представив схему «тюрк. *-ча* > тунг. *-чаан*» [Суник 1982: 113]. Это позволяет С. А. Иванову утверждать, что «тунгусский аффикс *-чаан* образован на почве самого эвенкийского языка под влиянием якутского языка» [Там же: 68]. Как уже отмечалось ранее, «в северных говорах наблюдается чрезвычайно высокая частотность употребления указанных аффиксов эмоциональной оценки, создающее иллюзорное представление о том, что аффиксы *-каан*, *-чаан* во всех случаях заимствованы якутским языком из эвенкийского и эвенского» [Иванов 2017: 68]. Следует отметить, что тождественный якутскому *-чаан* уменьшительно-ласкательный оттенок аффикса в эвенкийском языке *-чан* (*-чэн*, *-чон*) чаще выражает пренебрежение [Романова и др. 1975: 158].

В области географической терминологии посредством данного аффикса образованы такие лексические единицы, как *кайачаан* (диал., уд.) вм. *төхтүр*, *томтор* ‘бугор’ от *хайа* ‘гора’ [ДСЯС 1995: 83].

В якутской оронимии также могут быть выделены названия с топоформантом *-чаан*, образованные:

– от существительных: а. *Матаҕачаан* (от сущ. *матаҕа* (устар.) ‘небольшая сумка, котомка, изготовленная из кожи животных или рыб’), падь *Тыымпычаан* (от сущ. *тыымпы* ‘озеро в лесу без береговой полосы’);

– от прилагательных: г. *Босхочоон* (от прил. *босхо* ‘отдельный, обособленный’), яр *Харачаан* (от прил. *хара* ‘черный’).

Таким образом, форманты *-каан* и *-чаан* почти постоянно придают именам существительным уменьшительно-ласкательное значение, а прилагательным – значение ослабленного признака. Эта семантика наследуется и оронимами, образованными от мотивирующих основ с данными аффиксами с последующей субстантивацией и оронимизацией.

Малопродуктивные топонимические форманты

Формант *-аайы*

С помощью аффикса *-аайы* (*-ээйи*) образованы следующие оронимы: дол. *Күөрээйи* (от сущ. *күөрэ* ‘небольшое озерко, влажное место, где растет хвощ’), а. *Нуораайы* (от сущ. *нуора* ‘жидкая, растоптанная грязь’), а. *Ньырҕаайы* (от сущ. *ньырҕа* ‘местность со скудной растительностью’).

В якутском языке этимология аффикса *-аайы* не установлена. Как отмечает Н. К. Антонов, данный аффикс (с вариантами) имеет значение, близкое к значению имен на *-ааччы*, и представляет собой название (имя) действующего лица [Антонов 1961: 45, 99], но приведенные примеры на оронимы это мнение не подтверждают. Более правдоподобно мнение о том, что этот аффикс связан с уподобительным падежным аффиксом, хорошо представленным в древних тюркских текстах.

Согласно С. А. Иванову, «в прозвищах *Кыыллаайы* ‘подобный зверю’, *Суордаайы* ‘подобный ворону’, а также в некоторых именах *кыымаайы* ~ *кырдаайы* ‘моска’, *чыбаайы* ~ *чыыбаайы* ‘мелкая трава’ и гидронимах *Кэбээйи*, *Харбаайы*, *Чымнаайы* сохранились следы показателей уподобительного аффикса» [Иванов 2014: 87]. Адвербиальные формы имени на *-laju* с уподобительным значением, такие как *közlejü* ‘подобно глазу’, *börläjü* ‘подобно волку’,

образованные от имен существительных, встречаются в древнетюркских текстах XI в. [СИГТЯ 1988: 266]. В якутском языке и его говорах встречается употребление аффикса *-аайы* (...): *тигээйи* ‘оса’ (от глаг. *тик-* ‘жалить’), *үүнээйи* ‘растение’ (от глаг. *үүн-* ‘расти, вырастать’), *унаайы* ‘эпилептик’ (от глаг. *ун-* ‘падать в обморок’), *кураайы* ‘сухой, засушливый’ (от глаг. *куур-* ‘сохнуть, высыхать’), *тотоойу* ‘сытный’ (от глаг. *тот-* ‘насыщаться’) и т. д., которые образованы от глаголов. Трудно судить однозначно о том, это тот же аффикс или нет. В древнетюркском это падежный показатель, который присоединяется к основам только имен. Однако, по поводу его происхождения предполагается, что он состоит из аффикса, образующего глаголы от имен, плюс аффикс деепричастия на гласный [OTWF 1991: 401–411], т. е. ‘делая, как волк’, ‘как волк’, от основы ‘волк’. В якутском сохранились только основы глаголов, но возможно, что они отыменного происхождения, или же уподобительный аффикс присоединялся к отглагольному имени.

Формант -дай

Аффикс *-дай~-тай* имеет монгольское происхождение [Kaluzynsi 1961: 97; Иванов 2001: 138]. В якутской топонимии он образует имена с уменьшительным значением [Монастырёв 1989: 133; Иванов 2001: 139]. По материалам топонимики Якутии было выявлено около 300 единиц топонимов с конечным элементом *-дай~-тай* (*-дэй~-тэй...*) [Иванов 2001: 139]. Аффикс присутствует и в составе оронимов: а. *Мэнэтэй* (от сущ. *мэнэ* ‘могила, кладбище’), а. *Энкэдэй*, а. *Энкээдэй*, а. *Энкэтэй* (от сущ. *энкэ* ‘пробоина в береговом яру, подводная или надводная рывтина’). По нашим данным, оронимы с данным формантом распространены в Центральной Якутии: Чурапчинском, Таттинском и Мегино-Кангаласском районах, большинство из которых необъяснимо.

В бурятском языке аффикс *-дай~-тай* продуктивен преимущественно в сфере одушевленной лексики. Он регулярно употребляется для образования: а) названий

лиц с уменьшительно-ласкательным значением; б) названий диких и домашних животных; в) имен собственных в фольклоре [Дондуков 1964: 21].

Аффикс *-тай* (и его фонетические варианты), как считают исследователи, является формантом, характерным для всей монголоязычной топонимии и ономастики в целом [Очир-Гаряев 2010: 89]. Географическое распространение элемента *-тай* весьма обширно. Согласно современным картам, ареал топонимов с *-тай* охватывает северную часть Монголии, Бурятии, Забайкальский край и Иркутскую область, а также республики Тыва и Алтай. Топонимы с элементом *-тай* встречаются также на территории Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, на северо-западе Китая. На западе ареал топонимии на *-тай* замыкается на юге Российской Федерации, включая Ставропольский край, Калмыкию, Ростовскую, Волгоградскую и Астраханскую области.

Формант -ндъаа

Аффикс *-ндъаа* (*-ндъээ*, *-ндъоо*) эвено-эвенкийского происхождения [Иванов 2017: 81]. В эвенском языке аффикс *-нџа~-нџэ* имеет увеличительно-почтительное значение [Новикова 1960: 106], в эвенкийском суффикс *-ндя* выражает почтительное отношение и увеличительное значение [ЭвенкРС 1958: 781]. В якутском языке данный аффикс присоединяется к именам существительным, прилагательным, местоимениям и наречиям. При помощи данного форманта, указывающего на большой размер орографического объекта, образованы такие оронимы, как г. *Һынныкындъа* (от сущ. *һынны* ‘горный хребет, покрытый лесом’) и г. *Хадаарындъа* (от сущ. *хадаар* ‘скала, утес’).

Формант -ыйа

Аффикс *-ыйа* тюркского происхождения, он образует ласкательно-уменьшительные имена. Как отмечают исследователи, *-ыйа* – «аффикс эмоционально-оценочного значения, у которого ныне сильно ослаблено уменьшительное или ласкательное значение» [ГСЯЛЯ 1982: 112]. Среди оронимов

находим несколько названий с этим формантом: а. *Алааһыйа* (от сущ. *алаас* ‘алас, чистое поле или луг, окруженное лесом’), а. *Маарыйа* (от сущ. *маар* ‘болотное, кочковатое пространство, поросшее кустарником, ивами, редкими деревьями’).

Таким образом, структурно-формантный анализ оронимов, содержащих в своей мотивирующей основе аффиксы, которые можно рассматривать как топоформанты (см. табл. 9), позволяет сделать вывод о том, что аффиксация мотивирующих основ при образовании оронимов не отличается от обычного аффиксального словообразования.

Таблица 9

Топоформанты в якутской оронимии

№	Формант	Значение (функция)	Примеры оронимов
1.	-лаах	аффикс обладания	г. <i>Кубалаах</i> (от сущ. <i>куба</i> ‘лебедь’)
2.	-һыт	аффикс отношения к профессии, занятию	а. <i>Андыһыт</i> от <i>андыһыт</i> ‘охотник на турпана’ (от сущ. <i>анды</i> ‘турпан’)
3.	-лар	показатель множественности	а. <i>Харыйалар</i> (от сущ. <i>харыйа</i> ‘ель’)
4.	-каан	уменьшительно-ласкательный аффикс	г. <i>Тумускаан</i> (от сущ. <i>тумус</i> ‘край мыса, выступ’)
5.	-чаан	уменьшительно-ласкательный аффикс	а. <i>Матаҕачаан</i> (от сущ. <i>матаҕа</i> (устар.) ‘небольшая сумка, котомка’)
6.	-аайы	сравнительный аффикс	а. <i>Нуораайы</i> (от сущ. <i>нуора</i> ‘жидкая, растоптанная грязь’)
7.	-ыйа	уменьшительный аффикс	а. <i>Алааһыйа</i> (от сущ. <i>алаас</i> ‘алас, чистое поле или луг, окруженное лесом’)
8.	-дай/-тай	уменьшительный аффикс	а. <i>Энкэдэй</i> (от сущ. <i>энкэ</i> ‘пробоина в береговом яру, подводная или надводная рытвина’)

9.	-ндъаа	увеличительно- почтительный аффикс	г. Хадаарындъа (от сущ. хадаар ‘скала, утес’)

Самыми продуктивными формантами являются аффиксы *-лаах (...)*, *-һыт (...)*, *-лар (...)*. К числу среднепродуктивных мы относим форманты *-каан (...)* и *-чаан (...)*, к числу малопродуктивных: *-аайы (...)*, *-дай~-тай (...)*, *-ндъаа (...)*, *-ыйа*.

Из зафиксированных формантом общетюркскими являются: *-аайы (...)*, *-лаах (...)*, *-лар (...)*, *-һыт (...)*, *-ыйа*, аффиксами монгольского происхождения: *-дай~-тай (...)*, аффиксами тунгусского происхождения: *-каан (...)*, *-чаан (...)*, *-ндъаа (...)*.

3.1.2 Многокомпонентные оронимы

Наиболее распространенный тип якутской оронимии – многокомпонентные оронимы. К таким оронимам мы относим названия, состоящие из двух и более слов. Данный тип характерен для всех тюркских языков. Как отмечает Г. И. Донидзе, «примерно две трети тюркской топонимии с прозрачной этимологией составляют названия, образованные сочетанием нескольких – чаще всего двух или трех – слов без участия каких-либо специальных аффиксов» [Донидзе 1980: 89].

Образование многокомпонентных оронимов происходит по тем же моделям, что и однокомпонентных, однако реализуются эти модели на уровне более сложных языковых единиц. Так, ключевыми механизмами их формирования являются оронимизация, трансонимизация, транстопонимизация, трансоронимизация.

В зависимости от наличия или отсутствия в них орографического апеллятива, многокомпонентные оронимы подразделяются на терминированные и нетерминированные.

3.1.2.1 Двух- и трехкомпонентные терминированные оронимы

В терминированных оронимах в роли основного, т. е. определяемого, компонента выступают орографические апеллятивы, указывающие на вид

орографического объекта: *аартык* ‘горный перевал’, *алаас* ‘алас’, *булгунньах* ‘холм’, *буом* ‘ущелье’, *дьаангы* ‘каменная скала’, *сыһыы* ‘лут’, *таас* ‘скала’, *хапчаан* ‘ущелье’, *хонуу* ‘поле’, *хотоол* ‘впадина’, *хочо* ‘долина’ и др. Если термин относит объект к определенному классу подобных объектов, то определяющее слово выделяет обозначаемый объект, подчеркивая его особенности. Образование таких оронимов происходит преимущественно путем оронимизации целых словосочетаний, где определяющая часть характеризует объект, а определяемая – называет его тип. В качестве определяющей части сложных оронимов могут быть и именные части речи, и именные глагольные формы. В рамках таких сложных структур также находят отражение процессы трансонимизации, транстопонимизации и трансоронимизации.

3.1.2.1.1 Двухкомпонентные терминированные оронимы

Первую группу составляют оронимы, грамматически оформленные примыканием. Первые компоненты выражены такими частями речи, как имена существительные, качественные и относительные прилагательные, числительные, глагольные формы, состоящие из одного слова. В качестве второго компонента выступают орографические апеллятивы, указывающие на разновидность называемого орографического объекта. Данные модели являются результатом оронимизации атрибутивных словосочетаний. Они образованы по следующим моделям:

1.1 Модель «существительное + орографический апеллятив». Под оронимами, образованными по данной модели, понимаются названия, состоящие из двух компонентов, в которых в роли определения выступают имена существительные. Слова, образованные сочетанием двух основ, не имеющих никаких морфологических показателей, являются определительными и имеют формулу: определение + определяемое. В тюркологии данная модель иногда называется тюркским изафетом первого типа. Подобное сочетание связано только синтаксическими средствами через порядок слов, определение в нем стоит перед

определяемым. Орографический объект оформляется конкретным орографическим апеллятивом, а главный признак его – другими существительными, дополняющими характеристику объекта. По способу использования нарицательного имени существительного в качестве атрибута в оронимах можно выделить следующие группы:

- названия природных явлений: хр. *Күн Таас* (от *күн* ‘солнце’ + *таас* ‘скала’), горка *Хаар Сыыр* (от *хаар* ‘снег’ + *сыыр* ‘горка’), г. *Этинг Хайа* (от *этинг* ‘гром’ + *хайа* ‘гора’) и др.;
- названия водных объектов: г. *Билир Хайа* (от *билир* ‘место слияния рек’ + *хайа* ‘гора’), а. *Бэрэ Алаас* (от *бэрэ* ‘озерцо’ + *алаас* ‘алас’), г. *Күөл Хайа* (от *күөл* ‘озеро’ + *хайа* ‘гора’) и др.;
- названия растений и деревьев: а. *Боруу Алаас* (от *боруу* ‘хвощ’ + *алаас* ‘алас’), а. *Бэс Алаас* (от *бэс* ‘сосна’ + *алаас* ‘алас’), поле *Хатын Сыһыы* (от *хатын* ‘береза’ + *сыһыы* ‘поле’) и др.;
- названия животных: г. *Ат Быраан* (от *ат* ‘конь’ + *быраан* ‘гора’), г. *Буур Хайа* (от *буур* ‘самец оленя’ + *хайа* ‘гора’), булг. *Обус Булгуннях* (от *обус* ‘бык’ + *булгуннях* ‘булгуннях’) и др.
- названия частей тела человека и животных: г. *Тонулах Таас* (от *тонулах* ‘локоть’ + *таас* ‘гора’), г. *Түөс Хайа* (от *түөс* ‘грудь’ + *хайа* ‘гора’), кряж *Сүрэх Дьаангы* (от *сүрэх* ‘сердце’ + *дьаангы* ‘скала’) и др.
- названия жилищ и хозяйственных построек: г. *Балабан Таас* (от *балабан* ‘балаган’ + *таас* ‘гора’), мыс *Күрүө Тумус* (от *күрүө* ‘изгородь’ + *тумус* ‘мыс’), г. *Хотон Хайа* (от *хотон* ‘хлев’ + *хайа* ‘гора’) и др.;
- названия стоянок и пастбищ: а. *Кыстык Алаас* (от *кыстык* ‘зимник’ + *алаас* ‘алас’), а. *Өтөх Алаас* (от *өтөх* ‘усадыба’ + *алаас* ‘алас’), а. *Сайылык Алаас* (от *сайылык* ‘летник’ + *алаас* ‘алас’) и др.
- названия предметов быта: г. *Тараах Хайа* (от *тараах* ‘гребень’ + *хайа* ‘гора’), г. *Хомуос Хайа* (от *хомуос* ‘ковш, черпак’ + *хайа* ‘гора’), булг. *Ынгыр Булгуннях* (от *ынгыр* ‘седло’ + *булгуннях* ‘булгуннях’) и др.

- термины родства: г. *Кийиит Хайа* (от *кийиит* 'невестка' + *хайа* 'гора'), а. *Эбэ Алаас* (от *эбэ* 'бабушка' + *алаас* 'алас').

В ряде случаев названия орографических объектов, указывающие на форму объектов, возникли с помощью метафорического переноса, когда наименование того или иного предмета или явления переносится на другой предмет или явление на основании их сходства: г. *Балабан Таас* (от *балабан* 'балаган' + *таас* 'гора', т. е. гора, напоминающая по форме балаган), булг. *Обус Булгуннях* (от *обус* 'бык' + *булгуннях* 'булгуннях', т. е. большой булгуннях), кряж *Сүрэх Дьяангы* (от *сүрэх* 'сердце' + *дьяангы* 'скала', т. е. чем-то напоминающий сердце кряж), г. *Сэлээпнэ Хайа* (от *сэлээпнэ* 'шляпа' + *хайа* 'гора', т. е. напоминающая по форме шляпу гора), ск. *Ынгыр Таас* (от *ынгыр* 'седло' + *булгуннях* 'булгуннях', т. е. скала, чем-то напоминающая седло), г. *Хотон Хайа* (от *хотон* 'хлев' + *хайа* 'гора', т. е. похожая на хлев гора) и др. Отправным пунктом для создания этих оронимов послужили определенные свойства и особенности обозначаемых объектов и мест (форма, внешний вид и др.), которые сделали возможным сравнение их с соответствующими предметами окружающей действительности.

1.2 Модель «прилагательное, не содержащее топоформант + орографический апеллятив» одна из самых продуктивных. Это связано с тем, что люди, дававшие имена орографическим объектам, осознанно или неосознанно выбирали наиболее заметные признаки. Такие названия, как правило, не являются случайны, они отражают физико-географические особенности окружающей среду. В состав сложных оронимов с определяющим компонентом именем прилагательным могут входить следующие качественные прилагательные, обозначающие:

- цвет: а. *Күөх Алаас* (от *күөх* 'зеленый' + *алаас* 'алас'), г. *Үрүҥ Хайа* (от *үрүҥ* 'белый, чистый' + *хайа* 'гора'), г. *Хара Таас* (от *хара* 'черный' + *таас* 'скала'), г. *Эриэн Хайа* (от *эриэн* 'пестрый' + *хайа* 'гора') и др.;

- форму: поле *Синньигэс Сыһыы* (от *синньигэс* 'узкий' + *сыһыы* 'поле'), а. *Төгүрүк Алаас* (от *төгүрүк* 'круглый' + *алаас* 'алас'), г. *Хаптабай Хайа* (от *хаптабай* 'плоский' + *хайа* 'гора') и др.;

- размер: г. *Күкүр Хайа* (от *күкүр* ‘огромный’ + *хайа* ‘гора’), пер. *Үрдүк Аартык* (от *үрдүк* ‘высокий’ + *аартык* ‘перевал’), г. *Орто Таас* (от *орто* ‘средний’ + *таас* ‘гора’) и др.;
- возраст: дол. *Кырдыаҕас Толоон* (от *кырдыаҕас* ‘старый’ + *толоон* ‘долина’), пол. *Саҥа Алыы* (от *саҥа* ‘новый’ + *алыы* ‘поляна’), булг. *Эдэр Булгунньах* (от *эдэр* ‘молодой’ + *булгунньах* ‘булгуннях’) и др.;
- другие прилагательные: г. *Тараҕай Хайа* (от *тараҕай* ‘лысый’ + *хайа* ‘гора’), г. *Ытык Хайа* (от *ытык* ‘священный’ + *хайа* ‘гора’), дол. *Улуу Толоон* (от *улуу* ‘великий’ + *толоон* ‘долина’), ск. *Халтан Таас* (от *халтан* ‘голый’ + *таас* ‘скала’) и др.

Также в состав данных оронимов мы включили прилагательные, образованные от названий сторон света: булг. *Арҕаа Булгунньах* (от *арҕаа* ‘западный’ + *булгунньах* ‘булгуннях’), г. *Илин Быраан* (от *илин* ‘восточный’ + *быраан* ‘гора’), падь *Собуруу Аппа* (от *собоуруу* ‘южный’ + *аппа* ‘овраг’), поле *Хоту Сыһыы* (от *хоту* ‘северный’ + *сыһыы* ‘поле’) и др.

Определяющие компоненты — прилагательные характеризуют орографические объекты со стороны их размера, формы и плотности, возраста, цвета и многих других особенностей.

1.3 Модель «производное прилагательное, содержащее топоформант + орографический апеллятив». Данная модель демонстрирует опосредованный путь оронимизации: сначала от апеллятива с помощью словообразовательного аффикса образуется производное прилагательное, которое затем участвует в формировании сложного названия, и все словосочетание целиком подвергается онимизации. Производные прилагательные, входящие в состав оронимов, в большинстве случаев имеют словообразующий аффикс *-лаах*. С помощью этого аффикса от различных именных основ образуются прилагательные, выражающие обладание тем предметом или качеством, названием которого служит имя, от которого они образованы. В оронимии аффикс *-лаах* участвует в образовании названий орографических объектов со значением места, характеризующегося наличием или концентрацией предмета или предметов, обозначенных мотивирующими

основами. Семантика основ, к которым присоединяется данный аффикс, может быть различной: г. *Кубалаах Хайа* (лебедь-PROPR + гора), г. *Оптуоххалаах Хайа* (известь-PROPR + гора), дол. *Турангнаах Хочо* (солончак-PROPR + долина), а. *Хатыннаах Алаас* (береза-PROPR + алас), возв. *Халырыктаах Томтор* (вихрь-PROPR + холм), г. *Хаһыылаах Хайа* (крик-PROPR + гора), ск. *Эһэлээх Таас* (медведь-PROPR + скала) и др.

Прилагательные, образованные с помощью других аффиксов, очень редки в якутской оронимии. В формировании сложных оронимов участвуют относительные прилагательные, образованные от существительного, с аффиксом с пространственным значением *-гы* (*-кы*, *-ны*): пер. *Илинги Дабаан* (восток-REL.ADJ + возвышенность), а. *Илинги Онхой* (восток-REL.ADJ + лог), а. *Хотугу Чонкучах* (север-REL.ADJ + котловина) и др.

1.4 Модель «числительное + орографический апеллятив». В состав сложных оронимов, определяющий компонент которых выражен числительным, как правило, входят количественные числительные: г. *Биир Таас* (от *биир* ‘одна’ + *таас* ‘скала’), булг. *Икки Булгунньах* (от *икки* ‘два’ + *булгунньах* ‘булгуннях’), хр. *Сэттэ Дабаан* (от *сэттэ* ‘семь’ + *дабаан* ‘хребет’), г. *Сэттэ Таас* (от *сэттэ* ‘семь’ + *таас* ‘скала’). Количественные числительные в роли определения может точно определить число орографических объектов, а также передать значения ‘несколько’ и ‘много’. В целом для оронимии эта модель менее характерна, в то время как для остальных видов топонимов указанная модель является довольно продуктивной, см. [Багдарыын Сүлбэ 1988б].

1.5 Модель «причастие + орографический апеллятив». Тюркская топонимия характеризуется обширным пластом разнообразных глагольных топонимов. Эта особенность наблюдается и в якутской оронимии, представляющей собой различные варианты именных глагольных образований. В формировании сложных оронимов с глагольной основой, как правило, участвуют глагольные формы на *-быт* и *-ар* (*-ыыр*). Глагольный компонент находится в препозиции по отношению к объекту и выступает как определение к орографическому апеллятиву:

- причастие настоящего времени на *-ар~-ыыр*: а. *Балыктыыр Алаас* ‘алас с озером, где ловят рыбу’ (рыбачить-AOR + алас), мыс *Кустуур Тумаһах* ‘алас, где охотятся на уток’ (охотиться на уток-AOR + мыс), пол. *Оттуур Сыһыы* ‘поляна, где косят сено’ (косить сено-AOR + поляна), а. *Сааһыыр Алаас* ‘алас, где проводят весну’ (проводить весну-AOR + алас) и др.

- причастие прошедшего времени на *-быт*: овр. *Хайдыбыт Анхай* ‘расколовшийся овраг’ (расколоться-PP + овраг), булг. *Хайдыбыт Булгуннях* ‘расколовшийся булгуннях’ (расколоться-PP + булгуннях), г. *Хайыарбыт Хайа* ‘ввалившаяся гора’ (вваливаться-PP + гора) и т.д.

Вторую группу представляют оронимы с притяжательным аффиксом 3-го лица ед. ч. на орографическом апеллятиве. Данные конструкции возникают в результате оронимизации, трансонимизации, транстопонимизации и трансоронимизации, но с использованием более сложного синтаксического механизма – изафетной связи, выражающей принадлежность. Данный тип связи представляется также одним из наиболее продуктивных способов образования сложных названий. Изафетное определение, сочетающееся с определяемым с помощью аффиксов принадлежности, характеризует определяемое по признаку принадлежности. Сочетание слов, которое при этом образуется, имеет строго соблюдаемую форму: определение стоит перед определяемым, обязательно оформленным аффиксом принадлежности. Мы выделяем следующие модели:

2.1 Модель «существительное + орографический апеллятив-POSS.3SG» в якутской оронимии одна из самых продуктивных. В качестве первого компонента таких оронимов зафиксированы как нарицательные, так и собственные имена:

- названия природных явлений: г. *Дьукээбил Хайата* (северное сияние + гора-POSS.3SG), булг. *Күрүлгэн Булгунньаба* (водопад + булгуннях-POSS.3SG), дол. *Холорук Толооно* (вихрь + долина-POSS.3SG) и др.;

- названия растений и деревьев: мыс *Арбай Тумуһаба* (ива + мыс-POSS.3SG), г. *Болбукта Хайата* (кедровый стланик + гора-POSS.3SG), лог *Бэрдьигэс Дьороно* (сосна + ложбина-POSS.3SG) и др.;

- названия животных: пол. *Ат Алыыта* (лошадь + поляна-POSS.3SG), булг. *Саһыл Булгунньаба* (лиса + булгуннях-POSS.3SG), возв. *Хабдьы Тааһа* (куропатка + скала-POSS.3SG) и др.;
- названия частей тела человека и животных: мыс *Баттах Тумса* (волосы + мыс-POSS.3SG), пригорок *Бэрбээкэй Хордобойо* (щиколотка + пригорок-POSS.3SG), пер. *Куттах Аартыга* (желудок + перевал-POSS.3SG) и др.;
- названия жилищ и хозяйственных построек: а. *Былабан Алааһа* (балаган + алас-POSS.3SG), ск. *Симизбийэ Тааһа* (избушка + скала POSS.3SG), г. *Холомо Тааһа* (конусообразное жилище + гора-POSS.3SG) и др.;
- названия стоянок и пастбищ: а. *Отор Алааһа* (временная летовка + алас POSS.3SG), а. *Сайылык Алааһа* (летник + алас-POSS.3SG), кочк. *Ходуһа Дулбата* (покос + кочкарник-POSS.3SG) и др.;
- термины, обозначающие людей, без или с указанием на их половозрастные различия: поле *Дьахтар Хонуута* (женщина + поле-POSS.3SG), а. *Куһи Алааһа* (человек + алас-POSS.3SG), хр. *Обонньор Тааһа* (старик + скала-POSS.3SG) и др.;
- названия, обозначающие понятия духовной культуры: г. *Байанай Хайата* (Байанай + гора-POSS.3SG), мыс *Илбис Тумула* (Илбис + мыс-POSS.3SG), поле *Ойуун Сыһыыта* (шаман + поле-POSS.3SG), а. *Удабан Алааһа* (шаманка + алаас-POSS.3SG) и др.;
- названия, обозначающие социальные роли: пол. *Кинээс Сыһыыта* (князь + поляна-POSS.3SG), а. *Кулуба Алааһа* (голова + алас-POSS.3SG), г. *Тойон Хайата* (господин + гора-POSS.3SG) и др.
- антропонимы: а. *Маарыйа Алааһа* (Мария + алас-POSS.3SG), утес *Манчаары Очуоһа* (Манчаары + очуос-POSS.3SG), булг. *Арамаанантар Булгунньахтара* (Романовы + булгуннях-POSS.3PL), мыс *Архыыптар Тумустара* (Архиповы + мыс-POSS.3PL) и др.;
- этнонимы: г. *Нуучча Хайата* (русский + гора-POSS.3SG), а. *Тонус Алааһа* (тунгус + алас-POSS.3SG);

- ойконимы: дол. *Болтоҥо Толооно* (Болтоҥо + долина-POSS.3SG), падь *Чакыр Ааттыга* (Чакыр + перевал-POSS.3SG);
- гидронимы: мыс *Бэрэ Тумула* (озерцо + мыс-POSS.3SG), г. *Дьүөдүэ Хайата* (заболоченное озеро + гора-POSS.3SG), горы *Күөл Хайата* (озеро + гора-POSS.3SG) и др.;
- оронимы: г. *Алыы Хайата* (Алыы + гора-POSS.3SG), ущ. *Дабаан Ханчаана* (перевал + ущелье-POSS.3SG), г. *Дьаангы Сунэ* (скала + хребет-POSS.3SG), мыс *Сыһыы Тумса* (поляна + мыс-POSS.3SG) и др.

Первый компонент данной модели якутских оронимов указывает, во-первых, на принадлежность орографического объекта определенному лицу, во-вторых, указывает на наличие, обилие чего-либо на орографическом объекте.

2.2 Модель «субстантивированное прилагательное, не содержащее топоформант + орографический апеллатив-POSS.3SG». Сочетание прилагательных, не содержащих топоформантов, с именами существительными не считается продуктивным способом образования оронимов, оформленных изафетной формой. Лишь в единичных случаях представлены названия орографических объектов, где первым компонентом выступает прилагательное данного типа: м. *Дирин* (от прил. *дириҥ* 'глубокий') → косогор *Дирин Халдьаайыта* 'косогор местности Дирин' (Дирин + косогор-POSS.3SG), г. *Кэлтэгэй* → (от прил. *кэлтэгэй* 'кособокий, имеющий только одну сторону, один бок') → ск. *Кэлтэгэй Тааһа* 'скала горы Кэлтэгэй' (Кэлтэгэй + скала-POSS.3SG), г. *Төгүрүк* (от прил. *төгүрүк* 'круглый') → хр. *Төгүрүк Сунэ* 'хребет горы Төгүрүк' (Төгүрүк + хребет-POSS.3SG) и др.

2.3 Модель «субстантивированное производное прилагательное, содержащее топоформант + орографический апеллатив-POSS.3SG». Как отмечают исследователи, сложные топонимы с производными прилагательными на *-лаах* происходят от названий других географических объектов [Гриценко 1967: 62; Монастырёв 1991: 139]. Якутские оронимы, выраженные изафетными словосочетаниями с прилагательными на *-лаах*, в большинстве случаев происходят от названий местностей или даны по имени главной реки, речки, озера, т. е.

образованы путем транстопонимизации и трансоронимизации: м. *Баџалаах* (лягушка-PROPR) → дол. *Баџалаах Толооно* ‘долина местности Баџалаах’ (Баџалаах + долина-POSS.3SG), оз. *Куоџастаах* (гагара-PROPR) → мыс *Куоџастаах Тумса* ‘мыс озера Куоџастаах’ (Куоџастаах + мыс-POSS.3SG), р. *Тирэхтээх* (тополь-PROPR) → г. *Тирэхтээх Тааһа* ‘гора реки Тирэхтээх’ (Тирэхтээх + гора-POSS.3SG) и др.

В приведенных выше примерах признак, выраженный первым компонентом (субстантивированным прилагательным на *-лаах*), хотя характеризует орографический объект, относится прежде всего к местности или другому географическому объекту. В таких названиях указывается принадлежность орографического объекта к какой-то определенной местности, называемой, например, м. *Куруннаах* ‘местность с засохшим лесом’ (засохший лес-PROPR), м. *Анхайдаах* ‘местность с ямами’ (яма-PROPR), м. *Хатыннаах* ‘местность с березами’ (береза-PROPR) и т. д. В названии булг. *Күрүүлээх Булгунньаба* компонент *күрүүлээх* имеет значение ‘с изгородью’, а точное значение оронима *Күрүүлээх Булгунньаба* ‘булгуннях, расположенный в аласе с изгородью’. Ороним мыс *Аранастаах Тумула* – мыс в местности, называемой *Аранастаах*, т. е. ‘мыс у того места, где имеется *аранас* (лабаз)’.

2.4 Модель «субстантивированное причастие + орографический апеллятив-POSS.3SG». В основе данной модели лежит сочетание топонима, выраженное субстантивированным причастием, с орографическим апеллятивом в форме принадлежности 3-го лица: м. *Киистиир* (охотиться на соболя-AOR) → а. *Киистиир Алааһа* ‘алас местности Киистиир’ (Киистиир + алас-POSS.3SG), р. *Сымалаабыт* (заквашивать мелкую рыбу-PCP.PST) → горы *Сымалаабыт Силэ* ‘хребет озера Сымалаабыт’ (Сымалаабыт + хребет-POSS.3SG), дор. *Тумуллуур* (обходить мыс-AOR) → г. *Тумуллуур Хайата* ‘гора дороги Тумуллуур’ (Тумуллуур + гора-POSS.3SG), оз. *Хаастыыр* (охотиться на гусей-AOR) → мыс *Хаастыыр Тумса* ‘мыс озера Хаастыыр’ (Хаастыыр + мыс-POSS.3SG) и др. Как видно из примеров, одни из причастий относятся к причастиям прошедшего времени, другие – к причастиям настоящего времени.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что двухкомпонентные терминированные оронимы представляют собой продуктивный и структурно организованный пласт якутской оронимии. Их ключевой особенностью является бинарная модель «определение + определяемое», где роль определяемого выполняет орографический апеллятив (*хайа, алаас, таас* и др.), четко фиксирующий тип именуемого объекта, а определение, выраженное различными частями речи, индивидуализирует его в рамках класса однородных объектов.

Основными способами связи компонентов и, соответственно, источниками формирования этих оронимов выступают:

- синтаксическое примыкание (тюркский изафет I типа), являющееся результатом оронимизации атрибутивных словосочетаний. В рамках этой модели выявлены высокопродуктивные семантические группы определений, характеризующих объект по: природным особенностям (флора, фауна, объекты гидрографии), физическим свойствам (цвет, размер, форма), хозяйственной деятельности и материальной культуре (жилища, предметы быта, промыслы);
- изафетная связь с показателем принадлежности 3-го лица (тюркский изафет II типа), где оронимизации подвергаются конструкции, изначально выражающие отношения принадлежности. Важнейшим уточнением является то, что данная модель формируется не только путем оронимизации описательных сочетаний, но и, что особенно важно, путем трансонимизации, транстопонимизации, трансоронимизации. Анализ материала показывает, что первый компонент в таких оронимах часто представляет собой готовый антропоним (*Маарыйа, Манчаары*), этноним (*Нуучча, Тонус*), ойконим (*Болтоно. Диринг*) или гидроним, который переносится в оронимию. Таким образом, данная модель специализируется на передаче отношений принадлежности объекта определенному лицу либо на указании на его локализацию вблизи другого, уже названного географического объекта (трансонимизация).

3.1.2.1.2 Трехкомпонентные терминированные оронимы

В многокомпонентных сложных оронимах определяющая и определяемая части наименований орографических объектов могут быть представлены одно- или двусловными компонентами. В качестве последнего компонента выступает орографический апеллятив. Образование таких названий происходит путем оронимизации более сложных синтаксических конструкций, а также путем трансонимизации и трансоронимизации готовых двухкомпонентных топонимов и их последующего включения в состав оронима в качестве определяющей части. Связь определяющего компонента с определяемым в таких оронимах осуществляется посредством примыкания и тюркского изафета второго типа. Далее мы выделяем определяемое имя, а также, если оно имеет уже определение, то и определяемую именную группу, квадратными скобками. Определяющую группу, а также составные части именной определяющей группы, мы выделяем фигурными скобками.

1. Трехкомпонентные оронимы, построенные на примыкании

1.1 Модель «{прилагательное} + {прилагательное} + [орографический апеллятив]». Определительная группа состоит из двух прилагательных, оба из которых определяют третий член словосочетания – имя существительное. Данная модель представляет собой результат оронимизации сложных атрибутивных словосочетаний. Компоненты связаны между собою связью примыкания: г. *Аллара Эбир Хайа* ‘нижняя пестрая гора’, г. *Улахан Маџан Таас* ‘большая белая гора’, ск. *Улахан Киһилээх Таас* ‘большая скала с петроглифами’ и др. Оба прилагательных определяют орографический апеллятив поотдельности: *гора большая*, *гора белая*. Между собой эти прилагательные являются координированными членами конструкции. В русском переводе мы могли бы поставить союз *и* между ними: *гора большая и белая*.

1.2 Подтипом этой модели является модель «{прилагательное} + [{прилагательное} + [орографический апеллятив]]». Определяемая группа уже

представляет собой семантическое единство и функционирует как ороним; она определяется дополнительно еще одним признаком. Операция сравнения нередко участвует в образовании пары антонимичных оронимов в наиболее явном виде. Данная модель образуется путем трансоронимизации.

Среди многих признаков названий орографических объектов выступает одна общая для всех них черта – их наименование как результат их сравнения. Все наименования, таким образом, не являются абсолютными, а относительными, т. е. сравнительными. В ряде случаев близкорасположенные орографические объекты могут именоваться одинаково, но это случается редко. Особенностью и основой номинации близкорасположенных оронимов являются оппозиционные семантические отношения, основанные на положении объекта в пространстве и его размере. Согласно В. Д. Монастырёву, топонимы с оппозиционными компонентами «появились путем наращения к последующим членам топонима с целью различения географических объектов по величине или местоположению» [Монастырёв 1992: 60].

Сравнительность наименований орографических объектов проявляется в следующих типичных для оронимии противопоставлениях:

- большой – малый: поле *Улахан Туора Сыһыы* ‘большое отдаленное поле’ – поле *Аччыгый Туора Сыһыы* ‘малое отдаленное поле’;
- западный – восточный: дол. *Арбаа Уһун Толоон* ‘западная длинная долина’, дол. *Илин Уһун Толоон* ‘восточная длинная долина’;
- левый – правый: а. *Ханас Үчүгэй Алаас* ‘левый хороший алас’, а. *Уна Үчүгэй Алаас* ‘правый хороший алас’ и др.

1.3 Модель «{прилагательное} + [{существительное} + [орографический апеллатив-POSS.3SG]]». Данную группу представляют оронимы, составленные из определения и двухкомпонентного оронима, образованного способом изафета второго типа. В данной модели особенно ярко проявляется явление трансоронимизации, так как второй и третий компоненты представляют собой уже готовый ороним, к которому добавляется определяющий признак (чаще всего указание на сторону света) для создания парных противопоставленных названий.

Связь между определяющей и определяемой частями осуществляется посредством примыкания. В данной группе преобладают оронимы с оппозиционным компонентом западный – восточный. Использование этих прилагательных для номинации аласов предполагает сравнение однородных орографических объектов. В результате такого сравнения и выявления различий появляются пары противопоставленных названий с антонимичной семантикой: а. *Арбаа Ньиирэй Алааһа* (западный + теленок + алас-POSS.3SG) – а. *Илин Ньиирэй Алааһа* (восточный + теленок + алас-POSS.3SG), а. *Арбаа Торбос Алааһа* (западный + теленок + алас-POSS.3SG) – а. *Илин Торбос Алааһа* (восточный + теленок + алас-POSS.3SG), а. *Арбаа Тыһаҕас Алааһа* (западный + двухгодовалый бычок + алас-POSS.3SG) – а. *Илин Тыһаҕас Алааһа* (восточный + двухгодовалый бычок + алас-POSS.3SG) и др. Для одного оронима наш материал не предоставил подходящей пары хотя можно было бы подумать, что она должна быть: а. *Хоту Кыыс Алааһа* (северный + девушка + алас-POSS.3SG).

2 Трехкомпонентные оронимы, построенные по изафетной конструкции

Данные модели демонстрируют сложный механизм образования, сочетающий процессы оронимизации, трансонимизации, трансоронимизации. Объединяющей чертой этих моделей является наличие в их структуре существующих имен собственных – гидронимов, ойконимов, реже других оронимов и антропонимов, – которые выступая в роли определяющего компонента по отношению к орографическому апеллятиву с аффиксом принадлежности, подвергаются трансонимизации, транстопонимизации или трансоронимизации. Следовательно, модели типа «[топоним] + орографический апеллятив-POSS.3SG» указывают на:

- принадлежность орографического объекта определенному лицу, роду или социальной группе. Семантика таких названий может быть расшифрована как «алас / гора [человека X]»;
- принадлежность орографического объекта к определенной, уже названной местности или его расположение другого географического объекта.

Семантика таких названий может быть расшифрована как «гора / долина / хребет [местности X]».

2.1 Модель «{существительное} + [{прилагательное, не содержащее топоформант} + [орографический апеллятив-POSS.3SG]]». Данную модель составляют оронимы, определяющая часть которых выражается нарицательным именем существительным или именем собственным, а определяемым членом является словосочетание с орографическим апеллятивом.

В оронимах, компоненты которых связаны изафетом второго типа, притяжательным аффиксом 3-го лица, как правило, оформляется орографический апеллятив, имеющий при себе примыкающее определение: поле *Алтан Улуу Сыһыыта* (Алтан + великий + поле-POSS.3SG), мыс *Арыы Уһук Тумса* (остров + дальний + мыс-POSS.3SG), поле *Ойуун Уһун Сыһыыта* (шаман + длинный + поле-POSS.3SG), поле *Томороон Уһун Сыһыыта* (Томорон + длинный + поле-POSS.3SG) и др.

Определяющий компонент сложного оронима выражен антропонимом, когда первый компонент оронимов содержит информацию о принадлежности орографического объекта определенному лицу, либо причастности человека к данному объекту: холм *Маалаҕай Илин Кырдала* (Малагай + восточный + холм-POSS.3SG), а. *Сахаачча Кураанах Алааһа* (Захарча + высохший (сухой) + алас-POSS.3SG), мыс *Яков Улахан Тумула* (Яков + большой + мыс-POSS.3SG) и др.

2.2 Модель «{{существительное} + {существительное} + топоформант}} + [орографический апеллятив-POSS.3SG]». Данную модель представляют оронимы, образованные от топонимов, путем транstopонимизации и трансоронимизации. Приведенные оронимы образованы путем присоединения орографического апеллятива в форме 3-го л. ед. числа двухкомпонентному составному названию: м. *Кырса Уйалаах* (песец + нора-PROPR) → мыс *Кырса Уйалаах Тумула* ‘мыс местности Кырса Уйалаах’ (Кырса Уйалаах + мыс-POSS.3SG), р. *Эһэ Аранастаах* (медведь + лабаз-PROPR) → г. *Эһэ Аранастаах Чобура* ‘гора реки Эһэ Аранастаах’ (Эһэ Аранастаах + гора-POSS.3SG), г. *Тойон Уйалаах* (орел + гнездо-PROPR) → г. *Тойон Уйалаах Аартыга* ‘перевал горы Тойон

Уйалаах' (Тойон Уйалаах + перевал-POSS.3SG) – г. *Тойон Уйалаах Тааһа* 'скала горы Тойон Уйалаах' (Тойон Уйалаах + скала-POSS.3SG).

2.3 Модель «{прилагательное, не содержащее топоформант} + {существительное}} + [орографический апеллятив-POSS.3SG]». Определяющая часть оронима данной модели может быть представлена апеллятивным словосочетанием или самостоятельным двухкомпонентным топонимом. В зависимости от того, какие лексические группы слов участвовали в образовании данной модели названий, их можно разделить на несколько групп.

Первую группу данной модели составляют оронимы, определяющая часть которых представлена сочетанием апеллятива с определением: пер. *Буос Ыт Аартыга* 'перевал щенной собаки' (щенный + собака + перевал-POSS.3SG), мыс *Манган Атыыр Быраана* 'мыс белого жеребца' (белый + жеребец + мыс-POSS.3SG), поле *Ухун Хаддьяайы Сыһыта* 'поле длинного холма' (длинный + косогор + поле-POSS.3SG) и др.

Вторую группу образуют названия, определяющей частью которых являются двухкомпонентные оронимы, гидронимы, ойконимы. Данные модели образуются путем транстопонимизации и трансоронимизации:

- двухкомпонентный ороним + орографический апеллятив-POSS.3SG: дол. *Илин Толоон* (от *илин* 'восточный' + *толоон* 'долина') → поле *Илин Толоон Бабараба* 'низменность Илин Толоон' (Илин Толоон + низменность-POSS.3SG), дол. *Киэн Алыы* (от *киэн* 'широкий' + *алыы* 'поле') → булг. *Киэн Алыы Булгунньаба* 'булгуннях Киэн Алыы' (Киэн Алыы + булгуннях-POSS.3SG) – впадина *Киэн Алыы Уолбата* 'впадина Киэн Алыы' (Киэн Алыы + впадина-POSS.3SG), дол. *Отто Хочо* (от *отто* 'средний' + *хочо* 'долина') → г. *Отто Хочо Хайата* 'гора Отто Хочо' (Отто Хочо + гора-POSS.3SG) и др.;

- двухкомпонентный гидроним + орографический апеллятив-POSS.3SG: рч. *Киэн Үрэх* (от *киэн* 'широкий' + *үрэх* 'речка') → горы *Киэн Үрэх Силэ* 'хребет Киэн Үрэх' (Киэн Үрэх + хребет-POSS.3SG), р. *Халын Муус* (от *халын* 'толстый, массивный' + *муус* 'лед') → г. *Халын Муус Дьяангыта* 'гора Халын Муус' (Халын

Муус + гора-POSS.3SG), о. *Эмис Арыы* (от *эмис* ‘толстый’ + *арыы* ‘остров’) → г. *Эмис Арыы Хайата* ‘гора Эмис Арыы’ (Эмис Арыы + гора-POSS.3SG) и др.;

- двухкомпонентный ойконим + орографический апеллятив-POSS.3SG: м. *Уһун Быллаар* (от *уһун* ‘длинный’ + *быллаар* ‘бугорок’) → г. *Уһун Быллаар Хайата* ‘гора Уһун Быллаар’ (Уһун Быллаар + гора-POSS.3SG), ур. *Хара Сыыр* (от *хара* ‘черный’ + *сыыр* ‘горка’) → г. *Хара Сыыр Кирбийэ* ‘возвышенность Хара Сыыр’ (Хара Сыыр + возвышенность-POSS.3SG).

2.4 Модель «{субстантивированное производное прилагательное, содержащее топоформант,} + [{прилагательное} + [орографический апеллятив-POSS.3SG]]». Данная модель состоит из однокомпонентного топонима и словосочетания с орографическим апеллятивом. Определяющий член в таких названиях выражен субстантивированным прилагательным: м. *Бүтэйдээх* (изгородь-PROPR) → булг. *Бүтэйдээх Эриэн Булгунньаба* ‘пестрый булгуннях Бүтэйдээх’ (Бүтэйдээх + пестрый + булгуннях-POSS.3SG), р. *Күнкүрдээх* (промоина-PROPR) → дол. *Күнкүрдээх Хос Толооно* ‘парная долина Күнкүрдээх’ (Күнкүрдээх + парный + долина-POSS.3SG), м. *Унгуохтаах* (могила-PROPR) → горы *Унгуохтаах Собыруу Сихэ* ‘южный хребет Унгуохтаах’ (Унгуохтаах + южный + хребет-POSS.3SG) и др.

2.5 Модель «{{прилагательное} + {существительное}+ топоформант} + [орографический апеллятив-POSS.3SG]]» составляют названия, определяющая часть которых представлена двухкомпонентными гидронимами. Данные модели образуются путем транstopонимизации: оз. *Хос Бастаах* (парный + голова-PROPR) → булг. *Хос Бастаах Булгунньаба* ‘булгуннях Хос Бастаах’ (Хос Бастаах + булгуннях-POSS.3SG), р. *Улахан Кыалаах* (большой + трут-PROPR) → хр. *Улахан Кыалаах Сихэ* ‘хребет Улахан Кыалаах’ (Улахан Кыалаах + хребет-POSS.3SG), р. *Улахан Эһэлээх* (большой + медведь-PROPR) → г. *Улахан Эһэлээх Баһа* ‘вершина Улахан Эһэлээх’ (Улахан Эһэлээх + вершина-POSS.3SG).

2.6 Модель «{числительное} + {существительное+топоформант}} + [орографический апеллятив-POSS.3SG]]». Определительная часть данной модели выступает как двухкомпонентный топоним, состоящий из числительного и

производного прилагательного. Данные модели образуются путем транслитерации. Наименования этого типа имеют единичный характер: оз. *Биэс Бастаах* (пять + голова-PROPR) → мыс *Биэс Бастаах Тумула* ‘мыс Биэс Бастаах’ (Биэс Бастаах + мыс-POSS.3SG), м. *Тобус Булгунняхтаах* (девять + булгуннях-PROPR) → впадина *Тобус Булгунняхтаах Уолбата* (Тобус Булгунняхтаах + впадина-POSS.3SG).

2.7 Модель «{существительное + причастие} + [орографический апеллятив-POSS.3SG]». Определительная часть трехкомпонентных глагольных оронимов строится как определительное придаточное предложение, где имя существительное является субъектом, причастие настоящего или прошедшего времени – предикатом. Наибольшей продуктивностью обладают конструкции, в которых первая часть представлена нарицательными существительными в единственном числе: а. *Пиэрмэ Олорор Алааһа* ‘алас, где находится ферма’ (ферма + жить-AOR.3SG + алас-POSS.3SG), г. *Сылгы Дабатар Хайата* ‘гора, где поднимается лошадь’ (лошадь + подниматься-AOR.3SG + алас-POSS.3SG), дол. *Кыыс Оонньообут Толооно* ‘долина, где играла девочка’ (девочка + играть-PP.3SG + долина-POSS.3SG), а. *Этинг Эннит Алааһа* ‘алас, где погромел гром’ (гром + греметь-PP.3SG + алас-POSS.3SG) и др.

2.8 Модель «{{существительное} + [{существительное-ын}] + [орографический апеллятив-POSS.3SG]}». К данной модели мы относим сложные притяжательные оронимы, представляющие собой своеобразную цепочку словосочетаний. Причем каждый член его связан с предшествующим и последующим определенными синтаксическими определениями [Убрятова 1950: 42]. В трехчленном притяжательном словосочетании средний член оформляется аффиксом древнего родительного падежа -ын. Е. И. Убрятова указала, что этот аффикс употребляется только вместо аффикса принадлежности 3-го лица [Там же: 42].

В орониме *Дьаакып Ынабын Алааһа* ‘алас коровы Якова’ имеем два изафетных сочетания: во-первых, *ынабын алааһа* ‘алас коровы’, во-вторых, *Дьаакып ынаба* ‘корова Якова’. При этом определяемое *алааһа* конкретизируется

семантикой непосредственно стоящего перед ним определения *ынах*. Значение последнего в свою очередь уточняется препозитивно употребленным к нему атрибутом *Дьяакын*. В сложных именных изафетных определительных сочетаниях средние члены сочетания слов несут двойную синтаксическую функцию: они являются определяемыми по отношению к предшествующему члену и определениями по отношению к последующему члену [ГСЯЛЯ 1995: 59]. Следовательно, в результате оформления существительного *алааһа* аффиксом принадлежности 3-го лица передается атрибутивное отношение.

В семантическом плане первые компоненты таких оронимов являются антропонимами, этнонимами, топонимами: мыс *Болугур Алааһын Тумуһа* ‘мыс аласа Болугур’ (Болугур + алас-POSS.3SG-GEN + мыс-POSS.3SG), мыс *Өндөрөөскү Уолун Тобойо* ‘мыс сына Андрюшки’ (Андрюшка + сын-POSS.3SG-GEN + мыс-POSS.3SG), мыс *Өлөөнө Өтөбүн Быраана* ‘мыс усадьбы Елены’ (Елена + усадьба-POSS.3SG-GEN + мыс-POSS.3SG), г. *Тонус Ойуунун Кыһама* ‘берег тунгусского шамана’ (Тунгус + шаман-POSS.3SG-GEN + берег-POSS.3SG) и др.

2.9 Модель «{{субстантивированное производное прилагательное, содержащее топоформант} + [{существительное-ын}] + [орографический апеллятив-POSS.3SG]}». Группа оронимов, где первый член сложного изафетного словосочетания выражается субстантивированным прилагательным на *-лаах*, представлена двумя наименованиями: булг. *Биллээх Түгэбин Булгунньаба* ‘булгуннях нижней части горы Биллээх’ (таймень-PROPR + дно-POSS.3SG-GEN + булгуннях-POSS.3SG), булг. *Хотонноох Алааһын Булгунньаба* ‘холм аласа, находящегося в местности Хотонноох’ (хлев-PROPR + алас-POSS.3SG-GEN + булгуннях-POSS.3SG). В приведенных оронимах субстантивированные прилагательные функционирует в качестве названий местностей.

Оронимы, состоящие из четырех компонентов, встречаются редко. Нами зафиксировано всего два наименования: дол. *Буор Хайа Утарытаабы Кытыл* ‘долина, находящаяся напротив земляной горы’, булг. *Үөһээ Киэн Алыы Булгунньаба* ‘булгуннях верхнего широкого поля’.

По мнению В. А. Никонова, сложные формы названий в речевом обиходе не удерживаются [Никонов 1962: 32]. Малое количество многокомпонентных оронимов объясняется тем, что сложные названия в оронимии, как и топонимии в целом, имеют тенденцию к сокращению.

Таким образом, формирование трехкомпонентных терминированных оронимов основано на двух ключевых процессах: онимизации атрибутивных словосочетаний и трансонимизации существующих топонимов.

С одной стороны, они возникают путем оронимизации сложных атрибутивных словосочетаний (модели с примыканием), где определения детально характеризуют объект, часто вступая в оппозиционные отношения с определениями других однородных объектов, что способствует индивидуализации и дифференциации референтов в оронимической системе.

С другой стороны, и это наиболее показательно, они активно формируются путем трансонимизации, транstopонимизации, трансоронимизации существующих имен собственных (антропонимов, гидронимов, ойконимов, оронимов), которые включаются в структуру оронима в качестве определяющего компонента. Это приводит к созданию изафетных конструкций типа «{топоним} + [орографический апеллятив-POSS.3SG]», которые устанавливают связь между орографическим объектом и уже существующим именем собственным, указывая на его принадлежность к определенной местности или близость к другому географическому объекту.

Семантика таких названий является в первую очередь не описательной, а референциальной, что свидетельствует о развитости и системной организованности топонимической системы. Несмотря на структурную сложность, все модели объединены общим принципом: орографический апеллятив всегда занимает финальную позицию, что обеспечивает четкое указание на тип объекта, в то время как предшествующие компоненты осуществляют его сложную комплексную идентификацию посредством отсылки к другим географическим реалиям.

3.1.2.2 Двух- и трехкомпонентные нетерминированные оронимы

В Якутии встречается множество примеров нетерминированных оронимов. С точки зрения количества входящих в них слова нетерминированные оронимы, не содержащие орографических апеллятивов (указателей на тип именуемого объекта), делятся на две группы: двухкомпонентные и трехкомпонентные.

3.1.2.2.1. Двухкомпонентные нетерминированные оронимы

Компоненты таких сложных образований связаны между собой путем примыкания, изафета и согласования. В отличие от терминированных оронимов, в данной группе полностью отсутствует орографический апеллятив, что делает мотивировку названия более скрытой и требует привлечения более глубокого семантического анализа. Образование этих оронимов происходит как путем оронимизации словосочетаний, так и в результате сложных процессов трансонимизации, в первую очередь из гидронимии.

1. Двухкомпонентные оронимы, построенные на примыкании

1.1 Модель «{существительное + {существительное}}» является распространенной и продуктивной. Ключевой особенностью данной модели является активная гидронимическая транстопонимизация. Компонентами двусловных названий являлись уже функционирующие гидронимы. В таких названиях гидрографические апеллятивы выступают определяемым компонентом мыс *Кумах Үрүйэ* (от *кумах* ‘песок’ + *үрүйэ* ‘ручей’), лог *Бэс Үрэх* (от *бэс* ‘сосна’ + *үрэх* ‘речка’), лог *Дьирики Үрэх* (от *дьирики* ‘бурундук’ + *үрэх* ‘речка’), падь *Сылгы Үрэх* (от *сылгы* ‘лошадь’ + *үрэх* ‘речка’) и др. Одноименность орографических и гидрографических объектов обычно обусловлена переносом названий гидронимов первичной номинации на близлежащие или даже отдаленные орографические объекты.

1.2 Модель «{{прилагательное} + {существительное}}». В качестве определяющей части выступают качественные и относительные прилагательные. В семантическом плане прилагательное указывает на размер, форму, возраст, цвет

и другие признаки конкретного предмета. Второй компонент таких оронимов может быть выражен:

- названиями, относящимися к растительному миру: г. *Илин Сугун* (от *илин* 'восточный' + *сугун* 'голубика'), г. *Маџан Туос* (от *маџан* 'белый' + *туос* 'береста'), г. *Хара Сыгынах* (от *хара* 'черный' + *сыгынах* 'бурелом') и др.;
- названиями животных: г. *Ала Чубука* (от *ала* 'пестрый' + *чубука* 'снежный баран'), г. *Улахан Ынах* (от *улахан* 'большой' + *ынах* 'корова'), падь *Кыра Хаас* (от *кыра* 'маленький' + *хаас* 'гусь' и др.;
- названиями жилищ и хозяйственных построек: мыс *Сага Балаџан* (букв. новый балаган), мыс *Сага Дьизэ* (от *сага* 'новый' + *дьизэ* 'дом').

Наименования, образованные от относительных прилагательных, имеют единичный характер: падь *Арыылаах Үрэх* (остров-PROPR + речка), поле *Кыһынгы Суол* (зима-REL.ADJ + дорога).

Эта модель также часто является результатом транстопонимизации, когда признак, первоначально характеризовавший реку или ручей, переносится на сопутствующий орографический объект.

1.3 Модель «{числительное} + {существительное}». В состав сложных оронимов, определяющий компонент которых выражен числительным, как правило, входят количественные числительные: дол. *Бизэ Дьизэ* (от *бизэ* 'пять' + *дьизэ* 'дом'), а. *Икки Туруйа* (от *икки* 'два' + *туруйа* 'журавль'), падь *Үс Салаа* (от *үс* 'три' + *салаа* 'боковой приток речки'), а. *Сэттэ Сэргэ* (от *сэттэ* 'семь' + *сэргэ* 'коновязь') и др.

1.4 Модель «{существительное} + {существительное} + топоформант». Наименования данной модели состоят из существительного и производного прилагательного с аффиксом *-лаах*. г. *Ам Бастаах* (лошадь + голова-PROPR), а. *Оџо Унуохтаах* (ребенок + могила-PROPR), г. *Саһыл Быталаах* (лиса + нора-PROPR), г. *Тойон Уйалаах* (орел + гнездо-PROPR), лог *Ыт Сыһаахтаах* (собака + челюсть-PROPR) и др.

1.5 Модель «{прилагательное без топоформанта} + {субстантивированное прилагательное без топоформанта}». В основе данной

модели лежит сочетание качественного определения, выраженное прилагательными *аччыгый* ‘малый, маленький’, *улахан* ‘большой’, *үөһээ* ‘верхний’, *аллараа* ‘нижний’, *орто* ‘средний’, *арбаа* ‘западный’, *илин* ‘восточный’ с определяемым словом. Определяемое слово обычно является уже функционирующим оронимом: г. *Маџан* (от прил. *маџан* ‘белый’) → г. *Аччыгый Маџан* ‘Маленький Маџан’, а. *Сиикэй* (от прил. *сиикэй* ‘незамерзший’) → а. *Илин Сиикэй* ‘Восточный Сиикэй’, падь *Үчүгэй* (от прил. *үчүгэй* ‘хороший’) → падь *Улахан Үчүгэй* ‘Большой Үчүгэй’ и др. В семантическом плане первый компонент данной модели указывает на размер, время, местоположение орографического объекта.

Оронимы и первичные гидронимы могут находиться в системных отношениях. При этом имеет место повторение основного элемента названия и добавление к нему антонимических определений *арбаа* ‘западный’ – *илин* ‘восточный’, например, г. *Арбаа Тураџас* ‘Западный Тураџас’ – г. *Илин Тураџас* ‘Восточный Тураџас’. Название горы *Илин Тураџас* (на севере Янского плоскогорья, в центральной части гор *Арбаа Ынах*) образовано от названия реки *Илин Тураџас*, которая является левым притоком реки *Тураџас*.

1.6 Модель «{ {прилагательное без топоформанта} + {существительное}+топоформант}». В оронимах данной модели первый компонент, определение, грамматически не оформлено, второй компонент, определяемое слово, имеет аффикс проприетива –*лаах*, который относится ко всей именной фразе: г. *Ала Оттоох* (разноцветный + растительность-PROPR), падь *Кыра Харыйалаах* (маленький + береза-PROPR), г. *Оччугуй Киргиллээх* (маленький + дятел-PROPR), падь *Орто Куталаах* (средний + трясина-PROPR), г. *Улахан Тугуттаах* (большой + олененок-PROPR), г. *Үрүҥ Хаастаах* (белый + гусь-PROPR), а. *Хардан Оттоох* (засохший + трава-PROPR) и др.

Не всегда отношения между компонентами, то есть между определением и определяемым, одинаковы. Например, в орониме *Хардан Оттоох* ‘с засохшей на корню травой’ оба компонента неразделимы и дают одно смысловое значение. В других случаях второй компонент, определяемое, выступает как собственное имя

по отношению к своему первому – определению. Название горы *Оччугуй Киргиллээх* (юго-западнее гряды *Киһилээх*, между р. *Улахан Кумак* и р. *Баатабай*) противопоставляется названию горы *Киргиллээх*, которая находится поблизости. Трансоронимизация в данном случае идет «через усиление различительной функции определяющей части» [Молчанова 1982: 118]. Таковыми являются следующие оронимы: г. *Кэрдистэрдээх* → г. *Кыра Кэрдистэрдээх*, мыс *Арангастаах* → мыс *Оччугуй Арангастаах*, а. *Ааллаах* → а. *Улахан Ааллаах* и др.

1.7 Модель «{числительное} + {существительное}+топроформант}»: а. *Икки Арангастаах* (два + лабаз-PROPR), а. *Икки Күрүүлээх* (два + изгородь-PROPR), а. *Тобус Бэстээх* (девять + сосна-PROPR), а. *Үс Күөллээх* (три + озеро-PROPR), а. *Сэттэ Оттоох* (семь + трава-PROPR) и др. Анализируемая модель состоит из количественного числительного и прилагательного с аффиксом обладания *-лаах*. По мнению В. Д. Монастырёва, количественные числительные в таких наименованиях, во-первых, дают количественную характеристику объекта, во-вторых, означают собирательное множество [Монастырёв 1993: 90]. Производные прилагательные в субстантивированном виде приобретают значение места конкретного орографического объекта.

Модели 1.5–1.7 демонстрируют различные способы номинации, основанные на оронимизации описательных словосочетаний, характеризующих объект по количеству, качеству, местоположению и иным признакам. Важной чертой является образование парных оппозиционных названий (*Улахан / Аччыгый*, *Арбаа / Илин*), служащих для различения однородных объектов в пределах одной территории.

2 Двухкомпонентные оронимы, построенные по изафетной конструкции

2.1 Модель «{существительное + {существительное-POSS.3SG}}»: а. *Атыыр Баһа* (жеребец + голова-POSS.3SG), г. *Ыт Күрүөтэ* (собака + изгородь-POSS.3SG), кряж *Суор Уйата* (ворон + гнездо-POSS.3SG) и др.

2.2 Модель «{существительное + существительное}-топоформант-POSS.3SG}». Данную модель составляют названия, первым компонентом которых являются антропонимы: г. *Килээрис Кэрэхтээбэ* ‘гора с деревом

жертвоприношения, установленным человеком по имени Килээрис’ (Килээрис + дерево жертвоприношения-PROPR-POSS.3SG), а. *Нуойан Хатыгнааба* ‘березовый алас Ноева’ (Ноев + береза-PROPR-POSS.3SG), а. *Устүүн Арыылааба* ‘алас с островом Устина’ (Устин + остров-PROPR-POSS.3SG) и др.

Форма принадлежности прилагательных указывает на то, что признак, выраженный мотивационной основой данного прилагательного, не составляет принадлежность субъекта обладания, а является признаком принадлежащего ему предмету [Чиркеева 2013: 101–102].

2.3 Своеобразными по своей структуре являются оронимы, в состав которых включены служебные слова. Они в форме основного падежа являются словами-названиями мысленно представляемых частей и сторон предметов или определенного места, пространства, связанных с расположением предмета или предметов. Поэтому в их семантике сильно развит элемент релятивности (относительности) [ГСЯЛЯ 1982: 398, 407]. Служебные имена употребляются преимущественно в составе изафетного сочетания. Они в этой форме выполняют свою основную функцию – функцию служебного слова.

Оронимы со служебными именами формируются по следующим моделям: «существительное + служебное слово», «производное прилагательное с топоформантом + служебное слово», «причастие + служебное слово». Данные модели обычно используются в названиях мелких орографических объектов, в связи с чем названия таких оронимов происходит от существующих топонимов. По утверждению В. Д. Монастырёва, появление топонимов со служебными именами связано с потребностью точно указать местонахождение малых объектов по отношению к другим, более известным [Монастырёв 1993: 84]. Определяющее слово, которое представляет собой действующий топоним, может быть выражено в виде существительного, прилагательного или причастия.

Служебные имена в составе оронимов можно разделить на следующие группы:

- служебные имена, обозначающие низ, нижнюю часть или нижнюю сторону географического объекта: *анна* → а. *Төнгүргэс Анна* (пень + низ-

POSS.3SG), а. *Ураһа Анна* (ураса¹⁵ + низ-POSS.3SG); *төрдө* → а. *Алыһардаах Төрдө* (окунь-PROPR + нижняя часть-POSS.3SG), а. *Дьаардаах Төрдө* (яр-PROPR + нижняя часть-POSS.3SG) и др.;

- служебные имена, обозначающие переднюю часть, переднюю сторону географического объекта: *аана* → дол. *Олом Аана* (брод + передняя часть-POSS.3SG), *иннэ* → а. *Бадарааннаах Иннэ* (болото-PROPR + перед-POSS.3SG), а. *Хамыйахтаах Иннэ* (половник-PROPR + перед-POSS.3SG) и др.;

- служебные имена, обозначающие место вблизи географического объекта: *таһа* → а. *Сиэбит Таһа* (забивать скот-PP + наружная сторона-POSS.3SG), а. *Охтубут Таһа* (падать-PP + наружная сторона-POSS.3SG) и др.

2.4 Модель «{существительное-POSS.3SG + отрицательное слово *суох*}». Среди двухкомпонентных оронимов встречаются наименования, выраженные сочетанием существительного в форме принадл. 3 л. с отрицательным словом *суох*. В якутском языке слово *суох* образует отрицательную форму производного прилагательного на *-лаах* [БТСЯЯ IX: 161]. В оронимии данные сочетания представляют одну семантическую единицу и выражают отсутствие у определенного предмета какого-либо признака: а. *Аата Суох* (имя-POSS.3SG + NEG), а. *Абааһыта Суох* (злой дух-POSS.3SG + NEG), а. *Ото Суох* ‘алас с плохой растительностью’ (травы-POSS.3SG + NEG), падь *Муоҕа Суох* (мох-POSS.3SG + NEG) и др.

3 Двухкомпонентные оронимы, построенные на согласовании или управлении

Члены данной конструкции оформлены как предложение и связаны способом согласования, если в конструкции присутствует эксплицитный субъект действия или управления, если присутствует только объект, а субъект эксплицитен. В такой конструкции выражаются предикативные отношения, такие предикативные словосочетания в топонимических исследованиях рассматриваются как глагольные названия [Монастырёв 1993: 92].

¹⁵ Ураса – летнее жилище якутов, конусообразный шалаш из жердей, обтянутый берестой.

Совершенно очевидно, что они образовались из определительных относительных придаточных предложений, в которых опущен определяемый географический апеллятив: место / мыс / гора, где играют девочки, место / мыс / гора, где (люди, все) берут глину. Предикат зависимого придаточного предложения в таких конструкциях выражается глагольной причастной формой. Данные оронимы представляют собой наиболее синтаксически сложные случаи, возникшие в результате оронимизации целых предложений или придаточных конструкций. Вся конструкция в целом субстантивируется и обозначает то место, где происходит или происходило данное действие, «там, где берут глину».

3.1 Названия данного типа выражены сочетанием имени существительного, обозначающего субъект действия, с глагольными формами, обозначающими само действие: а. *Кыыс Оонньообут* (девочка + играть-RES.3SG), а. *Саһыл Өлбүт* (лиса + умирать-RES.3SG), а. *Уу Сүүрэр* (вода + течь-AOR.3SG) и др.

3.2 Названия данного типа выражены сочетанием имени существительного, обозначающего объект действия, с глагольными формами, обозначающими само действие: мыс *Быһах Кэбиспит* (нож + бросать-RES.3SG), г. *Туой Ылар* (глина + брать-AOR.3SG), г. *Эһэ Ыппым* (медведь + стрелять-RES.3SG) и др.

Таким образом, двухкомпонентные нетерминированные оронимы являются сложной и многообразной частью оронимии, формирование которой обусловлено процессами онимизации и трансонимизации.

Основной отличительной чертой этой группы является отсутствие орографического апеллятива, что компенсируется сложной семантической структурой, восходящей к полным словосочетаниям или предложениям.

Транстопонимизация, особенно гидронимическая, играет ключевую роль в пополнении данного класса. Перенос названий рек и ручьев на близлежащие орографические объекты представляет собой продуктивный способ номинации, который создает системные связи между различными классами топонимов.

Оронимизация проявляется в переходе атрибутивных словосочетаний, предложно-падежных конструкций со служебными словами и целых предикативных конструкций (глагольные названия) в разряд оронимов:

Широкое распространение оппозиционных пар (*Улахан / Аччыгый, Арбаа / Илин*) подчеркивает развитый сравнительный характер якутской оронимической номинации, направленной на точное различение объектов в пространстве.

3.1.2.2.2 Трехкомпонентные нетерминированные оронимы

Трехкомпонентные оронимы представляют собой незначительную часть от общего числа нетерминированных наименований, что объясняется общей тенденцией оронимии к сокращению. Употребление частей речи и их форм в трехкомпонентных оронимах аналогично употреблению таковых в структурных моделях двухкомпонентных оронимов.

Основным способом образования трехкомпонентных нетерминированных оронимов является опосредованная транстопонимизация или трансоронимизация. В большинстве оронимов определительная часть выступает как двухкомпонентный топоним (чаще всего гидроним или ороним), к которому добавляется определение, уточняющее размер, местоположение или иной признак объекта: падь *Бэс Үрэх* (от *бэс* ‘сосна’ + *үрэх* ‘речка’) → падь *Улахан Бэс Үрэх* ‘Большой Бэс Үрэх’, падь *Арбаа Салаа* (от *арбаа* ‘западный’ + *салаа* ‘приток’) → падь *Собуруу Арбаа Салаа* ‘Южный Собуруу Салаа’, падь *Киэн Дойду* (от *киэн* ‘широкий’ + *дойду* ‘земля’) → падь *Оччугуй Киэн Дойду* ‘Маленький Киэн Дойду’ и др.

Встречаются трехкомпонентные оронимы, компоненты которых связаны вторым тюркским изафетом. Они образованы по модели «существительное + прилагательное + субстантивированное производное прилагательное с топоформантом-POSS.3SG». Притяжательным аффиксом 3-го лица, как правило, оформляется третий компонент, имеющий при себе примыкающее определение. В качестве первого компонента таких оронимов зафиксированы как нарицательные, так и собственные имена, что указывает на антропонимическую трансонимизацию

как на один из источников формирования данной группы: а. *Мэхээс Сытыган Хомустааба* (Михаил + гнилой + камыш-PROPR-POSS.3SG), а. *Нуойан Күөх Хатыннааба* (Ноев + зеленый + береза-PROPR-POSS.3SG), а. *Сайылык Күөх Оттообо* (летник + зеленый + трава-PROPR-POSS.3SG) и др.

Следующую группу представляют оронимы, состоящие из сложного изафетного сочетания с предположительно стянувшимися до *-ун~-ын* аффиксами поссессива 3-го лица и древнего родительного падежа, уже исчезнувшего в якутском языке в иных позициях (*-POSS.3SG + -GEN*): а. *Сабаакын Уолун Хомустааба* (Собакин + сын-ун + камыш-PROPR-POSS.3SG), а. *Дьахтар Кыыһын Унуохтааба* (женщина + дочь-ын + могила- PROPR-POSS.3SG), а. *Кууһума Кулунун Унуохтааба* (Кузьма + жеребенок-ун + могила-PROPR-POSS.3SG) и др.

Малая продуктивность и редкая употребительность трехкомпонентных моделей в современной речи подтверждает общую тенденцию к экономии языковых средств и сокращению сложных названий, однако их сохранение демонстрирует устойчивость традиционной оронимической системы и ее способность к созданию детализированных и точных номинаций.

3.1.3 Сравнительная характеристика структурно-словообразовательных типов якутских и алтайских оронимов

Сравнительный анализ структурно-словообразовательных типов якутских и алтайских оронимов позволяет выявить как общие типологические черты, обусловленные агглютинативным строем и сходными принципами номинации орографических объектов, так и специфические особенности, отражающие уникальность каждой топонимической системы.

В структурно-словообразовательных типах якутских и алтайских оронимов обнаруживаются общие структурные характеристики.

1. В основе структурного анализа оронимов обоих языков лежит универсальный критерий – количество компонентов в оронимической единице. Данный подход позволяет выделить две основные категории: однокомпонентные

(простые) и многокомпонентные (сложные) оронимы. Данный подход отражает общенаучную парадигму в оронимике и подчеркивает системный характер как якутской, так и алтайской оронимии.

2. Способы образования однокомпонентных оронимов. Наблюдается практически полное совпадение способов:

2.1 оронимизация апеллятивов-орографических терминов. Оба языка демонстрируют идентичный принцип номинации: орографический термин становится оронимом, когда обозначаемый им объект является уникальным или ключевым в локальной географической картине мира. Этот пласт характеризуется высокой степенью общности, что проявляется в совпадении базовых принципов номинации и ряда ключевых орографических терминов:

як.: булг. *Булгунньах* ‘холм, булгунях’, поле *Иэйэ* ‘влажная поляна’, дол. *Хочо* ‘долина’;

алт.: лог *Төстөк* ‘холм, бугор, возвышенность’, г. *Межелик* ‘невысокая гора, бугор, холм’, г. *Сойок* ‘небольшая гора’;

2.2 оронимизация других частей речи (существительных, прилагательных, причастий). Второй крупный блок образуют оронимы, возникшие путем онимизации нарицательных имен, не являющихся орографическими терминами. Семантическая структура мотивирующих основ здесь чрезвычайно разнообразна:

як.: падь *Бизэ* ‘кобыла’ (сущ.), а. *Төгүрүк* ‘круглый’ (прил.), а. *Балыктыыр* ‘рыбачащий’ (прич.);

алт.: г. *Сыгын* ‘марал’ (сущ.), г. *Лантык* ‘искривлённый, кособокий, однобокий’ (прил.), г. *Кыгыраар* ‘звонящий’ (прич.);

2.3 метафорические переносы по форме. Данная группа также является общей для двух традиций, однако ее удельный вес и конкретное лексическое наполнение вариативны:

як.: сопка *Аддьырба* от *аддьырба* ‘хищник’ → ‘сопка с вершинами, имеющими форму зубцов’, а. *Аһыы* от *аһыы* ‘клык’ → ‘алас с остроконечными, торчащими камнями’, г. *Ыҥыыр* от *ыҥыыр* ‘седло’ → ‘гора, по форме напоминающая седло’ – перенос по форме;

алт.: мыс *Айран* от *айран* ‘вилы’ → ‘мыс, напоминающий вилы’, ск. *Кирее* от *кирее* ‘пила’ → ‘скала, напоминающая пилу’, г. *Өркөш* от *өркөш* ‘горб (верблюда)’ → ‘гора, похожая на горб’.

2.4 высокая продуктивность топоформантов. Наиболее продуктивными в обоих языках являются:

– топоформанты *-лаах* (*-даах*, *-наах*, *-таах*) (як.) и *-лу* (*-ту*) (алт.), указывающие на обладание, изобилие или наличие:

як.: ск. *Болбукталаах* ‘с кедровым стлаником’, а. *Дулбалаах* ‘с кочками’, г. *Кэбэлээх* ‘с кукушкой’;

алт.: г. *Айулу* ‘с медведем’, г. *Курлу* ‘с поясом’, лог *Текелү* ‘с козлами’;

– топоформанты множественного числа *-лар* (*-дар*, *-нар*, *-тар*) (як.) и *-лар* (*-тар*) (алт.) используются для обозначения групп объектов.

як.: возв. *Үрдүктэр* (от *үрдүк* ‘высокий’), булг. *Суопкалар* (от *суопка* ‘сопка’), а. *Харыйалар* (от *харыйа* ‘ель’);

алт.: *Беишпектер* (от *беишпек* ‘округлый холм’ + *-тер*), лог *Болчоктор* (от *болчок* ‘бугор’ + *-тор*), г. *Туулар* (от *туу* ‘горы’ + *-лар*);

– топоформанты с уменьшительно-ласкательным значением *-каан*, *-чаан* (як.) и *-чак*, *-аш* (алт.):

як.: мыс *Булункаан* (от *булун* ‘часть, уголок поляны, долины’), г. *Тумускаан* (от *тумус* ‘край мыса, выступ’), падь *Тыымпыкаан* (от *тыымпы* ‘озеро в лесу без береговой полосы’);

алт.: лог *Белтиреш* ‘перекресточек’ (от *белтир* ‘устье, слияние двух рек; перекресток’ + *-еш*), г. *Кайачак* (от *кайа* ‘скала’ + *-чак*), лог *Терегеш* (от *терек* ‘тополь’ + *-еш*).

3. И в якутской, и в алтайской оронимии преобладают многокомпонентные оронимы, состоящие из двух и более основ. Это объясняется практической необходимостью не просто назвать объект, но и дать его точное определение, выделив среди подобных через указание на его специфический признак.

4. Структурный анализ многокомпонентных оронимов якутского и алтайского языков позволяет произвести их классификацию на терминированные (содержащие орографический апеллятив) и нетерминированные (не содержащие орографического апеллятива). Данное деление имеет ключевое значение для понимания принципов номинации и структурирования орографических объектов в обеих системах.

5. Тип терминированных оронимов представляет собой наиболее частотный и системообразующий пласт в обеих оронимических системах. Наличие орографического апеллятива делает номинацию четкой, однозначно указывая на тип орографического объекта

6. Оба языка широко используют изафетные конструкции для образования двухкомпонентных сложных названий.

– Изафет I типа (примыкание):

як.: а. *Кыстык Алаас* (от *кыстык* ‘зимник’ + *алаас* ‘алас’), кряж *Сүрэх Дьаангы* (от *сүрэх* ‘сердце’ + *дьаангы* ‘скала’), г. *Этинг Хайа* (от *этинг* ‘гром’ + *хайа* ‘гора’);

алт.: г. *Кут-Туу* (от *кут* ‘душа; жизненная сила; благодать’ + *туу* ‘гора’.), лог. *Күр-Өзөк* (от *күр* ‘мост’ + *өзөк* ‘долина, лог, ложбина’), г. *Учук-Таи* (от *учук* ‘нить’ + *таи* ‘камень’).

– Изафет II типа (определяемое с афф. принадл. 3 л.):

як.: поле *Ойуун Сыһыыта* (шаман + поле-POSS.3SG), а. *Сайылык Алааһа* (летник + алас-POSS.3SG), булг. *Саһыл Булгунньаҕа* (лиса + булгуннях-POSS.3SG);

алт.: пер. *Ат-Боочызы* (конь + перевал-POSS.3SG), лог *Кайа-Бажы* (скала + вершина-POSS.3SG), лог *Мешке-Кобызы* (гриб + лог-POSS.3SG).

7. Использование оппозиционных пар. Для якутской и алтайской оронимии характерно использование антонимичных прилагательных для различения однородных объектов:

як.: а. *Улахан Алаас* (от *улахан* ‘большой’ + *алаас* ‘алас, поле’) – а. *Аччыгый Алаас* (от *аччыгый* ‘малый’ + *алаас* ‘алас, поле’);

алт.: лог *Jaан-Ойбок* (от *jaан* ‘большой’ + *ойбок* ‘низина, впадина’) – лог *Кичү-Ойбок* (от *кичү* ‘малый’ + *ойбок* ‘низина, впадина’);

як.: поле *Үөһээ Киэн Алыы* (от *үөһээ* ‘верхний’ + *киэн* ‘широкий’ + *алыы* ‘поле’) – поле *Аллараа Киэн Алыы* (от *аллаара* ‘нижний’ + *киэн* ‘широкий’ + *алыы* ‘поле’);

алт.: пер. *Ўстиги-Боочы* (от *ўстиги* ‘верхний’ + *боочы* ‘перевал’) – пер. *Алтыгы-Боочы* (от *алтыгы* ‘нижний’ + *боочы* ‘перевал’).

8. Якутская и алтайская оронимия характеризуются развитой и систематизированной системой трансонимических процессов, включающей трансонимизацию, транстопонимизацию и трансоронимизацию, что свидетельствует о тесной взаимосвязи в восприятии различных типов объектов: не только водных (гидронимы) и орографических (оронимы), но и антропонимов (имена людей) и ойконимов (названия населённых пунктов) в традиционной картине мира данных народов.

Несмотря на типологическое сходство, оронимия якутского и алтайского языков характеризуется рядом специфических черт.

1. Якутская оронимия характеризуется номинативно-деривационной стратегией, в рамках которой формирование оронимов осуществляется с использованием специализированных топоформантов (см. подробнее 3.1.1.2)

2. В алтайской оронимии однословные сложные оронимы образуются путем стяжения двух основ без усечения (стяжение полных основ) или с усечением одной из них:

алт.: г. *Кайбаш* (от *кайа* ‘скала’ и *башы* ‘вершина [его]’), лог *Ойбарка* (от *ойбок* ‘углубление, котловина’ + *арка* ‘лес; северная сторона горы, покрытая лесом’), лог *Тонгой* (от *тонг* ‘мёрзлый’ + *ой* ‘низина, котловина и апеллятива; углубление, яма’).

3. Алтайская оронимия демонстрирует высокую активность изафета III типа. В оронимах третьего типа изафетной конструкции первый компонент, определение, оформляется аффиксом притяжательного падежа *-нын~-нин*, второй компонент, определяемое слово, – аффиксом принадлежности 3 л. *-и~-ы* (после

согласных), *-зы~-зи* (после гласных). В основном такие оронимы образуются путем трансонимизации:

алт.: пер. *Балтырганнын-Боочызы* (дягиль-GEN + перевал-POSS.3SG), г. *Оймоннын-Кыры* (Оймон-GEN + гора-POSS.3SG), г. *Чобрактын-Бажы* (Чобрак-GEN + вершина-POSS.3SG).

4. Якутская оронимия демонстрирует тенденцию к использованию изафета II (существительное + существительное-POSS.3SG), а также к образованию сложных многочленных изафетных конструкций, включающих элементы древнего родительного падежа *-ын~-ун*:

як.: мыс *Болугур Алааһын Тумуһа* (Болугур + алас-POSS.3SG-GEN + мыс-POSS.3SG), мыс *Өндөрөөскү Уолун Тобойо* (Андрюшка + сын-POSS.3SG-GEN + мыс-POSS.3SG), мыс *Өлөөнө Отөбүн Быраана* (Елена + усадьба-POSS.3SG-GEN + мыс-POSS.3SG).

5. Особое место среди якутских оронимов занимают прилагательные, оформленные топоформантами. Ключевой особенностью является их способность к субстантивации при присоединении аффикса принадлежности 3-го л. В этом случае прилагательные приобретают полное предметное значение и начинают выполнять все основные семантические, синтаксические и морфологические функции имени существительного. Эта особенность служит дифференцирующим признаком якутской оронимии, отличая ее от алтайской системы:

як.: а. *Бочоох Кустуктааба* (Васек + радуга-PROPR-POSS.3SG), а. *Сиидэр Хомустааба* (Сидор + камыш-PROPR-POSS.3SG), а. *Соптуруон Дулбалааба* (Софрон + кочка-PROPR-POSS.3SG).

Структурно-словообразовательные модели алтайских и якутских оронимов демонстрируют значительное сходство, обусловленное общим тюркским языковым наследием. Однако якутская оронимия отличается большим разнообразием моделей с использованием аффикса принадлежности и производных прилагательных с *-лаах*, а также более сложными многокомпонентными конструкциями. Алтайская оронимия, в свою очередь, сохраняет более архаичные черты, такие как использование чистых основ и простых изафетных конструкций.

Выводы по разделу 3.1

Анализ якутских оронимов в структурно-словообразовательном аспекте позволяет сделать следующие выводы.

1. Структура якутской оронимии является сложной, иерархически организованной системой, в которой четко выделяются два класса: однокомпонентные (простые) и многокомпонентные (сложные) оронимы. Внутри этих классов существует дальнейшая детальная классификация по формальным и семантическим признакам (наличие / отсутствие топоформантов, терминированность / нетерминированность, тип синтаксической связи), что свидетельствует о высоком уровне системности оронимической системы.

2. Ключевыми процессами образования оронимов выступают оронимизация, трансонимизация, трантопонимизация, трансоронимизация. Установлено, что:

- оронимизация является основным источником пополнения оронимии, протекая как напрямую (переход апеллятива в ороним: *таас* ‘скала’ → г. *Таас*), так и опосредованно, через субстантивацию прилагательных (*үрүҥ* ‘белый’ → г. *Үрүҥ*) и глагольных форм (*балыктыыр* ‘рыбачащий’ → а. *Балыктыыр*);

- трансонимизация и трантопонимизация играют ключевую роль в образовании сложных структур, особенно при формировании моделей с изафетом II типа. Наиболее продуктивен переход из гидронимии (руч. *Дьобо* → утес *Дьобо*) и антропонимии (*Манчаары* → утес *Манчаары Очуоһа*);

- трансоронимизация, понимаемая как процесс переноса готового оронима для именования нового орографического объекта, отражает иерархическое восприятие пространства и подчеркивает генетическую или ландшафтную связь между соответствующими объектами.

3. Однокомпонентные оронимы, состоящие из одного слова, составляют 35 % от общего числа оронимов и немногочисленны на территории Якутии. Они обычно называют крупные по масштабу и общеизвестные объекты, которые

известны населению без специального уточнения того, что они являются возвышенностями, равнинами или впадинами. С точки зрения происхождения все однокомпонентные названия подразделяются на такие, которые образовались путем оронимизации, трансонимизации, транстопонимизации и онимизации с предварительной субстантивацией прилагательных и глагольных форм без участия топоформантов и оронимы, которые образовались путем оронимизации, имеющих в своем составе показатели, которые можно рассматривать как топоформанты благодаря их частотному употреблению.

Среди однокомпонентных оронимов с топоформатами выделяются такие, которые образованы продуктивными (-*лаах* (...), -*һыт* (...), -*лар* (...), среднепродуктивными (-*каан* (...), -*чаан* (...), малопродуктивными формантами (-*аайы* (...), -*дай~-тай* (...), -*ндьаа* (...), -*ыйа*). В образовании этой группы наименований в большинстве случаев участвует аффикс -*лаах*, указывающий на обладание орографического объекта слагающими породами, растительностью, а также выражающие скопление, обилие и концентрацию конкретных предметов в определенной местности.

4. Наиболее распространенной группой оронимов являются многокомпонентные названия, которые составляют 65 % от общего числа. Формирование многокомпонентных оронимов осуществляется по тем же моделям, что и однокомпонентных оронимов, однако эти модели реализуются на уровне более сложных языковых конструкций. Ключевыми процессами их образования являются, во-первых, процесс оронимизации устойчивых словосочетаний, при котором устойчивое сочетание лексикализуется и закрепляется в качестве имени собственного, и, во-вторых, трансонимизация сложных наименований из других ономастических сфер. Данные оронимы представлены в виде конструкции «определение + определяемое». В зависимости от наличия или отсутствия в них орографического апеллятива, составные оронимы подразделяются на терминированные и нетерминированные. Многокомпонентные оронимы по способу образования делятся на два основных типа: во-первых, образованные соединением компонентов без использования морфологических элементов, при

помощи только соположения, т. е. путем синтаксической связи примыкания; во-вторых, соединенные изафетным отношением. Наряду с этим зависимость компонентов в нетерминированных названиях, восходящих к относительным определительным придаточным предложениям, выражается в согласовании и управлении.

5. Многокомпонентные терминированные оронимы составляют 44,1 % от общего числа всех оронимов. С точки зрения количества компонентов, составляющих название, терминированные оронимы делятся на две группы: двух- и трехкомпонентные. В терминированных оронимах вторыми компонентами или определяемой частью выступают орографические апеллятивы, указывающие на различные формы рельефа.

6. Двухкомпонентные терминированные оронимы составляют 93 % от общего числа всех терминированных оронимов. В морфологическом плане из частей речи в их составе определяющей части наиболее употребительны имена существительные, прилагательные, числительные; используются также характерные для тюркской топонимии в целом глагольные (причастные) конструкции. Подавляющая часть этих названий образована по моделям: «существительное + орографический апеллятив», «прилагательное без топоформанта + орографический апеллятив», «производное прилагательное с топоформанта + орографический апеллятив». Другие модели представлены в ограниченном количестве оронимов.

7. Трехкомпонентных наименований орографических объектов сравнительно немного, из 1765 зафиксированных нами терминированных оронимов, лишь 123 оронима являются трехкомпонентными, что составляет 6,9 % от общего числа терминированных оронимов. Как показало исследование, в трехкомпонентных якутских оронимах первая часть состоит из двухкомпонентных оронимических образований, выступающих в качестве определяющего, а вторая, определяемая часть – из одного компонента (орографического апеллятива).

8. В якутской оронимии нами зафиксировано всего два четырехкомпонентных терминированных наименования. Ограниченное количество

четырёхкомпонентных оронимов в якутском языке объясняется общей тенденцией к сокращению сложных топонимических единиц, характерной как для оронимии, так и для топонимии в целом. Оронимы с четырьмя компонентами являются редким явлением в данной системе.

9. Нетерминированные оронимы (20,9 % от общего числа всех оронимов) могут состоять из двух или трех компонентов. Модели, образующие нетерминированные оронимы, отличаются от моделей терминированных оронимов. В образовании нетерминированных оронимов преобладают следующие модели: «существительное + субстантивированное прилагательное», «существительное + служебное слово», «существительное + отрицательное слово *суох*». В орографических наименованиях данного типа широко реализуется также двойная адъективная модель («прилагательное + субстантивированное прилагательное»).

10. Особое место среди нетерминированных оронимов занимают прилагательные с топоформантов или без него. При оформлении аффиксом принадлежности 3-го лица прилагательные подвергаются субстантивации, в этом случае прилагательные без определяемого слова приобретают предметное значение и выполняют основные функции существительного.

11. В ряде случаев близкорасположенные орографические объекты могут именоваться одинаково. Типовым является разграничение совпадающих названий путем употребления дополнительных определений, что приводит к возникновению противопоставленных друг другу составных наименований. В таких наименованиях выступают: а) прилагательные, образующие антонимичные пары: *улахан* 'большой' и *аччыгый* 'малый', и дополняющее эту пару слово *орто* 'средний'; б) прилагательные, образованные от названий сторон света: *арбаа* 'западный' и *илин* 'восточный'; в) прилагательные *ханас* 'левый' и *унга* 'правый'.

12. Статистический анализ общего массива (4000 ед.) выявил четкое количественное распределение. Более половины всех оронимов (51,6 %) содержат в своей структуре орографический апеллятив, что подчеркивает его системообразующую роль. Среди них абсолютно доминируют многокомпонентные

терминированные модели (1765 ед.), в то время как однокомпонентные оронимы, образованные от орографических апеллятивов, представлены значительно меньшим числом – 300 единиц. Нетерминированные оронимы составляют 48,4 % массива. Внутри этой группы преобладают однокомпонентные оронимы (1100 ед.), образованные из других лексико-семантических разрядов (имена собственные, названия растений и животных), над многокомпонентными нетерминированными (836 ед.).

Следовательно, якутская оронимическая система является преимущественно терминированной. Ключевую роль в ее организации играет пласт орографических апеллятивов, который не только служит основой для номинации, но и выполняет классифицирующую функцию, явно указывая на тип орографического объекта. Доминирование многокомпонентных терминированных моделей (44,1 %) отражает тенденцию к созданию сложных, но структурно и семантически мотивированных названий.

Сравнительно-сопоставительное исследование структурно-словообразовательных типов якутских и алтайских оронимов позволяет сделать следующие выводы.

1. Якутская и алтайская оронимия характеризуются развитой и систематизированной системой трансонимических процессов, включающей трансонимизацию, транстопонимизацию и трансоронимизацию.

2. Наблюдается сходство моделей образования однокомпонентных оронимов посредством высокопродуктивных топоформантов: як. *-лаах~-лээх*, алт. *-лу~-лы*). Данные топоформанты в обеих системах указывают на обладание, изобилие или наличие растений, животных, а также концентрацию конкретных предметов в определенной местности.

3. В синтаксической организации фиксируется дублирование базовых моделей многокомпонентных номинаций, включая изафетные конструкции I и II типа, а также атрибутивные модели типа «прилагательное + существительное» и «числительное + существительное»

4. В использовании одинаковых семантических принципов номинации (оппозиционные пары для различения объектов: як. *улахан* / *аччыгый*, алт. *јаан* / *кичү*).

5. Якутская оронимия характеризуется продуктивностью многоступенчатых изафетных конструкций, включающих архаичные элементы (напр., модель с аффиксом *-ын~-ун*: а. *Дьаакын Ынабын Алааһа*).

6. Одной из характерных черт алтайской оронимии является использование системы изафетных конструкций (II и III типа) для выражения принадлежности в многокомпонентных оронимах., что является архаичной чертой, общей для многих тюркских языков Южной Сибири.

3.2 Лексико-семантические типы якутских оронимов в сравнительно-сопоставительной перспективе

Лексемы, представленные в топонимии, «дают довольно полную этно-историческую картину прошлого, включая сюда духовную культуру, исторические события, этнические размещения населения, принадлежность людей к различным социальным группам, бытовые условия, типы жилищ, построек и сооружений, одежду, оружие и т. п.» [Молчанова 1982: 272]. В этом смысле возможности топонимики кажутся огромными, ибо она снабжает исследователя таким же надежным и важным материалом фактов, как археологические и этнографические коллекции [Там же: 272]. Однако извлечение этой ценнейшей информации сопряжено с существенной методологической сложностью: первичная мотивация номинации в большинстве случаев утрачена. Как справедливо указывает А. В. Суперанская, недостаточно группировать топонимы лишь по значению корневых морфем, так как подобный поверхностный подход может привести к ошибкам и искажениям. В одни и те же категории попадают топонимы, относящиеся к различным историческим периодам и возникшие по разным причинам [Суперанская 1962: 153].

В качестве наглядной иллюстрации данной проблемы и демонстрации комплексного подхода к ее решению рассмотрим якутские оронимы, содержащие зоонимы. Так, ороним *Бэдэр* (букв. рысь) вовсе не обязательно указывает на ареал обитания этого животного. Согласно фольклорным и этнографическим данным, в предгорьях Верхоянского хребта до прихода русских проживал одноименный род [Ландшафт 2023: 59], что позволяет интерпретировать данный ороним как антропоороним, образованный от названия рода, а не как прямую отсылку к животному. Другой пласт связан с пережитками тотемизма: у северных якутов каждый род мог иметь покровителя в образе птицы или животного (напр., род *барыллыа* ‘беркут’ у колымских якутов [Алексеев 1975: 37]). Аналогичная осторожность требуется и при анализе оронимов, содержащих фитонимы, которые могут быть связаны не только с флорой, но и с культом священных деревьев (*Ытык*

мас ‘священное дерево’) [Ландшафт 2023: 41]. Следовательно, проведение лексико-семантической классификации требует учета всего комплекса лингвистических и экстралингвистических факторов. С учетом этого критерия якутские оронимы классифицируются на две большие группы: 1) названия, отражающие физико-географические особенности орографических объектов и окружающей их среды; 2) названия, связанные с материально-хозяйственной и духовной деятельностью человека. Как было указано ранее, материалом для лексико-семантического анализа послужили 3000 оронимов, отобранных из общей базы в 4000 единиц по принципу семантической «прозрачности» и поддающейся интерпретации мотивации.

В процессе анализа важно отметить, что предложенная классификация, будучи необходимой для систематизации материала, в некоторой степени условна. Границы между выделенными группами не являются жесткими, и одни и те же оронимические компоненты могут одновременно относиться к нескольким тематическим сферам, отражая комплексное восприятие географического пространства носителями языка. Ярким примером такой поликатегориальности служит компонент *эһэ* ‘медведь’. Формально его можно отнести к группе 2.1. «Названия, отражающие физико-географические особенности...», если он указывает на ареал обитания или частую встречаемость данного животного на территории, которую называет ороним. Однако, его семантика неизбежно отсылает и к группе 2.2. «Названия, связанные с материально-хозяйственной и духовной деятельностью человека», поскольку данный зооним занимает центральное место в духовной культуре и системе верований народа саха, будучи объектом табу и мифологизации. Следовательно, компонент *эһэ* демонстрирует, что мотивация названия может быть комплексной: ороним одновременно отражает природные особенности территории (распространение медведя) и кодирует информацию о хозяйственном освоении территории и о мифологическом осмыслении пространства. Это доказывает, что тематические группы оронимов не изолированы, а находятся в тесном взаимодействии, образуя целостную картину мира, в которой природа и человеческая деятельность неразделимы. Данный факт еще раз

подтверждает необходимость применения комплексного подхода к анализу оронимии, учитывающего как лингвистические, так и экстралингвистические номинации орографических объектов.

Исходя из понимания необходимости такого комплексного подхода, отбор материала для детального анализа в данном разделе проведен по принципу репрезентативности и продуктивности оронимических проприальных компонентов. В фокусе исследования находятся наиболее частотные и показательные компоненты, образующие ядро каждой лексико-семантической группы. Данный подход позволяет не просто каталогизировать лексику, но и выявить основные тенденции номинации, реконструировать ключевые ориентиры в картине мира народа саха. Единичные и малопродуктивные компоненты, имеющие не меньшую ценность для полноты описания, систематизированы в сводных таблицах, которые представлены в Приложении 3. Это обеспечивает репрезентативность выборки при сохранении глубины анализа и создает прочную основу для последующего сравнительного анализа с алтайской оронимией в параграфе 3.2.3.

3.2.1 Названия, отражающие физико-географические особенности орографических объектов и окружающей их среды

В основе первичной номинации географических объектов, как отмечает А. В. Суперанская, лежит стремление выделить его наиболее яркий, визуально или функционально значимый признак [Суперанская 1985]. Это в полной мере относится и к оронимам, что делает группу названий, отражающих физико-географические особенности, одной из наиболее древних и многочисленных в лексико-семантической структуре любой топонимической системы, включая якутскую.

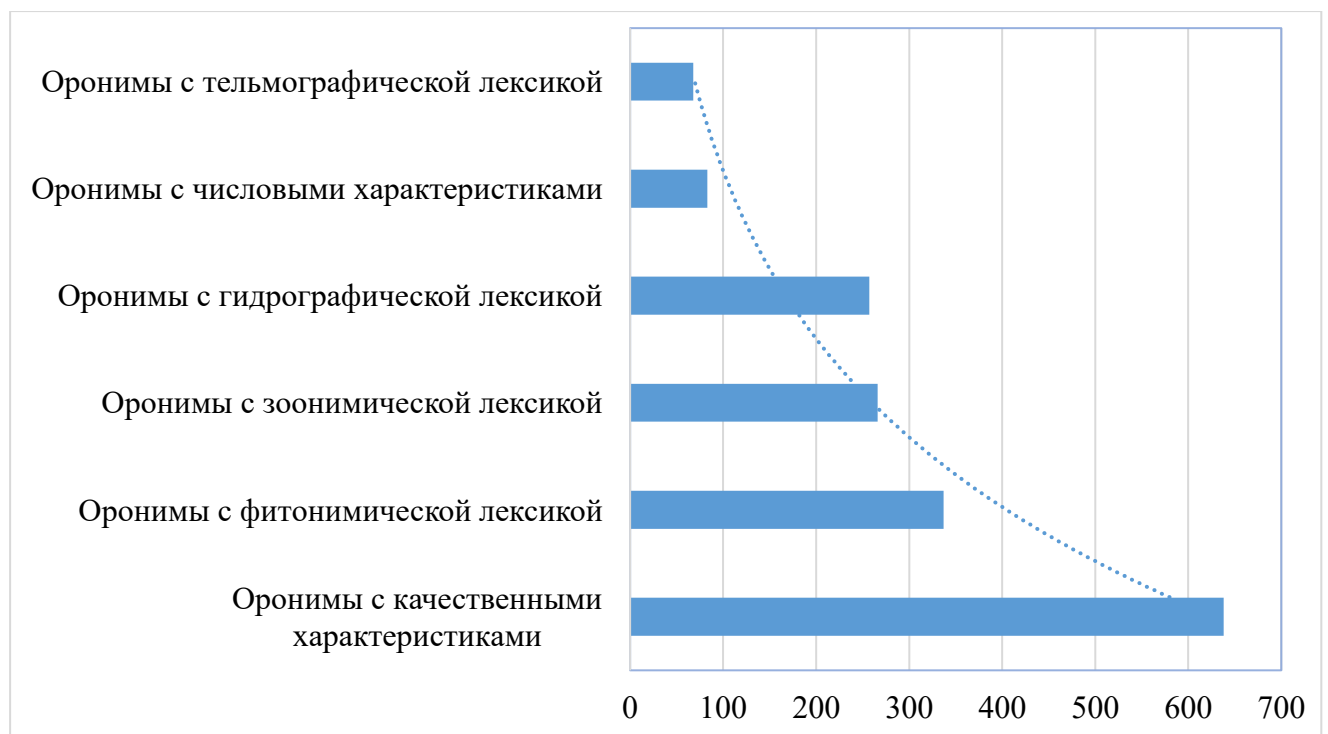
Лексическое значение оронимов данной группы непосредственно определяется природными особенностями орографических объектов. Эти наименования описывают их отдельные свойства, такие как цвет, размер, форма и

местоположение, а также содержат информацию о смежных объектах и явлениях: водных источниках, особенностях почвенного покрова, видовом разнообразии флоры и фауны. Нередко в качестве дифференциального признака выступают количественные показатели.

Проведенный анализ якутского оронимического материала позволил выделить и систематизировать весь массив оронимов данной группы в шесть ключевых лексико-семантических подгрупп, исходя из типа описываемого природного признака (см. Диаграмму 8). Данная классификация охватывает как однокомпонентные, так и многокомпонентные оронимы, где определяющим является природный признак.

Диаграмма 8

Названия, отражающие физико-географические особенности орографических объектов и окружающей их среды

3.2.1.1 Оронимы с гидрографической лексикой

Проведенный анализ массива из 3000 якутских оронимов выявил значительную роль гидрографических объектов в процессе номинации элементов рельефа. Так, названия, содержащие прямую отсылку к водным объектам, составляют 8,5 % от общего корпуса исследованных единиц. Данный пласт лексики формируется при участии 17 гидрографических терминов.

По степени продуктивности гидрографические компоненты резко делятся на высокочастотные, участвующие в образовании десятков оронимов (*үрэх*, *күөл*), и единичные, представленные лишь в нескольких названиях (*бүөччүгүй*, *дьүүктэ*). Малопродуктивные гидрографические апеллятивы, выявленные в составе оронимов, представлены в Приложении 3 (Таблица 1). Данная классификация задает системную рамку для их последующего детального анализа.

Важным процессом формирования данной группы оронимов является процесс транstopонимизации, то есть перенос уже готового гидронима на близко расположенный орографический объект. В этом случае ороним возникает не путем описания горы через признак воды, а путем прямого заимствования имени соседнего водного объекта. Это свидетельствует о формировании топонимических комплексов (микросистем), где ключевой гидроним служит основой для номинации других географических объектов в своей зоне влияния. Например, гора получает название *Күөл Хайа* (от *күөл* ‘озеро’ + *хайа* ‘гора’) не потому, что она имеет озерные признаки, а потому, что расположена рядом с озером *Күөл*, название которого является первичным. Аналогично, алас *Үрүйэ* (от *үрүйэ* ‘небольшая речка’) назван по имени протекающей через него или вдоль его границы речки *Үрүйэ*.

Центральным для нашего исследования является вопрос о том, какие именно гидрографические термины лексикализированы в оронимии и каковы механизмы этой номинации. Ответ на него требует отдельного анализа ключевых компонентов. Рассмотрим наиболее продуктивные из них.

Үрэх – один из наиболее продуктивных гидрографических апеллятивов в якутской оронимии, участвующий в образовании 131 оронима. Он формирует

названия различных орографических объектов: падь *Үрэх Төрдө*, релка *Үрэх Хаана*, горы *Киэн Үрэх Сунэ* и др. В литературном языке лексема имеет значение ‘малая река, впадающая в реку, речка’ [БТСЯЯ XII: 549], однако в топонимической практике ее семантика значительно шире. По данным Словаря топонимной лексики, она включает значения: 1) речка, речушка; 2) приток главной реки; 3) падь; 4) вытянутая прогалина с прибрежными низинами; 5) приречье; 6) местность с речкой, удаленная от обжитых мест [СТЛ 2019: 274]. В значении ‘река’ используется в аллаховском, булунском, верхоянском, нижнеколымском, оймьяконском говорах [ДСЯЯ 1976: 271].

Происхождения слова *үрэх* восходит к общетюркской основе. Ср.: алт. *өрөк* ‘маленькая река’, каз. *ере* ‘небольшая горная река’ и т. п.

Ареал распространения топонимов с основой *үрэх* (включая варианты *юрех*, *юрjak*, *юрjak*, *урях*) четко маркирует территорию якутского влияния [Гриценко 1968: 17]. Он образует плотный ареал в Якутии и в местах проживания долган на Таймыре, единичными примерами выходя в Эвенкийский национальный округ, на востоке – в Чукотский национальный округ и Хабаровский край [Там же: 17]. Данный факт подтверждается выводом А. П. Дульзона о том, что: «якутская топонимия четко определяется от географических названий соседних народов и от всех других тюрков своими гидронимами на *-юрях* и *-лах*» [Дульзон 1971: 207].

Үрүйэ – дериват лексемы *үрэх*, образованный при помощи уменьшительного аффикса *-үйэ* и означающий ‘речка, речушка’. С ним связано 19 оронимов: а. *Үрүйэ*, мыс *Кумах Үрүйэ*, г. *Күөл Үрүйэтин Босхото*, г. *Дьаамалаах Үрүйэ Хайата* и др.

Лексема обладает широкой семантикой, зафиксированной в словарях: ‘пересыхающая речка’, ‘исток’, ‘падь’, ‘горный овраг’ [СЯЯ III: 3176; ЯРС 1972: 457; СТЛ 2019: 273]. Несмотря на широкое распространение на территории Якутии, ареал термина не является сплошным: топонимы с ним не зафиксированы, например, в Нерюнгринском и Оленекском районах. При этом термин встречается в гидронимии сопредельных регионов (Иркутская и Магаданская области), например, руч. *Бэс Үрүйэ*, руч. *Суоллаах Үрүйэ*, руч. *Улахан Үрүйэ* в Бодайбинском районе Иркутской области, руч. *Чай Үрүйэ* в Магаданской области.

В Якутии широко распространены оронимы, в основе которых лежит апеллятив *күөл* ‘озеро’ (28 единиц). Он формирует названия различной структуры: однокомпонентные (падь *Күөллүкү*, хр. *Күөллээх*) или многокомпонентные (г. *Күөл Хайа*, а. *Алаас Күөл*, а. *Үс Күөллээх*).

Этимология термина восходит к общеалтайской праоснове **k'ōli* ‘озеро, котловина’ [EDAL 2003: 834]. Его рефлексy демонстрируют как широкое распространение, так и семантическую вариативность в алтайских языках: пратунгусский **xule-* ‘канал, канава, протока; водоворот’, прамонгольский **küjil-sü* ‘островок в реке, отмель в реке’, пратюркский **[k]öl* ‘озеро’, пракорейский **kārām* ‘озеро, большая речка’ [Там же: 834].

От основы *күөл* с помощью уменьшительного аффикса *-үйэ* образован дериват *көлүйэ* ‘маленькое озерко, озерцо, пруд’ [БТСЯ IV: 250], который также участвует в оронимии, образуя 8 названий: падь *Көлүйэ*, а. *Ала Көлүйэ*, а. *Икки Көлүйэлээх* и др.

Салаа ‘боковой приток реки, речки’ – продуктивный апеллятив, участвующий в образовании 18 оронимов: падь *Күөллээх Салаа*, г. *Моой Салаатын Босхото*, горы *Орто Салаа Тааһа* и т. д.

Семантика термина в топонимической практике шире его базового значения и включает: ‘приток, разветвление, рукав реки; небольшая река (речка), являющаяся притоком более крупной реки; протока’ [СТЛ 2019: 200].

В. И. Рассадин выявил на монгольское происхождение лексемы *салаа* [Рассадин 1980: 66]. Исходное значение в монгольских языках (в том числе и в якутском) – ‘ветвь, ветка; ответвление’ (ср.: халх. *салаа*, бур. *һалаа*, калм., мнгр., дунс. *сала*, даг. *салā* ‘ответвление, разветвление; развалина; ветвь; отрасль’, бур. *һалаа* ‘рукав реки, приток’ [ЭСМЯ III: 85]), которое в тюркских языках, включая якутский, подверглось семантическому переносу на гидрографические объекты, приобретая значения ‘рукав реки, приток’. Ср.: алт. *салаа* ‘приток (реки)’, кирг. *салаа* ‘ложбина, по которой стекает талая и дождевая вода; рукав реки, приток реки’, каз. *сала* ‘приток’ [Молчанова 2018: 112–113]. Данный перенос основан на

метафорическом уподоблении речной системы дереву с его главным стволом и боковыми ветвями-притоками.

Билир – апеллятив, обозначающий ‘место слияния двух рек’ в литературном языке и ‘приток реки’ в амгинском и олекминском говорах [ТСЯЯ II: 310; СТЛ 2019: 66]. В якутской оронимии термин продуктивен (10 единиц), выступая как самостоятельно (а., г. *Билир*), так и в составе сложных названий (падь *Билир Үрэх*, г. *Билир Хайалара*).

В древнетюркском языке *beltir* ‘скрещение дорог, перекрёсток; место слияния рек; устье реки’ [ДТС 1969: 94]. Данная лексема в разных фонетических вариантах встречается в тюркских языках Сибири: алт. *белтир*, *пелтир* ‘скрещивание дорог; место слияния рек; соединение ущелий, гор; плато между слиянием двух рек; устье, исток’, тоф. *беълтир* ‘стрелка, место слияния рек; перекрёсток (дорог)’, тув. *белдир* ‘1) соединение, слияние; 2) перекрёсток, стык, распутье, узел’, хак. *пилтир* ‘устье, место слияния двух рек’, шор. *пелтир* ‘устье (реки)’ [Молчанова 2018: 55].

Дж. Клоусон считает *beltir* ранним заимствованием в монгольские языки в форме *belçir* [Clauson 1972: 334]. Ср.: халх. *бэлчир*, бур. *бэлиэр*, калм. *белчр* ‘место слияния рек; перекрёсток, разветвление (дорог, улиц)’ [ЭСМЯ I: 84]. В словаре Э. и В. Мурзаевых зафиксирован вариант *бильчир* ‘место слияния двух рек, устье’ и местом локализации указывается Восточная Сибирь: В Туве – *бельдир*; в Монголии – *бэлчир*; у хакасов – *пильтир*; на Алтае – *бельтир*» [Мурзаев, Мурзаева 1959: 42].

Апеллятив **тыымны** ‘озеро в лесу без береговой полосы’ участвует в образовании следующих оронимов (10 единиц) – падь *Тыымпыкаан*, а. *Тыымпы Алаас*, мыс *Мурун Тыымпыа*, дол. *Тыымпа Толооно* и др. *Тыымпы* в качестве специализированного термина объясняется как ‘котловина опускания в тайге, образовавшаяся в результате протаивания вечномерзлых горных пород на местах лесных пожаров или вырубков, часто заняты озерами и болотами, с наличием термокарстовых процессов’ [Мурзаев 1984: 410].

Происхождения слова *тыымпы* является дискуссионной и представляет особый интерес. А. А. Кузьмина относит его к словам неизвестного происхождения

[Кузьмина 2021: 266]. Из языков соседствующих с якутами народов близкие по значению формы зафиксированы для разных говоров эвенского *тэмбьү ~ тьмбьү ~ тэмбэү ~ тэмбькэү* ‘трясина, топь, болотистое место’ [ССТМЯ II: 233].

Олом ‘брод’ участвуют в образовании 7 названий: а. *Оломтой*, дол. *Олом Толооно*, а. *Кэлин Оломоот* и др. Исследователи считают, что якутское слово *олом* монгольским по происхождению [Иванов 2001: 100; СТЛ 2019: 184; Кузьмина 2021: 244]. Из тюркских языков фонетические варианты встречаются в туркменском и азербайджанском языках. Ср.: азерб. диал. *ulum* ‘глубокое место; мель в реке’, туркм. *olum* ‘брод’ [ЭСТЯ I: 452]. Э. В. Севортян, однако, выдвигал альтернативную гипотезу о его тунгусо-маньчжурском происхождении [Там же: 452]. Исследователь пишет: «имеется еще одно направление для этимологического анализа *олум ~ улум ~ олом*. Основу для него можно найти в тунгусо-маньчжурских языках, в которых существует исходный глагол для *олум*. Ср.: эвенк. *оло-* ‘перейти вброд’, нег. *олон* ‘брод’, уд. *оло-* ‘переходить вброд’, маньчж. *оло-* ‘переходить; переправляться» [Там же: 452]. В негидальском и маньчжурском от *ол-* образовалось производное на *-н* – *олон* со значением ‘брод’ [ССТМЯ II: 15]. Таким образом, у Э. В. Севортяна есть две версии по поводу этимологии данного слова, во-первых, в тюрко-монгольских языках *олум ~ олом ~ улум* производное, образовавшееся от общеалтайского глагола *оло-, олу-, улу-* ‘переходить вброд’ при помощи окончания *-м* в локативном значении, во-вторых, в тюркских и монгольских языках рассматриваемое слово заимствовано из тунгусо-маньчжурских языков. Эти же значения приводятся в Этимологическом словаре алтайских языков: прамонгольская основа **(h)olam* ‘брод’ и пратунгусская **ola-* ‘переходить вброд’ [EDAL 2003: 1051].

Слово **сиэн** в якутском литературном языке имеет значение ‘речка, берущая начало от озера’ [БТСЯЯ VIII: 476–477], а в топонимической практике семантика шире: ‘1) исток, виска; 2) проток, соединяющий два озера; 3) пролив, соединяющий озеро с рекой; 4) приток речки; 5) речка, вытекающая из озера’ [СТЛ 2019: 210]. В якутском языке есть слово **сээн**, которое также употребляется как гидрографический термин со значением, близким к **сиэн**, – ‘небольшой поток воды,

отходящий от русла реки, речки' [БТСЯЯ IX: 620]. В якутской оронимии эти апеллятивы малопродуктивны (8 единиц), участвуя в образовании названий: г. *Сээннээх Хайа*, падь *Оччугуй Сээнэ*, поле *Хара Сиэн Лайыллата* и др.

Происхождение терминов уверенно возводится к тунгусо-маньчжурским источникам. Ср. с тунг.-маньчж. *сэн* 'протока, пролив (между двумя озерами); исток; исток (узкий небольшой из озера); протока (между рекой и озером)' [ССТМЯ II: 142]. Отсутствие надежных соответствий в других тюркских языках и полное лексико-семантическое совпадение с тунгусо-маньчжурскими параллелями свидетельствуют о заимствовании. Фонетические варианты *сиэн* ~ *сээн* объясняются двоякой реализацией тунгусского гласного при адаптации в якутском языке.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что гидрографическая лексика является одним из наиболее значимых пластов в якутской оронимии, свидетельствует о теснейшей взаимосвязи между гидрографией и орографией в сознании носителей якутского языка.

Географическое пространство осмысливается комплексно: орографические объекты не существуют сами по себе, а часто определяются через близлежащий водный объект, который является важным ориентиром, источником жизнеобеспечения и элементом хозяйственной деятельности. При этом номинация происходит как путем мотивирующего признака, так и через процесс транстопонимизации, что подчеркивает системный характер якутской оронимии.

Семантика рассмотренных апеллятивов демонстрирует тонкое различие в якутском языке типов водных объектов и их морфологических характеристик, таких как размер, глубина, прозрачность воды, особенности береговой линии и динамика гидрологических процессов (*көлүйэ* – озерцо, *чүөмпэ* – глубокое озерцо-омут, *күндэ* – озеро с прозрачной водой, *тыымпы* – озеро на месте термокарстовой котловины).

Широкое распространение оронимов с гидрографической лексикой далеко за пределами современного ареала расселения якутов (в Иркутской и Магаданской областях, на Таймыре) маркирует пути исторического расселения народа саха и

указывает на якутский субстрат в топонимии соседних регионов, что подтверждает выводы таких исследователей, как А. П. Дульзон и К. Ф. Гриценко.

Ядро данной лексико-семантической подсистемы составляют термины общетюркского происхождения (*үрэх, күөл*), демонстрирующие высокую частотность и продуктивность в образовании оронимов. Значительную часть лексического фонда составляют заимствования из монгольских (*салаа, билир*) и тунгусо-маньчжурских языков (*сиэн ~ сээн, чүөмпэ, дьүөдэ*). Ряд терминов (*тыымпы, күндэ*) обладают сложной этимологией, возможно, субстратного характера, что требует дополнительного исследования.

3.2.1.2 Оронимы с тельмографической лексикой

Группа названий, содержащая информацию о характере почвы, имела большое значение в жизни якутов-скотоводов, поскольку указывала на пригодность или непригодность территорий для выпаса скота. Проведенный анализ выявил 9 ключевых компонентов, описывающих особенности почв. Данная лексика преимущественно участвует в образовании названий орографических объектов равнинного характера.

В словарях якутского языка слово *бадараан* дается в значениях ‘болото, топь; небольшая грязь; болотный, болотистый [ТСЯЯ II: 118]. В географической литературе слово зафиксировано в значениях ‘никогда не просыхающее болото; грязевой омут, топь; зыбун, грязное место’ [СТЛ 2019: 62]. По определению Э. М. Мурзаева, *бадараан* – грязевое болото, располагающееся в глинистых понижениях, оттаивающее летом на 80–90 см, ниже лежит никогда не тающий вечный лед. На Колыме – открытое моховое болото больших размеров, топкое, изобилующее трясинами [Мурзаев 1996: 34]. Продуктивный апеллятив, образует следующие оронимы (27 единиц): а. *Бадарааннаах*, дол. *Бадараан, Бадарааннаах Хотото*, мыс *Бадарааннаах Тобойо* и др. Этимология термина имеет общетюркское происхождение и восходит к основе *bat-* со значением ‘погружаться’ (ср. др.-тюрк. *bat-* ‘погружаться, нырять’ [ДТС 1969: 89]). Суффиксальное образование *бадараан*

(< *bat-* + **-by** + *-aan*) подробно описано в работе Г. В. Попова [Попов 2003: 108]. Данное слово в формах *бат-* ‘погружаться’, *батак*, *баттак* ‘болото, топь’, *батпак* ‘топкое место, грязь’ зафиксировано и в других тюркских языках [ЭСТЯ II: 78].

Высокой продуктивностью в оронимии отличается термин *кута* (‘трясина, глубокое топкое болото, плавучий торфяник’ [БТСЯЯ IV: 553; СТЛ 2019: 128]). Он образует множество названий: *а. Кута Атах*, *а. Кутаны*, *а. Куталаах*, падь *Орто Куталаах* и др. Этимология термина уверенно возводится к тунгусо-маньчжурским источникам: эвенк. *кута* ‘трясина, топь’, нег. *кота* ‘болото’ [ССТМЯ I: 439; Романова и др. 1975: 158].

Слово *маар* имеет значение ‘болотное, кочковатое пространство, поросшее кустарником, ивами, редкими деревьями’ [БТСЯЯ VI: 185]. Апеллятив активен с морфологическими элементами в образовании оронимов: падь *Уна Сылгы Маара*, *Харыйалаах Маара*, *а. Аччыгый Маарыйакаан* и др. Данное слово А. А. Кузьмина относит к словам тунгусо-маньчжурского происхождения [Кузьмина 2021: 276]. Ср.: эвенк. *мар* ‘марник (поросль низкорослой березы); болото (торфяное); луг’ [ССТМЯ I: 531], эв. *мар* ‘торфяное болото’ [Новикова 1972: 99].

Слово *бырыы* ‘болото; топь’ отмечено в составе двух сложных оронимов в основной форме и с аффиксом принадлежности 3-го лица *-та*: *а. Бырыы Хаа*, дол. *Нылаба Бырыыта*. Данный апеллятив имеет эквиваленты в монгольских языках с аналогичными значениями. Ср.: халх. *bur* ‘тинистый’, бур. *бур* ‘ил’, *бурхи* ‘грязный, грязь’ [Калужинский 1978: 76; ЭСМЯ I: 116].

В БТСЯЯ слово *дьуба* отмечено в значении ‘глубокое топкое болото; вязкая грязь на дне водоема’ [ТСЯЯ III: 445]. Непродуктивный апеллятив, зафиксирован в ограниченном числе названий: луг, поле *Дьубалаах*, *а. Дьубалаах Алааһа*. Этимология термина в представленных источниках не приводится и требует дополнительного изучения.

Дьэбэрэ ~ дьабара – ‘болото, топь, трясина; жидкая грязь, слякоть’ [Антонов 1971: 26; СТЛ 2019: 95]. Непродуктивный апеллятив, отмеченный в единичных оронимах: *а. Кыра Дьэбэрэлээх*, дол. *Дьабара Хотото*. Этимология термина уверенно возводится к монгольским источникам. Прямые параллели присутствуют

в письменном монгольском *шибар*, современном монгольском *шавар*, бурятском *шабар* ‘грязь, слякоть; глина’ и калмыцком *шавр* ‘грязь; глина’ [ЭСМЯ III: 106]. В качестве монголизма лексема также проникла в казахский язык (*сабыр* ‘слякоть, вязкий’), что подтверждает ее распространение в тюрко-монгольском ареале. Фонетические варианты *дьэбэрэ* ~ *дьабара* являются результатом диалектной адаптации заимствованного слова.

Слово *мара* как и *маар* означает ‘заболоченное, кочковатое место посреди леса, поросшее мхом, ёрником’ [БТСЯЯ VI: 230]. В СТЛ также зафиксировано значение ‘небольшое, неглубокое озеро, поросшее сорной травой; трясина’ [СТЛ 2019: 157]. В якутской оронимии данный апеллятив зафиксирован в названиях аласов: *Мара*, *Маралаай*, *Маралаайы*, *Маралыкы*.

Нуора – ‘вязкая, не высыхающая грязь, болото; растоптанная грязь, месиво’ [БТСЯЯ IX: 487]. Непродуктивный апеллятив, функционирующий преимущественно в качестве самостоятельного названия: кочк., падь, поле *Нуора*, а. *Нуораайы*. Данный гидронимический термин обнаруживает лексико-семантические параллели с монгольскими языками. В первом монгольско-русском словаре К. Ф. Голстунского зафиксирован старописьменный монгольский термин *науир* ‘пруд; озеро’ [Голстунский 1894: 245]. Типологически схожим якутскому *нуора* может быть и бурятский термин *нуур* ‘озеро’ [ЭСМЯ I: 184], которого, в свою очередь, исследователи сопоставляют с селькупским термином *нагурит* ‘трясина’ и самодийским *н’ар* (*н’арр’*) ‘болото’ [Дыжитова 2019: 92]. В тунгусо-маньчжурских языках, в частности, эвенском, функционируют следующие географические термины: *нирукаг* (диал.) ‘болото, топь, трясина; топкий, болотистый’, *нярукаг* ‘болото, топь, трясина; топкий, болотистый’, *нярги* (диал.) ‘перекат, мель, порог на реке; брод, переправа’ [Комаров 1967: 62–63], имеющие лексико-семантическое сходство с вышеуказанными лексемами якутскому *нуора* ‘грязь; болото’ и *нуур* ‘озеро’.

В географической литературе *лэбийэ* употребляется в значении ‘болото, грязь, топь’ [СТЛ 2019: 155]. Непродуктивный апеллятив, образующий ограниченное число оронимов (напр., а., поле *Лэбийэ*, поле *Лэбийэ*), но более

активный в гидронимии. Этимология термина имеет сложное, общеалтайское происхождение. Наиболее вероятным представляется его заимствование в якутский из тунгусо-маньчжурских языков. Ср.: эвенк. *лэвэ*, *лэбэ* ‘топь, трясина, болото’, *лэвэрэ* ‘1) болотистое место; 2) болотистый’, эв. *ливин* ‘лужа’, нег. *лэвэ* ‘топь, трясина, болото’, орок. *лэму*, *лэмуна* ‘топь, трясина, болото’ [ССТМЯ I: 514]. Данная лексема восходит к общеалтайской праформе **lépù(-nV)* (~ *-b-*) со значением ‘болото’, которая дала в пратунгусском **lebē(n)-* ‘1) болото, топь; 2) вязнуть (в болоте)’, а прамонгольской **labku*, **lobku* ‘влажная, болотистая почва’ [EDAL 2003: 872]. Ср.: п.-монг. *lobxi* ‘топкая, негодная к обработке земля’, монг. *ловх* ‘топкая, негодная к обработке земля’ [ССТМЯ I: 514], калм. *ловх* ‘топкая земля; вязкая после дождя пашня’ [ЭСМЯ II: 155].

Таким образом, анализ оронимов данной группы выявляет тонкую дифференциацию в восприятии и номинации якутами различных типов заболоченной и топкой местности. Многообразие синонимичных и близких по значению терминов (*бадараан*, *кута*, *маар*, *мара*, *нуора*, *лэбийэ*) указывает на высокую значимость этих ландшафтных характеристик в традиционной хозяйственной деятельности, в частности, в скотоводстве, и определяет пригодность территории для выпаса скота.

С точки зрения происхождения можно выделить три основных пласта: термины общетюркского происхождения (*бадараан*), заимствования из тунгусо-маньчжурских (*кута*, *маар*, *мара*, *лэбийэ*) и монгольских языков (*бырыы*, *дьэбэрэ*), а также лексические единицы спорного этимологического происхождения (*дьуоба*, *нуора*).

3.2.1.3 Оронимы с фитонимической лексикой

Принципы наименования орографических объектов тесно связаны с природно-географическими особенностями местности, включая растительный мир. Топонимы с компонентами-фитонимами относятся к топонимам-регистраторам [Суперанская 1985: 41], т. е. такие топонимы констатируют,

регистрируют местонахождение определенного растения. Вместе с тем фитотопонимы служат значимым ориентиром в пространственном разграничении мира и хозяйственной жизнедеятельности народа [Хисамитдинова и др. 2022: 43].

В якутской оронимии выявлен 41 фитоним, образующий более 300 оронимов. Растительность Якутии характеризуется доминированием хвойных пород (лиственница, сосна, ель), лиственных деревьев (береза, ива) и разнообразных кустарниковых формаций [История Якутии 2020: 20].

Лексико-семантическую классификацию фитонимов можно представить следующим образом: 1) названия лесных массивов; 2) названия деревьев и кустарников; 3) названия ягодных растений; 4) названия травянистых растений; 5) названия водных и болотных растений. Основу последующего анализа составляют наиболее продуктивные фитонимические апеллятивы, отобранные из каждой тематической группы. Малопродуктивные и единичные фитонимы, не менее важные для полноты картины, систематизированы в Приложении 3 (Таблица 2).

3.2.1.3.1 Оронимы, образованные от названий лесных массивов

Слово *алар* обозначает ‘лесок на открытом месте, роща; редкий лес в долине реки (обычно березовый, сосновый, чаще всего молодой)’ [ТСЯЯ I: 400]. В диалектах (вил., нам., нюр., сунт.) зафиксировано также значение ‘прилегающая к коренному берегу часть долины реки, не затапливаемая полой водой’ [СТЛ 2019: 48]. С термином образованы оронимы а., дол. *Алар*, луг *Тас Алар* и др. Происхождение слова *алар* является дискуссионным. Выделяются две основные гипотезы. М. Рясänen возводит якутское *алар* к бурятскому *алар* ‘небольшой островок леса, рощица’ [Räsänen 1969: 23]. В данном слове, являющемся вариантом лексемы *арал*, наблюдается метатеза [Аникин I: 145]. Ср.: п.-монг. *арал*, монг. *арал*, калм. *арл* ‘остров’. По предположению Н. Поппе, монг. *арал* ‘остров’ является заимствованием из тюркских языков: тюрк. *арал* ‘лес’ (‘остров в степи’) [ЭСТЯ I: 167]. В пользу тюркской гипотезы свидетельствуют семантически близкие параллели в тюркских языках кыпчакской группы. См.: многочисленные параллельные формы лексемы в тюркских языках у Л. В. Дмитриевой [1984: 135] и О. Т. Молчановой [2018: 49]. Близкое по значению к якутскому *алар* мы наблюдаем

в топонимии тюркских языках Сибири. Ср.: алт. *арал* ‘1) лес; 2) заросли кустарника по берегам рек и озер’, шор. *арал* ‘1) заросли (на берегу реки); 2) кустарник, куст’ [Самтакова 2013: 47]. Г. Дёрфер, в целом склоняясь к точке зрения Н. Поппе, допускает, что в собственно тюркском языке *арал* может быть древним заимствованием [ЭСТЯ I: 167].

Мас ‘дерево, лес’ – высокочастотный апеллятив, образующий названия по общему признаку лесистости: а. *Мас Хайа*, булг. *Мас Булгуннях*, г. *Мастаах Таас*, а. *Чаабый Мастааба* и др. В Словаре топонимной лексики для термина *мас* приведены значения ‘лес, тайга; географический объект, заросший лесом; островок леса; участок на открытой местности’ [СТЛ 2019: 158]. Так, оронимы *Мас Хайа*, *Мас Булгуннях* интерпретируются как ‘горы, покрытые лесом’. Этимология термина *мас* восходит к общеалтайской праформе **mǝro* со значением ‘дерево, лес’: пратунгусская **mō* ‘дерево’, прамонгольская **modu* ‘дерево’ [EDAL 2003: 956]. Ср.: в монгольских языках – халх. *мод*, бур. *модон*, калм. *модн*, орд. *муду*, бао. *мутоқ*, даг. *мōд*; дунс. *мутун*, мнгр. *мōді* ‘дерево, лес; палка, (уст.) верста’ [ЭСМЯ II: 172], в тунгусо-маньчжурских – эвенк., сол., эв., нег., ороch., уд., ульч., орок., нан., маньчж. *mō* ‘дерево; бревно; лес’ [ССТМЯ I: 540–541].

Оронимы г. *Чагдала*, а. *Чагдаала Алааһа*, ущ. *Чагдакы Хапчаана* образованы от апеллятива **чагда** ‘сосняк, растущий на сухом возвышенном месте; сосновый бор’ [БТСЯЯ XIV: 83]. Согласно Н. К. Антонову, слово *чагда* происходит от эвенкийского *дягда* ‘сосна’, *дягдаг* ‘сосняк’ [Антонов 1971: 27]. Ср.: пратунг. **žagda* ‘сосна’ [EDAL 2003: 390], эвенк. *дьягда* ‘сосна’, ‘пихта’, эв. *дьябдъ*, *дьяабда*, *дьяавда*, *дьявдо*, *дьягда* ‘сосна’ [ССТМЯ I: 242; Новгородов 2009: 460, 519].

Апеллятив **чаран**, послуживший основой для оронимов а. *Чаран*, *Чаран Алаас*, *Чаран Куталаах*, имеет значение ‘березовая роща, березняк’ [БТСЯЯ XIV: 115]. Данное слово восходит к бурятскому *шэрэнги* ‘роща’ [Кузьмина 2016: 103]. Ср.: халх. *ширэнгэ*, бур. *шэрэнье* ‘роща, заросль тонких или низкорослых деревьев; бур. (диал.) ‘сосновый бор, густая чаща; молодая сосна’ [ЭСМЯ III: 120].

Тэнкэ ‘прибрежный лес с крупными стройными деревьями’ [БТСЯЯ XI: 488] образует следующие названия: падь *Тэнкэ Үрэх*, пещ. *Тэнкэ Хаспаба*, падь *Тэнкэлээх*. Лексема *тэнкэ* заимствована из тунгусо-маньчжурских языков: эвенк. *тэнкэ* ‘берег (террасовый с древесной растительностью, заливаемой во время летних наводнений); лужа (след летнего наводнения); лужайка’, эв. *тэнкэ* ‘лес (хвойный, густой), тайга; дерево (большое, толстое)’ [ССТМЯ II: 235].

3.2.1.3.2 Оронимы, образованные от названий деревьев и кустарников

Флора Якутии, сформировавшаяся в условиях холодного климата и вечной мерзлоты, отличается преобладанием хвойных пород (лиственница, сосна – 98% лесов) и широким распространением низкорослых кустарников (ивы, карликовая береза), которые доминируют на северных территориях, образуя густые заросли [Малышева 2024: 99].

Бэс ‘сосна’ – наиболее частотный фитоним в якутской оронимии, что отражает важнейшую роль этого дерева в природе и культуре народа. Он образует множество названий: мыс *Бэс Томуһах*, холм *Үрдүк Бэс*, а. *Бэстээх*, *Тобус Бэстээх*, *Сахаачча Соботох Бэстээбэ* и др.

Высокая продуктивность апеллиатива напрямую связана с его хозяйственной и сакральной значимостью. В работе «Якуты» В. Л. Серошевский отмечает, что в сосновых рощах всегда было много ягод, а также обитали животные и птицы. Якуты использовали заболонь сосны вместо муки, что имело большое значение в их жизни до знакомства с хлебом. В 1950-х годах тунгусы говорили, что там, где растёт сосна, там и живут якуты [Серошевский 1993: 60].

Якутское *бэс* восходит к пратюрк. **böl* ‘кедр, сибирская сосна’ [EDAL 2003: 373]. Фонетические соответствия в других сибирских тюркских языках (ср.: алт. *мөш*, тоф. *бөш*, тув. *пөш* ‘кедровка’) демонстрируют общность происхождения, хотя их этимология остается дискуссионной. В. И. Рассадин слово *бөш* в тофаларском языке перечислил к словам неизвестного происхождения [Рассадин 1980: 82]. По мнению Б. И. Татаринцева, в основе тувинского *пөш* лежат представления о пищевых качествах плодов (кедровых орехов в частности). Исследователь предполагает, что *пөш* гомогенно с *бөк*- ‘наедаться’, где от основы

**бө-* ‘есть (жирную пищу)’ с помощью аффикса *-и* образовалось **бө-и*, первоначально обозначавшее ‘сытный; сытная еда’ [Татаринцев IV: 440].

Хатын ‘береза’ – высокопродуктивный апеллятив, участвующий в образовании более 40 оронимов: поле *Хатын Сыһыы*, а. *Хатыннаах*, горы *Хатыннаах Хайалара*, а. *Нуойан Хатыннааба* и др.

Активное использование термина обусловлено тремя основными факторами. Во-первых, береза широко распространена на территории Якутии, формируя чистые березняки в речных долинах и вокруг аласов, а также входя в состав хвойных лесов. Во-вторых, древесина и береста активно применялись в традиционном быту для изготовления посуды, утвари, жилищ, мебели и рыболовных снастей благодаря своей податливости в обработке [Традиционная деревянная и берестяная утварь якутов 2001: 2]. В-третьих, береза имеет важное сакральное значение в культурной традиции якутов, символизируя свет, чистоту и женское начало. Она также считается местом обитания духа-покровителя местности *Аан Алахчын Хотун* [Ландшафт 2023: 41]. Якуты называли березу *Ытык мас*, что означает «древо духов местности» [Малышева, Осорова 2020: 144]. Каждый *алаас* имеет свое священное дерево *Ытык мас*, играющее ключевую роль в местной религиозной практике и системе мировоззрения.

Слово *хатын* имеет общетюркское происхождение. В древнетюркском языке *qajın* ‘береза’ [ДТС 1969: 407]. О происхождении фитонима *хатын* написано очень много см. [Дмитриева 1979: 146; СИГТЯ 2001: 122; EDAL 2003: 628]. В ЭСТЯ отмечается, что слово *кайын* этимологически связано с *қабыз* ‘кора’. Модель «кора, береста → название дерева / береза» представлена и в иных наименованиях этого и других лиственных деревьев [ЭСТЯ V: 214]. В топонимии тюркских и монгольских языков слово получило широкое отражение см. [Мурзаев 1996: 134].

Высокочастотными на территории Якутии являются оронимы, в основе которых лежит компонент *харыйа* ‘ель’: падь *Харыйа Үрэх*, а. *Харыйалар*, *Кыра Харыйалар*, *Баһылай Харыйалааба*.

Происхождение слова является дискуссионным. В тюркских языках он существует в форме *qarayai* и рассматривается как ареальное кыпчакское название.

Существуют две основные гипотезы его происхождения. Большинство исследователей (Г. Рамстед, Г. Дёрфер) считают тюркское *карагай* ‘сосна’ монгольским заимствованием, возводя его к раннемонгольским формам *qargai*, *qaragai* ‘лиственница’ и связывая с основой *qara* ‘черный’ [ЭСТЯ V: 293]. Возможно, название могло бы описывать темный цвет хвои или коры дерева. Ряд ученых предполагает тюркское происхождение термина, выводя его не из *qara* ‘черный’, а из древнетюркского *кары* ‘дерево’ [Аникин 2000: 261]. Ср. др.-тюрк. *qarī sögüt* ‘разновидность дерева’ [ДТС 1969: 426]. Следовательно, вопрос о происхождении апеллятива *харыйа* остается открытым, демонстрируя сложность разграничения исконной и заимствованной лексики в условиях интенсивных тюркско-монгольских языковых контактов.

Туим ‘лиственница’ – продуктивный апеллятив, участвующий в образовании 14 оронимов: а. *Арыы Туим*, г. *Туим Хайа*, а. *Туимтээх* и др. Слово *тиим* имеет тюркское происхождение. Ср.: др.-тюрк. *tīt* ‘лиственница’, алт. *тыт*, тат. *тет*, *тегагац*, тув. *дит*, тоф. *тит*, *дыт*, хак., шор., *тит* ‘лиственница’.

Высокая частотность оронимов с этим фитонимом напрямую обусловлена ключевой ролью лиственницы как основного лесообразующего вида в экосистемах Якутии и ее уникальной хозяйственно-культурной значимостью. Лиственница является одной из наиболее распространённых пород деревьев в Республике Саха (Якутия) и играет ключевую роль в формировании лесного покрова региона. Благодаря своей высокой прочности и долговечности, она получила название «северный дуб» и активно использовалась в качестве основного строительного материала для различных построек. В течение долгой зимы якуты топили печку дровами из лиственницы. Из дерева и бересты изготавливали снаряжение, утварь и другие предметы быта. В жизни якутов лиственница также имела важное культурное значение: «Лиственница издревле почиталась якутами, и они верили в ее небесную силу. Шаманы очень часто использовали дерево во время своих обрядов, считалось, что дым от ее горящих веток отгоняет злых духов» [Малышева, Осорова 2020: 141].

Оронимы *Иирэ Кытыл, Иирэлээх, Скрыбин Иирэлээбэ* мотивированы компонентом *иирэ* ‘ива береговая’. Относительно происхождения лексемы *иирэ*, А. А. Кузьмина выдвинула предположение, что она восходит к др.-тюрк. *egir* ‘аир болотный’ [Кузьмина 2016: 102]. Н. В. Малышева, в свою очередь, выдвигает гипотезу, что *иирэ* является заимствованием из северного тунгусского юкагиризма или непосредственно из юкагирского. Исследователь считает, что якутское слово наиболее похоже на юкагирское название осины: «**ijera ~ *ujera* К *i:re* «осина», КД *iyere, uyere*; SD *ujere* К *i:ra* < **ijra ~ *ujra* < **ijera ~ *ujera*» [Малышева 2024: 380].

На территории Якутии 10 оронимов мотивированы словом *үөт* ‘кустарник или дерево с гибкими ветвями и узкими листьями, ива’ [БТСЯЯ XII: 512]. Компонент употребляется в составе сложных оронимов с аффиксом *-лаах*: г. *Үөттээх Хайата*, ск. *Үөттээх Тааһа*, а. *Үөттээх Баһа*. Слово *үөт* общетюркское: др.-уйг., др.-тюрк. *sögüt* ‘дерево’ [EDAL 2003: 1263], хак. *сөөт* ‘тальник’, шор. *сөөт* ‘ива’ [СИГТЯ 2001: 126]. Фонетические соответствия обусловлены закономерностью выпадения анлаутного согласного [с] и образованием дифтонга [үө] после выпадения инлаутного [һ].

Компонент *талах* ‘тальник; ива; верба’ участвует в образовании следующих оронимов: г. *Талах Быраан*, падь *Киэн Талах*, а. *Талахтаах* и др. Лексема *талах* является общетюркской. В древнетюркском словаре *tal* ‘ива, тальник, ивовый прут’ [ДТС 1969: 528]. Топонимическая продуктивность слова *талах* во всех тюркских языках очень высока.

Фитоним *ыарба* ‘кустарник тальника, ерник’ участвует в образовании оронимов самостоятельно (падь *Ыарба*) и в составе сложных оронимов (падь *Ыарба Үрэх, Ыарбалаах, Ыарбалаах Салаа*). Н. К. Антонов относит лексему к словам тюркского происхождения, указывая на параллели *ирбай, ырбас* ‘кустарник’ [Антонов 1971: 16]. Данную версию поддерживают соответствия в сибирских тюркских языках: алт. *ыргай*, тув. *ырбай* ‘жимолость’, кирг. *ыргай* ‘ирга’ [Дмитриева 1971: 187]. А. Е. Аникин указывает на монгольское происхождение

тюркских терминов, указывающих кустарниковые растения: [Аникин 2000: 223]. Ср.: стп.-монг. *irayai*, халх., бур. *яргай*, калм. *яpha* (бот.) ‘кизил’ [ЭСМЯ II: 105].

3.2.1.3.3 Оронимы, образованные от названий ягодных растений

Названия дикорастущих ягодных растений редко встречаются в оронимии, хотя они имели большое значение в жизни якутов в качестве продуктов питания. Из ягод собирались брусника, земляника лесная; из кустарниковых почитались боярышник, смородина, черника. В названиях орографических объектов указываются места их произрастания. Так, в якутской оронимии зафиксированы следующие оронимы: поле *Кыччыгый Долукуна* от *долукуна* ‘боярышник’, а. *Хойон Дөлүһүөннээбэ* от *дөлүһүөн* ‘шиповник’, возв. *Сугун Ыһыыра* от *сугун* ‘голубика’ и др.

3.2.1.3.4 Оронимы, образованные от названий травянистых растений

Травянистые растения играют важную роль в хозяйственной деятельности народа саха. Они служат пищей для скота, поэтому каждое лето якуты занимаются заготовкой сена на зиму: «С появлением коров в хозяйстве якутов возникло одно из основных летних занятий – сенокошение. Заготовка сена за очень короткое время была решающим условием существования скота в исключительно суровых климатических условиях якутской зимы» [История Якутии 2020: 302]. Аласные луга издавна используются местным населением как сенокосные и пастбищные угодья. Трава, произрастающая на пастбищах и сенокосных угодьях, обеспечивает семью кормом на зиму и дает надежду на дальнейшее существование.

Основным апеллятивом для обозначения понятия ‘трава’ у якутов служит термин *от*, который возводится к пратюркскому состоянию **ot* ‘трава; сено’ [EDAL 2003: 1069]. В древнетюркском языке *ot* толкуется как ‘трава, зелень’, ‘лекарство’ [ДТС 1969: 373]. В словаре Э. К. Пекарского для этого слова приводятся три значения: 1) трава, былина, произрастание, злак; 2) стог сена, зарод; 3) остожье [СЯЯ II: 1892]. В якутской оронимии с данным компонентом зафиксировано множество оронимов: *От Салаа*, *Ала Оттоох*, *Ото Суох* и др.

На аласах Лено-Амгинского междуречья обильно произрастает *бэттиэмэ* ‘бескильница тонкоцветковая’, которая является основным кормовым растением

скотоводческих районов. В большинстве случаев компонент *бэттиэмэ* встречается в названиях аласов *Бэттиэмэ Эбэ*, *Бэттиэмэлээх*, *Арбаа Бэттиэмэлээх*, *Бэттиэмэлээхтэр* и др. Ср.: каз. *бетэгэ* ‘короткая трава, растущая вестной маленькими пучками, хороший корм для скота’, уйг., узб., туркм. *бэдэ* ‘клевер, люцерн, сено’ [Антонов 1971: 21–22].

На исследуемой территории с компонентом *боруу* ‘хвощ’ зафиксированы следующие оронимы: мыс *Боруу*, а. *Боруу Алаас*, ск. *Боруу Хайа*, а, г., мыс *Боруулаах* и др. Слово *боруу* в якутском языке обозначает ‘травянистое растение, произрастающее в водоемах (болота, топи), лесах и т. д.’ [ТСЯЯ II: 410]. В Якутии *боруу* ‘хвощ’ произрастает повсеместно. Н. К. Антонов сравнивает якутское *боруу* с чагатайским *харабарах* (*хара* + *барах*) ‘растение, зола которого употребляется для мытья’, казахским *сарбурау* (*сары-бурау*) ‘желтокорень’, телеутским *парбаа* ‘высокие травы, растения’ [Антонов 1971: 21]. Согласно Н. В. Малышевой, якутское *боруу* заимствование из монгольских языков [Малышева 2024: 347]: монг. *boruū*, халх. *борог* ‘труха, ветошь; высохшие ветви растений’ [ЭСМЯ I: 100].

3.2.1.3.5 Оронимы, образованные от названий водных и болотных растений

Самыми распространенными оронимами являются те, в основах которых встречаются названия *хомус* ‘камыш’. а. *Хомустаах*, поле *Хомустаах Сыһыыта*, а. *Хомустаахтар* и др. Слово *хомус* тюркского происхождения: др.-тюрк. *qatīš* ‘тростник, камыш; заросли тростника, камыша’ [ДТС 1969: 415], тат., башк., кирг. *qatus*, тур. *qatus*, саг., койб. *qabys* ‘тростник или камыш’ [Аникин 2000: 252–253].

Оронимы *Манчаарылаах*, *Манчаарылаахтар*, *Манчаарылаах Алаас* образованы от слова *манчаары* ‘аир болотный’ [БТСЯЯ VI: 221]. В географических названиях апеллятив *манчаары* выступает в своем основном значении с аффиксом обладания *-лаах* в форме единственного и множественного числа. М. Рясänen определяет якутскую лексему *манчаары* как основу тунгусо-маньчжурского происхождения: < тунг. (Василевич) *mančāre* ‘ситник’, *pančāra* ‘камыш’, ‘водоросль’ [Räsänen 1969: 325]. Это подтверждается в источниках: эвенк. *манчаарэ* ‘ситник (трава)’ [ССТМЯ I: 529; Новгородов 2009: 484].

Слово **өлөн** имеет значение ‘манник болотный (трехцветковистый)’ [БТСЯЯ VII: 420]. В оронимии апеллятив **өлөн** сохраняет это значение и очень продуктивен в образовании оронимов: падь *Өлөн Үрэх*, а. *Өлөһнөөх*, *Кэһтэһэй Өлөһнөөһө*. В древнетюркском языке *ölän* ‘лужайка (~ трава)’ [ДТС 1969: 383]. Тюркское **өлөн** – отглагольное существительное, образовавшееся от глагола **өл-** при помощи аффикса **-н (-н)** [ЭСТЯ I: 528], заимствовано в монгольские языки. Ср.: стп.-монг. *ölünggi*, монг. *өлөнгө* ‘волоснец сибирский’ [ЭСМЯ II: 224].

Таким образом, анализ оронимов, связанных с фитонимами, позволяет сделать следующие выводы.

1. Лексико-семантическая классификация фитонимов в составе оронимов отражает точную лингвистическую карту растительных зон Республики Саха (Якутия). Высокая частотность названий, обозначающих таёжную флору (*бэс* ‘сосна’, *тиит* ‘лиственница’, *хатыйа* ‘берёза’), прямо коррелирует с доминированием северной тайги в ландшафте региона. Отдельная группа названий, связанных с водными и болотистыми растениями (*хомус* ‘камыш’, *манчаары* ‘аир’) свидетельствует о значимости речных и озёрных систем для региона.

2. Фитонимическая лексика в составе оронимов не только фиксирует видовое разнообразие флоры, но и является индикатором хозяйственного уклада. Преобладание названий, связанных с деревьями, которые служат строительным материалом (*тиит*, *харыйа*), и кормовыми травами (*от*, *бэһтиэмэ*), указывает на основу традиционного хозяйства, включающего скотоводство, охоту, собирательство. Сакрализация отдельных деревьев (*бэс*, *харыйа*) отражает глубинные аспекты духовной культуры и тотемистических верований местного населения.

3. Ядро данной лексико-семантической группы составляют общетюркские по происхождению термины (*мас*, *от*, *талах* и др.). Значительный пласт составляют заимствования из монгольских (*чаранг*, *отон*, *кулуһун*), тунгусо-маньчжурских языков (*чагда*, *тэнкэ*, *манчаары*), а также из русского языка (*кириэн*, *муох*). Некоторые термины (*алар*, *ыарба*) имеют неясное или сложное происхождение.

3.2.1.4 Оронимы с зоонимической лексикой

Оронимы содержат значительное количество наименований, относящихся к представителям фауны: рыбам, птицам и другим животным, обитающим в водных, лесных и тундровых экосистемах. Такие названия свидетельствуют о разнообразии фауны исследуемой территории как в историческом контексте, так и в современном состоянии. Согласно последним данным о фауне Республики Саха (Якутия), на территории республики зарегистрировано 280 видов птиц, 63 вида млекопитающих, 4 вида земноводных и 2 вида пресмыкающихся. Многие из этих животных имели важное промысловое значение на протяжении длительного исторического периода.

Оронимы, мотивированные зоонимической лексикой, образуют одну из наиболее значительных групп в системе якутских названий. В их образовании задействовано 45 зоонимов, что делает данную группу одной из самых представительных по количеству компонентов.

В анализируемой группе оронимов ключевым аспектом является определение того, служит ли мотивирующая основа прямым наименованием животного или представляет собой антропоним, образованный от зоонима, от которого, в свою очередь, был сформирован ороним. Ярче всего это видно на примере оронима *Куобах Чөҥнөөтө* в Оленёкском улусе, образованного от антропонима, мотивированного апеллятивом *куобах* 'заяц' (см. подробнее 3.2.2.9).

Кроме того, в религиозно-мифологических воззрениях якутов определенные животные занимают сакральное положение и рассматриваются как священные. Исследования показывают, что в прошлом каждый якутский род имел священное животное, которое считалось его предком и покровителем. Члены рода носили название этого животного, строго соблюдали табу на его убийство и употребление в пищу, а также всей группой почитали его изображение на священном месте. К числу тотемных животных относятся лебедь, гусь, ворон, орел, белогубый жеребец, сокол, ястреб, сойка, ворона, горностай, белка и бурундук [Алексеев 1975: 36]. Так

что в ряде случаев оронимы содержат указания на животное – родовой или семейный тотем.

Среди оронимов, мотивированных зоонимической лексикой, выделяются группы названий животных, птиц, рыб. Чаще всего это животные, распространённые на территории Якутии: 1) животные, которые традиционно являются объектами охоты; 2) птицы, постоянно живущие или перелетные; 3) рыбы, распространенные в местных водоёмах. В этот список можно добавить названия насекомых и земноводных.

Анализ проводится на материале наиболее продуктивных и репрезентативных апеллятивов, формирующих ядро данной лексико-семантической группы. Малопродуктивные зоонимы систематизированы в Приложении 3 (Таблица 3).

3.2.1.4.1 Оронимы, образованные от названий млекопитающих

Эһэ ‘медведь’ – наиболее продуктивный зооним в якутской оронимии, участвующий в образовании 27 оронимов: мыс *Эһэ Тумус*, г. *Эһэкээн Хайа*, а. *Эһэлээх* и др.

Высокая частотность апеллятива обусловлена его ключевой сакральной ролью в традиционной культуре народа саха. Медведь почитался как животное, наделенное сверхъестественными качествами [Кулаковский 1979: 54]. Его части тела (например, лапы) использовались в качестве мощных оберегов для защиты от злых духов [Скрябина 2017: 179]. Таким образом, номинация географических объектов с помощью этого зоонима отражает не только ареал обитания вида, но и глубокое мифо-ритуальное значение медведя в картине мира якутов (подробнее см. 3.2.2.3).

На территории Якутии 19 оронимов мотивированы словом *саһыл* ‘лиса, лисица’. В якутских оронимах отражены как дикие лисы, обитающие в естественной среде, так и те, что выращиваются на зверофермах. Высокая частотность слова также напрямую связана с его хозяйственной ценностью: мех лисицы был одним из основных объектов пушного промысла и ясачного сбора в

царский период, что требовало точной топографической привязки мест обитания зверя.: а. *Саһыл Бытата*, булг. *Саһыл Булгуннаба*, падь *Саһыл Уйалаах* и др.

Этимология слова *саһыл* является дискуссионной. В научной литературе представлены различные гипотезы, которые могут противоречить друг другу. А. М. Щербак, анализируя названия лисы в тюркских и других алтайских языках, обратил внимание на изолированность данной лексемы и, вслед за В. М. Наделяевым, провел параллель между якутским *саһыл* и общетюркским *д'ашыл* 'желтый, зеленый' [Щербак 1961: 135]. В тюркологических исследованиях общетюркское *йашыл*, обозначающее зелёный цвет, сопоставляется с якутским *саһыл* 'лиса', что может показаться неожиданным, учитывая цвет меха лисы. М. Стаховский попытался обосновать этимологию якутского названия лисы, привлекая значительное количество семантических связей между «зеленый» и «желтый» в уральских и енисейских языках. Он предположил, что это явление имеет ареальный характер и распространилось на якутский язык [Stachowsky 2010: 544–546]. А. А. Бурыкин высказал мнение, что реконструкция семантического изменения **jашыл* в направлении «зеленый» > «желтый» > «лошадь рыжей масти, рыжая лиса» не имеет достаточных оснований. Он указывает на отсутствие надежных оснований для такого семантического сдвига [Бурыкин 2013б: 34]. По мнению исследователя, якутское *саһыл* представляет собой субстратную лексическую единицу, которая сопоставима с наименованием лисы в чукотско-корякских языках. Ср.: чукотск. *ятъёл*, коряк. *яёл*, диал. *дядёл*, алюторск. *татул* 'лиса' [Там же: 34].

Апеллятив **куобах** 'заяц' выступает в основной форме, например, г. *Куобах Таас*, а. *Куобах Буһарбыт* и с морфологическими элементами: г. *Куобахчаан Сиһэ*, а. *Куобахтаахтар*.

Происхождение данного слова остается предметом дискуссий. Одна из гипотез предполагает, что *куобах* является отглагольным образованием с аффиксом -х (аффикс отглагольных имен результата действия) от хак. **хобай*- 'торчать'. Согласно этой теории, слово *куобах* могло возникнуть как метафора, описывающая зайца, который после подъема с лежки замирает в вертикальном положении,

«торча» над землей [Попов 1986: 106]. По мнению А. А. Кузьминой, *куобах* может быть образовано от сочетания *ку* ‘белый, седой, бледный’ и *бах* ‘прыгающая лягушка’ [Кузьмина 2021: 235]. Это предположение требует дополнительного анализа и подтверждения.

3.2.1.4.2 Оронимы, образованные от названий птиц

Среди названий птиц, служащих основой для образования якутских оронимов, наиболее часто используется слово *куба* ‘лебедь’ (34 оронима): *впадина Куба Ыйаабыт*, г. *Кубалаах*, *Кубалаах Хайа* и др.

Согласно исследованиям авторов СИГТЯ, якутское *куба* может быть результатом замены названия лебедя другим корнем **kuba* ‘бледный, светлый’ [СИГТЯ 2001: 172]. Подобную точку зрения разделяет А. А. Кузьмина. Исследователь возводит як. *куба* к общетюркскому корню *quy-* ‘белый, серый, бледный’ + *-a* – аффикс образования имени со значением субъекта [Кузьмина 2017: 103]. Аффикс *-a* встречается в звукоподражательных названиях птиц, например: азерб. *чур-а* ‘чирок’, узб. *курк-а* ‘индюк’, *каркар-а* ‘цапля’, чув. *чак-а* ‘сорока’ [Базарова 1975: 17]. Общетюркское слово *куба* ‘лебедь’ зафиксировано в ДТС в форме *quyi* ‘лебедь’ [ДТС 1969: 464], которая восходит к звукоподражанию *ку-ку*, сохранившемуся в узбекском языке в значении подражания хлохтанию курицы и воркованию горлинки: *кукула* ‘хлохтать, ворковать’ [Базарова 1975: 13].

Лебедь у якутов считался почитаемой птицей, выступающая в роли тотемного предка, особенно по материнской линии. При виде лебедя обязаны были покрывать голову, им не разрешалось употреблять в пищу мясо этой птицы, они не могли прикасаться к ней. Перья лебедя использовались в обрядах и ритуалах, их вешали в переднем углу жилища для предотвращения заболеваний домашнего скота.

Оронимы, содержащие апеллятив *кус* со значением ‘утка’, также имеют широкое распространение. Дикие утки играют важную роль в охотничьем промысле. Всего насчитывается 19 оронимов, включающих данную основу: а. *Кус Ытыалаабыт*, *Кустаах*, поле *Сүүс Кустаах*, а. *Наамабар Кустааба* и др. Очевидно, в названиях содержится важная для охотников информация о местах, изобилующих утками. Соответствия слова *кус* широко представлены во многих

тюркских языках. В древнетюркском языке *qıǵ* имеет значения ‘1) птица; 2) сокол для охоты’ [ДТС 1969: 471]. Слово относится к алтайским языкам [СИГТЯ 2001: 168].

В топонимической системе зафиксировано значительное количество оронимов, в составе которых присутствуют названия вороны и ворона. Эти оронимы свидетельствуют о наличии данных видов птиц в определенной местности. Так, от компонента **суор** ‘ворон’ образованы 12 оронимов, включая лог *Суор Төрөөбүт*, кряж *Суор Уйата*, гору *Суордаах* и др.

Зооним **тураах** ‘ворон’ послужил основой для 7 оронимов, среди которых можно выделить возвышенность *Тураах Ыһыыра*, аласы *Тураахтаах* и *Ньээкис Турахтааба*. Причину значительного количества оронимов, связанных с образами ворона и вороны, можно также объяснить существованием тотемизма. Этнографические данные свидетельствуют о том, что практически каждый род среди оленекских, колымских и индигирских групп имел свое тотемное животное [Алексеев 1975: 37–38], среди которых, как правило, фигурировали ворон и ворона.

На территории Якутии зафиксировано 14 оронимов, мотивированные лексемой **куобас** ‘гагара’: падь *Куобас Үрэх*, а. *Куобастаах*, булг. *Куобастаах Булгунньаба*, мыс *Куобастаах Тумса* и др.

Лексических и топонимических соответствий слова *куобас* в других тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языках не выявлено. Однако, в Словаре Э. К. Пекарского *куобас* указано еще одно значение ‘длинная шея; долгошейный’ [СЯЯ I: 1222]. Данное значение, вероятно, связано с глагольной основой *куобай-* ‘плавно наклоняться, склоняться, сгибаться (о верхней части длинных и тонких предметов)’ [БТСЯЯ IV: 484]. Сравнительный материал показывает, что в казахском языке есть слово *кокай-* ‘выпрямляться при ходьбе, при сидении на коне’, в калмыцком языке — *хоохээ-* ‘быть очень длинным и длинношеим’ [Там же: 484]. Следовательно, наименование гагары могло быть связано с формой ее тела: во время полета гагары немного «сутулятся», прогибая шею и вытягивая лапы назад.

Гагара занимает особое место в мифологических представлениях, верованиях, обрядах якутов. В шаманской практике изображение гагары является предметом культа. Согласно словарю якутского языка, *куоҕас* представляет собой деревянное изваяние гагары, насаживаемое на один из трех шестов, вбиваемых перед сэргэ во время церемонии проводов духа и жертвенной скотины в Верхний мир [Там же: 486]. В мифологическом сознании якутов гагара рассматривается как дух-помощник шамана, проводник между мирами. Она указывала путь в нижний и верхний миры. Также известно, что железную подвеску в форме гагары прикрепляли к шаманскому костюму.

Компонент **кыталык** ‘белый журавль, стерх’ встречается в составе девяти оронимов: г. *Кыталык Хапчаҕайа*, а. *Кыталыктаах*, *Кыталыктаах Алаас* и др. Образ стерха чрезвычайно развит в культуре якутов. Стерх предстает как: воплощение свободы и отражение неизведанной стороны бытия; отражение духовного облика Срединной земли, посредник между небом и землей; олицетворение весны и счастья, как божество, персонифицированное в женском образе, прародительница, отражение женского начала; родовой тотем; как символ девичьей красоты, символ непорочности, как женщина-небесная шаманка, знак принятия мольбы шамана со стороны божеств [Суздадова 2020: 90]. Этимология слова *кыталык* не установлена. Составители БТСЯЯ слово *кыталык* сравнивают с эвенским *гелтали* [БТСЯЯ V: 386].

Орнитоним **мохсоҕол**, послуживший основой для оронимов *Мохсоҕол*, *Мохсоҕоллоох*, *Мохсоҕоллоох Быраан*, имеет значение ‘сокол-сапсан’ (9 единиц). Эти оронимы указывают на орографические объекты, связанные с ареалом обитания данного вида хищных птиц. Этимология данной лексемы не выяснена, прямых соответствий в тюркских языках нами не установлено.

3.2.1.4.3 Оронимы, образованные от названий рыб

Видовое разнообразие ихтиофауны в реках и озерах Республики Саха (Якутия) характеризуется значительным богатством: в водоемах данного региона обитает 39 видов и подвидов рыб, включая проходных и полупроходных представителей, которые относятся к 14 семействам [Кириллов 2002: 16].

Общее название рыбы в якутском языке – *балык* ‘рыба’. Данный компонент выявлен в составе 20 оронимов: г. *Балык Хайата*, а. *Балыктаах*, г. *Балыктаах Таас* и др. Слово общетюркское и в вариантах *балык* ~ *балыг* ~ *палык* присутствует во многих тюркских языках.

Одним из основных продуктов питания и наиболее распространенным промысловым видом рыб в Якутии является *собо* ‘карась’, который лежит в основе оронимов: а. *Соболоох*, *Сэттэ Соболоох*, *Соболоох Баһа* и др. По Якутии вылов карася составляет 15–20 % от всей добытой рыбы. В озерах Центральной Якутии добывается более 95 % карася от вылова по республике, причем Вилюйский, Кобяйский и Намский районы поставляют на рынок львиную его долю 88–90 % [Алас 2015: 47]. Лов карася осуществляется круглогодично сетями, неводом, мордами, вентерями и куюром (подробнее см. 3.2.2.4). А. Н. Ческидович пишет: «Эта рыба имеет ценные вкусовые и биохимические свойства, является источником полноценного белка, легкоусвояемого жира, витаминов и минеральных элементов. Употребляя именно эту рыбу, наши предки долго сохраняли молодость и здоровье» [Ческидович 2008: 1].

Оронимы *Биллээх*, *Биллээх Хайата*, *Биллээх Түгэбин Булгунньаба* образованы от апеллятива *бил* ‘таймень’ (10 единиц). В основном оронимы с компонентом *бил* образованы от гидронимов. Слово *бил* отмечено в тюркских языках Сибири: алт. *бел*, тоф. *бел*, тув. *бел*, хак. *пил* ‘таймень’. В. И. Рассадин включает данное слово в слой лексики, указывающий на связь языка саха с тюркскими языками Саяно-Алтая, при этом отмечая его отсутствие в других тюркских языках [Рассадин 1980: 81]. Авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» проводят параллели с тат. *bıl*, алт. *bel*, хак. *bıl*, тув. *bel* ‘лосось’ и классифицируют его как «локальное сибирское слово» [СИГТЯ 2001: 179]. По мнению Г. В. Попова, якутское *бил* является заимствованием из тувинского языка [Попов 2003: 136].

Мелкая озерная рыба, вид озерного гольяна называется *күөнэх* [БТСЯЯ IV: 64]. Исследователи данное слово относят к словам неизвестного происхождения [Попов 1986: 77; Кузьмина 2021: 229] В оронимии слово *күөнэх* может выступать

самостоятельно с аффиксом *-лаах* и в составе сложных оронимов: а. *Күөнэхтээх*, а. *Алаас Күөнэхтээх*, а. *Арбаа Күөнэхтээх*, *Илин Күөнэхтээх* и др.

3.2.1.4.4 Оронимы, образованные от названий земноводных и насекомых

В группу оронимов, образованных от зоонимов, входят единичные названия, отражающие многообразие земноводных и насекомых, характерных для данного региона дол. *Баҕалаах Толооно* от *баҕа* ‘лягушка’, падь *Бырдахтаах* от *бырдах* ‘комар’, а. *Кымырдаҕастаах Төбө* от *кымырдаҕас* ‘муравей’, а. *Тыймыыттаах Алаас* от *тыймыыт* ‘ящерица живородящая’; г. *Үөннээх Таас* от *үөн* ‘насекомое всякого рода’, а. *Үрүмэччи* от *үрүмэччи* ‘бабочка, мотылек’, падь *Чиэрбэлээх* от *чиэрбэ* ‘червь’, падь *Чоху* от *чоху* ‘жук, обитающий в озёрах, жук-плавунец’ и др.

Таким образом, анализ оронимов, мотивированных зоонимами, позволяет сделать следующие выводы.

1. Зоонимическая лексика в якутской оронимии детально отражает фаунистическое разнообразие и промысловые приоритеты региона. Использование апеллятивов, обозначающих ценные пушные виды (*саһыл* ‘лиса’, *киис* ‘соболь’), а также важные объекты охоты (*кус* ‘утка’) и рыболовства (*собо* ‘карась’, *бил* ‘таймень’), указывает на основу традиционного хозяйства, которая включает охоту и рыболовство.

2. Оронимы, содержащие зоонимы, не только регистрируют фауны, но и служат индикаторами сакральных представлений. Преобладание названий, связанных с тотемами и мифологически значимыми животными (*эһэ* ‘медведь’, *куба* ‘лебедь’, *кыталык* ‘стерх’), раскрывает глубинные аспекты духовной культуры и тотемистических верований.

3. Ядро данной лексико-семантической группы составляют зоонимы общетюркского происхождения (*балык*, *бил*, *кус* и др.). Значительный пласт зоонимов образуют заимствования из монгольских (*кэбэ*) и тунгусо-маньчжурских языков (*чубуку*). Ряд терминов (*куобах*, *саһыл*) имеет неясное или сложное происхождение.

3.2.1.5 Оронимы с качественными характеристиками

Наиболее многочисленной по объему в составе исследуемой оронимической системы является группа оронимов, мотивированных качественными характеристиками. В их образовании участвует 51 прилагательное, что выделяет данную группу не только по количеству лексических единиц, но и подчеркивает ее семантическое богатство и значимость для номинации орографических объектов. Данные лексемы выполняют важнейшую дифференцирующую функцию, позволяя выделить объект среди подобных через указание на его визуальный признак, физическое свойство, местоположение в пространстве или иное характерное качество.

В рамках параграфа анализ проводится на материале наиболее продуктивных и репрезентативных апеллятивов, формирующих ядро данной лексико-семантической группы. Малопродуктивные прилагательные представлены в Приложении 3 (Таблица 4). Классификация представлена по следующим основным семантическим признакам: 1) прилагательные цвета – обозначают цвет объекта, являясь одним из самых частотных и универсальных признаков номинации; 2) прилагательные, обозначающие иные качественные характеристики помимо цвета – описывают физические свойства, форму, размер и иные характеристики орографического объекта; 3) прилагательные, образующие антонимичные пары – демонстрируют бинарную оппозицию признаков (напр., большой / маленький, высокий / низкий), что является базовым принципом структурирования пространства; 4) прилагательные, образованные от названий сторон света – отражают сложившуюся систему пространственной ориентации и наделяют объект важным координатным признаком.

Последовательный анализ данных групп позволит выявить ключевые семантические доминанты и наиболее продуктивные модели номинации, основанные на признаковых характеристиках объекта.

3.2.1.5.1 Цветовые прилагательные

Проблема цветообозначений в топонимии освещалась в работах многих исследователей. Авторы указывают, что «цветовые топонимы содержат в себе информацию не только о внешнем виде объекта (цвете), но и о каких-то других качествах, вызывающих ассоциации с определенным цветом» [Цветкова 2012б: 264].

В тюркологических работах были рассмотрены нецветовые значения прилагательных цвета в составе географических названий [Койчубаев 1965; Конкашпаев 1969; Кононов 1978; Конкобаев 1980; Мурзаев 1995; Молчанова 2018; Хисамитдинова 2019 и др.]. Анализируя цветообозначения в тюркской топонимии, А. Н. Кононов выявляет их специфические семантические особенности: у тюркских народов цветовые наименования служили для обозначения сторон света: чёрный – север, красный – юг, белый и жёлтый – запад, голубой – восток [Кононов 1978: 159–179]. Э. М. Мурзаев, подчёркивая важную роль прилагательных цвета в формировании среднеазиатской топонимии, указывает на то, что семантика оронимов, включающих цветообозначения, «зависит от расстояния до топообъекта и восприятия цвета определенным человеком» [Мурзаев 1995: 91].

Рассмотрим это на примере якутских оронимов, в которых в качестве компонентов используются цветовые прилагательные.

Прилагательное *ала* ‘пегий, пестрый’ встречается в составе 9 наименований. Основные принципы, лежащие в основе наименований с прилагательным *ала* ‘пегий, пестрый’, связаны с цветовой характеристикой. Однако в оронимах это цветообозначение может означать ‘местность, заросшую разнообразной, разноцветной растительностью’: а. *Ала Көлүйэ*, мыс *Ала Хайа*, г. *Ала Оттоох* и др. В составе оронимов также происходит субстантивация прилагательного *ала*, в этом случае цветообозначение означает ‘гора, имеющая ландшафтные вертикальные пояса, пятна снега’, например, *Ала* – гора в Мирнинском районе. Как отмечает А. М. Щербак, слово *ала* тюркского происхождения: «др.-тюрк., алт., тур., уйг., хак., як. и др. *ала* ‘пестрый, пятнистый’, ‘разноцветный’» [Щербак 2005: 21].

Прилагательное **күөх** ‘голубой, зеленый’ на исследуемой территории зафиксирован в составе 13 сложных оронимов: падь *Күөх Дулба*, хр. *Күөх Таас*, мыс *Күөх Арыы Тумуһаба* и др. В якутском языке прилагательное **күөх** имеет следующие значения: ‘I 1) голубой, как светлое небо; 2) зеленый, как только что выросшая трава, как хвоя распутившейся лиственницы; II 1) весенне-летняя пора, когда появляется зелень; 2) зеленая трава, идущая на корм скоту’ [БТСЯЯ V: 75, 79] Эта же многозначность прослеживается у прилагательного **күөх** в составе оронимов, которая реализуется посредством атрибутивной связи с последующим существительным, например, в оронимах, а. *Күөх Алаас*, г. *Күөх Хайа*, луг *Күөх Хонуу* и др. Нередко значение ‘зеленый’ реализуется в характеристиках цвета молодой травы и растений. Об этом свидетельствуют оронимы: а. *Күөх Оттоох*, *Оммуос Күөх Оттообо*, а. *Нуойан Күөх Хатыннааба*.

Прилагательное **күөх** является общетюркским. В тюркской топонимии прилагательное *көк* ~ *көк* ~ *күк*... многозначно. В алтайских оронимах *Көк-Боом*, *Көк-Бут*, *Көк-Жар*, *Көк-Кайа*, *Көк-Таш* и др. реализуются значения ‘синий, сине-зеленый, серо-синий, купоросный’ [Молчанова 2018: 96]. В составе тувинских топонимов слово *көк* может выступать как орографический апеллятив в значении ‘высокая гора, высокогорный’ [Ондар 2008: 125].

Прилагательное **кыһыл** ‘красный, алый’ является одним из наиболее часто употребляемых после прилагательных *манган* и *хара*. Оно зафиксировано в составе 15 оронимов. Слово **кыһыл** указывает на красных скалистых пород камней в формах положительного рельефа. В оронимах г. *Кыһыл Таас*, мыс *Кыһыл Тумус*, яр *Кыһыл Хайа* и др. отражает цветовую окраску орографических объектов (см. рис. 14). В составе оронимов прилагательное **кыһыл** дополнительно может также означать ‘малый, меньший географический объект’ [СТЛ 2019: 144].

Слово в фонетических вариантах *гызыл* ~ *кызыл* ~ *хызыл*... в значениях ‘красный, румяный; рыжий’ широко употребительно в тюркских языках. В древнетюркском языке *qizil* ‘красный’ [ДТС 1969: 450]. В оронимии Тувы по цвету галечных пород и по цвету растительности названа гора *Кызыл-Даш*, по красноватой глине гора *Кызыл-Кудук* [Ондар 2008: 122].

Гора Кыһыл Хайа¹⁶

Прилагательное *манган* и его фонетический вариант *маџан* зафиксированы в составе 20 оронимов. В современном якутском языке вариант *манган* определен как орфографическая норма: *манган* ‘белый (цвета снега)’ [БТСЯЯ VI: 224]. В оронимии используются оба варианта слова, но по частотности в составе оронимов доминирует *маџан*. Оронимы с *манган* / *маџан*, как правило, образованы путем соположения указанного прилательного с последующим существительным: г. *Маџан Таас*, *Маџан Тумул*, *Маџан Хайа* и т. д. Также встречаются случаи, когда *маџан* может употребляться самостоятельно: г. *Маџан*. По отношению к орографическим объектам *манган* / *маџан* имеет значение ‘белый; снежный; голый, лишенный растительности леса’.

Всеми лингвистами признается, что прилагательное *манган* ~ *маџан* монгольского происхождения [Рассадин 1980: 72]. Ср.: монг. *манхан* ‘1) со

¹⁶ Фото Сергея Карпухина.

Ссылка: <https://karpukhins.livejournal.com/316836.html?ysclid=m6vw37tt81675061814>

звездочкой на лбу; белоголовый; черноголовый; 2) (перен.) снежный, белый: *манхан цагаан уул* ‘гора со снежной вершиной’ [БАМРС II: 322]. Кроме монгольского лексические параллели якутского слова *манан* обнаруживаются в хакасском и тувинском языках. Ср.: хак. *манан* ‘1) белой масти (о лошади); 2) с белым пятном на лбу (о лошади и корове)’ [ХакРС 2006: 233], тув. *маңган* ‘белый-пребелый, совершенно белый’ [ТувРС 1968: 288]. Слово *манан* связывает якутский язык не только с монгольскими и тюркскими языками Южной Сибири, но и с тунгусо-маньчжурскими языками: эвенк. *маңкār* ‘1) плешивый; 2) беломордый’, маньчж. *маңкара* ‘белоносый, белорылый’ [ССТМЯ I: 531].

Прилагательное *үрүн* ‘белый’ зарегистрирован в составе 18 оронимов: булг. *Үрүн Булгунньах*, г., утес *Үрүн Хайа*, мыс *Үрүн Быраан* и др. Слово *үрүн* нередко употребляется в сопровождении зоонимов: релка *Үрүн Буур*, г. *Үрүн Хаастаах*. Основные принципы, лежащие в основе географических названий с прилагательным *үрүн* ‘белый’, в первую очередь связаны с цветовой характеристикой. Однако в случае с оронимами это прилагательное также может означать ‘снежный’ и ‘с ледником’.

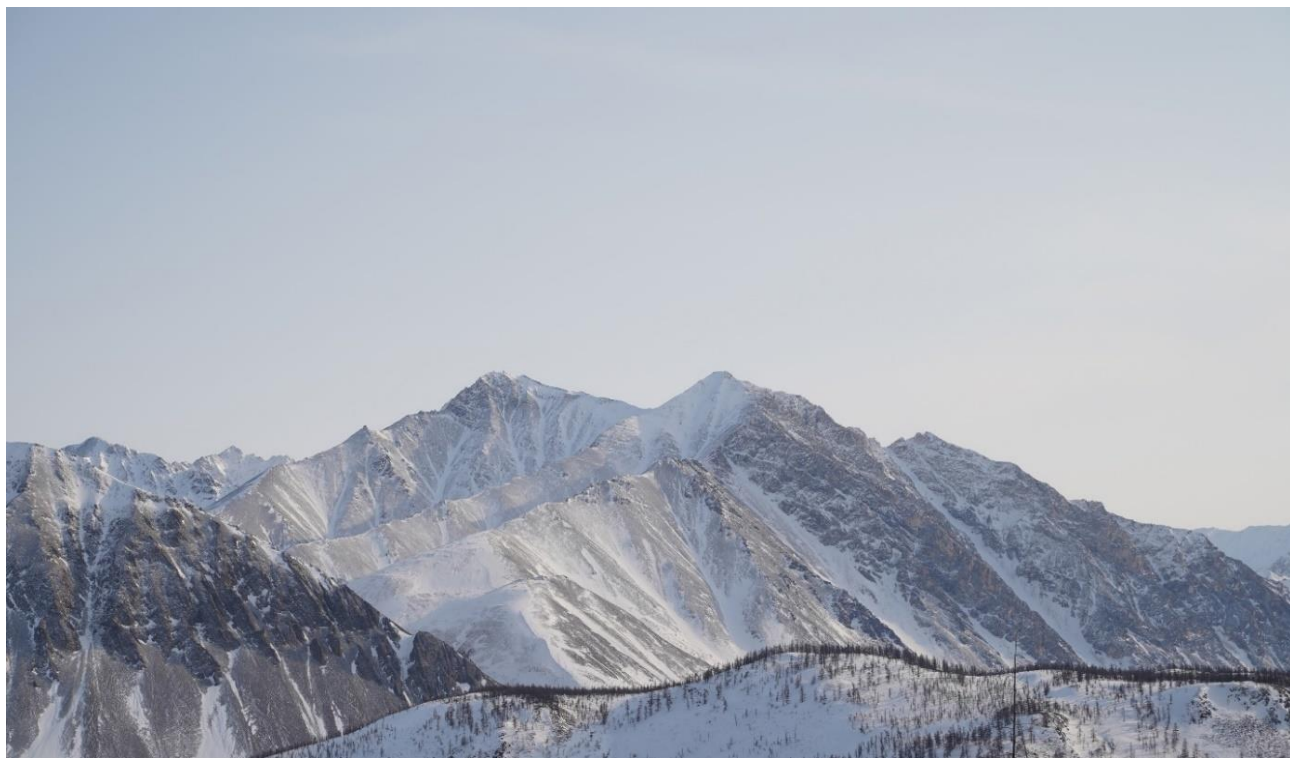
В якутской культуре *үрүн* считается священным цветом, связанным с понятиями чистоты и святости. Это цвет восходящего солнца – цвет жизни: *үрүн кун* ‘белое солнце’. В якутской оронимии прилагательное *үрүн* ‘белый’ часто выступает в переносном значении и указывает на святость места. Например, г. *Үрүн Таастаах* в Момском районе (см. рис. 15) является священным местом. Здесь расположено месторождение уникального мрамора, который отличается ослепительно белым и бледно-розовым цветом, часто с теплым бежевым оттенком. В живописном горном пейзаже особенно выделяется водопад, бьющий из недр горы. В древности эта вода считалась целебной и священной.

Прилагательное *ürüñ* со значением ‘белый’ зафиксировано в памятнике уйгурской письменности «Кутадгу билиг» [СИГТЯ 2001: 600]. Слово зафиксировано в орхонских и енисейских текстах, в древнеуйгурском, караханидско-уйгурском, среднеуйгурском, чагатайском языках, в киргизском только в сочетании *ürüñ-barañ*, в якутском языке *ürüñ* [Там же: 601].

Н. Н. Широбокова отмечает, что «только халаджский и якутский сохранили древнетюркское *уруң* 'белый' (як. *уруң*, халадж. *HUrUN*)» [Широбокова 2005: 34]. В ДТС для слова *ürün* приведены значения '1) белый, светлый, 2) (перен.) чистый, благородный' [ДТС 1969: 627]. В топонимии Тувы «*уруң* – др.-тюрк. белый, светлый, *перен.* светлый, чистый: р. *Уруң-Суг*, р. *Уруң-Сайлыг Хем*, оз. *Уруң-Хол*» [Ондар 2008: 111–112].

Рисунок 15

Гора Үрүн Таастаах¹⁷

На исследуемой территории наиболее часто встречающееся цветообозначение в составе якутских оронимов – *хара*. Это слово является общетюркским. В древнетюркском языке *qara*, употреблявшееся первоначально в физическом смысле 'черный', в топонимии имеет большое количество

¹⁷ Фото Александра Слепцова.

Ссылка: https://vk.com/wall85170959_1142?to=L3dhibGw4NTE3MDk1OV8xMTQyP3RvPUwzZGhiR3c0TIRFM01EazFPVjh4TVRRVVAzbHpZMnhwWkQxdE5uWjRNMIkxT0drMk1UazVNaI UzTXpZeA--

метафорических значений: прозрачный, родниковый, обильный, темный, лишенный света, погруженный во мрак; большой, крупный [Молчанова 2018: 77]. В составе оронимов тюрк. *кара* развило еще одно значение ‘сухой, пустынный, лишенный высотной поясности (например, для Туркмении), а также густо покрытый лесами (чернью) в Южной Сибири’ [Мурзаев 1974: 217]. У А. Н. Кононова *кара* в тюркских языках также имеет дополнительное значение ‘темная сторона небосклона, север’: *Кара орду*, *Кара кум*, *Кара корум* и др. [Кононов 1978: 161].

Что касается якутской оронимии, прилагательное *хара* имеет значение, отмеченное исследователями и для других тюркских территорий. Наиболее часто встречаются оронимы, отражающие физико-географические свойства орографического объекта: г. *Хара Таас*, мыс *Хара Тумул*, *Хара Тумуһах* и др. Прилагательное *хара* послужило также производящей основой для образования названий растений. Оронимы с цветофитокомпонентом информируют о распространении в данной местности того или иного вида растения, например, релка *Хара Уөт Кырдала* образовано от фитонима *хара уөт* ‘трехтычинковая ива’.

В основе некоторых оронимов лежат мифологические воззрения народа, давшего название орографическому объекту. Например, цветообозначение *хара* ‘черный’ обладает дополнительной символической семантикой в составе оронимов, выражая отрицательное значение, опасливое отношение или недоверие к орографическому объекту: г. *Хара Сис*, *Хара Хайа*, *Хара Быраан*. При табуировании географических имен и ярко выраженном наделении объектов природы эмоциональными характеристиками лексема *хара* могла приобретать оценочные значения ‘плохой, скверный, горестный, безрадостный, злосчастный’ [ТСГА 1979: 51].

3.2.1.5.2 Прилагательные, обозначающие иные качественные характеристики помимо цвета

Данные прилагательные характеризуют объект со стороны их размера, формы и плотности, возраста и многих других особенностей.

Прилагательное **аччыгый** ‘небольшой по размеру’ зарегистрировано в составе 18 оронимов. Слово может субстантивироваться и употребляться для обозначения маленького размера орографического объекта: а., г. *Аччыгый*. Большинство оронимов с компонентом *аччыгый* функционирует в сопровождении предметов хозяйственного значения: а. *Аччыгый Батастаах*, *Аччыгый Сэргэлээх*, луг *Аччыгый Балабаннаах* и др. Прилагательное *аччыгый* образовано от глагольной основы *аччаа-* ‘уменьшаться, убавляться’, которая, в свою очередь, имеет сходство с др.-тюрк. *azla-* ‘находить, считать малым, недостаточным’ [ДТС 1969: 73]. Ср. др.-тюрк. *az* ‘мало, немного, редко, немногочисленный, небольшой’ [Там же: 71].

На исследуемой территории слово **кураанах** ‘сухой; пустой’ зафиксировано в составе 20 оронимов: а. *Кураанах Алаас*, *Кураанах Күрүүлэ*, *Халдьыы Кураанах Алаас*, *Арбаа Кураанах Алаас* и др. Прилагательное *кураанах* субстантивируется и употребляется самостоятельно, приобретая значение ‘сухое, безводное место’: а. *Кураанах*. В отношении орографических объектов возвышенного рельефа прилагательное *кураанах* выступает в значении ‘голый, лишенный растительности’: булг., г. *Кураанах*. Лексема *кураанах* является общетюркской, восходящей к др.-тюрк. *qur* ‘сухой’ [Там же: 476].

Прилагательное **кыра** во всех оронимах сохраняет значение ‘маленький, меньший по размеру, незначительный’: г. *Кыра Бэһэл*, *Кыра Кэрдиистэрдээх*, а. *Кыра Дьэбэрэлээх* и др. Лексических и топонимических соответствий не обнаружено ни в одном из современных тюркских языков. Вероятно, исходным для прилагательного *кыра* является тюркский корень **қи* ‘нечто мелкое’ [Кайдаров 1986: 244]. Ср. каз. *қиыр* ‘мелкий, мелкозернистый’.

В якутском языке прилагательное **кэлтэгэй** имеет следующие значения: 1) кособокий, имеющий только одну сторону, один бок; 2) неполный, частичный, ограниченный, узкий, направленный в одну сторону, односторонний [БТСЯЯ V: 476]. В топонимике этот термин используется для обозначения внешних аномальных очертаний рельефа, асимметрии берегов, а также объектов, имеющих форму полукруга [СТЛ 2019: 147]. В оронимии данное прилагательное применяется для описания орографических объектов, характеризующихся кривизной,

однородностью и наклонностью. На исследуемой территории прилагательное *кэлтэгэй* зарегистрировано в составе 7 оронимов: а. *Кэлтэгэй*, *Кэлтэгэй Алаас*, г. *Кэлтэгэй Тааһа*. Слово *кэлтэгэй* монгольского происхождения [Рассадин 1980: 71]. Ср.: стп.-монг. *keltegei*, халх. *хэлтгий*, бур. *хэлтэги* ‘наклонный, покосившийся, покривившийся набок’ [ЭСМЯ II: 115].

Оччугуй ‘малый, маленький, небольшой’ – продуктивное прилагательное, используемое в оронимии для указания на небольшой размер орографического объекта. Он выступает ключевым дифференцирующим признаком, позволяя противопоставить малый объект крупному в пределах одной локальной системы: булг. *Оччугуй Булгуннях*, мыс *Оччугуй Тумул*, падь *Оччугуй Толоон*.

Прилагательное восходит к глагольной основе *оччоо-* ‘уменьшаться, убавляться’. Прямые параллели с значением ‘малый, младший’ присутствуют в других тюркских языках Южной Сибири: алт. *очы* ‘младший’ [АлтРС 2018: 513], шор. *оча* ‘самый младший, самый малый’ [БТСЯЯ VII: 378].

Прилагательное **сага** ‘новый’ участвуют в образовании 12 оронимов: булг. *Сага Булгуннях*, поле *Сага Алыы*, мыс *Сага Тоголох Тумса* и др. В топонимической практике его семантика шире базового значения и включает оттенки: ‘свежий, обновленный, недавно образовавшийся географический объект; относительно недавно открытое, заселенное место’ [СТЛ 2019: 202]. Таким образом, термин маркирует не только временную новизну, но и смену состояния или освоенности пространства.

Слово *сага* имеет тюркское происхождение: др.-тюрк. *janı* ‘новый; новый, только появившийся’ [ДТС 1969: 234].

Словари для слова **төгүрүк** выделяют значения ‘1) круг, что-л. в форме круга; 2) имеющий форму круга, круглый’ [БТСЯЯ X: 528]. На исследуемой территории слово отражено в составе 8 оронимов: а., г. *Төгүрүк*, а. *Төгүрүк Алаас*, луг *Төгүрүк Сыһыы*, г. *Төгүрүк Сихэ*, падь *Төгүрүк Курун* и др. В EDAL приводится основа **tegá* (**t'egá*) со значением ‘круглый’, от которой произошли прамонгольская **tögörig* ‘круглый’ и пратюркская **deg-* ~ **dög-* ~ **dog-* ‘круглый’ [EDAL 2003: 1360]. По фонетическому и семантическому облику якутскому *төгүрүк* близки

монгольские формы: стп.-монг. *tögürig*, халх. *təgrəg*, калм. *təgrg* ‘круг, кружочек’ [ЭСМЯ III: 177].

В БТСЯЯ зафиксировано несколько значений слова **туора**: 1) расположенный поперёк чего-л., поперечный; 2) не главный, находящийся в стороне, второстепенный; 3) чужой, посторонний; 4) не соответствующий общепринятому порядку, дурной, плохой; 5) размер в ширину, ширина, поперечник чего-л. (используется в притяжательной форме); 6) поперёк, по ширине чего-л.; 7) дальше от какого-л. места, в сторону, прочь [БТСЯЯ XI: 129]. В СТЛ зафиксировано значение ‘географический объект, находящийся в стороне в отделении’ [СТЛ 2019: 249]. На исследуемой территории в достаточной степени активен в образовании оронимов. Насчитывается более 20 оронимов: горы *Туора Дьаангы*, мыс *Туора Хайа*, падь *Туора Үрэх*, хр. *Туора Сис*, горы *Туора Арбаа Чобура* и др. В древнетюркском языке зафиксирован в формах *toyri*, *toyru* ‘прямой; правильный’ [ДТС 1969: 249]. Встречается во многих тюркских языках. Ср.: алт. *туура* ‘1) сторонний, чужой; 2) ширина; 3) бок, сторона; 4) поперек; поперечный; 5) прочь, в сторону, по сторонам’, тув. *доора* ‘1) поперёк, поперечный; косвенный; посторонний, другой; 2) ширина’, уйг. *тобур* ‘поперёк’, шор. *тогыра* ‘поперечный, поперек; чужой’ и др. По мнению Э. В. Севортяна, весь этот материал связан с др.-тюрк. *toy-* ‘подниматься, вздыматься’ в залогой форме *toyur-* [ЭСТЯ III: 251].

В СТЛ для апеллятива **улуу** отмечены следующие значения: 1) большой, необычайно большой; 2) великий; страшный, грозный; 3) почтенный; священный [СТЛ 2019: 262]. На исследуемой территории прилагательное отмечается в 11 наименованиях в основной форме самостоятельно и составе сложных оронимов: а. *Улуу*, дол. *Улуу Толоон*, мыс *Улуу Тумул* и т. п. Слово *улуу* тюркского происхождения: др.-тюрк. *uluu* ‘большой; старший; великий; сильный; высокий’ [ДТС 1969: 610].

Слово **уһун** ‘длинный’ зафиксировано на исследуемой территории в 20 сложных наименованиях: мыс *Уһун Мыраан*, *Уһун Тумуһах*, пол. *Уһун Сыһыы*, поле *Уһун Кырдал*, г. *Уһун Быллар Хайата*, дол. *Арбаа Уһун Толоон* и др. В составе оронимов компонент *уһун* указывает на размер орографического объекта, дополнительного значения прилагательное не приобретает. Слово *уһун* является

общетюркским. Лексические и топонимические соответствия имеются во многих тюркских языках.

Прилагательное *хаптабай* ‘плоский, пологий’ зафиксировано в составе 16 наименований: а. *Хаптабай Алаас*, г. *Хаптабай Хайа*, *Хаптабай Таас*, *Хаптабай Чохчур*, поле *Хаптабай Быраан* и т. д. В простых оронимах *хаптабай* получает значения ‘плоская, равнинная местность’, ‘плоская гора’: а., г., плоскогорье *Хаптабай*. Слово *хаптабай* считается монголизмом [Рассадин 1980: 71]. Ср.: стп.-монг. *qabtaγai*, халх. *хавтгай*, бур. *хабтагай*, калм. *хавтха* ‘плоский; доска; (перен.) обширный, сплошной, повсеместный’ [ЭСМЯ III: 15]. Фонетические варианты – *ханта*, *хантаан*.

3.2.1.5.3 Прилагательные, образующие антонимичные пары

Важнейшую роль в организации оронимической системы играют антонимичные пары прилагательных, образующие систему бинарных оппозиций (*улахан* ‘большой’ и *куччугуй* ‘малый’, *үөһээ* ‘верхний’ и *аллараа* ‘нижний’, *үрдүк* ‘высокий’ и *намыһах* ‘низкий’, *үчүгэй* ‘хороший’ и *куһаҕан* ‘плохой’, *уна* ‘правый’ и *ханас* ‘левый’). Эти пары служат для четкого противопоставления объектов по ключевым признакам: размеру, высоте, расположению в пространстве и качественной оценке. Дополняет эту систему прилагательное *орто* ‘средний’, обозначающее промежуточный, центральный признак.

Большой ~ малый. В оронимии *улахан* ‘большой’ употребляется в составе сложных географических названий, как различительное определении двух, трех, одноименных, близлежащих объектов [СТЛ 2019: 261]. В БТСЯЯ прилагательное *улахан* фиксируется со значениями: 1) значительный по размеру, объёму, большой; 2) старший по возрасту (по отношению к родным, единоутробным, единокровным), старший (ребёнок); 3) сильный, громкий (напр., о голосе, звуке); 4) крупный (о населённых пунктах); 5) фундаментальный, значительный (напр., о стройке); 6) (перен.) большой, значительный, важный [БТСЯЯ XII: 125]. Слово *улахан* относится к самым употребляемым из относительных прилагательных, оно зафиксировано в составе 70 оронимов: г. *Улахан Таас*, г. *Улахан Хайа*, кряж *Улахан Сис*, а. *Улахан Атыыр*, *Улахан Дьанхалаах* и др. Слово *улахан* употребляется всегда

в препозиции, но надо отметить, что в каждом конкретном случае нужно определить, какое из значений этого многозначного прилагательного имели в виду именуемые. Прилагательное может субстантивироваться и при этом обозначает табуированное название: а. *Улахан* в Чурапчинской районе, но имеется в виду не размер, а значительность орографического объекта. Вероятно, слово *улахан* является производным от др.-тюрк. *ulu* ‘большой; старший; великий; высокий’ [ДТС 1969: 610]. По мнению М. С. Воронкина, *улахан* от *улуу* ‘великий’ + *ахан* ‘частица, усиливает признак, качество предмета, иногда с оттенком восхищения’ [Воронкин 1980: 107].

Слово *куччугуй* ‘малый, маленький’ участвует в образовании следующих оронимов: ск. *Куччугуй Туруук*, падь *Куччугуй Эмпэ*, поле *Куччугуй Уолба* и т.д. Фонетический вариант – *кыччыгый*: а. *Кыччыгый Тункэ*, г. *Кыччыгый Хайа*, лог *Кыччыгый Куругнаах* и т. д. Слово *куччугуй* является производным от др.-тюрк. *kičig* ‘1) маленький, малый, небольшой; 2) малый (по положению); 3) младший’ [ДТС 1969: 306].

Верхний ~ нижний. Аппеллятив *үөһээ* ‘верхний’ является словом-ориентиром в оронимии. На исследуемой территории слово встречается в составе 7 сложных оронимов: дол. *Үөһээ Толбон*, пер. *Үөһээ Дабаан*. Ср.: др.-тюрк. *üzä* ‘вверху, сверху’ [ДТС 1969: 629].

Прилагательное *аллараа* ‘нижний’ на исследуемой территории зафиксировано в составе 2 наименований. Анализируемое слово в составе оронимов указывает на местоположение объекта относительно другого объекта и является неотъемлемой частью этого наименования: падь *Аллараа Сэргэ*, г. *Аллараа Эбир Хайа*. Слово *аллараа* является общетюркским. Ср. др.-тюрк. *al* ‘низ, нижняя часть’, ‘под, внизу’ [ДТС 1969: 32].

Высокий ~ низкий. Прилагательное *үрдүк* зарегистрировано в составе 22 оронимов: мыс *Үрдүк*, г. *Үрдүк Хайа*, мыс *Үрдүк Тумул*, пер. *Үрдүк Аартык* и т. д. Основные принципы, положенные в основу наименования с прилагательным *үрдүк* ‘высокий’, в первую очередь характеристика объектов по высоте. В составе оронимов происходит также субстантивация прилагательного *үрдүк*, в этом случае

оно означает ‘возвышенность’ или ‘высокая гора’ например, г. *Биллээх Үрдүгэ*, *Дьаамалаах Үрдүгэ*, *Оболоох Таас Үрдүктэрэ*. Слово *үрдүк* образовано от глагольной основы *үрдээ-* ‘становиться выше, вырастать, подрастать’. Лексических и топонимических соответствий в других языках не обнаружено.

Прилагательное *намыһах* ‘малый по высоте, низкий’ зафиксировано в составе одного оронима – пер. *Намыһах Аартык*. Ср.: тюрк. *йапыз*, тув. *чыпыт*, уйг. *напиз* ‘низкий’ [БТСЯЯ VI: 457].

Хороший ~ плохой. Прилагательное *үчүгэй* ‘хороший’ в составе оронимов означает ‘красивый, прекрасный, богатый’. С данным апеллятивом зарегистрировано 13 оронимов: а. *Үчүгэй*, горка *Үчүгэй Мыраан*, а. *Ханас Үчүгэй Алаас* и др.

Прилагательное *куһаҕан* ‘плохой, худой’ зафиксировано в составе 18 оронимов: а. *Куһаҕан*, а. *Куһаҕан Алаас*, г. *Куһаҕан Киһилээбэ* и др. Прилагательное *куһаҕан* указывает на негативную характеристику орографического объекта, его непригодность. Лексических и топонимических соответствий для *үчүгэй* и *куһаҕан* в других тюркских языках не обнаружено.

Правый ~ левый. Словарь топонимной лексики для слова *уна* фиксирует следующие значения: 1) правый; 2) южный; 3) правая (восточная) сторона [СТЛ 2019: 264]. Прилагательное зафиксировано в составе восьми оронимов: а. *Уна Алаас*, *Уна Кэнчиэри*, *Уна Иэхэрдээх* и др. Слово *уна* соответствует др.-тюрк. *оң* ‘правый; правосторонний’ [ДТС 1969: 367].

Апеллятив *ханас* участвует в образовании 11 оронимов: а. *Ханас Алаас*, *Ханас Кэнчиэри*, *Ханас Иэхэрдээх* и др. Слово в СТЛ имеет значения ‘левый, северный’, ‘левая (западная) сторона’ [СТЛ 2019: 285]. Ср.: стп.-монг. *qayas*, халх. *хагас*, бур. *хахад*, *хагад*, калм. *хаһс* ‘половина’ [ЭСМЯ III: 19].

Средний. Орографический объект с центральным положением или среднего размера обозначается прилагательным *орто* со значением ‘средний’. Ср.: др.-тюрк. *orta* ‘середина’ [ДТС 1969: 189]. Данный апеллятив в качестве определения функционирует в составе 18 оронимов: ск. *Орто Таас*, г. *Орто Хайа*, *Орто Бэхэл* и др.

3.2.1.5.4 Прилагательные, образованные от названий сторон света

В оронимии представлены прилагательные, образованные от названий сторон света: *илин* ‘восток; восточный’ – *арбаа* ‘запад; западный’; *собуруу* ‘юг; южный’ – *хоту* ‘север; северный’.

В словаре якутского языка для слова *арбаа* зафиксированы значения ‘1) запад; 2) (устар.) человеческая спина или передняя часть спины, загривок животного (чаще лошади); 3) (устар.) тыл, зад, задняя сторона чего-л.’ [ТСЯЯ I: 546–547]. Основное значение данного слова в тюркских языках ‘спина, задняя сторона’. В древнетюркском словаре *arqa* имеет значение ‘спина’ [ДТС 1969: 53]. Согласно С. А. Иванову, в якутском языке *арбаа* ‘запад, западная сторона’ является поздним образованием, возникшим в результате метафорического переноса названия задней части туловища на одну из четырех сторон света [Иванов 2017: 86]. Переход значения ‘задняя сторона’ в ‘западная сторона’, ‘запад’ объясняется сохранением у якутов системы древнетюркской ориентации в сторону восходящего солнца [СТЛ 2019: 55]. Древнее значение слова *arqa* ‘спина’, ‘задняя сторона’ хорошо сохранилось и активно употребляется в северных говорах якутского языка [ДСЯЯ 1976: 50]. Аппеллятив *арбаа* (44 упоминаний) очень широко распространен в сложных оронимах как различительное определение двух одноименных, близлежащих объектов: булг. *Арбаа Булгунньах*, мыс *Арбаа Быраан*, дол. *Арбаа Толоон*, а. *Арбаа Ньиирэй Алааһа*, а. *Арбаа Тонус Алааһа* и др.

Илин – восток; восточный [ТСЯЯ III: 650]. Первичное значение слова *илин* ‘перед, передняя сторона’, что сохранилось в речи якутов до сих пор. Аппеллятив зафиксирован в составе 47 оронимов: холм *Илин Мыраан*, г. *Илин Таас*, пер. *Илин Дабаан* и др. Лексема *илин* восходит к корню *il* со значением ‘перед, передняя сторона’ [ЭСТЯ I: 347]. В результате присоединения к корню древнего падежного аффикса *-in* произошло формирование лексемы, обозначающей одну из четырех сторон света – *илин* ‘восток’, соответствующая др.-тюрк. *il-gäri* ‘вперед (~ или на восток)’ [ДТС 1969: 208; ЭСТЯ I: 347–348].

Аппеллятив *собуруу* ‘юг, южный’ входит в состав 15 сложных оронимов: а. *Собуруу Кылаан*, г. *Собуруу Таас*, падь *Собуруу Анна* и т. д. Слово *собуруу*

соответствует др.-тюрк. *joqaru* ‘вверх, наверх; восток, запад’, образованному от *joq* ‘верх, верхняя сторона’ [ЭСТЯ IV: 213–214].

Апеллятивы *хоту* ‘север; северный’, *хотугу* ‘находящийся на севере, лежащий к северу от чего-либо’ зарегистрированы в составе 14 оронимов: поле *Хоту Сыһыы*, г. *Хотугу Таас*, а. *Хотугу Чонкучах* и др. Слово *хоту* соответствует др.-тюрк. *qodī* ‘вниз, внизу’ [ДТС 1969: 451]. Якутский адъектив *хотугу* ‘северный’ также соотносится с др.-тюрк. *qodiqi* ‘находящийся внизу’ [Там же: 452].

Таким образом, прилагательные-ориентиры демонстрируют архаичную и стройную систему пространственной концептуализации. Высокая продуктивность этих терминов в оронимии подчеркивает их ключевую роль в точной пространственной привязке и разграничении орографических объектов.

Проведенный анализ демонстрирует, что прилагательные играют ключевую роль в систематизации якутской оронимии, являясь основным элементом, обеспечивающим классификацию и дифференциацию орографических объектов. Они позволяют с высокой точностью идентифицировать объект через указание на его визуальные, физические и пространственные характеристики.

Лексико-семантический анализ выявил сложную и развитую систему описания пространства, основанную на бинарных оппозициях (*улахан* / *куччугуй*, *үөһээ* / *аллараа*, *уна* / *ханас*). Дополняет эту систему прилагательное *орто* ‘средний’, обозначающее промежуточный, центральный признак, что свидетельствует о высоком уровне абстрактного мышления и способности носителей языка к систематизации пространственных представлений.

Цветовые прилагательные (*хара*, *манган*, *үрүҥ*, *кыһыл*, *күөх*) не только описывают физические свойства объекта, но и несут символические и оценочные коннотации (*хара* ‘черный; опасный’, *үрүҥ* ‘белый; священный’).

Многие прилагательные в оронимии приобретают специализированные значения, отсутствующие в общелитературном языке. Они начинают обозначать не просто признак, а тип объекта. Например, *кураанах* ‘сухой’ обозначает ‘сухое, безводное место’, а *үрдүк* ‘высокий’ → ‘возвышенность’.

Выделяется два основных лексических пласта: общетюркский пласт (*уһун* ‘длинный’, *эмис* ‘толстый’) и монгольские заимствования (*төгүрүк* ‘круглый’, *хаптабай* ‘плоский’).

Наиболее продуктивными и частотными являются прилагательные, обозначающие размер (*улахан*, *аччыгый*, *уһун*) и пространственное положение объекта (*илин*, *арбаа*, *үөһээ*). Это отражает практические потребности в ориентации и необходимости четкого различения объектов в ландшафте.

Таким образом, оронимы, содержащие прилагательные, представляют собой не просто набор признаков, а логически выстроенную систему, отражающую историческое мировоззрение и хозяйственный уклад народа саха. Эта система служила эффективным инструментом для освоения, описания и точной навигации в сложном и обширном ландшафте Якутии.

3.2.1.6 Оронимы с числовыми характеристиками

Следующую подгруппу оронимов образуют названия, содержащие числовые показатели. Как отмечает И. А. Дамбуев, числительные широко используются в топонимии, выполняя различные функции [Дамбуев 2022: 118]. В якутской оронимии они служат для указания на количество однородных объектов в данной местности, их взаимное расположение, а также часто приобретают сакрально-символическое значение.

Наиболее продуктивные числительные в оронимии.

Икки ‘два’ указывает на объект, состоящий из двух одинаковых частей или на парность: мыс *Икки Быытта*, а. *Икки Күрүөлээх*, булг. *Икки Булгунньах*).

Хос ‘сдвоенный, пара’ – семантический дублет *икки*, подчеркивающий парность, параллельное расположение объектов: а. *Хос Алаас*, горы *Хос Кэрикэ*).

Үс ‘три’ обладает амбивалентной семантикой: указывает как на конкретное количество (*үс күөллээх* ‘имеющий три озера’), так и, чаще, на сакральное множество. Участвует в образовании оронимов г. *Үс Сирэй*, падь *Үс Салаа*, а. *Үс Күөллээх*.

Сэттэ ‘семь’. Как и *ус*, часто передает значение неопределенного множества и обладает сакральным статусом в традиционной культуре. Образует оронимы г. *Сэттэ Таас*, а. *Сэттэ Оттоох*, хр. *Сэттэ Дабаан*.

Тобус ‘девять’ семантически близок к *сэттэ*, символизируя неопределенно большое количество и имея обрядовое значение. Образует оронимы а. *Тобус Бэстээх*, впадина *Тобус Булгунняхтаах Уолбата*.

Түөрт ‘четыре’ может обозначать как конкретное количество (а. *Түөрт Унуохтаах*), так и неопределенное множество (а. *Түөрт Түүлээх*).

Биэс ‘пять’ образует единичные оронимы, указывая на конкретное количество (дол. *Биэс Дьиз*, мыс *Биэс Бастаах Тумул*).

Биир ‘один’ / **соботох** ‘единственный’ указывают на единичность, уникальность объекта в данной местности (г. *Соботох Таас*, г. *Биир Таас*).

Уон ‘десять’, **сүүс** (‘сто’) выступают в функции гиперболического обозначения множественности (мыс *Уон Бастаах*, поле *Сүүс Кустаах*).

Таким образом, в якутской оронимии числительные выполняют три основные функции: 1) количественно-описательную, выражающуюся в точном указании на количество объектов (преимущественно для чисел в диапазоне от одного до пяти); 2) ориентирующую, связанную с обозначением взаимного расположения объектов, где парность выражается посредством числительных *икки* и *хос*; 3) сакрально-символическую, проявляющуюся в выражении неопределенного множества и обладающую сакральным смыслом через числа 3, 7 и 9, которые имеют особое значение в традиционной картине мира якутов.

3.2.2 Названия, связанные с материально-хозяйственной и духовной деятельностью человека

Следующая значительная группа якутской оронимии представлена названиями, которые отражают различные аспекты человеческой жизнедеятельности. В отличие от предыдущей группы, посвященная номинации, основанной на природных характеристиках объектов, в данной группе

анализируются оронимы, обусловленные антропогенным фактором, включая хозяйственную деятельность, быт, социальную организацию и духовную культуру народа саха.

В соответствии с характером отражения человеческой деятельности, оронимы данной группы можно разделить на восемь подгрупп (см. Диаграмму 9).

Диаграмма 9

Названия, связанные с материально-хозяйственной и духовной деятельностью человека

Данный пласт оронимии является ценнейшим источником для реконструкции исторического хозяйственного уклада, социальной организации и религиозно-мифологических воззрений. Названия орографических объектов позволяют проследить, как человек осваивал и трансформировал пространство, а также наделял его сакральными значениями.

В рамках данной группы анализ проводится на основе наиболее продуктивных и репрезентативных апеллятивов, образующих ядро каждой выделенной лексико-семантической группы.

3.2.2.1 Оронимы со скотоводческой лексикой

Тюркские народы занимают обширные территории Евразии, характеризующиеся разнообразием географических ландшафтов. Степные зоны континента были активно освоены ими для ведения кочевого скотоводства. Примечательно, что тюркские народы распространили свою скотоводческую деятельность на холодные таежные регионы Северо-Востока Азии.

Якуты представляют собой уникальный пример среди тюркских народов, адаптировавшего традиционное кочевое скотоводство к суровым климатическим условиям холодных таежных и субарктических ландшафтов Северо-Восточной Азии. Центром формирования этой уникальной скотоводческой культуры стали обширные долины Средней Лены (Эркээни, Туймаада, Энсиэли), обнаруженные предками якутов в процессе их по реке. Благодаря трудолюбию и высокой степени адаптивности народа саха, были созданы оптимальные условия для ведения животноводства в экстремальных климатических условиях [Матвеев 1993: 47–48].

Согласно свидетельствам первых русских землепроходцев и исследователей (И. Г. Гмелин, А. Ф. Миддендорф, Р. К. Маак), к XVII в. у якутов уже существовали многочисленные стада крупного рогатого скота и табуны лошадей, что свидетельствует о глубоких исторических корнях скотоводческой деятельности в данном регионе. Археологические и генетические данные указывают на присутствие тюрко-монгольских скотоводов на территории Якутии уже в IV–VI вв. н.э. [Генетическая история 2015: 17].

Скотоводство, включающее разведение крупного рогатого скота и лошадей, исторически являлось основой хозяйственной деятельности и главным источником существования народа саха, адаптированного к экстремальным условиям Севера. Эта отрасль хозяйства нашла глубокое и разностороннее отражение в оронимии, формируя один из наиболее значимых пластов «антропогенной» лексики.

Оронимы, связанные со скотоводством, классифицируются на три основные лексико-семантические группы: 1) названия домашних животных (термины,

обозначающие виды скота, их масть, возраст, пол); 2) названия помещений для скота (стойбища, загоны); 3) названия упряжи и средств передвижения (детали снаряжения, связанные с транспортировкой и использованием скота). Малопродуктивные апеллятивы представлены в Приложении 3 (Таблица 5)

3.2.2.1.1 Названия домашних животных

Особое место в оронимии занимает лексика, связанная с якутской лошастью – уникальной породой, адаптированной к экстремальным северным условиям. Ее роль в хозяйстве и культуре нашла глубокое отражение в географических названиях.

Общее название лошадей, кобыл, жеребцов в якутском языке передается словом *сылгы* [БТСЯЯ IX: 401]. В древнетюркском языке *jilqi* ‘крупный скот, преимущественно лошади’ [ДТС 1969: 267]. В значениях ‘крупный скот’, ‘лошадь’, ‘неезженная лошадь, табун коней’ встречается в других тюркских языках [СИГТЯ 2001: 444]. По этимологии М. Ряшенена, отмеченная в ЭСТЯ, «*jylqy* – адъектив ‘годовалый’, первоначально обозначало группу молодняка. Не имеет монголо-тунгусских параллелей, чем подтверждается поздний характер слова» [Там же: 444–445]. В оронимии Якутии слово *сылгы* участвует в образовании следующих оронимов: а. *Сылгы Бастаах*, падь *Сылгы Үрэх*, г. *Сылгы Дабатар Хайата*, г. *Сылгы Ыытар Силэ* и др.

Большую распространенность в якутской оронимии имеет компонент *ат* ‘лошадь, конь’. Общетюркское слово *ат* зафиксировано в ДТС в форме *at* ‘лошадь, конь’ [ДТС 1969: 65]. Соответствия слова *ат* широко представлены во многих тюркских языках. Данное слово активно участвует в образовании якутских оронимов: г. *Ат Таалата*, пол. *Ат Алыыта*, гряда *Ат Бастаах*, а. *Ат Өлбүт* и др.

Особый интерес представляют оронимы, образованные по модели «зооним + орографический термин»: *Ат Быраан* (букв. лошадь-гора), *Ат Хайа* (букв. лошадь-гора), *Ат Дабаан* (букв. лошадь-перевал). Подобная номинация свидетельствует не только о внешнем сходстве объекта с лошастью, но и о его сакральном статусе, связанном с культом коня – одним из центральных концептов мировоззрения саха.

Лошадь, по верованию и воззрениям якутов, имеет божественную сущность как священное животное небесного происхождения.

Кроме этого, культ коня ярко прослеживается и в погребальной практике народа саха. Конь или предметы его снаряжения сопровождали хозяина в загробный мир. В захоронения входят черепа и копыта коней, иногда с цельными шкурами и хвостами, повешенные около могил, или поблизости от кладбища, где имеются старые деревья (см. рис. 16) [Васильев 2014: 21]. Это нашло прямое отражение в оронимии: *Ам Мэйиитэ* (букв. голова коня), *Ам Бастаах* (букв. с головой коня), *Ам Аранастаах* (букв. с могильным лабазом коня) и др.

Рисунок 16

Окраина кладбища в наслеге Элгэс Верхоянского улуса¹⁸

На фотографии, сделанной в 2011 году В. Е. Васильевым на окраине кладбища в наслеге Элгэс Верхоянского улуса, можно увидеть останки черепа коня

¹⁸ Фото В. Е. Васильева. Ссылка: k-genezisu-obychaya-pogrebeniya-s-konem-u-naroda-saha-v-svete-kulturnogo-pogranichya-tyurkskogo-mira.pdf

и крупного зверя. Рядом с черепами и копытами жертвенных коней на деревьях развешаны личные вещи покойных.

Следовательно, оронимы, мотивированные названиями домашних животных, особенно лошади, выступают как важный источник для реконструкции не только хозяйственного уклада, но и сложной системы духовной культуры и обрядности народа саха.

В якутской оронимии широко представлены названия, отражающие половозрастные характеристики лошадей, что подчеркивает детальную дифференциацию скота в традиционной хозяйственной практике.

Слово **атыыр** ‘жеребец; самец’ входит в состав значительного количества наименований. На исследуемой территории слово *атыыр* выступает в основной форме и в составе сложных оронимов: падь *Атыыр*, а. *Атыыр Быара*, падь *Улахан Атыыр* и др.

Термин имеет общетюркское происхождение. В древнетюркском языке *adyır* ‘жеребец’ [ДТС 1969: 10]. В лингвистической литературе отмечены варианты: *ajyır ~ ajyir ~ azyır ~ asxır ...* со значениями ‘жеребец’, изредка – ‘бык; осел’ [СИГТЯ 2001: 442]. Считается производным, образованным при помощи аффикса *-кыр ~ -гыр* от глагольной основы с чередованием *d ~ z ~ j*, однако среди исследователей нет единства по вопросу о семантике указанной основы [Татаринцев I: 150]. Помимо основного, знакомого многим тюркским языкам значения ‘жеребец’, в якутском языке имеет и переносное значение ‘крупный; мощный’ [ТСЯЯ I: 663]. Данный семантический сдвиг, вероятно, произошел под влиянием монгольских языков, где соответствующие параллели: п.-монг. *ajırğa*, монг. *азрага*, бур. *азарга*, калм. *ажрһ* ‘1) жеребец; 2) самец некоторых животных; 3) большой, могучий, крепкий’ [ЭСМЯ I: 43].

Биэ ‘кобыла, кобылица’ – продуктивный апеллятив. В оронимии чаще всего встречается в составе цветowych конструкций по модели «цветообозначение + зооним». В оронимах данной модели цветообозначением определяется окраска или масть животного: а. *Аас Биэ*, а. *Манган Биэ*, а. *Сиэр Биэ*, ск. *Чуобур Биэ*, а. *Хонор Биэ* и др.

Слово *биэ* является общетюркским образованием. Лексико-семантические параллели якутского *биэ* распространены в других тюркских языках. Ср.: алт. *бее*, (алт. диал. *ний*, *ни*, *не*, *нее*) ‘кобыла; жеребившаяся кобыла’, башк. *бйә* ‘кобыла’, каз. *бийә* ‘кобыла’, кирг. *бийэ*, *бее* ‘кобыла; жеребившаяся кобыла’, тат. *бийә*, (тат. диал. *бөйә*) ‘кобыла, кобылица’, хак. *нии* ‘кобыла, кобылица’. По поводу данного слова Э. В. Севортян замечает: «В фонетическом плане можно было принять за более первичную основу *бей*, а *бийе* рассматривать как производную, в пользу чего говорит, вероятно, и татарская диалектная форма *бөйә*, связанная скорее с *бей* (-е- ~ -ө-), чем с *бийе*. Однако морфологически *бийе* [т. е. *бий* (< *бей*) + -е)] при таком допущении остается неясным» [ЭСТЯ II: 133].

Жеребёнок с рождения и до шести-семи лет получил в якутском языке название *кулун* [ТСЯЯ II: 463]. На исследуемой территории апеллятив *кулун* встречается самостоятельно в основной форме и в составе сложных наименований: падь *Кулун*, а. *Кулун Оонньообут*, а. *Кулун Өлбүт*, а. *Ат Кулуннаах* и т. д. Слово *кулун* в различных вариациях встречается в некоторых тюркских языках. Ср.: алт. *кулун*, каз. *кылун* ‘жеребёнок’. В древнетюркском языке *qulun* ‘жеребёнок’ [ДТС 1969: 465].

В оронимии также нашли отражение апеллятивы, связанные с разведением крупного рогатого скота, в основном указывающие на половозрастные особенности животных.

Обус ‘самец крупного рогатого скота, бык’ – продуктивный апеллятив, образующий большое число оронимов: г. *Обус Бас*, булг. *Обус Булгуннях*,. *Обус Тириитэ*, а. *Обус Хаспыт*, а. *Обус Баһын Үлдүтэ* и др.

Термин имеет общетюркское происхождение. В древнетюркском языке *ögüz*, *öküz* ‘бык, вол’ [ДТС 1969: 382–383]. В алтаистических интерпретациях приводятся монг. *üker*, *ükür* ‘скотина, рогатый скот’ [ЭСТЯ I: 113].

Часть оронимов, образованных по модели «зооним + орографический апеллятив-POSS.3SG», Багдарыын Сүлбэ относит к этнотопонимам – а. *Обус Алааһа*, мыс *Обус Тумула*, лог *Обус Анхайа* и т. д. [Багдарыын Сүлбэ 1988б: 130]. Из археологических и этнографических источников известно о наличии

пережитков культа быка и у якутов. По историческим преданиям, территория Таттинского, Чурапчинского, частично Усть-Алданского улусов Якутии ранее была заселена представителями племени хоро, которые не говорили по-якутски (на тюркском языке) [Бравина, Попов 2008: 156]. Известно, что божеству хоро, воплощением которого являлся бык-пороз, поклонялись в историческом прошлом жители Таттинского улуса [Там же: 156].

Апеллятив **ынах** ‘корова’ может составить ороним самостоятельно: а., поле *Ынах* или быть частью сложного образования, например, а. *Ынах Алааһа*, а. *Дьаакып Ынабын Алааһа* и др. В древнетюркском языке *иҥак* ‘корова’ [ДТС 1969: 211]. Ср.: алт. *инэк*, *ийнек*, тув. *инек*, тоф. *инек*, хак. *инек* ‘корова’ и др. По мнению авторов СИГТЯ, учитывая колебания начальных гласных *e*, *i*, можно связать название коровы с *епä* ‘мать’ [СИГТЯ 2001: 436–437].

Двухгодовалый бычок или тёлка называется в якутском языке **тыһаҕас** [БТСЯЯ XI: 409]. Апеллятив **тыһаҕас** образует следующие оронимы: а. *Тыһаҕас Алааһа*, *Тыһаҕас Алааһа*, *Арҕаа Тыһаҕас Алааһа* и др. Ср.: кирг. *тысак* ‘двухлетний баран’, др.-тюрк. *тисэк* ‘двухгодовалая овца’ [Там же: 410].

Помимо животных, составляющих основу скотоводства, в оронимии нашли отражение и другие домашние животные, игравшие важную роль в хозяйственной жизни. К ним относится **ым** ‘собака’, выполнявшая функции охранника жилища, помощника на охоте и транспортного животного.

Компонент **ым** ‘собака’ является малопродуктивным в оронимии. Несмотря на общетюркское происхождение термина (ср. др.-тюрк. *it* ‘собака’ [ДТС 1969: 221]), он образует ограниченное число названий: а. *Ым Унуоҕа*, г. *Ым Күрүөтэ*, лог *Ым Сыһаахтаах* и др.

Особый интерес представляет то, что происхождение подобных оронимов часто связано с фольклорными сюжетами и топонимическими легендами. Ярким примером служит перевал *Буос Ым Аартыга* (букв. перевал щенной собаки), название восходит к преданию о том, как беременная собака указала путь людям через перевал в Верхоянских горах [Верхоянские якуты 2022: 30]. Данный факт

свидетельствует о значимой роли собаки не только в хозяйственной практике, но и в мифопоэтическом сознании и исторической памяти народа саха.

3.2.2.1.2 Названия помещений для скота

Содержание скота в экстремальных климатических условиях Якутии требовало создания специальных сооружений, адаптированных к продолжительной холодной зиме и короткому, но жаркому лету, характеризующемуся обилием комаров и мошек. Особенно тщательного ухода требовали крупный рогатый скот и его молодняк. В связи с этим в усадьбе якутского скотовода создавалась целая система построек.

В скотоводческом хозяйстве якутов изгороди играли важную роль. Разнообразие и широкое применение различных типов изгородей является одним из основных признаков оседлого характера скотоводства якутов. В зависимости от назначения и степени важности охраняемого объекта применялись различные типы изгородей [Зыков 1986: 64].

Самым распространенным является компонент **күрүө**, который в якутском языке определяется как '1) изгородь вокруг стога, покоса, пашни и т. п.; 2) загон для временного содержания скота, лошадей; огороженное место' [БТСЯЯ V: 94]. Всего на исследуемой территории встречаются 44 оронима с данным компонентом: а. *Күрүөлээх*, *Күрүөлээх Алаас*, мыс *Күрүөлээх Тобойо* и др. Встречаются составные оронимы, которые употребляются в сопровождении антропонимов: а. *Уйбаан Күрүөтэ*, *Соппуруон Күрүөтэ*, *Уйбаныаптар Күрүөлэрэ* и др. Как отмечает В. И. Рассадин, слово **күрүө** является монголизмом [Рассадин 1980: 69]. Ср.: стп.-монг. *küriye*, халх. *хүрээ*, бур. *хүрээ*, калм. *күрә* 'изгородь, ограда' [ЭСМЯ II: 150].

Апеллятив **бүтэй** 'городьба, огороженное место' лежит в основе 9 оронимов: а. *Бүтэйдээх*, пол. *Бүтэйдээх Сыһыы*, булг. *Бүтэйдээх Эриэн Булгунньаба* и т. д. В топонимической практике компонент обладает широкой семантикой: от 'огороженного выгона' до 'усадьбы со всеми постройками' [СТЛ 2019: 76–77].

Система огораживания освобождала человека от необходимости постоянного присмотра за скотом в условиях ограниченных земельных угодий Якутии. Огораживалось все, что было связано со скотом или нуждалось в защите от него.

Широкое применение изгородей дало повод некоторым исследователям края называть Якутию «страной изгородей» [Зыков 1986: 26].

Летний хлев для скота, постройка, служащая для доения коров, называется *титиик* [БТСЯЯ Х: 384]. Они были предназначены для защиты дойных коров и телят от воздействия высоких температур и осадков в летний период, а также от насекомых, таких как комары и гнус. В говорах якутского языка *титиик* употребляется в значении ‘летний шалаш для временного проживания’ [ДСЯЯ 1976: 240]. Авторы БТСЯЯ данное слово сравнивают с тюрк. *түтик* ‘место для дымокура; место, где устраивают дымокур’ [БТСЯЯ Х: 384]. В орографических названиях *титиик* выступает в своем основном значении в составе сложных оронимов с аффиксом *-лаах*: а. *Титииктээх Алаас*, *Титииктээх Баһа*, дол. *Титииктээх Толооно* и др.

Летнее огороженное пастбище, загон для скота, оленей обозначается словом *хааччах* [БТСЯЯ XIII: 424]. Составители БТСЯЯ сравнивают якутское *хааччах* с п.-монг. *хайирчаб* ‘ящичек, сундучок’ [Там же: 424]. С данным компонентом выявлены следующие оронимы: а. *Мээккэ Хааччаба*, *Липпэ Хааччахтааба*, *Хонторуус Хаааччахтааба* и др.

Помещение для содержания скота называется *хотон*, представляющий собой сооружение в форме усеченной четырехугольной пирамиды. Компонент *хотон* лежит в основе 25 оронимов: а. *Хотонноох*, *Хабырыыс Хотоннообо*, булг. *Хотонноох Алааһын Булгунньаба* и др. Ороним *Хотон Хайа* в Верхоянском районе представляет собой метафорическое обозначение, основанное на визуальном сходстве формы горы с хлевом (см. рис. 17). Как отмечает В. И. Рассадин, якутское *хотон* является монголизмом [Рассадин 1980: 69]. Ср.: стп.-монг. *qota*, халх., калм. *хот* ‘загон для скота, хлев’; халх. *хот* ‘стойбище, лежка (животных); боковые стенки гребня лопатки животных’; бур. *хото*, даг. *хотон* (*котон*), калм., халх. *хот* ‘город’ [ЭСМЯ III: 60].

Хотон Хайа в Верхоянском районе

3.2.2.1.3 Названия упряжи и средств перевозки

Наиболее частотным апеллятивом в этой группе является слово **ыгыыр** ‘часть сбруи – сиденье, укрепляемое для езды на спине животного, седло’ [БТСЯЯ XIV: 453]. Компонент образует оронимы как самостоятельно (г. *Ыгыыр*), так и в составе сложных названий (булг. *Ыгыыр Булгуннах*, г. *Ыгыыр Хайа*). Номинация часто мотивирована сходством формы орографического объекта с седлом.

Термин находит параллели в других тюркских языках: др.-тюрк. *edär* ‘седло’ [ДТС 1969: 164], тув. *ыгбыр* ‘коровье седло’, каз. *ыгыршак* ‘бычье седло’, уйг. *егэр* ‘седло’.

Остальные термины упряжи и транспорта представлены в оронимах единично: а. *Доруобуна Кытаба* от *доруобуна* ‘дровни’, а. *Көнтөстөөх* от *көнтөс* ‘лошадиный повод из конского повода (из гривы)’, а. *Ингэһэ Ыгыырдаах*, *Кыра Ингэһэлээх* от *ингэһэ* ‘стремя’, г. *Сыарба Хайа*, мыс *Сыарбалаах Сылдьар* от *сыарба* ‘сани’, г. *Тэһиин Хайата* от *тэһиин* ‘повод, поводья’.

Проведенный анализ позволяет заключить, что оронимы, связанные со скотоводством, образуют один из наиболее обширных и структурно сложных пластов якутской оронимии. Выделенные лексико-семантические группы, включающие названия животных, помещений и элементов упряжи, не только детально отражают все аспекты традиционной хозяйственной деятельности народа саха, но и служат ценным источником для реконструкции его духовной культуры. Наиболее репрезентативной является группа оронимов, связанных с разведением лошадей, что подчеркивает их центральную роль в хозяйственной и сакральной практике. Анализ подтверждает общетюркское (*ат, биэ, обус*) и монгольское (*күрүө, хотон*) происхождение большей части скотоводческой терминологии. Таким образом, скотоводческая лексика в оронимии представляет собой важный этнолингвистический источник, отражающий уникальный опыт адаптации тюркской скотоводческой традиции к экстремальным условиям Севера.

3.2.2.2 Оронимы с оленеводческой лексикой

Оленеводческая лексика, хотя и уступает по объему скотоводческой, формирует важный пласт якутской оронимии, отражающий историю адаптации и межкультурных взаимодействий. В отличие от терминологии скотоводства, оленеводческая лексика демонстрирует иную генетическую стратификацию, где наряду с тюркской основой значительную роль играют заимствования из тунгусо-маньчжурских языков при практическом отсутствии монголизмов [Антонов 1971: 66; Иванов 2019: 52–53]. Согласно А. П. Окладникову, «какая-то часть предков якутов была в соприкосновении с племенами Саяно-Алтайского нагорья, занимавшимися разведением северных оленей и ездившими на них, или даже прямо входила в число этих племен. Может быть, у них тоже в глубокой древности

существовало свое оленеводство, имевшее независимое от тунгусского происхождения» [Окладников 1955: 292].

В оронимах, связанных с оленеводством, можно выделить несколько лексико-семантических групп: 1) названия животных; 2) названия постройки и кормовой базы.

3.2.2.2.1 Названия животных

Наиболее продуктивным апеллятивом является *таба* ‘1) домашний северный олень; 2) олень (как представитель млекопитающих животных); 3) (разг.) дикий промысловый олень’ [БТСЯЯ X: 108]. Апеллятив *таба* ‘олень’ участвует в образовании следующих оронимов: г. *Таба Тумуһах*, *Таба Хайа*, падь *Таба Бас*, булг. *Таба Ыйаабыт Булгунньаҕа* и др.

Данное слово тюркского происхождения. Слово в разных фонетических вариантах в значении ‘верблюды’ присутствует во многих тюркских языках. Ср.: алт., кирг. *төдө*, башк., тат. *дөйә*, хак. *тибэ*, тув. *теве* ‘верблюды’ и др. В древнетюркском языке *tebä* ‘верблюды’ [ДТС 1969: 526]. Данный факт является ярким примером семантического сдвига (‘верблюды’ → ‘олень’), вызванного сменой хозяйственно-культурного типа и адаптацией тюркского населения к новой природной среде: «якутское *таба* является результатом механического переноса общетюркского названия верблюда *тэбэ* на оленя» [Окладников 1955: 292].

Для обозначения животных по полу и возрасту в оронимии используются как тюркские, так и заимствованные термины:

Слово *анабы* в диалектологических, лексикографических работах фиксируется в значениях ‘большой олень или лось’ [СЯЯ I: 102], (нюрб.) ‘лось самец во время гона’ [ДСЯЯ 1976: 47]. По мнению исследователей, як. *анабы* возводится к эвенк. *анам* ‘лось перед спариванием’ [Там же: 47]. Компонент *анабы* зафиксирован в одном сложном орониме – падь *Анабы Үрэх* в Сунтарском районе.

В говоре якутского языка для обозначения оленя-самца на втором году употребляется слово *абалакаан* [ДСЯЯ 1976: 39]. В Булунском районе нами зафиксированы оронимы с компонентом в форме *абалакаан*: г. *Абалакаан Босхото*, г. *Абалакаан Тааһа*, г. *Абалакаан Хараал Босхото*. Исследователи относят якутское

абалакаан к эвенкизмам [Романова и др. 1975: 166]. Ср.: эвенк. *авалākān*, *āбалākān*... ‘олень домашний (бычок 1-2 лет)’, орок. *апала* ‘домашний олень (бычок 1-3 лет)’ [ССТМЯ I: 8].

Для обозначения самца оленя или лося (старше пяти лет) употребляется слово *буур* [ТСЯЯ II: 599]. На исследуемой территории слово *буур* выступает в основной форме в составе сложных оронимов: г. *Буур Хайа*, релка *Үрүн Буур*, падь *Буур Күрээбит*. В древнетюркском языке *buura* ‘верблюд-производитель’ [ДТС 1969: 120]. В современных тюркских языках употребляются разные фонетические варианты: азерб. *buur* ‘огромный, здоровенный’, каз. *бура* ‘верблюд-производитель’, туркм. *buurçy* ‘трехгодовалый верблюд-самец’ и т. д. [СИГТЯ 2001: 447]. Якутский *буур* по форме (наличие вторичной долготы) и по значению ближе к тофаларскому и тувинскому *буур* ‘лось, сохатый (самец)’ [Татаринцев I: 305]. Вместе с тем мы находим соответствия в монгольских языках, которые ряд исследователей относит к тюркизмам: халх., калм. *буур*, бур. *буура* ‘верблюд-производитель’ [ЭСМЯ I: 109].

Для обозначения оленёнка до года используют слово *тугут*. Лексические соответствия имеются во многих тюркских языках. Н. К. Антонов полагал, что *тугут* образовано от общетюркского корня *туб-*, *тоб-* ‘родить, родиться’ [Антонов 1971: 58]. На исследуемой территории зафиксировано четыре оронима со словом *тугут* ‘оленёнок’ самостоятельно и в составе сложных наименований с аффиксом *-лаах*: г. *Тугут*, г., падь *Тугуттаах*, г. *Улахан Тугуттаах*.

3.2.2.2.2. Названия постройки и кормовой базы

Данная группа представлена менее широко, но крайне показательно.

Уход за оленями заключался в подпиливании рогов, холощении и лечении, сооружении изгородей во время отела и спаривания. Загороженное место для оленей, загон, кораль по-якутски называется *хараал* [БТСЯЯ XIII: 343]. Компонент отмечен в составе одного сложного оронима: г. *Абалакаан Хараал Босхото*. Слово *хараал* имеет тюркские и монгольские параллели. Ср.: бур. *хорёо(н)* ‘загородка, загон, ограда, забор’, калм. *хора* ‘огороженный двор; комната’ [ЭСМЯ III: 56]. В

древнетюркском языке *qorïyan* ‘стан, военный лагерь’ [ДТС 1969: 458]. Сравните также: кирг. *короо* ‘овечий загон, западня для беркута’.

На занятие оленеводством также указывают якутские оронимы, содержащие название ягеля, который служит основным кормом для северного оленя. Якутское *лабыкта* имеет значение ‘лишайник, олений мох; ягель’ [БТСЯЯ VI: 70]. Данная лексема заимствована из эвенкийского языка *лавикта* ‘ягель, олений мох’ [Романова и др. 1975: 164]. В оронимии Якутии *лабыкта* выступает в своем основном значении в форме единственного числа и с аффиксом *-лаах*: г. *Лабыкта*, падь *Лабыкталаах*.

Анализ оронимов подтверждает, что оленеводство было важной частью хозяйства якутов. Лексика этой сферы образует сложный пласт, свидетельствующий о многокультурных контактах. Оленеводческая лексика сочетает исконно тюркские слова (*таба*, *буур*), подвергшиеся семантическому сдвигу, и заимствования из эвенкийского языка (*абалакаан*, *лабыкта*), что указывает на тесное взаимодействие с коренными народами Севера. Отсутствие монголизмов в ключевых терминах, в отличие от скотоводческой лексики, подчеркивает особый путь формирования якутского оленеводства на стыке тюркской и тунгусской традиций.

3.2.2.3 Оронимы с охотничьей лексикой

Охота, наряду со скотоводством, составляла основу жизнеобеспечения народа саха, что нашло глубокое и многоплановое отражение в оронимии. Данный пласт лексики позволяет реконструировать не только арсенал охотничьих орудий и приемов, но и сакральные представления, связанные с промыслом. Оронимы зафиксировали как материальную культуру охоты (номенклатуру оружия и ловушек), так и ее духовный контекст, выраженный в системе табу и культовых практиках.

По степени участия охота подразделяется на активную и пассивную, а по объектам промысла ранее в большинстве случаев применялся комбинированный тип [История Якутии 2020: 305]. Как показал топонимический материал, к

объектам охоты относятся разнообразные дикие копытные животные, обитающие в различных географических зонах Якутии. Из крупных копытных на территории республики обитают лось, дикий северный олень, благородный олень, горный (снежный) баран – чубуку, широко распространены косуля, кабарга. Достаточно массовым промысловым видом является заяц-беляк. Кроме того, объектами охоты служили хищники – волк, росомаха, лисица, соболь, песец. Охотились якуты также на боровую и болотную дичь – глухарей и тетеревов, гусей и уток. Относительно названий диких животных и птиц (см. 3.2.1.4).

Активная охота, включавшая преследование и выслеживание зверя, представлена в оронимии рядом ключевых понятий. Наиболее показательным является апеллятив *сойуо* ‘преследование зверя по насту’ [СТЛ 2019: 211], образовавший несколько оронимов: а. *Сойуолаах*, луг *Сойуолаах Онно*, а. *Алаас Сойуолаах* и др. Этимология термина, возможно, восходит к др.-тюрк. *сонда* ‘гнаться, следовать по пятам’ [БТСЯЯ VIII: 500], что подчеркивает древность данной тактики. В западном диалекте бурятского языка лексема *сой* имеет значения ‘1) наст; гололедица; 2) весеннее таяние снега’ [БурРС II: 178]. Похожее по звучанию и значению слово присутствует и в эвенкийском языке: *сойоо* ‘период последнего наста’ [Романова и др. 1975: 114].

Орудиями активной охоты служили копье, пальма и лук со стрелами. Старинное холодное оружие в виде большого ножа, насаженное на длинную рукоятку, называется *батас*. В оронимии представлены следующие названия с компонентом *батас*: а. *Батастаах*, *Аччыгый Батастаах*, *Улахан Батастаах* и др. Происхождение слова *батас* является дискуссионным [СЯЯ I: 403; Räsänen 1969: 65; Антонов 1977: 109], однако наиболее аргументированной выглядит версия о его тюркском происхождении [Попов 2019].

Батыйа – это старинное холодное оружие с короткой рукояткой и клинком длиной в полторы пяди [ТСЯЯ II: 273]. Слово *батыйа* образовано от *батас* с добавлением уменьшительного аффикса *-ыйа* [Там же: 107]. Компонент *батыйа* образует названия аласов *Батыйа Алааһа*, *Батыйалаах Алаас*, *Тымныы Батыйалаах*.

Компонент *унуу* ‘копье’ зафиксирован в одном наименовании а. *Унуу Сууйбут*. Слово *унуу* в разных фонетических вариантах встречается в тюркских языках: турк. *сунги*, к.-балк., кум. *сунну*, тат., башк. *сөнө ~ сөнгө*, каз., кирг. *сүнгү*, уйг. *сүнгүш*, *сүнгүг*, чув. *сана*, *сөнө* ‘копье’ [СИГТЯ 2001: 569]. Как отмечает В. Г. Попов, семантика слова *унуу* является «реликтом допалеометаллических времен — костяного века, когда оружие делали из заточенных метаподий (трубчатых костей конечностей крупных животных, например, лося)» [Попов 2019: 108].

По словарным данным, *саадах* ‘старинный якутский лук со всеми принадлежностями: чехлом колчаном со стрелами’, ‘чехол для лука’, ‘кожаная сумка, футляр для стрел, колчан’ [БТСЯЯ VIII: 66]. На исследуемой территории зафиксировано два оронима со словом *саадах*: а. *Саадахтаах*. Слово *саадах* с разными фонетическими вариациями весьма широко представлен в других тюркских языках. В основном его семантика сводится к значению ‘колчан; сумка для лука и стрел; охотничья сумка; футляр для лука’ турк., уйг. *сагдақ*, кирг., алт. *саадақ*; хак. *саадах* и др. [ЭСТЯ VII: 149–150]. Ср.: стп.-монг. *sayadaγ*, халх. *саадаг*, калм. *саадг*, бур. *хаадаг* ‘колчан; лук со стрелами’ [ЭСМЯ III: 82]. Широкое распространение данного термина в тюркских и монгольских языках свидетельствует о его глубокой древности и, вероятно, монгольском источнике заимствования в якутский [Räsänen 1969: 393].

В арсенале якутских охотников для пассивной охоты были как стационарные, так и переносные орудия. К стационарным относились приспособления, изготовленные непосредственно на месте охоты и не предназначенные для перемещения без нарушения их целостности, такие как ловушки, пасти и петли с очепом. Переносными орудиями пассивной охоты были различные петли, силки, черканы и некоторые виды самострелов. Пассивная охота с использованием ловушек представлена в оронимии не менее широко, что свидетельствует о ее важной роли в промысле.

На охотничьем промысле якуты широко применяли самострелы *айа* ‘самострел, используемый для охоты на лосей, зайцев и других животных’ [ТСЯЯ

I: 299]. Данное устройство детально описано в этнографических источниках [Васильев 1995: 68]. Слово *айа* является общетюркским. В якутской оронимии компонент зафиксирован в одном наименовании: а. *Айалаах*.

Сохсо ‘ловушка, пасть на зверя’ – термин, вероятно, восходящий к др.-тюрк. *soq-* ‘бить, ударять’ [ДТС 1969: 508]. В оронимии компонент активен с морфологическими элементами в образовании оронимов: а. *Сохсолоохтор*, *Үс Сохсолоох*.

Силки, петли из конского волоса на водоплавающую дичь называется **тиргэ** [БТСЯЯ Х: 365]. Насчитывается более 10 географических названий с *тиргэ*, где он выступает самостоятельно и в составе сложных образований: а. *Тиргэлээх*, мыс *Тиргэлээх Тобойо*, *Тиргэлээх Тобонобо*. Возможно, *тиргэ* заимствовано из монгольского языка, так как отсутствует в древнетюркском словаре. Ср.: стп.-монг. *teyirge*, халх. *тиирэг* ‘силки, ловушка для птиц’ [ЭСМЯ III: 165].

Компонент **томуу** ‘засека для ловли оленей’ зафиксирован в одном орониме – г. *Томуулаах Хайата*. Слово *томуу* – эвенкизм. Ср. с эвенк. *таму* ‘конец веревки’ [ЭвенкРС 1958: 386].

Слово **чааркаан** ‘самодельная ловушка для мелких животных, пушных зверей, черкан’ – адаптированное русское заимствование, отражающее более поздний пласт охотничьей культуры. Компонент отмечен в составе двух сложных оронимов: а. *Чааркаан Үрэх*, г. *Чааркааннаах Тумса*.

Особую группу образуют оронимы, образованные от глаголов промысловой деятельности и названий охотников, что подчеркивает значимость самого процесса охоты:

- отглагольные образования: а. *Киистиир Алааһа* (от *киистээ*- ‘охотиться на соболя’), г. *Тиингниир Тумуһах* (от *тиингнээ*- ‘охотиться на белку’), а. *Тиргэлиир* (от *тиргэлээ*- ‘ставить силки’);
- номинации охотников: а. *Сонордьут* ‘следопыт’, а. *Сохсоһут* ‘охотник с ловушками’, а. *Тиргэһит* ‘охотник силками на уток’. Данные оронимы указывают на глубокую специализацию в охотничьем промысле.

Наиболее значимый пласт оронимов связан с сакральными представлениями и практикой табуирования, особенно в отношении культовых животных – лося и медведя. Исследователи отмечают, что «умиловительные ритуалы, строгие предписывания и табуирования в процессе охоты и рыболовного промысла позволяют говорить о высоком статусе ее “природности”» [История Якутии 2020: 305].

К крупным диким животным относятся лось и медведь, а также волк. Названия данных видов животных характеризуются специфичностью и обусловлены особым отношением к ним со стороны человека.

Лось у народа саха пользуется особым уважением и почитанием. В некоторых группах якутов его статус был сопоставим со статусом медведя. Лосю приписывались небесное происхождение и способность понимать человеческую речь. Для обеспечения успешного промысла изображениям лося подносили жертвы. В тех местах, где почитание лося проявлялось в наиболее выразительных формах, он рассматривался как символ богатства, общего благополучия.

В отношении к медведю сочетались два противоположных взгляда: с одной стороны, он зверь, объект охоты, источник пищи, а с другой – человек. И. А. Худяков, анализируя культ медведя, отмечает, что якуты воспринимают охоту на медведя как опасную и рискованную войну с сильнейшим и храбрейшим противником, который, даже потерпев поражение, заслуживает почетного захоронения. Это восприятие отражается в обычае хоронить медвежью брюшину на лабазе и вывешивать его голову на дереве [Худяков 1969: 102]. Отсюда и появились географические названия *Эһэ Баһа* (букв. голова медведя), *Эһэ Бастаах* (букв. с медвежьей головой).

Во время охоты на медведя и в других ситуациях, связанных с медведем, даже при его упоминании якуты используют особый «медвежий язык», называя самого медведя и все, что имеет к нему отношение, иносказательно, подставными словами. Согласно исследованиям А. А. Скрыбиной, «охотничья лексика якутов тесно связана с мифологическими представлениями народа, одухотворением всего окружающего мира. Якуты боялись рассердить или испугать зверей во время охоты,

поэтому при назывании этих животных использовались их табуированные имена» [Скрябина 2017: 180]. Жесткое табу на прямую номинацию медведя привело к возникновению эвфемизмов. Специалисты насчитывают более 130 различных наименований медведя (*тыатаабы* ‘лесной’, *мэппэр* ‘косолапый’, *арбабастаах* ‘имеющий доху’), представляющих лексемы эвфемистического и диалектного характеров [Малышева 2024: 267].

Яркий пример табуирования медведя как священного животного и замены названия эвфемизмом видим в названии горы *Абабалаах Ханчабайа* ‘ущелье [реки] Абабалаах (от *абаба* ‘дядя; (эвф.) медведь’)’. Данная традиция является общесибирской (см. [Тюнтешева и др. 2025]), что демонстрируют параллели в оронимии других тюркских народов Сибири: на Алтае – лог *Алтыгы-Абай* (букв. нижний медведь), в Туве – г. *Улуг-Хайыракан* (букв. большой медведь), *Ирелиг-Даг* (букв. гора с дедом), в Хакасии – г. *Аба наары* (букв. подножие горы Медведь) и т. п.

Таким образом, оронимы, содержащие охотничью лексику формируют сложную многоуровневую систему, отражающую арсенал орудий активной и пассивной охоты. специализацию промысла через наименования действий и самих охотников). Они также фиксируют специализацию промысловой деятельности через наименования действий и самих охотников, а также демонстрируют систему табуирования и культового почитания промысловых животных, что наиболее отчетливо проявляется в эвфемистических названиях, связанных с медведем. Это позволяет рассматривать оронимию как ценный источник для реконструкции не только хозяйственной деятельности, но и всей духовной культуры народа саха.

3.2.2.4 Оронимы с рыболовной лексикой

Ландшафт Якутии с его многочисленными реками и озерами способствовал формированию оригинальной рыболовецкой культуры, что получило специфическое отражение в региональной оронимии. Наличие многочисленных озёр в этом регионе способствовало формированию оригинальной культуры рыболовства у вилюйских и северных якутов [Николаев-Сомоготто 2009].

Рыболовство наряду с охотой всегда было важным источником пропитания для якутов, а для беднейших слоёв населения, не имеющих скота, оно становилось основным средством к существованию [Саввин 2005: 112].

Видовое разнообразие рыб в реках и озёрах Республики Саха (Якутия) является весьма обширным. По данным Ф. Н. Кириллова, в водоёмах Якутии обитает 39 видов и подвигов рыб, включая проходных и полупроходных, из 14 семейств [Кириллов 2002: 16]. Наибольшее количество рыб водится в реках и озёрах, расположенных в северных районах Республики Саха (Якутия), а также в морях, омывающих территорию республики. В Центральной Якутии осуществлялся лов ограниченного числа видов рыб, относящихся к семейству карповых, таких как карась (*собо*), озёрный гольян (*мунду*), гольян Чекановского (*күөнэх*). Относительно названий рыб (см. 3.2.1.4). Поэтому наряду с использованием богатых сенокосных угодий вокруг озер якуты стали активно заниматься рыболовством.

Рыбопромысловая деятельность якутов традиционно основывалась на применении сетей и неводов. По мнению этнографов, на развитие рыболовства у якутов оказали влияние другие народы, в частности, русские и тунгусы [Серошевский 1993: 289]. Однако существует и аутентичный якутский способ лова – *куйуур* ‘рыбаловный сак’. Данное орудие представляет собой рыболовный сак, закрепленный на длинной жерди, который погружали в прорубь на дно водоема. С его помощью добывали гольянов и карасей в конце зимнего сезона (март-апрель), когда рыба концентрировалась в непромерзающих озёрных омутах, часто имеющих форму чаши или воронки. Важно подчеркнуть, что технология *куйуур* не имеет прямых аналогов среди других сибирских народов [История Якутии 2020: 306]. Данный апеллятив лег в основу ряда оронимов, например, поле *Куйуурдуур* (образовано от глагола *куйуурдаа*- ‘ловить рыбу саком’). Этимология термина, как полагает Н. К. Антонов, восходит к монгольским источникам: стп.-монг. *γubčīγur*, бур. *губшуур*, халх. *говчуур*, *гувчуур* ‘невод, рыболовная сеть’ [Антонов 1971: 75; ЭСМЯ II: 31].

Коллективная добыча карася с помощью невода обозначается термином *мунха* ‘большая рыболовная сеть, невод’ [БТСЯЯ VI: 353]. Данная форма промысла широко распространена среди всех локальных групп якутов и представляет собой сложноорганизованную деятельность с четкой стратификацией участников, использованием специализированных орудий лова, а также соблюдением нормативных и ритуально-обрядовых установок. Во многих районах в ходе коллективной неводьбы до сих пор соблюдаются определенные поверья, табу и обрядовые практики. Компонент *мунха* зафиксирован в якутской оронимии в следующих названиях: а. *Мунха*, *Мунха Алааһа*.

Вопрос о происхождении термина *мунха* остается дискуссионным. Н. К. Антонов рассматривает его как сложное слово, образованное от основ *мун* ‘предел, граница; безвыходность, глухость’ и *хаа* ‘сума, мешок’ [Антонов 1971: 71]. С. А. Иванов, в свою очередь, проводит параллель с ненецким *понка*, *понга* ‘сеть’, предполагая, что это «древнее наименование не только сохранилось в якутской лексике, но и остается активно употребляемым» [Иванов 1990: 62]. Ср. также: прасамод. **roŋka* ‘сеть, невод’ [Аникин, Хелимский 2007: 98].

Элементом рыболовных заповорей выступал щит, сплетенный из ивовых прутьев или молодых лиственниц, – *налба*. Соответствующий компонент нашел отражение в названиях оронимов – а. *Налба*, а. *Аччыгый Налба*. Предполагается, что лексема *налба* была заимствована из эвенкийского языка: эвенк. *налба* ‘мордаловушка (сплетенная из тонких очищенных прутьев); плетенка для речного запора (из тальника)’ [ССТМЯ I: 580].

Таким образом, развитие рыболовецких практик у якутов было детерминировано спецификой ландшафта и богатой ихтиофауны региона. Это способствовало развитию уникального комплекса промысловой деятельности, включающего как заимствованные технические средства (*мунха*), так и традиционные методы добычи рыбы (*куйуур*). Данный культурно-хозяйственный комплекс получил устойчивое отражение в оронимии Якутии, где закрепились ключевые компоненты, этимология которых указывает на сложные этнокультурные взаимодействия с другими народами.

3.2.2.5 Оронимы с названиями мест стоянок

Полуоседлый образ жизни якутов в прошлом, связанный с сезонными перекочевками между зимними (*кыстык*) и летними (*сайылык*) поселениями, нашел непосредственное отражение в оронимии региона. Данный пласт оронимии не только фиксирует места расположения хозяйственных объектов, но и сохраняет сведения о практически исчезнувших к концу XIX в. промежуточных поселениях – осенних (*отордуур*) и весенних (*сааһыыр*), что подтверждается данными оронимики. Рассмотрим их подробнее.

Лексема **кыстык** в значении ‘зимовье; место, где находятся зимовки и зимние пастбища’ зафиксирована в составе 13 оронимов (напр., а., булг. *Кыстык*; а. *Кыстык Алаас*, а. *Кыстыктаах*). Зимник играл ключевую роль в хозяйственной деятельности Якутии, являлся объектом пристального внимания, а также местом длительного проживания [Зыков 1986: 18]. Слово *кыстык* считается общетюркским, и его параллели в разных фонетических вариантах распространены почти во всех тюркских языках: алт. *кышту* ‘зимовье, зимнее стоцбище’ [Тазранова 2024: 58], башк. *кышлак* ‘зимовье; *кышлау* ‘зимовка; (устар. диал.) деревня’, хак. *хыстаг* ‘зимовка; место, где зимуют, зимовье’ [Молчанова 2018: 103], тув. *кыштаг* ‘зимовье, зимнее стойбище’ [ТувРС 1968: 280]. В древнетюркском языке *qışlay* ‘зимовье, зимовка’ [ДТС 1969: 143].

В якутском языке апеллятив **отор** означает ‘стоянка, где осенью после сенокоса и до первого снега располагалось временное жилище человека и пастбище с отавой для скота’ [БТСЯЯ VII: 363]. Выявлено 19 оронимов с данным компонентом: а. *Отор*, *Отор Алааһа*, мыс *Отор Тумула* и др. Фонетические и семантические параллели прослеживаются в тюркских языках: алт. *одар* ‘пастбище’, кирг. *отор* ‘отдалённое зимнее пастбище, где снега выпадает мало’, тув. *одар* ‘пастбище’, тур. *отлаг* ‘пастбище’ и т. д. В монгольских языках слово является тюркским заимствованием: стп.-монг. *otur*, халх. *отор* ‘выпас скота на отгонных пастбищах’, калм. *отр* ‘дальнее пастбище, дальнее охотничье место,’

бур. (алар.) *отор* ‘заимка (второе, временное местожительство на период полевых работ)’ [ЭСМЯ II: 218].

Для временного проживания якуты ставили различные шалаши, которые назывались *отуу* ‘конусообразный шалаш, используемый, как временная стоянка охотниками или сенокосчиками’ [БТСЯЯ VII: 369]. Слово *отуу* имеет тюркское происхождение: тюрк. *ootay, otay* ‘шатер’ [ЭСТЯ I: 484–487; СИГТЯ 2001: 496] восходит к глаголу *ota-* ‘зажигать’, образованному от тюркского же слова *ot* ‘огонь’ [ДТС 1969: 372–373]. Слово бытует и в современных тюркских языках, в которых производная форма *омаг, одаг, одав, отов* имеет широкий спектр значений ‘шалаш, шатер, юрта; стойбище, стан, становище; очаг, место костра; комната’ (об этом слове подробнее см. [ЭСТЯ I: 484–487]). В якутском языке слово *отуу* первоначально означало ‘шалаш из сена’, но со временем появились и другие его разновидности. В оронимии встречаются различные названия якутского *отуу*. Например, а. *От Отуу* от *от отуу* ‘шалаш из сена’, падь *Хатырык Отуу* от *хатырык отуу* ‘шалаш, покрытый лиственничной или еловой корой’.

Апеллятив *сааһыыр* ‘место, где проводят весну’ [СТЛ 2019: 198]. Несмотря на отсутствие в общепринятых словарях якутского языка, апеллятив сохранился в оронимии, что доказывает его историческую распространенность. Зафиксирован в двух наименованиях: а. *Сааһыыр Алаас*, г. *Сааһыыр Хайа*. Слово образовано от основы *саас* ‘весна’ с помощью аффиксов *-лаа* и *-ыыр*. Прямые параллели в других тюркских языках отсутствуют, однако в древнетюркском засвидетельствована лексема *jazliḡ* ‘весенний’ [ДТС 1969: 251], которая сохранилась в тувинском *чазаг* со значением ‘весеннее стойбище (пастбище)’ [ТувРС 1968: 505].

Летнее место стоянки обозначается словом *сайылык* ‘летняя усадьба с пастбищем, летнее жилище, летник; относящийся к летней усадьбе, связанный с ней (напр., о жилище)’ [БТСЯЯ VIII: 157]. Летники располагались на открытых, богатых травой территориях, обязательным условием была близость воды [Ушницкий 2011: 134]. Компонент *сайылык* является продуктивным, выявлен в 22 оронимах как в самостоятельном употреблении (а., возв., луг, поле *Сайылык*), так и в составе сложных названий (напр., а. *Сайылык Алаас*, поле *Сайылык Сыһыы*).

Восходит к общетюркскому корню. Ср.: др.-тюрк. *jajlay* ‘летнее местопребывание, летовка’, *jajliŭ* ‘летнее местопребывание, летний дворец’ [ДТС 1969: 227], алт. *жайлу* ‘летнее стойбище, летовка’ [Тазранова 2024: 58], кирг. *жайлоо* ~ *джайлау* ‘летовка, летнее пастбище (обычно высокогорное)’, тув. *чайлаг* ‘летнее пастбище (обычно в горах); летнее стойбище; дача’, хак. *чайлаг* ‘место, где проводят лето; дача, летнее жилище; летнее пастбище’ и др. В казахском языке *жайлау* имеет значение ‘пастбище’ [КазРС 2007: 171]. В горных районах Казахстана и Средней Азии под родовым элементом *жайлау* понимают высокогорные пастбища; в этом значении родовой элемент употребляется в Крыму и на Кавказе [Конкашпаев 1951: 15]. О. Т. Молчанова, исследуя алтайское слово *жайлу*, пишет: «*Жайлу* входит в топографические наименования Горного Алтая как определение со значением ‘пастбищный, плодородный, с летним пастбищем’ (например, р. *Жайлу-Ажы*) или как родовой элемент – летнее жительство, летник (летняя юрта, летнее кочевье), летнее пастбище (например, р. *Баиш-Жайлу*)» [Молчанова 2018: 62].

Апеллятив **сурт** имеет значение ‘место стоянки, стойбище кочевников’ [БТСЯ VIII: 175; СТЛ 2019: 216]. Фонетические варианты в оронимии – *суурт*, *суут*. Данный компонент довольно широко распространен в оронимии: а. *Бэс Сурт*, ск. *Курун Сурт*, а. *Эмээхсин Сурда*, кочк. *Дулба Суут*, а. *Сылгыһыт Суута* и др. Параллели в тюркских языках демонстрируют семантическую широту: от ‘стойбище’ до ‘страны’ и ‘народа’: алт. *јурт* ‘осенне-весенне-летняя стоянка; место поселения; народ’, кирг. *журт* ‘народ; оставленное стойбище; страна, (устар.) родина’, тув., хак., шор. *чурт* ‘стойбище, жилище’ [Молчанова 2018: 70]. В древнетюркском языке *jurt* ‘дом; владение; место жительства’ [ДТС 1969: 282].

Таким образом, оронимия Якутии сохранила и зафиксировала сложную систему полуоседлого скотоводческого хозяйства народа саха. Выявленные компоненты (*кыстык*, *отор*, *сааһыыр*, *сайылык*, *сурт*) не только маркируют типы поселений, но и отражают их хозяйственную специфику и сезонность. Проведенный сравнительный анализ подтверждает общетюркское происхождение большинства терминов, что указывает на общую историческую основу скотоводческой культуры.

3.2.2.6 Оронимы с названиями построек и сооружений

В отдельную группу выделены оронимы, мотивированные названиями жилищ, хозяйственных и погребальных сооружений. Данные объекты материальной культуры являются ключевыми для реконструкции жизненного уклада и мировоззрения народа саха, а их отражение в оронимии свидетельствует о важной номинативной функции этих объектов в освоении пространства.

Одним из древних и повсеместно распространенных типов жилищ является *балабан* ‘якутская юрта в виде усеченной пирамиды из тонких стоячих бревен, поставленных одно к другому и опирающихся на раму из бревен, укрепленных на четырех столбах’ [ТСЯЯ II: 149]. Компонент *балабан* входит в состав значительного количества наименований: ск. *Таас Балабан*, булг. *Балабан Булгунньаба*, а. *Атах Балабана*, поле *Балабаннаах*, а. *Балабаннаах Алаас*, возв. *Балабаннаах Чобура* и др. В отношении оронима *Таас Балабан* слово *балабан* употребляется метафорически, обозначая скалу, похожую на балаган, что и послужило основанием для такого названия. Потухший вулкан *Балабан Таас* в Момском районе также получил свое название за сходство с якутским балаганом. По форме вулкан представляет собой почти правильный конус, усеченный примерно на одну четверть и возвышающийся над окружающей местностью на высоту около 300 метров. Вулканический конус не является частью горной гряды и хорошо выделяется на фоне ландшафта.

Исследователи отмечают, что якутское слово *балабан* до сих пор остается без ясной этимологии [Иванов 2017: 193]. Данная лексема имеет широкие алтайские параллели. Ср.: др.-тюрк. *balıq, baluq* ‘город’ [ДТС 1969: 80–81], кирг. *балаган* ‘шалаш; лёгкий навес для защиты от солнца’; стп.-монг. *balγasun*, халх. *балгас(ан)* ‘город, развалины древнего города’, калм. *балһсн* ‘город, посёлок’, бур. *балгааһан* ~ *булгааһан* ‘шалаш, юрта, строение’, мнгр. *баргāсе* ~ *балѳāсе* ‘ограда, крепостная стена’ [ЭСМЯ I: 73]; эвенк., эв. *балауан* ‘жилище, дом (деревянный, бревенчатый)’ [ССТМЯ II: 68]. Существует также версия, согласно которой, якутское *балабан*

произошло от русского *балаган* ‘временная легкая, обычно дощатая постройка для различных надобностей’ [Иванов 2017: 193].

Следует отметить, что в центральной Якутии, а также в намском, усть-алданском и мегинском говорах употребляется вариант *былабан*, зафиксированный также в составе одного оронима – а. *Былабан Алааһа*. Диалектный вариант *былабан* С. А. Иванов сближает с бурятским *булгааһын~былгааһын* ‘деревянная юрта; летнее жилище на полевых станах’ и т. д. [Иванов 2017: 115].

Оронимы а. *Ураһа Өтөхтөөх*, *Ураһалаах*, булг. *Ураһалаах Булгунньах*, г. *Ураһалаах Таас* образованы от апеллятива *ураһа* ‘старинное стационарное жилище якутов и переносное кочевых народов в виде высокого конического шалаша из наклонно поставленных длинных жердей, плотно обтянутых оленьими шкурами или обложенных берестой, древесной корой’ [ЯРС 1972: 441; БТСЯЯ XII: 251]. Якутское *ураһа* соответствует ср.-монг. *урица* ‘конический чум’ [Рассадин 1980: 83]. Ср.: халх., калм. *урц*, бур. *урса* ‘балаган, хижина, чум, вообще жилище без дымохода’ [ЭСМЯ III: 203].

Интересен ороним *Бабаарына Тумса*: апеллятив *бабаарына*, который лежит в основе данного оронима, имеет значение ‘шести-восьмиугольное срубное летнее помещение, предназначенное для почетных старых членов семьи’ и является устаревшим [ТСЯЯ II: 96]. В эпическом наследии Олонхо сохранились упоминания о многоугольных жилищах якутов, которые существовали в древности. Эти жилища представляют собой яркий пример стационарного варианта кочевого жилища тюрко-монгольских народов. По мнению Ф. К. Зыкова, в конце XIX – начале XX вв. в связи с сокращением постройки многоугольных жилищ старинное название по количеству углов и граней стало выходит из употребления. В период оживленных трактовых сообщений стало часто употребляться название «поварня», имеющее не типологическое, а функциональное значение [Зыков 1986: 45].

Под общим названием *сэргэ* в якутском языке объединились простейшей конструкции различные деревянные сооружения хозяйственного или ритуального назначения. Они устанавливались одновременно с завершением постройки жилища [Там же: 73]. Согласно материалу БТСЯЯ, *сэргэ* трактуется как ‘столб для

привязывания лошадей, коновязь, устанавливаемый перед входом в дом' [БТСЯЯ IX: 588]. Апеллятив *сэргэ* является основой для 33 оронимов: дол. *Сэргэлээх*, а. *Сэргэлээх Алаас*, *Ат Сэргэлээх*, мыс *Ходуһа Сэргэлээх Тумус*. Слово *сэргэ* считается монголизмом в якутском языке [Рассадин 1980: 85].

Постройка, предназначенная для хранения вещей и продуктов питания, называется *хоспох* 'кладовая, кладовка', что соответствует по своей функции русскому амбару. *Хоспох* широко применялся в Якутии в XVIII–XX вв. У состоятельных якутов было до двух-трех таких построек, количество которых зависело от объема продуктов, получаемых от скотоводческого хозяйства [Там же: 67]. В якутской оронимии апеллятив *хоспох* встречается как самостоятельно, так и в составе сложных оронимов: г. *Хоспох*, *Хоспох Хайа*, а. *Хоспохтоох Алаас* и т.д. В словаре топонимной лексики в парном сочетании *хайа хоспоҕо* (букв. кладовка горы) зафиксировано в значении 'пещера' [СТЛ 2019: 296]. Авторы БТСЯЯ якутское *хоспох* сравнивают с телеутским *кошмок* 'склад' [БТСЯЯ XIII: 614].

Якутские *хоспох* постепенно были заменены русскими амбарами, предназначенными для хранения зерна, муки и др. Амбары представляли собой четырехугольные срубы. В некоторых улусах получили распространенные житницы – двухэтажные амбары, сложенные в 11–12 венцов и срубленные в «в лапу» [Зыков 1986: 68]. Апеллятив *ампаар* 'амбар для хранения вещей, орудий, продовольствия' лежит в основе 6 оронимов: а. *Ампаардаах Алаас*, пол. *Ампаардаах Алыыта*, а. *Ампаардаах Анна* и т.д.

Помещение под полом или в отдельной постройке для хранения припасов в холоде называется по-якутски *умуһах*. Материал словарей якутского языка показывает, что *умуһах* понимается как 'погреб' [СЯЯ II: 1838; ЯРС 1972: 273; БТСЯЯ VII: 300]. В оронимии зафиксированы фонетические варианты – *омуһах*, *омуччах*, которые используются метафорически для обозначения низменных мест: а. *Омуһах*, а. *Омуһах Алаас*, а. *Омуччах Алаас*. Когда якуты переселились из своих балаганов в новые бревенчатые дома, *умуһах* сооружали внутри дома в качестве погреба: рыли неглубокую яму и спускались вниз по лестнице. Там хранили продукты. После того, как *умуһах* «переселился» внутрь дома, изменилось и

название – *онкучах*. Однако, диалектологи утверждают, что слово *онкучах* используется только западной группой носителями якутского языка.

Слово *онкучах* в Словаре якутского языка дается в значении ‘погреб, подполье’ [СЯЯ II: 1846]. Фонетический вариант – *унгучах*. Вероятно, апеллятив *онкучах* образован от *онхой* ‘ложбина, овраг’ с помощью словообразовательного аффикса *-чах*. Апеллятив *онкучах* участвует в образовании названий равнинных форм рельефа, окруженных крутыми горками: а. *Онкучах*, падь *Онкучах Алыы*, дол. *Онкучах Толоон*, а. *Унгучах Алаас*, дол. *Унгучах Толоон* и др.

Особый интерес представляют оронимы, связанные с погребальными обрядами: *киһи унуоҕа*, *аранас*, *мэнэ*, *чардаат*. Они не только маркируют места захоронений, но и сохраняют в оронимии свидетельства о трех исторических типах погребения у якутов (воздушном, грунтовым, наземном).

Существование поселения неизбежно предполагает наличие мест захоронения на окраине аласа. Погребальные сооружения в якутском языке называются *киһи унуоҕа* (букв. человеческие кости) ‘могила, кладбище; надгробный памятник’ [БТСЯЯ XII: 176]. В топонимию они вошли со значением ‘местность, где имеется могила, кладбище’ [СТЛ 2019: 116]. Иногда кладбища устраивались на небольшом участке леса недалеко от поселения. Умерших неестественной смертью и шаманов хоронили в непроходимых густых чащах, сырых и заболоченных местах. В якутской оронимии зафиксированы такие названия, как мыс *Kiһи Унуохтаах*, а. *Эмээхсин Унуохтаах*, *Дьахтар Кыһын Унуохтааҕа* и др.

Наиболее древним является воздушный тип захоронения, который называется *аранас*. В ТСЯЯ для слова *аранас* представлены значения: 1) маленький амбар, поставленный на деревянные столбы; лабаз; 2) могильный лабаз, на который древние якуты клали тела почитаемых покойников в гробах [ТСЯЯ I: 530]. Слово относится к монголизму [Рассадин 1980: 69]. Ср.: стп.-монг. **arangua*, халх., бур. *аранга* ‘помост, навес; вышка охотников’, калм. *арңһ* ‘балкон, веранда’ [ЭСМЯ I: 53]. В оронимии свыше 30 оронимов мотивированы апеллятивом *аранас*: а. *Сэмэн Арангаһа*, мыс *Аранастаах*, *Аранастаах Тумул*, а. *Кылаабыһа Аранастааҕа* и др.

Грунтовые погребения в большинстве случаев располагались на возвышенных местах и естественных курганах (*булгуннях*) и были расположены небольшими группами, чаще всего родовыми. Обязательным атрибутом таких захоронений были надмогильные сооружения и срубы различных типов и видов. Эти надмогильные деревянные памятники назывались *мэнэ* [БТСЯЯ VI: 415]. Слово *мэнэ* также известно в диалектной лексике якутского языка в следующих значениях: 1) (нижн.-кол., вил., ср.-кол., верх.-кол.) ‘намогильник, намогильный памятник’; 2) (верх.-кол.) ‘могилы и место погребения костей умерших, снятых лабазов их старинного захоронения’ [ДСЯЯ 1976: 170]. От лексемы *мэнэ* образованы оронимы – а., поле *Мэнэ*, а. *Кыыс Мэнэтэ*, *Мэнэлээх Алаас* и др. Ср. др.-тюрк. *benġü* ‘вечный; памятник’, *benġü taş* ‘стела, каменная плита с надписью’, *menġü* ‘вечность, бесконечность; вечный’, *meni* ‘вечный’ [ДТС 1969: 94, 341, 342].

Размеры и типы надмогильных сооружений и срубов варьировались в зависимости от социального статуса, родовой и половой принадлежности погребенного. Одним из таких сооружений является *чардаат* – надмогильный сруб с коньком над крышей, с изгородью на столбах с отверстиями для жердей (иногда с коновязью перед коньком) [БТСЯЯ XIV: 118]. В Словаре топонимной лексики зафиксирован один ороним в форме *чардаан* – возв. *Чардаан* [СТЛ 2019: 302]. Слово *чардаат* является общетюркским [Антонов 1971: 151].

Анализ оронимов, мотивированных названиями построек и сооружений, позволяет сделать следующие выводы.

1. Данный слой оронимии характеризуется высокой продуктивностью таких апеллятивов, как *балабан*, *сэргэ*, *аранас*, что указывает на их ключевую роль в пространственной ориентации и освоении территории. Лексико-семантический анализ показывает сложную этимологическую структуру данного слоя, включающую как общетюркские элементы, так и значительное количество монгольских заимствований (*сэргэ*, *аранас*). Наблюдаются активные процессы семантического перехода, в частности, метафоризация (а. *Онкучах Алаас*).

2. Оронимы данной фиксируют основные элементы материально-культурного комплекса, включая типы жилищ, хозяйственных построек, а также

элементы погребальной обрядности. Наибольшая стабильность и продуктивность терминов, связанных с сакральной сферой (*сэргэ, арангас, мэнгэ*), указывает на глубокую интеграцию религиозно-мифологических представлений в процесс осмысления и номинации ландшафта.

Таким образом, оронимы данной группы не только выполняют номинативно-дифференцирующую функцию, но и выступают важным историческим источником, аккумулирующим информацию о традиционном укладе жизни, хозяйственных практиках и мировоззренческих установках народа саха.

3.2.2.7 Оронимы с бытовой лексикой

В особую группу выделены оронимы, сформированные на основе лексики, связанной с бытом и домашним хозяйством. Несмотря на то, что данная группа является наименьшей по численности (составляет всего 0,4 % от общего корпуса оронимов), она представляет особый интерес для исследования, поскольку в ее основе лежат наименования объектов материальной культуры, игравших ключевую роль в традиционном укладе жизни.

Так, в якутском языке слово *атыях* обозначает ‘берестяное или деревянное лукошко, предназначенное для воды или хранения, содержания рыбы’ [ТСЯЯ I: 654]. В настоящее время данная лексема относится к разряду устаревших. Исторически *атыях* использовался для кратковременного хранения пищи, веяния зернового хлеба; охотники, по свидетельствам, ставили его на горячие угли и готовили в нём мясо, рыбу и яйца. В оронимии лексема выступает в основной форме самостоятельно с аффиксом *-лаах*: а. *Атыяхтаах*. Лексических соответствий в других тюркских языках не обнаружено.

Основное значение лексемы *атырдьах* в якутском языке, согласно данным лексикографических источников, связано с предметной номинацией: это сельскохозяйственное орудие, предназначенное для метания и укладки сена в копны, представляющее собой вилы. Вилы изготавливаются из сухой лиственницы, к острому концу древка прикрепляется вспомогательная

остроконечная ветка длиной около тридцати сантиметров с помощью тальниковых ремешков, расположенных параллельно [ТСЯЯ I: 659]. В топонимической практике апеллатив используется для образного обозначения развилин, разветвлений раздвоений географических объектов [СТЛ 2019: 59]. Н. К. Антонов проводит параллели с др.-тюрк. *айры*, алт. *айрууш*, каз. *айыр*, хак. *азыр*, тув. *айыыр*, *адыр*, узб. *айри* ‘вилы’ [Антонов 1971: 47]. Ср.: др.-тюрк. *adyir* ‘отделение, ответвление, развилина’ [ДТС 1969: 60]. Компонент атырдьах входит в состав ряда якутских оронимов: а. *Атырдьах*, г. *Атырдьах Хайа*, пол. *Атырдьах Бэс* и др.

Слово *бобуска* в якутском языке имеет значение ‘украшение, отделка якутского наряда или какого-либо изделия (из серебра или добротного меха на полах, рукавах и спине якутской одежды)’ [ТСЯЯ II: 364]. Ср.: п.-монг. *buḡubṣi* ‘браслет’ [Тодаева 1981: 67], бур. *бугыбша* ‘браслет; аркан с петлёй’ [ЭСМЯ I: 109]. На исследуемой территории лексема представлена в одном сложном орониме: г. *Бобуска Хайата*. Данный ороним является образным и отражает форму объекта – географический объект, окружающий, окаймляющий какую-либо местность [СТЛ 2019: 67].

Лексема *кытыйа* употребляется в якутском языке в значении ‘деревянная долбленая чаша средней величины’ [БТСЯЯ V: 402]. *Кытыйа* представляет собой уменьшительно-ласкательную форму от существительного *кытах* ‘большая деревянная чаша’. Компонент *кытыйа* зафиксирован в составе одного оронима: а. *Кытыйалаах*. Конкретную мотивировку названия выяснить не удалось, но есть вероятность, что ороним связан с хозяйственной деятельностью человека.

С апеллативом *олгуй* ‘большой сосуд для варки, котёл’ зафиксированы следующие оронимы: а. *Олгуй Алааһа*, *Дьолу Олгуйдааба*, *Сэмэн Олгуйдааба*. Лексические соответствия слова *олгуй* обнаружены в тюркских языках Южной Сибири: тув. *алгый* ‘небольшая плоская чашка (используемая охотниками)’, хак. *алгай* ‘плоский котел (дорожный)’. М. Рясänen возводит слова *алгый* ~ *олгуй*, встречающиеся в тюркских языках Сибири, к основе *ал-* ‘брат’ [Räsänen 1969: 17]. По мнению Б. И. Татаринцева, тув. *алгый* образовано от основы глагола *алгы-* ‘расширяться’ и прил. *алгыг* ‘широкий’ [Татаринцев I: 100–101]. С. А. Иванов

наиболее приемлемым считает монгольское происхождение слова: «оба варианта як. *алгый* ~ *олгуй* связаны с дальнейшим развитием п.-монг. *алхуй* ‘котел’» [Иванов 1980: 31].

Деревянный черпак, половник (из берёзы) обозначается в якутском языке *хамыйах* [БТСЯЯ XIII: 565]. Э. К. Пекарский сопоставлял як. *хамый*- ‘собирать’ с монг. *хаму*- ‘убирать, собирать в одно место’ и относил *хамыйах* ‘большая ложка’ к производным этого слова [СЯЯ III: 3291–3292]. Компонент *хамыйах* представлен в двух оронимах с морфологическими элементами: а. *Хамыйахтаахтар*, *Хамыйахтаах Иннэ*.

В якутском языке *хомуос* имеет значение ‘ковш, черпак’ [БТСЯЯ XIII: 565]. Зафиксированы параллели в др.-тюрк. и общетюрк. памятниках, зафиксированные в VIII веке в форме *qatıç* ‘черпак, ковш’ [ДТС 1969: 415]. Лексема встречается в тюркских языках Сибири: хак., тоф. *хамыс* ~ *хымыс* ‘ковш; разливная ложка; поварешка (деревянная)’, тув. *хымыш* ‘ковш’. Компонент *хомуос* представлен в одном орониме – г. *Хомуос Хайа*. Приемлемых версий относительно происхождения данного наименования нет, конкретная мотивировка неясна. В тувинской топонимии существует название реки *Хымыштыг*, которое переводится как ‘имеющая ковш’. Б. К. Ондар интерпретирует данное название как ‘река, имеющая русло, напоминающее ковш’ [Ондар 2007: 465]. Следовательно, по аналогии с тувинским примером, где название мотивировано формой русла, можно предположить, что и ороним *Хомуос Хайа* является метафорическим и отражает внешнее сходство горы с ковшом.

Проведенный анализ группы оронимов, образованных на основе бытовой лексики, позволяет сделать следующие выводы.

1. Несмотря на малочисленность, группа обладает высокой культурно-исторической значимостью. Она выступает ценным источником сведений о материальной культуре и традиционном хозяйственном укладе якутов, сохраняя названия предметов (*атыйах*, *атырдьах*, *олгуй*), вышедших или выходящих из активного употребления.

2. Четко выделяются два основных способа именования орографических объектов:

– прямая (первичная) номинация, при которой ороним возникает в результате привязки к месту конкретного события или хозяйственной функции предмета (например, *Атыйахтаах* – возможно, место изготовления или использования лукошка);

– опосредованная (образная) номинация, основанная на метафорическом переносе по внешнему сходству. Ярким примером служит ороним *Бобука Хайата*, который отражает ассоциацию горы, окаймляющей местность, с украшением (*бобука*), обрамляющим край одежды. Этот пример иллюстрирует, как бытовой предмет становится эталоном для образного описания формы.

3. Этимологический анализ компонентов выявил наличие лексем, имеющих устойчивые параллели в тюркских (*атырдыах, хомуос*) и монгольских (*бобука, олгуй*) языках.

Таким образом, оронимы с бытовой лексикой, несмотря на их ограниченное количество, представляют собой важный лингвокультурный комплекс. Они отражают не только традиционный быт и хозяйственную деятельность, но и образное мировосприятие носителей якутского языка, которые осмысливали и описывали окружающий ландшафт через категории, знакомые им из домашнего и хозяйственного пространства.

3.2.2.8 Оронимы с сакральной лексикой

Понятие «сакральный» (от лат. *sacrum* – ‘священная вещь’) в контексте историко-культурного ландшафта связано с системой знаний о священных объектах, расположенных на земной поверхности [Элиаде 1994: 9]. В широком смысле «сакральное» охватывает все то, что относится к сфере священного,

божественного, религиозного, потустороннего, иррационального и мистического [Ландшафт 2023: 11].

В традиционной картине мира народа саха сакральный статус присваивался природным объектам, выделявшимся своими особенностями: одиноким скалам причудливых очертаний, источникам с лечебными свойствами, пещерам, деревьям-долгожителям, местам с наскальными изображениями, древним поселениям, а также территориям, отмеченным ритуальной архитектурой и жертвенными знаками (*кэрэх*). Н. К. Данилова пишет, «в историко-культурном ландшафте народа саха из всех природных объектов, обладающих комплексом сакральных, культурных и смысловых ценностей, выделяются орографические объекты» [Данилова 2019а: 56]. К числу сакральных относились и Великие долины (*Улуу сирдэр*), отличавшиеся редкой природной красотой. Согласно архаическим представлениям, «имея прекрасный вид сверху, они приносят несчастья своим обитателям», обрекая их на неблагополучную жизнь [Данилова 2011: 89]. Традиционная культура предписывала воздерживаться от прямого указания на эти локусы, их публичного «картографирования», открытого обозначения или простого озвучивания [Романова 2012: 311].

Непосредственная информация о сакральности орографического объекта вербализуется в орониме через соответствующий компонент. Ключевыми элементами в составе оронимов, обозначающих священные места, выступают лексемы, связанные с семантикой священности, жертвоприношения, а также термины, обозначающие ритуальные практики и атрибуты.

3.2.2.8.1 Лексемы со значением священности и жертвенности

Центральное место в этом ряду занимает слово **ытык**. В БТСЯЯ зафиксированы следующие его значения: 1) (устар., религ.) священный, жертвенный, неприкосновенный (по старинным якутским поверьям: о скоте, предназначенном для жертвоприношения); 2) священный, заветный; 3) глубоко почитаемый, ценимый, уважаемый [БТСЯЯ XIV: 557]. Ср. с др-тюрк. *ïdiq*, *ïdiq* ‘священный; святой; отпущенный, вольный, предназначенный для жертвоприношения’ [ДТС 1969: 327]. Следовательно, лексема *ытык* является

прямым маркером сакрального статуса объекта. В картотеке зафиксировано 8 оронимов с данным апеллятивом: булг. *Ытык Булгуннях*, г. *Ытык Хайа*, мыс *Ытык Тумул* и т. д.

Особое место в ритуальной практике занимало жертвоприношение духам-хозяевам (*иччи*) гор и перевалов, которые считались одними из наиболее почитаемых, грозных и обидчивых [Данилова 2019б: 25]. Жертвоприношение (в виде трости, кнута, пучка волос и т. п.), приносимое для их умилоствления, обозначалось термином *дэбдиргэ* (с фонетическими вариантами *дэлбиргэ*, *дөлбүргэ*) [ТСЯЯ III: 220]. Оронимы с данным компонентом концентрируются в вилуйских и северных районах, где промысловый культ был наиболее развит: поле *Дэлбиргэ*, а., луг *Дэлбиргэлээх*, а. *Миша Дэлбиргэлээбэ*. Особой ритуальной практикой было задабривание духа горного перевала (*Аартык Иччитэ*). По свидетельству Э. К. Пекарского, охотники для *дэбдиргэ* могли «оторвать полоску от своего платья, вырвать несколько волосков из конской гривы и привесить к дереву или колу при дороге, другие кладут деньги, конскую голову, конскую кожу, свой посох и проч., а у кого ничего нет, то хоть камень» [СЯЯ I: 688]. После подвешивания *дэбдиргэ* на ветви деревьев разжигали костер и кормили духа огня, просили того передать духу охоты их жертву и произносили заклинание *алгыс* на охотничью удачу [Данилова, Васильев 2019: 4]. Все эти действия должны были обеспечить удачную охоту. Жертву духам горного перевала преподносили также путники, особенно при переходе через горный перевал *аартык* и горные ущелья. Данный обряд нашел отражение в оронимах: пер. *Дөлбүргэ*, *Дөлбүргэлээх*.

Этимология слова остается дискуссионной. Э. К. Пекарский возводил якутское *дэбдиргэ* к монгольскому *дэл* ‘грива, конский волос’ [СЯЯ I: 688]. Параллели обнаруживаются в бурятском языке: в шаманстве бурят эхирит-булагатов *дэрбэлгэ* означает белую веревку из волоса конской гривы с лентами, натягиваемую между березами во время обряда *тайлган* [Дугаров 1941: 47]: *дэлбэргэ тайлга* – осенний тайглан жертвоприношения небожителям и духам – владыкам гор и рек у бурят эрхидеевского и других родов племени булагатов [БурРС I: 324]. *Дэрбэлгэ* бытует у осинских бурят, у которых оно обозначает летний

праздник жертвоприношения божествам-небожителям, духам – владыкам гор и рек с допущением на него женщин [Манжигаев 1978: 47].

Широко было распространено почитание перевалов, где путники оставляли подношения духу-хозяину, привязывая к деревьям конский волос – *сиэл*, что также закрепилось в оронимии: пер. *Сиэллээх Аартык*, *Сиэл Баайбыт Аартыга*, а. *Болбун Сиэллээх Тииттээбэ*.

К особой категории сакральных, потенциально опасных мест относились локации, связанные с погребальными и жертвенными ритуалами, обозначаемые термином *кэрэх*. Эти места захоронения шаманов (*ойуун*) и удаганок, а также территории проведения шаманских обрядов жертвоприношения: а. *Кэрэх Ыйаабыт*, г. *Кэрэхтээх*, булг. *Кэрэхтээх Булгунньах* и др. В якутском языке слово *кэрэх* имеет несколько значений: 1) языческая кровавая жертва скотом особой масти, приносимая шаманом для умиловливания гнева верхних или нижних злых духов; скотина, предназначенная для жертвы духам, жертвенное животное; 2) шкура жертвенного животного; 3) дерево, на которое вешали шкуру жертвенного животного, снятую вместе с головой, копытами и хвостом [БТСЯЯ V: 560]. Якутский термин обнаруживает параллели с бур. *кэрэк* ‘жертва, совершаемая при участии шамана’ [Там же: 561] и хак. *кирек* ‘поминки’ [ХакРС 1984: 120].

3.2.2.8.2 Оронимы, связанные с шаманизмом

Шаманистические представления нашли прямое отражение в оронимике. Широко распространены оронимы с компонентом *ойуун* ‘шаман’: поле *Ойуун Сыһыыта*, г. *Ойуун Тонгонобо*, а. *Ойуун Охтубут* и т. д. У олекминских эвенков бытует легенда о местности *Ойуун Уораана* – месте великого сражения с участием родовых шаманов [Ландшафт 2023: 90].

Важным ритуальным атрибутом шамана был бубен – *дүгүр* ‘шаманский бубен’ [ТСЯЯ III: 204]. Оронимы типа *Дүгүр Ыйаабыт* (‘[место, где] повесили шаманский бубен’) непосредственно связаны с погребальной обрядностью: культовые атрибуты, включая бубен, размещались рядом с шаманом в погребальном сооружении (*аранас*) или вывешивались неподалеку.

Лексема *дүңүр* имеет ограниченное распространение в тюркских языках Сибири: алт. *түнгүр* ‘бубен (шаманский)’, тоф. *түңгүр* ‘бубен’, тув. *дүңгүр* ‘бубен’, хак. *түүр* ‘ударный музыкальный инструмент, обтянутый кожей’ [Антонов 1971: 142]. По мнению Б. И. Татаринцева, это может быть возвратным монголизмом [Татаринцев II: 295–296]. Ср: стп.-монг. *dünggür*, халх. *дүнгэр* ‘шаманский бубен’ [ЭСМЯ I: 202].

Показателен в этом контексте тувинский топоним *Дүңгүр*. Его происхождение связано с акустическим эффектом: согласно местной легенде, во время грозы гром эхом отзывается в этой местности, создавая звук, ассоциирующийся с раскатистым боем шаманского бубна во время камлания [Кара-оол 2021: 54]. Данный пример демонстрирует, как семантика сакрального музыкального инструмента (*дүңүр*) проецируется на природный объект благодаря характерному звуковому восприятию, что является ярким проявлением звукосимволической метафоры в топонимии.

3.2.2.8.3 Оронимы, отражающие сакральные изобразительные комплексы

Наскальные рисунки (петроглифы, писаницы) являлись объектом поклонения и маркерами священных мест [Окладников, Запорожская 1972]. Их сакральный статус закреплён в оронимах с апеллятивами *ойуу* ‘рисунок’, *соһо* ‘красная глина’, *сурук* ‘писаница’: мыс *Ойуулаах Тумус*, г. *Соһо Хайа*, г. *Суруктаах Хайа* и др. Оронимы с компонентом *сурук* занимают доминирующее положение: *Суруктаах*, *Суруктаах Толооно*, *Суруктаах Хайа*, *Суруктаах Аартык*. Эти названия также являются косвенными свидетельствами наличия письменности у народа саха [Слепцов и др. 2019: 76], что подтверждается оронимическими данными (см. рис. 18).

Полевые материалы подтверждают мистическое восприятие этих объектов. Сакральный статус горы *Суруктаах Хайа* (Верхневилуйский район) был связан не только с наличием петроглифов, но и с их мистическим восприятием. Со слов информанта Н. Г. Кузьмина, цвет, в котором являлись наскальные изображения интерпретировался как предсказание судьбы: белый – долголетие, красный – средний возраст, черный – скорая смерть [Бравина 2000: 115]. Данное

свидетельство демонстрирует, что визуальные характеристики сакрального объекта (петроглифов) наделялись пророческой функцией и выступали маркером индивидуальной судьбы наблюдателя, углубляя семантику сакральности данного локуса.

Рисунок 18

Суруктаах Хайа в Олекминском районе

3.2.2.8.4 Антропоморфизация и метафоризация орографических объектов

Особое, почтительное отношение к горам выражалось через надделение их человеческими свойствами и статусами. К родовой горе обращались *Эбэ хайа* (букв. бабушка-гора), к охотничьему локусу – *Тойон хайа* (букв. господин-гора), к священной горе – *Кыыс хайа* (букв. девушка-гора), к сакральной горе – *Төрүт хайа* (букв. предок-хайа) [Ландшафт 2023: 38]. Такая номинация, по мнению исследователей, часто является вторичной и связана с архаической традицией погребения в горах знатных людей или шаманов [Там же: 38]. Данное явление отражает «проецирование в природный мир человеческих свойств и

родоплеменных отношений» [Содномпилова 2009: 70]. Гора, будучи местом упокоения предков, могла рассматриваться и как даритель души (*кут*) ребенка, что отражено в фольклоре. Особенно ярко идентификация с родовыми горами проявляется у северных якутов, которые называют себя *хайа сахалара* ‘горные якуты’ [Данилова 2019а: 58]. Указанные модели оронимической номинации характеризуются глубокой архаичностью. Как отмечает О. Т. Молчанова, подобные названия (ср.: алт. *Ада-Каан* ‘отец-хан’) относятся к числу древнейших на Алтае [Молчанова 1982: 273]. Выявленные в ходе исследования якутские оронимы – г. *Эбэ Хайа*, *Эбэ Таас*, *Кыыс Хайа*, *Кыыс Тумул* – подтверждают универсальность и продуктивность данного способа осмысления пространства в традиционной культуре.

Отдельного внимания заслуживает лексема *эбэ* ‘бабушка’: а. *Эбэ Алаас*, г. *Эбэ Хайа*, пер. *Эбэ Сунэ* и т. д. Для жителей центральных скотоводческих районов аласы являются ключевым элементом сакрального ландшафта. Традиционное уважительное отношение к крупным орографическим объектам сохраняется до настоящего времени и проявляется в табуировании их подлинных названий. Слово *эбэ* в этом контексте функционирует уже не как номинатив, а как уважительный эвфемизм, что является ярким маркером сакрального статуса объекта.

Таким образом, оронимия народа саха содержит разветвленную и многоуровневую систему номинации, отражающую сакрализацию орографических объектов. Эта система включает прямые указания на священность (*ытык*), термины ритуальных практик (*дэбдиргэ*, *кэрэх*), названия шаманских атрибутов (*дүңүр*), а также метафорические и эвфемистические обозначения (*эбэ*, *кыыс*), что в совокупности формирует сложный языковой код сакрального ландшафта.

3.2.2.9 Оронимы, содержащие антропонимы

Значительный пласт якутской оронимии составляют названия, образованные от антропонимов. Данная группа топонимов возникает в результате номинации орографического объекта по имени, фамилии или прозвищу человека, так или

иначе связанного с данной местностью. Всего в ходе исследования зафиксировано 539 оронимов антропонимического происхождения, что свидетельствует о высокой продуктивности данного способа номинации.

Основу этой группы составляют оронимы, образованные от личных имен. Они, как правило, имеют посессивное значение и формируются по модели «антропоним + орографический апеллятив с афф. принадл. -а~-э». В роли апеллятивов выступают термины, обозначающие орографические объекты: *алаас* ‘алас, поле, равнина’, *сыһыы* ‘поле’, *толоон* ‘долина’, *хайа* ‘гора’ и др. (напр.: а. *Ылдьаа Алааһа*, *Миитээки Алааһа*, дол. *Уйбаан Толооно*, поле *Дабыыд Сыһыыта*). Значительный пласт таких оронимов сформировался в относительно недавнее время и связан с трансформацией социально-экономических отношений, в частности, с появлением частной собственности на землю и распространением практики аренды угодий. Данные процессы создали практическую потребность в идентификации земельных участков, что привело к двум основным путям номинации: реактивации забытых исторических названий или созданию новых обозначений по антропониму владельца / арендатора. В результате в оронимии Якутии (особенно в названиях покосов, лугов, полей) устойчиво закрепился пласт новообразований, отражающих не родовую или мифологическую принадлежность объекта, а современные формы землепользования и права собственности.

В оронимии активно представлены и фамилии: а. *Сабаакын Алааһа*, дол. *Лааһарап Толооно*, *Куһумуун Хотото* и т. д. Характерным примером является алас *Боппуок Алааһа* (Чурапчинский район), название которого восходит к фамилии Поповых, живших в этой местности (см. рис. 19). Полевые материалы фиксируют: «На западном склоне проживал сын Петра Баишева – Тарас, а на восточном склоне были расположены жилища сыновей Ивана Попова: Спирдона, Игнатя, Алексея и Никиты, а также дочерей – Натальи и Матрены» [ПМА, инф. – Попов И. П.].

Боппуок Алааһа в Алагарском наслеге Чурапчинского района

Важным источником для образования оронимов служат прозвища, которые нередко более уникальны и выразительны, чем канонические имена. Легенда, объясняющая происхождение названия впадины *Куобах Чөнгөөтө*, повествует: «старик Куобах Оџонньор, заходя на Чөнгөө, свистел. Свист был слышен через хребет. Потому и назвали Куобах Чөнгөөтө (букв. впадина старика Куобах)» [Багдарыын 2018: 89–90]. К этой же категории относятся оронимы: поле *Дардаџар Алынгаџа* (от прозвища *Дардаџар* ‘Костлявый’), булг. *Тараџай Булгунньаџа* (от прозвища *Тараџай* ‘Лысый’).

Особый интерес представляют оронимы, мотивировка которых сохранилась в фольклорных и мифологических сюжетах. Ярким примером служит гора *Бэлдээн Эмээхсин* в Эвено-Бытантайском районе. Как свидетельствует легенда, записанная у тюгэсирских эвенов, «гора названа по имени старухи Бэлдээн. По преданию старуха, привязав нож к длинной палке, сразила чубуку (горный баран). Потом, доставая добычу с крутых камней, споткнулась и разбилась, упав с высокой горы»

[Никитин 2012: 10]. Это свидетельствует о том, что ороним выполняет не только номинативную, но и мемориальную функцию, закрепляя в географическом имени память о событии, связанном с конкретным человеком, и отражая архаические промысловые практики и связанные с ними верования.

Статистический анализ выявленного материала показывает гендерную асимметрию: хотя в образовании оронимов участвуют и женские имена (123 из 539 случаев, или 22,8 %), абсолютно доминируют мужские антропонимы. Это отражает традиционную социальную организацию, где основные хозяйственные деятельности (охота, скотоводство, землепользование), закреплявшиеся в названиях мест, были преимущественно мужской прерогативой.

Таким образом, оронимы антропонимического происхождения образуют обширный и структурно разнообразный пласт якутской оронимии. Они формируются от личных имен, прозвищ и фамилий, функционируя в преимущественно посессивной функции. Их возникновение и распространение связано как с архаическими пластами народной памяти (легенды, предания), так и с новейшими социально-экономическими процессами (приватизация, аренда).

3.2.3 Сравнительный анализ лексико-семантических типов якутских и алтайских оронимов

Проведенный лексико-семантический анализ якутских и алтайских оронимов позволяет выявить как общие, универсальные принципы номинации орографических объектов, так и специфические, обусловленные природными условиями, хозяйственной деятельностью и духовной культуры каждого народа. Сравнительный анализ проводится по семантическим группам, выделенным в предыдущих разделах (3.2.1–3.2.2).

Якутская и алтайская оронимия демонстрируют значительное сходство, обусловленные общими принципами концептуализации пространства и номинации орографических объектов. Данное сходство обнаруживается в следующих аспектах:

1. В обеих системах оронимы часто формируются на основе фитонимической и зоонимической лексики, что свидетельствует о тесной интеграции этноса с природной средой. Данный метод идентификации орографических объектов базируется на их характерных признаках.

1.1 Оронимы с фитонимической лексикой:

як.: а. *Бэс Алаас* (от *бэс* ‘сосна’ + *алаас* ‘алас’), г. *Тиит Хайа* (от *тиит* ‘лиственница’ + *хайа* ‘гора’), поле *Хатын Сыһыы* (от *хатын* ‘береза’ + *сыһыы* ‘поле’);

алт.: г. *Јүс-Тыт* (от. *јүс* ‘сто’ + *тыт* ‘лиственница’), г. *Кайынду* (от *кайын* ‘берёза’ с афф. облад. -ду), г. *Мөштү-Таи* (от *мөш* ‘кедр’ с афф. облад. -тү + *таи* ‘камень; скала’).

1.2 Оронимы с зоонимической лексикой:

як.: гряда *Ат Бастаах* (от *ат* ‘лошадь, конь’ + *бас* ‘голова’ с афф. облад. -лаах), дол. *Атыыр Толооно* (от *атыыр* ‘жеребец’ + *толоон* ‘долина’ + с афф. принадл. 3 л. -о), г. *Бөрөлөөх* (от *бөрө* ‘волк’ с афф. облад. -лаах);

алт.: г. *Ат-Бажы* (от *ат* ‘лошадь, конь’ + *баш* ‘голова’ с афф. принадл. 3 л. -ы), г. *Кара-Айгыр* (от *кара* ‘чёрный’ + *айгыр* ‘жеребец’), лог *Бөрү-Ичегени* (от *бөрү* ‘волк’ + *ичеген* ‘логово’ с афф. принадл. 3 л. -и).

2 Оронимия обоих народов фиксирует ключевые аспекты их хозяйственной деятельности, включая скотоводство (обозначения летних и зимних стоянок, пастбищ), охоту, рыболовство, а также элементы материальной культуры, такие как жилища и постройки:

як.: а. *Кыстыктаах* (от *кыстык* ‘место зимовки с жилым помещением и с хлевом; зимний дом’, а. *Сайылык* (от *сайылык* ‘летняя усадьба с пастбищем, летнее жилище, летник’, холм *Хаһаалаах Томтор* (от *хаһаа* ‘конюшня, стойло для лошадей и жеребят’ с афф. облад. -лаах + *томтор* ‘пригорок, возвышенность, холм’);

алт.: лог *Кыштулу* (от *кышту* ‘зимовье, зимняя стоянка’ + афф. облад. -лу), лог *Јайлу* (от *јайлу* ‘летник, летняя стоянка’), лог *Кажжаалу-Кобы* (от *кажжаа* ‘скотный двор’ с афф. облад. -лу + *кобы* ‘лог’).

3 Наличие оронимов, соотносимых с религиозными верованиями, в частности, шаманизмом, а также оронимов, содержащих антропонимы (имена первопоселенцев, владельцев угодий или исторических личностей), является характерной чертой обеих традиций:

як.: а. *Дунгүр Ыйаабыт* (от *дунгүр* ‘шаманский бубен’ + *ыйаа*- ‘вешать’ с афф. прич. прош. вр. *-быт*), а. *Дьаакып Алааһа* (от антропонима *Дьаакып*, адаптированного в якутский язык русского имени Яков + *алаас* ‘алас, поле’);

алт.: пер. *Тунгүр* (от *тунгүр* ‘шаманский бубен’), г. *Баксым-Јурты* (от антропонима *Баксым*, адаптированного в алтайский язык русского имени Максим, + *јурт* ‘дом; жилище’ с афф. принадл. 3 л. *-ы*).

4 Использование прилагательных и числительных в качестве определяющих компонентов представляет собой одну из наиболее распространенных и продуктивных моделей образования оронимов в якутском и алтайском языках. Данная тюркская черта выполняет ключевую функцию дифференциации и идентификации, обеспечивая высокую степень точности при описании объектов и их выделении среди аналогичных:

як.: г. *Кыһыл Хайа* (от *кыһыл* ‘красный’ + *хайа* ‘гора’), дол. *Биэс Дьиэ* (от *биэс* ‘пять’ + *дьиэ* ‘дом’);

алт.: г. *Кызыл-Кайа* (от *кызыл* ‘красный’ + *кайа* ‘скала’), лог *Эки-Чиби* (от *эки* ‘два’ + *чиби* ‘ель’).

5 Важным свидетельством глубоких историко-культурных и языковых параллелей между якутской и алтайской оронимическими системами является наличие в них устойчивого пласта сакральных названий, образованных от компонентов *ытык* (як.) и *ыйык* (алт.). Данные лексемы восходят к общетюркскому корню *īdīq* ~ *īzīq* со значением ‘священный, святой, почитаемый, заповедный’:

як. г. *Ытык Хайа* (от *ытык* ‘священный, почитаемый’ + *хайа* ‘гора’), мыс *Ытык Тумус* (от *ытык* ‘священный, почитаемый’ + *тумус* ‘мыс’);

алт. г. *Ыйык* (от *ыйык* ‘священный, почитаемый’), г. *Ыйыкту* (от *ыйык* ‘священный, почитаемый’).

Номинация подобных объектов напрямую связана с комплексом религиозно-мифологических представлений и обрядовой практики. Так, на Алтае особо почитаемым горам, носящим имя *Бйык*, традиционно приносят жертвоприношения во время ежегодных обрядов поклонения божествам и духам-хозяевам местности (алт. *ээзи*). Данное почитание является органичной частью древнего культа гор, который у тюркских народов Саяно-Алтая, в свою очередь, входил в более широкую систему общего культа «*Јер-Суу*» (Земли-Воды) [Ойноткинова 2022: 244].

6 Одной из ключевых общетюркских черт, ярко проявляющихся в якутской и алтайской оронимии, является активное использование метафорических переносов при номинации орографических объектов. Данный аспект охватывает различные пласты лексики, однако наиболее продуктивным и наглядным является метафоризация зоонимической и бытовой лексики. В основе данного явления лежит антропоморфное и зооморфное восприятие мира, при котором окружающий ландшафт осмысливается через привычные и значимые образы представителей фауны и предметов материальной культуры.

6.1 Метафоризация зоонимической лексики. Перенос названий животных на элементы рельефа осуществляется с целью образного описания формы, внешнего вида или расположения географических объектов. В обеих системах наблюдается ярко выраженное сходство между горами, хребтами и скалами с обликом, позой или частями тела животных:

як.: сопка *Адъырба* (от *адъырба* ‘хищник’) – сопка с вершинами, имеющими форму зубцов’, а. *Аһыы* (от *аһыы* ‘клык’) – алас с остроконечными, торчащими камнями (см. подробнее 3.1.1.1.2, 3.1.2.1.1, 3.2.1.4);

алт.: г. *Бака-Таи* (от *бака* ‘лягушка’ + *таи* ‘камень’) – на пологой голой вершине имеется возвышающееся каменистое образование, напоминающее лягушку, г. *Өркү* (от *өркөш* ‘горб верблюда’) – гора по форме напоминает горб верблюда, г. *Уй-Таи* (от *уй* ‘корова’ + *таи* ‘камень’) – на горе есть камень, напоминающий своей формой голову коровы.

6.2 Метафоризация бытовой лексики. Не менее распространенным является перенос наименований предметов обихода, утвари и сооружений для описания формы орографических объектов. Данный факт отражает стремление человека антропоморфизировать ландшафт, сделать его более понятным и освоенным:

як.: г. *Хомуос Хайа* (от *хомуос* ‘ковш’ + *хайа* ‘гора’) – гора, напоминающая по очертанию шатер (см. подробнее 3.1.1.1.2, 3.1.2.1.1, 3.2.2.7);

алт.: г. *Какпак-Таи* (от *какпак* ‘крышка, покрывало’ + *таи* ‘камень’) – на горе находится большой камень, напоминающий по форме крышку, г. *Канза* (от *канза* ‘курительная трубка’) – гора по форме напоминает курительную трубку, г. *Чадыр* (от *чадыр* ‘юрта’) – гора, напоминающая по очертанию юрту.

Несмотря на наличие общих принципов, лексико-семантическое содержание анализируемых групп характеризуется выраженной спецификой, обусловленной географическими и культурными особенностями.

1. Природно-географическая специфика

1.1 Фитонимическая лексика. Набор фитонимов-компонентов в оронимах напрямую зависит от флоры региона.

В якутской оронимии доминирует лексика, характерная для таежной и лесотундровой зоны:

як.: дол. *Иирэ Кытыл* (от *иирэ* ‘ива береговая’ + ‘береговая долина’) и др. (см. 3.2.1.3).

В алтайской оронимии преобладает лексика, связанная с горной тайгой и альпийскими лугами:

алт.: г. *Балтырган* (от *балтырган* ‘борщевик’), лог *Карганалу* (от *каргана* ‘акация’ с афф. облад. -лу), г. *Кёжнёлү-Жалбак* (от *кёжнёлү* ‘ревень’ с афф. облад. -лү + *жалбак* ‘открытый склон горы’).

1.2 Зоонимическая лексика. Различия в фауне также находят прямое отражение в оронимах. Спецификой якутских названий является активное использование образов животных, адаптированных к холодному климату, в то время как в алтайской чаще встречаются образы животных горной местности:

алт.: г. *Саратак* (от *сарадак* ‘однолетний марал, мараленок’), лог *Тарбаганду-Кобы* (от *тарбаган* ‘сурок’ с афф. облад. -лу + *кобы* ‘лог’).

2 Хозяйственно-культурная специфика

2.1 Лексика, связанная со скотоводством. Скотоводство играло ключевую роль в хозяйственной деятельности как якутов, так и алтайцев, что закономерно привело к формированию обширного пласта соответствующей лексики в оронимии обоих народов. Однако, несмотря на общность хозяйственного уклада, конкретная номинация объектов часто различается, отражая особенности языка, окружающей среды и культурных практик:

алт.: лог *Кажаанду-Кобы* (от *кажаан* ‘скотный двор, кошара’ с афф. облад. -ду + *кобы* ‘лог’), лог *Ўкпöктү-Айан* (от *үкпек* ‘крытая землей постройка, погреб’ с афф. облад. -тү + *айан* ‘поляна в высокогорье, альпийский луг’), лог *Чедендү* (от *чеден* ‘забор, ограда’ с афф. облад. -дү).

2.2 Лексика, связанная с оленеводством. Наличие значительного массива лексики, связанной с оленеводством, в якутских оронимах (см. 3.2.2.2) и его практическое отсутствие в алтайской оронимии является одним из наиболее значимых различий между двумя оронимическими системами.

В горных и степных районах Алтая традиционно практикуется не оленеводство, а скотоводство, включающее разведение лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, а также охотничий промысел. Домашний олень не являлся элементом хозяйственной системы алтайцев. Лексемы, которые могли бы быть семантически близки к понятию оленеводства, такие как *ан* ‘марал’, *сыгын* ‘олень’, относятся исключительно к дикой фауне и охотничьей лексике, но не к пастушеской традиции:

алт.: *Ан-Тыт* (от *ан* ‘марал’ + *тыт* ‘лиственница’), г. *Ангычак* (от *ангычак* ‘олёненок’), лог *Сыгын-Мүүзи* (от *сыгын* ‘марал’ + *мүүс* ‘рог’ с афф. принадл. 3 л. -и.).

2.3 Лексика, связанная с верблюдоводством и яководством. Важной чертой алтайской оронимии, полностью отсутствующей в якутской, является наличие

оронимов, образованных от лексики, связанной с верблюдоводством и яководством:

алт.: г. *Сарлык* (от *сарлык* ‘як’), лог *Сарлык-Тажы* (от *сарлык* ‘як’ + *таш* ‘камень’ с афф. принадл. 3 л. -ы), г. *Төө-Мойын* (от *төө* ‘верблюд; верблюжий’ + *мойын* ‘шея; перевал’).

Для якутской традиционной культуры и, как следствие, оронимии, верблюд и як являются экзотическими, незнакомыми животными. Их названия если и присутствуют в лексике, то исключительно в качестве заимствований (напр., *тэбиэн* ‘верблюд’, от монг.), но полностью отсутствуют в качестве апеллятивов в якутской оронимии.

2.4 Сакральная лексика. Несмотря на наличие общетюркской основы мировоззрения, в якутской и алтайской оронимии наблюдаются значительные различия в использовании сакральной лексики, обусловленные уникальным развитием религиозно-культурных представлений каждого народа. Обе системы сохранили обширный пласт верований, связанных с культом природных объектов, духов-хозяев и шаманской практики, однако номинация этих понятий имеет свои особенности:

алт.: г. *Камнын-Тажы* (от *кам* ‘шаман’ с афф. притяж. п. -нинг + *таш* ‘камень’ с афф. принадл. 3 л. -ы), г. *Мүргүүл* (от *мүргүүл* ‘моление’), г. *Санду-Кайа* (от *сан* ‘подношение, пища, которая преподносится огню; обряд поклонения Алтаю’ с афф. облад. -ду + *кайа* ‘скала’).

Таким образом, проведенное исследование лексико-семантической организации якутских оронимов в сопоставлении с алтайской оронимической системой позволило выявить как универсальные черты, обусловленные общетюркской основой, так и специфические особенности, сформированные под влиянием экстралингвистических факторов.

Выводы по разделу 3.2

Проведенное лексико-семантическое исследование позволило систематизировать и проанализировать корпус якутских оронимов, сформированный 255 оронимическими проприальными компонентами, которые образуют около 3000 оронимов. По итогам анализа сформулированы следующие выводы.

1. Якутская оронимия представляет собой стройную систему, основанную на двух принципах номинации, которые образуют соответствующие группы:

- названия, отражающие физико-географические особенности (174 компонента, 1649 оронимов). Данная группа демонстрирует глубинное, детализированное познание природы якутами и служит как средство точной пространственной ориентации и описания;

- названия, связанные с материально-хозяйственной и духовной деятельностью человека (81 компонент + 1 группа антропонимов, 1370 оронимов). Данная группа выступает ценнейшим историко-культурным источником, фиксирующим хозяйственный уклад, социальное устройство и духовные представления народа саха.

2. Анализ выявил четкую иерархию наиболее продуктивных лексико-семантических групп:

- антропонимы (539 оронимов) являются абсолютным лидером, что однозначно свидетельствует о первостепенной роли родовой структуры, антропогенного фактора и исторической памяти в освоении и именовании пространства;

- качественные характеристики, выраженные прилагательными (51 компонент, 638 оронимов) формируют самый многочисленный пласт описательных названий, что подчеркивает важность визуальных и размерных признаков (цвет, форма, величина) как основного способа идентификации объекта;

– фитонимическая лексика (41 компонент, 337 оронимов) является наиболее детализированной по составу, отражая исключительное флористическое богатство языка и тесную связь жизнедеятельности человека с растительным миром;

– зоонимическая лексика (45 компонентов, 266 оронимов) и гидрографические термины (17 компонентов, 257 оронимов) играют ключевую роль в формировании комплексных образов территории, часто выступая в метафорической или метонимической функции;

– скотоводческая лексика (25 компонентов, 264 оронима) является одной из ключевых групп в системе якутских оронимов, связанных с материально-хозяйственной деятельностью. Ее состав и структура ярко отражают центральную роль скотоводства (особенно коневодства и разведения крупного рогатого скота) в традиционном хозяйственном укладе и культуре народа саха.

3. Подтверждена условность границ между выделенными лексико-семантическими группами. Один и тот же компонент (напр., *эһэ* ‘медведь’) может одновременно нести в себе признаки физико-географической особенности (ареал обитания), хозяйственной деятельности (объект промысла) и духовной культуры (тотем), что требует комплексного междисциплинарного подхода к интерпретации каждого оронима.

4. Оронимия предстает не как простой перечень названий, а как сложный семиотический код, в котором зашифрована информация о традиционном хозяйстве (скотоводство, охота), модели сезонного кочевания (*кыстык* ‘зимник’, *сайылык* ‘летник’), материальной культуре (*балабан* ‘балаган’, *сэргэ* ‘коновязь’) и религиозно-мифологических представлениях (*ытык* ‘священный’, *ойуун* ‘шаман’) народа саха.

5. Проведенный сравнительно-исторический анализ компонентного состава якутских оронимов установил четкую стратификацию лексических пластов по генетическому признаку, отражающая сложную историю этнолингвистических контактов народа саха. Выделены четыре основных слоя: общетюркский, монгольский, тунгусо-маньчжурский и русский.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ выявил следующие закономерности в якутской и алтайской оронимических системах.

1. Лексико-семантические группы якутских и алтайских оронимов демонстрируют значительное структурное сходство, основанное на универсальных моделях номинации орографических объектов, таких как метафорическая номинация, идентификация по характерному признаку, наличие устойчивого пласта сакральной оронимии.

2. Основные различия между системами оронимов касаются их содержательной (лексической) составляющей и обусловлены экстралингвистическими факторами:

- разнообразие флоры и фауны, признаков особенностей орографических объектов оказывает непосредственное влияние на состав апеллятивов, участвующих в формировании оронимов;
- специфика якутской культуры, характеризующаяся развитым оленеводческим комплексом, формирует уникальный пласт лексики, отсутствующий в алтайской оронимии, что является ключевым маркером их различий;
- несмотря на общую шаманистическую основу, терминологический аппарат и ключевые концепты (*кам / ойуун*) различаются, что находит отражение в наименованиях сакральных орографических объектов.

Таким образом, сравнительный анализ подтверждает тюркскую основу оронимических систем Якутии и Алтая и одновременно выявляет их уникальные черты, обусловленные спецификой природной среды и культурно-хозяйственного развития каждого этноса. Якутская оронимия представляет собой северный, таёжно-тундровый вариант тюркской модели номинации, в то время как алтайская оронимия отражает ее южно-сибирский, горно-таежный вариант.

Заключение

Настоящее диссертационное исследование представляет собой первую в тюркологии попытку комплексного системного анализа якутской оронимии в сравнительно-сопоставительном аспекте через призму единства ее лексико-семантических и структурно-словообразовательных характеристик.

Методологической основой работы выступил последовательно реализуемый системный подход, в рамках которого якутская оронимия исследуется как целостная подсистема топонимической системы, что предполагает взаимодополняющий анализ двух ее ключевых компонентов:

1. пласта орографических апеллятивов, составляющих структурно-семантическое ядро системы;
2. пласта собственно оронимов, формирующихся на этой основе по определенным словообразовательным и мотивационным моделям.

Под оронимической лексикой в работе понимается совокупность собственно оронимов и орографических апеллятивов, формирующих единую оронимическую систему, где орографические апеллятивы служат основой для образования оронимов.

В рамках исследования был уточнен и актуализирован терминологический аппарат, используемый в топонимических и, в частности, оронимических исследованиях. В работе осуществлена систематизация ключевых понятий, что было необходимо ввиду наличия в научной литературе неоднозначных трактовок. Конкретизированы объем и содержание терминов «ороним», «орографический апеллятив», «оронимический проприальный компонент», «терминированные и нетерминированные оронимы».

Важным методологическим принципом работы стало четкое разграничение аспектов анализа оронимов. Проведенное исследование показало, что структурно-словообразовательный и лексико-семантический анализ требуют разного объема материала. В связи с этим сплошному структурному анализу были подвергнуты все 4000 единиц собранной картотеки. В то время как для лексико-семантического

анализа была сформирована репрезентативная выборка в 3000 единиц, из которой были исключены оронимы с непрозрачной внутренней формой и однокомпонентные оронимы-апеллятивы, детально изученные в рамках второй главы. Такой подход позволил избежать дублирования и сосредоточиться на наиболее релевантном для каждой задачи материале.

Проведенный анализ подтвердил, что важнейшим источником формирования якутской оронимической системы являются орографические апеллятивы, указывающие на тип и разновидность орографического объекта. Данные лексические единицы составляют основу оронимической системы Якутии, тесно связаны с географическими реалиями и находятся в прямой зависимости от них. Общий объем зафиксированных орографических апеллятивов, участвующих в образовании якутских оронимов, составляет 177 единиц. Статистический анализ общего массива в 4000 оронимических единиц показал, что 2063 наименования (51,6 %) содержат в своей структуре орографические апеллятивы, что подтверждает их системообразующую функцию в якутской оронимии.

Традиционные классификации орографических апеллятивов, как правило, ограничиваются их семантической дифференциацией. В данной работе предлагается альтернативный, интегрированный метод систематизации, который объединяет этимологический и семантический подходы. Этот метод реализуется посредством последовательного применения четырех взаимодополняющих критериев:

1. генетический критерий: выявление происхождения апеллятива через поиск параллелей в родственных и неродственных языках;
2. геоморфологический критерий: учет связи с термокарстовыми процессами;
3. орографический критерий: отношение объекта к некоему условному базисному уровню, в простейшем случае совпадающему с уровнем моря;
4. семасиологический критерий: путь развития орографической семантики.

Такой подход обеспечил возможность реконструкции истории формирования орографических апеллятивов во взаимосвязи с процессами адаптации языка к специфическим природным условиям, демонстрируя, как, например, распространение термокарстовых форм рельефа способствовало развитию собственно якутской терминологии для их обозначения.

Центральным результатом работы стало выявление и детальный анализ пяти основных источников формирования корпуса якутских орографических апеллятивов: тюркского, монгольского, тунгусо-маньчжурского, русского и юкагирского. Каждый из этих пластов не просто сосуществует с другими, но и выполняет строго определенную функционально-семантическую роль, интегрируясь в единую систему. В результате сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического анализа 177 якутских орографических апеллятивов, участвующих в образовании оронимов, установлено следующее:

1. апеллятивы общетюркского происхождения (81 апеллятив – 45,7 %);
2. заимствования из монгольских языков (62 апеллятива – 35 %);
3. заимствования из тунгусо-маньчжурских языков (17 апеллятивов – 9,6 %);
4. русские заимствования (5 апеллятивов – 2,8 %);
5. заимствование из юкагирского языка (1 апеллятив – 0,5 %);
6. апеллятивы без выявленных соответствий (11 апеллятивов – 6,2 %).

Доминирующее положение тюркского пласта подтверждает преемственность якутской оронимии от общетюркской и общеалтайской традиции номинации рельефа. Монгольский пласт свидетельствует об интенсивных и глубоких историко-культурных контактах, в ходе которых были заимствованы не только отдельные лексемы, но и целые когнитивные модели. Тунгусо-маньчжурские заимствования отражают адаптацию предков якутов к новой природной среде Восточной Сибири и их взаимодействие с автохтонным населением. Русские апеллятивы маркируют новый этап в освоении территории и культурном взаимодействии.

В результате семантического анализа установлено, что весь массив орографических апеллятивов может быть дифференцирован на четыре группы, отражающие основной характер обозначаемых объектов рельефа:

1. апеллятивы возвышенных форм рельефа (64 апеллятива – 36,2 %);
2. апеллятивы равнинных форм рельефа (19 апеллятивов – 10,7 %);
3. апеллятивы отрицательных форм рельефа (27 апеллятивов – 15,2 %);
4. апеллятивы термокарстовых форм рельефа (11 апеллятивов – 6,2 %);
5. метафорические апеллятивы, обозначающие различные формы рельефа (56 апеллятивов – 31,6 %).

Группа апеллятивов термокарстовых форм рельефа является абсолютно уникальной для якутской оронимии и не имеет прямых лексических параллелей в других языках. Апеллятивы *алаас* ‘плоскодонная термокарстовая котловина’, *булгунньах* ‘булгуннях; бугор пучения’ формируют автохтонный лексический пласт, непосредственно отражающий процессы криолитозоны. Их высочайшая продуктивность (свыше 250 оронимов с апеллятивом *алаас*) и способность к композитообразованию, например, *сынаһа алаас* (от *сынаһа* ‘возвышенная закраина нар’ + *алаас* ‘алас’) ‘поляна длинной продолговатой формы, имеющая с двух сторон возвышенности (в отличие от обычных, круглых), *чоһолох алаас* (от *чоһолох* ‘маленькая глубокая деревянная чаша’ + *алаас* ‘алас’) ‘маленькая, совершенно круглая поляна, окаймленная крутыми возвышениями; круглая, довольно глубокая котловина’, свидетельствуют о завершенном процессе терминологизации данной понятийной сферы и ее глубокой концептуализации данного явления в языковой картине мира якутов.

Метафорический перенос на основе анатомической и бытовой лексики составляет ядро якутской оронимической системы, определяя ее системную организацию. В основе метафорического переноса анатомической и бытовой лексики на номинацию орографических объектов лежит принцип антропоцентризма, отражающий стремление человека осмыслить и структурировать окружающее пространство через призму собственного телесного и повседневного опыта. Данный принцип номинации демонстрирует

неординарное, образное восприятие мира, при котором элементы рельефа наделяются свойствами, присущими человеку и его бытовой деятельности, что формирует целостную телесную и бытовую метафору в языковой картине мира народа саха.

1. Выявлена трехуровневая иерархическая структура метафорической номинации, образованная взаимодополняющими пластами:

- антропоморфный пласт (36 апеллятивов – 64,3 %);
- зооморфный пласт – (9 апеллятивов – 16 %);
- бытовой пласт (11 апеллятивов – 19,7%).

2. Установлено, что процесс метафоризации имеет двойственную генетическую природу, объединяющую:

– общетюркское наследие, представляющее собой архаическое ядро системы и свидетельствующее о глубоких пратюркских корнях якутской пространственной концептуализации;

– монгольские заимствования, которые были не просто заимствованы, а органично интегрированы в существующую систему, способствуя обогащению ее готовыми моделями номинации.

3. Выявлен способность якутского языка к семантическому творчеству, которая проявляется в:

– автономном развитии унаследованной тюркской лексики;

– внутренней инновации на основе заимствований;

– высокой степени грамматикализации, в результате которой соматизмы превратились в служебные имена пространственной семантики, что не имеет прямых аналогов в других тюркских языках и свидетельствует о переходе лексики в грамматику.

4. Анализ позволил определить универсальные признаки, лежащие в основе метафорических переносов:

- локативный (положение в теле → положение в пространстве);
- топологический (форма органа / предмета → форма элемента рельефа);

– функциональный (функция органа / предмета → функция элемента рельефа).

Проведенное сравнительно-сопоставительное исследование якутских и алтайских орографических апеллятивов позволило сделать следующие выводы.

Сравнительно-сопоставительный анализ выявил генетическое единство обеих систем, проявляющееся в наличии значительного корпуса прямых лексических соответствий орографических апеллятивов, восходящих к общетюркскому фонду, и универсальности базовых метафорических моделей, особенно соматической.

Установлена существенная специфика каждой из систем, обусловленная различиями природных условий и особенностями языковых контактов.

Результаты исследования подтверждают ведущую роль экстралингвистических факторов – физико-географических условий и традиционного хозяйственно-культурного уклада – в формировании и дифференциации оронимических систем: алтайская оронимия, сформировавшаяся в горных условиях, разработала детализированную терминологию для обозначения вершин, перевалов и скальных форм рельефа, в отличие от нее, якутская система адаптировалась к равнинно-таежному ландшафту с вечной мерзлотой, что привело к формированию уникального пласта лексики для описания термокарстовых и озерно-речных форм рельефа.

В якутской оронимии наблюдается значительная доля заимствований из монгольских, тунгусо-маньчжурских и русского языков, тогда как алтайская система подверглась более сильному влиянию монгольских и русского языков.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ структурно-словообразовательных типов якутских и алтайских оронимов позволяет утверждать, что якутские и алтайские оронимы формируются четырьмя основными путями: путем оронимизации (переход апеллятива в ороним), трансонимизации (межкатегориальный перенос), транстопонимизации (внутритопонимический перенос), трансоронимизации (перенос внутри класса оронимов).

Структуры якутской и алтайской оронимии представляют собой сложные иерархически организованные системы с четким делением на два класса: однокомпонентные (простые) и многокомпонентные (сложные) образования. Внутри этих классов выделяется дальнейшая детальная классификация по формальным и семантическим признакам (наличие / отсутствие топоформантов, терминированность / нетерминированность, тип синтаксической связи), что свидетельствует о высоком уровне системной организации оронимии двух языков.

С точки зрения происхождения и морфологической структуры, весь массив однокомпонентных оронимов в обеих системах делятся на два основных типа: однокомпонентные оронимы без топоформантов и однокомпонентные оронимы с топоформантами. Под топоформантом понимается специализированный аффикс, регулярно участвующий в образовании географических названий и обладающий устойчивым топонимическим значением, что позволяет выделить его в качестве системообразующего элемента оронимического словообразования.

Сравнительный анализ выявил как общие черты, так и специфику в системе топоформантов якутской и алтайской оронимии. В якутской оронимии среди однокомпонентных образований выделяются топоформанты *-лаах (...)*, *-һыт (...)*, *-лар (...)*, *-каан (...)*, *-чаан (...)*, *-аайы (...)*, *-дай~-тай (...)*, *-ндьаа (...)*, *-ыйа*. Алтайская система демонстрирует набор топоформантов иной продуктивностью и семантикой: *-лу (...)*, *-ак (...)*, *-аш (...)*, *-чак (...)*, *-лар (...)*. В образовании однокомпонентных названий в обеих оронимических системах активно участвуют аффиксы *-лаах* (як.), *-лу* (алт.), указывающие на обладание, изобилие или наличие растений, животных, а также концентрацию конкретных предметов в определенной местности.

Наиболее представительной группой в оронимии якутского и алтайского языков являются многокомпонентные названия. Обе системы сохраняют общетюркскую основу, проявляющуюся в доминировании атрибутивных моделей типа «определение + определяемое». Ключевым системообразующим критерием выделения их структурных типов выступают терминированность — нетерминированность оронима. Терминированные оронимы включают в свой

состав орографический апеллятив, который является указателем на род орографического объекта, обозначаемого данным термином. Нетерминированные оронимы лишены такого показателя.

Синтаксическая организация многокомпонентных названий в якутской и алтайской оронимии базируется на двух принципиально различных типах связи компонентов. Первый тип включает названия, образованные путем соединения компонентов без использования морфологических элементов, с помощью синтаксической связи примыкания. Второй тип характеризуется соединением компонентов посредством изафетной конструкции. Однако ключевым отличием является характер синтаксической связи между компонентами оронимов: в алтайской оронимии ведущую роль играют маркированные изафетные конструкции (так называемый изафет II и III типов), тогда как в якутской доминирует изафет I и II типов. Кроме того, якутская оронимия характеризуется продуктивностью многоступенчатых изафетных конструкций, включающих архаичные элементы (напр., модель с аффиксом *-ын~-ун*: а. *Дьаакын Ынабын Алааһа*).

Особое место в структуре якутских оронимов занимают прилагательные с топоформантом или без него. При оформлении аффикса принадлежности 3-го лица прилагательные подвергаются субстантивации, в этом случае прилагательные без определяемого слова, утратив свое лексическое значение приобретают предметное значение и выполняют основные функции существительного.

Семантический анализ оронимического материала якутского языка выявил разнообразие лексико-семантических групп, отражающих комплексное взаимодействие языка, природы и культуры. Для систематизации выявленного материала разработана собственная лексико-семантическая классификация с опорой на существующие классификации в оронимике тюркских языков с учетом специфики оронимической системы территории Республики Саха (Якутия). Настоящая классификация основывается на двух семантических группах:

1. природно-ландшафтная группа, включающая оронимы, мотивированные: физико-географическими характеристиками объектов (размер,

форма, цвет, свойства), растительным и животным миром, гидрографическими и тельмографическими объектами;

2. культурно-антропологическая группа, объединяющая оронимы, отражающие материальную и духовную деятельность человека: 1) хозяйственно-экономический пласт: названия, связанные с традиционными видами хозяйственной деятельности (скотоводство, оленеводство, охота, рыболовство), а также с сооружениями и местами стоянок; 2) социокультурный и духовный пласт: оронимы, восходящие к антропонимам, сакральной лексике, мифологическим представлениям, исторической памяти и бытовой культуре этноса.

Интеграция антропогенной и ментально-культурной групп в единую культурно-антропологическую группы методологически оправдана, поскольку такой подход позволяет провести комплексный анализ оронимов как феноменов, сформировавшихся на пересечении практической деятельности человека и его мировоззренческих установок. Данный подход акцентирует неразрывную связь между материальной культурой, хозяйственным укладом и духовными представлениями народа саха, отразившуюся в названиях орографических объектов.

Проведенный количественный анализ подтвердил, что номинация якутских оронимов определяется, в первую очередь, физико-географическими характеристиками и практической деятельностью человека.

1. Более половины всего оронимического корпуса (56,5 %) составляют названия, отражающие физико-географические характеристики объектов. Внутри данной группы наиболее продуктивным оказался признак качества, выраженный прилагательными (21,9 % от общего числа оронимов), что свидетельствует о стремлении носителей языка к образной и описательной номинации. Значительную долю также формируют оронимы, мотивированные фитонимами (11,5 %), зоонимами (9,1 %) и гидрографическими терминами (8,8 %), что подчеркивает тесную связь номинации с окружающей системой.

2. Практически равный по удельному весу пласт оронимов (43,5 %) связан с материальной и духовной деятельностью человека. Центральное место здесь

занимают антропонимические оронимы (18,4 %), что отражает важность личностного фактора и родовой памяти в освоении пространства. Существенный блок образуют оронимы, связанные с хозяйственным укладом: скотоводством (9 %), типами построек (6,6 %), оленеводством (1 %) и другими промыслами (охота, рыболовство – по 1%).

3. Статистически подтверждено наличие групп, отражающих специфику якутской культуры и ландшафта: оронимы с сакральной лексикой (3,2 %), с тельмографическими терминами (2,3 %), числовыми показателями (2,8 %) и терминами, обозначающими мест стоянок (2,4 %).

Лексико-семантический анализ компонентного состава оронимов позволил раскрыть внутреннюю смысловую структуру как отдельных номинативных единиц, так и всей оронимической системы в целом. Исследование выявило сложные семантические связи между вариантами значений компонентов и установило их генетическую принадлежность, отражающую многогранную историю этнокультурных взаимодействий в регионе.

Проведенный сравнительно-исторический анализ происхождения ключевых оронимических проприальных компонентов, участвующих в образовании оронимов, демонстрирует сложную многослойную структуру лексического фонда, сформированную в результате длительных исторических контактов. Выделяются следующие основные пласты: общетюркский пласт, монгольские, тунгусо-маньчжурские, русские заимствования, а также лексика неясного (спорного) происхождения. Каждый пласт отражает различные этапы и аспекты исторического взаимодействия якутского языка с другими языковыми системами.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ лексико-семантических групп якутской и алтайской оронимических систем позволил выявить закономерности их организации и развития.

Установлено, что лексико-семантические группы оронимов в обоих языках демонстрируют значительное структурное сходство, основанное на универсальных моделях номинации орографических объектов, таких как метафорический перенос

и идентификация по характерным признакам. Это сходство подтверждает общетюркскую основу обеих оронимических систем.

Основные различия между системами касаются их лексической наполняемости и обусловлены комплексом экстралингвистических факторов:

- природно-географические условия (разнообразие флоры и фауны, специфика рельефа) определяют состав апеллятивов, участвующих в образовании оронимов;
- культурно-хозяйственные особенности (скотоводство, адаптированное к суровым условиям Севера, и развитое оленеводство) формируют уникальные пласты лексики;
- религиозно-мифологические различия в рамках общей шаманистической основы находят отражение в терминологическом аппарате и наименованиях сакральных объектов.

Резюмируя полученные данные, сравнительно-сопоставительное исследование якутской и алтайской оронимии доказало типологическое единство двух систем на всех уровнях организации: не только на лексико-грамматическом, но и на собственно оронимическом уровне.

Это единство выражается в следующих аспектах:

- общность структурных моделей, характеризующаяся доминированием атрибутивных конструкций с орографическими апеллятивами;
- параллелизм семантических механизмов номинации, в частности, использование соматической и зооморфной метафоры;
- сохранение общетюркского пласта в орографической терминологии.

Результаты исследования подтверждают гипотезу об общетюркском генезисе якутских и алтайских оронимических систем, внося существенный вклад в понимание процессов исторического развития языков и этногенеза тюркских народов. При этом якутская оронимическая система, сохраняя общетюркскую основу, предстает не как периферийный вариант общей модели, а как самостоятельная, высокоадаптированная система, комплексно отражающая

специфику номинации орографических объектов и освоения уникальной среды обитания.

Перспективной целью настоящего исследования является лексикографическое воплощение результатов анализа якутских оронимов и интеграция систематизированного эмпирического материала в корпус топонимических словарей Республики Саха (Якутия). Кроме того, накопленный материал диссертации станет частью проекта по разработке пятитомного «Монгольско-русско-якутского словаря», выполняемого в настоящее время лексикографами Отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Полученные данные лягут в основу последующего издания «Словаря якутско-монгольских лексических параллелей», что позволит систематизировать и ввести в научный оборот пласт общей лексики, унаследованной от периода исторических контактов.

В свете современных требований топонимической науки особую актуальность приобретает создание комплексного электронного корпуса оронимов, который включил бы не только якутский материал, но и сравнительные данные других тюркских языков. Такой корпус послужит фундаментом для проведения сравнительно-сопоставительных исследований в синхронном аспекте, осуществления сравнительно-исторических реконструкций в диахроническом аспекте, разработки типологических моделей номинации орографических объектов, решения вопросов этимологии спорных топонимов.

Данный корпус представляет особую научную ценность не только для тюркологии, но и для алтаистики в целом, поскольку позволяет выявить общеалтайские параллели и установить стратификацию различных пластов оронимической лексики.

Таким образом, реализация данной перспективы позволит перевести результаты диссертационного исследования в практическое русло и создать прочную основу для будущих междисциплинарных исследований в области ономастики, лингвогеографии, сравнительно-исторической, сравнительно-сопоставительной лингвистики.

Список литературы

1. Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер. М.: Наука, 1985. 144 с.
2. Алас – колыбель народа саха / Сост. Г. Н. Саввинов, В. С. Макаров. Якутск: Бичик, 2015. 159 с.
3. Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 200 с.
4. Алпатов В. В. Метафорические оронимы Вестморленда // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. С. 45–49.
5. Андреев А. П. Горы Якутии. Якутск: Айар, 2016. 104 с.
6. Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М.: Языки славянской культуры, 2007. 255 с.
7. Антонов Н. К. О якутских односложных именных основах с долгими гласными и дифтонгами // Труды института языка, литературы и истории. 1961. № 3 (8). С. 22–51.
8. Антонов Н. К. Основные ландшафтные названия в якутском языке // Доклады на XIV научной сессии. Язык, литература и история. Якутск, 1966. С. 11–23.
9. Антонов Н. К. Саха билинни тылын лексиката. Якутскай: Саха сиринээби кинигэ изд-вота, 1967. 100 с.
10. Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Кн. изд-во, 1971. 174 с.
11. Антонов Н. К. О якутских металлургических терминах // Полярная звезда. 1977. № 6. С. 108–109.
12. Антонов Н. К. Исследования по исторической лексике якутского языка: фонетические особенности именных основ. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019. 303 с.
13. Арутюнова Н. Д. Метафора // Русский язык. Энциклопедия М., 1979. С. 140–141.
14. Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 687 с.

15. Багдарыын Нь. С. уола. Географическая номенклатурная лексика в топонимии северо-запада Республики Саха // Урало-алтайские исследования. 2018. № 4 (31). С. 79–94.
16. Багдарыын Нь. С. уола, Попов В. Г. Материалы к топонимическому словарю Эвено-Бытантайского улуса // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 4 (25). С. 102–112.
17. Багдарыын Сүлбэ. Саха топонимиката: студеннарга көмө пособие. Дьокуускай: СГУ издательствота, 1998а. 121 с.
18. Багдарыын Сүлбэ. Топонимика Якутии: краткий научно-популярный очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. Якутск: Изд-во Бичик, 2004. 254 с.
19. Базарова Д. Х. О народно-этимологическом осмыслении некоторых звукоподражательных названий птиц в узбекском языке // Советская тюркология. 1973. № 5. С. 96–101.
20. Баскаков Н. А. Принципы избирательности наименования гор у алтайцев Горного Алтая // Оронимика. 1969. С. 39–42.
21. Баскаков Н. А. Принципы выбора признаков для наименования гор у алтайцев. К проблеме оронимии Горного-Алтая. // Исследования по восточной филологии. Москва, 1974. С. 22–27.
22. Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М.: Наука, 1981. 133 с.
23. Баскаков Н. А. Тюркские языки. 4-е изд. М.: Издат. группа URSS, 2010. 248 с.
24. Бегимов О. Т. О понятиях оронимического термина и оронимического индикатора // Евразийский журнал академических исследований. 2023. Т. 3. № 12. С. 278–284.
25. Беленькая В. Д. Топонимы в составе лексической системы языка. М.: Издательство Московского университета, 1969. 168 с.
26. Березович Е. Л. Семантические микросистемы в русской топонимии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992. 15 с.
27. Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: этнолингвистические исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 335 с.

28. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 532 с.
29. Березович Е. Л. Географический макромир и микромир в русской народной языковой традиции (к изучению культурных коннотаций русских топонимов) // Славяноведение. 2002. № 6. С. 60–71.
30. Бетлингк О. Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.
31. Богданов В. Н. Диалектная лексика Рязанской области: учебное пособие. Рязань: РГПИ, 1981. 60 с.
32. Болотов В. И. Лингвистический статус имени собственного и его функционирование в тексте // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV. Ономастика. Книга I. Часть I. Имя и культура. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. С. 37–46.
33. Бондалетов В. Д. Русская ономастика: учебное пособие. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
34. Бонюхов А. А. Структура и семантика шорских топонимов: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1972. 282 с.
35. Босиков Н. П. Эволюция аласов Центральной Якутии. Якутск: Институт мерзлотоведения, 1991. 128 с.
36. Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: Реконструкция, традиции и современность. На материале культуры Саха: Дис. ... д-ра истор. наук. Якутск, 2000. 383 с.
37. Бравина Р. И., Попов В. В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Н.: Наука, 2008. 296 с.
38. Бурыкин А. А. Имена собственные как исторический источник: по материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013а. 536 с.
39. Бурыкин А. А. О некоторых названиях диких животных в тюркских языках (к этимологии изолированной лексики и оценке характера эволюции тюркских

- языков в контексте алтайской теории) // Российская тюркология. 2013б. № 1 (8). С. 31–36.
40. Бухарова Г. Х. Башкирская географическая терминология (историко-культурный и этимологический комментарий, лексикографирование). СПб.: Изд-во Социально-гуманитарное знание, 2016. 273 с.
 41. Васильев В. Е. К генезису обычая погребения с конем у народа саха в свете культурного «Пограничья» тюркского мира // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 2 (11). С. 20–32.
 42. Васильев Ф. Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.
 43. Васильева С. П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира. Красноярск, 2005. 240 с.
 44. Верхоянские якуты: материалы Северной экспедиции А. А. Саввина (1939–1940 гг.) / Сост. Н. К. Данилова. Якутск: НБ РС (Я), 2022. 233 с.
 45. Воробьева И. А. Еще раз о термине «микротопонимия» // Языки и топонимия Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 1972. Вып. 5. С. 10–15.
 46. Воробьева И. А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск: Изд-во Томского университета, 1973. 247 с.
 47. Воробьева И. А. Орографические термины Западной Сибири и их роль в формировании русской оронимики // Вопросы оронимики. 1974. № 7. С. 35–45.
 48. Воробьева И. А. Топонимика западной Сибири. Томск, 1977. 152 с.
 49. Воронкин М. С. Саха диалектологиятын очерката: фонетика уонна морфология. Якутскай: Кинигэ изд-вота, 1980. 239 с.
 50. Воронкин М. С. Северо-западная группа говоров якутского языка. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1984. 222 с.
 51. Воронкин М. С. Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. Новосибирск: Наука, 1999. 197 с.
 52. Гарипова Ф. Г. Татарская ономастика. Казань, 1995. 456 с.
 53. Гарипова Ф. Г. Татарская гидронимия: вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии. Казань, 1998. 571 с.

54. Генетическая история народов Якутии и наследственно обусловленные болезни / Под ред. С. А. Федоровой, Э. К. Хуснутдиновой. Новосибирск: Наука, 2015. 326 с.
55. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1997. 512 с.
56. Гриценко К. Ф. Названия рек и озер Якутии: Дис. ... канд. филол. наук. Томск: Изд-во ТГУ, 1968. 305 с.
57. ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка: в 2-х т. Т. I: Фонетика и морфология / Отв ред. Е. И. Убрятова. М.: Наука, 1982. 496 с.
58. ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка: в 2-х т. Т. II: Синтаксис / Отв. ред. М. И. Черемисина. М.: Наука, 1995. 344 с.
59. ГХЯ – Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 417 с.
60. Дамбуев И. А. Числительные в топонимии: варьирование и нормализация // Вопросы ономастики, 2022. Т. 19. № 1. С. 117–138.
61. Дамбуев И. А. Словарь топонимной лексики Республики Саха (Якутия) Багдарыын Сүлбэ: Краткая характеристика и культурное значение // Имя. Язык. Этнос: сборник статей, посвященный 95-летию со дня рождения Михаила Спиридоновича Иванова-Багдарыын Сүлбэ. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН. 2025. С. 40–48.
62. Данилова Н. К. Традиционное жилище народа Саха: пространство, дом, ритуал. Новосибирск: Гео, 2011. 121 с.
63. Данилова Н. К. Сакральный ландшафт: ментальный образ Горы у северных якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019а. № 3 (28). С. 55–61.
64. Данилова Н. К. Формирование историко-культурного ландшафта якутов: этнолокальные модели и пространственные представления // Научный диалог. 2019. № 8. С. 243–257.
65. Данилова Н. К., Васильев В. Е. Религиозный ландшафт: «сиэл», «салама» и «дэлбиргэ» в ритуальном пространстве в свете изучения эволюции

- бескровных жертвоприношений народа саха // Общество: философия, история, культура. 2019. № 12. С. 1–6.
66. Данилова Н. И., Попова Н. И. Ландшафтная лексика в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 4 (37). С. 65–76.
 67. Данзанова Н. И. Орографическая терминология в монгольских языках (формы возвышенного рельефа): Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 158 с.
 68. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 276 с.
 69. Дмитриева Л. В. Некоторые итоги изучения названий растений в тюркских языках сопоставительно с другими языками алтайской семьи // Советская тюркология. 1971. № 2. С. 13–24.
 70. Дмитриева Л. В. Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979. С. 135–192.
 71. Дмитриева Л. В. Этимологии географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках // Алтайские этимологии: сборник научных трудов. Л.: Наука, 1984. С. 130–177.
 72. Догсурэн Ч. Оронимические термины в современном монгольском языке // Монгольский лингвистический сборник. М., 1985. С. 48–53.
 73. Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ: Кн. изд-во, 1964. 246 с.
 74. Донидзе Г. И. Оронимическая лексика тюркских языков Советского Союза // Оронимика. 1969. С. 33–36.
 75. Донидзе Г. И. О грамматической характеристике тюркских топонимов // Ономастика Поволжья: материалы Поволжской конференции по ономастике. Горький. 1971. С. 122–126.
 76. Дульзон А. П. Этнологическая дифференциация тюрков Сибири // Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971. С. 198–208.
 77. Донидзе Г. И. Об аффиксальном словообразовании в тюркской топонимии // Ономастика Востока. М.: Наука, 1980. С. 89–96.

78. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства: На материале обрядового фольклора бурят. М.: Наука, 1991. 297 с.
79. Дыбо А. Н. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Языки славянской культуры, 1996. 390 с.
80. Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М., 2007. 178 с.
81. Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Litres, 2017. 368 с.
82. Дыбо А. В., Байбосын А. М., Кенжалин К. К., Бегимова Г. А., Абдуалиулы Б., Хонинов В. Н. Еще раз о монгольском языковом пласте в казахских топонимах // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21. № 1. С. 27–71.
83. Дыжитова Е. Ч. Топономастическая лексика Восточного Забайкалья: сравнительно-исторический, сопоставительно-типологический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Чита, 2019. 214 с.
84. Дьячковский Н. Д. Звуковой строй якутского языка: в 2-х ч. Ч. 2. Консонантизм. Якутск: Якутское книжное издательство, 1977. 256 с.
85. Дьячковская Н. Д. Саха тылыгар сорох экспрессивнэй-эмоциональнай сыһыарыылар // Саха тыла: лексика, грамматика: научнай үлэлэр хомуурунньуктара. Дьокуускай: СГУ, 1993. С. 103–136.
86. Дьячковский Ф. Н. Семантика отсубстантивных прилагательных с аффиксом -лаах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. С. 87–89.
87. Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И. Алаас как концепт якутской лингвокультуры // Урало-алтайские исследования. 2014. № 1 (12). С. 58–66.
88. Егинова С. Д. Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками). Новосибирск: Наука, 2014. 231 с.
89. Есперсен О. Философия грамматики / Под общ. ред. Б. А. Ильиша. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 400 с.
90. Жамсаранова Р. Г. Топонимия Восточного Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. филол. Улан-Удэ, 2002. 23 с.

91. Жамсаранова Р. Г., Шулунова Л. В. Топонимия Восточного Забайкалья. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003. 128 с.
92. Жучкевич В. А. Общая топонимика. Минск: Высшая школа, 1980. 287 с.
93. Закиров А. А. Топонимия Джизакской области Узбекской ССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 20 с.
94. Зыков Ф. М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов, XIX – начало XX в.: историко-этнографическое исследование. Новосибирск: Наука, 1986. 99 с.
95. Иванов И. А. Геокриологические термины якутского происхождения // Исследование вечной мерзлоты в Якутской республике. Якутск: Якутское государственное издательство, 1952. С. 97–101.
96. Иванов Н. М. Монголизмы в топонимии Якутии. Якутск, 2001. 204 с.
97. Иванов Н. М. Функционирование топонимов в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2014. № 1. С. 92–99.
98. Иванов С. А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1980. 184 с.
99. Иванов С. А. Монголизмы в диалектной лексике якутского языка // Якутский язык: семантика, фразеология: сборник научных трудов. Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1990. С. 58–69.
100. Иванов С. А. Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. Новосибирск: Наука, 1993. 348 с.
101. Иванов С. А. Морфологические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2014. 248 с.
102. Иванов С. А. Диалектное фонетическое соответствие ы~и / и~ы в говорах якутского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (48). Ч. 2. С. 85–88.
103. Иванов С. А. Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017. 392 с.

104. Иванов С. А. Общеякутские и диалектные названия, относящиеся к скотоводству // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 2 (23). С. 56–65.
105. Иванов С. А. Общеякутские названия-термины, относящиеся к оленеводству // Язык коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики. Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2019. С. 49–53.
106. Иванов С. А. Образование диалектной системы якутского языка. Новосибирск: Наука, 2021. 255 с.
107. Иванова А. С. Типология чувашских гидронимов: Дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2005. 359 с.
108. Исламова Ю. В. Оронимы Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры: принципы номинации // Вестник угроведения. 2013. № 4 (15). С. 46–51.
109. Исрафилов В. И. Азербайджаноязычные оронимы и гидронимы Грузинской ССР: Дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1989. 146 с.
110. История Якутии: в 3 т. Т. I. / Под общ. ред. А. Н. Алексеева. Новосибирск: Наука, 2020. 572 с.
111. Исхакова Х. Ф. Грамматика собственных имен (на материале тюркских языков). М., 2006. 338 с.
112. Казакевич В. А. Современная монгольская топонимика. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 30 с.
113. Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986. 322 с.
114. Калужинский Ст. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // Труды ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Вып. 3 (8). Якутск: Кн. Изд-во, 1961. С. 5–21.
115. Калужинский Ст. Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (II) // Rocznik orientalistyczny. 1978. Т. 40. Z. 1. Р. 71–82.
116. Камалетдинова З. С. Тюркская ландшафтная лексика Нижнего Притомья. Томск: Изд-во Томского университета, 2019. 257 с.

117. Камалов А. А. Башкирские географические термины и топонимия. Уфа: Китап, 1997. 383 с.
118. Камалов А. А. Башкирская топонимия. Уфа: Китап. 1994. 301 с.
119. Кара-оол Л. С. Конфессиональная лексика в топонимах Тувы // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 52–66.
120. Карпенко Ю. А. Принципы топонимики. М.: Московский рабочий. 1964. 178 с.
121. Кейметинов В. А. По тропам тысячелетий (географическая лексика эвенского языка и топонимика как свидетельство специфической духовности предков современных эвенов). Якутск, 2000. 179 с.
122. Керимбаев Е. А. Лексико-семантическая типология оронимов Казахстана: Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1988. 195 с.
123. Кириллов А. Ф. Промысловые рыбы Якутии. М.: Научный мир, 2002. 194 с.
124. Кичикова Н. А. Топонимия Республики Калмыкии как составная часть ономастического пространства Российской Федерации: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 187 с.
125. Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.
126. Ковлакас Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты: Дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2009. 373 с.
127. Койчубаев Е. Нецветовая сущность топонимических компонентов ак, кара, көк, сары // Всесоюзная конференция по топонимике СССР: тезисы докладов и сообщений. Л., 1965. С. 185–187.
128. Комаров Ф. К. Некоторые вопросы оронимии Якутии и Дальнего Северо-Востока СССР // Оронимика. М., 1969. С. 66–70.
129. Конкашпаев Г. К. Цветовые слова в тюркских топонимах // Географические науки. Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1969. С. 72–83.
130. Конкобаев К. Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе: Илим, 1980. 172 с.
131. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., Л.: Издательство Академии наук СССР. 1956. 566 с.

132. Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник – 1975. М.: Наука, 1978. С. 159–179.
133. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980. 255 с.
134. Коркина Е. И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск: Наука, 1992. 267 с.
135. Корнева В. В., Меняйлова Д. Б. Основные направления изучения топонимов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 21–26.
136. Корнилов Г. Е. Опыт исследования по чувашской диалектологии и булгаро-чувашской топонимике: Дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 1964. 240 с.
137. Корнилов Г. Е. О типах топонимов в агглютинативных языках // Вопросы языкознания. 1967. № 1. С. 121–128.
138. Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 372 с.
139. Ксенофонтов Г. В. Ураангхай-сахалар: очерки по древней истории якутов: в 2-х т. Т. 1. Иркутск: ОГИЗ: Восточносибирское областное изд-во, 1937. 572 с.
140. Кузьмина А. А. Названия деревьев и кустарников в якутском языке (сравнительный аспект) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 4 (17). С. 99–106.
141. Кузьмина А. А. Лексика якутского языка: формирование одно- и двусложных основ имен существительных. Новосибирск: Наука, 2021. 244 с.
142. Кулаковский А. Е. Виды животных и растительных царств, известные якутам // Известия Якутского отдела государственного географического общества. Якутск, 1929. Т. 2. С. 17–40.
143. Курилов Г. Н. Сложные имена существительные в юкагирском языке. Л.: Наука, 1977. 120 с.
144. Лавренова О. А., Филиппова В. В. Топонимика в культурном ландшафте Якутии: проблема текстуализации // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 2. С. 129–136.

145. Ландшафт и культура народов Якутии: сакрализация, символические стратегии, геокультурные образы / Под общ. ред. Е. Н. Романовой, Н. К. Даниловой. Новосибирск: Наука, 2023. 344 с.
146. Ландшафты Якутии / Отв. ред. Ю. Г. Данилов. Якутск: Издательский дом Северо-Восточного федерального университета, 2016. 75 с.
147. Ласынова Л. А. Оронимия Юго-Восточного Башкортостана: лингвистический анализ: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 174 с.
148. Ласынова Н. А. Оронимия Юго-Восточного Башкортостана (лингвистический анализ). Уфа: Гилем, 2009. 124 с.
149. Ласынова Н. А. Башкирские оронимы, мотивированные цветовой характеристикой орообъектов // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 2. С. 955–956.
150. Ласынова Н. А., Сулейманова Л. Р., Сулейманов Ф. М. Структурно-словообразовательная типология башкирских оронимов // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 1. С. 109–116.
151. Ласынова Н. А. Сулейманова Л. Р. Принципы составления оронимического словаря Республики Башкортостан // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). С. 182–188.
152. Лебедева В. В., Хохолова И. С. Особенности перевода и транслитерации якутских топонимов на русский язык // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 540–543.
153. Левин Г. Г. Историческое отношение якутского языка с древнетюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. 436 с.
154. Литовкина А. М. Лингвогеографические основы формирования регионального топонимикона Прибайкальской Сибири // Русское слово в многоязычном мире: материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. Нур-Султан, Казахстан: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «Мапрял», 2019. С. 475–480.

155. Макаров Д. С. Народная мудрость: знания и представления. Якутск: Кн. изд-во, 1983. 120 с.
156. Малышева Н. В., Осорова М. А. Словообразовательная система фитонимов и способы ее описания в языке олонхо (на примере Олонхо «Ала-Булкун») // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2020. № 2 (18). С. 137–147.
157. Малышева Н. В. Происхождение лексики живой природы: ономазиология и этимология (якутский язык и его диалекты): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2024. 503 с.
158. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 128 с.
159. Масальский В. И. Овраги черноземной полосы России, их распространение, развитие и деятельность. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1897. 251 с.
160. Матвеев А. К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 76–83.
161. Матвеев А. К. Методы топонимических исследований. Свердловск: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1986. 100 с.
162. Матвеев А. К. Финно-угро-самодийская топонимия на территории СССР как объект лингвистического исследования // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, Удмуртский ИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. С. 5–18.
163. Матвеев А. К. Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск, 1990. 288 с.
164. Матвеев А. К. Ономатология. М.: Наука, 2006. 290 с.
165. Матвеев И. А. Сельское хозяйство Республики Саха (Якутия): Экономика, опыт, рынок. Новосибирск, 1993. 251 с.
166. Мезенко А. М., Генкин В. М., Дервяго А. Н. Теория имени собственного: учебное пособие. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. 202 с.
167. Мельхеев М. Н. Местные географические термины Восточной Сибири // Труды. Серия географическая. Иркутск, 1958. Т. 24. Вып. 1. С. 67–97.

168. Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии: история, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 187 с.
169. Мерзлотные ландшафты Якутии. Пояснительная записка к «Мерзлотно-ландшафтной карте Якутской АССР» масштаба 1:2500000) / Отв. ред. П. И. Мельников. Новосибирск: ГУГК, 1989. 170 с.
170. Меркель Е. В., Яковлева Л. А. Топонимия Южной Якутии: словообразовательный аспект // Мир науки, культуры, образования. № 6 (79). 2019. С. 591–593.
171. Молчанова О. Т. Гидронимы и оронимы Горно-Алтайской автономной области (лингвистический анализ): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1968. 306 с.
172. Молчанова О. Т. О семантической классификации в топонимике: на материале алтайского языка // Учен. зап. Горно-Алтай. НИИ истории, яз. и лит. Горно Алтайск, 1971. Вып. 10. С. 130–139.
173. Молчанова О. Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 256 с.
174. Монастырёв В. Д. Структура и семантика топонимов: (на материале топонимии правобережных районов Центральной Якутии): Дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1993. 223 с.
175. Монастырёв В. Д. Оронимическая терминология в топонимии Центральной Якутии // Тюркские и северные языки: материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Луки Никифоровича Харитонova. Якутск: Издательство ЯФ СО РАН, 2002. С. 202–212.
176. Монастырёв В. Д. К вопросу о процессе топонимизации некоторых аффиксов якутского языка // С. А. Новгородов и новое в якутском языкознании: сборник статей. Якутск: Издательство ЯФ СО РАН, 2003. С. 58–66.
177. Монастырёв В. Д., Румянцева Л. И. М. С. Иванов-Багдарыын Сюлбэ – основатель якутской ономастики // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 4 (25). С. 98–02.

178. Муминов М. Т. Структурно-словообразовательные и семантические типы татарской микротопонимики юго-западной части Тюменской области // Вопросы топониматики. 1970. Вып. 4. С. 78–83.
179. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 382 с.
180. Мурзаев Э. М. Географические термины в топонимии Москвы // Историческая ономастика: сб. статей. М.: Наука, 1977. С. 47–56.
181. Мурзаев Э. М. География в названиях. М.: Наука, 1982. 1976 с.
182. Мурзаев Э. М. Топонимика и география. М.: Наука, 1995. 304 с.
183. Мурзаев Э. М. Тюркские географические названия. М.: Восточная литература, 1996. 252 с.
184. Мурзаев Э. М. Слово на карте: Топонимика и география. М.: Армада-пресс, 2001. 446 с.
185. Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984. 226 с.
186. Никаева Т. М., Егорова Д. С. Место зоо- и фитоонимов в топонимической системе Республики Саха (Якутия) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022. № 3 (29). С. 83–101.
187. Никитин Н. Түгэниир кес эбээннэрин сирдэрин ааттара. Баатабай Алыта, 2012. 11 с.
188. Николаев Е. Р. Заимствованные аффиксы -каан, -чаан в якутских именах собственных // Научный электронный журнал Меридиан. 2016. № 3 (3). С. 33–36.
189. Николаев Е. Р. Топонимы с основой баш / бас в тувинском и якутском языках: лингвокультурологическая интерпретация // Новые исследования Тувы. 2018. № 3. С. 205–214.
190. Николаев-Сомоготто С. И. Народ Саха. Якутск: Якутский край, 2009. 299 с.
191. Никонов В. А. Географические названия. М.: Государственное издательство географической литературы, 1962. 184 с.
192. Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 184 с.
193. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.

194. Никонов В. А. Заметки по оронимии Киргизии // Ономастика Средней Азии: Сб. статей. АН СССР. М.: Наука, 1978. С. 86–105.
195. Никонов В. А. Введение в топонимику. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ. 2011. 184 с.
196. Новгородов И. Н. Якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи. Якутск, 2009. 247 с.
197. Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. в 2-х ч. Ч. 1. Ольский говор. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 263 с.
198. Новикова К. А. Лингвистический анализ топонимов Северо-Восточной Сибири // Вопросы языка и фольклора народностей Севера: сборник статей. Якутск: ЯФ СО АН СССР. 1972. С. 88–111.
199. Окладников А. П. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 432 с.
200. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука, 1972. 270 с.
201. Ондар Б. К. Гидронимия Тувы: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 19 с.
202. Ондар Б. К. Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимами Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. 296 с.
203. Оронимика. М.: ЦНИИГАиК, 1969. 71 с.
204. Очир-Гаряев В. Э. Миграция монгольских племен по данным топонимии // Гуманитарный вектор. 2010. № 3 (23). С. 84–91.
205. Подольская Н. В. Микротопонимы в древнерусских памятниках письменности // Микротопонимия: сборник исследований по микротопонимии. М.: Изд-во Московского университета, 1967. С. 39–53.
206. Подольская Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы: Словообразовательный анализ. М.: Наука, 1983. 160 с.
207. Полякова Е. Н. От «араины» до «яра». Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь: Кн. изд-во, 1988. 180 с.

208. Попов В. Г. Названия видов старинного якутского наступательного холодного оружия как объекта сравнительного исследования // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 1 (26). С. 106–116.
209. Попов Г. В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (Сравнительно-историческое исследование). Якутск: Кн. изд-во, 1986. 148 с.
210. Поспелов Е. М. Географическая терминология в микротопонимии Восточных Карпат // Микротопонимия: сборник исследований по микротопонимии. М.: Изд-во Московского университета. 1967. С. 23–30.
211. Поспелов Е. М. Оронимика СССР: состояние и проблемы // Оронимика. 1969. С. 4–7.
212. Поспелов Е. М. Из истории отечественной топонимики: развитие топонимических идей в России в XVIII–XIX вв. // Известия Академии наук СССР. Серия: География. 1977. № 3. С. 93–104.
213. Поспелов Е. М. Гидронимические ареалы Центральной Азии // Ономастика Востока. М.: Наука, 1980. С. 118–123.
214. Просвирина И. С. Составные наименования в русской топонимии: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 158 с.
215. Равдан Э. Монгол орны газар нутгийн нэрзүй. Улаанбаатар, 2008. 534 т.
216. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 115 с.
217. Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
218. Рассадин В. И. О тюркском влиянии на лексику отдельных монгольских языков. Текст непосредственный // Очерки по истории сложения тюркско-монгольской языковой общности. Элиста: Калмыцкий госуниверситет. 2007. С. 41–146.
219. Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. СПб.: Нестор-История, 2019. 608 с.

220. Романова Е. Н. Священные места Якутии: традиции и современность // Образы евразийских пространств: пути, перекрестки, святые места: материалы научно-методического семинара. Новосибирск, 2012. С. 309–316.
221. Романова А. В., Мыреева А. Н., Барашков П. П. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. Л.: Наука, 1975. 212 с.
222. Рудных А. И. Семантические модели в гидронимике // Вопросы топонимастики. Свердловск, 1972. Вып. 6. С. 35–74.
223. Рут М. Э. Образная номинация в русском языке: ономаσιологический аспект: Дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1994. 553 с.
224. Саввин А. А. Пища якутов до развития земледелия. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005. 274 с.
225. Савицкая С. В. Сопоставительное исследование языкового сознания русских и якутов (на примере образа родины) // Вопросы психолингвистики. 2017. № 1 (31). С. 203–214.
226. Самсонова Л. Н. Русские и гибридные ойконимы Якутии // Вестник СВФУ. Т. 20. № 3. 2023. С. 100–109.
227. Самтакова К. Б. Топонимы юго-восточных приграничных районов Республики Алтай в сопоставлении с монгольскими топонимами. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013. 184 с.
228. Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. М.: Наука, 1966. 438 с.
229. Селищев А. М. Из старой и новой топонимики // Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 45–96.
230. Сергеев В. И. Категории числа и семантические функции чувашского аффикса множественного числа -сем в сопоставлении с общетюркским -лар (-лер) // Труды НИИ при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1975. Вып. 53. С. 62–72.
231. Серебренников Б. А. О методах изучения топонимических названий // Вопросы языкознания. 1959. № 6. С. 36–50.

232. Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования. М.: РОССПЭН, 1993. 744 с.
233. Сизова Е. А. К проблеме классификации топонимических единиц // Университетские чтения. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. 244 с.
234. Скрябина А. А. Эвфемизмы о тотемных животных в охотничьей лексике якутского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67). Ч. 2. С. 178–180.
235. Слепцов П. А. Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). Якутск, 1964. 196 с.
236. Смолицкая Г. П. Лексика отрицательных форм рельефа в южном наречии и среднерусских говорах // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу: тезисы докладов. М.: Наука, 1972. С. 129–131.
237. Слепцов П. А., Левин Г. Г., Багдарыын Нь.С. уола. Руноподобная и неизвестная письменность на территории Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 2 (27). С. 70–77.
238. Слинкина Т. Д. Мансийские оронимы Урала. Ханты-Мансийск: ОАО Издательский дом «Новости югры», 2011. 480 с.
239. Соловьев П. А. Криолитозона северной части Лено-Амгинского междуречья. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 111 с.
240. Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. 364 с.
241. Старостина Я. Е. Семантические особенности лексики горного ландшафта якутского языка // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2019. № 2 (70). С. 112–121.
242. Стрелов Е. Д. Важнейшие задачи истории в Якутии // Сборник трудов исследовательского общества «Saqa Keskile». 1925. Вып. 1. С. 35–39.
243. Стручкова Я. В. Орографические апеллятивы возвышенного рельефа в якутской оронимии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023а. Вып. 1 (39). С. 29–42.

244. Стручкова Я. В. Якутские соматизмы, обозначающие элементы возвышенного рельефа (в сравнении с другими тюркскими языками) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Якутск. 2023б. Т. 20. № 2. С. 87–98.
245. Стручкова Я. В. Анатомическая лексика в якутской оронимии // Сибирский филологический журнал. Новосибирск. 2024. № 1. С. 177–191.
246. Суздалова У. П. Семантика образа стерха в традиционной культуре якутов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 1 (42). С. 90–96.
247. Сулайманова Л. С. Кыргызские названия в географической (топонимической) терминологии Кыргызстана // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек. 2003. Т. 3. № 1. С. 66–70.
248. Султаньяев О. А. Топонимика Кокчетавской области: лингвистический анализ: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1969. 342 с.
249. Сундуева Е. В. Топонимия Ольхона и Приольхонья; семантика онимических основ. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 128 с.
250. Суник О. П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках в сравнении с другими алтайскими языками. Л.: Наука, 1982. 247 с.
251. Сунчугашев Р. Д. Оронимия Хакасии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 180 с.
252. Сунчугашев Р. Д. Словарь оронимов Хакасии. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2001. 62 с.
253. Сунчугашев Р. Д. Топонимия Хакасии. Абакан: Хакаское книжное издательство, 2009. 196 с.
254. Сунчугашев Р. Д. О некоторых диалектизмах в топонимической терминологии хакасского языка // О. Н. Бетлингк и вопросы тюркской филологии: сборник научных статей. Якутск, 2013. С. 113–116.
255. Суперанская А. В. Против упрощенчества в топонимике // Географические названия. М., 1962. С. 151–154.
256. Суперанская А. В. Как Вас зовут? Где Вы живете? М: Наука, 1964. 94 с.

257. Суперанская А. В. Микротопонимия, макротопонимия и их отличие от собственно топонимии // Микротопонимия: сборник исследований по микротопонимии. М.: Изд-во Московского университета, 1967. С. 31–38.
258. Суперанская А. В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. М.: Наука, 1969. 206 с.
259. Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. 177 с.
260. Суперанская А. В., Исаева З. Г., Исакова Х. Ф. Топонимия Крыма: в 2-х ч. Ч. 1: Введение в топонимию Крыма. М.: Московский лицей, 1995. 215 с.
261. Суперанская А. В., Исаева З. Г., Исакова Х. Ф. Введение в топонимию Крыма: в 2-х ч. Ч. 2: Систематический указатель названий ненаселенных объектов Крыма. М.: Московский лицей, 1997. 403 с.
262. Суперанская А. В. Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
263. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 2012. 370 с.
264. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
265. Тазранова А. Р. Названия помещений и мест стоянок домашних животных на материале алтайского языка (в сопоставительном аспекте) // Вестник калмыцкого университета. 2024. № 2 (62). С. 57–63.
266. Татаринцев Б. И. Местные географические термины северо-восточной Тувы // Советская тюркология. Баку. 1977. № 5. С. 18–26.
267. Тенишев Э. Р. Строй саларского языка. М.: Наука, 1976. 575 с.
268. Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь. М.: Наука, 1981. 276 с.
269. Традиционная деревянная и берестяная утварь якутов / Науч. ред. Р. И. Бравина. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2001. 37 с.
270. Тюнтешева Е. В., Озонова А. А., Кошкарева Н. Б. Родная земля в языковой картине мира народов Сибири // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2024. № 2 (44). С. 46–57.

271. Тюнтешева Е. В., Шагдурова О. Ю., Бадарчы А.-Х. Т. Принципы эвфемистических наименований диких животных в тюркских языках Южной Сибири // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2025. № 1 (47). С. 75–85.
272. Толбина Т. В. Микротопонимия Воронежской области: особенности номинации: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 199 с.
273. Толстой Н. И. Еще раз о «семантике» имени собственного // Актуальные проблемы лексикологии: тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Минск, 1970. С. 200–201.
274. Толстой Н. И. Избранные труды: в 3-х т. Т. 1.: Славянская лексикология и семасиология. М.: Языки русской культуры. 1997. 520 с.
275. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: семасиологические этюды. Серия «Из лингвистического наследия Н. И. Толстого». М., 2006. Изд. 2. 360 с.
276. Топоров В. Н. Из области теоретической топонимистики // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 3–12.
277. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка: в 2-х ч. Ч. I: Простое предложение. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 304 с.
278. Убрятова Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М.: Академия наук СССР, 1960. 151 с.
279. Убрятова Е. И. Историческая грамматика якутского языка. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1985. 60 с.
280. Убрятова Е. И. Исследования по тюркским языкам. Избранные труды. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. 282 с.
281. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 5–86.
282. Ушницкий В. В. Роль ландшафта в формировании якутского этноса // История и современность. 2011. № 2. С. 131–137.

283. Федотова Т. В. Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья // Вестник Томского государственного университета. 2008а. № 309. С. 18–24.
284. Федотова Т. В. Специфика метафорических топонимов в аспекте восприятия мира человеком // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008б. № 2. С. 48–51.
285. Филиппова В. В. Топонимия региональных культурных ландшафтов (на примере Верхоянского района Республики Саха (Якутия) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2015. №2 (5). С. 74–85.
286. Фролов Н. К. Статус микротопонимии в системе топонимии // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982. С. 22–31.
287. Фролов Н. К. Системность русской топонимии в свете лексико-семантических классификаций топонимов // Взаимодействие русского языка с языками коренных поселенцев Урала и Сибири: Сб. науч. тр. Тюмень, 1985. С. 47–54.
288. Цветкова Е. В. К вопросу о семантике топонимов // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009а. № 2. С. 139–143.
289. Цветкова Е. В. Костромская оронимия как отражение особенностей костромской этнокультурной зоны // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009б. № 3. С. 181–185.
290. Цветкова Е. В. К вопросу о структурно-словообразовательной характеристике топонимов // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012а. № 4. С. 106–109.
291. Цветкова Е. В. Белый цвет в костромской топонимии // Вестник Костромского государственного университета. 2012б. № 1. С. 264–267.
292. Чернышева Т. В. Русская региональная орографическая номенклатура Алтая и ее роль в создании имен собственных // Языки и топонимия Алтая. Межвуз. сб. Барнаул: Изд-во АГУ, 1981. С. 45–55.
293. Чернышова Т. В. Русская оронимия Алтая в аспекте номинации: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1988. 269 с.

294. Черняховская Е. М. История разработки топонимических классификаций // Развитие методов топонимических исследований. М.: Наука, 1970. С. 55–65.
295. Чертыкова М. Д. Тюркско-монгольские лексические параллели в соматической сфере // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9. № 1. С. 169–179.
296. Чиркоева Д. И. Категория принадлежности в современном якутском языке. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. 215 с.
297. Хамуркопаран Дж. Взаимодействие тюркских и славянских языков в топонимии Северного Причерноморья: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 254 с.
298. Хвесько Т. В. Номинация географических объектов. М.: Флинта, 2019. 160 с.
299. Хисамитдинова Ф. Г. Названия башкирских населенных пунктов XVI–XIX веков. Уфа: Информреклама, 2005. 279 с.
300. Хисамитдинова Ф. Г., Ягафарова Г. Н., Муратова Р. Т., Валиева М. Р. Место соматизмов в башкирской топонимии // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 157–168.
301. Хисамитдинова Ф. Г., Муратова Р. Т., Ягафарова Г. Н., Валиева М. Р. Цветобозначения в башкирской топонимии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 1. С. 140–159.
302. Хисамитдинова Ф. Г., Валиева М. Р., Ягафарова Г. Н., Муратова Р. Т. Полисемантичность фитотопонимов Южного Урала и Зауралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 2: Филология. С. 35–47.
303. Хисамов О. Р. Тюрко-татарская географическая лексика Западной Сибири: ареальный аспект: Дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2022. 536 с.
304. Хохолова И. С., Пестерева К. А. Исторические и лингвистические аспекты формирования топонимов как показателей освоения ландшафта (на примере Хангаласского улуса РС (Я) // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 49–54.
305. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 437 с.

306. Ческидович А. Н. Пищевая ценность карася якутского // Наука и техника в Якутии. 2008. № 2 (15). С. 1–3.
307. Шамаева А. Е. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка: Дис. ... канд. филол. Наук. Якутск, 2012. 270 с.
308. Широбокова Н. Н. Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск: Наука, 2001. 150 с.
309. Широбокова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 268 с.
310. Широбокова Н. Н. О якутско-монгольских контактах // Народы и языки Сибири. Новосибирск. 1980. С. 140–148.
311. Шмелёва Т. В. Ономастика: учебное пособие. Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ», 2013. 161 с.
312. Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, Институт языкознания, 1961. С. 82–172.
313. Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994. 192 с.
314. Щербак А. М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1997. 292 с.
315. Щербак А. М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб.: Наука, 2005. 195 с.
316. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 143 с.
317. Яценко А. И. Лингвистический анализ микротопонимов определенного региона: курс лекций для студентов филологических факультетов педагогических институтов. Вологда, 1977. 60 с.
318. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden: Steiner, 1963. 557 p.
319. Kaluzynski S. Mongolische Elemente im der jakutischen Sprache. Warszawa: Panstwowe wydawnictwo, 1961. 170 p.

320. Hoffman I., Tóth V. Theoretical Issues in Toponym Typology // *Annals of Austrian Geographical Society*, 2018. P. 281–302. Режим доступа: <https://www.austriaca.at/0xc1aa5576%200x003a9fcb.pdf> (дата обращения: 24.12.2024).
321. Molchanova O. T. A Grammar of Turkic Place-Names in the Mountain Altai. Uniwersytet Szczeciński. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 1998. 348 p.
322. OTWF – Erdal M. Old Turkic Word Formation. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. 874 p.
323. Poppe N. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1974. 195 p.
324. Smilauer V. Uvod do toponomastiky. Praga: SPN, 1963. 219 p.
325. Stachowski M. Is the Yakut fox green? Or remarks on some colour names in Turkic, Uralic, and Yeniseic. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2010. 10 p.
326. Škofic J. Microtoponyms as an important part of Slovenian cultural heritage // *Acta geographica Slovenica*, 57-1, 2017. P. 141–152. Режим доступа: <https://ojs.zrc-sazu.si/ags/article/view/4670/4717> (дата обращения: 18.12.2024).
327. Tóth V. Theoretical considerations in the linguistic analysis of toponyms // *Advances in Comparative Colonial Toponomastics*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. pp. 1–22. Режим доступа: https://mnynk.unideb.hu/publikaciok/toth_valeria_theoretical_considerations.pdf (дата обращения: 24.12.2023).
328. Zamorshchikova L. S., Khokholova I. S., Ikonnikova A. N., Samsonova M. V., Lebedeva V. V. Toponymic landscape of Central Yakutia: etymological analysis of geographical names // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022. № 15 (3). P. 359–370.

Список словарей

1. АлтРС – Алтайско-русский словарь / Отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
2. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М., Новосибирск: Наука, 2000. 765 с.
3. Аникин А. Е. Этимологический словарь русского языка. Вып. 1: А–аяюшки. М.: Языки славянских культур, 2007. 368 с.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
5. БАМРС I – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 1: А–Г. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 520 с.
6. БАМРС II – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 2: Д–О. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 536 с.
7. БРТурС – Большой русско-турецкий словарь / Сост. Н. Н. Богочанская, А. С. Торгашова. М.: Дом Славянской книги. 2009. 608 с.
8. БТСЯЯ IV – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. IV: Буква К / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с.
9. БТСЯЯ V – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. V: Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. 616 с.
10. БТСЯЯ VI – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VI: Буквы Л, М, Н / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2009. 519 с.
11. БТСЯЯ VII – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VII: Буквы Нь, О, Ө, П / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2010. 519 с.
12. БТСЯЯ VIII – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VIII: Буква С – сөллөбөр / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.

13. БТСЯЯ IX – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. IX: Буква С – сөллөй – сээн, h / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2012. 630 с.
14. БТСЯЯ X – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. X: Буква Т: т – төһүүлээ / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013. 575 с.
15. БТСЯЯ XI – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XI: Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2014. 528 с.
16. БТСЯЯ XII – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XII: Буквы У, Y / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2015. 598 с.
17. БТСЯЯ XIII – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIII: Буква Х / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016. 639 с.
18. БТСЯЯ XIV – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIV: Буквы Ч, Ы / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2017. 592 с.
19. БТСЯЯ XV – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XV: Буква Э / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2018. 576 с.
20. БурРС I – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. Н. Бурятско-русский словарь: в 2-х т. Т. I: А–Н. М. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. 636 с.
21. БурРС II – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2-х т. Т. II: О–Я. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. 708 с.
22. Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан: Хакаское книжное издательство, 1995. 267 с.
23. БЭС – Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., СПб.: Большая Рос. энцикл., НОРИНТ, 1998. 1434 с.
24. Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Т. II. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1894. 423 с.

25. ДАЯЯ I – Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты): в 2-х ч. Ч. 1: Фонетика / Сост. С. А. Иванов. Якутск: Издательство ЯФ СО РАН, 2004. 124 с.
26. ДАЯЯ II – Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты): в 2-х ч. Ч. 2: Морфология и лексика / Сост. С. А. Иванов. Новосибирск: Наука, 2010. 177 с.
27. ДСЯС – Диалектологический словарь языка саха / Сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995. 294 с.
28. ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с.
29. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. 6-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2016. 610 с.
30. КазРС – Бектаев К. Б. Большой казахско-русский русско-казахский словарь Астана: Dolphin Agency, 2007. 712 с.
31. КалмРС – Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 760 с.
32. КиргРС I – Киргизско-русский словарь: в 2-х кн. Кн. 1: А–К / Сост. К. К. Юдахин. Фрунзе: Кирг. Сов. Энцикл., 1985. 503 с.
33. КиргРС II – Киргизско-русский словарь: в 2-х кн. Кн. 2: Л–Я / Сост. К. К. Юдахин. Фрунзе: Кирг. Сов. Энцикл., 1985. 475 с.
34. Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1974. 274 с.
35. Комаров Ф. К. Словарь русской транскрипции терминов и слов, встречающихся в географических названиях Якутской АССР. М.: Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1964. 135 с.
36. Комаров Ф. К. Словарь русской транскрипции эвенкийских и эвенских терминов и слов, встречающихся в географических названиях Сибири и Дальнего Востока. М., 1967. 100 с.
37. Конкашпаев Г. К. Казахские народные географические термины. Алма-Ата: АН КазССР, 1951. 47 с.

38. Конкашпаев Г. К. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата. Изд-во АН КазССР, 1963. 185 с.
39. Леонтьев В. В., Новикова К. А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан: Кн. изд-во, 1989. 457 с.
40. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. 4-е изд. М.: Русский язык, 1997. 832 с.
41. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2. изд., доп. М.: Большая Рос. энцикл., 2002. 707 с.
42. МК – Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, пред. и комм. А. М. Ауэзова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
43. Молчанова О. Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая в 2 т. Т. I: А–К. Щecin: Volumina.pl Daniel Krzanowski, 2018. 598 с.
44. Мурзаев Э. М., Мурзаева В. Г. Словарь местных географических терминов. М.: Географгиз, 1959. 303 с.
45. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
46. Ойноткинова Н. Р. Мифология алтайцев: этнолингвистический словарь: в 2 т. Т. 1. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. 512 с.
47. Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2007. 551 с.
48. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 187 с.
49. Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка. Т. I: Буквы А–Дь. Новосибирск: Наука, 2003. 180 с.
50. Пospelов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь. М.: Русские словари, 2002. 512 с.
51. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. Т. III. СПб., 1899. 1911 с.
52. РЭС – Русско-эвенский словарь свыше / Сост. В. И. Цинциус и Л. Д. Ришес. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 779 с.

53. РЭвенкС – Русско-эвенкийский (русско-тунгусский) словарь / Сост. Г. М. Василевич. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 332 с.
54. СИГТЯ 1986 – Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М.: Наука, 1986. 283 с.
55. СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 560 с.
56. СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2001. 822 с.
57. СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред.: Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 907 с.
58. Словарь названий орографических объектов СССР / Сост. К. Т. Глива, С. К. Бушмакин, Т. В. Государенко. М.: Недра, 1976. 302 с.
59. СРНГ – Словарь русских народных говоров: в 52 вып. Вып. 16: Куделя – Лесной / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1980. 378 с.
60. СРНГ – Словарь русских народных говоров: в 52 вып. Вып. 17: Леснокаменный – Масленичать / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1981. 383 с.
61. Словарь топонимов Республики Башкортостан / Сост. А. А. Камалов. Уфа: Китап, 2002. 253 с.
62. ССТМЯ I – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю: в 2-х т. Т. I: Буквы А–Н / Отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. 672 с.
63. ССТМЯ II – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю: в 2-х т. Т. II: Буквы О–Э / Отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1977. 471 с.
64. СТЛ – Багдарыын Сүлбэ. Словарь топонимной лексики Республики Саха: местные географические термины и понятия / Подготовил к печати: Багдарыын Нь. С. уола. Якутск, 2019. 328 с.
65. СЯЯ I – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. Т. I: Буквы А–К. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 1200 стб.

66. СЯЯ II – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. Т. II: Буквы К–С. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 2010 стб.
67. СЯЯ III – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. Т. III: Буквы Т–Ы. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 3858 стб.
68. Татаринцев I – Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка: в 5 т. Т. I: Буквы А, Б. Новосибирск: Наука, 2000. 341 с.
69. Татаринцев II – Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка: в 5 т. Т. II: Буквы Д, Ё, И, Й. Новосибирск: Наука, 2002. 388 с.
70. Татаринцев III – Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка: в 5 т. Т. III: Буквы К, Л. Новосибирск: Наука, 2004. 440 с.
71. Татаринцев IV – Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка: в 5 т. Т. IV: Буквы М, Н, О, Ө, П. Новосибирск: Наука, 2008. 439 с.
72. Татаринцев V – Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка: в 5 т. Т. V: Буква С. Новосибирск: Наука, 2018. 180 с.
73. ТатРС I – Татарско-русский словарь: в 2-х т. Т. 1: А–Л. Казань: Магариф, 2007. 726 с.
74. Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна: по версиям песен «Джангара» и полявым записям автора). Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2001. 493 с.
75. Топонимика Республики Алтай. Книга 1. Шебалинский район / Отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск, 2022. 213 с.
76. Топонимика Республики Алтай: Книга 2. Онгудайский район / Отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск, 2022. 202 с.
77. Топонимика Республики Алтай. Книга 3. Чемальский район / Отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск, 2022. 145 с.
78. Топонимика Республики Алтай. Книга 4. Чойский район / Отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск, 2022. 132 с.
79. Топонимика Республики Алтай. Книга 5. Усть-Коксинский район / Отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск, 2022. 214 с.

80. Топонимика Республики Алтай. Книга 6. Усть-Канский район / Отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск, 2022. 192 с.
81. Топонимика Республики Алтай. Книга 7. Турочакский район / Отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск, 2023. 174 с.
82. Топонимика Республики Алтай. Книга 8. Майминский район / Отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск, 2023. 136 с.
83. Топонимика Республики Алтай. Книга 9. Улаганский район / Отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск, 2023. 185 с.
84. Топонимика Республики Алтай. Книга 10. Кош-Агачский район / Отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск, 2023. 172 с.
85. ТСГА – Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1979. 397 с.
86. ТСЯЯ I – Толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. I: Буква А / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. 680 с.
87. ТСЯЯ II – Толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. II: Буква Б / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. 912 с.
88. ТСЯЯ III – Толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. III: Буквы Г, Д, Дь, И / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. 844 с.
89. ТувРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.
90. ХакРС – Хакасско-русский словарь / Под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1111 с.
91. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. в 2-х т. Т. I: А–Пантомима. М.: Русский язык, 1999. 624 с.
92. ШорРС – Курпешко-Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кн. изд-во, 1993. 146 с.
93. ЭвенкРС – Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г. М. Василевич. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 576 с.

94. ЭСМЯ I – Этимологический словарь монгольских языков: в 3-х т. Т. I: А–Е / Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
95. ЭСМЯ II – Этимологический словарь монгольских языков: в 3-х т. Т. II: G–P / Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
96. ЭСМЯ III – Этимологический словарь монгольских языков: в 3-х т. Т. III: Q–Z / Отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред. сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.
97. ЭСТЯ I – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
98. ЭСТЯ II – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву Б. М.: Наука, 1978. 349 с.
99. ЭСТЯ III – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву В, Г, Д. М.: Наука, 1980. 395 с.
100. ЭСТЯ IV – Севортян Э. В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы Ж, Ж, Й. М.: Наука, 1989. 292 с.
101. ЭСТЯ V – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы К, Қ / Отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.
102. ЭСТЯ VII – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л, М, Н, П, С. М.: Восточная литература РАН, 2003. 446 с.
103. ЭСТЯ IX – Этимологический словарь тюркских языков. Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков / Сост. А. В. Дыбо. Астана: Prosper Print, 2013. 616 с.
104. ЯРС – Якутско-русский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. М.: Сов. энциклопедия, 1972. 606 с.

105. ЯРСС – Якутско-русский словообразовательный словарь: отглагольные имена / Сост. И. Б. Иванова. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2023. 248 с.
106. ЯРТемС – Якутско-русский тематический словарь: имя существительное, глагол / Отв. ред. Н. И. Данилова, Ф. Н. Дьячковский. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2023. 388 с.
107. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 611 p.
108. EDAL – Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003. 1556 p.
109. Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geshichte der Mongolen. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1939. 190 p.
110. Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie del'Université, 1849. Vol. I–III. 2690 p.
111. Lessing F. D. Mongolian-English dictionary. Berkeley: University of California Press, 1960. 1217 p.
112. Poppe N. Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // Известия Академии наук СССР. 1927. Т. XXI. № 18. С. 1009–1040.
113. Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1935. 560 p.
114. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969. 533 s.

Список интернет-ресурсов

1. Книга-фотоальбом «Якутия – неизвестная земля» // <https://dzen.ru/a/YBFv35BsUV9MzIyT> (дата обращения: 08.02.2025)
2. Ленские столбы: как образовались удивительные скалы в Якутии // <https://travelask.ru/blog/posts/11934-lenskie-stolby-kak-obrazovalis-udivitelnye-skaly-v-yakutii> (дата обращения: 04.10.2024)
3. В Момском районе находится гора Юрюнг-Таастаах // https://vk.com/wall85170959_1142?to=L3dhhGw4NTE3MDk1OV8xMTQyP3RvPUwzZGhiR3c0TlRfM01EazFPVjh4TVRReVAzbHpZMnhwWkQxdE5uWjRNMIkxT0drMk1UazVNalUzTXpZeA-- (дата обращения: 17.06.2025)
4. Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий объектов на 16.12.2022 Республика Саха (Якутия) // <https://cgkipd.ru/upload/iblock/7cc/o50oh9ohpw5qhoi3yubswe0y3cimy979.pdf> (дата обращения: 17.06.2023)

Список основных источников на якутском языке

1. Багдарыын Сүлбэ. Мэнэ ааттар. Якутскай: Саха сиринээби кинигэ издательствота, 1979. 286 с.
2. Багдарыын Сүлбэ. Дойду сурахтаах, алаас ааттаах. Якутскай: Саха сиринээби кинигэ издательствота, 1982. 230 с.
3. Багдарыын Сүлбэ. Сири сиксигинэн. Якутскай: Саха сиринээби кинигэ издательствота, 1985. 189 с.
4. Багдарыын Сүлбэ. Ис иһигэр киирдэххэ. Якутскай: Саха сиринээби кинигэ изд-вота, 1988. 239 с.
5. Багдарыын Сүлбэ. Ыал – ийэтинэн. Дьокуускай: Бичик, 1994. 235 с.
6. Багдарыын Сүлбэ. Үс...Сэттэ...Тобус... Дьокуускай: Бичик, 1998б. 187 с.
7. Багдарыын Сүлбэ. Аал уоту оттунан. Дьокуускай: Саха сиринээби кинигэ издательствота, 1992. 186 с.
8. Багдарыын Сүлбэ. Улуустар ааттара. Дьокуускай : Бичик, 2001. 144 с.
9. Багдарыын Сүлбэ. Саха – сир түннүгэ, көмүс илии. Дьокуускай: Бичик, 2002. 175 с.
10. Багдарыын Сүлбэ. Сири-халлааны кыйа анааран. Дьокуускай: Бичик, 2008. 285 с.
11. Багдарыын Сүлбэ. Оройтон саҕалаан. Дьокуускай: Сайдам, 2013. 301 с.

Список сокращений и условных обозначений

Сокращения

а. — алас	м. — местность
афф. — аффикс	м. — метр
букв. — буквально	мн. ч. — множественное число
булг. — булгуннях	напр. — например
в., вв. — век, века	наст. вр. — настоящее время
вм. — вместо	н. э. — нашей эры
возв. — возвышенность	лит. — литературное
вп. — впадина	оз. — озеро
г. — гора	пер. — перевал
г., гг. — год, годы	перен. — переносное
геогр. — географический	п. л. — печатные листы
геол. — геологический	ПМА — полевые материалы автора
гл. — глава	пол. — поляна
глагол. — глагол	прил. — прилагательное
диал. — диалект, диалекты, диалектный	принадл. — принадлежность
дол. — долина	прич. — причастие
досл. — дословно	прош. вр. — прошедшее время
др. — другие, другой	р. — река
ед. — единиц	разг. — разговорное
ед. ч. — единственное число	редк. — редко
и др. — и другие	религ. — религиозное
и т. д. — и так далее	рис. — рисунок
и т. п. — и тому подобное	рч. — речка
км. — километр	руч. — ручей
кочк. — кочкарник	с. — страница
л. — лицо	ск. — скала
лит. — литературный	см. — смотрите

ср. – сравните

сущ. – существительное

табл. – таблица

т. е. – то есть

т. к. – так как

в т. ч. – в том числе

тыс. – тысяча

ур. – урочище

устар. – устаревшее

ущ. – ущелье

фолькл. – фольклор

хр. – хребет

эвф. – эвфемизм

Названия языков, диалектов и говоров

абый. – абыйский говор якутского
языка

азерб. – азербайджанский

алл. – аллаиховский говор якутского
языка

алт. – алтайский

анаб. – анабарский говор якутского
языка

бао. – баоньский

башк. – башкирский

бул. – булунский говор якутского
языка

бур. – бурятский

верх. – верхоянский говор якутского
языка

верх.-кол. – верхнеколымский

вил. – вилуйский говор якутского
языка

гаг. – гагаузский

даг. – дагурский

др.-тюрк. – древнетюркский

др.-уйг. – древнеуйгурский

дунс. – дунсянский

есей. – есейский говор якутского
языка

жиг. – жиганский говор якутского
языка

зап. – западное наречие бурятского
языка

инд. – индигирский говор якутского
языка

к.-балк. – карачаево-балкарский

каз. – казахский

калм. – калмыцкий

караим. – караимский

кет. – кетский

кирг. – киргизский

к.-калп. – каракалпакский

коб. – кобыйский говор якутского
языка

койб. — койбальский говор хакасского языка	ПМонг. — прамонгольский
кол. — колымский говор якутского языка	п.-монг. — письменно-монгольский
кум. — кумыкский	прасамод. — прасамодийский
маньчж. — маньчжурский	ПТунг. — пратунгусский
мег.-канг. — мегино-кангаласский говор якутского языка	ПТюрк. — пратюркский
мнгр. — монгорский	ПЯпон. — праяпонский
мом. — момский говор якутского языка	рус. — русский
МОНГ. — монгольский	саг. — сагайский диалект хакасского языка
нам. — намский говор якутского языка	сакк. — саккырырский говор якутского языка
нан. — нанайский	санкр. — санскрит
нег. — негидальский	сол. — солонский
нем. — немецкий	ср.-кол. — среднеколымский говор якутского языка
нижн.-кол. — нижнеколымский говор якутского языка	ср.-монг. — средневековый монгольский язык
ног. — ногойский	стп.-монг. — старописьменный монгольский
нюрб. — нюрбинский говор якутского языка	сунт. — сунтарский говор якутского языка
общетюрк. — общетюркский	тат. — татарский
ойм. — оймьяконский говор якутского языка	татт. — таттинский говор якутского языка
ойр. — ойратский	тел. — телеутский
олен. — оленекский говор якутского языка	тув. — тувинский
орд. — язык монголов Ордоса	тунг. — тунгусский
орок. — орокский язык	тунг.-маньч. — тунгусо-маньчжурские
ороч. — орочий	тур. — турецкий
осм. — османский (турецкий)	туркм. — туркменский

тюрк. – тюркские	чул. – чулымский
узб. – узбекский	хак. – хакасский
уд. – говор удских якутов Хабаровского края	ханг. – хангаласский говор якутского языка
уйг. – уйгурский	халадж. – халаджский
ульч. – ульчский	халх. – халхаский язык
усть-алд. – усть-алданский говор якутского языка	чаг. – чагатайский
усть-май. – усть-майский говор якутского языка	чув. – чувашский
усть-ян. – усть-янский говор якутского языка	шор. – шорский
	эв. – эвенский
	эвенк. – эвенкийский
	як. – якутский

Список грамматических значений в глоссах

AOR – причастие настоящего времени

GEN – генитив / родительный падеж

NEG – отрицание, отрицательный

PCP.PST – причастие прошедшего времени

PROPR – проприетив

POSS.3SG – принадлежность 3 лица единственного числа

POSS.3PL – принадлежность 3 лица множественного числа

REL.ADJ – аффикс, образующий реляционные прилагательные, т. е. обозначающие отношение к мотивирующей основе – пространственное, временное или иное

RES – результатив

Приложения

Приложение 1. Словарь якутских орографических апеллятивов¹⁹

Аан – 1) проем, отверстие, проход в строениях, ограждениях, предназначенное для входа, выхода, а также дверь, створ, ворота, жерди и т. п. для закрытия этого отверстия; 2) (прил.) встречающийся первым, первоначальный (на пути следования): *аан хайа* – находящаяся впереди гора

Аарбын – невысокая гора с каменистой вершиной

Аартык – 1) горный перевал; 2) теснина, горное ущелье, горный проход, гоорная падь; 3) (мом.) нагорье: *аартык аана (айаба)* – вход перевала в ущелье и выход его из ущелья; подъем (начало) перевала на гору и спуск с горы; начало пути

Адаар – 1) торчащий множеством остроконечных пиков (о цепи гор); 2) кочкарник; скалистые горы, нагромождение утесов, скал; 3) острые скалистые зубья; неровные, ломаные очертания горы

Адыр – (жиг.) острые камни, выступающие на склонах и вершине горы

Адарбай ~ адырбай – 1) труднопроходимое, бугристое, заросшее высокими кочками место; 2) кочкарник с рытвинами, ухабами; 3) покрытое травой, кустарником место

Адарбана ~ адырбана – 1) заросшая труднопроходимым кочкарником (местность); 2) (вил.) место, покрытое крупными неровными кочками

Адырыын – 1) отросток, бугорчатость; 2) бугристое, ухабистое место

Адьярбай – (усть-ян.) низкие земляные холмы, имеющие форму конуса

Аддыгыр – (алл.) место, где имеется большое количество низких земляных холмов

Айах – 1) орган человека, животных и птиц для принятия пищи, произношения звуков, рот; полость рта; губы и окружность рта; 2) ущелье; проход в горах; 3) отверстие, дыра, вход, проход; 4) место, откуда что-либо берёт свое

¹⁹ В словарь вошли орографические апеллятивы, участвующие в формировании якутской оронимии, а также зафиксированные в лексикографических источниках якутского языка, но не отмеченные в оронимах.

начало, начальная точка; 5) устье; место впадения речки, реки в реку, озеро, море: *сирэм айаба* – (верх.) углубление, образовавшееся в результате почвенного пожара

Алаас – 1) алас, чистое поле (или луг), окруженное лесом; чистая поляна среди леса, поле или луг, окруженные лесом (обычно с озерком посередине); 2) (геогр.) аласы, плоские понижения в районах распространения многолетнемерзлых горных пород, образующиеся в результате протаивания и просадки грунта: *чөнөлөх алаас* – алас с маленьким, круглым озерцом; 3) (нам.) земли, расположенные за коренным берегом р. Лены; незаливные луга: *бүөр алаас* – небольшая круглая поляна, примыкающая к большой; *бүтэй алаас* – алас, поляна, находящаяся в захолустье; алас в глухом лесу; *онкучах алаас* – глубокая котловина, *сынаһа алаас* – поляна длинной продолговатой формы, имеющая с двух сторон возвышенности (в отличие от обычных, круглых); *тыымпы алаас* – небольшая поляна в лесу с полноводным озером без берегов; *чонкучах алаас* – находящаяся в глухом лесу котловина; *чонголох алаас* – маленькая, совершенно круглая поляна, окаймленная крутыми возвышениями; круглая, довольно глубокая котловина; *уулаах алаас* – сырое, наполненное водой и окруженное лесом место

Алаас-сыһы – окаймленное лесом широкое, круглое поле; широкий чистый луг

Алынах ~ анылах – 1) лесная небольшая поляна; 2) болотистое, заросшее кустарником, травой место в лесу; 3) лесное болотистое озерко с кочкарником; 4) (коб.) березовая роща в низине

Алыы – 1) узкая, длинная речная долина, поросшая кочкарником, кустарником, молодыми березками; 2) низменный луг; 3) (абый., алл., вил., верх., коб., мом., ср.-кол. верх.-кол.) поляна, долина посреди леса, заросшая кустарником и травой или же кустарником и мхом; 4) (усть-ян.) поляна, иногда с водоемом, покрытая травой и мхом; 5) (нижн.-кол.) болотистое место; 6) (сакк.) ровное поле

Ана – 1) открытый, отворенный; 2) ущелье, расселина, промоина

Анаалык – пропасть, впадина

Анхай – 1) яма, углубление, трещина на поверхности земли; 2) (вил., сунт, чур.) кочкарник с крупными кочками

Анхалаат – яма, углубление на поверхности земли (размером больше, чем «заячье логово»)

Аппа ~ **апка** – 1) овраг; яма, рывина; 2) лог, ложбина; 3) падь, распадок (в горе)

Аппа-дьяппа – труднопроходимое, со многими оврагами, рывинами место

Арал – 1) остров; 2) долина речки; 3) (верх.-вил., вил., горн., нюрб., сунт.) вся долина реки, речки, находящаяся между двумя коренными берегами; долина реки, речки, заливаемая весенним половодьем; 4) (жиг.) долина реки, речки, заключенная в изгиб

Арбас – 1) холка, хребет, передняя часть спины зверя, скотины; спинка рыбы; 2) спина человека; 3) верхняя часть, хребет далеко тянущейся горы, возвышенности; 4) водораздел, горный хребет; выпуклость земной поверхности; холм; гребень, кряж: *арбас хайа* – горная цепь, хребет; *үрдүк арбас* – вершина, верхушка чего-л.

Ардаат – (диал.) местность с неровной поверхностью, там и сям возвышающимися, торчащими камнями

Ардай – овраг, ущелье; промежутки, расщелина

Ардырбай – 1) (диал.) неровная, с остро выступающими камнями местность; 2) конический утес

Арыы – 1) остров (озерной, речной, морской); 2) приречные, островные луга, сенокосные угодья: *арыы кумах* – песчаный полуостров на реке, речке, *кумах арыы* – песчаный остров, *күөл арыыта* – остров на середине озера, *мас арыы* – островок леса; участок леса на открытой местности; колок; остров (на реке, озере), заросший лесом, *таас арыы* – каменный остров, *талах арыы* – тальниковый остров, *тиит арыы* – речной остров, состоящий из одной лиственницы или на котором растет небольшое количество редких деревьев, *тумул арыы* – полуостров, *харыйа арыы* – речной остров, состоящий из сплошной ели или на котором растет небольшое количество редких елей, *хатын арыы* – речной остров, состоящий из сплошной березы или на котором растет весьма небольшое количество берез, *өрүс арыыта* – остров, находящийся в русле реки, *үрэх арыыта* – остров в долине реки

Атах – 1) нога, ноги; 2) водное пространство, вдавшееся в сушу; 3) суживающаяся часть равнины, поляны; 4) залив (озера); 5) удлиненная, выдающаяся часть какого-либо географического объекта (аласа, острова и т. д.); 6) конец, удаленная часть какого-либо географического объекта; 7) последний, худший географический объект, по сравнению с другими; 8) удлиненная, выдающаяся часть какого-либо географического объекта (аласа, острова и т.д.)

Ахпа – (амг., тат.) падь, распадок горы

Баар – (верх-вил.) поле, оставленное на одно лето обработанным

Баас – 1) повреждение от какого-л. внешнего воздействия, рана, ранение (напр., на теле кого-либо); 2) трещина, изъявление на поверхности земли

Бааһына – вспаханное поле, пашня: *бурдук бааһыната* – вспаханное поле для зерновых

Баџарах – 1) низкий горшок с широким верхом (обычно для молока); 2) округлая довольно обширная низменность; поле, луг; 3) (вил., сунт.) часть луга, вклинившаяся в лес

Бадъараах ~ байдъарак – 1) овраг; 2) (бул.) обрывистая крутая горка

Бас – 1) голова (человека или животного); 2) верхняя или передняя часть чего-л.; 3) утолщенная, расширенная часть или конец чего-л.; удаленная часть или конец чего-л.; 5) место, где что-либо берет начало (напр., река, ручей); 6) верховье, исток, устье реки; 7) передняя, головная, начальная, восточная сторона, верхняя часть географического объекта; 8) выдающийся край местности; 9) большой, главный из географический объект: *арыы баһа* – начало речного острова

Баттах – 1) волосы; 2) густая шерсть на голове животного или перья на голове птицы; 3) небольшого размера возвышенная местность с растительностью; 4) окраинная, незначительная часть местности; край леса

Биил – 1) талия (часть туловища человека); 2) суживающаяся посередине часть географический объект; седловина (горы); широкий плоский перевал

Билии – 1) узкая полоса леса или возвышенность, находящаяся между двумя водоемами, полянами; 2) полоса суши, разделяющая близлежащие озера или неглубокое узкое место озера, перешеек

Битгэх – 1) перекладина, скрепа, прочно соединяющая части чего-л.; 2) высокая, выступающая (напр., в реку) местность

Боллоот – бугристая, неровная местность

Боллороот – (разг.) бугристая местность

Боллох – бугорок, бугорок земли

Боруо ~ барыа – (абый., жиг., коб., нам., ханг.) возвышенность, возвышенное место, видимое издалика

Боруонка – 1) приспособление для переливания жидкостей: конусообразный резервуар с трубкой, воронка; 2) яма от взрыва бомбы, снаряда или подобная этому выемка в чем-либо

Боруорба – (верх.-кол., сунт., тат.) пропасть, обрыв, промоина, образовавшиеся вследствие прорыва, размыва берега

Босхо – 1) (прил.) отдаленный или отделившийся от основной массы, стоящий особняком; отдельный, обособленный; 2) орографический объект, стоящий обособленно, отдельно от основной массы»; 3) (жиг.) вершины скалистых гор, гольцы

Бөдүргэй ~ бүдүргэй ~ бүдүркэй – 1) более жирная передняя часть грудинки; 2) передняя выдающаяся часть чего-л., выступ; 3) голый высокий мыс (образуемый, напр., излучиной реки); 4) место, имеющее округло выгнутую наружу поверхность; 5) горный мыс, выдавшийся вперед

Бөлкөй ~ бөлөбөс – 1) маленький остров; 2) остров в речной долине, заросший ивой; 3) вновь образованный или образующийся остров; 4) островок густой растительности

Булгуннях – 1) возвышенность небольшой окружности нередко с крутыми склонами, холм; 2) большой бугор, одиноко стоящий на открытой местности

Булџаат ~ былџаат – (нюрб.) бугристая, ухабистая местность

Булун – часть, уголок поляны, долины (нередко с водоемом), вклинивающийся в лес, в гору

Буодьу – 1) узкая полоска меха, нашитая по краям одежды, меховая оторочка, опушка; 2) то, что находится вокруг чего-л., окаймляет что-либо (напр., озеро, поляну и т. п.); 3) опушка, окраина открытой местности (аласа, поля)

Буолак – (диал.) 1) пашня; 2) поле битвы, сражений; 3) (устар.) поле; безлесная равнина: *чыыстай буолак* – (фольк.) в некоторых олонхо: место, где бьются богатыри (букв. чистое поле); *бурдук буолага* – пашня

Буом – труднопроходимое ущелье; тропинка в горном ущелье

Быар – 1) печень; 2) середина, средняя часть склона, пригорка, бугра, горы; 3) выступающая часть, выступ какого-либо орографического объекта

Быардыйа – 1) уступ горы; 2) поляна небольших размеров на горке, возвышенности

Быгылах – (разг.) небольшие бугорки на неровной поверхности

Былдаат – (нюрб.) кочкарник

Быллаар – 1) местность, покрытая небольшими буграми (в большинстве случаев, о буграх северных, т. е. обращенных на юг склонах аласов); 2) (диал.) маленький бугорок, неровность земли, рытвина; 3) возвышенное ровное сухое место сенокосного угодья

Быллараат – неровности, ухабы дороги

Быллыа – 1) твердый шишковидный нарост, желвак; 2) небольшой бугорок

Быраан ~ мыраан ~ мураан – 1) горы, холмы вдоль берега или долины реки; коренной берег, высокая терраса (обычно у рек, текущих по плоскогорью); 2) горный кряж; хребет; 3) (абый., верх-кол.) обширное чистое поле, долина

Бырабаал – (амг.) горный перевал

Быттык – 1) пах; 2) окраина, уголок обширной местности; залив озера, реки

Быыс – 1) занавес; 2) предел, край какой-л. местности; 3) горный хребет, река, лес, болото и т. д.

Бэлэс – 1) глотка, горло; гортань; 2) мягкое нёбо; 3) место выхода малых рек в долины крупных рек; 4) узкое ущелье, проход в горах

Бэрэ – 1) поляна, прилегающее к озеру; 2) озерцо (прилегающее к большому озеру, обычно не имеющее названия)

Бэһэл – 1) (прил.) низкорослый, отставший в росте; 2) орографический объект небольших размеров; невысокая гора

Дабаан – 1) возвышенность; подъем в гору; склон горы; горный перевал; гора, пригорок, падь

Дабайар ~ дабатар – путь на гору, подъем; горный перевал

Дарпы – (бул.) скалы; скалистая местность

Добун – (вил., сунт., тат., усть-май.) сухое возвышенное место

Добуун – 1) (устар.) сухая возвышенность, местность; участок покосного угодья; 2) возвышенное, редко заливаемое место; пригорок; увал

Долбуур – 1) полка (горизонтально укрепленная на стене доска для различных предметов); 2) (перен.) выступ (горизонтальное ровное место на склоне возвышенности или горы; употребляется в притяжательной форме)

Дүбдүр – возвышенное, сухое место с мягкой, рыхлой почвой

Дэбгэ – (олен.) равнина среди леса, поросшая тальником

Дэбдир – выбоины, ухабы, неровности (дороги)

Дэбдиргэ – (прил.) высоко расположенная сухая часть рельефа с твердой или каменистой почвой

Дэгдэли – возвышающийся над плоскостью; имеющий значительную толщину, увеличенный в объеме

Дэхси – 1) (прил.) гладкий, ровный (о поверхности); 2) местность с ровной поверхностью: *дэхси сир* – равнина

Дулџа – бугорок на низменном или болотистом месте, поросший травой или мхом, кочка: *ат дулџа* – высокий труднопроходимый кочкарник (букв. кочка-лошадь); *буһуудал дулџа* – устар. засохшая кочка, на которой не растет трава

Дуунда – (верх.) равнина в верховьях речек; 2) общее название территории к востоку от ленского водораздела

Дьяама – 1) вырытое или образовавшееся в земле углубление, яма; 2) выбоина, ухаб: *холбуйуу дьяама* – (арх., чур.) глубокая яма с изгородью с обеих сторон, устраиваемая для добычи лося

Дьяангы – 1) скала, лишенная растительности; гольцы 2) голая поверхность каменной гряды; 3) (бул.) возвышенность в тундре; 4) (анаб., олен.) тундра; 5) (прил.) каменистый, скалистый, лишенный растительности

Дьяар – крутой берег, обрыв реки, озера, яр: *хара дьяар* – (верх.) крутой, обрывистый берег

Дьяба – 1) продольная расщелина, трещина; след старых поверхностных повреждений (на дереве); 2) расщелина, ущелье, овраг; трещина на поверхности земли; 3) (бул.) протока реки, речки

Дьябадды – 1) угол рта; 2) две противоположные стороны (какого-л. отверстия, прохода)

Дьайын – бок, боковая сторона, край, конец чего-л.: *таас хайа дьайынар* – на краю скалы

Дьялбаһа – лощина; овраг, лог, падь

Дьяппа – лог, овраг, расщелина, образованные действием дождевых и талых вод

Дьяпка ~ **дьяпха** – овраг, лог, расщелина между выступами гор

Дьирбии – (геогр.) водораздел

Дьиэллигэс – насквозь просматриваемое длинное узкое открытое место, просвет (в лесу – просека, проталина, в горах – расщелина и т. п.)

Дьоборо – ущелье

Дьогдьоот – лесистая возвышенность, хребет между реками

Дьогдьороот – лесистая бугристая горная возвышенность, служащая водоразделом

Дьогдьуур – 1) выступающая вверх продолговатая вершина горы, возвышенности; 2) водораздел; горный хребет

Дьолон ~ **дьолоон** – отвесный камень, скала, на которой находит убежище горный баран – *чубуку*

Дьороон – 1) длинная узкая неглубокая ложбина, заполненная водой; 2) (бул.) узкое длинное озеро; 3) (верх.) узкое протяженное поле (луг) посреди леса или на

его опушке; 4) (вил.) пересыхающая речка; ложбина; 5) (ср.-кол.) озерко; размытая водой низменность, заболоченная, неровная низина

Дьѳбүк – небольшое ущелье

Дьѳлѳ: дьѳлѳ тардыы, дьѳлѳ түспүт – выбоина, пробоина, провалившееся место

Дьүгдьюур – вершины каменных гор; горный хребет

Дьүодья – отдельно стоящий пригорок, мыс

Дьүлай – 1) родничок, темя; 2) верхушка, макушка чего-л. (напр., горы)

Дьүоһах – глубокая ложбина, расщелина в горах

Дьүруу – 1) возвышенность удлиненной формы; 2) (лен.) прибрежный узкий травянистый участок, иногда используемый для сенокошения

Дьүгдьеэр – выпуклость, неровность поверхности земли

Дьүүһүн – (устар.) небольшое кочковатое место в перелесках

Дьыраа – 1) маленькая короткая ложбина, впадающая в ручеек; 2) разветвление речек; исток речки; продолговатая ложбинка; овраг; промоина, вымоина; 3) (абый., бул., верх.-кол., верх., тат.) горный ручей, ручеек

Дьэллигэс – 1) (прил.) открытый, чистый (напр., о широкой просеке, распадке в лесу); 2) чистое, без деревьев или с весьма редким древостоем, продолговатых очертаний место в лесу; 3) овраг, ложбина; широкая выбоина

Дьэллэбэс – открытое место (без деревьев или с невысокой кустарниковой растительностью) в глухом лесу или на опушке леса, напоминающее по форме расщелину

Дьэллэн – лужайка посередине или на опушке леса

Иикээн – (диал.) 1) падь (узкая глубокая долина, ущелье в горах); перевал; 2) гряда (ряд небольших гор, холмов) в тундре

Иин – 1) яма (вырытое в земле углубление); 2) ров, овраг, пещера

Искэн – 1) опухоль; нарыв; 2) место бугристое, грязное, с трещинами

Истиэп – степь

Иэдэс – 1) щека; 2) боковая плоская часть чего-л.; 3) лицевая сторона горы, скалы, возвышенности; южный склон косогора, пригорка, пригорка; 4) скалистые,

обрывистые, высокие берега реки; высокие берега, расположенные друг против друга по обе стороны реки

Иэйэ – 1) сырая поляна в тайге с кочками и кустарником вокруг; 2) (абый.) склон, скат горы; горки; ложбина между горами, овраг, служащие истоком речки»; 3) (верх-кол.) закрытое от солнца низкое сырое место

Иэн – 1) поверхность (равнины и т. п.); 2) обширное пространство; простор

Иэрэ – примыкающая к реке или озеру ложбина, впадина, высыхающая после половодья

Иэхэр – (амг.) место неровное, изъямленное, с трещинами, обвалившееся и ставшее непригодным для хозяйственного использования (напр., сенокошения)

Кайачаан – (уд.) бугор (от *хайа* ‘гора’)

Касаа – 1) длинная узкая отмель, идущая от берега; 2) низменный узкий мыс

Киин – 1) пуповина; пупок; 2) середина чего-л.: *сыһыы киинэ* – середина поляны

Кинигэ – 1) загривок, подзатыльник; 2) небольшая возвышенность удлиненной формы

Киллэм – безлесное, открытое, ровное поле

Килиэ – 1) (прил.) имеющий блестящую ровную гладкую поверхность; 2) местность с блестящей, отполированной поверхностью; 3) сплошная масса (камня, горы)

Килиэр – голая, без растительного покрова скала, гора

Килэмэн – 1) (прил.) без единого деревца, равнинный, открытый (о ландшафте: поле, долине; 2) возвышенная просторная местность без растительного покрова

Кирбии – 1) горный хребет, возвышенность, перевал; водораздел; 2) гребень горы: *кирбии аартык* – узкая полоса (по которой можно пройти) между горой и рекой

Киргинньэх – (жиг.) возвышенность

Кирээдэ – 1) гряда, грядка в городе; 2) продолговатая возвышенность небольшого размера

Киһилээх – 1) местность, где имеются высокие (10-20 сажен) каменные столбы, фигуры выветривания, скалы, издали похожие на человека или группу людей; 2) скалы с петроглифами – «писаницами» (от *киһи* ‘человек’); 3) (верх.) *киһилээх* – горные вершины, где расположены каменные глыбы, напоминающие сидячие или стоячие величественные человеческие фигуры

Китиэмэ – 1) (анаб.) сухое ровное место в тундре с твердым грунтом, поле»; 2) (есей.) сухое ровное поле над берегом реки, терраса

Көбүл – 1) прядь гривы, падающая на лоб лошади, челка; 2) пучок перьев, торчащий на голове птицы, хохол; 3) челка; 4) видный издали, выдающийся вперед географический объект; 5) передняя, выдвинутая вперед часть местности; 6) верхняя, виднеющаяся, нахотлившаяся часть возвышенной местности

Көндөй – 1) (прил.) пустой, полый изнутри; пустой внутри, порожний, ничем не заполненный; 2) узкая глубокая долина, овраг, ущелье, котловина между горами; выемка, впадина

Көнкүс – овраг, рывина

Көппөлгөн – возвышенная местность, возвышенность

Көтүрүөс – полосовидная поляна

Куду – (сунт.) вырытое скотом углубления

Кугда – (есей.) холмистая местность, лишенная растительности

Куоҕай – (сунт.) поляна вытянутой формы, глубоко вдающаяся в лес

Куолаҕай ~ **куолаҕай** – узкий длинный проход; ущелье, теснина

Куолай – 1) пищевод; 2. горлышко (бутылки или др. сосуда; 2) узкое длинное ущелье, горный проход; проток, рукав реки; узкий пролив; вообще любая узкая, суживающаяся местность

Куолаар – низины между буграми северных склонов аласов и речек

Куолаҕас – ущелье

Куоллараан – узкий подземный проход

Куонхаар – углубление, выбоина, впадина, рывина; лог, овраг; котловина

Куоһаҕас – ровная поляна посреди леса (меньше аласа и без крутых склонов)

Куоһах – 1) длинное углубление, ложбина; 2) низменная долина

Кур – 1) пояс, ремень; 2) горный хребет, протянувшийся полосой на далекое расстояние; удлиненная возвышенность; 3) орографический объект, опоясывающий что-либо

Курбуу – ряд заметных морщин, полос и т. д.: *орто курбуу дьабыл дойду* – (фольк.) с разнообразной природой, ландшафтом и т. д. (один из постоянных эпитетов Среднего мира (планеты Земля))

Куртах – 1) желудок; 2) часть широкой местности в виде укромного придатка, окруженного лесом или холмами (напр., часть аласа, часть озера в виде залива); 3) отдаленная, обособленная часть (реки, озера, поля и т. д.)

Кутуйа – 1) сычуг (второй желудок жвачных); 2) морской или речной залив; 3) выдавленная часть (поляны)

Кутурук – 1) хвост (животных и птиц); 2) отрог горы, горки, суживающийся край острова, озера и т. д.; 3) конечная, хвостовая, задняя часть географического объекта; 4) длинный, узкий географический объект: *арыы кутуруга* – конец, окончание речного острова

Кууба – (геогр.) чистая поляна у края тундры

Куула – 1) южная тенистая, малоосвещаемая солнцем сторона местности (напр., аласа); южная сторона местности (напр., реки); 2) северный склон; склон, обращенный на север, у реки – на запад; 3) (абый., ханг.) лесная чаща; 4) (верх-кол., верх., вил., коб., ср.-колм.) местность тенистая и малодоступная ветру; 5) (олен.) безветренный и пасмурный

Куунтук – (верх-кол.) более чистый, ровный участок в местности, занятой кустарниками

Куутаба – (диал.) обособленная, невидимая часть обширной местности (долины, леса и т. д.), находящаяся в стороне от наблюдателя, невидимая часть обширной местности (напр., долины, леса)

Күбэ – 1) глубокая прибрежная подгорная долина; 2) то, что полосой окружает, окаймляет какой-л. географический объект (лес, любая растительность, берег, горка, гора и т. п.)

Күнтүкэ – 1) (есей., олен.) сухое возвышенное место, холмик; 2) неровное место, кочки в тундре; поляна на горе, на возвышенности; чистая поляна на берегу реки: *кунтика сир* – сухое возвышенное место

Күнкүй ~ күнкүйэ – 1) расщелина в скале; узкое ущелье; (алд., верх.-кол., жиг.) овраг; рытвина

Күнкүр – (кол.) промоина

Күнкүс – 1) рытвина, овраг; 2) (вил.) речка с обрывистым берегом; 3) (олекм.) глубокая рытвина, пещера

Күр – обрыв

Күрбэ – (ойм.) береговая гора

Күрүлгэн – обрыв; обваливающийся берег

Кыбыттаҕас – узкая расщелина в горной местности

Кыбычыын – 1) очень узкий, тесный; 2) узкий проход, теснота

Кыйа – косогор, тянувшийся вдоль берега реки, речки; непрерывная цепь возвышенности, тянувшаяся по окраине какого-либо географический объект

Кыйыа – 1) склон по краю берега реки, речки; 2) горы, тянущиеся вдоль берега реки, речки

Кыла – (алд., олекм.) отвесная голая скала; выдавшийся, выступивший камень скалы, где любят укрыться горные бараны, изюбры

Кындаа – 1) возвышенность между двумя или многими бассейнами рек, релка, водораздел; 2) вершина, хребет горы, возвышенности'

Кынырай – 1) хребтик с мелкой лесной порослью; 2) (жиг.) кромка вершины горы; 3) (мом.) мыс (горы, скалы и т. д.); 4) небольшие отроги хребтов; 5) перелесок с мелкими редкими деревцами, тянувшийся длинной узкой полосой между соседними аласами или озерами

Кынырыы – 1) (анаб., лен.) водораздел, отделяющий бассейн одной реки от другой; 2) (анаб.) небольшой мыс

Кыпчаан – узкая глубокая расщелина в горах

Кыпчык – (абый.) местность, сжатая крупными объектами (напр., хребтами)

Кырбаат – горный перевал; труднопроходимое возвышенное место с редким лесом

Кырдай – (лен., олекм., ханг.) высокие незатопляемые возвышения в основном на островах, сенокосных угодьях

Кырдал – ровная возвышенная сухая полоса на поле, на сенокосном угодье с небольшим травостоем: *сатыы кырдал* – холм, *кырдал сир* – продолговатое травяное место, *урдук кырдал сир* – не низменное место

Кыртас – 1) гора или любое возвышенное место с сухостоем, образовавшимся вследствие лесного пожара; 2) высокие, обрывистые берега рек

Кырыла – чистое, ровное, сухое, чуть возвышенное место

Кыстык – сопка (гора, холм, булгуннях), пологая с одной стороны и круто спускающаяся с противоположной

Кыһа – 1) высокий, крутой берег реки; 2) ущелье, теснина; узкое место; прижим

Кыһам – 1) высокий, отвесный берег; 2) узкая полоса земли вдоль отвесного берега

Кытыл – 1) берег, побережье; 2) береговая долина; заливной луг

Кытыы – берег, побережье; мелководье у берега

Кычам – крутой берег, размываемый водами

Кэдээл ~ кэдээн – 1) низменное место; низина; 2) ложбина, впадина

Кэнэр – высокие кочки

Кэнэрдээх: кэнэрдээх сир – (верх.) лук, покрытый высокий кочками

Кэнэрии ~ кэнгирии – 1) переносица; носовая полость перед переносицей; 2) удлиненная возвышенность в виде широкого хребта; водораздел; выпуклость земной поверхности; гребень; кряж

Кэрдиис – уступ (берега, горы и т. д.): *киэн дойду кэрдиистээх* – широкая страна с уступами (бугры)

Кэрии – край, конец, окраина чего-л.: *сыһыы собуруу кэриитэ* – южный край поляны

Кэрискэ – 1) горы, расположенные подряд; 2) (анаб.) берег, прибрежная гора

Кэтэх – 1) затылок; 2) задняя сторона кого-чего-л.; противоположная сторона чего-л.: *ым кэтэбэ* – труднопроходимое, ухабистое, бугристое место, бугорок

Лаайда – (абый., алл., анаб., бул., жиг., нижн.-кол., олен., усть-ян.) расположенная у берега реки или моря равнина, песчаная равнина, которая затопляется водой; морской берег; (алл.) высохшее озеро; поляна, сухой луг

Лаамыга – прибрежная долина, где коренной берег, лес находится далеко

Лааппы – уступ горы: *хайа алын лааппытыттан үттэнэ түстэ* – он ступил на нижнюю ступень (уступ) горы

Лабырбай – (разг.) неровность на дороге в виде крупной кочки, серьезно затрудняющая движение транспортных средств

Лаппараах – (разг.) земляные ступеньки, уступы (напр., на склоне горы, горки)

Лаппаран – (диал.) широкий уступ в виде небольшой равнины на склоне горы, холма, широкая горная терраса

Лаһырбай – выбоины, ухабы, затрудняющие движение (на дорогах)

Логлоор – (разг.) выпуклость на ровной поверхности земли, маленький бугорок;

Логлороот – выпуклые неровности, бугорочки на поверхности чего-л.

Лонтохо – (анаб., бул., олен.) гора; горный хребет; высокое место; возвышенность горной цепи; возвышенность на поле; высокий холмик в тундре; возвышенные места, небольшие сопки

Лооглоор – холм, холмик, бугор

Лэкэ ~ лэкээ – 1) гора, сопка, бугор, напоминающие по форме, напр., усеченную пирамиду, копну и т. д.; 2) географический объект небольшого размера; 3) часть какого-либо географического объекта

Маарыкта – влажное низкое место с мшистой почвой посреди леса

Модьобо – 1) дверной порог; 2) окаймляющая часть чего-л. в виде выступа, выступ

Молдьобой – 1) отдельная крайняя выпуклость у склона какой-л. возвышенности, горы; холм; пригорок; 2) холм; пригорок

Моой – 1) шея; 2) узкая часть чего-л., шейка (реки, озера); 3) перешеек; перехват; суживающаяся часть географического объекта; 4) длинный, узкий географический объект; 5) (ойм.) небольшой спуск

Муос – 1) рога; 2) отрог; остроконечная вершина горы; 3) утес; 4) остроконечная выдающаяся часть географического объекта; 5) мыс: *хайалар муостара* – ряд остроконечных отрогов, остроконечные вершины

Мөбөһүн – холм

Мөлдөгөй – 1) отдельная выпуклость на склоне чего-л.; 2) холм, пригорок

Мөбүөн – бугор. Ср. *мөнүөн*

Мөнүөн – самый верх, верхняя часть, верхушка, макушка чего-л.: *хайа мөнүөнэ* – вершина горы

Мурун – 1) нос (орган обоняния); 2) большой мыс; 3) выступ (на местности); угол горы

Мындаа – 1) задняя часть туловища лошади от спины до хвоста, круп; 2) самая возвышенная, высокая часть чего-л.; 3) поверхность, верхняя часть, верхушка, верхний край, гребень географического объекта

Мэйии – 1) головной мозг; голова; 2) (абый., алл., анаб., бул., верх., коб., мом., канг., ср.-кол., ойм., сунт., усть-ян., усть-алд., верх-кол., жиг.) верховье реки, речки; вершина; верхушка; 3) (коб., сунт.) конец местности; верховье (реки, речки); вершина, верхушка орографического объекта: *сыһыы илин мэйиитигэр* – на восточной стороне поля

Налыы – низменное место, заливаемое водой, покосное угодье

Нам – 1) тихое, спокойное место; 2) низкое, низменное место

Намтабай – низменная местность

Намтабар – низкая, пониженная местность

Намтал – низина, низменность, широкое ровное место

Нарыа – (диал.) пологий склон холма, горы

Нөрүөн – 1) спинной хребет животного; 2) верхняя часть тела, туловище человека; 3) релка возвышенного места

Нүкэн – (устар.) отверстие, дыра; яма; скважина; нора, логово: *нүкэн үөдэн* – глухое место, не посещаемое ни людьми, ни скотом

Нэлим – 1) (прил.) открытый, чистый (о местности); 2) широкая обширная местность; низменная местность

Нэлэ – 1) неглубокий, с низкими широкими краями (напр., о тарелке); 2) без возвышенностей, углублений, плоский, ровный, широкий (о местности); 3) широкая, открытая и плоская местность

Нэлэгэр – 1) неглубокий, с низкими широкими краями (напр., о тарелке); 2) широко открытая, распаханная, просторная, равнинная местность; 3) открытая со всех сторон плоская равнина, долина

Ньаймах – изгиб, излучина пути: *абыс ньаймахтаах аартык*

Ньяппыһах – низменное, низкое место

Ньиирэ – (алд., олекм.) чистое, ровное, безлесное место с озерцами, трясинной, где растет молодой побег тальниковых

Ньургун ~ ньургу – 1) (ср.-кол.) спинные сухожилия; 2) (абый.) релка, гривка возвышенного места, мыса

Ньюур – 1) гладкая поверхность чего-л. (напр., поляны); 2) лицо человек, лик

Нылаар – 1) плоский; 2) плоскогорье: *нылаар хайа* – плоская гора

Ойоѳос – 1) ребро; реберная часть туши животного; 2) бок (человека, животных); 3) левая или правая сторона чего-л.; 4) географический объект меньших размеров, находящийся в непосредственной близости от объекта больших размеров

Олох – 1) основание орографического объекта (напр., горы, булгунняха, возвышенности); 2) (мом.) гольцы

Оллоот – неровность, кочковатость местности

Оллороот – ухаб, выбоина, неровность

Оллороот-боллороот – 1) неровности, ухабы, кочки; 2) неровная местность с холмами и обрывами

Оллур-боллур – бугристость, неровность, ухабистость

Онкучах ~ ункучах ~ унучах ~ үнүчэх – 1) яма, ямка; 2) окруженный крутыми горками (напр., об аласе)

Онгой – 1) ямочка, дыра; 2) котловина, впадина небольшого размера

Онгорхой – местность, открытая с двух сторон, сквозная; сквозная дыра; зияющая пропасть

Онхоѳор – 1) (прил.) имеющий углубление в виде чаши; 2) углубление на земной поверхности, впадина, котловина: *онхоѳор алаас* – алас, имеющий форму чаши

Онхой – ложбина, овраг, широкие, глубокие выбоины

Онхол – ложбина; ложбина

Оппуос – дорога вверх по склону (обычно на прибрежную лесистую гору)

Орбуннях – 1) (диал.) бугорок (величиной с копну); 2) маленький булгуннях; возвышенность, возвышенное место

Оргул – 1) небольшое возвышение, не затопленное водой (во время весеннего разлива); 2) (вил.) гора

Орой – 1) темя, макушка; 2) макушка, верхушка, вершина (горы, возвышенности): *хайа оройо* – темя горы, самая вершина

Орох – 1) вырытое углубление; 2) пещера

Осхор – углубления, рытвины, ямы на земле

Оһур – (анаб., олен.) небольшой булгуннях

Очуос – 1) утес (отдельно стоящий); 2) курган; бугристая гора

Очур – бугорок, неровность

Очур-чочур – бугристость, неровность

Өндүр ~ үндүр – возвышенность, холм

Өннүөс – неглубокий длинный лог в долине реки (весной по нему течет талая вода)

Өнкөлөөт – ухабистая местность с большим кочкарником

Өнкөөт – крутые высокие горы вдоль реки или речки

Өргөс – 1) острый конец, острие скотского рога; 2) вершина, пик (горы)

Өһө – 1) низина с мягкой влажной почвой (в лесу); 2) (горн.) вершина горного хребта; 3) (канг.) гора среди тайги; 4) (канг.) пещера; 5) (верх-вил., нюрб., канг.) теневая, обращенная на север сторона местности

Саал – 1) жировое отложение на загривке лошади; 2) загривок у лошади; 3) наиболее возвышенная ровная часть поля, а также вершина, гребень холма, горы

Саѓа – 1) воротник; 2) начало, край, внешняя граница чего-л.

Самах – 1) промежность; 2) промежуток на месте слияния чего-л. (напр., двух рек) или раздвоения чего-л. (напр., ствола дерева; 3) мыс, вершина треугольника, образуемого двумя соединяющимися реками; 4) конец (оконечность) леса; перелесок: *күөл самаѓа* – мыс, выдавшийся в озеро, *дойду самаѓа* – мысовидный выступ на ровной местности

Саппыйа – 1) мешочек из материи, ровдуги и т. д. для мелочи, кисет, кошелек; 2) небольшая часть водоема, расположенная рядом с главным или в стороне от него, либо обособленное продолжение долины, поля в тайге

Сатаѓай – 1) (прил.) полый, открытый, пустой, свободный, неогороженный; развернутый, раскинутый; 2) открытое пространство; поле, пустое, неогороженное, раскинутое место; 3) разрозненный, невозделанный, неустроенный географический объект

Сиик – 1) неглубокий лог; продольная полоса; 2) длинная трещина; 3) верховье ручья, речки, заросшее лесом; 4) лощина, ручей, речка в гористой местности

Сиикээн – небольшая влажная ложбина в лесу: *харыйа сиикээн* – сырая темная ложбина, заросшая ельником

Силээн – сырая, заросшая тальником впадина, тянущаяся от леса к реке

Симик – (коб.) лесная поляна

Симилэх – влажная низменность, густо поросшая молодой порослью или тальником

Синнибит – обрушившееся, обвалившееся, провалившееся место; оползень; земли, отколовшееся от горы

Сир – земля: *саха сирэ* – (инд., ойм.) равнина, лишенная гористого ландшафта

Сирэй ~ сырай – 1) передняя часть головы человека, лицо; 2) видимая наклонная поверхность, видимый склон возвышенности, горы: *хайа сырайа* –

передняя сторона (лицо, скат) горы, *сирэй хайа* – (ойм.) гора с южным покатым склоном

Сирэм – 1) ярко-зеленый луг; 2) (верх.) погорелое поле; 3) углубление, образовавшееся в результате подпочвенного пожара

Сис – 1) возвышенное место (обычно лесистое) между двумя водоемами; широкий лесной массив, растущий на таком месте: *сис хайа* – горный хребет; 3) (алл.) гора

Сото – 1) голень (человека, животных); 2) отдельная часть географического объекта (реки, поля и т. д.) от одного поворота до другого

Сөкү – 1) вейник; 2) влажная, кочковатая местность, поросшая вейником

Сөрүдүөс – (инд.) песчаный остров, мелкое место посередине реки, озера

Суопка ~ һуопка – 1) сопка; 2) (алл., анаб., олен.) булгуннях, холм, бугор

Суорба – 1) утес; каменная гора; отвесная скала; 2) (верх.-кол.) гора

Сүлбэ – 1) ложбина, низина, в которой задерживается влага и которая зарастает травой; 2) русло, фарватер реки; 3) (верх.) поток

Сүрэх – 1) сердце; 2) орографический объект (напр., гора), стоящий обособленно, отдаленный от основной массы; 3) мыс округлой формы; мыс, выступающий между двумя сходящимися реками

Сүүс – 1) лоб; 2) передняя, лобовая часть географического объекта (напр., горы, берега, возвышенности)

Сыгыннах – 1) (прил.) нагой, голый; 2) (прил.) лишенный растительности, голый (о местности); 3) возвышенное место; 4) гора, не покрытая лесом

Сыдьаан – 1) потомство, потомок; 2) склон: *хайа сыдьаана* – склон горы

Сындыыс – 1) вытянутый в длину, кряж; гора; 2) горный хребет, горы, тянущиеся вдоль берега берега реки

Сынаах – 1) челюсть; подбородок; 2) бок, боковая сторона географического объекта

Сынаһа – 1) в якутской юрте возвышенная закраина нар, сделанная из более массивных брёвен, тянущихся от столба к столбу; 2) уступы в виде ступенек (напр., на склоне горы)

Сырык – (олен.) 1) овраг; 2) небольшой рукав реки

Сыһыы – широкая равнина, луг, долина: *саһыл сыһыы* – ровное поле с хорошей почвой, поросшее густой нерослой травой

Сыыр – горка, холм, возвышенность: *хара сыыр* – крутой обрывистый берег, яр, обрыв

Сэнийэ – 1) подбородок (у человека), место между нижней челюстью и шеей (у скота, животных); 2) нижняя часть (горы, горки, булгунняха и т. п.)

Сэрилэ – (сакк.) скала; отвесная каменная гора; большая каменная гора

Һынны – (ойм). горный хребет, покрытый лесом

Һэта – (усть-ян.) скала

Таал – 1) селезёнка; 2) вытянутая в длину возвышенность

Таала – 1) равнина с твердой сухой поверхностью; 2) (абый, алл., бул., верх.-кол., олен., усть-ян.) крутой обрывистый берег озера, речки, склон горы; 3) (верх.) ровное возвышение в долине с сухим твердым грунтом и поросшее травой; 4) высокий гористый берег; 5) гористая местность, возвышенность; 6) (верх.-кол.) озерко, окруженное высокими крутыми берегами; 7) (анаб., жиг., инд., кол., олен.) горка; 8) (инд.) высокий лес: *таала хонуу* – ровная поляна

Таас – 1) возвышенное горное место (по сравнению с низменными или тундровыми местами); 2) (алл., бул., верх., кол.) скалы, каменистые горы; утёс; 3) (сунт.) самая высокая, окраинная с сухим твердым грунтом и бедной растительностью часть аласа, луга, поля: *очуос таас* – утес, *суорба таас* – крутая, отвесная скала, утес, *таас дьаангы* – нагромождение каменных скал без растительности, гольцы, *таас хайа* – скала, возвышающаяся над окружающей местностью, *тараҕай таас* – гольцы, гора без всякой растительности, скала, сопка, *туруук таас* – крутая, отвесная скала,

Таман – 1) тонкий наружный слой мяса на ребрах, а также жир под ним у скота и зверя; 2) открытая, доступная взору поверхность чего-л.; 3) нижняя часть (выше подошвы) лицевой стороны горы, возвышенности, булгунняха и т. п.

Тамах – 1) вход из полости рта в глотку, зев; 2) устье реки, речки; губа; 3) начало чего-л. (напр., аласа)

Тамык – 1) подколенка, задняя сторона колен; 2) сгиб географического объекта

Таналай – 1) нёбо; 2) (устар.) старинная верхняя нарядная одежда якутской женщины, сшитая в основном из мехов с узором в виде зигзага; 3) (разг.) ступенчатый вид чего-л. (напр., снежного покрова, горы)

Тараҕай – 1) (прил.) без волос, лысый; 2) (прил.) лишённый растительности, лысый; 3) вершина, лицевая сторона (горы, булгунняхы, холма и т. п.), лишённая растительного покрова

Тарбах – 1) палец; 2) острая вершина горы; 3) орографический объект продолговатой формы; 4) приток реки; ответвление; ряд нескольких небольших притоков речки, находящихся в непосредственной близости друг от друга

Таскыл – голец (каменная сопка)

Таһаа – 1) бедренная часть туловища, ляжка человека или задняя часть туловища, круп лошади и вид ее сзади; нижняя бедренная часть одежды; 2) фигура, стан человека; 3) видимая поверхность, пространство чего-л.

Тиис – 1) зуб; 2) выступающая острая скала; острая вершина горы; сопка; каменный столб – фигура выветривания

Тобук – 1) сустав, соединяющий бедро и голень; место сгиба на ноге, где выступает этот сустав, колено; 2) мыс; выступающий вперед географический объект; часть географического объекта от одного сгиба или поворота до другого

Тоҕой – 1) полуостров, мыс; 2) изгиб, излучина, извилина (дороги или реки, озера с заливом)

Тоҕонох -1) локоть; 2) изгиб, излучина, извилина (дороги или реки, озера с заливом); полуостров, мыс

Толоон – 1) равнинная долина, луг, поляна; 2) поле (широкое, круглое, открытое); 3) обширное полевое место (без озера, иногда с кустарником, кочкарником)

Тоноҕос – 1) позвоночный столб; 2) позвонок, отдельное звено позвоночного столба; 3) горный хребет; продолговатая, длинная возвышенность

Томтор – пригорок, возвышенность, холм

Томтороот – гряда, холмов, кряж

Тонолох – 1) локоть; 2) мыс

Төбө – 1) голова; 2) вершина, макушка, верх, верхняя поверхность, верхняя сторона географического объекта; 3) конец, оконечность географического объекта; 4) исток, верховье (реки, речки)

Төхтүр – бугорок, неровность

Төхтүрээт – небольшой бугорок

Тулаайах – 1) (прил.) ставший сиротой, одинокий; 2) одинокий; географический объект, стоящий одиноко: *тулаайах хайа* – одиноко стоящая гора

Тумул – 1) выступ в водоем, равнину, мыс (обычно горный); 2) (диал.) густой лес: *арыы тумул* – резко выступающий мыс чего-л., *тумул тыа* – лесной выступ, лес на горном выступе,

Тумуллааттар – холмистая местность, возвышенность

Тумус – 1) клюв; 2) вытянутая вперед передняя часть головы некоторых животных, рыло; 3) край мыса, выступ; 3) мыс; горный, лесной, островной мысок; лесистый выступ

Тумуһах – небольшой лесной мыс (обычно в гористой местности)

Туорай куонсун – (чур.) мыс, расположенный напротив косогора

Турайбан ~ турайман – (верх-вил., вил.) возвышенное место со скудной растительностью или без таковой

Туруук ~ турук – 1) очень крутая, отвесная скала, утес; 2) выдавшийся, выступивший камень скалы; камень, горизонтальная поверхность которого служит для стояния горного баран, изюбра

Түбэ – 1) лесной массив между изгибами, извилинами рек; место, защищенное от ветра горным массивом; 2) отдельная местность, отдельный населённый участок по отношению к другим; 3) захолустье, глушь, отдалённая от центра местность; 4) густой, дремучий лес, чаща; дремучий, густой лес над рекою, тайга; 5) (диал.) сельская, далекая от центра местность, периферия; участок; 6) (лен.) чистый, ровный луг; 7) (жиг., коб., олекм., олен.) изгиб речки; 7) (верх.) изгиб реки, речки, заросший густым лесом из высоких деревьев

Түөлбэ – 1) небольшой участок, кусок земли, часть какой-л. местности (напр., поляны, равнины, долины); 2) обширное, округлых очертаний поле; луг, образовавшийся на месте обмелевшего озера

Түөс – 1) грудь, грудная кость, грудина; 2) верх, верхняя сторона географического объекта; 3) передняя сторона местности; 4) склон горы; часть горы выше подошвы

Тымыраат – (диал.) продолговатая возвышенность, разделяющая смежные ложбины, грива

Тыраа – 1) ручей; небольшой приток речки; разветвление речек; 2) продолговатая ложбинка; промоина

Тырабас – 1) разрез (на одежде); 2) расщелина

Тырытыа – 1) (диал.) промоина в долине; ручеек, протекающий по этой промоине; 2) (вил.) ямы в долине

Тэллэх – 1) то, что подостлано, подстилка, постель (напр., матрас, солома, шкура); 2) подножие, основание горы; 3) место под горою, возвышенностью: *хайа тэллэбэ* – подножие горы

Тэрии – (нюрб.) мыс, резко изменяющий направление течения реки

Тээн – 1) (диал.) равнина в гористой местности; 2) (есей.) чистый ровный участок на гольцах

Тээнэ – (олекм.) равнинный участок

Убара – (верх.) понижение, ложбина, по которой вода разливается в половодье

Уйул – 1) кривизна, извилистость; бугристость; 2) местность с неровной поверхностью, многими извилинами

Умнас – 1) ствол, стебель; 2) удлиненная часть какого-либо предмета (напр., ствол пулемета); 3) стержень папиросы, сигареты, чубук курительной трубки; 4) берега вдоль всей протеженности реки; 3) вершина горного хребта

Умуһах – 1) прохладное помещение под полом или в отдельной постройке для хранения припасов, подполье, погреб; 2) вырытое или образовавшееся в земле углубление, яма; 3) впадина, выбоина

Уобуллаҕас – 1) ямка, вмятина, углубление (на теле человека), впадина (напр., глазная): *тыа уобуллаҕаһа* – открытое место на опушке леса

Уолаҕас – ложбина, углубление с высыхающей летом водой

Уолба – 1) место высохшего или спущенного озера; 2) заливной влажный луг; небольшая влажная низменность

Уоһуһа – земля в которую залилась вода, заливчик в реке; залив (морской берег); перевал

Уорҕа – 1) спина, спинной хребет; 2) шкура вдоль хребта скотины, животного; 3) далекий горизонт широких открытых мест, поверхность больших, глубоких водоёмов; 4) верх, верхняя поверхность, верхняя сторона географического объекта

Урсун – 1) неясное, нечеткое очертание, силуэт чего-л.; 2) широкая гладкая поверхность, гладь (напр., реки, обширной равнины, неба)

Уос – 1) губа, губы; 2) выемка, углубление, впадина на поверхности земли: *куобах уоһа* (букв. губы зайца) – неровное, бугристое место в лесу

Уоһуһа – 1) земля, в которую залилась (вдалась) вода, заливчик в реке; 2) залив, лукоморье (морской берег); 3) перевал

Үгдээр – 1) скала; 2) (верх.-вил., вил., горн., коб., сунт.) возвышенность, релка

Үллээр – (диал.) бугорки на ухабистой дороге

Үөлэс – 1) дымовая труба камелька – якутской печи; 2) отверстие; открытый проход или пролом; 3) кратер вулкана

Үрдэл – холмистая или гористая местность, возвышенность

Үрүүэ ~ өрүүэ – 1) маленький ручей, речушка; 2) падь; овраг горный (через лес)

Үүт – 1) дыра, проём или специально сделанное в чем-либо отверстие; 2) дыра, отверстие, скважина; проход; пещера

Хаансаар ~ хоонсоор ~ хансаар ~ хонсоор – 1) (арх., бул., верх-кол.) нос; 2) (верх.) ноздря; 3) носовая перегородка; 4) (прил.) большой горбатый (о носе); 5) возвышенность среди сенокосного (угодье) поля вроде холма: *хоонсоор сир* – (вил.) выступающий мысом высокий лес

Хаас – 1) узкая полоска волос над глазной впадиной, бровь; 2) верхний край, кромка (напр., горки)

Хабаан – глубокая яма, в которой на костре плавят железную руду

Хабарѡа – 1) дыхательное горло, трахея (у человека и животных); 2) передняя часть шейного отдела человека и животных; 3) узкая часть какой-л. местности

Хабах – 1) уступ горы, обрыв, крутой берег; 2) чистое, ровное возвышенное место; 3) (усть-алд.) *хонуу хабаѡа* – самая чистая, ровная поля

Хадаар – 1) каменистое, выдающееся вершиною возвышение; 2) (сакк.) скала, утес: *хадаар сир* – неровная поверхность с расщелинами, впадинами, *хадаар һир* – (сунт.) яма, углубление (на открытой местности)

Хадаѡа – 1) скала; 2) (уд.) высокая гора, скала, утес

Хадѡа – бок, боковая сторона географического объекта; горы, возвышенные места, тянущиеся по окраинам географического объекта

Хайа – значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью, гора: *адаар хайа* – скалистые горы, *арѡас хайа* – горная цепь, хребет, *буор хайа* – земляная гора (не скалистая), *күкүр хайа* – (поэт.) высокая отвесная гора (указывает на то, что данный географический объект громадный, высокий), *күн түһэр хайа* – высокая отвесная гора, *мас хайа* – гора, покрытая лесом, *муус хайа* – ледяная гора, *ойдом хайа* – останец, *сирэй хайа* – гора с южным покатым склоном, *сис хайа* – горный хребет, *соһох хайа* – диал., ойм. земляная гора, *сыгынньах хайа* – голые скалы, *таас хайа* – скала, возвышающаяся над окружающей местностью, *сындыыс хайа* – низкая гора, возвышение, простирающееся вдоль реки, речки, *таас хайа* – каменный утес, скала, *туоллумар хайа* – гора, связанная с другими горами в одну цепь, *үгдэр хайа* – утес (отдельно стоящий), *хаар хайа* – снежная гора, *хаптал хайа* – плоскогорье, *чочума хайа* – высокая гора, *элэһин хайа* – песчаная гора, *эркин хайа* – высокая отвесная гора, *хайа дойду* – горная местность

Хайаѡас – 1) дыра, щель, расщелина; 2) ущелье; распадок; яма; пещера; узкое пространство между двумя географическими объектами: *сир хайаѡаһа* – ущелье; распадок; расщелина; трещина; глубокая рытвина, овраг, впадина, *хайа хайаѡаһа* – горный распадок

Хайдыы – 1) разлом, расщелина, трещина (земли); 2) пещера

Хаймыы – 1) кайма, кант; 2) узкая полоска ткани, меха, мягкого материала, нашитая по краю одежды или обуви, оторочка; 3) окрестность, край чего-л.

Хайырба – сухое возвышенное место на лугу

Хайырбас – 1) каменистое место; возвышенное место с мелким камнем; 2) (бул.) сухое каменистое место в тундре: *хайырбас таас* – диал., кол. высокие каменные горы, скалы

Халдьаайы – 1) косогор, пригорок, холм; 2) солнечная сторона поля, склон аласа, обращенный к югу; 3) (абый.) лог, ручей, углубление

Ханааба – неглубокий и неширокий ров, канава

Хаптабай – 1) плоский, пологий (напр., холме); 2) плоская, равнинная местность

Хапчаан – 1) ущелье; 2) узкий проход; горная расщелина; теснина

Хапчабай – узкое ущелье, расщелина

Хапчалба – ущелье

Хаспах – ров, яма; рытвина, промоина: *хайа хаспаба* – пещера

Хаһырыа – углубление, впадина на поверхности земли или на дне водоема

Хобучах – (нюрб., сунт.) ложбина

Ходуһа ~ хадыһа – 1) покос, сенокосное угодье, покосный луг; 2) (верх.) заливной луг

Ходобо – 1) (алл.) релка; 2) бугор, бугорок

Холлобой – ущелье

Холлороон – 1) длинный ров, канава; 2) карстовая промоина; 3) узкий ход, теснина; ложбина; длинный узкий овраг

Холумтан – 1) место для разведения огня, очаг; 2) окаймляющая полоса орографического объекта

Холуодьас – 1) глубокая яма, укрепленная срубом, служащая для получения воды из водоносного слоя, колодец; 2) (амг.) овраг в лесной местности в водотоке в весеннее время

Хоммут – место, где застаивается вода; низменное место

Хомо – часть водного пространства, вдавшаяся в сушу, залив.

Хомох – пещера

Хоннох – 1) подмышка, пазуха; 2) (разг.) обособленная часть леса, реки, озера: *хоннох иһэ* – лощина между холмов

Хоноот – 1) небольшая поляна посреди леса, лужайка; 2) наполненная водой местность, которая в прошлом была низиной; 3) (верх., сакк., тат.) поляна, лужайка; 4) (ср.-кол.) низина; наполненное водой место, которое в прошлом было низиной

Хонуу – поле; поляна, луг: *хонуу куйаар* – ровное пространство в зоне сухого климата, степь, *киллэм хонуу* – обширное чистое место, *көнө хонуу* – ровное поле

Хонкуйа – (диал.) 1) узкий неглубокий овраг, ложбина; 2) залив озера

Хоноро: хоноро тумуһах – продолговатое, высокое, выдавшееся место; название высоких местностей вроде хребтов

Хонорой: хонорой тумул – (фольк.) голый высокий мыс; лесной выступ, лишенный растительности

Хонсоор – возвышенность среди сенокосного (угодье) поля вроде холма

Хонуруу – 1) переносица; 2) удлиненная возвышенность в виде неширокого хребта; водораздел; выпуклость земной поверхности; гребень; кряж

Хоой – 1) пазуха; подмышечная пазуха; 2) защищенное от ветра место (напр., леса, реки, возвышенности, долины); 3) место, окруженное горами; укромное место; 4) небольшой тупиковый залив (реки, озера, моря)

Хордоёй – 1) небольшой сухой вытянутый пригорок на поляне, бугор; 2) небольшой лесистый хребет; 3) маленький перевал; 4) вытянутая возвышенность, покрытая лесом; релка; протяженная возвышенность

Хороон – 1) углубление под землёй с ходом наружу, вырытое животным, служащее ему жилищем, нора; 2) расщелина; узкое ущелье в горах; узкий водоток; длинное узкое место

Хорулбан – овраг, размывтый водой

Хоспох – 1) небольшая постройка для хранения припасов, материалов, кладовая, кладовка; 2) (верх-вил., вил.) полое пространство на озере, образовавшее между льдом и донным илом: *хайа хоспобо* – пещера

Хоһуруо – 1) ров, ложбина; 2) пещера

Хотоол – 1) низменное место, низина, низменность; 2) впадина; ложбина:
хотоол сир – низменное место, углубление, сток

Хотоон – 1) (абый.) скат, ложбина между горами, овраг, служащие истоком речки; ручей, исток ручья; 2) (усть-ян.) ложбина, седловина; пологий перевал

Хотостуу – долина между возвышенностями

Хохумал – (диал.) высокая кочка, оставшаяся нетронутой после пала

Хохучуол – неровная, пересечённая местность, по которой неудобно ходить

Хочо – 1) удлиненная впадина вдоль речного русла, долина; 2) заливной луг

Чабырбай – 1) часть черепа от уха до лба, висок; 2) вершина какой-л. возвышенности (горы, холма); 3) край обрыва (над рекой): *хайа чабырбайа* – верхушка горы

Чампарык – какой-л. нависающий выступ

Чанчык – 1) висок, волосы на висках; 2) нижняя боковая сторона географического объекта

Чарапчы – 1) навес, козырёк (крыша на весу или на столбах); 2) закраина, выступающая на склоне горы, или верхняя кромка углубления в скале, карниз; 3) выступ, выдвинувшийся навесом (напр., горы); небольшая гора, возвышенность Г-образной формы, защищающая скот от сильного ветра, пурги

Чогдобор ~ чогдоон ~ чогдоор – возвышенное место

Чобулдьур – самое высокое место, верхушка, вершина (напр., горы)

Чобур – гора; одиноко стоящая гора; остроконечная гора; горная гряда; возвышенность, курган, сопка, холм, бугор: *чобур хайа* – (абый., ср.-кол.) горный мыс, утес

Чомчобой – 1) самое высокое место, макушка какой-л. возвышенности, горы; 2) возвышенное место; сопка, бугор, холм

Чонкучах – яма, котловина, углубление, впадина

Чонолох – 1) (устар.) маленькая глубокая деревянная чаша; 2) углубление, впадина, имеющая закругленную форму; 3) маленькое глубокое озеро округлой формы

Чонхой – 1) маленькое углубление; 2) глубокое место, защищенное со всех сторон возвышенностями

Чопко ~ **чоппо** – низина, лощина; лог; глубокая долина; глубокое ущелье

Чопчуур – 1) наверхние шапки *дыбака*, обычно сшитое из сукна, украшенное подвесками из серебра, меди, расшитое золотой нитью; 2) верх, макушка, вершина (напр., возвышенности, холма, булгуннях)

Чохчо – куча, груда; место, торчащее бугром; булгуннях

Чочоѳор – крайняя выступающая часть чего-л. (напр., скалы), торчащая вверх

Чочума ~ **чочумаа** – 1) небольшое возвышение, неровность на поверхности земли; 2) (верх.-вил.) небольшой бугорок

Чочумаас – 1) бугор; 2) скала; 3) небольшие возвышения, неровности на поверхности земли: *чочумаас сир* – место бугристое, с бугорками, *чочумаастаах халдыаайы* – обильный бугорками склон (косогор)

Чочур – 1) сопка, бугорок; 2) остроконечная гора

Чөл – 1) (прил.) цельный, нетронутый; 2) цельное, нетронутое место; широкое, просторное, бескрайнее поле, простор

Чөмөкөй – яма, котловина, углубление, впадина; котловинный

Чөмчөгөй – бугор, холм; остроконечная вершина (напр., горы)

Чөмчөкө – 1) череп; 2) верхушка, вершина чего-л. (напр., горы)

Чуолаѳас – проход, ущелье, отверстие

Чуолѳан – 1) ров, яма, пещера, отверстие; ров (яма, впадина), наполненный водой; 2) небольшое озерко; окно в трясине; место со всасывающим болото

Чурбука – (анаб., бул., олен.) горы, вершины; бугор, холм; возвышенность на горном хребте

Чүөмпэ – небольшое, но очень глубокое озерцо; глубокая яма на дне реки, озера, омут

Чыпчаал – вершина, верхушка, макушка чего-л.: *хайа чыпчаала* – горная вершина, пик

Чыыстай – 1) безлесная горная равнина; 2) голая, каменистая возвышенность; 3) высокогорный альпийский луг: *чыыстай буола (буолак)* – (фольк.) чистое поле, железное или каменное (место сражения богатырей)

Чэкчэки ~ чэкчэкэ – (жиг., усть-ян.) ухабистое поле

Чэкээ – верх, верхняя часть холма, возвышенности и т. п.; возвышенная, выступающая вверх часть косогора, релки, гривы

Чэчэгэй – 1) часть черепа от уха до лба, висок; 2) верх, верхняя сторона, верхняя боковая сторона географического объекта (горы, высокого берега, гряды и т. п.)

Ыбыллабас – узкое, зауженное место, теснина

Ыбычаал – ущелье

Ымырыт – неровность, бугристость

Ымыйа – 1) (устар.) большая деревянная чаша, большая посуда для жидкой пищи; 2) яма, впадина, наполненная водою

Ынырыа – впадина, ложбина; яма, глубокое место водоема

Ыпсылбан – 1) тесное, узкое место, проход; ущелье; 2) узкое место между двумя объектами, промежуток, отделяющий их друг от друга

Ыраас – 1) (прил.) чистый, опрятный, сверкающий чистотой; 2) (прил.) открытый, без всякой растительности, чистый (напр., о поле); 3) небольшая открытая, ровная местность в лесу, поляна

Ырааһыйа – небольшой луг на опушке или посреди леса, поляна

Эбэ – яма, вымоина или бугор, холмик, образованные течением, потоком воды

Элэһин ~ өлөһүн – 1) песчаные берега реки; 2) (лен., олекм.) песок; песчаная, без растительного покрова гора, горка (с сыпучим, развеваемым песком); 3) (бул., жиг.) долина

Эмий ~ эмий – 1) молочная железа женщины, грудь (женская); выступающая в виде шишечки наружная часть молочной железы самок

млекопитающих животных, на конце которой открываются молочные протоки; 2) холм, бугор, булгуннях; 3) богатое, благодатное, изобильное место

Эминньэх – выступ; выдающаяся, выступающая часть географического объекта

Эмпэрэ ~ **эмпэ** – крутой, обрывистый берег; крутой спуск, обрыв

Эмэһэ – 1) задняя часть тела человека ниже спины, задница, зад; задняя часть туловища у животных; 2) (разг.) расширяющееся, раздающееся к низу основание, нижняя часть кочки

Эндир – 1) поперечная подпорка, чурка, которая кладется подо что-либо (напр., под бревно), чтобы оно какой-л. стороной не касалось земли; 2) неровности, выбоины, ямины, ухабы на дороге

Эндиргэ – (мом., ойм.) косогор с южной стороны

Эниэ – наклонная поверхность, покатость, склон горы, холма (вообще о возвышенной местности: *хайа эниэтэ* – видимый склон горы

Энийэ – покатость, скат, склон возвышенной местности: *энийэ оёолоро* – пригорки, *сир энийэтэ* – покатость местности, *сис энийэ* – склон хребта

Энкэ – подводная или надводная рытвина, яма, глубокая трещина, промытая водой вдоль берегов реки, в которой застаивается вода

Энээр – 1) передняя левая или правая пола одежды; нижняя пола одежды; 2) край, сторона чего-л.

Ээх – (бул.) ровная вершина скалы

Приложение 2. Анатомическая и бытовая лексика в якутской оронимии

Таблица 1

Анатомическая лексика в качестве орографических апеллятивов

№	Названия частей тела и органов человека и животных	Первичное значение	Географическое значение
1.	<i>айах</i>	орган человека, животных и птиц для принятия пищи, произношения звуков, рот; полость рта	отверстие глубокой ямы
			место, откуда что-либо берет свое начало, начальная точка оврага
			ущелье
			проход в горах
			устье; место впадения речки, реки в реку, озеро, море
			<i>аартык айаба</i> – вход перевала в ущелье и выход его из ущелья; подъем (начало) перевала на гору и спуск с горы
			<i>сирэм айаба</i> – (диал.) углубление, образовавшееся в результате почвенного пожара
2.	<i>арбас</i>	холка, хребет, передняя часть спины зверя, скотины; спинка рыбы; спина человека	хребет далеко тянущейся горы, возвышенности
			выпуклость земной поверхности; холм; гребень, кряж
			<i>арбас хайа</i> – горная цепь, хребет
			<i>хайа арбаһа</i> – горный хребет
3.	<i>атах</i>	нога	водное пространство, вдавшееся в сушу
			суживающаяся часть равнины, поляны

			удлиненная, выдающаяся часть аласа
			конец, удаленная часть какого-либо географического объекта
			последний, худший географический объект, по сравнению с другими
4.	<i>бас</i>	голова (человека или животного)	передняя, начальная, восточная сторона, верхняя часть географического объекта
			место, где что-л. берет начало (напр., река, ручей); верховье, исток, устье реки
			выдающийся край местности
			большой, главный из географических объектов
5.	<i>баттах</i>	волосы	небольшого размера возвышенная местность с растительностью
6.	<i>биил</i>	талия (часть туловища человека)	седловина горы
			широкий плоский перевал
			<i>билии</i> – возвышенность, находящаяся между двумя водоемами, полянам
7.	<i>буут</i>	бедро, ляжка (человека), задняя нога (животного)	выдающаяся часть; развилина, раздвоение какого-либо географического объекта
8.	<i>бүдүргэй</i>	грудинка	голый высокий мыс
			место, имеющее округло-вогнутую наружу поверхность
9.	<i>бүөр</i>	почки (орган у человека и позвоночных)	алас, расположенный недалеко от реки
			меньший из двух близлежащих географических объектов
			боковая часть, сторона какого-либо географического объекта
10.	<i>быар</i>	печень	середина, средняя часть склона, пригорка, бугра, горы

			выступающая часть, выступ какого-либо географического объекта
			<i>быардыйа</i> – уступ (горы)
11.	<i>быттык</i>	пах	окраина, уголок обширной местности; залив озера, реки
12.	<i>дьабады</i>	угол рта	две противоположные стороны географического объекта
			географический объект, служащий разделом; например, подходящая к берегу полоска леса
13.	<i>кулгаах</i>	ухо, уши	боковая, выдающаяся, четко выделяющаяся часть местности
			выдающаяся вершина
14.	<i>куртах</i>	желудок	часть аласа или озера в виде укромного придатка, окруженного лесом или холмами
15.	<i>кутуйа</i>	сычуг (второй желудок жвачных)	выдавленная часть поляны
			морской или речной залив
16.	<i>кутурук</i>	хвост (животных и птиц)	отрог горы, горки
			конечная, задняя часть географического объекта'
			длинный, узкий географический объект
17.	<i>моой</i>	шея	перешеек, перехват, суживающая часть орографического объекта
			(диал.) небольшой спуск
18.	<i>муос</i>	рога	отрог
			остроконечная вершина горы
			мыс
			утес

			остроконечная выдающаяся часть географического объекта
19.	<i>мурун</i>	нос (орган обоняния)	мыс; выступ (на местности); угол горы
20.	<i>мэйши</i>	головной мозг; голова	вершина, верхушка географического объекта
			(диал.) верховье реки, речки; вершина; верхушка; наконечник чего
			(диал.) верховье реки, речки; вершина; верхушка; наконечник чего
21.	<i>ньуур</i>	лицо человека; лик, облик	гладкая поверхность поляны
22.	<i>ойоѳос</i>	ребро; рёберная часть туши животного; бок (человека и животных)	левая или правая сторона горы
23.	<i>саал</i>	жировое отложение на загривке лошади; загривок у лошади	наиболее возвышенная и ровная часть поля
			гребень, самая возвышенная, верхняя часть (горы, булгунняхы, релки и т. д.)
			<i>дьогдъойор саала</i> – самый центр чего-л., возвышающийся над чем-л. (обычно о возвышенности)
24.	<i>самах</i>	промежность	(устар.) промежуток на месте слияния чего-л. (напр., двух рек) или раздвоения
			мыс, вершина треугольника, образуемого двумя соединяющимися реками
25.	<i>сирэй</i>	лицо	видимая наклонная поверхность, видимый склон высокой местности, горы
			лицевая сторона, передняя сторона, поверхность, сторона географического объекта

26.	<i>сото</i>	голень (человека, животных)	отдельная часть географического объекта от одного поворота до другого
27.	<i>сүрэх</i>	сердце	мыс округлой формы
			мыс, выступающий между двумя сходящимися реками
			гора, стоящая обособленно, отдаленная от основной массы
28.	<i>тамах</i>	вход из полости рта в глотку, зев	устье реки, речки; губа
			начало чего-л. (напр., аласа) или межа между ними
29.	<i>тангалай</i>	нёба	ступенчатый вид горы
30.	<i>тиис</i>	зуб, зубы; клыки	выступающая острая скала
			острая вершина скалы
			сопка
			каменный столб – фигура выветривания
31.	<i>тобук</i>	место сгиба на ноге, где выступает сустав, колено	мыс; выступающий вперед орографический объект
			часть географического объекта от одного сгиба или поворота до другого
32.	<i>тоноголох</i>	локоть	мыс
33.	<i>төбө</i>	голова (человека или животного)	вершина, макушка горы
			верхняя поверхность, верхняя сторона географического объекта
			конец, окончность географического объекта
			исток, верховье (реки, речки)
34.	<i>тумус</i>	клюв, рыло	мыс; горный, лесной, островной мысок
			край мыса, выступ
			<i>тумуһах</i> – небольшой лесной мыс (обычно в гористой местности)

35.	<i>түөс</i>	грудь, грудина	верх, верхняя сторона географического объекта
			передняя сторона местности
			склон горы
			часть горы выше подошвы
36.	<i>уорба</i>	спина, спинной хребет; шкура вдоль хребта скотины, животного	верхняя сторона, поверхность географического объекта
37.	<i>хаансаар</i>	(устар.) ноздри у животного	возвышенность среди сенокосного (угодые) поля вроде холма
38.	<i>хаас</i>	бровь	верхний край, кромка горки
39.	<i>хабарба</i>	дыхательное горло, трахея (у человека и животных); передняя часть шейного отдела человека и животных	узкий проход
			узкий, продолговатых очертаний географический объект; суживающееся место, шейка географического объекта
40.	<i>хоннох</i>	подмышка, пазуха	обособленная часть горы
			<i>хоннох иһэ</i> – лощина между холмов
			<i>хайа хонноҕо</i> – тихое, безветренное место в горе
41.	<i>хонгуруу</i>	переносица	удлиненная возвышенность в виде неширокого хребта
			выпуклость земной поверхности
			гребень; кряж
42.	<i>хоой</i>	пазуха	защищенное от ветра место возвышенности, долины; укромное место
			место, окруженное горами
43.	<i>чанчык</i>	висок, волосы на висках	бок, боковая часть, боковая сторона географического объекта
44.	<i>чөмчөкө</i>		верхушка, вершина горы

		голова; череп; верхняя челюсть	возвышенность
45.	<i>эмий</i>	молочная железа женщины, грудь (женская); выступающая в виде шишечки наружная часть молочной железы самок млекопитающих животных, на конце которой открываются молочные протоки	холм, бугор, булгуннях

Таблица 2

Бытовая лексика в качестве орографических апеллятивов

№	Названия предметов быта	Первичное значение	Географическое значение
1.	<i>ба́барах</i>	(устар.) низкий горшок с широким верхом (обычно для молока)	круглая довольно обширная низменность
2.	<i>долбуур</i>	полка (горизонтальная доска, плоскость из твердого материала для различных предметов)	<i>хайа долбуура</i> – горизонтальное, ровное место, расположенное на склоне возвышенности или горы; выступ
3.	<i>кыстык</i>	наковальня	гора, пологая с одной стороны и круто спускающаяся с противоположной
4.	<i>кытах</i>	большая деревянная чаша	низменное место округлой формы, заполняемое талой водой, которая к осени высыхает
5.	<i>кэрдис</i>	зарубка, насечка, засечка на чем-л.	тупеньки, ступенчатый вид, уступ горы

			киэн дойду кэрдистээх – (диал.) широкая страна с уступами (бугры)
6.	сабарай	берестяная плоская посуда большой ёмкости для хранения кумыса или разрубленного мяса	широкая местность; сенокосное угодье округлой формы
7.	сыгаһа	возвышенная закраина нар, сделанная из более массивных бревен, тянувшихся от столба к столбу	уступы в виде ступенек на склоне горы
			возвышенная закраина географического объекта
			сыгаһа алаас – алас длинной продолговатой формы, имеющий с двух сторон возвышенности (в отличие от обычных, круглых)
8.	чарапчы	1) навес, козырёк (крыша на весу или на столбах); 2) полка или доска над отверстием камелька для посуды и сушки чего-л.	закраина, выступающая на склоне горы, или верхняя кромка углубления в скале, карниз
			небольшая гора, возвышенность Г-образной формы, защищающая скот от сильного ветра, пурги
9.	чонхой	маленькая глубокая деревянная чаша	небольшое углубление или глубокое место, защищённое со всех сторон возвышенностями
10.	чопчу	пуговица	бугор, холм, сопка
11.	энээр	передняя левая или правая пола одежды; нижняя пола одежды	край, сторона географического объекта

**Приложение 3. Лексико-семантические группы малопродуктивных
оронимических проприальных компонентов**

Таблица 1

Малопродуктивные гидрографические компоненты в якутской оронимии

№	Компонент	Значение	Кол- во	Примеры	Параллели
1.	<i>бүөччүгүй</i>	‘маленькое, но глубокое озерцо близ большого озера’	1	а. <i>Бүөччүгүй</i>	-
2.	<i>дьүөдэ</i> ~ <i>дьүөдьэ</i>	‘глубокое озеро посреди леса со склонившимися к воде засохшими деревьями и с обрывистыми краями’	3	а. <i>Дьүөдэ</i> , г. <i>Дьүөдьэ Хайата</i> , а. <i>Ыттаах Дьүөдьэ</i>	Ср. эвенк. <i>дуэ</i> ‘исток реки’ [ССТМЯ I: 218].
3.	<i>дьүүктэ</i>	‘источник, родник’	1	ск. <i>Дьүүктэ Кылата</i>	Ср. эвенк. <i>јүүктэ</i> , <i>жүүктэ</i> ‘ключ, родник, источник; ручей; полынья’ [ССТМЯ I: 348–329].
4.	<i>күндүл</i>	‘водоем с прозрачной водой’	1	релка <i>Күндүл Кылата</i>).	-
5.	<i>күндэ</i>	‘озеро’	5	дол. <i>Күндэ Толооно</i> , мыс <i>Күндэ Ыгырыалааба</i>	Ср.: стп.-монг. <i>gün</i> , халх., бур., калм. <i>гүн</i> ‘глубина, глубь; глубокий; глубинный,

					подпочвенный’ [ЭСМЯ II: 49].
6.	<i>күөрэ</i>	‘неглубокий водоем в глухом лесу’	4	луг <i>Күөрэ</i> , аласы <i>Күөрэлээх</i> , <i>Кураанах Күөрэлэ</i> , долина <i>Күөрээйи</i> <i>Эбэ</i>	-
7.	<i>чүөмпэ</i> ~ <i>чүөпэ</i>	‘небольшое, но очень глубокое озерцо; глубокая яма на дне реки, озера, омут’	3	падь <i>Чүөмпэ Үрэбэ</i> , <i>Чүөмпэлээх</i> г. <i>Чүөпэкээн Хайата</i> .	Ср. башк. <i>сөнкэ</i> ‘1) глубокий, объемистый (о посуде); 2) чашка (чайная)’ [БТСЯЯ XIV: 252]; эвенк. <i>чэлэ</i> ‘озеро с крутыми берегами’ [ЭвенкРС 1958: 534].

Таблица 2

Малопродуктивные фитонимические компоненты в якутской оронимии

№	Компонент	Значение	Кол -во	Примеры	Параллели
Названия лесных массивов					
1.	<i>арбай</i>	‘чаща, густой лес’	2	падь <i>Куччугуй</i> <i>Арбай</i> , мыс <i>Арбай</i> <i>Тумуһаба</i>	Возможно от стп.-монг. <i>arbayi</i> -, халх. <i>арвай</i> -, бур. <i>арбай</i> -, калм. <i>арва</i> - ‘растопыривать ся, взъерошиться, становиться

					лохматым’ [ЭСМЯ I: 54].
2.	<i>ойуур</i>	‘лес, лесная чаща’	2	булг. <i>Ойуур Булгуннях</i> , пол. <i>Ойуур Куоһаһаһа</i>	Ср.: монг., бур. <i>ой</i> ‘лес’, бур. <i>ойбур</i> ‘в лес’ [Антонов 1971: 23].
3.	<i>тайба</i>	‘густой, простирающийся на обширную территорию дикий (безлюдный) лес, тайга’	1	а. <i>Тайба Алааһа</i>	Ср.: алт. <i>тайга</i> ‘гора, покрытая лесом’, хак. <i>тайба</i> ‘тайга’ [БТСЯЯ X: 148].
Названия деревьев и кустарников					
4.	<i>болбукта</i>	‘кедровый стланик’, (диал.) ‘ягода морошки’	2	г. <i>Болбукта Хайата</i> , ск. <i>Болбукталаах</i>	Ср. эвенк. <i>болгикта</i> ‘кедровый стланик’ [Романова и др. 1975: 163].
5.	<i>кытыан</i>	‘можжевельник’	2	а. <i>Кытыан</i> , мыс <i>Кытыаннар Тумуллара</i>	-
6.	<i>сиһик</i>	‘ольха’	2	г. <i>Сиһиктээх</i> , <i>Сиһиктээх Хайа</i>	Ср.: башк. <i>jerek</i> , тат. <i>zirek</i> , узб. <i>zirk</i> , чув. <i>sirëk</i> ‘ольха’ и пр. [СИГТЯ 2001: 130].
7.	<i>тамылбан</i>	‘таволга’	2	а., поле <i>Тамылбан</i>	Ср. монг. <i>tabilqa</i> , <i>tabilya</i> ‘полюй мелкий кустарник, растущий на кочках’ [EDAL 2003: 1369].

8.	<i>тирэх</i>	‘тополь’	4	мыс <i>Тирэхтээх</i> , г. <i>Тирэхтээх Тааһа</i>	Ср. тюрк. <i>тирек</i> ~ <i>терек</i> ~ <i>тирэк...</i> ‘тополь’ [БТСЯЯ Х: 376].
9.	<i>титирик</i>	‘молодая лиственница’	2	а. <i>Титирик</i> , падь <i>Титирик Үрүйэ</i>	От <i>тиит</i> ‘лиственница’.
Названия ягодных растений					
10.	<i>долукуна</i>	‘боярышник’:	1	поле <i>Кыччыгый Долукуна</i>	Ср. монг., бур. <i>долоогоно</i> ‘боярышник’ [Антонов 1971: 25].
11.	<i>дөлүһүн</i>	‘шиповник’	1	а. <i>Хойон Дөлүһүннээбэ</i>	Ср. эвенк. <i>долгино</i> ‘боярышник’ из монг. [ССТМЯ I: 214]; алт. <i>tolono</i> , шор. <i>tolana</i> ‘шиповник’ [Малышева 2024: 378].
12.	<i>отон</i>	‘ягода’	5	а. <i>Отонноох</i> , падь <i>Отонноох Үрэх</i>	Ср. бур. <i>одон</i> ‘звезда, круглые пятнышки на материале, точки на безмене’ [Антонов 1971: 25]
13.	<i>сугун</i>	‘голубика’:	2	возв. <i>Сугун Ыһыыра</i> , г. <i>Илин Сугун</i>	Ср. тюрк. <i>йылгын</i> ~ <i>ылгын</i> ~ <i>йулгун</i> ~ <i>жылгын</i> ‘тамариск, гребенщик,

					юлгун' [СИГТЯ 2001: 134].
Названий травянистых растений					
14.	<i>кириэн</i>	‘хрен’	1	а. <i>Кэриэннээх</i>	Ср. рус. <i>хрен</i> .
15.	<i>кулуһун</i>	‘камыш озерный’	4	а. <i>Кулуһуннаах, Бииктэр Кулуһуннааба, Кэрээкин Кулуһуннааба</i>	Ср.: стп.-монг. <i>qulusun</i> , халх. <i>хулс(ан)</i> , бур. <i>хулһан</i> , калм. <i>хулсн</i> ‘камыш, тростник, бамбук’ [ЭСМЯ II: 68]; алт. <i>кулузын</i> ‘тростник’ [АлтРС 2018: 397].
16.	<i>кэнчээри</i>	‘отава; молодое растение’	2	а. <i>Кэнчээри</i> , дол. <i>Кэнчээри Толооно</i>	Ср.: др.-тюрк. <i>кэнч</i> ‘ребенок, детеныш животных’, тюрк. <i>генч</i> ‘молодой’; монг. <i>хэнз</i> ‘вторая трава (вырастающая к осени после покоса), родившийся осенью’ [БТСЯЯ V: 502].
17.	<i>ланха</i> ²⁰	‘полегшая под нынешним травостоем	4	а. <i>Ланха, Ланхалаах, Алаас</i>	Ср. монг. <i>ланга</i> : <i>ланга санга</i> ‘вещи малой

²⁰ По предположению Н. В. Малышевой, якутское *ланха* может быть заимствовано из русского [Малышева 2024: 387]. Ср.: диалектные слова *лонь* ‘в позапрошлом году’ [СРНГ 1981: 130], *лонина* ‘то, что относится к прошлому году или сделано из плодов прошлогоднего урожая’ [СРНГ 1981: 127], *ланки* ‘лужки’ [СРНГ 1980: 256].

		прошлогодня трава на лугу'		<i>Ланхалаах, Ланхалаах Иннэ</i>	(дешевой) ценности (старая одежда, старая мебель)' [Рассадин 1980: 66].
18.	<i>сэтиэнэх</i>	'прошлогодня трава, высохшая трава'	4	луг, падь <i>Сэтиэнэх</i> , поле <i>Кураанах</i> <i>Сэтиэнэх</i> , падь <i>Оччугуй Сэтиэнэх</i>	Ср. рус. <i>щетинник</i> 'известный луговой сорняк' [Малышева 2004: 387].
19.	<i>ымыйах</i>	'кровохлевка лекарственная'	2	лог, падь <i>Ымыйахтаах</i>	-
Названия водных и болотных растений					
20.	<i>көппөх</i>	'мох (лесной, водяной)'	2	яр <i>Көппөх Дьаар</i> , а. <i>Көппөхтөөх</i>	Ср.: стп.-монг. <i>köbke</i> , халх. <i>хөвх</i> , бур. <i>хүбхэн</i> 'мох' [ЭСМЯ II: 133].
21.	<i>муох</i>	'мох'	1	падь <i>Муоѳа Суох</i>	Ср. рус. <i>мох</i> .
22.	<i>сиибиктэ</i>	'хвоц'	2	г. <i>Сиибиктэ Тумус</i> , <i>Сиибиктэ Хайата</i>	Ср. эвенк. <i>сивээктэ</i> 'хвоц' [Новгородов 2009: 502].

Малопродуктивные зоонимические компоненты в якутской оронимии

№	Компонент	Значение	Кол-во	Примеры	Параллели
Названия млекапитающих					
1.	<i>адьырба</i>	‘большой хищный зверь, хищник’, (диал.) ‘старый самец медведя’	3	г., сопка <i>Адьырба</i> , хр. <i>Адьырхай</i>	-
2.	<i>бөрө</i>	‘волк’	3	падь <i>Бөрө Хорооно</i> , г. <i>Бөрөлөөх</i> , горы <i>Бөрөлөөх Сииһэ</i>	Ср. тюрк. <i>бөрү</i> ‘волк’ [ТСЯЯ I: 523].
3.	<i>бүүчээн</i>	‘кабарга’	1		Ср.: др.-тюрк. <i>bīcīn</i> ‘обезьяна’ [ДТС 1969: 98]; стп.-монг. <i>bīcīn</i> , халх. <i>бич(ин)</i> , калм. <i>бечн</i> , <i>мичн</i> , бур. <i>мэишэн</i> ‘обезьяна’ [ЭСМЯ I: 87].
4.	<i>дьирики</i>	(диал.) ‘бурундук’	1	лог <i>Дьирики Үрэх</i>	Ср. бур. <i>жирхе</i> , <i>жирхи</i> [ТСЯЯ III: 357].
5.	<i>киис</i>	‘соболь’	2	сопка <i>Киис Тумул</i> , а. <i>Киис Тиэрбит</i>	Ср. тюрк. <i>кииш</i> [БТСЯЯ IV: 83].
6.	<i>кырса</i>	‘песец’	2	впадина <i>Кырса Уйалаах Уолбата</i> , мыс <i>Кырса Уйалаах Тумула</i>	Ср. монг. <i>кирса</i> ‘вид лисицы’ [БТСЯЯ V: 332].
7.	<i>сиэгэн</i>	‘росомаха’	1	падь <i>Сиэгэн</i>	Ср.: монг. <i>зээх(эн)</i> , алт. <i>дьескен</i> , эвенк.

					дееган [БТСЯЯ VIII: 470].
8.	<i>табысхаан</i>	(диал.) ‘заяц’	1	г. <i>Табысхаан</i>	Ср.: азерб. <i>довшан</i> ‘заяц’, туркм. <i>товшан</i> ‘заяц’, тур. <i>тавшан</i> ‘заяц’ и пр. [Широбокова 2005: 71].
9.	<i>тиинг</i>	‘белка’	2	падъ <i>Тиинг</i> , а. <i>Тиинг</i> <i>Тилийбит</i>	Ср.: др.-тюрк. <i>тейинг</i> , тув. <i>тиинг</i> , тат. <i>тиен</i> , алт. <i>тийинг</i> , ‘белка’ [ТСЯЯ III: 2675].
10.	<i>чубуку</i> ~ <i>чубука</i>	‘горный баран’	5	г. <i>Чубуку</i> , г. <i>Чубуку</i> <i>Таала</i> , г., кряж <i>Чубукулаах</i> .	Ср.: эвенк. <i>чубуки</i> ‘каменный баран’ [БТСЯЯ XIV: 223].
Названия птиц					
11.	<i>анды</i>	‘турпан’	1	а. <i>Көтөх</i> <i>Андылаах</i>	Ср. др.-тюрк. <i>ангыт</i> ‘красная утка’ [ТСЯЯ I: 469].
12.	<i>боруллуо</i> ~ <i>барыллыа</i>	‘орлан-белохвост’	2	падъ <i>Боруллуо</i> <i>Үрэбэ</i> , г. <i>Барыллыалаах</i> <i>Дьолоно</i>	Ср. монг. <i>борулдай</i> ‘жаворонок’ [ТСЯЯ II: 400].
13.	<i>киргил</i>	‘черный дятел’	3	г., паль <i>Киргиллээх</i> , г. <i>Оччугуй</i> <i>Киргиллээх</i>	Ср.: осм. <i>кыркавул</i> , каз. <i>кырбаул</i> ‘фазан’ [БТСЯЯ IV: 136].
14.	<i>куртуйах</i>	‘тетерев’	1	дол. <i>Куртуйах</i> <i>Сүүлэ</i>	Ср. тюрк. <i>күртүк</i> [ТСЯЯ I: 1251].

15.	<i>кэбэ</i>	‘кукушка’	4	а. <i>Кэбэ Төрүүбүт</i> , г. <i>Кэбэлээх</i> , мыс <i>Кэбэлээх Тумула</i>	Ср.: стп.-монг. <i>kökege</i> , халх. <i>хөхөө</i> , калм. <i>көкэ</i> , <i>көнг</i> , бур. <i>хүхы</i> ‘кукушка’ [ЭСМЯ II: 138].
16.	<i>мороду</i>	‘чирок- клектун’	1	ск. <i>Мороду Олобо</i>	-
17.	<i>турукаан</i> ~ <i>туркан</i>	‘гага’	2	мыс <i>Туркан</i> , мыс <i>Турукааннаах</i> <i>Тумса</i>	-
18.	<i>улун</i>	‘крохаль’	1	а. <i>Улун Ытар</i>	-
19.	<i>хабдьы</i>	‘куропатка’	3	булг. <i>Хабдьы</i> <i>Булгунньаба</i> , г. <i>Хабдьылаах</i>	Ср.: эвенк. <i>кобев</i> , нен. <i>хонде</i> ‘э ‘куропатка’ [БТСЯЯ XIII: 160].
Названия рыб					
20.	<i>мунду</i>	‘гольян озерный’	1	падь <i>Мунду Күөл</i>	Ср. эвенк. <i>пунну</i> ‘гольян’ [БТСЯЯ VI: 335].
21.	<i>сордонг</i>	‘щука’	2	г., падь <i>Сордонгноох</i>	Ср. тюрк. <i>сортан</i> ‘щука’ [ТСЯЯ II: 2284].
22.	<i>суокур</i>	(диал.) ‘сиг’	1	г. <i>Суокурдаах</i>	Ср.: кирг. <i>шокур</i> ‘осётр’, тув. <i>шокар</i> ‘ленок’ [БТСЯЯ IX: 138].
23.	<i>хатыыс</i>	‘осётр’	4	г. <i>Хатыыс Хайа</i> , ск. <i>Хатыыс Тааһа</i> , г. <i>Хатыыстаах</i> <i>Хайата</i>	Ср.: пратюрк. * <i>K(i)atir</i> ‘хариус, осетр’, тув. <i>qadiryi</i> ‘хариус’

					[EDAL 2003: 692].
Названия земноводных и насекомых					
24.	<i>баба</i>	‘лягушка’	3	а. <i>Бабалаах</i> <i>Тыымныйа</i> , дол. <i>Бабалаах Толооно</i>	Ср. тюрк. <i>бака</i> , <i>паба</i> [ТСЯЯ II: 100].
25.	<i>бырдах</i>	‘комар’	2	падь <i>Бырдахтаах</i> , г. <i>Бырдахтаах</i> <i>Хайата</i>	-
26.	<i>кымырдабас</i>	‘муравей’	1	а. <i>Кымырдабастаах</i> <i>Төбө</i>	Ср.: туркм. диал. <i>кымырсба</i> , шор. <i>кымырташ</i> , кирг., узб. <i>кумурска</i> ‘муравей’ [БТСЯЯ V: 261].
27.	<i>тыймыыт</i>	‘ящерица живородящая’	4	а. <i>Тыймыыттаах</i> <i>Алаас</i> , <i>Тыймыыттаах</i> <i>Анна</i>	-
28.	<i>үөн</i>	‘насекомое всякого рода’	3	г. <i>Үөnnээх Таас</i> , а. <i>Үөnnээх Төрдө</i>	Ср. калм. <i>үүн</i> ‘бородавка’ [БТСЯЯ XII: 479].
29.	<i>үрүмэччи</i>	‘бабочка, мотылек’	1	а. <i>Үрүмэччи</i>	Ср.: к.-калп. <i>өрмэкчи</i> , башк. <i>үрмэксе</i> ‘паук’, хак. <i>өрбекей</i> ‘бабоч ка’; бур. <i>үрмэшэ</i> ‘летуча я мышь’, [БТСЯЯ XII: 534].
30.	<i>чиэрбэ</i>	‘червь’	1	падь <i>Чиэрбэлээх</i>	Ср.: рус. <i>червь</i>

31.	<i>чоху</i>	‘жук, обитающий в озёрах, жук-плавунец’	1	падь <i>Чоху</i>	Ср. монг. <i>цох</i> ‘жук’, [БТСЯЯ XIV: 200].

Таблица 4

Малопродуктивные прилагательные в якутской оронимии

№	Компонент	Значение	Кол-во	Примеры	Параллели
Цветовые прилагательные					
1.	<i>борон</i>	‘серый’	1	хр. <i>Борон</i>	Ср. тув. <i>боро</i> ‘серый’ [ЭСТЯ II: 171].
2.	<i>саһыл</i> ²¹	‘желто-зеленый цвет’	4	поле <i>Саһыл Сыһыы</i> , мыс <i>Саһыл Тумус</i>	Ср. тюрк. <i>йашыл</i> ‘зеленый, свежий, яркий’ [ЭСТЯ IV: 164].
3.	<i>эбир</i>	‘крапчатый, пестрый, рябой’	3	г. <i>Эбир Таас</i> , <i>Эбир Хайа</i>	Ср.: др.-тюрк. <i>evir</i> - ‘вращать’, тур. <i>эвир</i> ‘облако, туча’ [БТСЯЯ XV: 130]; стп.-монг. <i>eber</i> , халх. <i>эвэр</i> , калм. <i>өвр</i> ‘мозоль’ [ЭСМЯ I: 205].
4.	<i>элэмэс</i>	‘пегий; пятнистый, пёстрый; местность с разноцветной растительностью’	4	поле <i>Элэмэс</i> , мыс <i>Элэмэс Тумул</i>	-

²¹ Основное значение слова *саһыл* в якутском языке – лисица. В качестве прилагательного БТСЯЯ указано значение ‘светложелтый, с желтоватым оттенком’ [БТСЯЯ VIII: 303]. Ср. *саһыл хонуу* ‘ровное поле с хорошей почвой, поросшее густой нерослой травой’ [Там же: 304], *арыы саһыл алаастар* ‘аласы, покрытые нежной зеленой травой’ [Ландшафт 2023: 19].

5.	<i>эриэн</i>	‘разноцветный, пегий, пёстрый, полосатый; объект, заросший разнообразной, разноцветной растительностью’	3	г. <i>Эриэн Хайа</i> , булг. <i>Бүтэйдээх Эриэн Булгунньаба</i>	Ср.: стп.-монг. <i>eriüen</i> , халх. <i>эрээн</i> , бур. <i>эреэн</i> , калм. <i>эрэн</i> ‘пёстрый, разноцветный’ [ЭСМЯ III: 219].
Прилагательные, обозначающие иные качества					
6.	<i>көтөх</i>	‘худой; место небогатое, скудное, безводное’	3	а. <i>Көтөх Алаас</i> , г. <i>Көтөх Сис</i>	Ср. тюрк. <i>гөдэк</i> , <i>көдек</i> ‘подросток; молокосос, низкорослый’ [БТСЯ IV: 394].
7.	<i>күкүр</i>	‘массивный, огромный’	1	г. <i>Күкүр Хайа</i>	-
8.	<i>күтүр</i>	‘огромный, громадный’	3	г. <i>Күтүр</i> , булг. <i>Күтүр Булгунньах</i>	-
9.	<i>кырдыабас</i>	‘существующий давно, старый, древний’	1	дол. <i>Кырдыабас Толоон</i>	Ср. др.-тюрк. <i>qarī</i> ‘старый; старик’ [ДТС 1969: 142].
10.	<i>мөкү</i>	‘худой; плохой, негодный’	5	а. <i>Мөкү</i> , мыс <i>Мөкү Тумул</i>	Ср.: стп.-монг. <i>тауи</i> , халх., бур. <i>муу</i> , калм. <i>му</i> ‘плохой, плохо; вредный; некрасивый’ [ЭСМЯ II: 157].
11.	<i>ороһу</i>	‘родившийся поздно; вновь образовавшийся орографический объект’	4	а. <i>Ороһукаан</i> булг. <i>Ороһу Булгунньаба</i> , а. <i>Ороһу Алааһа</i>	Ср.: стп.-монг. <i>oroī</i> , халх., бур. <i>орой</i> , калм. <i>ора</i> ‘поздно, поздний; вечер’ [ЭСМЯ II: 216]; хак. <i>орай</i> ‘поздний; колыбель’

					[ХакРС 2006: 310].
12.	<i>сыгыннях</i>	‘нагой, голый; лишенный растительности, голый (о местности)’	4	г., поле, хр. <i>Сыгыннях</i> , холм <i>Сыгыннях Мыраан</i>	Ср. тюрк. <i>йаланаиш</i> ~ <i>жалаңаиш</i> ~ <i>чанагаиш</i> ‘голый, нагой → открытый, голый (о местности)’ [ЭСТЯ IV: 104–105].
13.	<i>тарабай</i>	‘лысый; голое место; вершина, лицевая сторона (горы, булгуннях, холма и т. п.), лишенная растительного покрова’	4	а. <i>Тарабай</i> , г. <i>Тарабай Хайа</i>	Ср.: алт. <i>таракай</i> ‘1) голые скалы на вершинах гор; 2) лысый’ [АлтРС 2018: 653–654]; монг. <i>тарабай</i> ‘парша на голове’ [БТСЯЯ X: 238]
14.	<i>токур</i>	‘кривой, согнутый’	3	а., г., падь <i>Токур</i>	Ср.: стп.-монг. <i>tokir</i> , халх., бур. <i>тохир</i> , калм. <i>токр</i> ‘согнувшийся, кривой, скрюченный; изувеченный’ [ЭСМЯ III: 170].
15.	<i>халын</i>	‘большой в объеме, толстый’	2	хр. <i>Халын Кыыр</i> , г. <i>Халын Муус Дьяангыта</i>	Ср.: др.-тюрк. <i>qalın</i> ‘1) многочисленный, состоящий из большого числа; 2) стая; множество, группа, сборище; 3) толстый, большой, значительный по

					высоте' [ДТС 1969: 411], тюрк. <i>халын ~ галын ~ калын</i> 'толстый'.
16.	<i>халтан</i>	'голый; лысый; голое, безлесное, лишённое растительного покрова, место'	5	г., ск. <i>Халтан Таас</i> , хр. <i>Халтан Хайыр</i>	Ср.: алт. <i>калјан</i> '1) лысина, лысый; 2) лишённый растительности, снега; 3) куполовидные вершины средневысоких гор' [Самтакова 2013: 101], тув. <i>колчан</i> '1) лысый, плешивый; голый, лишённый растительности; 2) голец в горах; горы, не заросшие растительностью' [Татаринцев III: 81–82]. стп.-монг. <i>qaljan</i> , халх., бур. <i>халзан</i> , калм. <i>һалзн</i> 'лысый, плешивый; лысина; звёздочка на лбу (у животных); белоголовый; беломордый' [ЭСМЯ III: 26].
17.	<i>эдэр</i>	'молодой; орографический объект, возникший недавно'	3	булг. <i>Эдэр Булгуннях</i> , луг <i>Эдэр Уолба</i>	Ср.: стп.-монг. <i>ider</i> , халх. <i>идэр</i> , калм. <i>идр</i> , бур. <i>эдир</i> 'молодой, юный; бодрый' [ЭСМЯ II: 98].

18.	<i>эмис</i>	‘толстый, тучный; богатое, тучное кормами место, нажировочное пастбище’	3	булг. <i>Эмис</i> , падь <i>Эмис</i> <i>Үрэбэ</i> , г. <i>Эмис</i> <i>Арыы Хайата</i>	Ср. др.-тюрк. <i>semiz</i> ‘жирный, тучный; упитанный, сытый (о животном)’ [ДТС 1969: 495].
19.	<i>эргэ</i>	‘старый’	2	г. <i>Эргэ</i> , <i>Эргэлээх</i>	Ср.: др.-тюрк. словаре <i>eski</i> ‘старый’ [ДТС 1969: 184], тув. <i>эрги</i> , хак. <i>ирги</i> ‘старый, древний’ [БТСЯЯ XV: 297].

Таблица 5

Малопродуктивные компоненты в оронимах, связанных со скотоводством

№	Компонент	Значение	Кол-во	Примеры	Параллели
Названия домашних животных					
1.	<i>ньиирэй</i>	‘телёнок’	2	а. <i>Арбаа</i> <i>Ньиирэй</i> <i>Алааһа</i> , Илин <i>Ньиирэй</i> <i>Алааһа</i>	Ср. стп.-монг. <i>nirai</i> , халх. <i>нярай</i> , калм. <i>нирэ</i> , бур. <i>нарай</i> ‘младенец; новорождённый; молодой, свежий (о растениях)’ [ЭСМЯ II: 201].
2.	<i>сүөһү</i>	‘общее наименование рогатого и конного скота’	3	а. <i>Сүөһү</i> <i>Түспүт</i> , а. <i>Сүөһү Ыспыт</i> , а. <i>Сүөһү</i> <i>Куоһабаһа</i>	Ср.: п.-монг. <i>джүгеши</i> , калм. <i>зөөши</i> ‘груз, вьюк, вьючное животное’, бур. <i>зөөшэ</i> ‘имущество’,

					зөөшээ-зөөри 'имущество, состояние' [Kaluzyński 1961: 18; Иванов 2001: 52].
3.	<i>тый</i>	'жеребёнок по второму году; двухлетний (двухгодовалый) жеребёнок'	2	а. <i>Тыйдар, Тый Күрүөтэ</i>	Ср.: др.-тюрк. <i>taj</i> 'жеребенок; молодой конь' [ДТС 1969: 527], алт. <i>тай</i> 'двухгодовалый жеребенок'.
4.	<i>убаһа</i>	'жеребёнок с первой осени до года'	2	а. <i>Убаһа Турбат, Убаһа Хаспыт</i>	Ср.: тюрк. <i>йабаға, жабаға, чабаға</i> 'жеребёнок в первую по рождению осень' [Антонов 1971: 29]; стп.-монг. <i>инауан</i> , халх., бур. <i>унага(н)</i> , калм. <i>унһи</i> 'жеребёнок до года'; халх. <i>унага(н)</i> 'доморощенный (о лошади)' [ЭСМЯ III: 332].
Названия помещений для скота					
5.	<i>хаһаа</i>	'конюшня, стойло для лошадей и жеребят'	2	а. <i>Хаһаа</i> , дол. <i>Хаһаалаах Томтор</i>	Ср.: стп.-монг. <i>qasiya(н)</i> , халх., бур. <i>хаһаа(н)</i> , калм. <i>хаһа</i> 'ограда, забор; двор' [ЭСМЯ III: 39].
Названия упряжи и средств перевозки					

6.	<i>доруобуна</i>	‘дровни’	1	а. <i>Доруобуна Кытаба</i>	Ср. <i>дровни</i> ‘крестьянские сани, в которых не было отводков, спинки, кузова’.
7.	<i>көнтөс</i>	‘лошадиный повод из конского повода (из гривы)’	4	а. <i>Көнтөстөөх, Көнтөстөөх Таһа</i>	Ср.: алт. <i>көнө</i> ‘привязь (из конского волоса, для ягнят и козлят)’, тув. <i>хөнэ</i> ‘привязь (для ягнят, козлят)’ [БТСЯЯ IV: 284].
8.	<i>ингэнэ</i>	‘стремя’	4	а. <i>Ингэнэ Ынгыырдаах, Кыра Ингэнэлээх</i>	Ср.: др.-тюрк. <i>üzäñü</i> ‘стремя’ [ДТС 1969: 630]; тюрк. <i>üzängi</i> ~ <i>ozeñgi</i> ~ <i>üzeñi</i> ... ‘стремя’, ‘лестница’.
9.	<i>сыарба</i>	‘сани’	2	г. <i>Сыарба Хайа, мыс Сыарбалаах Сылдьар</i>	Ср.: стп.-монг. <i>čirγa</i> , халх. <i>чарга</i> , бур. <i>шарга</i> ‘сани’ [ЭСМЯ I: 147].
10.	<i>тэһиин</i>	‘повод, поводья’	1	г. <i>Тэһиин Хайата</i>	Ср.: др.-тюрк., тюрк. <i>тиэгин</i> ‘узда, повод у узды’ [БТСЯЯ XI: 517].

Приложение 4. Словарь якутских оронимов, использованных как иллюстративный материал в тексте диссертации

Абаҕалаах Хапчаҕайа (букв. ущелье [реки] *Абаҕалаах*). Гора расположена северо-западнее гор *Арыы Хайа* на левом берегу р. *Туостаах* на территории Верхоянского района. Название представляет собой сочетание гидронима *Абаҕалаах* и апеллятива *хапчаҕай* ‘ущелье’ с афф. принадл. 3 л. -а.

Абалакаан Босхото (букв. голец [реки] *Абалакаан*). Гора находится юго-западнее Хараулахского хребта, на правом берегу р. *Абалакаан* на территории Булунского района. Сложное название состоит из сочетания гидронима *Абалакаан* и апеллятива *босхо* ‘голец’ с афф. принадл. 3 л. -о.

Абалакаан Тааһа (букв. скала [реки] *Абалакаан*). Гора расположена на северо-западе Верхоянского хребта на территории Булунского района. Якутское название представляет собой изафетное сочетание второго типа, где первый компонент – гидроним *Абалакаан*, второй компонент – апеллятив *таас* ‘скала’ имеет афф. принадл. 3 л. -а.

Аддьырҕа (букв. хищник). Гора находится на территории Оленёкского района, ближе к истоке р. *Доруоха*. Название происходит от слова *аддьырҕа* со значением ‘хищный; хищник’, т. е. гора с вершинами, имеющими форму зубцов.

Аддьырхай (букв. хищник). Хребет расположен на территории Булунского района. Название происходит от слова *аддьырҕа* со значением ‘хищный; хищник’, т. е. хребет с вершинами, имеющими форму зубцов.

Ала (букв. пегий). Гора расположена южнее Вилуйского плато на территории Мирнинского района. Название образовано от прил. *ала* ‘пегий, пятнистый, с белыми полосами, пятнами’.

Ала Чубука (букв. пестрый баран). Гора находится в северо-западной части хребта *Таас Кыстаабыт*. Название горы включает компоненты *ала* ‘белобокий; пегий, пестрый; пестрый, пятнистый’ и *чубуку* ‘дикий баран рыжевато-серого цвета, обитающий в горах в северных районах Якутии, у самцов имеются мощные, изогнутые назад круглые рога, снежный баран’.

Аллара Эбир Хайа (букв. нижняя пестрая гора). Гора расположена на территории Усть-Янского района. Название образовано путем сочетания прилагательных *аллара* ‘нижний’, *эбир* ‘крапчатый, пестрый, рябой’ и орографического апеллятива хайа ‘гора’.

Алыы (букв. долина). Долина находится на территории Хангаласского района. Названи долины образовано от апеллятива алыы ‘узкая, длинная речная долина, поросшая кочкарником, кустарником, молодыми березками’.

Арамаанаттар Булгунньахтара (букв. сопка Романовых). Название сопки произошло от сочетания фамилии *Арамаанаттар* (рус. *Романовы*) и апеллятива *булгунньах* ‘сопка’ присоединением к нему афф. мн. ч. *-лар* и афф принадл. 3 л. *-а*.

Арбаа Булгунньах (букв. западный булгуннях). Название булгунняха образовано путем присоединения прил. *арбаа* ‘западный’ и апеллятива *булгунньах* ‘булгуннях’.

Арбаа Турабас (букв. западный *Турабас*). Гора находится в северной части Янского плоскогорья, в междуречье Яна-Борулах на территории Верхоянского района. Название образовано присоединением к гидрониму *Турабас* слова *арбаа* ‘западный’.

Арыылаах Тобойо (букв. мыс [местности] *Арыылаах*). Название мыса образовано присоединением к топониму *Арыылаах* апеллятива *тобой* ‘мыс’ с афф. принадл. 3-го лица *-о*.

Архыыптар Тумустара (букв. мыс Архиповых). Название мыса произошло от сочетания фамилии *Архыыптар* (рус. *Архиповы*) и апеллятива *тумус* ‘мыс’ присоединением к нему афф. мн. ч. *-лар* и афф принадл. 3 л. *-а*.

Ат Быраан (букв. конь-гора). Гора в Хангаласском районе. Название образовано путём сочетания сущ. *ат* ‘лошадь, гора’ и апеллятива *быраан* ‘горы, холмы вдоль берега или долины реки’. По легендам, на вершине этой горы покоятся потомки Тыгына Дархана – знаменитого продолжателя рода Эллэй Боотура, первопредка якутов.

Ат Хайа (букв. конь-гора). Гора находится в западной части хребта *Улахан Сис* на территории Аллаиховского района. Название горы *Ат Хайа* образовано путём сочетания двух компонентов: *ат* ‘лошадь, конь’ и *хайа* ‘гора’.

Ат Хайа (букв. конь-гора). Гора находится северо-западнее хребта *Киһилээх* на территории Верхоянского района. Название горы *Ат Хайа* образовано путём сочетания двух компонентов: *ат* ‘лошадь, конь’ и *хайа* ‘гора’.

Ат Хайа (букв. конь-гора). Гора расположена в юго-западной части Тирехтяхского хребта на территории Верхоянского района. Название горы *Ат Хайа* образовано путём сочетания двух компонентов: *ат* ‘лошадь, конь’ и *хайа* ‘гора’.

Атырдьах Хайа (букв. вилы-гора). Гора находится на севере Приморского кряжа, на левом берегу р. *Атырдьах Үрэбэ*. Название образовано путём сочетания сущ. *атырдьах* ‘вилы’ и апеллятива *хайа* ‘гора’.

Атыыр Хайа (букв. жеребец-гора). Гора находится на севере Приленского плато, на правом берегу р. Кэмпэндэй на территории Сунтарского района. Название образовано путём сочетания сущ. *атыыр* ‘жеребец’ и апеллятива *хайа* ‘гора’.

Баҕалаах Толооно (букв. долина [местности] *Баҕалаах*). Ороним образован присоединением к топониму *Баҕалаах* апеллятива *толоон* ‘долина’ с афф. принадл. 3-го л. -о.

Баҕарах Хайа (букв. горшок-гора) Название горы *Баҕарах Хайа* образовано путем сочетания двух компонентов: *баҕарах* ‘(устар.) низкий горшок с широким верхом (обычно для молока)’ и *хайа* ‘гора’.

Байанай Хайата (букв. гора [реки] *Байанай*). Гора расположена на севере Алданского нагорья, северо-восточнее Томмотской гряды на территории Алданского района. Якутское название представляет собой изафетное сочетание второго типа, где первый компонент – гидроним *Байанай*, второй компонент – апеллятив *хайа* ‘гора’ с афф. принадл. 3 л. -та.

Балаҕаннаах Чобура (букв. гора [реки] *Балаҕаннаах*). Гора расположена южнее гряды *Киһилээх* на территории Верхоянского района. Название образовано присоединением к гидрониму *Балаҕаннаах* апеллятива *чобур* ‘одинокая гора’ с афф. принадл. 3 л -а.

Балабан Таас (букв. юрта-скала). Гора находится на юго-западном склоне Момского хребта на территории Момского района. Название оронима состоит из двух компонентов: из сущ. *балабан* ‘юрта’ и апеллятива *таас* ‘скала’.

Балыктаах Таас (букв. имеющая рыбу скала). Возможно, название образовано от гидронима *Балыктаах*. Название образовано путем присоединения сущ. *балыктаах* ‘с рыбой’ (от *балык* ‘рыба’ + афф. облад. *-лаах*) и апеллятива *таас* ‘скала’.

Бараах Хапчабайа (букв. ущелье [реки] *Бараах*). Гора расположена на Янском плоскогорье, северо-западнее гор Орто Сис на территории Верхоянского района. Название образовано присоединением к гидрониму *Бараах* апеллятива *хапчабай* ‘узкое ущелье, расщелина’ с афф. принадл. 3 л *-а*.

Билир (букв. место слияния рек, соединение двух рек). Гора расположена в центральной части кряжа Чекановского на территории Булунского района. Своё название гора получила по одноименной реке.

Бокпуоктар Алаастара (букв. алас Поповых). Название аласа произошло от сочетания фамилии *Бокпуоктар* (рус. *Поповы*) и апеллятива *алаас* ‘алас’ присоединением к нему афф. мн. ч. *-лар* и афф. принадл. 3 л. *-а*.

Болбукталаах (букв. с кедровым стлаником). Гора на северо-востоке Янского плоскогорья, западнее Тирехтяхского хребта на территории Верхоянского района. Ороним образован от сущ. *болбукта* ‘кедровый стланий’ присоединением к нему афф. облад. *-лаах*.

Боруулаах (букв. с хвощем). Гора находится в восточной части Яно-Индигирской низменности на территории Аллаиховского района. Название образовано от сущ. *боруу* ‘хвощ’ присоединением к нему афф. облад. *-лаах*.

Бөрөлөөх (букв. волчий, с волками). Гора расположена в северо-западной части кряжа Чекановского на территории Булунского района. Название образовано от сущ. *бөрө* ‘волк’ присоединением к нему афф. облад. *-лээх*.

Бөрөлөөх Сигэ (букв. хребет [реки] *Бөрөлөөх*). Горы расположены северо-западнее Чибегалахского хребта, в левобережье среднего течения р. *Туостаах* на

территории Верхоянского района. Название образовано присоединением к гидрониму *Бөрөлөөх* и апеллятива *сис* ‘хребет’ с афф. принадл. 3 л -а.

Булгунньах (букв. булгуннях). Название аласа образовано от апеллятива *булгунньах* ‘возвышение небольшой окружности нередко с крутыми склонами, холм’.

Булгунньах (букв. холм). Гора расположена на юго-востоке Сордогинского хребта на территории Томпонского района. Ороним образован от апеллятива *булгунньах* ‘возвышение небольшой окружности нередко с крутыми склонами, холм’.

Булун (букв. долина). Название аласа образовано от апеллятива *булун* ‘обособленная часть леса’.

Бүүчээннээх (букв. с кабаргой). Гора на юго-востоке Янского плоскогорья, на левом берегу р. Налыаччийа на территории Верхоянского района. Название образовано от сущ. *бүүчээн* ‘кабарга’ присоединением к нему афф. облад. -лээх.

Бүөр (букв. почка). Название аласа образовано от апеллятива *бүөр* (перен.) ‘боковая часть, сторона географического объекта’.

Былчын Дьяаныта (букв. скала [острова] *Былчын*) на севере Алданского нагорья, северо-восточнее Томмотской гряды на территории Алданского района. Название образовано присоединением к топониму *Былчын* апеллятива *дьаангы* ‘скала, лишенная растительности’ с афф. принадл. 3 л -та.

Быраан (букв. гора). Гора находится в центральной части хребта *Улахан Чыыстай* на территории Момского района. Ороним образован от апеллятива *быраан* ‘горы, холмы вдоль берега или долины реки’.

Бэргэһэлээх (букв. со шляпой). Гора находится на севере Приленского плато на территории Сунтарского района. Ороним образован от сущ. *бэргэһэ* ‘шляпа’ присоединением к нему афф. облад. -лээх.

Бэрдьигэс (букв. маленькая сосна). Гора расположена на севере Янского плоскогорья, северо-восточнее гор *Арбаа Ынах* Верхоянского района. Название образовано от сущ. *бэрдьигэс* ‘сосенка; маленькая сосна; молодой сосняк’.

Бэрдигэс Тумуһаба (букв. мыс [горы] *Бэрдигэс*). Гора на севере Янского плоскогорья, юго-восточнее гор *Арбаа Ынах* на территории Верхоянского района. Название образовано присоединением к орониму *Бэрдигэс* апеллятива *тумуһах* ‘небольшой лесной мыс’ с афф. принадл. 3 л -а.

Дабаан (букв. гора). Название горы образовано от апеллятива дабаан ‘гора’.

Дабайыы Хайа (букв. восхождение-гора). Гора расположена юго-западнее хребта Селенчян-Сисе на территории Кобяйского района. Название оронима состоит из двух компонентов: из сущ. *дабайыы* ‘восхождение’ (от глаг. *дабай-* ‘восходить, подниматься вверх’) и апеллятива *хайа* ‘гора’.

Даккы (букв. валежник). Гора находится в восточной части Центрально-якутской равнины, на правом берегу р. *Мэндэкэ* на территории Томпонского района. Название образовано от сущ. *даркы* ‘нагромождение плавника; сваленные друг на друга деревья, валежник (по берегам рек, озер)’.

Даркылаах (букв. с валежником). Гора находится в восточной части Приленского плато, на левом берегу нижнего течения р. *Буотама* на территории Хангаласского района. Ороним образован от сущ. *даркы* нагромождение плавника; сваленные друг на друга деревья, валежник (по берегам рек, озер)’ присоединением к нему афф. облад. -лаах.

Долбуурдаах (букв. с полками). Гора находится на северо-востоке Янского плоскогорья, западнее Тирехтяхского хребта на территории Верхоянского района. Название оронима образовано от сущ. *долбуур* (перен.) ‘горизонтальное, ровное место, расположенное на склоне возвышенности или горы; выступ’ присоединением к нему афф. облад. -лаах.

Дулба Алааһа (букв. алас [местности] Дулба). Название аласа образовано присоединением к топониму *Дулба* апеллятива *алаас* ‘алас’ с афф. принадл. 3 л. -а.

Дьол Тааһа (букв. камень счастья). Скала в Хангаласском районе. Название оронима образовано присоединением к сущ. *дьол* ‘счастье’ и апеллятива *таас* ‘скала’ с афф. принадл. 3 л -а. В культуре саха эта скала связана с легендой о любви парня и девушки из враждовавших друг с другом племен.

Дьяангы (букв. скала, лишённая растительности). Скала расположена на территории Верхоянского района. Название скалы образовано от апеллятива от *дьяангы* ‘скала, лишённая растительности; голая поверхность каменной гряды; каментистый, скалистый, лишённый растительности’.

Дьяангы Сииһэ (букв. лес [скалы] Дьяангы). Гора в Жиганском районе. Название оронима образовано присоединением к топониму *Дьяангы* апеллятива *сис* ‘лес на возвышенности’ с афф. принадл. 3 л -э.

Дьолоон (букв. отвесная скала). Название скалы образовано от апеллятива *дьолоон* ‘отвесная скала, на которой находит убежище горный баран – чубуку’.

Дьөгүөрдээн Алааһа (букв. алас *Дьөгүөрдээнэ*). Название аласа образовано путем сочетания антропонима (муж. имени) *Дьөгүөрдээн* (рус. *Егордан*) и апеллятива *алаас* ‘алас’ с афф. принадл. 3-го лица -а.

Илин Тураҕас (букв. восточный *Тураҕас*). Гора расположена на севере Янского плоскогорья, в центральной части гор *Арбаа Ынах* на территории Верхоянского района. Название образовано присоединением к гидрониму *Тураҕас* слова *илин* ‘восточный’.

Килиэр (букв. голая гора). Гора находится в Анабарском районе. Название горы образовано от апеллятива *килиэр* ‘голая, без растительного покрова скала, гора’.

Кинээс Сыһыыта (букв. поле князя). Название поля образовано из двух компонентов: сущ. *кинээс* ‘князь’ и апеллятива *сыһыы* ‘поле’ с афф. принадл. 3-го лица -та.

Киргиллээх (букв. с черным дятлом). Гора юго-западнее гряды Киһилээх на территории Верхоянского района. Ороним образован от сущ. *киргил* ‘черный дятел, желна’ присоединением к нему афф. облад. -лээх.

Кириэстээх Чобура (букв. гора [урочища] *Кириэстээх*). Название оронима образовано присоединением к топониму *Кириэстээх* апеллятива *чобур* ‘одинокая гора’ с афф. принадл. 3 л -а.

Киһилээх (букв. имеющий человека). Гора находится на Момо-Селенняской впадине, в правобережье р. *Чубукулаах* на территории Усть-Янского района.

Ороним образован от сущ. *киһи* ‘человек’ присоединением к нему афф. облад. -*лээх*.

Киһилээх (букв. имеющий человека). Гора расположена в юго-восточной части гор *Арыы Хайа* на территории Верхоянского района. Ороним образован от сущ. *киһи* ‘человек’ присоединением к нему афф. облад. -*лээх*.

Киһилээх Таас (букв. имеющая человека скала). Гора находится на колымской низменности, правобережье реки *Алазея* на территории Нижнеколымского района. Название образовано путем присоединения *киһилээх* ‘имеющий человека’ (от *киһи* ‘человек’ + афф. облад. -*лээх*) и апеллятива *таас* ‘скала’.

Киһилээх Таас (букв. имеющая человека скала). Гора расположена на северо-западе Чибагалахского хребта, в левобережье р. *Хара Салаа* на территории Верхоянского района. Название образовано путем присоединения *киһилээх* ‘имеющий человека’ (от *киһи* ‘человек’ + афф. облад. -*лээх*) и апеллятива *таас* ‘скала’.

Киһилээх Таас (букв. имеющая человека скала). Гора находится на северо-западе Юкагирского плоскогорья на территории Среднеколымского района. Название образовано путем присоединения *киһилээх* ‘имеющий человека’ (от *киһи* ‘человек’ + афф. облад. -*лээх*) и апеллятива *таас* ‘скала’.

Киһилээх Тумуһаҕа (букв. мыс [горы] *Киһилээх*). Гора на северо-востоке Тирехтяхского хребта на территории Верхоянского района. Название образовано присоединением к орониму *Киһилээх* апеллятива *тумуһах* ‘небольшой лесной мыс’ с афф. принадл. 3 л -*а*.

Киһиргэс Тааһа (букв. скала [ручья] *Киһиргэс*). Гора расположена в восточной части Алазейского плоскогорья, в истоках р. *Ылыгыннаах* на территории Среднеколымского района. Название оронима образовано присоединением к гидрониму *Киһиргэс* апеллятива *таас* ‘скала’ с афф. принадл. 3 л -*а*.

КиэнҮрэх Сигэ (букв. гора [реки] *КиэнҮрэх*). Гора северо-восточного отрога Тирехтяхского хребта, в правобережье р. *КиэнҮрэх* на территории

Верхоянского района. Название образовано присоединением к гидрониму *Киэн Үрэх* апеллятива *сис* ‘гора’ с афф. принадл. 3 л -э.

Көбдөк (букв. рыхлая земля). Гора расположена на территории Чурапчинского района. Название образовано от сущ. көбдөк ‘рыхлая земля; место, где почва рыхлая’.

Көбдөх Хайа (букв. грудкая клетка-гора). Гора находится в восточной части Приленского плато, на правом берегу среднего течения р. *Амма* на территории Чурапчинского района. Название оронима состоит из двух компонентов: сущ. *көбдөх* ‘область грудной клетки человека и животных’ и апеллятива *хайа* ‘гора’.

Көбүл Хайа (букв. челка-гора). Гора в Амгинском районе. Название оронима состоит из двух компонентов: из сущ. *көбүл* ‘прядь гривы, падающая на лоб лошади; челка’ и апеллятива *хайа* ‘гора’. Орографический объект, видный издалека и выступающий над окружающей местностью.

Көндөй (букв. пустой). Гора находится в горах *Ангардам Тааһа*, в левобережье р. *Улахан Үрэх* на территории Булунского района. Название оронима образовано от апеллятива *көндөй* ‘узкая глубокая долина, овраг, ущелье, котловина между горами; выемка, впадина’.

Көндөйкөөн Хайата (букв. гора [реки] *Көндөйкөөн*). Гора расположена в северной части *Туора Сис*, на правом берегу р. *Лена* на территории Булунского района. Название образовано присоединением к гидрониму *Көндөйкөөн* апеллятива *хайа* ‘гора’ с афф. принадл. 3 л -а.

Көтөх Сис (букв. худая гора). Гора на Колымской низменности на территории Среднеколымского района. Название оронима состоит из двух компонентов: прил. *көтөх* (перен.) ‘скудный’ и апеллятива *сис* ‘гора’.

Көтөх Чобура (букв. гора [острова] *Көтөх*). Гора находится юго-восточнее гряды *Киһилээх*, на правом берегу р. *Адыачча* на территории Верхоянского района. Название оронима образовано присоединением к топониму *Көтөх* апеллятива *чокур* ‘одинокая гора’ с афф. принадл. 3 л -а.

Кубалаах Хайа (букв. лебединая гора). Гора находится северо-восточнее кряжа Чекановского, на левом берегу Большой Туматской протоки на территории

Булунского района. Название образовано путем присоединения *кубалаах* ‘лебединый’ (от *куба* ‘лебедь’ + афф. облад. *-лаах*) и аппеллятива *хайа* ‘гора’.

Кубалыыр Дьяангыта (букв. скала [местности] *Кубалыыр*). Гора находится в Кыллахском хребте на территории Усть-Майского района. Название оронима образовано путем присоединения к гидрониму *Кубалыыр* и аппеллятива *дьяангы* ‘скала, лишенная растительности’ с афф. принадл. 3 л *-та*.

Кумах Сис (букв. песчаная гора). Гора находится юго-западнее гряды *Киһилээх*, в левобережье р. *Большой Кумах* на территории Верхоянского района. Название образовано путем присоединения сущ. *кумах* ‘песок’ и аппеллятива *сис* ‘гора’.

Куобах Таас (букв. заяц-скала). Гора расположена на юго-востоке кряжа *Суор Уйата* на территории Нижнеколымского района. Ороним образован путем присоединения сущ. *куобах* ‘заяц’ и аппеллятива *таас* ‘скала’.

Куобахчаан Сиһэ (букв. гора [озера] *Куобахчаан*). Гора на Яно-Индибирской низменности на территории Аллаиховского района. Название образовано присоединением к гидрониму *Куобахчаан* аппеллятива *сис* ‘гора’ с афф. принадл. 3 л *-э*.

Куолабай (букв. ущелье). Алас в Таттинском районе. Название аласа образовано от аппеллятива *куолабай* ‘узкий длинный проход; ущелье, теснина’.

Куорат Сиһэ (букв. гора города). Горы расположены на Янском плоскогорье, северо-восточнее гор *Орто Сис* на территории Верхоянского района. Название оронима состоит из двух компонентов: сущ. *куорат* ‘город’ и аппеллятива *сис* ‘гора’ с афф. принадл. 3 л. *-э*.

Куорат Хайата (букв. гора города). Гора находится на юго-западе хребта *Туора Сис* на территории Булунского района. Название оронима состоит из двух компонентов: сущ. *куорат* ‘город’ и аппеллятива *хайа* ‘гора’ с афф. принадл. 3 л. *-та*.

Кураанах (букв. сухой). Гора расположена юго-восточнее Анабарского плато на территории Оленёкского района. Возможно, ороним образован от названия реки *Кураанах*.

Курун Босхо (букв. засохший лес-голец). Гора расположена юго-западнее Хараулахского хребта на территории Булунского района. Ороним состоит из двух компонентов: сущ. *курун* ‘засохший, высохший лес’ и апеллятива *босхо* ‘голец’.

Курун Үрэх Силэ (букв. гора [реки] *Курун Үрэх*). Гора находится в южной части Тирехтяхского хребта на территории Верхоянского района. Название образовано присоединением к гидрониму *Курун Үрэх* и апеллятива *сис* ‘гора’ с афф. принадл. 3 л -э.

Күнтүкэ (букв. холмик). Гора расположена в юго-западной части Анабарского плато на территории Олёнокского района. Ороним образован от апеллятива *күнтүкэ* (диал.) ‘сухое возвышенное место, холмик’.

Күөл Хайа (букв. озеро-гора). Гора на севере Приленского плато на территории Сунтарского района. Название оронима состоит из двух компонентов: сущ. *күөл* ‘озеро’ и апеллятива *хайа* ‘гора’.

Күөл Хайата (букв. гора озера). Горы расположены на севере Приморского кряжа, на правом берегу Быковской протоки р. *Лена* на территории Булунского района. Ороним состоит из двух компонентов: сущ. *күөл* ‘озеро’ и апеллятива *хайа* ‘гора’ с афф. принадл. 3 л -та.

Күөл Үрүйэтин Босхото (букв. голец [реки] *Күөл Үрүйэтэ*). Гора находится на юго-западе Приморского кряжа на территории Булунского района. Название образовано присоединением к гидрониму *Күөл Үрүйэтэ* апеллятива *босхо* ‘голец’ с афф. принадл. 3 л -а.

Күөх Хайа. Гора находится в восточной части Приленского плато, на правом берегу нижнего течения р. *Буотама* на территории Хангаласского района. Название образовано путем присоединения прил. *күөх* ‘голубой; зеленый’ и апеллятива *хайа* ‘гора’.

Күрүөлээх Анхайа (букв. ущелье [местности] *Күрүөлээх*). Название образовано присоединением к топониму *Күрүөлээх* и апеллятива *анхай* ‘ущелье’ с афф. принадл. 3 л -а.

Күтүр (букв. огромный). Гора расположена в восточной части Станового хребта на территории Нерюнгринского района. Название образовано от прил. *күтүр* ‘огромный, громадный’.

Кыйам (букв. береговая гора). Гора в северной части Алазейского плоскогорья на территории Абыйского района. Ороним образован от апеллятива *кыйам* ‘горы, тянущиеся вдоль берега реки, речки’.

Кыламан (букв. ресницы). Название аласа образовано от апеллятива *кыламан* (перен.) ‘край’.

Кылыйар Чобура (букв. гора [реки] *Кылыйар*). Гора находится в южной части гряды *Киһилээх* на территории Верхоянского района. Название образовано присоединением к гидрониму *Кылыйар* апеллятива *чокур* ‘гора’ с афф. принадл. 3 л -а.

Кыра Кэрдиистэрдээх (букв. маленький *Кэрдиистэрдээх*). Гора находится в северной части кряжа *Суор Уйата*, северо-западнее истока р. *Кыра Кэрдиистэрдээх* на территории Нижнеколымского района. Название образовано присоединением прил. *кыра* ‘маленький’ к орониму *Кэрдиистэрдээх*.

Кырдал (букв. релка). Гора расположена на северо-востоке Момского хребта на территории Абыйского района. Название горы образовано от апеллятива *кырдал* ‘релка, возвышенная полоса, тянущаяся на поле, сенокосное угодье’.

Кыстык (букв. наковальня). Возвышенность на территории Булунского района. Ороним образован от апеллятива *кыстык* (перен.) ‘гора, пологая с одной стороны и круто спускающаяся с противоположной’.

Кыстык (букв. наковальня). Плато находится западнее кряжа Чекановского на территории Булунского района. Ороним образован от апеллятива *кыстык* (перен.) ‘гора, пологая с одной стороны и круто спускающаяся с противоположной’.

Кыстык Хайа (букв. наковальня-гора). Гора западнее кряжа Чекановского, на правом берегу р. *Оленёк* на территории Булунского района. Ороним образован от апеллятива *кыстык* (перен.) ‘гора, пологая с одной стороны и круто спускающаяся с противоположной’.

Кыһам Хайа (букв. ущелье-гора). Горы в центральной части Тирехтяхского хребта, западнее гор *Сымалаабыт Сунэ* на территории Верхоянского района. Ороним образован от апеллятива *кыһам* ‘ущелье, теснина’ и *хайа* ‘гора’.

Кыһам Хайата (букв. гора [берега] *Кыһам*). Гора находится в северо-западной части Приморского кряжа на территории Булунского района. Название образовано присоединением к топониму *Кыһам* апеллятива *хайа* ‘гора’ с афф. принадл. 3 л -та.

Кыһыл Таас (букв. красная скала). Гора в хребте *Улахан Чыыстай* на территории Момского района. Название образовано путем сочетания прил. *кыһыл* ‘красный’ с апеллятивом *таас* ‘скала’.

Кыһыл Хайа (букв. красная гора). Гора находится в юго-восточной части Тарынского блока на территории Оймяконского района. Ороним образован путем сочетания прил. *кыһыл* ‘красный’ с апеллятивом *хайа* ‘гора’.

Кыһыл Хайа (букв. красная гора). Гора расположена в правобережье реки *Оленёк*, на плато *Кыстык* на территории Булунского района. Ороним образован путем сочетания прил. *кыһыл* ‘красный’ с апеллятивом *хайа* ‘гора’.

Кыһыл Хайа (букв. красная гора). Гора находится в юго-восточной части Среднесибирского плоскогорья, на левом берегу р. *Вилюй* на территории Мирнинского района. Ороним образован путем сочетания прил. *кыһыл* ‘красный’ с апеллятивом *хайа* ‘гора’.

Кыһыл Хайа (букв. красная гора). Гора на севере Янского плоскогорья на территории Верхоянского района. Ороним образован путем сочетания прил. *кыһыл* ‘красный’ с апеллятивом *хайа* ‘гора’.

Кыһыл Хайа (букв. красная гора). Гора расположена северо-восточнее кряжа *Сүрэх Дьаангы*, на правом берегу нижнего течения р. *Анабар* на территории Анабарского района. Ороним образован путем сочетания прил. *кыһыл* ‘красный’ с апеллятивом *хайа* ‘гора’.

Кыһыл Хайа (букв. красная гора). Гора находится в юго-западной части Осалинского кряжа на территории Верхнеколымского района. Ороним образован путем сочетания прил. *кыһыл* ‘красный’ с апеллятивом *хайа* ‘гора’.

Кыталык Хапчабайа (букв. ущелье лебедя). Гора расположена на Янском плоскогорье, северо-восточнее гор *Орто Сис* на территории Верхоянского района. Название оронима состоит из двух компонентов: сущ. *кыталык* ‘лебедь’ и апеллятива *хапчабай* ‘ущелье’.

Кыччыгый Хайа (букв. маленькая гора). Гора находится на востоке Вилуйского плато на территории Олёнокского района. Название образовано путем присоединения прил. *кыччыгый* ‘маленький’ и апеллятива *хайа* ‘гора’.

Кыыллаах Хайа (букв. лосиная гора). Гора на северном склоне кряжа Чекановского на территории Булунского района. Название образовано путем присоединения *кыыллаах* ‘лосиный’ (от *кыыл* диал. ‘лось’ + афф. облад. *-лаах*) и апеллятива *хайа* ‘гора’.

Кыыллаах Хайа (букв. оленья гора). Гора находится на Среднесибирском плоскогорье на территории Олёнокского района. Название образовано путем присоединения *кыыллаах* ‘олений’ (от *кыыл* диал. ‘дикий, северный олень’ + афф. облад. *-лаах*) и апеллятива *хайа* ‘гора’.

Кэбэлээх (букв. с кукушкой). Гора находится в средней части Онёльского хребта на территории Момского района. Название оронима образовано от сущ. *кэбэ* ‘кукушка’ присоединением к нему афф. облад. *-лээх*.

Кэлтэгэй Тааһа (букв. скала [реки] *Кэлтэгэй*). Гора расположена в северной части хребта *Туора Сис*, на правом берегу р. *Лена* на территории Булунского района. Название образовано присоединением к гидрониму *Кэлтэгэй* апеллятива *таас* ‘скала’ с афф. принадл. 3 л *-а*.

Кэнэли Таас (букв. яма на дне озера-скала). Гора расположена в юго-восточной части Селенняхского хребта на территории Усть-Янского района. Название оронима состоит из двух компонентов: сущ. *кэнэли* ‘глубокая яма на дне озера, самое глубокое место в озере’ и апеллятива *таас* ‘скала’.

Кэрдиис (букв. уступ). Гора в Амгинском районе. Название образовано от сущ. *кэрдиис* ‘уступ (берега, горы и т. д.)’.

Кэрдиистэрдээх (букв. со ступеньками). Гора находится в северной части кряжа *Суор Уйата* на территории Нижнеколымского района. Название горы

образовано от сущ. *кэрдис* ‘ступеньки, ступенчатый вид чего-либо’ присоединением к нему афф. облад. -лээх.

Кэрискэ (букв. прибрежная гора). Гора расположена в средней части Момо-Селенняхской впадины на территории Усть-Янского района. Ороним образован от апеллятива *кэрискэ* ‘прибрежная гора; горы, расположенные подряд’.

Кыыс Хайа (букв. девушка-гора). Гора находится в Центральной части Приленского плато, на правом берегу р. *Лена* на территории Олёкминского района. Название оронима состоит из двух компонентов: сущ. *кыыс* ‘девушка’ и апеллятива *хайа* ‘гора’.

Лабыкта (букв. ягель). Гора находится в центральной части Окраинного хребта на территории Верхоянского района. Название образовано от сущ. *лабыкта* ‘лишайник “олений мох”; ягель’.

Лабыкта (букв. ягель). Гора расположена южнее хребта Удокан на территории Нерюнгринского района. Название образовано от сущ. *лабыкта* ‘лишайник “олений мох”; ягель’.

Липпэлээх (букв. с озерным торфом). Гора находится на севере Янского плоскогорья, юго-восточнее гор *Арбаа Ынах* на территории Верхоянского района. Свое название гора получила по одноименному озеру.

Лооглоор (букв. холм). Гора расположена в средней части Центральнаякутской равнины на территории Вилуйского района. Ороним образован от апеллятива *лооглоор* ‘холм, холмик, бугор’.

Лонтохо (букв. гора). Гора находится на юго-западе кряжа Чекановского на территории Булунского района. Ороним образован от апеллятива *лонтохо* (диал.) ‘гора; горный хребет’.

Маарыйа Алааһа (букв. алас *Маарыйы*). Название аласа образовано путем сочетания антропонима (жен. имени) (рус. *Мария*) и апеллятива *алаас* ‘алас’ с афф. принадл. 3-го л. -а.

Маѳан (букв. белый). Гора расположена на Янском плоскогорье, северо-восточнее гор *Орто Сис* на территории Верхоянского района. Название оронима образовано от прил. *маѳан* ‘белый’.

Маџан (букв. белый). Гора находится юго-западнее гряды *Киһилээх* на территории Верхоянского района. Название оронима образовано от прил. *маџан* ‘белый’.

Маџан Таас (букв. белая скала). Гора расположена в восточной части Полоусного кряжа на территории Аллаиховского района. Название образовано присоединением к прил. *маџан* ‘белый’ апеллятива *таас* ‘скала’.

Маџан Тумул (букв. белый мыс). Гора расположена в юго-восточной части Яно-Индибирской низменности на территории Аллаиховского района. Ороним составными компонентами включает прил. *маџан* ‘белый’ и апеллятив *тумул* ‘мыс’.

Маџан Туос (букв. белая береста). Гора на Колымской низменности, южнее Маган-Тасской возвышенности на территории Среднеколымского района. Название образовано сочетанием прил. *маџан* ‘белый’ и сущ. *туос* ‘береста’.

Маџан Хайа (букв. белая гора). Гора юго-восточнее Анабарского плато, на правом берегу р. Оленёк на территории Оленёкского района. Ороним составными компонентами включает прил. *маџан* ‘белый’ и апеллятив *хайа* ‘гора’.

Маџан Хайа (букв. белая гора). Гора в центральной части Нельгесинского хребта на территории Верхоянского района. Ороним составными компонентами включает прил. *маџан* ‘белый’ и апеллятив *хайа* ‘гора’.

Маџан Хайа (букв. белая гора). Гора расположена на территории Колымского района. Ороним составными компонентами включает прил. *маџан* ‘белый’ и апеллятив *хайа* ‘гора’.

Маџан Хайа (букв. белая гора). Гора на севере Янского плоскогорья, восточнее гор Орто Сис на территории Верхоянского района. Ороним составными компонентами включает прил. *маџан* ‘белый’ и апеллятив *хайа* ‘гора’.

Маџан Хайа (букв. белая гора). Гора в Булунском районе. Ороним составными компонентами включает прил. *маџан* ‘белый’ и апеллятив *хайа* ‘гора’.

Маџан Хайа (букв. белая гора). Гора расположена в восточной части Оймяконского нагорья на территории Оймяконского района. Ороним составными компонентами включает прил. *маџан* ‘белый’ и апеллятив *хайа* ‘гора’.

Маџан Хайа (букв. белая гора). Гора в Верхоянском районе. Ороним составными компонентами включает прил. *маџан* ‘белый’ и апеллятив *хайа* ‘гора’.

Манган Таас (букв. белая скала). Гора находится в восточной части Алазейского плоскогорья на территории Средколымского района. Название образовано от сочетания прил. *манган* ‘белый’ и апеллятива *таас* ‘скала’.

Мас Хайа (букв. дерево-гора). Алас находится в Мегино-Канагаласском районе. Название образовано от *мас* ‘дерево’ и *хайа* ‘гора’, т. е. гора, покрытая лесом.

Мастаах Сииһэ (букв. хребет [реки] *Мастаах*). Гора расположена в восточной части Яно-Индигирской низменности на территории Аллаиховского района. Название образовано присоединением к гидрониму *Мастаах* апеллятива *сис* ‘хребет’ с афф. принадл. 3 л -э.

Мастаах Таас (букв. имеющая лес скала). Гора находится в центральной части кряжа *Улахан Сис*, на правом берегу р. *Куһаџан Үрэх* на территории Среднеколымского района. Название образовано путем присоединения компонентов *мастаах* ‘лесистый’ (от *мас* ‘лес’ + афф. облад. -*лаах*) и *таас* ‘скала’.

Молдьобой (букв. холм). Гора в Верхневиллюйском районе. Название горы образовано от *молдьобой* ‘1) отдельная выпуклость на склоне чего-либо; 2) холм; пригорок’.

Мохсоџол (букв. сокол). Гора на территории Оленёкского района. Название образовано от сущ. *мохсоџол* ‘сокол-сапсан’.

Мохсоџол (букв. сокол). Гора находится в отрогах кряжа Чекановского на территории Булунского района. Название образовано от сущ. *мохсоџол* ‘сокол-сапсан’.

Мөтөџөр (букв. выпуклый). Гора расположена в центральной части Приленского плато, на левом берегу р. Лена на территории Олекминского района. Название произошло от прил. *мөтөџөр* ‘выпуклый’.

Муус Хайа (букв. ледяная гора). Гора расположена в хребте *Сунтаар Хайата* на территории Оймяконского района. Название образовано от сочетания прил. *муус* ‘ледяной’ и апеллятива *хайа* ‘гора’.

Муус Хайа (букв. ледяная гора). Гора находится на северо-восточном склоне гор Ангардам Тааһа на территории Булунского района. Название образовано от сочетания прил. *муус* ‘ледяной’ и апеллятива *хайа* ‘гора’.

Мыраан (букв. гора). Гора на территории Кобяйского района. Ороним образован от апеллятива *мыраан* ‘гора’.

Наттара Тоҕойо (букв. мыс *Наттары*). Название аласа образовано путем сочетания антропонима *Наттара* и апеллятива *алаас* ‘алас’ с афф. принадл. 3-го лица *-о*.

Нэлэгэр (букв. широкий). Гора расположена в южной части Приленского плато на территории Олекминского района. Название произошло от прил. *нэлэгэр* ‘широкий’.

Нэлэгэр (букв. широкий). Гора находится в северо-западной части кряжа Чекановского на территории Булунского района. Название произошло от прил. *нэлэгэр* ‘широкий’.

Ойуун Сыһыыта (букв. поле шамана). Название поля образовано из двух компонентов: сущ. *ойуун* ‘шаман’ и апеллятива *сыһыы* ‘поле’ с афф. принадл. 3-го лица *-та*.

Олохтоох (букв. с гольцами). Гора в Момском районе. Ороним образован от апеллятива *олох* (диал.) ‘гольцы’.

Оппуохайалаах Хайа (букв. известковая гора). Гора находится в Хангаласском районе. Название образовано сочетанием компонентов *оппуохалаах* ‘известковый’ (от сущ. *оппуоха* + афф. облад. *-лаах*) и *хайа* ‘гора’.

Отоһут Толооно (букв. долина знахаря). Название долины образовано из двух компонентов: *отоһут* ‘знахарь’ и *толоон* ‘долина’ с афф. принадл. 3-го лица *-о*.

Охлопков Очуоһа (букв. утес Охлопкова). Гора в Сунтарском районе. Название горы образовано путем сочетания антропонима (фамилия) *Охлопков* и апеллятива *очуос* ‘утес’ с афф. принадл. 3-го лица *-а*.

Саал Хайа (букв. загривок-гора). Гора находится на территории Чурапчинского района. Название оронима состоит из двух компонентов: сущ. *саал* ‘загривок у лошади’ и апеллятива *хайа* ‘гора’.

Сиибиктэ Хайата (букв. гора хвоща). Гора в Сунтарском районе. Название горы образовано из двух компонентов: сущ. *сиибиктэ* ‘хвощ’ и апеллятива *хайа* ‘гора’ с афф. принадл. 3-го лица *-та*.

Суопка (букв. булгуннях). Булгуннях находится на территории Анабарского района. Название оронима ообразовано от апеллятива *суопка* (диал.) ‘булгуннях, холм, бугор’.

Сүрэх (букв. сердце). Название аласа образовано от апеллятива *сүрэх* (перен.) ‘географический объект, стоящий обособленно’.

Сырай Хайа (букв. лицо-гора). Гора в Олекминском районе. Название оронима состоит из двух компонентов: сущ. *сырай* ‘1) лицо; 2) видимая наклонная поверхность, видимый склон высокой местности, горы’ и апеллятива *хайа* ‘гора’.

Сыһыы (букв. поле). Названи луга образовано от апеллятива *сыһыы* ‘поле’.

Таабыр Хайата (букв. гора стойбища кочевников). Гора находится в Верхневилуйском районе. Название оронима образовано присоединением к *таабыр* апеллятива *хайа* ‘гора’ с афф. принадл. 3 л *-та*.

Таас Хоспох (букв. скала-кладовка). Название оронима состоит из двух компонентов: сущ. *таас* ‘скала’ и апеллятива *хоспох* ‘кладовка’. Есть поверье, что скала соединяет разлучившиеся сердца влюбленных, так как состоит из двух соединяющихся в единое целое частей.

Таналайдаах Хайа (букв. гора с нёбом). Гора в Чурапчинском районе. Название горы образовано путем сочетания двух компонентов: *таналай* ‘1) нёбо; 2) ступенчатый вид чего-л. (напр., снежного покрова, горы) и *хайа* ‘гора’.

Титиктээх Толооно (букв. долина [местности] *Титиктээх*). Ороним образован присоединением к топониму *Титиктээх* апеллятива *толоон* ‘долина’ с афф. принадл. 3-го л. *-о*.

Тигтэйбит Толооно (букв. долина поспешившего). Название включает компоненты *тиэтэйбит* (от *тиэтэй*- ‘спешить’ + афф. прич. прош. вр. *-бит*) и апеллятив *толоон* ‘долина’ с афф. принадл. 3-го л. *-о*.

Тобой (букв. изгиб). Название аласа образовано от апеллятива *тобой* ‘извилина, изгиб’.

Толоон (букв. долина). Название долины образовано от апеллятива *толоон* ‘долина’.

Томтор (букв. возвышенность на поле). Название аласа образовано от апеллятива *томтор* ‘холм, возвышенность на поле’.

Тонгонох (букв. локоть). Название аласа образовано от апеллятива *тонгонох* (перен.) ‘изгиб’.

Төбүрүүн (букв. лишай). Название аласа образовано от апеллятива *төбүрүүн* (перен.) ‘географическое образование округлых очертаний’.

Тумул (букв. мыс). Название аласа образовано от апеллятива *тумул* ‘мыс; выступ’.

Тулааах Булгуннях (букв. одинокий булгуннях). Булгуннях находится на территории Верхоянского района. Название образовано от сочетания прил. *тулааах* ‘одинокий’ и апеллятива *булгуннях* ‘булгуннях’.

Туллубут Алааһа (букв. алас отделившегося). Название включает компоненты *туллубут* (от *тулун*- ‘отделяться’ + афф. прич. прош. вр. *-бут*) и апеллятив *алаас* ‘алас’ с афф. принадл. 3-го л. *-а*.

Туран (букв. солончак). Название аласа образовано от сущ. *туран* ‘солончак’.

Тыымпы (букв. озеро в лесу с узкой береговой полосой). Название аласа образовано от сущ. *тыымпы* ‘озеро в лесу с узкой береговой полосой’ [Монастырёв].

Тэйгээнчэ Тобойо (букв. мыс *Тэйгээнчэ*). Название долины образовано путем сочетания антропонима *Тэйгээнчэ* и апеллятива *тобой* ‘мыс’ с афф. принадл. 3-го лица *-о*.

Тэмэрдий Алынаба (букв. поляна *Тэмэрдий*). Название поляны образовано путем сочетания антропонима *Тэмэрдий* и апеллятива *алынах* ‘поляна’ с афф. принадл. 3-го лица *-а*.

Удабан Алааһа (букв. алас удаганки). Название аласа состоит из двух компонентов: сущ. *удабан* ‘удаган’ и апеллятива *алаас* ‘алас’ с афф. принадл. 3-го л. *-а*.

Уһуутуур Алааһа (букв. алас вздыхающего). Название включает компоненты *уһуутуур* (от *уһуутаа*- ‘вздохнуть’ + афф. прич. наст. вр. *-уур*) и апеллятив *алаас* ‘алас’ с афф. принадл. 3-го л. *-а*.

Үнкүр (букв. озеро с крутыми обрывистыми берегами). Название аласа образовано от сущ. *үнкүр* ‘озеро с крутыми обрывистыми берегами’.

Хадаар (букв. скала, утес). Название аласа образовано от апеллятива *хадаар* ‘скала, утес’.

Халтан Таас (букв. голая скала). Скала находится в Усть-Янском районе. Название *Халтан Таас* образовано сочетанием прил. *халтан* ‘лысый’ и апеллятива *таас* ‘скала’.

Хочо (букв. долина). Название долины образовано от апеллятива *хочо* ‘долина’.

Чочума (букв. бугорок). Гора находится в Амгинском районе. Название оронима образовано от апеллятива *чочума* ‘небольшое возвышение, неровность на поверхности земли; бугорок’.

Ыарыппыт Тумула (букв. мыс заболевшего). Название включает компоненты *ыарыппыт* (от *ыарый*- ‘болеть’ + афф. прич. прош. вр. *-быт*) и апеллятив *тумул* ‘мыс’ с афф. принадл. 3-го л. *-а*.

Ыныыр Таас (букв. седло-скала). Название скалы образовано от *ыныыр* ‘часть сбруи – сиденье, укрепляемое для езды на спине животного, седло’ и апеллятива *таас* ‘скала’.

Эбэ (букв. бабушка). Название аласа образовано от сущ. *эбэ* ‘бабушка; почитаемый орографический объект’.

Эбэ Хайа (букв. бабушка-гора). Гора в Анабарском национальном районе. Ороним образован сочетанием сущ. *эбэ* бабушка; почитаемый орографический объект' и апеллятива *хайа* 'гора'. Жители Саскылаха считают эту гору точной предсказательницей погоды: если при ярком солнечном свете она словно исчезает — это к ненастью и плохой погоде.

Эдэр Булгуннях (букв. молодой булгуннях). Булгуннях в Чурапчинском районе. Ороним образован путем присоединения прил. *эдэр* '1) молодой, юный; 2) орографический объект, возникший, появившийся недавно' и апеллятива *булгуннях* 'булгуннях'

Этэнкэстэр Алаастара (букв. алас Этенкесов). Название аласа произошло от сочетания фамилии *Этэнкэстэр* и апеллятива *алаас* 'алас' присоединением к нему афф. мн. ч. *-лар* и афф принадл. 3 л. *-а*.

Приложение 5. Список информантов

1. Борисова А. Г., 1960 г.р., Хоптогинский наслег Чурапчинского района
2. Бурцева А. А., 1965 г.р., Хоптогинский наслег Чурапчинского района
3. Жирков Н. В. 1965 г. р., Хоробутский наслег Мегино-Кангаласского района
4. Корякин А. Е., 1959 г.р., Хоптогинский наслег Чурапчинского района
5. Ноговицын С. С., 1953 г.р., Мугудайский наслег Чурапчинского района
6. Петухова Л. П., 1958 г.р., Борогонский наслег Усть-Алданского района
7. Пинигина А. А., 1979 г.р., город Якутск
8. Платонов П. С., 1995 г.р., Амгинский наслег Амгинского района
9. Попов И. П., 1959 г.р., Алагарский наслег Чурапчинского района
10. Потапов Я. Я., 1953 г.р., Борулахский наслег Верхоянского района
11. Потапова Т. С., 1958 г.р., Борулахский наслег Верхоянского района
12. Потапова Е. А., 1995 г. р., Адычинский наслег Верхоянского района
13. Седалищев Г. И., 1977 г.р., Харбалахский наслег Таттинского района
14. Собакин А. А., 1935 г.р., Хоптогинский наслег Чурапчинского района
15. Собакина М. П., 1938 г.р., Хоптогинский наслег Чурапчинского района
16. Стручкова М. В., 1958 г.р., г. Верхоянск Верхоянского района
17. Стручкова П. П., 1956 г.р., Эгинский наслег Верхоянского района
18. Тарасов Н. П., 1930 г.р., Хоптогинский наслег Чурапчинского района
19. Тарбахов Е. М., 1962 г.р., Хоптогинский наслег Чурапчинского района
20. Федорова Т. И., 1941 г.р., Харбалахский наслег Таттинского района
21. Федотов М. А., 1995 г.р., город Якутск
22. Шишигин Н. М., 1976 г. р., поселок Нижний-Бестях Мегино-Кангаласского района.